This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

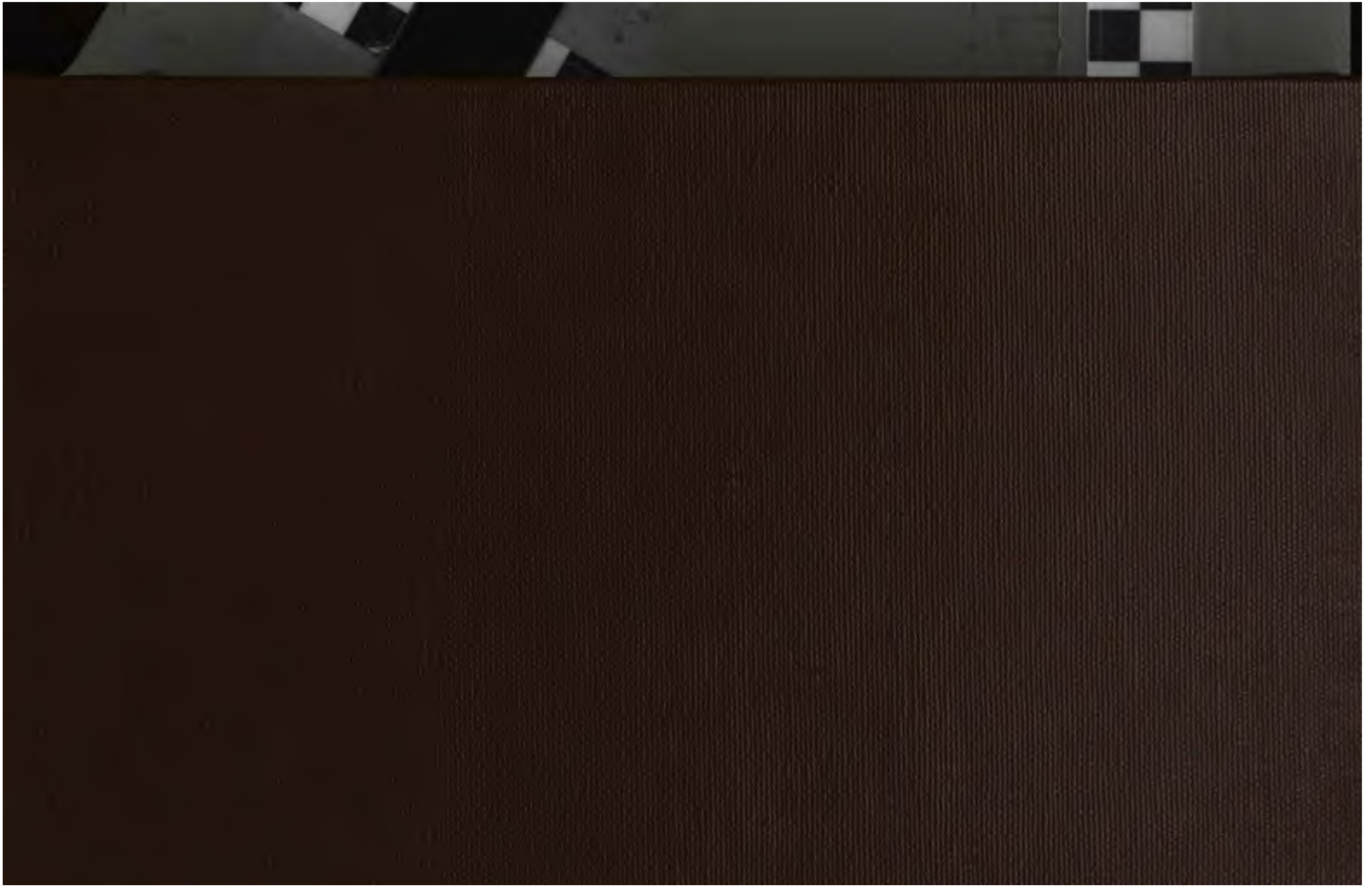
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Береговая почтовая станція.

Nemirovich-Danchenko, V. I.
4
94
77-50 e

СТРАНА ХОЛОДА.

ВИДѢННОЕ И СЛЫШАННОЕ.

В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

Бѣлое море. — Мурманъ и сѣверная Норвегія. — Лапландія. — Новая Земля. — Вайгачъ. — Племена глухаго угла.

СЪ 25 РИСУНКАМИ Н. Н. КАРАЗИНА.

115 96

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Гостиный дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА. Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

1877.

ИВАНОВО
Средняя Школа № 32
БИБЛИОТЕКА

DK501
N4

ТИПОГРАФІЯ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, Д. № 59)

БѢЛОЕ МОРЕ.

ОТПЛЫТІЕ ИЗЪ АРХАНГЕЛЬСКА.

Бѣлое море.—Плаваніе въ туманѣ.—Крушенія судовъ.—Какъ вымираютъ люди на сѣверныхъ островахъ.

Мурманъ и русская Лапландія давно манили меня въ малоизслѣдованную глушь своихъ пустынь, въ тѣ горныя и прибрежныя захолустья, гдѣ сѣверная природа поражаетъ туриста своимъ мрачнымъ величіемъ. Я еще прежде ознакомился съ этимъ краемъ, по разсказамъ промышленниковъ-поморовъ, и передо мною, словно въ-явь, часто рисовались каменные валы кольскихъ береговъ, оглашаемыхъ только ропотомъ вспѣненныхъ валовъ, рѣзкимъ крикомъ чаекъ и рыданьями гагаръ. Не меньше интересовали меня первыя поселенія, испещряющія теперь карту западной части Мурмана, та колонизація этой далекой стороны, о которой очень много говорилось и писалось въ послѣднее время. Хотѣлось на мѣстѣ видѣть жизнь смѣлаго и предпріимчиваго помора-рыболова въ его лѣтнемъ становьѣ, отважнаго колониста, русскаго, финна или норвежца—все равно, въ его плохо на первый случай сколоченномъ домѣ или въ черной землянкѣ. А тамъ дальше—раскрывалась заманчивая даль, свѣжая горная и лѣсная глушь, никому неизвѣстная точно, никѣмъ не занесенная на карты, гдѣ неутомимо борется съ нищетою и кулачествомъ честный и мирный труженикъ сѣвера—лопарь. Великолѣпныя озера Лапландіи, ея порожистыя рѣки, величавыя панорамы каменныхъ вершинъ, водопады, погосты инородцевъ съ ихъ своеобразнымъ бытомъ—обѣщали много новыхъ впечатлѣній, манили въ ихъ таинственную даль. Я подготовлялся къ поѣздкѣ, изучая все извѣстное о дальней полярной окраинѣ Кольскаго полуострова, когда въ іюлѣ 1873 года мнѣ представился случай осуществить свои планы, отправившись до норвежскихъ городовъ Варде-хузъ и Вадсъ-э на пароходѣ срочнаго Бѣломорско-мурманскаго товарищества «Качаловъ», а оттуда уже на лодкахъ по становищамъ Мурмана и

пѣшкомъ—внутри Лапландіи. При этомъ мнѣ пришлось ознакомиться съ безурядицей названнаго пароходства. Выданный мнѣ билетъ на пароходъ «Качаловъ» нужно было предъявить управляющему товариществомъ. Судя по газетнымъ объявленіямъ, я думалъ, что контора его помѣщается не далеко. Ѣду туда — оказывается, что она давно уже переведена въ другое помѣщеніе, на противоположномъ концѣ города. Разумѣется, объ этомъ никому объявлено не было. Отправляюсь по адресу—новый сюрпризъ: контора перемѣнила квартиру. Нужно ѣхать опять назадъ. Пріѣзжаю, въ полной увѣренности, что здѣсь конецъ всѣмъ моимъ мытарствамъ, но, увы! за два только дня управляющій перебрался въ Соломбалу—опять на другомъ краю Архангельска. Тамъ тоже меня посылали отъ дома къ дому, изъ одной улицы въ другую и, наконецъ, уже подъ вечеръ, я нашелъ обѣтованную землю послѣ десятичасоваго скитальчества подъ дождемъ, промочившимъ меня до костей. Начало, какъ видите, обѣщало мало хорошаго.

Отъѣздъ былъ назначенъ на 20 іюля. Рано утромъ я собрался и отправился на пароходную пристань, торопясь, чтобъ не опоздать. Пріѣзжаю — пары не разведены, въ конторѣ ни души, какой-то сонный парень чиститъ палубу, да у самыхъ кожуховъ, растянувшись, спитъ матросъ, аппетитно похрапывая; у закрытыхъ дверей каюты перваго класса груда мусора.

— Что это значитъ? Вѣдь, черезъ два часа пароходъ отходитъ?

— А вамъ чего? лѣниво спрашиваетъ меня парень въ кожаномъ передникѣ.

— На пароходъ.

— На пра-ходъ!.. Такъ-съ... только, чтожь вамъ дѣлать у насъ ноне?

— Какъ что дѣлать? я ѣду на Мурманъ.

— Такъ пожалуйте двадцать четвертаго.

— Да вы надо мной смѣетесь? Вотъ объявленіе.

— Что жь, что объявленіе! Безъ матросовъ никуда не уйдешь. А у насъ ни одного матроса нѣтъ. Всѣхъ управляющій новый прогналъ. Потому народъ, при прежнемъ-то набалованный, работать лѣнится; ну онъ ихъ и прошарилъ. Таперича отъ вышняго начальства дозволенія ждетъ—взять пока военныхъ матросовъ съ парохода «Самоѣдъ». Много сегодня пріѣзжало пассажировъ!.. Иные-прочіе ругались даже.

Пришлось опять тащиться назадъ, проклиная товарищество и его оригинальные, ни на что не похожіе порядки.

Наконецъ, 24 іюля, еще издали я увидѣлъ сѣроватую полосу дыма, клубившагося изъ трубы парохода. Толпы народа на пристани, гулъ и говоръ охватили меня тою бодрящею суетой отъѣзда, которая приходится по душѣ истинному цыгану-туристу. День былъ жаркій и

ясный. Обыкновенно сонная гавань Архангельска поражала необычайнымъ оживленіемъ. Рядомъ съ пароходомъ строилась громадная парусная шкуна; оттуда доносились стукъ молотковъ и смѣлые мотивы поморскихъ пѣсенъ. Вдали чернѣлъ цѣлый лѣсъ мачтъ. Всевозможныя суда, начиная отъ неуклюжаго ливерпульскаго „угольщика“ и кончая колоссальными англійскими пароходами, тутъ же грузившимися съ барокъ, загромождали зеркальную поверхность Сѣверной Двины. Въ толпѣ, окружавшей пароходъ „Качаловъ“, слонялись иностранные матросы и порою изъ общаго гула выхватывались звонкій крикливый фальцетъ итальянца и хриплая солидная ругань подгулявшаго британскаго шкипера. Тутъ молчаливо смотрѣли на приготовленія наши къ отъѣзду норвежцы, а тамъ, въ веселой толпѣ гамбургскихъ судорабочихъ, мелкою, подмывающею дробью раскатывался брюшной, самодовольный хохотъ шкипера, мѣдно-красное лицо котораго, опаленное лучами солнца подъ всѣми широтами, сіяло на этотъ разъ особенно торжественно. Да и немудрено. Подъ руку съ морскимъ волкомъ вертѣлась какая-то поношенная дѣвица, объяснявшаяся съ мудрыми нѣмцами на варварскомъ, необыкновенномъ нарѣчіи, нелишенномъ, впрочемъ, энергіи и апломба, благодаря обильно уснащавшимъ его пряностямъ. Изъ группы русскихъ сыпались трехэтажныя слова и только военные матросы, временно взятые на пароходъ „Качаловъ“, исполняли свое дѣло съ тою молчаливою сдержанностью, которая вездѣ и всегда характеризуетъ нашихъ моряковъ на службѣ.

Но лучше всего были окружавшія насъ граціозныя, кокетливыя шхуны, каждою своею снастью, каждымъ оттѣнкомъ отражавшіяся въ водѣ. На нѣкоторыхъ не оказывалось ни души. На другихъ, только-что приплывшихъ, неподвижно, словно каменные, стояли таможенные досмотрщики, да шаловливо суетились юнги. На одномъ изъ ближайшихъ судовъ показалась было всклоченная черная голова кока *) изъ негровъ, тотчасъ же обратившая на себя вниманіе прекраснаго пола, столпившагося на пристани. Разумѣется, посыпались интересныя замѣчанія, обнаруживавшія глубокое знаніе этнографіи и антропологіи. Ближе всего къ «Качалову» стоялъ «Самоѣдъ», военный корветъ превосходной конструкціи, почему-то убранный едва шевелившимися флагами, на мачтахъ и снастяхъ.

Полюбовавшись на яркую и суетливую панораму гавани, я обратился къ пароходу. «Качаловъ» вышелъ изъ фабрики Митчеля и Комп., считающейся одною изъ лучшихъ, хотя и самою дорогою въ мірѣ.

---

*) Кокъ — на суднѣ и на пароходѣ — поваръ. Названіе это принято и на нашихъ поморскихъ судахъ.

Дѣйствительно, пароходъ былъ сдѣланъ очень изящно и въ другихъ водахъ оказывался бы превосходнымъ паровымъ судномъ. Тѣмъ непріятнѣе было видѣть на немъ всю мерзость запустѣнія, оставленную прежнимъ управленіемъ въ наслѣдство новому. Котлы были видимо неисправны. Винты свободно ходили и двигались, клапаны расшатались, вода сочилась, откуда ей вовсе не слѣдовало сочиться, два компаса показывали сѣверъ въ противоположныхъ направленіяхъ.

— Котлы-то несовсѣмъ надежны, обратился я къ одному изъ пайщиковъ товарищества, бывшему тутъ же.

Онъ добродушно засмѣялся мнѣ въ отвѣтъ и снисходительно потрепалъ меня по плечу, точно я сказалъ какую-нибудь наивную глупость.

— Никто, какъ Богъ! Забыли развѣ, что безъ воли Его ни единаго волоса... Всѣ подъ Нимъ ходимъ. Охъ! То-то оно, о механикѣ думаемъ, а про Господа Вседержителя забываемъ. А вы на Него, на Отца небеснаго, уповайте... Противъ всякой вторы *) — Его покровъ и защита... Уповайте!..

— Большой пароходъ упованіе-то ваше не спасло.

Лицо патріарха разомъ приняло серьезное выраженіе.

— А я что же говорилъ? Будьте такъ добры, позвольте узнать, что же я-то говорилъ? На «Алексіи» шкиперомъ-то кто былъ? Иновѣрецъ! Онъ и икону-то, нашу матушку казанскую, изъ своей каюты приказалъ вынести... Она и не стерпѣла. Нѣтъ, *ты* думалъ это такъ? Это, братъ, премудрость. Тутъ подумать надо! завертѣлъ онъ около лба перстами.—Ты на механику свою надѣешься, паромъ пущаешь... паромъ!.. И онъ началъ уже подозрительно посматривать на меня, точно я проповѣдывалъ ему какую-нибудь разрушительную теорію. — Нн—ѣтъ... ты паромъ-то погоди пущать. Паромъ всего не обнимешь. Я десять годовъ на шкункѣ хожу и шкунка-то, что собачонка соломбальская, плюнуть только, да! Паромъ-то она не попыхиваетъ, а все божьимъ произволеніемъ держится. Какія погоды бывали — страсть!.. А ты, паромъ, думалъ! Нѣтъ, ты скажи, передъ дорогой-то молебны служилъ, аль нѣтъ?.. Вашего брата, Ирода, въ воду бы... бормоталъ онъ, уже отходя отъ меня. Котлы! Нѣтъ, у тебя крестъ-то на шеѣ виситъ ли?..

Потерпѣвъ фіаско, я уже не сталъ никому сообщать своихъ опасеній. Впрочемъ, пассажировъ отчасти успокоило и то, что на этотъ разъ, вмѣсто капитана, шелъ управляющій пароходствомъ, А. І. Мильбахъ, которому сѣверныя воды извѣстны, какъ свои пять пальцевъ.

---

*) Втора — бѣда; мѣстное поморское слово.

— А онъ паромъ думалъ! раздавался издали негодующій голосъ въ толпѣ поморовъ. — Противъ Бога паромъ пущать вознамѣрился. Какъ и не пропасть съ такимъ народомъ!

— Народъ ноне, я тебѣ скажу, самый искаріотскій! слышался сочувственный отвѣтъ.

— Нѣтъ, ты подумай: противъ Господа, творца небеснаго — паромъ попыхиваетъ.

Толпа у пристани все сгущалась; на пароходъ, одни за другими, являлись запоздавшіе пассажиры. Ихъ, впрочемъ, собралось немного: онежскій купецъ и судовладѣлецъ, ѣхавшій въ Норвегію; поморъ изъ Колы, отправлявшійся въ Еретики, въ свою факторію; какой-то допотопный чиновникъ, надоѣдавшій намъ невообразимыми анекдотами самаго клубничнаго свойства. Его куцая и круглая супруга то страдала морскою болѣзнью, то грызлась съ мужемъ. Тутъ же выступала длинная фигура — норвежецъ, занимавшійся нѣкогда акульнымъ промысломъ въ Тириберкѣ, близъ острова Кильдина; морякъ Шабунинъ изъ Колы, тридцать лѣтъ ходившій по Ледовитому Океану, да какая-то сантиментальная дѣвица изъ Архангельска, ѣхавшая на Сосновецъ навѣстить своего отца, смотрителя тамошняго маяка. Впрочемъ, въ качествѣ единственной представительницы прекраснаго пола у насъ на пароходѣ (чиновницу нельзя же было зачислить въ прекрасный полъ), она пользовалась особеннымъ вниманіемъ всѣхъ пассажировъ.

Наконецъ, пароходъ дрогнулъ—и насъ подбросило. Оказалось, что подъ каютою перваго класса находится винтъ. Это былъ несноснѣйшій сосѣдъ, надоѣдавшій намъ хуже пряныхъ анекдотовъ чиновника. Онъ постоянно грохоталъ внизу и, расшатавшись, не вертѣлся, а билъ въ бока своей полости, что, разумѣется, непріятно отзывалось на насъ. Въ высшей степени вѣрно было сдѣланное однимъ знакомымъ сравненіе парохода съ разбитою дурнымъ ѣздокомъ лошадью, на которой послѣ него тяжело ѣхать и завзятому спортсмену. Когда мы вышли на палубу, разстояніе между нами и пристанью все росло, а пестрая толпа на берегу, уменьшаясь и уменьшаясь, слилась, наконецъ, въ одну яркую полосу; эта полоса съуживалась и съуживалась, пока не обратилась въ линію. Наконецъ, и линія пропала. Зато направо и налѣво стояли иностранныя суда, щеголеватые бриги и пароходы, а передъ нами раскидывалась изящная панорама растянувшагося вдоль берега Двины Архангельска съ окрестными селеніями, бѣлыя церкви которыхъ точно висѣли въ синемъ воздухѣ, сверкая своими куполами.

— Кажется, погода сулитъ намъ покойную дорогу? обратился я къ онежскому комерсанту.

— Тьфу! тьфу. . Что это вы, батюшка? Скорѣе плюньте въ море.

— Зачѣмъ? удивился я.

— Какъ зачѣмъ? *Оно* этого не любитъ. Сейчасъ штормъ, и пойдетъ трепать. Я *его* знаю. О *немъ* никогда ничего не говорите. Оно все слышитъ. Вы думаете, въ немъ разума нѣтъ... Оттого мы вашего брата, пасажировъ, на свои поморскія суда и не беремъ. У васъ сейчасъ и пойдутъ: ахъ погода! ахъ море! ахъ воздухъ!.. Ну сейчасъ тучи, вѣтеръ, и почнетъ трепать. Самое неподходящее дѣло море хвалить.

Наконецъ, и Архангельскъ пропалъ, заслоненный извилинами пустынныхъ береговъ, то зеленѣвшихъ мелкимъ лѣскомъ, изъ котораго порой высоко выбѣгали стройныя стрѣлки елей, то ложившихся пустырями, покрытыми блеклою и рѣдкою травой. Скоро пароходъ прошелъ мимо сплошь застроеннаго лѣсопильными заводами острова Маймаксы. Тутъ неподвижно чернѣли въ голубомъ зеркалѣ воды нѣсколько судовъ и пароходовъ, явившихся за досками. Длинные ряды плотовъ тянулись къ берегу, на которомъ ключомъ кипѣла суетливая, трудовая жизнь, двигались толпы народа, гремѣли паровыя машины, виднѣлись десятки лошадей, перетаскивавшихъ бревна къ амбарамъ.

Мы шли теперь рукавами рѣки Двины, которая при устьѣ распадается на множество перепутанныхъ между собой вѣтвей. Главными изъ нихъ считаются мурманское, березовское, маймакское и никольское теченія. Весь сѣверодвинскій лиманъ усѣянъ островами, то лѣсистыми и слегка возвышенными, то низменными, заливаемыми въ водополье. Между ними есть и большіе; на нѣкоторыхъ расположено по нѣскольку селеній, хорошо отстроенныхъ, людныхъ и состоятельныхъ въ экономическомъ отношеніи. На одномъ изъ нихъ бѣлѣютъ бастіоны новодвинской крѣпости, нынѣ совершенно упраздненной. Отъ Архангельска до бара пароходъ шелъ около шести часовъ. Двина все раздвигалась и раздвигалась; скоро лѣвый или лѣтній берегъ пропалъ изъ виду, а правый—зимній (Мезенскій) чуть-чуть мерещился надъ моремъ. Тѣмъ неменѣе, еще можно было разобрать на немъ зеленую щетинку лѣса вверху и едва замѣтную желтую полоску внизу. Мимо насъ проходили корабли и поморскія шхуны. Отъ нечего дѣлать мы слѣдили за ихъ приближеніемъ: показывалась точка, выраставшая въ прямую черточку, черточка удлинялась; вырисовывались бѣлые паруса; затѣмъ оттѣнялся грузный корпусъ судна. Ближе и ближе. Вотъ опредѣлились снасти; вотъ на палубѣ забѣгали матросы. Толстый «каптинъ» машетъ намъ шапкой; мы ему тоже, экипажъ что-то кричитъ—намъ не слышно. Мимо! И опять встрѣченное судно становилось все меньше и меньше, пока черная точка его не пропадала въ противоположной сторонѣ горизонта. И снова свинцовыя волны ходятъ по всему простору, ритмически ударяя о стѣны парохода. У бара «Качаловъ» взялъ немного направо, и передъ нами скоро поднялись створные

маяки Мудьюги — большаго и богатаго селенія, производящаго самостоятельную торговлю съ Норвегіей. Нѣсколько иностранныхъ судовъ стояло тутъ на якорѣ, и пропасть шхунъ и лодей поморской работы чернѣло въ покойныхъ водахъ небольшой салмы. Многіе архангельскіе купцы еще недавно были крестьянами этого села. Самая Мудьюга расположена на островѣ того же имени, на материкомъ берегу. Проливъ между ними называется Сухимъ моремъ, потому что во время отлива онъ обсыхаетъ весь и съ острова можно пройти на материкъ чрезъ морское дно. Стоящія въ проливѣ суда, лодьи и шхуны накреняваются на бокъ и лежатъ такъ, пока ихъ не подыметъ вновь прибывающимъ приливомъ. Салма Сухаго моря между сѣверною оконечностью Мудьюги и матерымъ берегомъ, образующимъ здѣсь длинную Куйскую Косу, называется Желѣзными Воротами. Самъ островъ Мудьюга узокъ и низменъ и, не будь здѣсь большаго маяка, онъ не пользовался бы никакимъ значеніемъ. Фарватеръ въ этихъ переходахъ опасенъ и извилистъ. Направленіе его указываютъ два параллельные ряда буевъ, которые въ осеннія ночи и вообще въ сумерки вовсе незамѣтны, почему въ это время не рѣдкость встрѣтить корабль, бросившій якорь, „заночевавшій“ на фарватерѣ. При небрежности судохозяевъ и невнимательности рулевыхъ и вахты, часто случаются при этомъ столкновенія. Положившійся на произволеніе Господне, корабль идетъ себѣ, идетъ не видя буевъ, и, къ крайнему удивленію своего благочестиваго экипажа, въѣзжаетъ прямо въ корпусъ судна, стоящаго впереди на якорѣ. Къ Мудьюгѣ приходятъ изъ Норвегіи и отсюда отходятъ въ города Вардо, Вадзе, Тромзо, Берлевогъ и Гаммерфестъ, Порсангеръ-фьордъ, островъ Магероэ и др., до ста судовъ всякаго рода, начиная отъ хорошей шхуны и кончая допотопною, по образу и подобію Ноева ковчега сооружаемою лодьей. Невдалекѣ отъ села виднѣется богатое мѣстечко Куя, передъ которымъ стояло на якорѣ нѣсколько судовъ мѣстныхъ капиталистовъ.

Здѣсь почти вовсе не производится рыболовства, зато ежегодно стрѣляютъ и ловятъ въ сѣти морскаго звѣря для добыванія изъ него сала, скупаемаго архангельскими отпускными домами. Въ Бѣломъ морѣ, у его восточныхъ береговъ, ловится нерпа, морской заяцъ, лысунъ, бѣлуха. Нерпу и морскаго зайца стрѣляютъ, бѣлуху ловятъ въ невода особеннаго устройства. Главный же мѣстный промыселъ — добываніе лысуновъ. Вотъ какъ, между прочимъ, описываетъ г. Даниловскій привычки этого животнаго: лысуны начинаютъ жирѣть съ Ильина дня. Съ октября они идутъ въ заливы Сѣвернаго океана и, главнымъ образомъ, въ Бѣлое море. До тѣхъ поръ они проводятъ время въ сѣверныхъ широтахъ полярныхъ морей. Цѣль зимнихъ переселеній лысуна—скрещиваться, рожать дѣтей и кормить ихъ грудью.

Архангельскіе промышленники разсказываютъ, что *кожа*, т. е. стая лысуновъ, гребетъ безчисленными стадами все въ одномъ и томъ же направленіи, изъ окрестностей Новой Земли въ Бѣлое море, мимо Тиманскаго берега. Къ февралю они собираются въ Двинской заливъ, гдѣ около Срѣтенья начинаютъ рожать на льдинахъ. Выводокъ сначала въ воду не ходитъ, потому что на немъ шерсть еще мягка и пушиста. Матери плаваютъ невдалекѣ отъ дѣтей и дѣлаютъ во льду продушины, чрезъ которыя могутъ выходить на тороса *). Въ первую недѣлю своей жизни лысуны-дѣти именуются зеленцами. Скоро желтый оттѣнокъ ихъ шерсти пропадаетъ и по чисто-бѣлому цвѣту ихъ называютъ бѣльками. Шкуры зеленцовъ и бѣльковъ цѣнятся до 3 руб. (по г. Данилевскому отъ 1 р. до 2 р.), но жира въ нихъ еще мало. Недѣли черезъ три или черезъ мѣсяцъ, они начинаютъ линять, кожа становится хуже, шерсть слабо держится и дѣлается клочковатой. Это — хохлуша. Ихъ уже бьютъ для жиру. Къ этому времени ихъ кожа съ саломъ вѣситъ отъ 1 до 1½ пуда. Между тѣмъ, льдины, вслѣдствіе господствующихъ теченій, мало-по-малу отрываются отъ береговъ и относятся къ сѣверу, впрочемъ, весьма медленно; при каждомъ отливѣ подвижной ледъ отходитъ отъ постоянныхъ береговыхъ припаевъ и относится въ море. Съ каждымъ приливомъ его снова приноситъ къ берегу, но уже не къ первоначальному мѣсту, а нѣсколько сѣвернѣе. Въ это время промышленники восточнаго берега Бѣлаго моря сходятся въ становищѣ Кеды, при выходѣ изъ бѣломорскаго горла, у мыса Воронова (находящагося въ 66-ти верстахъ отъ противоположнаго морскаго берега — Терскаго, на Кольскомъ полуостровѣ, если считать это разстояніе до рѣки Сосновки и становища Сосновскаго). Тутъ уже „кожу“ отливомъ относитъ съ Зимняго берега къ Терскому и опять обратно къ острову Моржовцу, находящемуся у входа въ Мезенскій заливъ. Потомъ, лысуны направляются вмѣстѣ съ льдами прямо къ сѣверу, вдоль Канинскаго берега. Дѣтеныши оказываются настолько взрослыми, что могутъ сами ходить въ воду. Они называются сѣрками, такъ какъ шерсть ихъ вылиняла, а вмѣсто нея выросли гладкіе, плотно къ кожѣ прилегающіе волосы сѣраго цвѣта. Сѣрки возвращаются въ Бѣлое море, уже достигнувъ половой зрѣлости. Къ сентябрю они становятся, по мѣстному названію, сѣрцами, а черезъ годъ считаются совершенно взрослыми и обращаются самцы въ лысуновъ, а самки въ утельгъ. Большіе лысуны, оставившіе еще прежде дѣтенышей, въ первыхъ числахъ марта начинаютъ въ Мезенскомъ заливѣ „бѣгаться“. Въ это время они положительно теряютъ сознаніе окружающей ихъ обстановки, такъ что промышленники зачастую однимъ ударомъ убиваютъ и самца и самку.

*) Тороса — льдины

Промысловыя избушки у урочища «Кедовъ.»

Послѣ они отдыхаютъ на льдахъ Мезенскаго залива, занимая своими безчисленными стадами громадныя льдины. Такія юровья лысуновъ извѣстны подъ именемъ залежекъ. Въ Бѣломъ морѣ, какъ только звѣрь сберется въ Двинскую губу, его мѣстные жители стрѣляютъ, почему и самый промыселъ называется *стрѣльнымъ*. *Стрѣльный* періодъ звѣринаго лова начинается съ Николина дня и продолжается мѣсяцъ. Съ окончанія стрѣльнаго періода до Срѣтенья идетъ *выволочный* промыселъ, когда бѣльковъ бьютъ палками съ желѣзнымъ крючкомъ на концахъ, большихъ же лысуновъ стрѣляютъ изъ винтовокъ. Затѣмъ, добычу *выволакиваютъ* на берегъ. Иногда артель промышленниковъ, для того, чтобъ ловче обмануть звѣря, прибѣгаетъ къ хитростямъ. Такъ, они надѣваютъ бѣлые совики (мѣховыя оленьи рубахи шерстью вверхъ), а на голову особеннаго покроя бѣлые колпаки — кукольни. Въ этомъ костюмѣ человѣка трудно отличить отъ поверхности снѣга.

Изъ одного Архангельска отправлено заграницу, въ 1872 году, 17,218 штукъ шкуръ тюленьихъ, тюленьяго сала отпущено туда же въ 1872 году 31,194 пуда. Цифры отпуска колеблются сообразно удачѣ или неудачѣ промысла. Внутрь Россіи сала идетъ весьма немного, зато шкуры преимущественно направляются на отечественные рынки. Изъ нихъ приготовляются подошвы, упряжь, пояса и др. предметы. Въ прошломъ году, здѣсь промыслы были крайне неудачны; особенно же выдаются изобиліемъ добытой съ звѣринаго промысла ворвани годы: 1849, когда заграницу было отправлено 69,000 пуд. ея, 1856 годъ—60,479 пуд., 1846 годъ—55,075 пуд.; въ 1850 году цѣнность добытаго на одномъ кедовскомъ промыслѣ звѣря составляла 100,000 рублей.

А между тѣмъ, «Качаловъ» все подвигался впередъ, минуя Сухое море, Кую, выселокъ Козлы и, наконецъ, уже ночью сталъ на линіи мыса Керецкаго. Тутъ начинались Зимнія Горы, простирающіяся отъ мыса Керецъ до мыса Вепрева, окаймляя этотъ передовой форпостъ восточнаго бѣломорскаго берега; отдѣльныхъ вершинъ нельзя было замѣтить въ полусумеркахъ мглистой сѣверной ночи, мало чѣмъ отличающейся отъ осенняго туманнаго дня, но зато общій видъ дикости этого безлѣснаго края поражалъ насъ своимъ унынiемъ. Вдали совершенно терялись жалкія урочища: Лысуново, Заозерье и Вепрь, въ которыхъ промышленниками понастроены разволочныя избы, и только сѣрая полоса пустыннаго хребта рисовалась передъ ними безлюдная и бездорожная, словно за нею въ непроглядную даль и безразсвѣтную глушь ложилось царство смерти, гдѣ только полярныя вьюги рыдаютъ надъ чьими-то неотпѣтыми могилами. Отсюда по прямой линіи до ближайшаго мѣста Кольскаго полуострова—Тетрина, считается 100, до Яренги 79, а до Канина носа 537 верстъ. Термометръ ночью въ 12 часовъ

упалъ при сѣверномъ вѣтрѣ, весьма, впрочемъ, незначительномъ, на 4°. Температура воды оказалась въ 12° R. Такая разница поразила меня.

На палубѣ послышался какой-то стукъ и звонъ передвигаемой рулевой цѣпи. Пароходъ нѣсколько измѣнялъ свое направленіе. Нужно было взять курсъ на островъ Сосновецъ, гдѣ находился маякъ и куда у насъ были пассажиры. Въ это именно время я разсмотрѣлъ впереди какую-то сѣрую массу, точно надъ водой клубились громады однообразныхъ сѣрыхъ тучъ. Онѣ разстилались по морю, ежеминутно мѣняя свои очертанія.

— Что это, капитанъ?

— Скверная штука, вотъ что. Это паршивое Бѣломорское горло часто удираетъ съ нами такіе фокусы. Нужно вамъ сказать, что мы теперь вступаемъ въ царство тумановъ, крушеній и всяческой мерзости, какая только можетъ встрѣтить судно на морѣ, между двумя полюсами.

Дѣйствительно, Бѣломорское горло (такъ-называется широкій проливъ этого моря между Кольскимъ полуостровомъ и Зимнимъ берегомъ) представляетъ для судовъ и пароходовъ многочисленныя опасности. Это почище Ирландскаго моря. Здѣсь еще въ 1868 году потерпѣло крушеніе до 86-ти судовъ и поморскихъ, и иностранныхъ. Общество поданія помощи при кораблекрушеніяхъ почему-то насчитываетъ ихъ только 142 за весь періодъ съ 1862 по 1871 годъ, причемъ утонуло 99 человѣкъ. Эти цифры не совсѣмъ правдивы. По всей вѣроятности сюда не вошли случаи крушеній небольшихъ поморскихъ раньшинъ, лодей, шнякъ, шхунъ, карбасовъ и др. Съ этимъ мѣстомъ можно только сравнить пространство между Исландіей и Лабрадоромъ. Какъ и тамъ, Бѣломорское горло служитъ весною большою дорогой для ледяныхъ массъ, съ неудержимою силою прорывающихся чрезъ эти дефилеи изъ Бѣлаго моря въ Ледовитый океанъ. Горе раннему судну, которое наткнется на плывущія громады—отъ него не останется ни одной щепки. Стамухи *) разотрутъ его въ пыль. Въ маѣ, иногда даже въ началѣ іюня, здѣсь еще двигаются, зловѣще и медленно, окутанныя туманомъ, колоссальныя, исполосованныя зелеными трещинами льдины, столкновенія съ которыми не выдержитъ ни одинъ корабль. Случалось, что весь выходъ изъ горла заставлялся этими могучими массами. А во время бури, когда море точно борется съ ними, положеніе въ полномъ смыслѣ слова дѣлается ужаснымъ. Одинъ поморъ разсказываетъ, что кругомъ его раньшины скопились

*) Стамухи—ледяные острова, плавающіе по морю. Иногда стамухами называются только тѣ льды, которые скопляются вокругъ подводныхъ камней и лудъ, оставаясь до весны неподвижными.

Пловучіе льды.

ледяныя громады самыхъ причудливыхъ формъ. Онъ даже замѣчалъ отраженіе ихъ на небѣ, въ видѣ бѣловатыхъ пятенъ, когда льды еще были вдалекѣ отъ него. Впрочемъ, то же явленіе наблюдали и другіе путешественники, а Скоресби оставилъ намъ великолѣпное описаніе такой фата-морганы приполярныхъ странъ. Когда судно упоминаемаго нами помора вошло въ ледяные острова, поднялась буря. Волны порою погребали подъ своими высоко вздымавшимися хребтами выступы ледяныхъ громадъ, но спустя мгновеніе, громады эти опять плавно поднимались изъ воды, обливаясь цѣлыми каскадами ея. Судно едва избѣжало опасности, когда въ сорока саженяхъ обвалилась въ воду ледяная масса, нагнавшая такую волну, что раньшину, заливая водой, понесло противъ теченія и вѣтра прямо въ лежавшую верстахъ въ четырехъ бухту.

Пройдутъ льды, очистится большая дорога изъ Бѣломорья въ океанъ и изъ океана въ Бѣломорье—новая бѣда! Начинаются непроницаемые туманы, продолжающіеся по три, по четыре дня, даже по недѣлямъ, пока сильные порывы сѣвернаго вѣтра не разгонятъ сгустившейся надъ моремъ мглы. Всѣ суда здѣсь въ оба конца, для сокращенія времени, идутъ по одному направленію; понятно послѣ того, какъ опасны эти туманы! Звонъ въ корабельный колоколъ, битье въ чугунныя доски на поморскихъ лодьяхъ, свистки на пароходахъ—безсильны предупредить катастрофу. Сигналы слышатъ, но какъ опредѣлить, съ какой стороны они? Положимъ, пароходъ пойдетъ медленнѣе, но въ такомъ случаѣ ему труднѣе будетъ обойти встрѣченное судно, потому что на полномъ ходу онъ скорѣе слушается руля, чѣмъ на тихомъ. Остается одно—идти на удачу, рискуя или самому въѣхать въ носъ жалкаго поморскаго судна, или быть раздвоеннымъ о громадные британскіе пароходы, пробирающіеся къ Архангельску. Будь это въ Англіи, давно здѣсь устроились бы и спасительныя станціи, и маяки съ паровыми свистками для предупрежденія крушеній о суровые и негостепріимные берега Кольскаго полуострова, начиная отъ Пулонги до Святаго Носа. У насъ же, пока, по этому направленію есть только три маяка, и то простые, слѣдовательно, безполезные въ туманѣ, именно: на островахъ Сосновцѣ и Моржовцѣ и на мысѣ Орловѣ, а спасательная лодка находится лишь въ Двинскомъ заливѣ, у острова Мудьюги. Въ Бѣломорскомъ же горлѣ ихъ нѣтъ вовсе. Станцій пока еще нигдѣ не устроено. Мысы: Орловъ, Вороновъ, Инцы и Пулонга, острова Моржовецъ, Три Острова, Даниловъ и Сосновецъ кровавыми чертами вписаны въ исторію нашего мореходства. Даже въ болѣе открытыхъ водахъ, напримѣръ, въ Арктическомъ океанѣ, скопленіе льдовъ бываетъ таково, что за нимъ останавливаются десятки судовъ и стоятъ въ безопасныхъ

гаваняхъ по мѣсяцу и болѣе. Весною 1873 года, пароходъ Бѣломорско-мурманскаго товарищества три раза подходилъ къ Семи-островью и всякій разъ заставалъ здѣсь ледяныя громады, запиравшія ему путь. Одинъ поморъ разсказывалъ, что, въ апрѣлѣ 1869 года, онъ цѣлый мѣсяцъ простоялъ у Конушина Мыса, не зная, куда двинуться среди ледянаго круга, сплошь охватившаго его суденышко, которое оставить ему было жаль. Наконецъ, когда поднялся югозападный вѣтеръ и крушеніе стало неизбѣжно, судохозяинъ и экипажъ спаслись въ избушки, устроенныя для звѣролововъ на этомъ берегу, а судно погибло менѣе, чѣмъ въ полчаса, такъ что отъ него не осталось и слѣда...

Я сошелъ въ каюту. Часа черезъ три мы проснулись; винтъ подъ нами едва вертѣлся, пароходъ, повидимому, шелъ тихимъ ходомъ. Капитанъ поминутно сбѣгалъ внизъ, взглядывалъ на барометръ и озабоченно производилъ девіаціи, по картамъ Рейнеке опредѣляя положеніе корабля. Вверху слышалась суета и бѣготня. Бросали лагъ. Опуская лотъ, слѣдили за измѣненіями глубины. Мы взошли на палубу и я буквально остолбенѣлъ отъ изумленія. То, что представилось мнѣ, было такъ непривычно, необыкновенно, никогда не видано мною. На всемъ безконечномъ просторѣ моря мы не видѣли ничего, кромѣ сѣраго тумана, окутавшаго окрестности. Чуть кто-нибудь изъ насъ отходилъ отъ другаго на нѣсколько шаговъ, онъ исчезалъ вовсе, точно его поглощала какая-то неизмѣримая мглистая бездна. Мы двигались ощупью. Рѣшительно было бы все равно, еслибъ я закрылъ или завязалъ себѣ глаза. Ближайшія части палубы казались какими-то мутными и неопредѣленными. Я попробовалъ взглянуть за бортъ, но, вмѣсто свинцовыхъ валовъ моря съ развѣвающимися по вѣтру бѣлыми гривами пѣны, передъ нами клубилась все та же сѣрая, однообразная масса. Когда туманъ сгущался сильнѣе, термометръ падалъ, на одинъ или на два градуса. Объяснить себѣ этого я никакъ не могъ. Такое же явленіе наблюдается въ полярныхъ моряхъ, когда судно вступаетъ въ туманъ, окутавшій или сопровождающій громадную льдину. Тутъ же льдовъ не было, а между тѣмъ термометръ понижался въ болѣе густомъ и повышался въ разрѣженномъ туманѣ. Признаками нѣсколько разсѣявшейся мглы были сливавшіяся въ какія-то пятна фигуры капитана и рулеваго по срединѣ парохода. Я пошелъ туда, протягивая руки впередъ, какъ будто въ темной комнатѣ, гдѣ тоже бродятъ люди, и дѣйствительно наткнулся на нашего кока.

— Эхъ, скверно!.. Эхъ, мерзко! слышалось оттуда, гдѣ стоялъ капитанъ.—Этакого тумана давно не было, пояснялъ онъ кому-то.

— Но, вѣдь, особенной опасности нѣтъ, робко звучалъ рядомъ чей-то тихій, немного надтреснутый голосъ.

— Какъ нѣтъ! Можно наткнуться на судно или еще хуже... И капитанъ не договорилъ своей мысли.

— А нельзя ли къ берегу взять?.. предложилъ тотъ же робкій голосъ.

— Я вамъ буду очень обязанъ, если вы мнѣ укажете, гдѣ берегъ, раздражительно отвѣтилъ капитанъ.

Пароходъ ежеминутно давалъ рѣзкіе, продолжительные свистки. Они какъ-то назойливо звучали у меня въ ушахъ. Порою, около насъ слышались точно колокола. Мы вздрагивали и замирали. Свистки тогда повторялись чаще. «Что-то будетъ?» думалъ каждый изъ насъ, понимая, что гдѣ-то близко-близко, прямо на нашъ пароходъ, можетъ быть, по тому же курсу, плыветъ парусное судно. Колокола дѣлались слышнѣе и слышнѣе, къ нимъ иногда примѣшивался чей-то пронзительный крикъ, скрипъ и хрясъ чего-то. Наконецъ, звуки проносились рядомъ съ нами, бокъ-о-бокъ. И мы догадывались, что шкуна прошла благополучно, что опасность миновала; на одну или двѣ сажени лѣвѣе—и катастрофа была бы неминуема.

— Ну, мы отъ судна, пожалуй бы, и не погибли!.. слышится голосъ капитана:—а отъ него скорѣе останутся щепки... Вотъ съ пароходомъ, да еще англійскимъ, не дай Богъ встрѣтиться. Плохо... Ахъ, скверно!..

Опять слышатся странные, глухіе звуки, точно кто-то изо всей силы бьетъ въ чугунную доску. Это справа. А слѣва вновь гудятъ колокола. И удары о чугунную доску, и звонъ колокола сливаются въ одинъ дикій хоръ, въ которомъ рѣзко выдѣляются только, словно искры на однообразномъ черномъ фонѣ, свистки парохода.

— Это еще что?

— А то, что молись Богу! говоритъ Г*, и я слышу, какъ нервно дрожитъ его голосъ, только не вижу самого.—За упокой душъ молись!

— Развѣ есть что?

— Молись Богу, говорю. Направо судно идетъ и налѣво судно.

Свистки стали еще отчаяннѣе, словно пароходъ нашъ молилъ о пощадѣ, взывалъ къ кому-то о спасеніи. Звуки все ближе и ближе и, наконецъ, мы проходили между ними, перекликаясь и слыша даже, какъ направо разносится громкая команда и какой-то хриплый голосъ дробится въ прерывистую ругань.

— Ну, слава Богу!.. говоритъ кто-то и гдѣ-то.

Звонокъ. Еще звонокъ. Пароходъ дрогнулъ и остановился.

— Тащи лагъ! гремитъ команда капитана. Зазвенѣла цѣпь, гдѣ-то визгливо проскрипѣло желѣзо.

— Есть! слышится отвѣтъ

— Сколько прошли?

— Восьмнадцать!

— Лотъ!..

— Есть...

— Сколько?

— Тридцать двѣ сажени...

Потянуло опять легкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, разомъ пахнувшимъ на насъ полярнымъ морозомъ. Кое-гдѣ разорвало туманъ и направо показалась широкая полоса, словно корридоръ, по которому летѣли прямо къ пароходу неудержимые табуны вспененныхъ валовъ. Но вотъ корридоръ заволокло вдали, въ самомъ концѣ его. Марь ползетъ по его дефилеямъ... все ближе и ближе... и снова кругомъ одна сѣрая, однообразная пелена какой-то суховатой, неоставляющей по себѣ влажности, мглы. А тамъ, опять свистки, опять звонъ и битье въ чугунную доску...

Наконецъ, все это начало намъ приглядываться. Мы сошли въ каюту. Здѣсь бывалые люди толковали о встрѣчахъ въ туманѣ, о крушеніяхъ у негостепріимнаго берега между Пулонгою и Сосновцемъ. Одинъ цѣлый мѣсяцъ съ своимъ экипажемъ сидѣлъ на рѣкѣ Бабьей, другаго занесло на необитаемый островъ, третій спасся на обломкахъ разбившейся объ иностранный пароходъ лодьи. Ш*. разсказывалъ, какъ въ такой же туманъ его вынесло на жалкой шнякѣ въ океанъ и бросало тамъ съ волны на волну въ теченіе трехъ дней, показавшихся ему за три года. Замѣчательно, что при переходѣ въ каюту намъ какъ-то странно было видѣть лица другъ друга.

— Море извѣстно—измѣна лютая!.. На него положиться нельзя. Только ты зазѣвался—разъ! И читай отходную.

— Картъ хорошихъ нѣтъ, сказалъ кто-то. Всѣ переглянулись и засмѣялись.

— А ты, что съ ей, съ картой подѣлаешь здѣсь. Округъ туманомъ какъ охватитъ, не поможетъ и карта; ты на карту не надѣйся.

— Нѣтъ, острилъ кто-то: онъ на ей, на этой самой картѣ уѣдетъ. Прямо она его въ пристань—на коргу *) доставитъ.

— Все отъ Бога.

— Извѣстно отъ Бога.

— Нѣтъ ничего лучше, какъ на соловецкихъ пароходахъ. Только чуть буря—счасъ молебенъ.

— Такъ тебѣ молебенъ и поможетъ, замѣтилъ поморъ раскольникъ.

---

*) Корга—каменистая банка, открывающаяся при отливѣ. У гребныхъ судовъ коргою называется верхній конецъ фор-штевней.

— Што нѣтъ... Ты, я вижу, тоже съ затылкомъ. Изъ-за васъ, чертей, пропадать приходится!..

Опять начались разговоры о крушеніяхъ; изъ нихъ видно было одно: нечего и думать о сколько-нибудь успѣшномъ плаваніи вдоль нашихъ сѣверныхъ береговъ, пока они не изслѣдованы и съ должною точностью не нанесены на карту. Число крушеній въ сѣверныхъ моряхъ и Ледовитомъ океанѣ объясняется именно тѣмъ, что суда нашихъ промышленниковъ должны идти куда глаза глядятъ, не справляясь съ картой. Вотъ почему Тиманскій, Канинскій и вообще весь Мезенскій берегъ пользуется такою дурною славой. Не то, чтобъ они были недоступны, — нѣтъ! Карское море давно оказывается удобнымъ для плаванія; норвежскій профессоръ Норденшильдъ удобно прошелъ вдоль береговъ Сибири въ Енисейскую губу; главное препятствіе къ развитію плаванія въ томъ, что окраины Ледовитаго моря на югѣ положительно никому неизвѣстны. Правда, существуютъ карты; но это не морскія карты. Съ этими картами ни одинъ судовладѣлецъ не сунется дальше Зимняго берега.

Необходимость гидрографической описи Бѣлаго моря и береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана давно сознавалась всѣми. Такою описью обусловится и удобство непосредственнаго морскаго сообщенія съ Сибирью. Администрація нѣсколько разъ уже ходатайствовала о командированіи съ этою цѣлью для производства работъ особой экспедиціи, но морское министерство не нашло возможнымъ одновременно производить описи въ южныхъ нашихъ моряхъ и сѣверныхъ. Еслибъ наше общество обладало какими-нибудь средствами, а главное, предпріимчивостью, способностью къ почину, оно обошлось бы въ этомъ случаѣ и безъ пособій отъ казны. Къ несчастью, у насъ и богатые люди гораздо болѣе помышляютъ о пріумноженіи своихъ капиталовъ, чѣмъ о дружныхъ усиліяхъ, направленныхъ къ развитію экономическихъ средствъ того района, которому они обязаны своими богатствами. Жилъ, напримѣръ, въ Архангельскѣ, выѣхавшій теперь въ Петербургъ, купецъ Грибановъ, ворочалъ милліонами—а спросите, что онъ сдѣлалъ для Сѣвера? Основалъ ли какое-нибудь учебное или благотворительное заведеніе? далъ ли сѣверу возможность изслѣдовать одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ его будущность?.. Нѣтъ, примѣры благородныхъ капиталистовъ, въ родѣ Пибоди, на насъ не дѣйствуютъ вовсе!

Правительство, впрочемъ, дѣлаетъ пока что можетъ и какъ можетъ. Такъ въ 1872 году, морской офицеръ г. Тягинъ, по распоряженію своего непосредственнаго начальства, производилъ изслѣдованіе Мезенскаго залива, насчетъ купца Русанова. Тотъ же г. Тягинъ осмотрѣлъ на счетъ морскаго министерства Печорскій заливъ. Разумѣется, жела-

Средняя школа № 32 БИБЛИОТЕКА

тельно было бы знать что-нибудь болѣе объ этихъ рекогносцировкахъ; но, какъ слышно, отчетъ изслѣдователя не будетъ вовсе опубликованъ, потому что въ послѣднее время къ печатному обсужденію мѣръ, принимаемыхъ по отношенію къ нашему сѣверу, властные люди относятся весьма и весьма неблагосклонно. Чѣмъ объясняется такое недовѣріе къ печати, всегда сочувственно отзывавшейся объ Архангельской губерніи и ея нуждахъ, всегда поддерживавшей всякое ходатайство, направленное къ преуспѣянію края—неизвѣстно. Поневолѣ собираешь слухи стороной изъ возможно вѣрныхъ источниковъ. Такимъ именно путемъ мы узнали, что комисія, учрежденная по вопросамъ, возбужденнымъ о русскомъ сѣверѣ, пришла къ единогласному заключенію о необходимости вторично ходатайствовать о производствѣ гидрографическихъ описей береговъ Ледовитаго океана. Поморы ждутъ-не дождутся осуществленія этого проекта, который, понятно, развяжетъ имъ руки и дастъ возможность пуститься въ неизвѣстныя нынѣ, но по всей вѣроятности, обильныя морскимъ звѣремъ пространства мало посѣщаемаго океана.

У насъ даже и дешевле стоющія работы не могутъ осуществиться; такъ, напримѣръ, сдѣлано было нѣкогда представленіе о соединеніи телеграфомъ Мудьюжскаго маяка съ Архангельскомъ. Для осуществленія этого проекта необходимо было провести проволоку на пространствѣ 60-ти верстъ, ровномъ, не топкомъ и только въ одномъ мѣстѣ пересѣкаемомъ рѣкой. На этотъ предметъ, однако, не оказалось денегъ, причемъ главнымъ препятствіемъ было отсутствіе въ этихъ мѣстахъ проѣзжихъ дорогъ. Неужели нужна проѣзжая дорога тамъ, гдѣ придется ѣздить одному чиновнику мѣстнаго телеграфа? Дѣло въ томъ, что сообщеніе между этими пунктами нужно было для того, чтобъ своевременно давать знать въ архангельскій портъ грузящимся здѣсь судамъ о высотѣ воды на барѣ. Какъ, по этому случаю, не указать на примѣръ Норвегіи, между сѣверными городами которой часто проѣзжихъ дорогъ не существуетъ, но за то всѣ они связаны между собою телеграфными линіями? Города эти, какъ извѣстно, сообщаются моремъ, которое тамъ не замерзаетъ вовсе.

Я слышалъ, что въ подлежащее мѣсто поступило ходатайство о соединеніи телеграфною линіей Анхангельска съ Онегой. Это, вѣроятно, осуществится скорѣе, во-первыхъ, потому, что между Архангельскомъ и Онегою есть проѣзжая дорога, и, слѣдовательно, для комфортабельныхъ разъѣздовъ телеграфнаго чиновника не предстоитъ никакихъ затрудненій, а во-вторыхъ, потому, что онежская компанія лѣснаго торга согласилась принять на себя львиную долю издержекъ по этому дѣлу.

Около полудня туманъ немного разсѣялся, и мы едва-едва могли разсмотрѣть море въ десяти саженяхъ отъ парохода. Странно, что небо

намъ было видно хорошо, по крайней мѣрѣ, что-то голубѣло надъ нами, тогда какъ солнце мы увидѣли только разъ, да и то минуты на три, въ видѣ красноватаго, слегка дрожавшаго пламени, которое становилось все желтѣе и желтѣе и, наконецъ, совсѣмъ поблекло. На его мѣстѣ нѣсколько времени мерещилось слабое пятно, точно масляное на бумагѣ, поставленной къ свѣту. Нѣсколько разъ прорывался вѣтеръ; какъ-то даже показались береговыя горы, такъ, на одно мгновенье; мы только и успѣли разсмотрѣть, что какую-то сѣрую круглую вершину, выдвигавшуюся въ море, да зубчатую полосу береговъ направо и налѣво отъ нея; потомъ опять все заволокло туманомъ; но этого было уже достаточно, чтобъ опредѣлить положеніе и взять курсъ корабля. Потомъ мы какъ-то близко подошли къ материку, мглу разбросило свѣжимъ вѣтромъ, и ясно, какъ на ладони, передъ нами выступила освѣщенная солнцемъ площадка съ рѣчонкой, сжатой крутыми откосами лѣсистаго берега. Зоркій морякъ Ш* разсмотрѣлъ даже группу точекъ у устья серебристой рѣки и рѣшилъ, что это лопарскія вѣжи. У самаго берега, какъ крыло чайки, нырялъ бѣлый парусъ... Потомъ вновь опустилась сѣрая масса и, словно жидкій кисель, расползлась повсюду. Мѣста становились опаснѣе и опаснѣе; мы выходили на такую дорогу, гдѣ суда почти всѣ держатся одного и того же курса, а туманъ и не думалъ разсѣеваться. Иногда, впрочемъ, онъ приподнимался вверхъ, кругомъ парохода открывался волнистый просторъ зеленаго моря, но тотчасъ же края его съуживались, и насъ опять мгла облекала отовсюду. Туманъ здѣсь или опускается, какъ завѣса, или лежитъ у самой воды, точно разостлавшись по ней. Начинается онъ легкою марью, потомъ эта марь сгущается и образуетъ уже непроницаемую массу.

Налѣво—что-то темное; оно стоитъ на мѣстѣ и словно раздвигается по мѣрѣ нашего приближенія. „Островъ“, говоритъ кто-то, и мы всѣ присматриваемся къ нему, хоть разсмотрѣть мы ничего не разсмотримъ. Точно густая туча во мглѣ—и только.

— Тутъ Водохлѣбова судно разбило, говоритъ одинъ.

— Здорово и Хохлова потрепало здѣсь.

— Нѣтъ, тутъ, годовъ пять назадъ, англійскій пароходъ въ лоскъ положила буря.

Разговоры, какъ видите, велись несовсѣмъ успокоительнаго свойства.

Мы всѣ были уже въ каютѣ, когда наверху зачастили свистки, по палубѣ, надъ нашими головами забѣгали матросы, послышались звонки тихаго хода и, наконецъ, пароходъ остановился совсѣмъ. Мы выбѣжали на верхъ. Свистокъ повторялся каждыя десять секундъ. «Качаловъ» мѣрно покачивался на волнахъ. Издали едва различаемые доносились тоже свистки: пароходъ шелъ на пароходъ, что при одинаковомъ курсѣ

могло бы вызвать крушеніе одного изъ нихъ или обоихъ, при малѣйшей неосторожности. Свистки къ намъ приближались, но медленно; понятно было, что и встрѣчный далъ тихій ходъ и подумываетъ остановиться. На носу «Качалова» неподвижно, словно статуи, стояли два военные матроса, зорко всматривавшіеся въ туманъ; нахмуренныя брови, мѣднокрасныя лица, выраженіе серьезной мысли на нихъ, коренастое сложеніе дѣлало ихъ типами того особаго сорта моряковъ, которымъ справедливо можетъ гордиться всякая страна. Намъ пришлось дожидаться недолго. Скоро, почти у самаго носа «Качалова», показалась громадная темная масса. Свистки звучали не прерываясь. Оба парохода дали задній ходъ. Разстояніе между ними увеличилось. Одинъ повернулъ направо, другой налѣво, и тогда уже они прошли мимо другъ друга. Мы разсмотрѣли только смутныя очертанія колоссальнаго тѣла, надъ которымъ едва-едва рисовались мачты и снасти. Чудовище пыхтѣло и свистало. Пароходъ былъ втрое болѣе нашего. При неосторожной встрѣчѣ мы въ двѣ минуты пошли бы ко дну, не оставивъ по себѣ и слѣда. Спасеніе, разумѣется, было бы невозможно.

Свистки опять стали рѣже, пароходъ дрогнулъ и двинулся впередъ нѣсколько быстрѣе. Мы шли половиннымъ ходомъ по 5 узловъ въ часъ. Къ четыремъ часамъ туманъ сталъ яснѣе, море уже было видно вокругъ саженъ на пятьдесятъ, и очень кстати, потому что теперь намъ поминутно попадались поморскія шхуны и шняки. Разумѣется, при каждой встрѣчѣ подымался неминуемый концертъ колоколовъ, чугунныхъ досокъ и свистковъ. Одна какая-то ладья даже выстрѣлила изъ жалкой пушчонки, неизвѣстно зачѣмъ красовавшейся у нея на носу. Тутъ въ первый разъ я видѣлъ очень странное оптическое явленіе, изрѣдка повторяющееся въ туманѣ: проходящая мимо шхуна, казалось, шла вверхъ ногами, т. е. килемъ вверхъ, а мачтами внизъ. Несмотря на естественность этого фантома, онъ оставлялъ по себѣ сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, это случилось только однажды и не повторялось болѣе, такъ что шхуны, слѣдовавшія за этою въ получасѣ разстоянія, уже были видимы какъ слѣдуетъ, не сбивая съ толку чиновника, который при такомъ необычайномъ явленіи забылъ всѣ свои анекдоты и счелъ лучшимъ отретироваться въ каюту сообщить женѣ, къ ея крайнему ужасу, что дѣло неладно, совѣтуя ей молиться соловецкимъ угодникамъ Зосимѣ и Савватію.

Такъ, въ непроницаемомъ туманѣ, мы дошли до Сосновца, не видя его. Берега Кольскаго полуострова здѣсь чрезвычайно опасны; разумѣется, нечего было и думать заходить къ маяку, и пасажирка, ѣхавшая именно сюда, должна была *по дорогѣ* прокатиться въ Колу и Норвегію. Жизнь отставныхъ моряковъ, нанимающихся обыкновенно въ смотрители маяка—крайне печальна. Помимо скуки и однообразія,

имъ предстоитъ иногда умереть здѣсь отъ цынги; даже въ благопріятномъ исходѣ болѣзни, они все-таки остаются безъ помощи, безъ ласковаго роднаго взгляда, до тѣхъ поръ, пока зимнія вьюги не отпоютъ своей послѣдней зловѣщей пѣсни надъ занесеннымъ снѣгами островомъ и первое судно предпріимчиваго рыболова не явится передъ одурѣвшею отъ апатіи командой маяка.

О цынгѣ говорилось и говорится очень часто, но едва ли мы ошибемся, предположивъ, что большая часть читающихъ описанія путешествій по сѣверу не знаетъ, въ сущности, этой болѣзни. Появленіе цынги обусловливается исключительно мясною соленою пищею, отсутствіемъ солнца во время арктической зимы, тѣснотою и духотою помѣщенія, бездѣятельностью, унынiемъ и тоскою по родинѣ. Первый симптомъ цынги—необычайная слабость. Подъ вами гнутся колѣни, вы едва дышете, голова не работаетъ, руки висятъ, какъ плети, хочется спать; кажется, только бы легъ—и заснулъ, а между тѣмъ, сонъ не приходитъ и это бодрствованіе еще усиливаетъ ужасъ положенія. Наконецъ, на лицѣ, на тѣлѣ появляются синія гнилостныя подкожныя пятна, отъ больнаго распространяется кислый запахъ, десны пухнутъ, дѣлаются рыхлыми, губчатыми, покрываютъ зубы. Потомъ на нихъ проступаютъ язвы, сквозь которыя сочится кровь. Онѣ издаютъ невыносимый запахъ. Такъ продолжается не долго. Скоро опухаютъ ноги; въ сочлененіяхъ, вдоль спины чувствуется то острая, то ноющая боль. Конечности корчатся. Съ каждымъ днемъ упадокъ силъ становится замѣтнѣе, организмъ слабѣетъ быстро и безвозвратно. Язвы увеличиваются, кровотеченіе изъ десенъ повторяется чаще и сильнѣе. Кровь идетъ изъ горла, выдѣляется и иными путями. Наконецъ, наступаетъ смерть, сопровождаемая страшными страданіями. Новая Земля, Мурманъ, Мезенское поморье, бѣломорскіе острова, Шпицбергенъ, Ян-Майенъ, Гренландія, Лабрадоръ, Баффинова земля усѣяны могилами несчастныхъ, умершихъ такою страдальческою смертью. На Сосновцѣ разъ вымерло отъ скорбута все его населеніе и объ этомъ узнали только тогда, когда казенная паровая шхуна явилась на островъ съ матерьялами для ремонта маячнаго зданія. То же самое повторилось и въ прошломъ году на островѣ Жижмуѣ, находящемся въ Онежскомъ заливѣ, противъ Сороцкой губы.

Напомнимъ этотъ случай, дающій понятіе, что встрѣчаетъ человѣка рѣшающагося провести здѣсь зиму. Шагъ за шагомъ можно воспроизвести тяжелую жизнь и, наконецъ, общую смерть его населенія. Матерьялами для этого послужатъ журналъ смотрителя маяка, положеніе найденныхъ тѣлъ, внѣшняя обстановка ихъ быта, подробный осмотръ кладовыхъ и сараевъ и, наконецъ, общія данныя о зимѣ того

года. Нашъ разсказъ, такимъ образомъ, будетъ совершенно вѣренъ дѣйствительности.

Жижмуй—небольшой островъ въ Бѣломъ морѣ, въ предѣлахъ Кемскаго уѣзда, между двумя его пунктами: Сумскимъ Посадомъ и селеніемъ Сорокою. Отъ берега островъ удаленъ на девяносто верстъ и представляетъ низменную полосу земли, возвышающуюся только на одномъ пунктѣ, гдѣ и былъ недавно устроенъ маякъ. Нѣкоторыя мѣста острова покрыты небольшими лѣсками изъ ели, сосны, изрѣдка березы. Унынie полярнаго пейзажа сказывается здѣсь повсюду и во всемъ. Только кое-гдѣ по отложинамъ зеленѣютъ лужки, испещренные скудными цвѣтами сѣверной флоры. Населеніе острова было крайне немногочисленно. Смотритель маяка, прапорщикъ Мехренгинъ, и трое рабочихъ, служащіе по найму,—вотъ и всѣ были обитатели Жужмуя въ зиму 1872—1873 годовъ. Жилось имъ скучно, невесело. Еще лѣтомъ и въ началѣ осени, когда мимо ходятъ поморскія шхуны, да карбасы кемлянъ посѣщаютъ небольшіе бѣломорскіе острова—туда-сюда. Зато зимою здѣсь глушь и дичь неисходныя. Во время навигаціи случаются и развлеченія. Послѣднія суда, проходившія въ этомъ районѣ и посѣщавшія Жужмуй, видѣли тамъ какую-то женщину-поморку, которая, будто бы, жила здѣсь «у команды». Но въ концѣ сентября 1872 года и эта скиталица отсюда, вѣроятно, отправилась домой, и четверо человѣкъ, заброшенные на безлюдный бѣломорскій островъ, въ глушь и дичь, остались одни на семь мѣсяцевъ. Должно быть, тяжело было этимъ, оторваннымъ отъ всего живаго, людямъ! Воображаю, съ какимъ чувствомъ они должны были провожать послѣднее, медленно скрывающееся на горизонтѣ судно. Вотъ и чайки потянули мимо острова на югъ, цѣлыя стаи медленно и грузно пролетѣли надъ маякомъ, въ послѣдній разъ на немъ команда зажгла сало — авось-де нужно какому-нибудь запоздавшему судну...

Низко повисло сѣрое небо. Съ утра до ночи тянутся на немъ только безобразныя, темныя тучи. Потянуло сѣвернымъ вѣтромъ... Пахнуло зимою... Выпалъ первый снѣгъ и тотчасъ же растаялъ. Еще и еще. Разъ, заснувъ вечеромъ, жители острова увидѣли себя утромъ отовсюду завѣянными снѣгомъ. Зима этого года была суровая. Снѣгу валило видимо-невидимо. Откуда только брался. По цѣлымъ мѣсяцамъ онъ шелъ, не переставая. Изба жужмуйской команды была завалена снѣгомъ. Всѣ дороги, лѣса, ложбины—тоже. Началась жизнь бездѣятельная. Рабочіе только спали да дурѣли днемъ отъ скуки. Начальникъ не занималъ команды работами, потому что такихъ нѣтъ, да и пройти подъ сугробами снѣга было некуда. Умудренные опытомъ, промышленники на Новой Землѣ въ этихъ слу-

чаяхъ прорываютъ себѣ ходы подъ снѣгомъ и ходятъ по этимъ хрупкимъ коридорамъ и на берега океана, гдѣ ледяныя громады стоятъ въ это время точно припаянныя, и на мѣста промысла. Жужмуйской командѣ промышлять было нечего и незачѣмъ, да и командиру ея, я полагаю, и въ голову не приходило дать рабочимъ какое-нибудь дѣло. Пища у команды, и у самаго Мехренгина вначалѣ, можетъ быть, и была достаточна, но потомъ у нихъ не оказалось ни соли, ни солонины, ни трески, ни палтусины. По осмотру, въ кладовыхъ найдены только мука, крупа, водка (немного), сахаръ и чай. Они не разсчитывали на такую продолжительную зиму и запаслись всѣмъ, по милой россійской привычкѣ, «въ обрѣзъ». Нечего и говорить, что о какихъ-нибудь противоцынготныхъ средствахъ и помину не было. Ни луку, ни морошки, ни лимоновъ не оказалось. Бездѣйствіе, дурная и преимущественно прѣсная, мучная пища не могли пройти даромъ. Въ этомъ царствѣ мятелей и вьюги—бодрость духа немыслима. Представьте себѣ положеніе людей, у которыхъ вся жизнь—одинъ непрерывный сонъ. Ни пѣсни, ни голоса. Только тоскливый вой вѣтра да однообразный шумъ безъ конца падающаго снѣга... Хоть кого возьметъ одурь! Даже Мехренгинъ, и тотъ ничего не читалъ. На цѣломъ островѣ, кромѣ маячнаго журнала, не оказалось ни одной книги. Наши степные помѣщики добраго стараго времени отъ бездѣлья хоть мухъ давили—жителямъ острова Жужмуя не представлялось даже и такого милаго занятія. И вотъ, предоставленные сами себѣ, обезумѣвшіе отъ скуки, люди начинаютъ чувствовать что-то недоброе. Организмъ разстроивается, является ломота въ костяхъ, отвратительный запахъ изо рта. Наконецъ, 18-го января, Мехренгинъ заноситъ въ свой журналъ, что одинъ изъ рабочихъ волею Божіею помре (отъ цынги, разумѣется). Его вымыли, одѣли, и вынесли въ сарай, гдѣ онъ и найденъ лѣтомъ. Отъ 8-го до 16-го—умершихъ не было, больные же въ журналъ не заносились. 8-го марта, журналъ прекращается: Мехренгинъ, вторая жертва цынги, уже не въ силахъ вести его дальше. Около этого числа, невдолгѣ, умираетъ и онъ. Рабочіе одѣли его въ мундиръ и теплое пальто. Въ такомъ видѣ онъ и найденъ лежащимъ на кровати. Остались двое несчастныхъ. Когда они умерли—неизвѣстно. При осмотрѣ, оба найдены въ кухнѣ. Одинъ, лежащимъ на лавкѣ, съ конвульсивно-сдернутою наверхъ рубашкой, которая прикрывала его лицо; другой подъ столомъ, на которомъ водка и крендели. Этотъ — скорченъ до невозможности. Нетрудно воспроизвести и послѣдніе моменты этихъ двухъ рабочихъ. Первый вѣрно былъ боленъ прежде и сильнѣе втораго. Онъ мучился, лежа на лавкѣ, гдѣ и умеръ. Остался одинъ. Положеніе его было ужасно. Онъ—единственное живое существо въ царствѣ снѣга и вьюги. Пока

былъ живъ послѣдній его товарищъ, онъ могъ хотя съ нимъ перекинуться словечкомъ. А теперь вокругъ только мертвецы. Ночи длинны. Завоетъ ли вѣтеръ—ему чудится Богъ знаетъ что. Жизнь его тянется безконечною агоніей. Куда ему дѣваться? Въ комнатѣ лежитъ мертвецъ Мехренгинъ. Въ сарай?—тамъ лежитъ товарищъ. Въ кухнѣ?—тоже. Представляю себѣ, какъ онъ долженъ былъ переходить изъ одной комнаты въ другую съ лицомъ, исковерканнымъ ужасомъ, съ зачатками страшной болѣзни въ себѣ самомъ. Наконецъ, онъ рѣшился остаться въ кухнѣ. Не желая видѣть лицо товарища, онъ приподнялъ полу его рубашки и накрылъ ею безмолвнаго свидѣтеля. Онъ, наконецъ, вспомнилъ, что гдѣ-то есть водка. Полуживой, закрывъ глаза отъ страха, онъ ощупью добрался до шкафа, вынулъ и присѣлъ къ столу. А болѣзнь идетъ быстро, неотступно, неизбѣжно. Съ отчаяніемъ онъ начинаетъ пить, чтобъ забыться, но въ такія ужасныя минуты водка не дѣйствуетъ. Передъ его глазами проносятся картины далекаго, роднаго угла, дорогія, милыя лица, смѣшиваясь въ тяжеломъ кошмарѣ съ искаженными лицами его товарищей. Каждый моментъ его жизни воскресаетъ передъ нимъ, и съ каждымъ мигомъ смерть подходитъ къ нему ближе и ближе. Онъ пьетъ черезъ силу, много пьетъ. Ему бы только охмѣлѣть, одурманить себя, отрѣшиться отъ дѣйствительности... И, наконецъ, цынга сдѣлала свое дѣло. Несчастный, въ корчахъ, падаетъ подъ столъ и умираетъ. Островъ окончательно дѣлается островомъ мертвыхъ, и первыя поморскія суда, зашедшія сюда, встрѣчаютъ только трупы!

Вотъ возможно вѣрное воспроизведеніе факта. Неизгладимо тяжелое впечатлѣніе произвело это событіе на всѣхъ. Теперь, разумѣется, не осталось и слѣда отъ ужасной картины. Трупы схоронены; все вычищено и вымыто, и тотчасъ же явились новые охотники занять мѣсто умершихъ. Ихъ не пугаетъ жребій предмѣстниковъ! Рабочій человѣкъ на сѣверѣ равнодушно относится къ своей и къ чужой жизни. Борьба съ суровою природой создала не сознательное мужество, не смѣлость—нѣтъ, какое-то игнорированіе опасности, какую-то нравственную одеревенѣлость...

Моржовецъ.—Становище Девятое.—Поной.—Св. Носъ.—Гдѣ начинается океанъ?—Легенда о заклятіи червя

Мы шли въ туманѣ до линіи острова Моржовца, гдѣ на два или на три часа разбросило мглу сильнымъ порывомъ сѣвернаго вѣтра. Зато насъ ожидали здѣсь новыя опасности. Моржовецъ, снискавшій тебѣ такую печальную славу въ лѣтописяхъ крушеній на Бѣломъ морѣ, имѣетъ въ окружности не болѣе 40 верстъ. Въ немъ есть два небольшія озера и двѣ рѣчонки: Золотуха и Рыбная. Поверхность его

покрыта оленьею тундрой, поросшей ягелемъ. Къ сѣверной части этого острова часто прибиваетъ на льдинахъ промышлениковъ, оторванныхъ отъ берега вѣтромъ или унесенныхъ въ открытое море во время боя морскихъ звѣрей, почему здѣсь слѣдовало бы устроить спасительную станцію. Намъ этотъ островъ не былъ видѣнъ вовсе. Я не могъ разсмотрѣть его береговъ даже и въ бинокль. Невдалекѣ отсюда, между мысомъ Орловымъ, на Кольскомъ полуостровѣ, и мысомъ Конушинымъ, на Канинскомъ Носу, лежатъ шхеры. Тутъ нужно чрезвычайно внимательно слѣдить за курсомъ корабля. Сверхъ того, на морѣ поднялось такое волненіе, что, за исключеніемъ настоящихъ моряковъ, всѣ остальные слегли въ сильнѣйшихъ пароксизмахъ морской болѣзни. Качка поднялась и килевая, и боковая. Волны захлестывали пароходъ, а срываемая порывами вѣтра, пѣна летѣла мнѣ прямо въ лицо, когда я стоялъ у борта, пристально взглядываясь въ едва мерещившійся налѣво берегъ. Въ бинокль можно было разсмотрѣть высокія горы, зубчатыя вершины которыхъ окутывала мгла. Въ одномъ мѣстѣ близъ острова Данилова, къ сѣверу, виднѣлась отлогая полоса земли и нѣсколько парусныхъ шнякъ около. Это становище Девятое; всѣ бывшіе на пароходѣ недоумѣвали, съ чего теперь, когда вовсе не производится лова, сюда собрались промышленники. Наконецъ, рѣшили, что, вѣроятно, близъ этого мѣста разбитъ какой нибудь корабль и поной скіе судохозяева явились на мѣсто крушенія для спасенія груза. Въ становище Девятое, съ 1-го по 25-е марта, со всѣхъ морскихъ береговъ собираются охотники для боя тюленей, которыхъ въ это время заноситъ сюда теченіемъ съ восточныхъ береговъ Бѣломорскаго Горла. Всѣхъ промышленниковъ скопляется до пятисотъ. Они дѣлятся на артели, состоящія каждая изъ хозяина и трехъ рабочихъ; рабочіе добываютъ во льдахъ звѣрей, а хозяинъ съ оленями слѣдуетъ за артелью, чтобъ, по окончаніи трудоваго дня, сейчасъ же отвезти ее въ становище. Часто отъ избы они удаляются верстъ на сорокъ до мыса Орлова. Способъ промысла зависитъ отъ того, какой вѣтеръ дуетъ: къ берегу или отъ берега. Въ первомъ случаѣ тюленей бьютъ баграми на льду, свѣжуютъ звѣря тутъ же и тогда уже тянутъ добычу къ берегу; во второмъ—артель беретъ съ собою лодку. Звѣрей тогда уже стрѣляютъ съ берега изъ ружей и гонятся за ранеными или убитыми тюленями на лодкѣ. Для того, чтобъ удобнѣе было лодку переволакивать по льдинамъ, къ ней придѣлываютъ полозья. Лодки малы; добыча въ нихъ не помѣщается, почему промышленники прикрѣпляютъ ее на веревкахъ къ кормѣ и тянутъ за собою. Эти артели составлены на довольно выгодныхъ для рабочаго условіяхъ. Въ 1860 году, напримѣръ на каждаго рабочаго за трехнедѣльный промыселъ пришлось отъ 60—70 р.; но такія удачи рѣдки. Обыкновенно, оканчивая промыселъ здѣсь,

артели спѣшатъ попасть воремя въ Тетрину, гдѣ въ то время идетъ бой сѣрокъ.

Спустя немного, когда мы оставили позади становище Девятое, пароходъ вошелъ опять въ сплошное море мглы, которую не могъ даже разсѣять сильный сѣверный вѣтеръ, только увеличивавшій опасности нашего положенія. Влѣво, въ сторонѣ отъ насъ осталось приморское селеніе Поной, которое по всей справедливости можно назвать столицею Терскаго берега. Оно расположено у рѣки Поной, вытекающей изъ средины Кольскаго полуострова. Поной при впаденіи своемъ въ море образуетъ довольно широкое устье. Почти вся рѣка течетъ между отвѣсными гранитными берегами, какъ будто по гигантскому корридору. Поной усѣянъ множествомъ кипящихъ, ревущихъ пороговъ, гдѣ съ неудержимою силою вращаются цѣлыя скалы. Въ этихъ пунктахъ рѣка не замерзаетъ даже въ самыя холодныя полярныя зимы. Окрестности селенія поражаютъ дикостію и глушью. Въ 15 верстахъ отъ него есть гора въ 1000 ф. вышиною, съ которой видно село какъ на ладони. Кругомъ темносѣрыя вершины, изрѣдка озера, кустарные перелѣски, отдѣльныя скалы, которыя можно было бы назвать безобразными, если бы въ природѣ было что нибудь дѣйствительно безобразное. Далеко на востокѣ синѣетъ море, сливаясь съ свѣтлымъ горизонтомъ. Рѣдко гдѣ нибудь на горѣ покажется олень или послышится крикъ чайки, будто для того только, чтобы потомъ мертвая глушь этой пустыни стала еще несноснѣе и суровѣе. Рѣка Поной у самаго села рвется сквозь узкое и глубокое ущелье, обставленное громадами гранитныхъ утесовъ. Сами поноряне говорятъ о своемъ селѣ: „подлѣ гора и тамъ гора, а сверху дыра; вотъ тебѣ и Поной-село наше!“ Оно все вытянулось въ одну линію вдоль узкой щели, образуемой отвѣсными горными кряжами болѣе чѣмъ въ 1000 ф. высоты. Изъ глубины этой пропасти видна только часть небосклона. Въ верхнемъ концѣ села стоитъ небольшая деревянная церковь, на мѣстѣ гдѣ нѣкогда существовалъ монастырь, но какой—никому неизвѣстно. Зимою здѣсь невыносимо. Вьюги бьются въ ущелье, сверху его засыпаетъ снѣгомъ, такъ что жители нерѣдко принуждены бываютъ выходить изъ домовъ черезъ крыши. Въ трещинахъ горъ, окружающихъ Поной, снѣгъ никогда не таетъ. Въ первой половинѣ октября рѣка покрывается льдомъ и стоитъ до половины мая. Лѣтомъ температура доходитъ иногда до $+17^{0}$ въ тѣни, но при сѣверномъ вѣтрѣ падаетъ до -2^{0}, такъ что напр. въ іюлѣ ручьи покрываются льдомъ. Въ самое теплое лѣто земля оттаеваетъ на 2 или 3 фута. Почва—торфъ; подпочва—гранитъ или напосный песокъ. Кромѣ гранита, какъ основной породы, въ окрестныхъ горахъ находятся гнейсъ, полевой шпатъ, кварцъ, известковый шпатъ, базальтъ, глинистый сланецъ, въ которомъ встрѣчаются гнѣзда аме-

тистовъ, извѣстнякъ, порфиръ, яшма, желѣзная и мѣдная руды, слюда, сѣрный колчеданъ, желѣзная охра, шиферъ и роговая обманка. До г. Соловцова, посѣщавшаго это село, доходили даже слухи, что въ окрестностяхъ Поноя встрѣчается золото, но крестьяне избѣгаютъ говорить объ этомъ, потому что очень ужъ запуганы нашимъ чиновничествомъ. «Еще пожалуй обратятъ на горныя работы, отъ нашихъ лиходѣевъ—всего станетъ!» соображаютъ они. Мѣстная растительность крайне скудна. Только кое-гдѣ пробивается жалкая и захирѣлая трава, кустарники стелятся по землѣ, а деревья не поднимаются выше кустарника, обращая всѣ свои вѣтви на югъ по направленію господствующаго здѣсь сѣвернаго вѣтра. Тутъ растутъ: сосна, кустарная береза, сланка, тальникъ, можжевельникъ, вороница, дикій лукъ, тимофеевка, метлица, осока, ложечная трава (cochlearia)—превосходное средство отъ цынги, морошка, вероника, куриная слѣпота, рододендронъ, колокольчикъ, крапива, горошекъ, трилистникъ, порей, щавель, тысячелистникъ. Многочисленные, повсемѣстно устилающіе здѣшнія горы мхи состоятъ изъ ягеля, болотнаго мха, бородастато мха и двухъ видовъ хвоща. Посреди нихъ попадаются очень вредные моховые грибы. Въ лугахъ, у скалъ, защищающихъ поросшія травою площадки отъ мертвящаго дыханія сѣвернаго вѣтра, растутъ изрѣдка три вида изъ семейства губоцвѣтныхъ, два вида зонтичныхъ, шесть видовъ сложноцвѣтныхъ. Флора Поноя вообще значительно блѣднѣе и скуднѣе даже флоры болѣе сѣверной части Мурманскаго берега. Все это блѣдно, скудно и жалко. Тоскливо защемитъ ваше сердце, когда вы подумаете о роскошныхъ урочищахъ дальняго юга, гдѣ изумрудная зелень, ярко голубое море и ослѣпительный свѣтъ солнца соперничаютъ одни передъ другими въ разнообразіи и яркости красокъ и мягко переливаются всевозможными оттѣнками и контурами.

Поноряне ежегодно вылавливаютъ въ своей рѣкѣ семги болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ селѣ Терскаго берега, хотя вся мѣстная рыба называется почему-то *варзугой*, по имени рѣки Варзуги. Семга впрочемъ добывается во всѣхъ рѣчныхъ, озерныхъ и морскихъ водахъ Кольскаго полуострова. Искони ведется обычай большія рѣки отдавать въ аренду частнымъ лицамъ, и получаемое за то вознагражденіе обращать на уплату податей и мірскихъ сборовъ. Такой порядокъ несовсѣмъ выгоденъ для населенія; такъ напр. въ Понойской волости сумма аренды 680 р., а семги вылавливается 3,500 п. или по меньшей мѣрѣ на 14,000 р. Въ Умбской волости аренда—2,387 р., семги же ловится до 5,000 п. или на 25,000 р., въ Кузонемской—аренда 1,387 р. и улова 11,000 п. на 50,000 р. Въ Ковдской аренды 2,387 р. и уловъ на 20,000 р. Въ Керетской первой 146 р., а втораго на 8,750 р. Если-бы еще при этомъ издержки эксплоатаціи были ве-

лики, ну тогда понятно, а то выстроить семужій заборъ стоитъ 60 р. или много 70, да содержать при немъ работника—50 р. Въ Поноѣ лицъ, участвующихъ въ дѣлежѣ аренды, считается 104 ч., въ Кольско-Лопарской волости 4,683, въ Тетринской 153, въ Кузоменской 253, Умбской 135 ч. Если дѣлить уловъ на число крестьянъ, то въ Поноѣ на каждаго пришлось бы по 120 р., а аренды приходится только по 5 р. 50 к., въ Умбской волости первой по 200; а второй по 17 р. и т. д. Гдѣ конкуренція больше, тамъ и аренда выше. Отчасти принуждаютъ отдавать кулакамъ рѣки, находящіяся въ общинномъ владѣніи, и мѣстныя уѣздныя власти. Приходитъ тоже время уплаты податей—а денегъ у крестьянъ нѣтъ, начинаются описи, административно-полицейскія понудительныя мѣры и др. прелести нашего гражданскаго благоустройства. Тутъ и являются арендаторы. Понятно, что рѣка и уходитъ за безцѣнокъ. Такъ образовалась аренда, такъ она и продолжается до сихъ поръ. Всего вылавливается семги по Терскому берегу приблизительно, до 40,000 п., при чемъ цифры показанныя по этому же предмету у г. Данилевскаго, значительно ниже настоящихъ. Очевидецъ слѣдующимъ образомъ описываетъ понойскій семужій промыселъ: Къ половинѣ іюня, когда пройдетъ большая вешняя вода, ставятъ поперекъ рѣки нѣсколько козелъ; на нихъ вдоль, въ видѣ помоста, настилаютъ сляги, такъ чтобы ширина помоста была аршина въ полтора. Сверху для прочности еще накладываются камни. Къ этому помосту приставляются колья въ наклонномъ противъ теченія положеніи. Верхній конецъ кольевъ упирается въ сляги, а нижній въ дно рѣки. Промежутки между кольями забираютъ тарьями, т. е. щитами изъ тонкихъ паралельныхъ дранокъ, скрѣпленныхъ вицею. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ забора устраиваются тайники, пятиугольной формы, нѣчто въ родѣ морды или нерши. Сюда семга можетъ войти—но выйти ей препятствуютъ концы жердей спирающихъ отверстіе внутри. Изъ тайниковъ семгу достаютъ сохомъ. Производствомъ промысла, въ остальныхъ рѣкахъ кромѣ главной р. Поноя, отданной въ аренду, поноряне занимаются міромъ подъ руководствомъ заборщика, достающаго изъ тайниковъ рыбу, продающаго ее и сохраняющаго у себя вырученныя деньги. Всѣ издержки изъ послѣднихъ онъ дѣлаетъ по волѣ общества. Впрочемъ эти деньги сплошь идутъ на уплату податей, на всѣ общественные расходы, а остатокъ если бываетъ, то раздастся на руки по числу ревизскихъ душъ. Заборъ остается въ дѣйствіи до тѣхъ поръ, пока его не сломаетъ осеннимъ льдомъ и не унесетъ въ море. Каждую весну строютъ новые. Здѣсь ловятъ семгу еще и *тонями* въ окрестныхъ заливахъ и губахъ, куда она заходитъ стадами, держась постоянно одного берега и ища входа рѣку; не найдя послѣдняго, семга переходитъ въ другую бухту и такъ далѣе, пока не доберется до устья. Къ тому берегу, вдоль кото-

раго рыба выходитъ изъ залива, ставятъ сѣть, загибая одинъ конецъ ея къ вершинѣ залива, въ серединѣ сѣти устраивается матица какъ въ неводахъ. По ея движенію узнаютъ о присутствіи рыбы и кромѣ того осматриваютъ неводъ по временамъ. Такой способъ лова неудобенъ отчасти потому, что семга въ этихъ тоняхъ выѣдается массами, гнѣздящихся въ бѣломорскихъ губахъ, кошшаковъ (Pagurus)—родъ ракообразнаго животнаго (скиллы и креветы), которыми въ свою очередь питается семга на волѣ.

Ловъ той же рыбы *попздами* начинается 1-го сентября. Двѣ маленькія лодки выплываютъ бокъ-о-бокъ на середину рѣки или губы, выбрасываютъ неводъ и расходятся на всю длину сѣти, за тѣмъ опять сходятся и вытаскивать сѣть. Ловля семги *гарвами* въ Поноѣ производится, по словамъ очевидца, слѣдующимъ способомъ гарва—сѣть шириною въ два и длинною въ 5 — 6 сажень, безъ матицы, съ крупными ячеями. Эту сѣть прикрѣпляютъ однимъ концомъ къ колу, вбитому въ середину рѣки, а другой пускаютъ свободно по теченію; семга запутывается въ ячеяхъ сѣти, откуда ее вынимаютъ во время отлива. Общій уловъ семги въ Поноѣ *иногда* бываетъ весьма значителенъ, такъ что на ревизскую душу приходится по 80 р. Въ плохіе урожаи семги, на душу приходится не болѣе какъ по 5 руб. Всѣ выгоды впрочемъ идутъ въ пользу арендатора. Вмѣстѣ съ семгою попадаются сиги, камбала, кумжа (форель) и щуки. Кромѣ семужьяго промысла въ Поноѣ производятся промысла тюленей или нерпъ и бьютъ моржей. Съ Покрова дня до тѣхъ поръ, пока тороса или плавучій ледъ не примерзнетъ къ берегу, тюленей ловятъ въ сѣти, получая съ каждаго звѣря отъ $1^1/_2$ до 7 пудовъ сала; морскихъ зайцевъ стрѣляютъ и добываютъ съ каждаго убитаго звѣря отъ 10—12 пудовъ сала. Также стрѣляютъ и моржей, но эта охота опаснѣе. Раненный, но не убитый звѣрь, кидается на лодку и часто топитъ ее съ промышленниками вмѣстѣ, почему они охотнѣе поджидаютъ моржа, когда тотъ выпалзываетъ на берегъ спать и обсыхаетъ ,т. е. остается далеко отъ воды во время отлива; моржа въ это время непремѣнно сопровождаетъ дѣтеныщъ, называемый въ Поноѣ—Абрамко. Абрамко, сидя на отцовской или материнской спинѣ зорко сторожитъ его сонъ. Съ одного моржа получается ворвани до 12 пудовъ.

Какъ бы ни были удачны промыслы, цѣна на добычу устанавливается скупщиками, которые обыкновенно задаютъ впередъ крестьянамъ товаръ и деньги, а потомъ берутъ въ уплату долга убитаго морскаго звѣря *почемъ хотятъ*. Понятно, что при такихъ условіяхъ, поноянину никогда не выбиться изъ разорительныхъ долговъ. Долги до того распространены, что въ Понойской волости нѣтъ ни одного промышленника, который бы былъ въ этомъ отношеніи чистъ.

Долгъ въ 50 р. считается не большимъ, а то обыкновенно за ними числится по 100, 200 р. и даже по 300 р. То же самое въ остальныхъ мѣстностяхъ Терскаго берега. Случается, что иногда одинъ торговецъ имѣетъ на крестьянахъ долгу по 60,000 р. и болѣе. Торговцевъ этихъ не много, конкуренціи никакой. Чѣмъ больше уловъ—тѣмъ ниже цѣна, такъ что къ большему или меньшему количеству добычи крестьяне остаются равнодушны. При настоящихъ условіяхъ промысла имъ никогда не выбиться изъ кабалы!

Отъ села Поной начинались особенно опасные пункты бѣломорскаго плаванія. Налѣво должны были находиться „Три острова“ и мысъ Орловъ; направо—многочисленныя шхеры. По сравнительно узкому проходу, на встрѣчу намъ подвигалось съ Мурмана и изъ Норвегіи много судовъ, столкновенія съ которыми легче было избѣжать въ болѣе широкихъ фарватерахъ, оставленныхъ нами за собою. Повторяются тѣ же сцены плаванія въ туманѣ вплоть до острова Лумбовки, который только на три минуты показалъ намъ свои сѣрыя обнажонныя вершины и черныя щели. Направо и налѣво отъ него, едва мерещились обрывы и уступы матераго берега. Когда мы прошли еще не болѣе полуторыхъ верстъ, туманъ опять заслонилъ своею непроницаемою завѣсою панорамы дикаго берега. Отсюда до мыса Святой Носъ было уже недалеко. Несмотря на приступы морской болѣзни, я оставался на палубѣ «Качалова», надѣясь, что вѣтеръ разброситъ туманъ и, хотя мелькомъ, увижу я громады этого выступа, о которыхъ мнѣ такъ много разсказывали поморы, посѣщавшіе Архангельскъ.

Святой Носъ, находящійся подъ 68°10′ сѣверной широты и 39°47′10″ восточной долготы отъ Гринвича (Литке), для мореходовъ нашего дальняго сѣвера мѣсто суевѣрнаго ужаса. Ни одинъ поморъ не проходитъ мимо него, не творя молитвы св. Варлааму Керетскому, патрону этой страны. И дѣйствительно, далеко выдавшійся мысъ вполнѣ оправдываетъ свою репутацію. Нигдѣ не было столько крушеній, нигдѣ суда и даже пароходы не подвергаются такимъ опасностямъ въ самую благопріятную погоду. Тутъ съ одной стороны и у Канина носа съ другой, по общепринятому взгляду оканчивается Бѣлое море и ужь далѣе начинается Сѣверный Ледовитый океанъ. Здѣсь же у Св. Носа—предѣлъ Терскаго берега. Къ западу до Норвегіи, тянется Мурманъ—цѣль нашего путешествія. Св. Носъ отъ материка идетъ на 10 миль къ сѣверо-сѣверо-западу; ширина мыса колеблется отъ $4^1/_2$ верстъ до 20 саженъ. Начинаясь довольно низменнымъ плоскогорьемъ, онъ все возвышается и возвышается, и, наконецъ, падаетъ въ океанъ громаднымъ уступомъ въ 650 ф. высоты.

Пользуясь случаемъ, замѣтимъ, что Св. Носъ совершенно неправильно считается предѣломъ Бѣлаго моря. При первомъ взглядѣ на

карту видно, что Бѣлое море должно оканчиваться не у Св. Носа и даже не у Трехъ острововъ, какъ предполаетъ г. Данилевскій, а у острова Данилова. Далѣе—его берега: мезенскій съ одной и кольскій съ другой стороны, между которыми было южнѣе разстояніе 66 верстъ, расходятся, и уже между мысами Орловымъ и Канушинымъ это пространство увеличивается до 105 верстъ. Громадныя и медленно вздымающіяся волны отсюда уже вовсе непохожи на узкую и малораскатистую бѣломорскую волну; приливы, въ Бѣломорскомъ Горлѣ подымаются еще на 12 ф., у мыса Орлова уже доходятъ до трехъ саженъ. Самый характеръ береговъ и фауна моря доказываютъ несомнѣнно принадлежность ихъ океану. Поэтому, совершенно правильно считать не Св. Носъ и мысъ Канушинъ послѣдними границами Бѣлаго моря, а островъ Даниловъ съ одной и мысъ Вороновъ съ другой стороны, такъ что уже Мезенская губа съ островомъ Моржовцомъ всецѣло будетъ составлять часть арктическаго океана, а Канинъ Носъ будетъ весь лежать въ немъ. Неудобство считать частью океана полосу моря между кольскимъ и мезенскимъ берегами въ намѣченныхъ нами предѣлахъ не значитъ ничего. Иначе, вѣдь, и отдѣльную губу—Чесскую, примѣрно, слѣдуетъ назвать моремъ, тѣмъ болѣе, что она достаточно велика для этого.

Сильный сѣверозападный вѣтеръ какъ будто угадалъ мое желаніе. Въ двухъ миляхъ отъ Св. Носа, онъ разбросилъ непроницаемую завѣсу окружавшаго насъ тумана, и въ бинокль я разсмотрѣлъ тяжелыя сѣрыя очертанія гранитныхъ массъ, залегавшихъ въ бушующій океанъ. Даль сливала всѣ мелкія неровности, трещины и щель утесовъ, за то общее впечатлѣніе романтически суроваго пейзажа дѣлалось тѣмъ сильнѣе и полнѣе. Круглыя линіи отдѣльныхъ вершинъ, мало-по-малу, понижаясь, переходили въ мысъ, который только на самой оконечности своей вновь подымался и горбился, круто сбрасывая свой гранитный хребетъ въ совершенно бѣлую поверхность пѣнящихся валовъ. Пароходъ далеко обходилъ этотъ передовой форпостъ каменнаго береговаго вала, потому что при малѣйшемъ волненіи сувой или толчея, окружающая Носъ, гибельна и для большихъ морскихъ судовъ. При отливѣ и приливѣ теченіе у Св. Носа равняется семи узламъ въ часъ, такъ что даже легкіе карбасы и шняки не могутъ идти на веслахъ и съ вѣтромъ противъ воды; съ водою же они дѣлаютъ, въ періодъ шестичасоваго прилива или отлива, до сорока верстъ даже противъ вѣтра. Огибаютъ Носъ только попутнымъ теченіемъ; когда же кончается оно, смѣняясь противнымъ, то гребное судно скорѣе заходитъ въ ближайшую губу и сидитъ здѣсь столько же, т. е. шесть часовъ, до новой воды. Большія мореходныя суда, пользуясь этою быстротой теченія, нашли средство идти, какъ мы замѣтили выше, противъ вѣтра. Для этого подъ киль опускаютъ парусъ вертикально посредствомъ разныхъ тяжестей,

привязываемыхъ къ нижнимъ угламъ его. Вода, напирая на всю плоскость паруса, сообщаетъ судну довольно быстрое движеніе. Если противный вѣтеръ не слишкомъ силенъ, то судно такимъ образомъ идетъ, говорятъ, до девяти верстъ въ часъ. При быстротѣ терскаго теченія волны его сталкиваются у Св. Носа съ неменѣе сильнымъ теченіемъ Іоканской губы, образуемой западной стороной этого мыса и Мурманскимъ берегомъ, вслѣдствіе чего мѣстный сувой отличается особенною продолжительностью и силой. Волны въ сувоѣ, встрѣчаясь между собою, бьютъ вверхъ, какъ въ котлѣ, который кипитъ бѣлымъ ключомъ. При вѣтрѣ сувой представляетъ какой-то неизобразимый хаосъ воды, волнъ, шума, пѣны, брызгъ и тумана, для описанія которыхъ трудно найти выраженія. И въ тихую погоду судно здѣсь едва можетъ выбраться изъ предѣловъ толчеи. Оно дрожитъ, качается во всѣ стороны, не слушаетъ ни руля, ни веселъ, между тѣмъ какъ крутыя волны то и дѣло заплескиваютъ въ борты и нерѣдко выбиваютъ изъ рукъ у гребцовъ весла. Необыкновенно величава картина бури у Св. Носа. Громадные буруны цвѣта самаго чистаго зеленаго аквамарина, оперенные бѣлыми пѣнистыми гребнями, сильно ударяютъ въ каменистый берегъ, высоко подбрасывая брызги, и потомъ медленно отступаютъ назадъ. Шумъ отъ нихъ заглушаетъ всѣ звуки. На самой конечности темносѣраго берега—далеко, что и глазомъ не окинешь, бѣлѣетъ рядъ чаекъ. При каждомъ ударѣ буруна, нѣкоторыя изъ нихъ съ громкимъ крикомъ бросаются къ водѣ, схватывая вскидываемыхъ молюсковъ, червей и мелкихъ рыбъ и, описывая громадный кругъ, возвращаются назадъ, уже проглотивъ добычу. Одинъ изъ путешественниковъ ставилъ на берегъ котелъ съ водой. Несмотря на то, что Св. Носъ представляетъ цѣльную скалу, онъ такъ колебался, что вода въ котлѣ расплескивалась.

Прежде суда не обходили Св. Носа моремъ, какъ теперь, а изъ Волоковой губы, вдавшейся глубоко въ восточный берегъ этого мыса, вытаскивались гребцами на матерой берегъ и, такимъ образомъ, переволакивались въ Іоканскую губу на противоположной сторонѣ. Преданіе объясняетъ этотъ переходъ не опасеніями сувоя, а существованіемъ здѣсь молюска, извѣстнаго подъ именемъ корабельнаго сверлила (Ferredo), который, будто бы, протачивалъ самыя прочныя деревянныя суда.

— А теперь есть ли этотъ червь?

— Нѣтъ, теперь его нѣтъ! Слава Богу!

— Съ чего онъ изчезъ? Самъ собою?

— Нѣтъ... Тутъ чудо было... Большое чудо! Этакихъ чудесовъ по другимъ мѣстамъ поискать! Слыхалъ ли ты про нашего батюшку Св. Варлаамія Керетскаго?

— Нѣтъ.

— Гдѣ тебѣ и слышать! Вы все больше въ книжку... Въ оно время молитвенникъ и заступникъ нашъ Варлаамій былъ попомъ, въ Колѣ священствовалъ и благочестнымъ житіемъ паче адамантовъ изукрашенъ былъ, только со страстьми своими совладать не могъ. Трудно ихъ поборать, что говорить! Пыталъ его дьяволъ соблазнить и властью, и богачествомъ, и блудомъ — ничѣмъ не взялъ, окаянный, посрамилъ его угодникъ. Но тольки и у чорта, я тебѣ скажу, злости этой сколько хошь. Думалъ онъ, дьяволъ, думалъ, всѣ, можетъ, черти совѣтовались, какъ имъ святаго нашего сомутить; ну, подлые, и надумались. Разъ самый у нихъ главный обернулся парнемъ. Кровь съ молокомъ, бровь соболья, очи такъ и пышутъ. И прошолъ онъ, будто, къ женѣ Варлаамія. А тотъ тольки отъ обѣдни домой съ тихимъ сердцемъ ворочался — и засталъ у себя дьявола, будто тотъ выходитъ изъ горницы попадьи. Ну тутъ было дѣло. Варлаамъ, допрежъ всего, распалился, неповинную жену свою убилъ, потому сраму стерпѣть не могъ, потомъ чорта ловить сталъ, да не пымалъ. Какъ пымать—у того хвостъ трубой! Ты за его хвостъ, а онъ вонъ уже гдѣ—лови! Ежели бы Варлаамій догадался богоявленской водой его—тогда и сатанѣ несовсѣмъ бы ловко было. Какъ убилъ жену, нашъ угодникъ и созналъ свой грѣхъ. Сказываютъ сорокъ дней, сорокъ ночей не ѣлъ, не пилъ, тольки плакалъ. Потомъ взялъ онъ лодку, перенесъ туда тѣло супруги, поставилъ парусъ и уплылъ изъ Колы. Плылъ онъ, плылъ, Кильдинъ проплылъ, Шельпину, Оленьи острова, и къ Св. Носу подъѣхалъ. Хорошо—ѣдетъ. Тольки около ночи и слышитъ онъ гласы, потому ему всѣ звѣриные языки понимать дано было. Слышитъ онъ гласы: „безпремѣнно, братцы, надоть намъ эту лодку потопить“. Это подъ килемъ-то. Опосля, слышитъ онъ, стали шнячку грызть. Онъ сейчасъ дѣло это сообразилъ—стой! Всѣхъ червевъ этихъ, что тольки у Св. Носу было ихъ, созвалъ округъ своей ладьи. Видимо невидимо собралось. Все морео-кіянъ побѣлѣло. „Всѣ ли?“ спрашиваетъ. «Всѣ!» Ну онъ ихъ тутъ и заклялъ. Какъ заклялъ святымъ своимъ словомъ, съ тѣхъ поръ ни единаго червя не осталось. Поколѣли. Стали мы безъ опаски ѣздить и волокъ забыли!..

— Что же потомъ съ Варлаамомъ сталось?

— А поплылъ онъ, другъ ты мой, по Терскому берегу — въ Кандалацкую губу, а оттудапо Чупѣ (такая губа малая есть) поднялся въ лѣса дремучіе, зарылъ тамъ супругу, построилъ часовню, и жилъ въ пещерѣ со звѣрьми дикими безъ мала сто годовъ, училъ слову Божьему лопь эту да чудь бѣлоглазую; опосля и померъ. Мощи его у насъ, въ Керети, въ церкви были, да сгорѣли въ 1854 году, во время пожара. Большой по грѣхамъ нашимъ пожаръ былъ...

— Есть ли у васъ въ Іоканской губѣ становища?

— Въ Еканкѣ-то? Въ Еканкѣ лопарь живетъ. Лѣтній погостъ у нихъ тутъ, у самаго устья рѣчки. Тутъ имъ баско. Семгу ловятъ, кунжу. Камбалокъ таскаютъ, треску эту тоже. Къ нимъ сюда отъ Савина, изъ Шелпиной, скупщики когда ѣздятъ, покупаютъ за соль, за муку уловъ. Ну, и деньгами тоже перепадетъ... А осенью они уходятъ туда, въ самую глубь, въ трунду, верстовъ за сто будетъ отъ берега.

Нѣкоторые путешественники говорятъ, что южнѣе линіи, проведенной отъ Св. Носа до носа Канина къ югу, вовсе не встрѣчаются киты, хотя сѣвернѣе этой линіи нерѣдко они ходятъ по морю цѣлыми стадами. Могу увѣрить, что это совершенно несправедливо. Киты доходятъ до острова Данилова съ одной и острова Моржовца съ другой стороны—новое доказательство океанійскаго характера этой части сѣвернаго бассейна. Мы говоримъ о китахъ крупныхъ породъ; мелкіе виды китородныхъ, случается, заходятъ въ бѣломорскія воды, и разъ даже одинъ такой остался на зиму въ Кандалакской губѣ, но задохся, когда ее затянуло ледянымъ настомъ. При входѣ въ Бѣломорское горло сбирающіеся здѣсь киты вліяютъ на большее или меньшее количество сельди, вступающей въ Бѣломорье. Дѣло въ томъ, что иногда безчисленныя массы этой рыбы распугиваются китами, и тогда сельдь кидается на сѣверовостокъ въ Карское море, и только самая малая часть ея попадаетъ къ берегамъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ. Около Св. Носа также множество акулъ только ихъ здѣсь вовсе не бьютъ, несмотря на прямыя выгоды, какія могъ бы доставить этотъ промыселъ.

Склоненіе компаса у Св. Носа восточное, не болѣе 1°30′. Температура воздуха въ іюлѣ, когда мы проходили мимо, равнялась + 3° R. Наибольшая температура воздуха здѣсь въ этомъ мѣсяцѣ бываетъ +20°R. Температура воды была 27-го іюля + 18° R. Густота тумана доходила до того, что съ мачтъ парохода и снастей на палубу падала безцвѣтная киселеобразная слизь.

МУРМАНЪ
и
СѢВЕРНАЯ НОРВЕГІЯ.

I.

Общее положеніе Мурманскаго промысла.

Начиная отъ Святаго Носа до устья рѣки Ворьемы, т. е. до границы Норвегіи, тянется громадный каменный валъ, извилины котораго образуютъ множество заливовъ, губъ и полуострововъ. Высота гранитнаго кряжа отъ 200 футовъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 1,000 футовъ и болѣе. Дикимъ величіемъ вѣетъ отъ сѣрыхъ громадъ, только кое-гдѣ подернутыхъ скудною зеленью да палевыми пятнами ягеля. Скалы разорваны и искрещены безчисленными щелями и трещинами, въ которыхъ до послѣднихъ чиселъ іюня, а въ другихъ и до августа бѣлѣютъ полосы еще не стаявшаго зимняго снѣга. Массы скалъ навалены однѣ на другія; самые причудливые утесы вздымаются прямо изъ пѣнистыхъ валовъ океана. Отвѣсныя стѣны берега окаймляютъ покойныя воды заливовъ, гдѣ въ самыя сильныя бури на океанѣ,—вода не всколыхнется и только разбѣгающаяся широкимъ кругомъ зыбь бороздитъ воду тамъ, гдѣ на поверхность ея подымаются безчисленныя стада сайды или плюхнетъ хищная акула. Круглые, овальные, растянувшіеся въ длинные хребты острова запираютъ входы въ эти бухты, да и за ними въ океанѣ, на безконечномъ просторѣ ритмически вздымающихся и падающихъ валовъ, сѣрѣютъ тѣ же безлюдныя, мертвыя, сѣрыя громады. Разноцвѣтные лишаи пестрятъ гранитныя, гнейсовыя или сланцовыя породы, переходящія за островомъ Кильдинымъ въ сплошныя діоритовыя стѣны. Куполообразныя, пирамидальныя, коническія пахты (скалы) иногда выдвигаются далеко за предѣлы этого берега, словно природные молы, защищая его отмелые склоны отъ бѣшенаго напора Ледовитаго океана. Въ другихъ мѣстахъ виды горъ становятся еще грандіознѣе и живописнѣе: мрачныя, каменныя массы крутыми уступами обрываются въ море, глухо шумящее у ихъ колоссальныхъ подножій

Часто эти сплошные валы разсѣдаются, раскалываются сверху до самаго моря на вертикальныя щели; еще чаще они представляютъ циклопическія стѣны, сваленныя изъ камня, каждый величиной съ домъ средняго размѣра. Вокругъ вьются съ рѣзкими криками цѣлыя стаи чаекъ, гагаръ, гагъ, чистиковъ, нырцовъ и буревѣстниковъ. На далекихъ карнизахъ каменнаго берега тянутся волнистыя бѣлыя линіи милліоновъ сидящихъ здѣсь полярныхъ птицъ. Часто гребни и террасы обрывовъ кажутся покрытыми снѣгомъ; но пусть загремитъ выстрѣлъ—и вся эта бѣлая полоса вдругъ вспыхнетъ и разсѣется съ унылымъ крикомъ такими же бѣлыми тучами надъ разомъ опустѣвшею гранитною громадой. Орлы-рыболовы черными точками висятъ надъ этимъ каменнымъ великолѣпіемъ хаотическихъ громадъ, а издали высоко взметываются вверхъ фонтаны, выбрасываемые многочисленными китами изъ своихъ дыхалъ.

Вотъ и ихъ черныя, неуклюжія массы. Одна плюхнула у самаго подножія утеса, нырнувъ головою внизъ и плеснувъ хвостомъ по остеклѣвшей влагѣ; миріады брызгъ засверкали надъ взбаломученною поверхностью океана, чайки еще рѣзче застонали надъ нею, да издали откликнулось имъ жалобное рыданіе гагаръ... Земля у самаго океана почти безплодна. Близъ Семиостровья вы уже не встрѣтите ни одного деревца, только въ логахъ зеленѣютъ узкія полоски травы, да три четыре арктическихъ цвѣтка оживляютъ печальное однообразіе полярнаго пейзажа.

Зато какимъ бодрящимъ, свѣжимъ, сыроватымъ запахомъ переполненъ этотъ воздухъ, какая стихійная сила будитъ и рождаетъ въ вашей душѣ безграничныя, какъ этотъ океанъ, ощущенія. Вы отдаетесь имъ—нѣтъ мѣста пошлости и суетѣ житейской. Лицомъ къ лицу съ живымъ и движущимся просторомъ,—вы растете и сами, чувствуя въ себѣ необычную мощь и твердость.

А если еще въ высь доносится къ вамъ хриплая вблизи, но могучая, чарующая издали, рѣющая вольною орлицей надъ этою пустыней, однотонная пѣсня мурманскаго промышленника, парусъ котораго какъ крыло чайки мерещится на зеленомъ просторѣ,—тогда вы разомъ узнаете всю полноту жизни, всю безконечную, невыразимую, не чуждую мужества и страсти, полноту счастія, и ваши руки запросятся на работу и захотите вы сами помѣряться съ этою свободною стихіей.

Словно пробивая себѣ узкія дороги сквозь каменныя породы, быстрыя рѣки мчатся въ океанъ или Бѣлое море по корридорамъ, образуемымъ гранитными массами Лапландіи,– гремя по пути въ безчисленныхъ порогахъ, падая сотнями прелестныхъ водопадовъ, а тамъ, гдѣ стѣны ихъ дефилей расходятся, расплываясь въ недвижные,

чистые, какъ хрусталь, идиллически прекрасные плесы. Таковы Іоканка, Лица, Лава, Воронья Тириберка, Кола, Тулома, Ура, Печенга и Ворьема. Зимою этотъ берегъ безжизненъ и пустыненъ, за исключеніемъ дальняго запада, гдѣ недавно устроились девятнадцать колоній. Ледяные припаи оковываютъ въ это время восточную половину Мурмана,—весь же онъ засыпается снѣгами. По свинцовому простору ходятъ громады ледяныхъ стамухъ и торосовъ. Только кое-гдѣ въ щели, защищенной отъ сѣвернаго вѣтра, курится одинокая вѣжа лопаря, сторожащаго безлюдное становище. Зато лѣтомъ почти въ каждой губѣ ключемъ бьетъ промысловая жизнь, тысячи шнякъ и сотни людей и шкунъ бороздятъ воды океана, суета неутомимаго безотходнаго труда кипитъ въ станахъ, гдѣ небольшія, разволочныя избы переполнены рыболовами. Становища—тѣ же села, съ тѣмъ только различіемъ, что избы здѣсь разбросаны то одиночками, то группами по небольшимъ выступамъ и площадкамъ утесовъ. Однѣ вверху, другія внизу, однѣ упрятались въ горную щель, другія—ютятся у подножія сѣрыхъ скалъ, третьи торчкомъ выпятили свои срубы на плѣшкахъ куполообразныхъ холмовъ. Иногда одинъ станъ виситъ надъ другимъ, и по крутой тропинкѣ тянутся между ними жерди въ видѣ перилъ. Между избами—амбары для складовъ рыбы, скеи, изрѣдка черныя бани, жиротопенныя печи и заводы, и повсюду длинные ряды увѣшанныхъ сухою трескою палтуховъ, громадные костры сушеныхъ тресковыхъ головъ, тресковыя же головы, разсѣянныя и разбросанныя по всему берегу, чаны съ саломъ, жирныя, покойныя собаки и группы измученнаго на работѣ, но кажущагося до первой горячки здоровымъ на видъ трудоваго люда. На отмелый берегъ опрокинуты нарочно вытащенные и просто накренились на бокъ обсохшіе во время отливовъ шняки и карбасы; въ волнахъ бухты слегка покачиваются на якоряхъ шкуны, во всѣхъ направленіяхъ бороздятъ океанъ ладьи и парусныя лодки;—и, неизбѣжныя, впереди и позади, направо и налѣво, сѣрѣютъ и желтѣютъ причудливыя каменныя массы, на крайнихъ выступахъ которыхъ чернѣютъ кучки высокихъ деревянныхъ крестовъ. Это—могилы промышленниковъ, или погибшихъ на промыслѣ, или умершихъ здѣсь въ становищахъ, далеко отъ всего любимаго, милаго, дорогаго сердцу. Многочисленность этихъ кладбищъ свидѣтельствуетъ, какъ тяжелы условія мѣстнаго рабочаго труда, съ какими лишеніями сталкиваются на окраинѣ суроваго океана даже привычные къ неприхотливой жизни, на диво скованные, обитые всѣми непогодами, нищетою и морозами труженики нашихъ морей...

Но все же общее, главное ощущеніе, подавляющее всѣ другія, сквозь всѣ поры проникающее въ вашъ организмъ,—это ощущеніе

простора, величія и свѣжести. Просторъ вездѣ,—и въ этихъ гранитныхъ грядахъ, и въ этой безконечности океана. Вверху и внизу...

Первая колонія, первое поселеніе на дальнемъ сѣверѣ, на берегахъ Лапландіи (Мурмана) у студенаго моря, упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ еще въ 1264 г. Это—Кола. Она основана выходцами новгородскими, проложившими сюда путь черезъ Заволочье рѣкою Двиной и Бѣлымъ моремъ. Колу выбрали ушкуйники потому, что, окруженная горами, находящаяся у моря, она удобна была во-первыхъ, какъ гнѣздо для набѣговъ, а во-вторыхъ, какъ превосходное мѣсто для укрывательства отъ нападеній кочевыхъ инородцевъ. Изобиліе бѣлой рыбы и семги, выдры и бобровъ, близость океана съ его неисчерпаемыми богатствами, привлекли сюда первыхъ поселенцевъ. Изъ Колы съ перваго же времени стали вывозить въ Великій Новгородъ цѣнныхъ звѣрей: куницъ, лисицъ, выдръ и бобровъ. Республика включила далекій и невѣдомый край въ кругъ своихъ владѣній. Но въ теченіе первыхъ 300 лѣтъ охотниковъ для поселенія въ такой глуши не являлось вовсе и подчиненіе Новгороду было только номинальное. Горсть колонистовъ не могла заставить лопарей платить своей метрополіи ясачную подать. До 1530 года здѣсь не было даже ни одной церкви, а только стояла небольшая часовня. Но когда Іоаннъ III разгромилъ Новгородъ — Двинская область, Заволочье, Кольское поморье (Мурманъ) присоединены были къ Москвѣ. Съ этого времени колонія въ Колѣ увеличивается. Въ 1533 году здѣсь воздвигается первая церковь. Съ прибытіемъ же сюда Ѳеодорита, распространившаго христіанство между восточными лопарями, и Трифона, крестившаго западныхъ,—Кола становится центромъ умственнаго, религіознаго и гражданскаго прогресса, и представительницей славянскаго племени и славянскихъ началъ на крайнемъ Сѣверѣ. Одновременно и границы Россіи были расширены по Мурману до Ганвика. Въ 1550 г. въ Колу стали ссылать преступниковъ, городъ названъ острогомъ; здѣсь построили церковь, имѣвшую видъ четырехугольника, обнесеннаго двойною деревянною стѣной съ насыпью мелкаго камня по срединѣ и обведеннаго глубокимъ рвомъ. Прислали сюда воеводу, сотню стрѣльцовъ, а въ 1574 г. въ Колу былъ высланъ изъ Москвы писецъ Агалинъ для описанія по всей Лапландіи межъ и границъ частныхъ родовыхъ владѣльческихъ участковъ. Ему же было поручено сдѣлать и другія росписи, на общихъ началахъ Московскаго государственнаго строя. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ въ Колѣ острога, сюда начали стекаться изъ Кемскаго поморья и «нужные» людишки для промысловъ на Мурманѣ, о которомъ скоро вѣсть дошла и до Двинскаго края. Вскорѣ предпріимчивые холмогорцы стали отправлять на своихъ жалкихъ суденышкахъ отважныхъ рыбаковъ и промышлен-

Г. Кола (снятъ съ лѣваго берега р. Колы).

никовъ въ отдаленнѣйшія губы нашего Арктическаго запада. Вслѣдъ за холмогорцами на Мурманъ начали ходить пинежане, мезенцы и онежцы, такъ что весь этотъ берегъ съ ранней весны до осени оживлялся промысловою кипучею суетой по становищамъ, гдѣ пріѣзжіе удальцы понастроили землянки или просто жили вокругъ кое-какъ сложенныхъ печей. Сила новгородскаго духа сказывается въ этой исторіи первой колоніи въ Лапландіи. Она не исчезла на чужбинѣ безслѣдно, не слилась съ инородцами, но все росла и росла, поддерживаемая преданіями, оставленными по себѣ горстью ушкуйниковъ, врѣзавшихся въ самую глубь враждебнаго имъ края. Она оказала громадныя услуги сѣверному краю и Россіи, пріобрѣтя ему Лапландію и длинную береговую линію, которая была бы еще длиннѣе и богаче, если бы не укоротили ее въ 1826 году въ пользу норвежцевъ болѣе, чѣмъ на сто верстъ. Впрочемъ, объ этомъ ниже.

Всѣхъ становищъ здѣсь считается до сорока шести. Одни изъ нихъ представляютъ видъ людныхъ селеній, другія,—менѣе выгодныя по незначительности прилегающихъ къ нимъ губъ,—пустынны и только изрѣдка оживляются прибывающими сюда на время артелями поморовъ. Въ послѣднихъ нѣтъ даже избъ, а просто сложены печи и много-много, что чернѣютъ по двѣ или по три лопарскихъ вѣжи, да и то если вблизи есть рѣка, гдѣ производится семужій промыселъ. Такія пустыя, промысловыя урочища находятся по всему пространству Мурмана, отъ Св. Носа до р. Лицы, за четырнадцать верстъ отъ становища Семи-островскаго. Въ каждомъ изъ нихъ ежегодно собирается отъ 20 до 300 промышленниковъ. Всего же можно принять, что на Мурманѣ промышляетъ ежегодно около 3,600 человѣкъ, считая съ колянами, которые ловятъ рыбу въ западныхъ становищахъ и губахъ. Большая часть промышленниковъ собираются изъ Кемскаго уѣзда. Вообще же занято этими промыслами: изъ Онежскаго уѣзда 730 взрослыхъ и 92 дѣтей, а изъ Кемскаго уѣзда 2,538 взрослыхъ и 320 дѣтей. Это временное населеніе мурманскихъ бухтъ, губъ и заливовъ раздѣляется на артели, по четыре человѣка въ каждой, т. е. на всемъ пространствѣ Мурмана работаетъ лѣтомъ до 850 артелей. Основанія, на которыхъ устроены послѣднія, и распредѣленіе труда между членами каждой такой общины такъ интересны, что мы остановимся на нихъ подолѣе, тѣмъ болѣе, что нигдѣ нѣтъ до такой степени жалкаго, необезпеченнаго, тяжелаго положенія, какъ то, въ какомъ находится нашъ мурманщикъ.

Почти въ каждомъ селеніи Кемскаго поморья есть судовладѣлецъ, или просто кулакъ побогаче другихъ, снаряжающій ежегодно артели на Мурманъ. Одни и тѣ же промышленники изъ лѣта въ лѣто крутятся, нанимаются въ его артель. Они ему «привержены», по мѣст-

ному выраженію, т. е. находятся въ вѣчной кабалѣ у него, вслѣдствіе долговъ, наросшихъ мало-по-малу на ихъ отцахъ и дѣдахъ и перешедшихъ на нихъ по наслѣдству. Количество этихъ долговъ еще увеличивается, потому что каждую зиму семья рабочаго и онъ самъ продовольствуются на счетъ хозяина. Къ началу марта послѣдній собираетъ артели на пять, на шесть и болѣе шнякъ. Каждая артель имѣетъ свою шняку и состоитъ изъ четырехъ членовъ: *коршика* (кормщика)—опытнаго моряка и ловца, управляющаго лодкой и промыслами, представителя хозяйскихъ интересовъ на шнякѣ и въ становищѣ (соотвѣтствуетъ норвежскому Hovedsmand), *наживодчика* или наживщика, наживляющаго крючки яруса приманкой, *весельщика* и *тяглеца*, закидывающаго въ море и вытягивающаго оттуда сѣть. Вмѣстѣ съ партіей промышленниковъ отправляются на промыселъ и зуйки, т. е. дѣти, которыхъ берутъ, чтобъ пріучить ихъ къ промыслу и дать имъ возможность заработать малую толику. Названіе зуйковъ они получили потому, что, какъ чайки-зуйки, дѣти хватаютъ рыбу, гдѣ можно и гдѣ имъ дадутъ ее. Обыкновенно имъ бросаютъ съ каждыхъ двухъ тюковъ снасти по одной рыбѣ. Добычу свою зуекъ солитъ хозяйскою солью и продаетъ въ Архангельскѣ, при чемъ хозяинъ вычитаетъ изъ вырученныхъ денегъ цѣнность соли. Зуйки зарабатываютъ иногда при урожаѣ рыбы до 20 и 25 руб. въ лѣто. Взамѣнъ подачекъ, они обязаны приготовлять промышленникамъ пищу, содержать въ чистотѣ ихъ жилища, распутывать и аккуратно переглушать снасть и исполнять вообще подобныя работы аккуратно. Въ случаѣ болѣзни кого либо изъ членовъ артели, зуекъ занимаетъ его мѣсто и получаетъ за это по 1 руб. въ сутки, которые вычитаются изъ доли больнаго. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ зуйку поручаютъ наживлять уды. Зуйки соотвѣтствуютъ юнгамъ на елахъ. норвежскихъ рыболововъ.

Добыча каждой шняки считается отдѣльно. По продажѣ ея, вырученная сумма дѣлится на двѣнадцать паевъ, изъ которыхъ восемь хозяинъ беретъ себѣ, а четыре отдаетъ рабочимъ, по одному на каждаго, прибавляя отъ себя ¼ пая или даже ½ пая (очень рѣдко), смотря по достоинству, кормщику. Кромѣ того, послѣдній при самомъ наймѣ его, если только онъ имѣетъ уже солидную извѣстность и репутацію превосходнаго моряка, получаетъ иногда такъ называемый *свершонокъ*, т. е. денежный подарокъ отъ 5 до 12 и 20 руб. Доля покрутчика колеблется между восемьюдесятью рублями и пятнадцатью, но за среднюю ея цифру можно принять 60 р.; менѣе, да и болѣе этого рѣдко приходится на пай рабочаго.

Отсюда ясно, что за 8 или 7½ паевъ (за вычетомъ ½ пая, отдаваемаго хозяиномъ кормщику) на долю одного перваго очистится все-

таки 450 р., а на долю втораго и рабочихъ—270 р. Издержки на устройство промысла хозяинъ понесетъ слѣдующія: покупка или постройка небольшой шняки—75 р., заведеніе яруса—100 р., по одному кулю муки на каждаго члена артели,—4 куля—40 р., соль и крупа—20 р., остальные расходы—50 р. Итого затрата хозяина на предпріятіе—285 р., выручка 450 р., чистый доходъ 175 р. или болѣе 65%. Хозяинъ, снаряжающій десять шнякъ,—а это случается въ большинствѣ,—пріобрѣтетъ 1,750 руб. Но это въ первый годъ заведенія промысла. Шняка служитъ 5 лѣтъ, а ярусъ—отъ 2—3 лѣтъ. Такъ что на второй и на третій годы хозяинъ тратитъ только не болѣе 130 р., а выручитъ 320 руб. или почти 260% на 100. Въ теченіе же пяти лѣтъ на одну шняку онъ, истративъ 870 р., выручитъ 2,250 р., т. е. получитъ чистаго барыша 1,380 р., а на десять шнякъ истратитъ 8,700 р. и выручитъ 22,500 р., или почти утроитъ капиталъ, положенный въ основу предпріятія. Въ то же время, т. е. въ 5 лѣтъ, рабочій получитъ 300 р. за упорный тридцати-пяти-мѣсячный трудъ *).

Въ дѣйствительности же покрученникъ не получаетъ и этого. Зимою онъ забираетъ у хозяина хлѣбъ на всю свою семью и на себя, лѣтомъ же только на свою семью. И въ томъ и другомъ случаѣ въ долгъ. За пудъ хлѣба, оплаченный въ Архангельскѣ однимъ рублемъ, хозяинъ беретъ съ него 1 р. 30 к. и мало-мало 1 р. 25 к. Если рабочій производитъ сельдяной промыселъ силами своей семьи, въ то время, какъ самъ находится на Мурманѣ, если его отецъ, братья, родные ловятъ дома семгу—въ томъ и въ другомъ случаѣ на посолъ рыбы ему нужна соль, которую онъ тоже получаетъ въ долгъ у хозяина. За соль въ бѣломорскихъ селахъ міроѣды грабятъ по 70, 80 и 90 к. за пудъ, тогда какъ имъ она обошлась только по 30, 40, 50 к. за пудъ и даже дешевле. Такимъ образомъ, капиталистъ съ покрученника на хлѣбѣ беретъ 25 и 30%, на соли отъ 40—90—100%. Кромѣ того, лѣтомъ по дорогѣ изъ Норвегіи въ Архангельскъ хозяинъ заѣзжаетъ въ становище, гдѣ промышляетъ его артель, и завозитъ туда норвежскій ромъ. За ведро послѣдняго (анкерокъ=3 ведра) онъ беретъ по 7—8 р., тогда какъ ему онъ обошелся по 2 р. 40 к., т. е уже беретъ по 300% на 100. Такимъ образомъ, разсчитываясь съ хозяиномъ по окончаніи промысла, рабочій денегъ не видитъ вовсе, а покрываетъ, *на сколько возможно*, старый долгъ и тутъ же молитъ

*) Вообще же помору-судохозяину каждый покрученникъ (считая все) обходится въ 35 р. Если онъ возьметъ на промышленника по 40 р., то онъ уже вышелъ изъ убытка, а когда при хорошемъ промыслѣ ему достанется по 80, 90, 100 руб. съ каждаго и болѣе, то барышъ его уже становится весьма значительнымъ.

міроѣда Христомъ-богомъ — не отказать ему въ новомъ кредитѣ. Весною ему понадобятся деньги для уплаты податей—опять иди на поклонъ къ хозяину. Такимъ образомъ, созидается здѣсь *болѣе, чѣмъ крѣпостная* зависимость. Это еще не все. Въ становищахъ Мурманскаго берега хозяева изъ доли рабочаго вычитаютъ, хотя и не въ свою пользу (нынче, впрочемъ, случается, что и въ свою), за каждый прогульный день по 1 р. Не вышелъ рабочій просто по произволу, отъ лѣни, или уложила его на нары душной и вонючей избы горячка—все равно, исключеній изъ общаго правила не бываетъ вовсе. Болѣзни здѣсь очень часты: въ 1871 г. въ Териберкѣ, напримѣръ, на общее число промышленниковъ было 35% больныхъ, изъ нихъ умерло 14,5% (всѣхъ горячечныхъ больныхъ было 103 ч. на 294 промышленника). Въ Гавриловѣ на 315 покрученниковъ заболѣло 115, т. е. 36,5%; изъ нихъ умерло 2; въ Щербинихѣ на 64 промышленника заболѣло 34 или 53,1%; въ Семи-Островахъ на 147 промышленниковъ было 80 больныхъ или 54%. Изъ этихъ цифръ прямой выводъ, что треть или болѣе промышленниковъ непремѣнно переболѣетъ. Въ благопріятномъ случаѣ изъ 25 покрученниковъ умретъ одинъ, а восемь или девять переболѣютъ. Количество умирающихъ даетъ отъ 25 до 5%. Горячки довольно упорны. Положимъ, что каждый больной провелъ въ тифѣ, горячкѣ или лихорадкѣ, не на работѣ, а дома, три недѣли—изъ его доли вычтется 21 р. Разложивъ эту долю на всѣхъ промышленниковъ, находимъ, что каждый вмѣсто 60 р. получитъ только 53. Отсюда ясно, чѣмъ вознаграждается покрученникъ пресловутой поморской артели; но для того, чтобы убожество этой платы было еще понятнѣе и рельефнѣе, опишемъ, что долженъ сдѣлать рабочій и гдѣ онъ долженъ жить.

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ кемскомъ и онежскомъ поморьѣ еще царитъ зима въ полномъ смыслѣ этого слова. Если порою и удаются весенніе дни, то непосредственно за оттепелями слѣдуютъ полярные морозы, сѣверный вѣтеръ захватываетъ дыханіе и только-что обмокшій снѣгъ покрывается ледянымъ настомъ. Въ эту пору изъ Ворзогорской, Калгачинской и Вачевской волостей Онежскаго и со всѣхъ волостей Кемскаго уѣздовъ толпы покручниковъ отправляются на Мурманъ, по большей части пѣшкомъ, такъ какъ рѣдкіе изъ нихъ могутъ нанять лошадь для подвоза, или оленя съ кережкой; да въ послѣднемъ случаѣ промыселъ не окупилъ бы затраты на него. Такимъ образомъ, они должны пройти изъ своего села до урочища *Роснаволокъ* внутри Лапландіи; отсюда же до Колы и изъ Колы до становищъ ихъ уже везутъ на оленяхъ, такъ какъ въ Роснаволокѣ они поступаютъ на содержаніе хозяина. На промыселъ снаряжаются небогато, у другаго и теплаго платья нѣтъ, а дорога длинная. Больше

мѣсяца его томитъ усталь, обдуваетъ леденящій сѣверовосточный вѣтеръ, на смерть бьютъ 30 и 25-градусные морозы. За собою онъ долженъ тащить кережку почти съ семью пудами клади. Если нѣтъ на пути села, или разстояніе отъ одного пункта до другаго чрезмѣрно, что на малолюдномъ Сѣверѣ случается чаще всего, покрученникамъ приходится заночевывать въ промысловой хижинкѣ, скучиваясь на пространствѣ двухъ квадратныхъ сажень по десяти, двадцати человѣкъ и болѣе. Еще хуже, ежели по дорогѣ нѣтъ и этого странноприимнаго дома. Тогда странники разгребаютъ снѣгъ и ложатся одинъ къ другому поближе, или зарываются въ снѣговые сугробы и спятъ въ нихъ до утра. Вмѣстѣ съ взрослыми идутъ на промыселъ и зуйки—дѣти отъ 10—15 лѣтъ. Понятно, какъ такіе трудные пути должны отзываться на ихъ еще не окрѣпшихъ организмахъ. Въ Роснаволокѣ скопляются массы покрученниковъ за недостаткомъ оленей. Они располагаются «на голомъ снѣгу, подъ защитою какого нибудь жалкаго навѣса изъ вѣтвей, и нерѣдко ожидаютъ въ такомъ положеніи по недѣлѣ возможности отправиться въ путь *).

Часто въ дорогѣ выходятъ у нихъ припасы, денегъ не оказывается и ватага терпитъ такія лишенія, которыя развѣ-развѣ могутъ быть сравниваемы съ страданіями сибирскихъ варнаковъ, бѣжавшихъ изъ рудниковъ въ лѣса и трущобы Забайкалья. Такой путь дѣлается рабочимъ на пространствѣ отъ 500 до 1,000 верстъ, гдѣ онъ долженъ истратить по крайней мѣрѣ 10 руб. собственныхъ денегъ на продовольствіе и уплату за ночлеги до Роснаволока. Наконецъ, промышленникъ прибылъ въ становище. Тутъ—новыя лишенія. Избы мурманскихъ становъ выстроены изъ лѣса, привезеннаго изъ поморья. Лѣсъ берется дешевый, слѣдовательно неровный, сырой, плохой. Въ стѣнахъ избы—громадныя щели, крыши часто разворочаны, внутри все переполнено снѣгомъ. Отдохнуть некогда, нужно сначала вычистить снѣгъ, кое-какъ поправить развалившуюся печь. Потомъ уже можно расположиться спать мертвымъ сномъ посреди всей этой сырости въ избѣ, гдѣ гниль стоитъ въ воздухѣ, душномъ до того, что «хоть топоръ вѣшай» въ немъ, по мѣстному выраженію. Тутъ же сушится одежда промышленниковъ, а впослѣдствіи, когда начнется промыселъ, и снасти, причемъ приставшая къ нимъ морская трава разлагается отъ тепла и издаетъ весьма сильную вонь. Насѣкомыя водятся здѣсь въ ужасающихъ количествахъ, избы кишмя кишатъ всевозможными родами и видами самыхъ отвратительныхъ паразитовъ. Кромѣ того, на берегахъ становищъ разбросаны слоями внутренности

*) Путь этотъ подробно разсказанъ въ очеркахъ «У Океана».

трески, гніющія и распространяющія міазмы по всей окрестности. Въ Норвегіи изъ нихъ выдѣлываютъ превосходное гуано, высушивая и вымалывая ихъ въ порошокъ. У насъ эта доходная статья пропадаетъ безъ всякой пользы.

Въ такихъ избахъ, на пространствѣ отъ 3 до 4 квадратныхъ сажень, скучивается отъ 15 до 30 человѣкъ, на нарахъ и подъ нарами. Больные здѣсь не отдѣлены отъ здоровыхъ, дѣти—отъ взрослыхъ. Въ этихъ именно притонахъ скорбута и горячекъ промышленники, по прибытіи въ становище, проводятъ по недѣлѣ и по двѣ, безъ дѣла и почти безъ движенія, вслѣдствіе непогодъ, мѣшающихъ выйти на ранній промыселъ. Короче сказать, въ самомъ началѣ промысла скопляются всѣ условія, неизбѣжно вызывающія цынгу. Были изслѣдователи (напр. г. Данилевскій) и весьма почтенные, признававшіе подобные станы сносными, отрицая ихъ вредное вліяніе на здоровье промышленниковъ. Но если моего свидѣтельства недостаточно, то вотъ что говоритъ, напримѣръ, докторъ Држевецкій, посѣщавшій этотъ берегъ въ 1871 г. «Какъ цынга, такъ и тифъ (на Мурманѣ), обусловливаются дурными жилищами, сырымъ воздухомъ, наполненнымъ міазмами, развивающимися отъ гніенія животныхъ веществъ. Тифъ есть болѣзнь заразная и *не происходитъ отъ одной только простуды*. Заразительное вещество тифа образуется именно при тѣхъ условіяхъ, которыми богаты промысловые станы, т. е. при скученіи людей *въ тѣсномъ пространствѣ и при наполненіи воздуха гнилостными животными испареніями*. Въ тюрьмахъ люди рѣдко простужаются, а между тѣмъ такъ часто заболѣваютъ тифомъ, что онъ тутъ получилъ особое названіе «*тюремный тифъ*». То же самое говоритъ и докторъ Ульрихъ.

Наконецъ начинается промыселъ. Въ первое время, т. е. весною, покрученники рѣшительно имѣютъ право на мученическій вѣнецъ. Отправляясь въ шнякахъ версты за четыре, за пять отъ берега, они выкидываютъ снасть на опредѣленномъ мѣстѣ. При этомъ ярусъ наживляется мойвой. Наживку въ мѣшкѣ опускаютъ въ воду, чтобы рыба не обледенѣла и не потеряла гибкости. Всякій разъ, когда наживодчикъ опускаетъ рыбу за рыбою въ воду, соленая влага разъѣдаетъ накожныя трещины, образовавшіяся отъ холода, оттого и руки его обыкновенно покрыты язвами и болячками. Платье подъ вѣтромъ коробится и не защищаетъ покрученниковъ отъ стужи. Часто пальцы промышленниковъ покрываются толстымъ слоемъ льда, прежде чѣмъ они успѣютъ насадить наживку на крюкъ яруса. Въ это время года нерѣдко поднимается буря. Экипажъ шняки долженъ бросить ярусъ и для спасенія своей жизни подплыть къ какому-нибудь голому острову, просто скалѣ, поднимающейся изъ волнъ океана. Непогоды продолжаются по нѣскольку дней—и люди въ это время не могутъ оставить

своего убѣжища. Что имъ остается?—Одно—«или голодная смерть, или гибель въ океанѣ», говоритъ офиціальный докладъ секретаря Архангельскаго Статистическаго Комитета. Промышленники, возвращающіеся съ Мурманскаго берега домой, несутъ съ собою въ родныя села и тифъ, и горячки. Такъ въ Кемскомъ уѣздѣ въ 1865, 1866 и 1868 г., по окончаніи Мурманскихъ промысловъ началась тифозная, а въ 1866, 1867, 1870 и 1871 гг. возвратная горячки. Медицинская помощь на Мурманѣ организована слѣдующимъ образомъ. На всемъ протяженіи этого восьмисотверстнаго берега, считая со всѣми его извилинами, есть только одна больница, да и то *безъ оконъ, безъ крыши, безъ двери, безъ пола, безъ кроватей, безъ больныхъ, безъ врача, безъ аптеки*. Она находится въ становищѣ Гавриловѣ и уже лѣтъ пятнадцать, какъ въ ней никого не пользуютъ. Въ различныхъ пунктахъ Мурмана живутъ трое фельдшеровъ, но они *вѣчно пьянствуютъ*, не имѣютъ у себя никакихъ лекарствъ, обираютъ при случаѣ покрученниковъ и, вмѣсто исцѣленія больныхъ, заражаютъ сифилисомъ дѣвушекъ и колонистокъ. Правительство на одну командировку врачей въ этотъ отдаленный край въ лѣто 1870 года истратило болѣе 15,000 руб., тогда какъ, ассигновавъ ту же сумму по 1,000 р. въ годъ, въ добавочное содержаніе медику, который бы согласился каждое лѣто объѣзжать Мурманъ, оно на пятнадцать лѣтъ обезпечило бы его населенію возможность врачебной помощи и создало бы здѣсь благотворный медицинскій надзоръ. Эти же пятнадцать тысячъ пропали вовсе непроизводительно. Врачи пріѣхали—осмотрѣли станы и нашли то, что и до нихъ было извѣстно всѣмъ и каждому.

Измѣнить вредныя въ санитарномъ отношеніи условія жизни мурманскихъ покрученниковъ возможно только обязавъ хозяевъ артелей выстроить для нихъ просторныя, свѣтлыя, прочныя и чистыя избы. Въ самомъ дѣлѣ,—они легко могли бы изъ крохъ, идущихъ у нихъ ни во что, сдѣлать значительно сноснымъ положеніе своего рабочаго на промыслѣ. Церемониться съ подобными господами нечего! Кстати скажемъ, что сами хозяева вполнѣ раздѣляютъ основательность только что выраженной мысли и, если не строятъ другихъ избъ, то только потому, что не получили на это приказанія, а сдѣлать это по собственной иниціативѣ не рѣшаются изъ скупости.

Заработки хозяевъ и рабочихъ распредѣляются такъ: на долю первыхъ приходится 245,000 р., а на долю послѣднихъ 100,000 рублей, тогда какъ покрученниковъ вдесятеро болѣе, чѣмъ кулаковъ. Вотъ нѣкоторыя не безъинтересныя въ этомъ отношеніи цифры за 1872 годъ. Въ Колежемской волости на долю 27 хозяевъ отъ мурманскаго промысла пришлось 13,000 р., а на долю ихъ 212 рабочихъ (51 чел. зуйковъ)—10,400 р. Въ Сумскомъ посадѣ на 27 хозяевъ—25,000 р.,

а на 98 рабочихъ (21 з.)—4,315 р. Въ Шуерецкой волости на 26 хозяевъ—25,000 р., а на 105 рабочихъ (12 з.)—6,180 р. Въ Сороцкой волости на 75 хозяевъ—50,000 р., а на 279 рабочихъ—17,000 р. Въ Керетской на 15 хозяевъ 8.000 р., а на 94 рабочихъ—4,700 р. Въ Нюхочской на 11 хозяевъ приходится отъ 5,000 р. до 6,000 р., а на 349 рабочихъ—до 15,000 р. и т. д. Такимъ образомъ, каждый хозяинъ въ Нюхчѣ получитъ 454 р., а каждый рабочій тамъ же 43 р.; въ Колежмѣ первый—500 р., второй—46 р.; въ Сумскомъ посадѣ первый—1,000 р., второй—45 р.; въ Шуерѣцкой волости первый—1,000 р., второй—57 р.; въ Сороцкой первые—по 666 р., вторые—по 64 р. Къ этимъ цифрамъ прибавлять нечего. Ознакомившись съ ними, всякій пойметъ, насколько поморскій «*покрутъ*» имѣетъ права называться *артелью*.

Кольскія промысловыя артели устроены на другихъ основаніяхъ. Онѣ состоятъ уже не изъ покрученниковъ, а изъ уженьщиковъ. Одни изъ нихъ—совершенно свободны. Нѣсколько человѣкъ, имѣющихъ отъ 100—150 р., собираются, заводятъ шняку и промысловый снарядъ и промышляютъ сами, дѣля добычу сообразно вкладу каждаго въ общее предпріятіе. Часть добычи, приходящаяся на промышленника по раздѣлу, называется у нихъ ужной, отсюда и названіе—уженьщикъ. Продовольствуются они отдѣльно и на свой счетъ. Часто хозяинъ, не особенно состоятельный, нанимаетъ трехъ крестьянъ уже на его харчахъ и самъ промышляетъ съ ними. Они получаютъ при наймѣ отъ 30—35 р. въ долгъ впередъ, по окончаніи же лова добыча дѣлится на двѣ равныя части, одна изъ нихъ поступаетъ въ пользу хозяина, другая—въ артель. Изъ послѣдней половины вычитаются взятыя впередъ деньги. Такимъ образомъ, когда поморъ покрученникъ получаетъ $^1/_{12}$ долю промысла, кольскій наемный уженьщикъ беретъ $^1/_6$, случается и $^1/_8$, а свободный $^1/_4$ часть. Наемные уженьщики находятся на хозяйскомъ продовольствіи, получая чай, сахаръ, муку и крупу. Если они, послѣ Петрова дня, работая уже на себя, испортятъ снасть—то за это они обязываются заплатить соотвѣтствующимъ количествомъ работы въ слѣдующую весну. Неудачный вешній промыселъ отзывается здѣсь на интересахъ хозяина, потому что онъ не выручитъ и тѣхъ 90 или 105 рублей, которые онъ впередъ задалъ уженьщикамъ, а возвратъ этой ссуды съ послѣднихъ почти всегда безнадеженъ. Обыкновенно случается, что на каждаго наемнаго уженьщика приходится отъ 50—80 рублей за періодъ времени *до Петрова дня*. Послѣ этихъ двухъ съ половиной мѣсяцевъ вешняго промысла уженьщики берутъ хозяйскую снасть и шняку, и промышляютъ *уже на себя*, только изрѣдка по особеннымъ уже условіямъ, отдавая хозяину $^1/_4$ промысла въ уплату долговъ. Это время, разумѣется, они

Промысловый ботъ «Карбазъ.»

ѣдятъ свое. Кольскія снасти менѣе поморскихъ. На кольской шнякѣ промышляютъ зачастую и женщины, чего нѣтъ у поморовъ. Весною двѣ дѣвушки считаются за одного уженьщика и получаю т не $^1/_6$ долю каждая, а $^1/_{12}$, а лѣтомъ, послѣ Петрова дня, кажда изъ нихъ участвуетъ въ дѣлежѣ добычи наравнѣ съ «мужиками». По показаніямъ кольскихъ промышленниковъ, *округомъ*, т. е. за все промысловое время, рабочій можетъ взять на ужну 150 р. Замѣчаніе г. Данилевскаго, что кольскій промышленникъ все же получитъ менѣе поморскаго покрученника, потому что долженъ добычу отдать хозяину за произвольную, послѣднимъ назначаемую цѣну, которая вдвое и втрое менѣе получаемой поморами въ г. Архангельскѣ, справедливое прежде, въ настоящее время уже потеряло свое значеніе. Такъ было въ періодъ процвѣтанія Мартемьяна Базарнаго, Шабуниныхъ и другихъ, когда конкурренціи между скупщиками вовсе не существовало а въ Петербургъ отправлялось самое незначительное количество рыбы. Теперь далеко не то. На Мурманѣ взаимно соперничаютъ Савинъ, Паллизенъ, Базарный, Зебекъ, Филипповъ и др., и цѣны на треску стоятъ хорошія. Она болѣе чѣмъ въ десять разъ поднялась въ эти восемь лѣтъ. Кольскій уженьщикъ продаетъ уже съ Петрова дня уловленную имъ рыбу кому хочетъ, а за промыселъ до Петрова дня хозяинъ долженъ разсчитаться *не по произвольной, а по существующей на мѣстѣ* цѣнѣ. Понятно, что послѣ такихъ данныхъ невозможно отстаивать прелести поморскаго покрута передъ дѣйствительными преимуществами кольскаго промысла. Сами хозяева, Кононовъ въ Тириберкѣ, Филипповъ въ Еретикахъ, Водохлѣбовъ, Мирониновъ и др. говорили мнѣ, что они вполнѣ сознаютъ выгоды свободной кольской артели, а Кононовъ прибавлялъ къ этому, что бытъ промышленника только тогда и улучшится, когда нынѣшній покрутъ замѣнится свободной артелью. Есть еще въ Поморьѣ два рода свободной артели: въ Сорокѣ и Колежмѣ. Въ первой изъ 279 промышленниковъ, покрученниковъ считается 138, остальные 141—свободные ловцы. Въ Колежмѣ изъ 161 промышленника крутятся только 60 человѣкъ. Свободные ловцы собираются по четыре, вносятъ каждый соотвѣтствующую часть яруса, кто сколько можетъ, и дѣлятъ добычу сообразно съ долею въ издержкахъ на предпріятіе. Благодаря такому порядку, благосостояніе этихъ пунктовъ не можетъ быть даже сравниваемо съ отчаянною нищетою остальнаго района. Ко всему сказанному о поморскомъ покрутѣ необходимо прибавить, что хозяева еще и скверно кормятъ своихъ покрученниковъ. Приведу разсказъ человѣка, хорошо знающаго этотъ край и промысловую жизнь черноробочихъ артелей. У хозяевъ плохо ѣдятъ покрученники. Кромѣ муки они только для праздниковъ получаютъ по 10 ф. пшена или гречихи

на 16 человѣкъ. Поэтому рабочіе для улучшенія пищи прибѣгаютъ къ непозволительнымъ средствамъ: тайно продаютъ другимъ не только выловленную рыбу и добытое сало, но и снасти. Капитанъ Левенштернъ имѣлъ нѣкогда въ Гавриловѣ свой собственный рыболовный станъ. Желая улучшить положеніе своихъ людей, онъ доставлялъ имъ свѣжую и сытную провизію: солонину, горохъ, масло, крупу, водку, чай и проч.; но всѣ остальные хозяева единодушно и энергично возстали противъ него, требуя съ угрозами прекращенія этого «бунтовскаго» порядка. Намъ только неизвѣстно, испугался ли Левенштернъ названія бунтовщика и пересталъ ли кормить своихъ рабочихъ солониной, или отнесся къ этому хладнокровно, и знамя бунта въ видѣ бочки съ солониной было утверждено въ его станѣ. Противоцынготныхъ средствъ хозяева не даютъ вовсе промышленникамъ, кромѣ лука. Но послѣдняго тѣ не ѣдятъ, потому что отъ него будто бы заводятся насѣкомыя, а ложечной травы они не употребляютъ, считая это великимъ грѣхомъ. Когда капитанъ Левенштернъ привезъ на Мурманъ лимоновъ, то промышленники предлагали ему по 2 р. сер. за каждый.

На Мурманѣ ловятся слѣдующіе роды рыбъ: *треска*, *пикша* или *пикшуй*, *сайда*, *палтусъ*, *морская камбала*, *ерши*, *морской налимъ* или *линекъ*, *морской окунь* и *зубатка*.

Треска ловится по всему Мурманскому берегу. Она любитъ преимущественно глубокія мѣста и постоянно находится на днѣ моря, такъ что за нею выметываютъ ярусы на глубинѣ 50, 60, а иногда и болѣе 80 саженъ. Необыкновенная икряность этой рыбы, глубина мѣстъ, гдѣ она мечетъ икру, и безопасность ихъ обезпечиваютъ тресковый промыселъ отъ истощенія.

Можно съ полною увѣренностью сказать, что ежели бы количество мурманскихъ промышленниковъ увеличилось вдвое, то и тогда добычи стало бы на всѣхъ. Уловы также могли бы быть значительно изобильнѣе нынѣшнихъ, если бы покрученники выѣзжали за трескою подалѣе отъ береговъ, чего, впрочемъ, трудно ждать, пока наши плохія шняки не замѣнятся елами, уже появляющимися въ западныхъ становищахъ Мурманскаго берега. Поморы разсказывали г. Данилевскому, что въ началѣ декабря треска наваливается къ берегамъ, какъ бы отыскивая себѣ удобныя мѣста для метанія икры, но не мечетъ ее въ то время. Икра ея еще и не созрѣла, и рыба хорошо клюетъ наживку. Къ Рождеству всякій ловъ прекращается, какъ по недостатку сбыта рыбы въ это время, такъ и по суровости погоды, и возобновляется около Благовѣщенія, въ концѣ марта. Въ это время ещѣ попадается рыба съ свободно вытекающими изъ нея икрою и молоками, изъ чего должно заключить, что настоящее время икромета у трески падаетъ на февраль мѣсяцъ и на начало марта. Вешніе промыслы считаются лучшими.

Причины изобилія рыбы или истощенія ея заключаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ тѣхъ мелкихъ породъ мойвы, сельдей и песчанокъ, за которыми гоняется треска. А эти въ свою очередь, питаясь морскими червями и мелкими ракообразными животными, слѣдуютъ въ своемъ появленіи размноженію или уменьшенію послѣднихъ. Самое отсутствіе въ данномъ мѣстѣ мелкихъ рыбъ, а за ними и трески, ведетъ за собою размноженіе низшихъ породъ морскихъ животныхъ, которыя подготовляютъ обиліе рыбы, такъ что равновѣсіе возстановляется само собою. Можно сказать вообще, что тамъ, гдѣ появленіе рыбы близъ береговъ основано на отысканіи себѣ пищи, изобиліе или недостатокъ будутъ имѣть всегда періодическій характеръ; тамъ же, гдѣ оно основано на удобствѣ мѣстности къ размноженію породъ, появленіе рыбы будетъ болѣе постоянно. Пикшуй гораздо меньше трески и дешевле ея. Онъ также попадается на тресковые ярусы и общій уловъ его на Мурманѣ можно опредѣлить въ 25,000 р. Сайда ловится иначе и никогда почти не попадается на крючья ярусовъ, она не опускается на дно моря, поэтому ее добываютъ въ поддоны или ноты, родъ четырехугольныхъ сѣтей, выметываемыхъ подъ пунктомъ, куда направляется сайда; палтусы зато ловятся вмѣстѣ съ трескою на ярусы и иногда достигаютъ здѣсь 11 и 12 пудъ вѣса, случается и по 18 пудъ. Камбалы, окуни, налимы и ерши не цѣнятся вовсе, а потребляются промышленниками на мѣстѣ. Зубатка солится и идетъ въ Архангельскъ, но продается почти на половину дешевле трески; употребленіе зубатки въ пищу свѣжею вызываетъ головокруженіе, тошноту и рвоту.

На Мурманскомъ берегу треску ловятъ преимущественно ярусами. Колонисты же, поселившіеся на Рыбачьемъ полуостровѣ, въ Волоковой губѣ и въ Урѣ, употребляютъ для той же цѣли уды или длинники. Ярусомъ называется рядъ веревокъ, связанныхъ концами въ одну длинную линію. Къ каждой изъ нихъ, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, прикрѣплены оростяги—короткія бичевки съ крючками на концахъ. Къ ярусу обыкновенно прицѣплены якоря, чтобы онъ крѣпко держался на днѣ. Отъ якорей идутъ веревки до поверхности воды съ деревянными кубасами или поплавками, въ которые вставляются длинныя палки или махавки наверху. Посредствомъ этихъ значковъ, плавающихъ на морѣ, издали легко отличить, гдѣ именно находится ярусъ. Въ Норвегіи вмѣсто деревянныхъ кубасовъ употребляются пустые стекляные шары, обтянутые бичевочною сѣткой. Отдѣльныя веревки, изъ которыхъ состоитъ ярусъ, называются стоянками, стеклинами. Длина каждой стоянки равняется 33—42 саженямъ, а стеклина отъ 42 — 50 с. Три привязанныя одна къ другой концами стоянки или стеклины называются тюкомъ. Стоянки каж-

даго тюка никогда между собою не развязываются, а тюки отдѣляются одинъ отъ другаго тотчасъ же по извлеченіи яруса изъ воды. Они свертываются и сушатся отдѣльно. Нѣсколько тюковъ, соединенныхъ концами, составляютъ ярусъ. Къ оростягамъ прицѣпляются англійскіе крючья, совершенно вытѣснившіе отсюда русскія издѣлія того же рода. Еще г. Данилевскій встрѣчалъ на Мурманѣ крючки, выдѣлываемые въ Нижегородской губерніи; я же, начиная отъ Семиостровья и до Вайдо-Губы, уже не видѣлъ ни одной такой уды. Объ этомъ, впрочемъ, и жалѣть нечего. Русскіе крючки были менѣе прочны, часто ломались и, не смотря на ихъ сравнительную дешевизну, были далеко не такъ выгодны, какъ англійскіе. На нихъ неудобно было ловить треску. Англійскія же каленыя уды стоятъ немного дороже, а относительно прочности выдерживаютъ вдвое противъ нашихъ. Промыселъ во всѣхъ восточныхъ и среднихъ становищахъ производится на шнякахъ, а въ западныхъ на шнякахъ и на елахъ. Шняка—открытая лодка, длиною въ 35, шириною въ 7 или 8 и глубиною внутрь по борту—$3^1/_2$ ф. Она поднимаетъ отъ 450 до 500 п. груза и сидитъ при этомъ въ водѣ на $2^1/_2$ и болѣе футовъ. Вооруженіе этого плоскодоннаго судна ограничивается мачтою, снастью и веслами. Шняка хорошо ходитъ подъ парусами, даже кое-какъ можетъ лавировать, но за то тяжела на подъемъ, трудно идетъ на веслахъ и не выноситъ сильнаго вѣтра, при которомъ ее кружитъ, заплескиваетъ волною и топитъ! Прежде промышленники не рѣшались на нихъ выбираться далѣе пяти верстъ отъ берега, потому что русская шняка дурно выдерживаетъ волненіе океана; теперь же выметываютъ яруса и въ 30 верстахъ. Ела то же, что и шняка, только уже въ концахъ и съ острымъ килемъ и дномъ. Она, правда, съ трудомъ ходитъ безъ балласта, зато съ послѣднимъ представляетъ гораздо высшія морскія качества, чѣмъ шняка. Норвежцы на елахъ предпринимаютъ далекіе морскіе переходы и всегда удачно. Употребительнѣйшее орудіе для ловли трески и палтусовъ ярусъ, съ одинаковыми удобствами можетъ умѣщаться и на елѣ, и на шнякѣ. Шняка, къ бортамъ которой прибито нѣсколько досокъ, такъ что она глубже сидитъ въ водѣ и подымаетъ большіе грузы, называется раньшиной. Первые уловы трески въ Архангельскъ всегда доставляются на такихъ раньшинахъ, пробирающихся по океану и Бѣлому морю между льдами. Ихъ часто расплющиваетъ стамухами, иногда онѣ разбиваются о каменные выступы негостепріимныхъ береговъ Бѣлаго моря. Ловъ трески обусловливается предварительнымъ ловомъ песчанки, которая водится не во всѣхъ губахъ. Песчанка, маленькая, тоненькая, изящная рыбка, живетъ тамъ, гдѣ берега океана и дно его песчаны. Напуганная чѣмъ бы то ни было, она зарывается въ песокъ, прорывая себѣ отверстіе острымъ и тонкимъ рыльцемъ. Въ тѣхъ гу-

бахъ, гдѣ она есть, ловъ трески гораздо удобнѣе; оттуда же, гдѣ ея нѣтъ, приходится промысловымъ артелямъ ѣздить за нею за десять и болѣе верстъ. Ѣздятъ обыкновенно въ полдень. Къ вечеру ее ловятъ въ мелкоячейные невода, у самаго берега, а къ ночи возвращаются въ свое становище, наживляютъ ярусъ и закидываютъ его. Черезъ шесть часовъ ярусъ вытаскиваютъ, снимаютъ съ него рыбу, отвязываютъ тюки одинъ отъ другаго, отдаютъ ихъ сушить мальчикамъ-зуйкамъ, а сами вновь отправляются за наживкой. Мойвы бываетъ больше, чѣмъ песчанки. Ее ловятъ весною. Для этого каждыя четыре партіи промышленниковъ, т. е. 16 человѣкъ, соединяются вмѣстѣ. Въ то время, какъ три партіи ловятъ треску, четвертая шняка добываетъ мойву для наживки остальнымъ. Ловятъ еще треску и на червей, и на сельдь, и на свинцовые обломки, прикрѣпленные къ удамъ, но это менѣе удачный и менѣе выгодный промыселъ, вызываемый только полнѣйшимъ отсутствіемъ мойвы и песчанки. Тотчасъ же, какъ привезена песчанка, наживодчики начинаютъ наживлять уды яруса, приноровливая свою работу такъ, чтобы она оканчивалась по мѣрѣ того, какъ тяглецъ разматываетъ и связываетъ тюки. При попутномъ вѣтрѣ промышленники быстро плывутъ на мѣсто лова, заставая тамъ еще малую воду. Тутъ выметывается ярусъ, шняка привязывается къ кубасу, и, въ ожиданіи слѣдующей воды, покрученники ложатся спать въ лодкѣ. Сколько разъ посреди остеклѣвшаго или волнистаго простора океана мнѣ случалось застать покойно колышащуюся или недвижную одинокую шняку, на которой раскинувшись спятъ рабочіе, хотя тутъ вблизи мелькаетъ перо лукавой акулы, да взметываются вверхъ двѣ струи изъ дыхалъ кита—Balaenoptera Longimana. А солнце такъ и льетъ теплые лучи на весь этотъ сверкающій просторъ, вѣющій свѣжестью, солоноватымъ запахомъ морской воды и морскихъ растеній. Иногда на такой шнякѣ чинитъ свою рубаху оборвавшійся покрученникъ, и если рядомъ покажется на водѣ китовый плавникъ и послышится глухой, тягучій вздохъ этой амфибіи, то онъ много, много, что удостоитъ царя океановъ разсѣяннымъ, безсознательнымъ взглядомъ, которому все приглядѣлось на этой безпредѣльной шири—и громадные киты, и синія очертанія далекихъ береговъ, закутанныхъ въ лазурную дымку, и голубое небо, и пестрыя на тысячу лучей и оттѣнковъ дробящіяся акалефы, прелестныя группы которыхъ движутся у самой кормы этой ничтожной лодьи. Но вотъ подходитъ вторая вода, пора вытягивать ярусъ. Начинается кипучая, утомительная работа. Въ то время, какъ тяглецъ съ тяжелыми усиліями выбираетъ снасть изъ моря, кормщикъ ловко снимаетъ добычу съ крючковъ, наживодчикъ перевязываетъ оростяги, чтобы они не путались, а весельщикъ гребетъ назадъ въ становище. Длина яруса доходитъ до 6 и даже до 8 верстъ. Какой каторжный трудъ нуженъ,

чтобъ вытянуть и опростать всю эту массу веревокъ и удъ. Хорошо если послѣ такой утомительной работы покрученники воротятся домой на отдыхъ. Случается зачастую, что имъ вновь придется тутъ же перенаживлять уды и опять выметывать ярусъ. Въ вешній промыселъ работа эта еще ужаснѣе. Мокрыя снасти леденѣютъ, руки, платье, лицо покрываются ледяною корою, холодъ прошибаетъ до слезъ. „*Смерть легче,*“ выражаются даже привычные къ этому дѣлу кормщики.

По возвращеніи шняки домой еще далеко до отдыха. Тюки отдаются зуйкамъ, которые должны ихъ развязать, перевить и повѣсить сушиться. Покрученники разгружаютъ рыбу, отрѣзываютъ ей головы, вскрываютъ брюхо, вынимаютъ максу и воюксу, а остальныя внутренности кидаютъ тутъ же у берега. Головы разсѣкаются и распластываются на береговыхъ камняхъ, чтобы онѣ лучше высохли. Воюкса и макса складываются въ кадки, а самую треску весною развѣшиваютъ на палтухахъ для сушки или солятъ ее, а лѣтомъ только солятъ. Рыбу для посола распластываютъ и кладутъ въ амбары слоями одинъ за другимъ, пересыпая каждый солью. Иногда соленую треску развѣшиваютъ и вялятъ, но это случается рѣдко. Соли обыкновенно кладется на 100 пудъ рыбы 20 пудъ (бываетъ и 17, но меньше никогда). Часто, впрочемъ, при перекладкѣ на суда треску солятъ вторично, тогда она называется двоесольной. Треска соленая продается въ Архангельскѣ отъ 90 к. до 1 р. за пудъ, а сушеная, напримѣръ, изъ Сумскаго посада въ 1874 г., въ февралѣ, продавалась въ Петербургъ по 2 р. 60 к. за пудъ. Отрѣзанныя тресковыя головы только частію сушатъ и везутъ въ Архангельскъ на продажу для бѣднѣйшаго населенія Пинежскаго уѣзда и Вологодской губерніи. Предназначенныя для этого головы складываются въ громадные костры самаго оригинальнаго вида, преимущественно на плѣшкахъ каменныхъ холмовъ Остальныя бросаются на берегъ или въ воду, при чемъ онѣ только увеличиваютъ гніеніе и вонь въ становищѣ и его окрестностяхъ. Тресковую печень, иначе—максу, и молоки-воюксу складываютъ въ деревянные чаны и ставятъ ихъ подъ солнце. Отъ нагрѣванія его лучами макса выдѣляетъ жиръ-самотекъ, который тщательно снимается. Это лучшій сортъ тресковаго жира. Оставшаяся масса подвергается дѣйствію огня, и получается второй сортъ продукта. Шквару, т. е. невытопившіеся остатки, сбываютъ норвежцамъ и колонистамъ за ромъ. Нѣкоторые промышленники сушатъ въ бочкахъ тресковые языки и, кромѣ того, приготовляютъ тресковую вязигу, далеко уступающую осетровой. Впрочемъ, это, уже не составляя предметовъ торга, заготовляется ими для себя и для своихъ семействъ. Только распластавъ, очистивъ и посоливъ уловленную треску, покрученники могутъ пойти въ свои вонючія, гнилыя избы и отдохнуть; наконецъ, послѣ цѣлаго

дня такой работы. Едвали можно назвать укрѣпляющимъ сонъ въ этихъ тѣсныхъ и дымныхъ хатахъ, гдѣ кромѣ того разстилаются міазмы отъ просушиваемаго платья и обуви. Людямъ, восхищающимся здоровымъ цвѣтомъ лица и крѣпостью промышленниковъ на Мурманѣ, я посовѣтовалъ бы обратиться къ цифрамъ мѣстныхъ эпидемій, приведеннымъ мною выше. Посбавилось бы оптимизма у этихъ господъ

Вотъ напримѣръ окончательное заключеніе одной экспедиціи, командированной на Мурманскій берегъ въ 1872 г., для розысканія способовъ развитія его промысловъ и для опредѣленія пункта проектированнаго здѣсь города: „Въ нынѣшнемъ году состояло становищъ 37 (ошибка—46), становъ или избъ 206 (311), занималось рыбными промыслами до 3,000 ч., въ томъ числѣ мужчинъ 2,415 ч., женщинъ 20, мальчиковъ 270, (а остальные 300 куда дѣвались? притомъ на долю Колы приходится 40, а не 20 промышляющихъ женщинъ). Обстановка, заключаетъ отчетъ, у промышленниковъ *самая плачевная, они живутъ тѣсно и неопрятно, кормятся плохо, мало добываютъ средствъ для своихъ семей, часто хвораютъ, не имѣютъ никакого призрѣнія въ болѣзняхъ и всю жизнь остаются въ неоплатныхъ долгахъ.* Больныхъ въ томъ же году считалось 186, умершихъ—2 (первыхъ въ дѣйствительности можно считать до 580, вторыхъ до 40; случается и болѣе, какъ было видно выше и какъ это еще увидимъ ниже). *Экспедиція лично видѣла въ каждомъ становищѣ по нѣсколько человѣкъ цынготныхъ и тифозныхъ, которымъ однако врачъ «Полярной Звѣзды» не могъ оказать пособія за неимѣніемъ лекарствъ (?!). Неимѣніемъ же лекарствъ отговаривались и командированные изъ Архангельска четыре фельдшера, люди весьма неразвитые и пьяницы.* (За чѣмъ же ихъ, спрашивается, командировали?

На Мурманѣ вылавливается довольно неравномѣрное количество рыбы. Въ одномъ году значительно большее, въ другомъ меньшее. Но въ 1872 году 3,192 промышленника (въ томъ числѣ 567 колонистовъ) на 188 судахъ, 9 корабляхъ, 720 шнякахъ поморскихъ и 270 колонистскихъ, на 89 елахъ и 27 тройникахъ, выловили 372,280 п. трески, 16,840 п. палтусины, 53,400 п. пикшуевъ, 30,500 п. сайды. Притомъ добыто 36,259 п. рыбьяго жира. Вся добыча простиралась по номинальной цѣнности—до 400,000 р. Свободные промышленники выручили въ этомъ году каждый на 48 р. 60 к. болѣе покрученниковъ, считая, что послѣдніе получили всю причитающуюся имъ долю, чего, разумѣется, не бываетъ.

Ловъ акулъ производится въ губахъ Тириберской, Кольской и Урской Кольскаго полуострова, какъ жителями города Колы, такъ и

колонистами. Акулы, встрѣчающіяся здѣсь, принадлежатъ къ двумъ родамъ: Scymnus borealis и Selache maxima. Послѣднюю, которая достигаетъ иногда шести саженъ въ длину, бьютъ острогой и то только финны и норвежцы. Русскіе не ловятъ ее вовсе, потому что близко къ берегамъ она не подходитъ, а отправляться за нею на шнякахъ въ открытый океанъ несовсѣмъ безопасно. Преимущественно любятъ акулы тѣ мѣста, гдѣ сталкиваются противоположныя теченія, т. е. сувои, толчеи, водовороты. Здѣсь акула играетъ стаями. Держится акула глубины океана, а нѣкоторые натуралисты утверждаютъ, что она никогда не попадается вмѣстѣ большимъ числомъ особей. Я, съ своей стороны, могу завѣрить, что въ Сѣверномъ океанѣ мимо насъ часто проплывали стада этой морской пантеры, гнавшейся за трескою и сайдою и подымавшейся за рыбою на поверхность воды. Также она окружаетъ и шняки, при «оплывѣ», и тогда численность ея стадъ доходитъ до ста и болѣе головъ. Русскіе заимствовали акулій промыселъ у норвежцевъ, которые бьютъ это животное въ 150—200 метрахъ отъ берега, на глубинѣ 250 — 300 брасъ. Ловятъ акулъ въ сосѣднемъ королевствѣ на палубныхъ судахъ и большихъ елахъ, вмѣстимостью въ 20—30 тоннъ. На елахъ помѣщается отъ 5-ти до 6-ти человѣкъ; здѣсь попадаются акулы, дающія отъ 100—200 кило сала. Въ Норвегіи ловятъ, сверхъ того, другіе виды акулъ, кромѣ двухъ, поименованныхъ выше. Такъ, въ болѣе южныхъ широтахъ, начиная съ параллели Бергена, бьютъ Squalus spinax и squalus acanthius.

У насъ акулій промыселъ начался лѣтъ триста назадъ. Въ 1834 году, нѣкто Пашинъ получилъ даже субсидію отъ казны на производство акульяго промысла. Затѣмъ, бой акулъ былъ вновь возобновленъ, въ 1851 году, норвежскимъ выходцемъ Сулемъ, какъ его называютъ здѣсь. Суль первый свой ловъ началъ въ Тириберкѣ, гдѣ и теперь послѣ Ильина дня нельзя выметывать ярусовъ ночью, потому что акулы объѣдаютъ ихъ. Осенью именно и Суль промышлялъ во внѣшней части этой губы. Онъ вываливалъ въ воду барду, навозъ и даже экскременты. На это тысячами собирались акулы. Тогда кидались имъ крючки съ нерпичьимъ мясомъ и тому подобная дрянь. Акулъ убивалъ онъ мушклями. Промыселъ распался вслѣдствіе того, что Суль разорился. Онъ самъ былъ ограбленъ, суда его погибли, снаряды распроданы.

Подвинутые примѣромъ Суля, коляне возобновили этотъ промыселъ, и зимою, когда часть губы покрывается льдомъ, они добываютъ здѣсь акульяго сала до 1,000 пудовъ, въ хорошіе годы и болѣе, 500—въ дурные. Въ первомъ случаѣ на промыселъ идетъ много народа, во второмъ—только три карбаса.

Русскіе выѣзжаютъ на ловлю акулъ на шнякахъ. Эти безпалубныя суда не могутъ выходить такъ далеко въ открытое море, какъ

норвежскіе шлюпы и елы, не поднимаютъ столько груза, почему самый промыселъ у насъ далеко не такъ прибыленъ, какъ въ сосѣднемъ королевствѣ. На шнякѣ обыкновенно помѣщается четыре человѣка. Вышедши на извѣстное разстояніе отъ берега, кидаютъ якорь. Наполнивъ какую-нибудь посудину, съ просверленными въ ней отверстіями, ворванью, саломъ или чѣмъ-нибудь другимъ, опускаютъ ее въ море, привязавъ къ ней предварительно тяжелый камень, чтобъ она пошла прямо на дно. Иногда просто кидаютъ рогожный кулекъ съ тѣми же самыми веществами. Сало изъ отверстій струится по теченію, распространяя далеко сильный запахъ. Пахучая струя называется *лайно* или *лайва*. Акулы, отличающіяся необыкновеннымъ чутьемъ, бросаются на мѣсто лова, гдѣ ихъ уже ожидаетъ выметанный промышленниками предварительно снарядъ, состоящій изъ лѣсы (стоянка до 1 дюйма въ діаметрѣ) въ 150 или 200 саженъ длиною; къ концу ея привязана другая, скрученная вдвое, въ 7—12 саженъ. Эта часть аппарата называется сукунбарокъ. Къ нему прикрѣпляется желѣзное или чугунное грузило — пунда, вѣсомъ въ 20 фунтовъ, и отдѣльно желѣзная цѣпь въ двѣ маховыя сажени, въ концѣ которой находится уда въ одинъ футъ длины съ наживленнымъ на нее большимъ кускомъ нерпичьяго или китоваго мяса. Пунда лежитъ на днѣ въ то время, когда крючокъ съ цѣпью свободно виситъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Назначеніе желѣза цѣпи, къ которой прикрѣпленъ крюкъ, ясно. Акулѣ ничего не стоитъ перекусить толстый корабельный канатъ, тѣмъ менѣе усилій надо ей, чтобъ перервать сукунбарокъ.

Чующая поживу издали, акула идетъ на лайву до самаго крюка. Тутъ она жадно хватается за наживу и попадаетъ на уду. Соединенными усиліями трехъ промышленниковъ ее вытаскиваютъ на поверхность океана, а четвертый, самый искусный, стоитъ на носу лодки съ мушклемъ или кротиломъ въ рукахъ; мушкль—деревянный молотъ, вѣсомъ въ 20 фунтовъ. Какъ только голова акулы показалась изъ воды, онъ бьетъ ее со всего размаху мушклемъ, *кротитъ*. Акула разомъ лишается чувствъ. Ее перевертываютъ и тотчасъ же вскрываютъ ей брюхо клепикомъ, т. е. хорошо отточеннымъ и крѣпкимъ ножомъ съ рукоятью въ $1^1/_2$ аршина. Акульи молоки (воюксу, печенку) вынимаютъ и берутъ въ лодку, а плавательный пузырь ея (паюсъ) надуваютъ воздухомъ, посредствомъ дудки въ $^3/_4$ аршина. Потомъ снимаютъ акулу съ крюка и пускаютъ ее въ море. Надуваютъ паюсъ именно съ тою цѣлью, чтобъ туша убитаго животнаго не опустилась на дно, гдѣ ее тотчасъ же съѣдятъ другія акулы, которыхъ уже не заманишь послѣ того на приманку. Впрочемъ, если ловъ акулы производится со льда, то тушу бросаютъ прямо на ледъ, гдѣ она и остается до тѣхъ поръ, пока весенніе вѣтры не унесутъ льдины въ открытый океанъ.

стоявшихъ изъ громадныхъ плитъ гнейсо-гранита, выступили въ разныхъ направленіяхъ то бокомъ, то окномъ, то дверями промысловыя избы покрученниковъ. Всѣ промежутки между ними были заставлены палтухами. Тутъ же у самыхъ избъ, на плѣшкахъ утесовъ, изъ трещинъ, разорвавшихъ скалы, поднимались кресты, скученные въ отдѣльныя группы, надъ могилами промышленниковъ, обрѣтшихъ здѣсь успокоеніе отъ многотрудной страдальческой жизни.

Морская даль во всѣхъ направленіяхъ была загромождена смутными, словно облачными очерками острововъ и каменныхъ лудъ. На тѣхъ, которые стояли поближе къ намъ, можно было замѣтить зеленовато серебристыя пятна лишайника, да въ нѣсколькихъ щеляхъ берега, неожиданно и рѣзко среди сѣроватыхъ и темныхъ тоновъ, выдѣлялись бѣлыя полосы нестаявшаго еще снѣга. Моховыя поросли отливались палевымъ отсвѣтомъ на нѣкоторыхъ выступахъ. Кое-гдѣ въ логахъ, что-то зеленѣло, но какою-то больною, блеклою, захирѣвшею зеленью. Надо всею окрестностью вздымались, кружились и опускались стаи чаекъ.

Отъ берега отдѣлилось нѣсколько карбасовъ *) и направилось къ намъ. Въ каждой на кормѣ, осѣдлавъ ея конекъ, сидѣлъ хозяинъ. Еще издали, сквозь всплески волнъ и крика чаекъ, донеслись къ намъ ихъ хриплые голоса. Достигнувъ парохода, они взошли на него, цѣпляясь за реи и канаты; къ трапу пристала только одна лодка съ толстымъ одутловатымъ поморомъ, безжизненное лицо котораго, отвисшее, безкровное производило непріятное впечатлѣніе чего-то холоднаго, мокраго, склизкаго среди этихъ бойкихъ и энергическихъ фигуръ, полныхъ дѣятельности и жизни.

— На долго ли здѣсь остановились? обратился я къ капитану.

— Тутъ дѣлать нечего. Скоро уѣдемъ. Вотъ только я посмотрю „Великаго князя Алексѣя“.

— Гдѣ же онъ?

— Да вонъ. И онъ указалъ мнѣ на пароходъ, стоявшій на якорѣ. Оказалось, что это и есть затонувшее паровое судно Бѣломорско-Мурманскаго Товарищества. Говорили, что въ большую воду перекатыва-

*) Карбасы—небольшія легкія лодки, употребляемыя всѣми жителями Архангельской губерніи для прибрежныхъ и рѣчныхъ плаваній. Онѣ бываютъ различныхъ величинъ, но всегда одинаковой формы. Длина карбаса отъ 18 до 25 футовъ, ширина нѣсколько менѣе четверти длины. Для гребли на нихъ находится отъ 4 до 10 веселъ одноручныхъ Подъ парусами они ходятъ довольно легко, но неустойчивы. По рѣкѣ Двинѣ для перевозки грузовъ употребляются карбасы большаго размѣра, называемые холмогорскими. По Тиманскому берегу, изъ Пустозерска, почти такіе же карбасы ходятъ за промысломъ на Новую Землю Эти только приспособлены къ морскимъ плаваніямъ: ихъ длина 42, ширина 14, глубина по берегу 5 ф.; подымаютъ до 2,000 п. грузу.

ются черезъ его палубу, „ходятъ“ по ней, волны океана — не знаю. Во время нашего посѣщенія вода доходила до черной черты, т. е. пароходъ сидѣлъ въ ней, какъ сидитъ обыкновенно при маломъ грузѣ.

Становища Семиостровскія: Лопарское разбросано у рѣки Харловки; а промысловое — у рѣки Лавы. Устье первой находится подъ 68° 47′ 10″ с. ш. и 37° 27′ 53″ в. д. от. гр. (Литке). Семиостровскій рейдъ занимаетъ двѣ версты въ длину и ½ версты въ ширину. Онъ весь заключается между рѣкою Харловкою и островомъ Харловымъ. Глубина его отъ 5—8 сажень, но къ сѣверовостоку она увеличивается на 25-35 сажень, а у острова Кувшина доходитъ даже до 80 сажень; онъ весьма опасенъ и безпокоенъ для судовъ, а грунтъ ненадеженъ для укрѣпленія якоря. Единственная выгода Семиостровскаго рейда, по заключенію Рейнеке, та, что какъ войти въ него, такъ и выйти въ открытый океанъ можно при всякомъ вѣтрѣ. За то становище Семиостровское особенно цѣнится промышленниками за то, что характеръ его береговъ и глубина дна допускаютъ появленіе тресковыхъ стай гораздо ближе къ бухтѣ, чѣмъ въ другихъ пунктахъ Мурманскаго берега. Близъ Семи-островья въ логахъ, немного подальше отъ берега, растетъ довольно густая и высокая трава.

— Неужели же могло бы и здѣсь существовать скотоводство? спросилъ я у промышленниковъ.

— Чего еще! Стадо въ шестьдесятъ головъ легко бы прокормилось. Да тутъ только отойди отъ моря — такая тебѣ травка подымется, — заглядишься! Ровно бы у насъ въ Поморьѣ. Только что стада не слышно.

Тутъ постоянно промышляютъ поморскія ватаги покрученниковъ отъ хозяевъ: Ананьина, Ракитина, Варенцова и Водохлѣбова. Въ бойкое время, при удачѣ тресковаго лова, въ Семиостровьѣ собирается до 200 промышленниковъ. Обыкновенно же бываетъ до 140. Изъ нихъ въ 1871 году заболѣло горячкою 80 и умерло 4. Нужно замѣтить, что въ восточныхъ становищахъ гораздо холоднѣе, чѣмъ въ западныхъ,—уже, начиная отъ Тириберки, температура воздуха замѣтно измѣняется. Дѣлается теплѣе, туманы не такъ густы, небо ясно. Не смотря на выгодныя условія тресковаго лова, здѣсь промыселъ затрудненъ тѣмъ, что ни въ самой Семиостровской бухтѣ, ни въ ея окрестностяхъ не попадается наживка. За песчанкою отсюда каждый вечеръ ѣздятъ или въ губу Лицу за четырнадцать верстъ къ востоку, гдѣ постоянно ловится она въ большомъ становищѣ, или въ губу Барышихину за семнадцать верстъ къ западу. Часто весь этотъ путь приходится совершать на веслахъ, а потомъ, не отдыхая ни минуты, приниматься за наживленіе яруса и выметываніе его верстахъ въ шести или десяти отъ берега.

— Каковъ былъ уловъ у васъ?

— Весной Богъ ничего не далъ, такая втора *). Плакались мы очень... Ну, а теперь, слава Господу Вседержителю, ловимъ. Съ іюня у насъ поправилось дѣло. Поди, ужь рублей больше, чѣмъ по сту на шнячку добыли.

— Куда же вы рыбу отсюда отправляете?

— Въ Архангельскъ больше хозяева возятъ. Кабы къ Шельпиной ближе, ну тогда бы не въ примѣръ сходнѣе стало. Савинъ хорошія цѣны даетъ.

— А чей это бѣлый домикъ виднѣется? указалъ я на привѣтливо улыбавшееся среди гнилыхъ избушекъ и сѣрыхъ скалъ строеніе.

— Это часовня. Ананьинъ выстроилъ. Нашихъ артелей хозяинъ.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ оказалось, что здѣсь у одного изъ кулаковъ-хозяевъ въ послѣднее время существуютъ даже еще болѣе невыгодныя условія труда, чѣмъ для поморскихъ артелей вообще. У него ватага получаетъ не треть промысла, а четверть его, слѣдовательно, на долю каждаго промышленника приходится не $^1/_{12}$, а $^1/_{16}$ доля всего промысла.

— Не хочешь-ли съѣздить къ намъ, нашего житья-бытья посмотрѣть, предложилъ мнѣ одинъ изъ ловцовъ.

Поѣхали. Плывя по бухтѣ, я невольно изумлялся прозрачности морской воды. На разстояніи восьми, девяти сажень (а можетъ быть и болѣе, потому что прозрачность ея обманывала глазъ) легко было различить водяныя растенія, перевившіеся широкія и длинныя листья морской капусты, между которыми медленно двигались словно расплюснутыя, плоскія камбалы, и бойко, юрко мелькали какія-то бѣлесоватыя, тонкія рыбки. Въ другихъ мѣстахъ совершенно ясно виднѣлись выползавшіе изъ каменныхъ щелей дна копшаки —ракообразныя изъ отряда обоюдоногихъ и десятиногіе раки съ длинными хвостами Чаще всего попадались представители рода Gamarus, если только я не ошибся. Изрѣдка можно было разсмотрѣть темныя массы губокъ и неопредѣленныя, словно сливающіяся формы морскихъ звѣздъ. Ближе къ берегу показался морской горохъ, киселеобразныя лопасти котораго развѣтвлялись къ верху, слегка пошевеливаемыя теченіемъ. На поверхности бухты нѣтъ ничего прелестнѣе тихихъ всплесковъ волнъ у каменныхъ лудъ. Свѣтъ проникаетъ въ глубину моря почти на 680 фут. Хотя теплыя моря гораздо прозрачнѣе арктическихъ, но напр. капитанъ Уайтъ и у береговъ Новой Земли различалъ на глубинѣ 480 ф. раковины, устилавшія дно океана. Что же касается до умѣренныхъ и

*) Вторая — бѣда.

тропическихъ широтъ, то тамъ на глубинѣ 200 ф. можно разсмотрѣть въ покойную и ясную погоду самыя тонкія морскія растенія и нѣжнѣйшіе кораллы.

Наконецъ лодка пристала къ берегу, отмелою косою выдвигавшемуся въ бухту. Тутъ сразу насъ обдало вонью гніющихъ внутренностей рыбы, по которымъ намъ пришлось идти до первыхъ каменныхъ уступовъ болѣе возвышенной полосы. Нога тонула на ¼ аршина въ этой разлагающейся массѣ.

Невыразимо пріятно послѣ четырехдневной качки на палубѣ парохода, точно убѣгающаго изъ-подъ вашихъ ногъ, ступить наконецъ хотябы даже и на эти острыя выступы гранитныхъ береговъ. Не останавливаясь у избъ, я пошелъ прямо къ высокимъ утесамъ, взобрался на одинъ изъ нихъ, цѣпляясь по щелямъ и трещинамъ, до самой плѣшки, испещренной серебристо-свинцовыми пятнами скуднаго лишайника. Отсюда далеко въ безпредѣльный просторъ океана открывался чудный, освѣжающій душу видъ. Сюда не доходили міазмы становища; вѣялъ свѣжій пахнущій соленою морскою водой и морскою травою вѣтеръ, да кругомъ меня рѣяли массы чаекъ, рѣзкимъ крикомъ своимъ заглушая всѣ остальные звуки... Не хотѣлось сходить отсюда внизъ— въ ту логовую понизь, гдѣ пріютилось людское горе и людская нужда. Я еще не успѣлъ приглядѣться къ этому движущемуся простору, не успѣлъ еще разсмотрѣть очертаній далеко ложившихся острововъ, казавшихся отсюда расплющенными, какъ сквозь крики чаекъ послышался рѣзкій свистокъ парохода.

Обрываясь на каждомъ шагу и падая, скользя по голой поверхности обвѣтрившихся горныхъ породъ, я кое-какъ сползъ внизъ и почти бѣгомъ кинулся къ берегу. По дорогѣ я впрочемъ не могъ удержаться отъ искушенія взглянуть какъ живется тутъ людямъ и пріотворилъ дверь одной изъ жилыхъ избъ. Оттуда на меня пахнуло вонью, чадомъ, сыростью. Узенькое, словно щель, продольное окно не пропускало свѣту; и въ избѣ было темно, такъ что я едва различилъ мальчика зуйка, копошившагося у печки.

— Сколько здѣсь помѣщается народа?

— Да тридцать два человѣка.

А между прочимъ въ избѣ было не болѣе четырехъ квадратныхъ сажень. Низкая и тѣсная, она казалась недостаточной и для пяти рабочихъ. На нарахъ, что-то зашевелилось и приподнялось, но въ этотъ моментъ пароходъ далъ свистокъ, и я долженъ былъ поторопиться на карбасъ.

Пароходъ вышелъ изъ Семиостровской бухты узкими дефилеями между островомъ Кувшиномъ и косою матераго берега. Я уже не сходилъ съ палубы, и налѣво развертывались передъ нами одни за дру-

гими каменныя скалы этого пустыннаго края. Такъ мы прошли мимо Лѣтняго-Семиостровья и становищъ Барышихи, Шубина, Рынды, Щербинихи и Трястины. Въ бинокль порою удавалось разсмотрѣть въ щеляхъ гранитнаго берега нѣсколько гнилыхъ избъ, двѣ или три шкуны на рейдахъ, да одинокую шняку въ открытомъ океанѣ, промышляющую треску. Въ одномъ мѣстѣ мы наткнулись на громадное стадо сайды. Вода вокругъ бороздила, не смотря на тихую погоду; издали еще слышался глухой шумъ,—а когда «Качаловъ» вошелъ въ эту стаю, то нашимъ глазамъ представилось оригинальное зрѣлище множества рыбъ, выскакивавшихъ изъ воды и съ громкимъ хлопаньемъ шлепавшихся обратно. Я думаю, что здѣсь было безъ числа этихъ особей. Пропасть ихъ ерзало надъ водою, гналось за пароходомъ, кучилось въ живыя, быстро двигавшіяся группы. Сайда, выскакивая изъ воды, какъ-то особенно кувыркается въ воздухѣ. Эта рыба изъ рода тресковыхъ, никогда не попадаетъ на ярусы. Она идетъ только на живую приманку, да и то на такую, которую нужно догонять, которая бѣжитъ отъ нея. Финляндцы и норвежцы ловятъ ее на уды, сильно двигая ихъ въ водѣ, такъ что наживка кажется спасающеюся отъ сайды. У насъ ловъ ея производится совершенно иначе. Для этого употребляется четырехугольная, чаще квадратная сѣть, называющаяся поддономъ или нотомъ. Она устраивается съ осадкой на серединѣ и подборами на краяхъ, въ родѣ ящика, безъ верхней крышки. Ловятъ сайду на четырехъ лодкахъ. Къ каждой прикрѣплена веревка, идущая отъ одного изъ угловъ поддона. Поддонъ выметывается на мѣстѣ, куда направляется сайда. Когда стадо шаловливой и выдающей самую себя рыбы станетъ надъ нотомъ, — кормщики швыряютъ камни въ воду, стараясь, чтобы они попадали у краевъ поддона. Испуганная шумомъ, сайда осѣдаетъ внизъ въ нотъ. Ее приготовляютъ также, какъ и треску, т. е. сушатъ и солятъ, а изъ максы вытапливаютъ жиръ.

Сайда далеко гналась еще за пароходомъ, играя на водѣ, и отстала только на высотѣ острова Большаго Оленьяго, темносѣрою массою мелодившагося вдали и точно окутаннаго туманомъ. Мимо насъ плыли лодьи *), спѣшившія въ Архангельскъ; нѣсколько изъ такихъ мы встрѣ-

---

* Лодьи — палубныя суда большаго противу другихъ размѣра, но неодинаковыя между собою, употребляются для перевозки грузовъ и для плаванія за промыслами въ отдаленныя мѣста, какъ-то: къ Лапландскому берегу, на Новую землю и на Шпицбергенъ. Длина лодки отъ 6 до 12 маховыхъ саженъ, т. е. отъ 36 до 72 футовъ. Грузу поднимаютъ отъ 1,000 до 12,000 пудовъ. Дно плоское. Малыя лодьи называются иногда шитиками. Вооруженіе большихъ лодей состоитъ изъ трехъ мачтъ и коротенькаго бушприта. Нѣкоторыя лодьи ходятъ весьма легко, верстъ по 12 въ часъ съ попутнымъ вѣтромъ, но рѣдкія изъ нихъ могутъ лавировать, а потому онѣ плаваютъ обыкновенно у береговъ и при противномъ вѣтрѣ заходятъ въ становища, въ которыхъ при отливѣ обсыхаютъ. На лодьяхъ бываетъ отъ 5 до 15 человѣкъ.

тили стоявшими на якорѣ у острова. Лодьи обыкновенно идутъ только по вѣтру, а при противномъ теченіи стоятъ въ бухтахъ, какъ и во время бури. Только разъ нагнали мы лавировавшее большое парусное судно „Гильда", гамбургскаго торговаго флага, грузно сидѣвшее въ водѣ. На палубѣ при нашей встрѣчѣ засуетились матросы. Коренастый шкиперъ, широко улыбаясь, махалъ намъ шляпой. Мы отвѣтили ему платками, и скоро между нами уже лежало громадное пространство океана, на самомъ краю котораго словно точка чернѣлъ оставленный позади корабль...

Островъ Большой Оленій, на высотѣ котораго мы теперь плыли, тянется на 2 мили въ длину и на ½ мили въ ширину. Берегъ его очень высокъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрывается внизъ отвѣсными стѣнами почти чернаго цвѣта. Въ другихъ—берегъ виситъ надъ волнами цѣлыми массами сѣраго плитняка, подъ которыми свободно проходятъ суда. Лѣтомъ здѣсь часто промышляютъ лопари, построившіе свои вѣжи на западномъ берегу острова. Отсюда оставалось не болѣе трехъ верстъ до губы Шельпиной.

Когда мы подходили къ этому становищу, мимо парохода мелькнуло нѣсколько громадныхъ перьевъ. Сѣроватыя массы всколыхнули воду и исчезли такъ же быстро, какъ и явились. Это были акулы, гнавшіяся за сайдою. Судя по величинѣ, онѣ не могли принадлежать къ иной породѣ кромѣ Selache maxima, резиденціей которыхъ почему-то считаютъ норвежскія воды, хотя ихъ у насъ находится болѣе, чѣмъ въ моряхъ сосѣдняго королевства. Обыкновенная же акула, особенно многочисленная на Мурманѣ.—Scymnus borealis не бываетъ длиннѣе двухъ съ половиною саженъ. Есть что-то отвратительное даже въ движеніяхъ этого животнаго. Хищничество, жадность доходятъ въ ней до своего апогея. Нужно видѣть ея сальные глаза, тусклые, безъ блеска, безъ живости, чтобы понять, сколько злобы должно быть въ этомъ громадномъ тѣлѣ; а ловко крадущіяся движенія акулы?—это морской тигръ, морская пантера...

— Вотъ сейчасъ увидите нарождающуюся промышленность нашего Мурмана. Въ этомъ становищѣ устроена большая факторія нѣкоего Свина.—указалъ мнѣ налѣво капитанъ.

Напрасно я старался разобрать что-нибудь—только одинъ сѣрый берегъ тянулся передо мною, то повышаясь отвѣсными утесами, то падая внизъ отмелыми мысами.

— Я ничего не вижу.

— И не увидите, пока не придемъ въ губу. Шельпино лежитъ въ щели.

Пароходъ повернулъ налѣво и пошелъ прямо въ черную трещину каменнаго берега. По мѣрѣ нашего приближенія, края этой трещины

раздвигались и наконецъ „Качаловъ“ поплылъ по узкому корридору, обрамленному сѣрыми стѣнами, на вершинахъ которыхъ торчмя стояли громадные эрратическіе валуны. Чѣмъ дальше, тѣмъ этотъ коридоръ становился величавѣе. Наконецъ, немного спустя, мы увидѣли передъ собою самую бухту, обставленную тѣми же каменными горами, образующими въ одномъ мѣстѣ сѣрую понизь. Тутъ на полукруглыхъ возвышеніяхъ, въ черныхъ щеляхъ и среди валуновъ разбросано самое становище.

На западной сторонѣ подымается колоссальный каменный выступъ, бросающій тѣнь почти на половину бухты. На берегу гранитныя породы кое-гдѣ образовываютъ массы скученныхъ столбовъ, на верхушкахъ которыхъ бѣлѣютъ моховыя пятна. Мохъ сползаетъ и внизъ, цѣпляясь за всякій кусочекъ торфа, раскидываясь тамъ, гдѣ его больше. На высочайшихъ пунктахъ берега чернѣютъ кресты, поставленные здѣсь для того, чтобы возвращающіеся въ становища карбасы легче находили путь въ то время, когда сѣдая марь заволакиваетъ берегъ, и только его вершины плаваютъ въ однообразномъ морѣ этой мглы. Отроги гранитныхъ валовъ, повитые синевато-фіолетовою дымкой, уходятъ въ непроглядную даль. Тутъ и чаекъ почти нѣтъ. Сюда являются онѣ только съ возвращеніемъ шнякъ съ промысла. Если издали еще подымаются рѣзкіе пронзительные крики стаи бургомистровъ *), значитъ въ становище везутъ рыбу. На солнечныхъ припекахъ что-то зеленѣетъ; разспрашиваю,—оказывается вороница На южныхъ склонахъ горъ, открытыхъ солнцу, изрѣдка встрѣтится березовая сланка, тальникъ (salix viminalis), кокушникъ. Кукушкины слезки и колокольчики мелькаютъ въ блеклой травѣ, въ сочныхъ мхахъ; чуть не на самомъ камнѣ растетъ щавель, лютики выстилаютъ пригрѣтыя поверхности торфяныхъ пространствъ своими золотистыми цвѣтами, каменоломка (saxifraga) треплется изъ трещинъ вывѣтрившагося гранита, болотный пухъ клонитъ по вѣтру свои бѣлыя шапки, осока выростаетъ обильно повсюду, а около самаго становища улыбаются изъ блеклой зелени дикая ерань (heranium pratensis) и ромашка. На первый разъ какъ-то странно наталкиваться здѣсь на эти сочные, поросшіе цвѣтами лога, — рядомъ съ ущельемъ, гдѣ въ вѣчной тѣни снѣгъ никогда не таетъ. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ удалось даже встрѣтить пучекъ неизвѣстно какъ занесенной сюда ржи, всколосившейся и привѣтливо кивавшей мнѣ, напоминая поля и нивы иного, болѣе счастливаго края.

На одномъ изъ самыхъ массивныхъ выступовъ берега утверждена большая платформа на столбахъ, вбитыхъ въ каменистое дно бухты.

---

*) Бургомистръ—чайка побольше другихъ видовъ этой птицы. Она отнимаетъ добычу у остальныхъ чаекъ.

На ней по норвежскому образцу построенъ блокгаузъ съ остроконечной кровлей, нѣсколько домиковъ и жиротопенный заводъ. Это факторія Савина. Еще издали, когда я на шлюпкѣ приближался къ ней, оттуда пахнуло густымъ, жирнымъ запахомъ трескового сала, въ которомъ, для меня по крайней мѣрѣ, не было ничего противнаго, хотя многимъ онъ невыносимъ. По крутой лѣстницѣ кое-какъ взобрался я на платформу и прошелъ прежде всего въ лавку. Тутъ у Савина продавалось все, что угодно: якоря, уды, снасти, промысловая обувь, платье и шляпы, съѣстные припасы, чай, сахаръ, кофе и пиво. Лавка кое-какъ сколочена въ самомъ блокгаузѣ; мнѣ казалось, что именно такими были первыя европейскія заведенія, на дальнемъ западѣ Америки. Повсюду кипитъ разумная, живая дѣятельность. Кругомъ платформы — нѣсколько костровъ изъ тресковыхъ головъ, да у самой лавки и завода громадные круглые чаны съ максой и воюксой. Надъ лавкой помѣщается жилье самогоСавина, и право невыразимо пріятно было видѣть въ этой глуши, среди непроходимой дичи, чистыя занавѣски и цвѣты на окнахъ. Вѣяло другою жизнью, чуждою суровому краю борьбы и неизъяснимыхъ лишеній. Жиротопенный заводъ у Савина устроенъ на пять большихъ печей, въ которыхъ находятся чугунные котлы. Вливаемая туда макса подвергается дѣйствію малаго огня, и получается второй сортъ трескового сала, который, вмѣстѣ съ самотокомъ, отвозится хозяиномъ факторіи въ Гамбургъ на собственныхъ своихъ корабляхъ. Треску и тресковыя головы онъ отправляетъ въ Архангельскъ, а сушеную рыбу и семгу—въ Петербургъ. Кромѣ того Савинъ торгуетъ съ Норвегіей и Англіей. Онъ крестьянинъ Керетской волости, еще очень молодой человѣкъ, весьма представительный, съ довольно приличными манерами, смахивающій на иностраннаго негоціанта. Изъ лавки я зашелъ въ домикъ для наемныхъ рабочихъ. Здѣсь было посноснѣе, чѣмъ въ другихъ станахъ. Всѣхъ рабочихъ до тридцати; они помѣщаются въ казармѣ въ три окна. Тутъ двѣ комнатки, одна побольше, но обѣ одинаково низки. Тѣмъ не менѣе, когда возвращаются промышленники назадъ, здѣсь должно быть и тѣсно и душно. Въ другой маленькой комнаткѣ на стѣнахъ развѣшаны литографіи англійскихъ судовъ и пароходовъ.

— Скверно должно быть живется у васъ? спросилъ я бойкаго малаго, вертѣвшагося около.

— Мы своими хозяевами довольны, потому они наши благодѣтели... заученнымъ тономъ началъ онъ мнѣ воспѣвать добродѣтели поморскихъ капиталистовъ.

— Неужели всѣ тридцать человѣкъ здѣсь помѣщаются?

— Оченно еще просторно. Потому, которые на чердакѣ спятъ

Опять же для легкаго воздуха—на улицу можно. Иные—прочіе больше тутъ, на пристани спятъ...

Было очень грязно и скверно. Если такъ живутъ люди у лучшаго изъ хозяевъ,—что они должны терпѣть у худшихъ? Посмотрѣлъ я и баню, устроенную для рабочихъ. Кое-какъ сколоченная, черная—она едва ли можетъ соотвѣтствовать своему назначенію. Невольно приходило въ голову, что вотъ и человѣкъ, понимающій дѣло, вышедшій изъ рутинной колеи поморскихъ хозяевъ, — а все-таки по отношенію къ своему рабочему онъ является такимъ же ветхозавѣтнымъ кулакомъ, какъ и остальные. И факторія его поставлена на европейскій образецъ, и самъ онъ выглядываетъ нѣмецкимъ негоціантомъ,—а рабочаго держитъ скотомъ, въ духотѣ и грязи. Промышленники у Савина раздѣляются на покрученниковъ и на наемныхъ. Первые промышляютъ изъ трети, на общихъ основаніяхъ поморскаго покрута *), вторые работаютъ на заводѣ и при блокгаузѣ и получаютъ въ лѣто отъ 70—80 рублей, причемъ путь съ мѣста ихъ жительства на Мурманъ оплачивается хозяиномъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они перевозятся не на его судахъ. Пища артелямъ дается весьма обильная. Отъ хозяина идетъ имъ мука, крупа и рыба. Горячее приготовляется два раза въ день. Наемные рабочіе получаютъ чай утромъ и вечеромъ, покрученники пьютъ свой. Кромѣ того первымъ выдается топленое масло, а послѣдніе для приправы къ кашѣ употребляютъ тресковую максу. По общему мнѣнію промышленниковъ, положеніе наемныхъ рабочихъ гораздо сноснѣе, чѣмъ покрученниковъ, участвующихъ въ барышахъ своего хозяина. Первый, при лучшемъ содержаніи, получаетъ до 80 рублей въ лѣто, тогда какъ второй, не пользуясь тѣмъ, что дается „горнему“, т. е. наемному, выберетъ изъ промысловой добычи не больше 60 или 50 рублей. Вообще же рабочіе здѣсь не особенно затруднены работою. Обыкновенно трудовой день продолжается не болѣе десяти и не менѣе восьми часовъ въ сутки.

При факторіи Савина выдѣлываются наемными рабочими ярусы для лова трески и мелкоячейные невода для добыванія песчанки. Эти снасти высушиваются вокругъ зданій факторіи на жердяхъ и палтухахъ. Они славятся на всемъ Мурманѣ своею прочностію. Впрочемъ, снасти не составляютъ предмета продажи на факторіи, а употребляются только артелями, покрутившимися у Савина, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ становищахъ. Общій оборотъ факторіи доходитъ до 150,000 рублей. Она на довольно далекомъ пространствѣ Мурманскаго

*) Хорошо, ежели бы Савинъ показалъ примѣръ другимъ поморамъ, да завелъ бы въ Шельпиной свободную артель, какъ въ Колежмѣ. Многіе сказали бы ему большое спасибо.

берега скупаетъ сало и максу, треску и палтусину, какъ соленую, такъ и сушеную. Факторія задаетъ впередъ деньги болѣе чѣмъ 200 рабочимъ, да при ней находится до 60 человѣкъ. Заслуга этого торговаго предпріятія въ томъ, что оно открыло непосредственныя сношенія между Англіей и Мурманомъ, тогда какъ прежде всѣ торговые обороты съ Ливерпулемъ, Гулемъ, Нью-Кестлемъ и др. великобританскими городами совершались черезъ норвежскія фирмы, бравшія громадные проценты за свое коммиссіонерство. Факторія Савина свободна еще отъ одного упрека, который можно сдѣлать вообще всѣмъ мурманскимъ хозяевамъ. Савинъ у себя не допускаетъ ни подъ какимъ видомъ торговли ромомъ. Пагубное вліяніе безпошлиннаго ввоза крѣпкихъ напитковъ изъ сосѣдняго королевства будетъ обнаружено въ одной изъ слѣдующихъ главъ; теперь же ограничимся простымъ упоминаніемъ этого факта. Рабочіе у Савина получаютъ ромъ или водку ежедневно, послѣ возвращенія съ промысла,—и только. Того повальнаго пьянства, которое я встрѣтилъ, напримѣръ, въ Печенгѣ, Вайдогубѣ и другихъ становищахъ Мурмана—въ Шельпиной и вообще въ предѣлахъ дѣятельности факторіи Савина, я не видѣлъ. Нѣкогда по всему этому берегу цѣны на треску стояли весьма низко. Особенно же въ періодъ процвѣтанія фирмы Мартемьяна Базарнаго въ Колѣ, о которомъ поморы, лопари и коляне сохраняютъ самыя ужасныя воспоминанія, потому что въ лицѣ этого капиталиста поморская эксплуатація и кулачничество нашли самаго яркаго своего выразителя. Треска на Мурманѣ продавалась иногда отъ 3 до 5 коп. за пудъ и не подымалась выше 15 коп. Дѣлывалъ Базарный и такъ: подрядитъ промышленниковъ возить ему треску по 25 и 30 к. Тѣ рады. Доставятъ пропасть. Онъ приметъ все. Какъ явятся они на мѣсто за деньгами, онъ и разсчитываетъ ихъ по 5 или 10 к. за пудъ. Назадъ вѣдь не повезешь рыбы—испортится. Да и какъ это сдѣлать, коли они всѣ въ долгу у него. Поплачетъ промышленникъ, да и отдастъ. Представьте себѣ, какъ должны были плакать эти энергическіе, смѣлые и твердые люди. А они плакали. „Ревмя ревѣли!“ говорятъ они. „Сберемся бывало въ кучку подъ его окнами, человѣкъ тридцать, и навзрыдъ плачемъ. А онъ только въ окошечки поглядываетъ... да зѣваетъ, проклятая его душа!... А какъ намъ не плакать, ежели у каждаго семья дома голоднехонька.“ Народъ былъ въ еще болѣе жалкомъ положеніи, чѣмъ теперь. Все это трудовое, голое населеніе цѣлую свою жизнь билось въ петляхъ, разставленныхъ Базарнымъ вездѣ, гдѣ только чуялась возможность легкой наживы. Поколѣніями поморы сплошь подпадали въ крѣпостную почти зависимость къ этому кольскому Крезу изъ цѣловальниковъ. Съ долгами ему Поморье не разсчиталось и теперь, а какъ росли эти долги, про то знаетъ только темная совѣсть Базарнаго. До

сихъ поръ лопари еще поминаютъ, въ своихъ молитвахъ: „спаси Господи оленя отъ волка и насъ отъ Мартемьяна!..“ Вліяніе Мартемьяна Базарнаго и теперь сказывается въ деморализаціи рабочихъ и въ неспособности ихъ къ самостоятельной дѣятельности. Вслѣдствіе полувѣковаго гнета этого купца, они до сихъ поръ не могутъ никакъ составить свободную артель. Ненависть къ отцу перенесли на его сына. Старикъ, напримѣръ, бралъ у мотовскихъ лопарей выброшеннаго на берегъ кита за 15 р. и тѣ отдавалъ товаромъ или водкой, тогда какъ нынѣче за тоже самое имъ даютъ отъ 100—150 р. Лопари по неволѣ соглашались на такія убыточныя для нихъ сдѣлки, они у него были въ кабалѣ. Священника, вступившагося за лопарей, почтеннаго отца Георгія Терентьева, въ Нотозерскомъ погостѣ, Базарный чуть не сжилъ со свѣту черезъ податливую архангельскую духовную консисторію. Въ 1863 году, въ Шельпиной Савинъ-отецъ основалъ свое торговое заведеніе и конкуренція между нимъ и Базарнымъ сразу подняла цѣны на треску, почти въ пять разъ противъ прежняго. Затѣмъ, въ 1865 году, начинается вывозъ трески съ Мурманскаго берега въ Петербургъ, моремъ, на кораблѣ Зебека, и цѣна на треску опять повышается; наконецъ, въ 1869 г., на мысѣ Сергѣевѣ-Наволокѣ устроиваетъ свою факторію датскій генеральный консулъ г. Паллизенъ,—и уже въ 1870, 1871 году треска свѣжая, т. е. прямо изъ воды, стоила 45 коп., а соленая—60; а въ 1873 году первая поднялась до 55—60 коп., а вторая до 78 к., въ то же время цѣна на тресковую максу возвысилась съ тридцати коп. при Базарномъ и 60 коп. при Савинѣ, до 1 руб. 50 коп. за пудъ. Вслѣдствіе конкуренціи между Савинымъ и Базарнымъ, Паллизеномъ и Зебекомъ, число шнякъ, промышляющихъ на Мурманѣ, съ 1869 года увеличилось на 100, слѣдовательно, число промышленниковъ на 400; Кононовъ въ Тириберкѣ говорилъ мнѣ, что теперь въ Поморьѣ иногда не хватаетъ людей на промыселъ и хозяева принуждены нанимать корелаковъ, да и тѣхъ по временамъ не достаетъ. Это, впрочемъ, не вызываетъ улучшенія условій поморскаго покрута. За то въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, 70 почти человѣкъ кормщиковъ стали самостоятельными хозяевами, благодаря болѣе выгодному сбыту промысловой добычи. Семьдесятъ кормщиковъ=семидесяти артелямъ, т. е. 280 человѣкъ. Слѣдовательно, повышеніе цѣны на треску отразилось на улучшеніи быта 280 промышленниковъ изъ 3,800, работающихъ лѣтомъ на Мурманѣ. Отсюда ясно, что выгоды падаютъ преимущественно на долю хозяевъ, а $^{13}/_{14}$ покрученниковъ не участвуютъ вовсе въ барышахъ мѣстнаго рыболовства. 1,000 удъ, за которыя прежде уплачивалось норвежцамъ отъ 10 до 15 р., стоитъ теперь 5 р. и 5 р. 50 коп., потому что Савинъ возитъ ихъ прямо изъ Англіи въ становища, лежащія восточнѣе Колы, а у г. Паллизена онѣ

продаются для промышленниковъ, ловящихъ рыбу западнѣе этого пункта. Замѣчательнѣе всего то, что не смотря на благотворное вліяніе фирмы Савина на мурманскія дѣла, съ 1863 г. до 1872 г., онъ не могъ получить права на открытіе здѣсь факторіи и на пользованіе правами мурманскихъ колонистовъ, не смотря на свои хлопоты, тогда какъ, напримѣръ, г. Паллизенъ, основавшій здѣсь свою фирму въ 1869 г., тотчасъ же добился и тѣхъ и другихъ правъ безъ особенныхъ усилій съ своей стороны. Вообще, какъ и вездѣ у насъ, здѣсь *русскому* человѣку трудно достается всякое начинаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно обусловливается какою нибудь предварительной канцелярщиной. Многіе, да и я самъ, прежде ставили въ упрекъ нашимъ купцамъ то, что они не принимаются за такія отрасли промышленности, которыя на сѣверѣ даютъ громадные барыши разнымъ нѣмецкимъ проходимцамъ. Теперь, послѣ близкаго знакомства съ дѣломъ, вижу, что я ошибался. Тамъ, гдѣ эти почтенныя русскія фирмы съ нѣмецкими хозяевами разомъ добиваются какого либо преимущества, разрѣшенія или поддержки отъ придержащей власти,—нашъ братъ, хоть лобъ разбей объ стѣну, не получитъ ничего. Напримѣръ, лѣсъ въ Онегѣ нѣмецкимъ лѣсопильнымъ заводамъ обходится дешевле, чѣмъ Бѣляеву и Русанову. Извольте конкурировать послѣ того съ этими Бисмарками отъ коммерціи?

Только въ одномъ отношеніи гг. Савинъ, Паллизенъ, Филипповъ и другіе одинаково погрѣшаютъ и погрѣшаютъ сильно. Я хочу сказать о дороговизнѣ соли на Мурманѣ. Въ прежнее время, изъ казенныхъ заводовъ, она продавалась по 30 коп. за пудъ; потомъ, когда она возилась изъ Норвегіи, оплачиваясь пошлиною въ 23 к. за пудъ,—цѣна ея доходила до одного рубля, а затѣмъ до 60 к. и даже до 40 к. Теперь она присылается изъ Англіи; лица, выписывающія ее и пользующіяся правомъ безпошлинной торговли, не уплачиваютъ за ввозъ этого продукта на Мурманъ никакихъ таможенныхъ сборовъ, а между тѣмъ, напримѣръ, въ Шельпиной—Савинъ, въ Корабельномъ—г. Паллизенъ продавали ее по 50 и 56 к. за пудъ. Въ Гуллѣ она стоитъ 5 к. пудъ. Доставка ея даже къ Архангельску не обходится ни во что, такъ какъ она перевозится въ видѣ балласта на корабляхъ, приходящихъ сюда изъ за границы за нашими отечественными сырыми произведеніями. Если бы ее возили не прямо изъ за границы, а уже изъ Архангельска на Мурманъ, то доставка могла бы стоить 16 к. съ пуда не болѣе (обыкновенно же 8 — 10 к.), а брать на 21 к. 35 к $^{0}/_{0}$—болѣе чѣмъ неблаговидно. Нужно замѣтить, что даже у промышленниковъ, доставляющихъ соль не изъ Англіи, а изъ Норвегіи, куда она все-таки получается изъ того же Ливерпулля и Гулля, можно ее купить дешевле, чѣмъ у гг. Савина и Паллизена. Такъ, напримѣръ, поморъ Морозовъ для своей артели привезъ въ 1873 г. соль изъ Вадсе, уплативъ за нее

30 к. за пудъ, и продавалъ по 35 к. Въ прошломъ году Дмитрій Базарный сбывалъ соль въ Архангельскѣ по 45 коп., уплативъ за каждый пудъ по 23 к. пошлины.

Странно право, что Архангельская губернія, при всемъ безконечномъ обиліи своихъ соляныхъ источниковъ, нуждается еще въ иностранной соли, и не только нуждается, но и выплачиваетъ за нее ежегодно 300,000 р. Вопросъ о развитіи мѣстнаго солеваренія такъ важенъ, свѣдѣнія о послѣднемъ такъ интересны, что я не могу не привести ихъ здѣсь.

Солевареніе началось на сѣверѣ съ того самого времени, какъ въ пустыни и дикія захолустья сѣвера проникли первонасельники новгородскіе. Въ перемежку съ грабежомъ чуди, они стали варить соль изъ морскаго разсола, тщательно охраняя свои варницы отъ хищничества аборигеновъ этого края, подстерегавшихъ русскаго колонизатора повсюду точно также, какъ и русскій колонизаторъ не упускалъ случая ограбить ихъ и даже подъ шумокъ перебить сотню другую чуди. Одновременно съ истребленіемъ чуди, начало особенно широко развиваться и солевареніе, упрочившееся здѣсь окончательно только съ основаніемъ Соловецкаго монастыря. Монахи начали повсюду ставить варницы: и у Сѣвернаго океана — въ безплодныхъ губахъ Мурмана, и въ Кемскомъ Поморьѣ, и по остальнымъ берегамъ Бѣлаго моря. Одновременно развилось и частное солевареніе. Конкурировали съ Соловками и другіе монастыри. Такъ—лучшія варницы Кольскаго полуострова принадлежали устроенному Трифономъ Преподобнымъ Печенгскому монастырю. До сихъ поръ еще у береговъ Лапландіи отыскиваются слѣды прежнихъ варницъ, — обширныя и прочныя постройки, въ самыхъ развалинахъ своихъ являющія важное значеніе ихъ въ былыя времена. Теперь сюда же идетъ *иностранная* соль, хотя источники ея не изсякли. Вся рыба, ловившаяся нѣкогда на сѣверѣ, просоливалась отечественною солью, которая сверхъ того отправлялась на продажу по всей сѣверной полосѣ Россіи и цѣлыми транспортами шла въ Новгородъ и Москву. Здѣсь еще въ прошломъ столѣтіи вываривалось около 560,000 п. соли, въ началѣ XIX в. – 160,000 п., а въ настоящее время промыселъ не даетъ и 55,000 п. и такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ девяносто лѣтъ богатый промыселъ умалился въ десять разъ. Упадокъ этотъ относится ко времени сравнительно недавнему; въ періодъ съ 1855 г. по 1862 г. добывалось по 120,000 п.; слѣдовательно, за эти пять лѣтъ—870,000 п; Всѣхъ варницъ теперь еще считается 36, но $^3/_4$ изъ этого числа, какъ напримѣръ, Русановскія на р. Кулоѣ, въ Пинежскомъ уѣздѣ, закрыты, а остальныя, и до сихъ поръ продолжающія свою дѣятельность, низвели производство до крайне дурнаго состоянія и сократили почти на $^3/_4$ его размѣры. Упадокъ промысла нельзя объяснить отсутствіемъ

сбыта его продуктовъ. Вотъ для примѣра приблизительныя цифры возможнаго здѣсь спроса. На 280,000 ч. населенія губерніи нужно около 480,000 п. соли для приготовленія трески, палтусины, сельди, семги, омулей, сиговъ и др. рыбы; на посолъ солонины, птичьяго мяса и т. д. нужно около 400,000 п., итого 880,000 п. Мѣстное солевареніе даетъ много, много—55,000 п. Разность въ 825,000 п. пополняется привозомъ англійской соли. Въ одинъ Архангельскъ, не считая Печоры, Онеги, Кеми, Сумы, Сороки и Мурмана, куда въ свою очередь доставляются грузы соли изъ за границы, ввезено ея съ 1864—1873 г.—1,781,100 п., или, считая каждый пудъ въ 55 к., почемъ соль обходится потребителямъ и рыболовамъ, окажется, что городъ Архангельскъ и ближайшій районъ, имѣя возможность варить свою соль и не нуждаясь въ иностранной, тѣмъ не менѣе въ теченіе десяти лѣтъ истратили 979,555 р., а вся губернія около 3,000,000 р. Прелестно!

Трудное время мѣстнаго солеваренія началось въ 1862 г. Въ 1838 г. впервые была наложена пошлина на лѣсъ, употребляемый при этомъ промыслѣ. Но она оставалась номинальною. Никто ее не платилъ, никто и не требовалъ ее настоятельно. Вскорѣ потомъ правительство, видя недѣйствительность этой льготы, принялось было за нѣсколько болѣе энергическіе способы ея взиманія, но тотчасъ же убѣдилось, что съ осуществленіемъ лѣсныхъ сборовъ, солевареніе неминуемо упадетъ. Такимъ образомъ, въ виду развитія народнаго благосостоянія, солевары формально были освобождены отъ этого налога, и лишь въ 1862 г. правительство снова стало взимать его, но уже настоятельно, не на одной только бумагѣ. Результатомъ такой цѣлесообразной мѣры былъ упадокъ русскаго солеваренія и обогащеніе иностранныхъ монополистовъ, которымъ открылся новый рынокъ для сбыта ихъ продукта. Разумѣется, если бы населеніе со ввозомъ заграничной соли получило возможность пріобрѣтать ее дешевле прежней, отечественной, то упадокъ промысла могъ бы вознаграждаться этими выгодами. Но оказалось противное. Иностранная соль не продавалась дешевле 40, 50, 60 коп. за пудъ, а въ отдаленныхъ отъ Архангельска пунктахъ, расположенныхъ по берегамъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана, цѣна на нее доходила до 90 к. и до 1 р., тогда какъ прежде изъ *казенныхъ* даже магазиновъ продавалась соль по 30 к. за пудъ. Нѣсколько купцовъ обогатилось, потому что прежде всѣ варили соль, а теперь получили возможность имѣть ее изъ за границы только крупныя отпускныя фирмы, къ которымъ каждое лѣто изъ англійскихъ портовъ приходили корабли за ссыпными и льняными товарами. Солевары разорились, а жители Архангельской губерніи стали приплачивать лишнее за неизбѣжную статью расхода. Рыбопромышленники, не имѣя права покупать прямо съ судовъ безпошлинно привозимую сюда соль, тоже

отдаютъ за нее значительно болѣе прежняго. А между прочимъ, по видимости, на бумагахъ, по соображеніямъ губернаторовъ, англійская соль должна была обогатить и облагодѣтельствовать всю Архангельскую губернію. Тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не были спрошены тѣ, которыхъ больше всего касается эта мѣра—рыбопромышленники и солевары.

Англійская соль дѣйствительно дешева въ покупкѣ. Мы уже говорили, что въ Ливерпулѣ и Гуллѣ ее покупаютъ по 5 к. за пудъ, провозъ ея до Архангельска не стоитъ ничего, потому что ее везутъ въ видѣ балласта. Съ уплатою пошлинъ, въ Архангельскѣ она обходится покупщику въ 28 к. за пудъ. Назначаемая для Мурмана, безпошлинная соль должна обходиться еще дешевле, чуть ли не по 15 коп. за пудъ съ оплаченною *доставкою* на мѣсто, а между тѣмъ пошлинная соль продается въ Архангельскѣ не ниже 50 к. за пудъ, а безпошлинная: на Мурманѣ отъ 47—65 коп., а внутри Лапландіи отъ 90 к. до 1 р. Гдѣ же выгоды? Что выиграло правительство отъ этой мѣры? Соляной сборъ, взимаемый въ размѣрѣ 9,000 руб. съ отечественныхъ производителей, — и только. Вычтя же изъэтого расходы взиманія (одному акцизному надзирателю нужно отдать 1,500 р., а ихъ трое),— получится такая жалкая сумма, что только подивишься, чего ради былъ загубленъ цѣлый промыселъ, и кого собственно должна была облагодѣтельствовать эта мѣра? Укажутъ таможенные доходы на иностранную соль, въ отвѣтъ можно указать на повышеніе недоимокъ, въ еще болѣе значительной пропорціи, повсюду, гдѣ населеніе еще недавно почерпало въ солевареніи обильное средство къ жизни и къ уплатѣ государственныхъ податей и общественныхъ сборовъ. А разоренные посады Пенокскій, Унскій и Лудскій, обѣднѣвшія села, а оставленныя варницы, а выбрасываемая за недостаткомъ соли обратно въ рѣки рыба?.. А лапландская рыба, которую за дороговизною той же соли, вмѣсто нея покрываютъ золою? Разумная экономическая мѣра, нечего сказать!

Почемъ обходится мѣстная архангельская соль въ производствѣ? Вотъ самый краткій перечень стоимости разныхъ элементовъ этого производства. Чтобы выварить 50 п. соли, нужно:

3 кубическія сажени дровъ (*пошлина*, вырубка и доставка на мѣсто)	12 р.
Плата наемному солевару и вообще цѣнность труда.	2 „
Акцизъ по 1/10 к. съ пуда.	5 „
Издержки передвиженія готовой соли на ближайшій рынокъ, считая по 5 к. съ пуда.	2 „ 50
Итого.	21 р. 50 к.

Каждый пудъ соли обойдется, слѣдовательно, въ 42 к. безъ торговаго барыша. Да притомъ пошлину за лѣсъ внеси впередъ, а сваривъ соль,—положи ее въ казенный амбаръ, выплати акцизъ и тогда уже пускай въ продажу. Нѣтъ у солевара денегъ (что случается всегда),—отдавай товаръ за безцѣнокъ скупщику, который за тебя уже внесетъ пошлины и заплатитъ акцизъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла нашъ промыселъ не можетъ бороться съ иностраннымъ ввозомъ. Если исключить пошлины, которыя, право, на такой продуктъ, какъ соль, брать не то что неблаговидно, а просто непрактично, то каждый пудъ ея обойдется по 12 к. А какъ въ большихъ семьяхъ заготовка дровъ и работа исполняется дѣтьми, то цифра эта понизится еще болѣе и отечественное производство вытѣснитъ заграничный привозъ.

Говорятъ: наша соль грязна и не можетъ по своимъ качествамъ выдерживать сравненіе съ иностранною. Вѣрно! Только опять въ этомъ виноваты не производители, а фискъ, сдѣлавшій тщательную обработку продукта убыточною. На грошъ, да еще со знакомъ минуса, не улучшить своего ремесла. Трудно рѣшиться сдѣлать затраты, большія противу текущихъ, чтобы продуктъ вышелъ получше, имѣя въ виду, что въ концѣ концовъ, по уплатѣ пошлинъ и акциза, все-таки соль придется отдать себѣ въ убытокъ. Да и увеличить затраты нѣтъ никакой возможности, потому что солевары *обнищали и разорились* въ конецъ. Въ западной Европѣ пошлина на производство соли, на элементы этого производства и на самый продуктъ уничтожены давно и безвозвратно, какъ убыточный тормазъ народнаго благосостоянія. Изъ такой же морской воды, напримѣръ, вываривается соли въ Австріи (не въ Величкѣ) 1.680,900 п., въ Сардиніи 2.340,000 п., въ Сициліи 9.000,000 п., въ Португаліи 14.928,000 п., въ Испаніи 18.900,000. Норвегія и та уже собирается у себя открывать соляныя варницы, и правительство ея готово помочь этому доброму начинанію всѣми своими средствами.

Какъ на самый рельефный примѣръ упадка этого промысла, можно указать на Соловецкій монастырь, нѣкогда вываривавшій до 400,000 п. соли ежегодно, а теперь потребляющій *иностранную* соль! „Чудесъ“ на свѣтѣ, разумѣется, много—но такія чудеса право рѣдки!

Лодка давно насъ ждала у пристани факторіи. Мы сѣли—и поплыли къ противоположному берегу, гдѣ въ щеляхъ разбросано пять становъ—Швецова, Сороцкій, Ворзогорскій, Кольскій и Савинскій. Тѣ же на каждомъ шагу встрѣчали насъ прелестные бѣлые всплески волнъ о каменные выступы мысовъ и острововъ. Съ середины бухты — видъ невыразимо красивъ. Эти гранитные утесы, обступившіе ее, эти суетящіяся толпы народа, кипучая трудовая свалка повсюду, множество лодокъ, бороздящихъ бухту во всѣхъ направленіяхъ, стройный силуэтъ

парохода, казавшагося такимъ маленькимъ въ тѣни громадной скалы, у которой стоялъ онъ, и шкуна на всѣхъ парусахъ, входившая въ заливъ—вѣяли чѣмъ-то мощнымъ, бодрящимъ, освѣжающимъ. Прибавьте къ этому стройный рокотъ валовъ, окрики промышленниковъ съ берега, пѣсни, звучавшія гдѣ-то, и этотъ чистый, соленый воздухъ океана...

Тутъ крестовъ было больше, чѣмъ въ Семиостровѣ. Трудно было предположить, чтобы всѣ они стояли надъ могилами или играли роль маяковъ. Я обратился съ вопросомъ по этому поводу къ одному изъ моихъ спутниковъ.

— Это у насъ звычай такой. Баскій звычай, наша поморская вѣра! Таперча сбираешься ты въ путь, и вѣтеръ тебѣ не въ хвостъ, а прямо въ морду дуетъ—непорато ловко тебѣ—сейчасъ съ молитвой поставь крестъ и дастъ тебѣ Господь Вседержитель попутничка. Опять же ежели, къ примѣру, застала тебя въ голомяни (открытый океанъ) буря, спасъ тебя Богъ, ну пришелъ ты въ становище, первое дѣло—въ часовню, коли есть, опосля ежели ты не скотъ безчувственный, долженъ становить крестъ. Но мы, однако, не забываемъ Его, Творца небеснаго. Повсечасно памятуемъ. На морѣ, братъ, Бога узнаешь. Потому и говорится, кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился. Какъ трепанетъ тебя—взмолишься. Сей годъ мы два креста установили. Помогай Богъ!..

Наконецъ лодка пристала къ отлогому, слегка покрытому щебнемъ берегу. Далеко отъ окраины моря непараллельно ей вилась полоса выброшенной приливомъ морской травы. Подъ ногами было пропасть ракушекъ. Прямо передъ нами волнистыми линіями лежали каменныя громады. Голубенькіе, бѣлые, палевые и желтые цвѣтики по одиночкѣ улыбались между валунами, словно кивая намъ головками, какъ старымъ знакомымъ, видѣвшимъ ихъ на дальнемъ югѣ.

За то здѣсь не было такой чистоты какъ на берегу, гдѣ разбросана факторія Савина. Тресковыя головы не сушились, а бросались вмѣстѣ съ внутренностями въ водѣ, въ которой и во время прилива онѣ меледятся бѣлыми, неровными пятнами. Въ отливъ онѣ обсыхали, распространяя невыносимое зловоніе. Здѣсь тоже вытапливается макса, но въ плохихъ чанахъ и кое-какъ. Она грязна невообразимо и имѣетъ тотъ противный запахъ, который характеризуетъ долго пролежавшую шквару. Кромѣ того, тутъ уже не было и помину о баняхъ. Впрочемъ, промышленники придумали здѣсь бани особеннаго устройства. Надъ ключемъ холодной воды или у рѣки они устраиваютъ палатку изъ парусовъ, окачиваютъ ее водою, приготовляютъ нѣсколько котловъ горячей воды, а внутрь палатки наваливаютъ цѣлую груду раскаленныхъ камней. Въ такой банѣ и чисто, и жарко какъ на полкѣ.

Я зашелъ въ станъ Морозова. Максимъ Морозовъ, промышляющій здѣсь на четыре шняки, т. е. снаряжающій шестнадцать покрученниковъ, былъ самъ на лицо. Онъ возился за чисткою рыбы, окруженный помогавшими ему зуйками. Этотъ поморъ сообщилъ мнѣ, что Шельпино находится въ семи верстахъ отъ становища Василькино и въ 6-ти отъ Зеленецкаго. Отъ одного изъ самыхъ большихъ промысловыхъ становищъ Гаврилова оно отстоитъ на 18 верстъ. При всѣхъ выгодахъ лова въ Шельпинѣ, оно представляетъ и важное неудобство, потому что за наживкой приходится плыть отсюда къ устью рѣки Вороньей, т. е. почти за тридцать пять верстъ. Къ устью рѣки Вороньей съѣзжаются и изъ другихъ пунктовъ Мурмана и, когда скопляются большія массы ловцовъ песчанки,—нерѣдко случаются и драки, и ссоры. Всѣ бросаютъ невода въ одно и тоже время, тянутъ одинъ черезъ другаго, перепутываются и только разругавшись всласть, а иногда и передравшись, возвращаются домой. Въ 1873 г. уловъ въ Шельпино былъ потому именно плохъ, что наживки въ губѣ Вороньей оказалось мало.

Шельпино совершенно разумно пользуется славою одного изъ самыхъ здоровыхъ въ гигіеническомъ отношеніи мѣстъ на Мурманѣ: изъ 231 чел., промышлявшихъ здѣсь въ 1871 г., заболѣло только пятеро и одинъ изъ нихъ умеръ. Такимъ образомъ Шельпино даетъ лишь 2,1% больныхъ на наличное число покрученниковъ, тогда какъ на Семиостровье приходится 54,4%, на Щербиниху 53,1%, на Гаврилово 36,5% и на Тириберку 35%. Во время нашего проѣзда оказался здѣсь единственный больной тифомъ—за все лѣто.

Я попросилъ позволенія войти въ одинъ изъ становъ и нарочно выбралъ тотъ, который былъ попригляднѣе. Здѣсь, какъ объяснилъ мнѣ мальчикъ-зуекъ, на пространствѣ двухъ квадратныхъ сажень жило до двадцати человѣкъ. Несмотря на то, что въ моментъ моего посѣщенія въ избѣ никого не было, такъ какъ всѣ покрученники находились на промыслахъ,—воздухъ въ ней былъ спертъ и душенъ. Въ немъ казалось еще клубились міазмы отъ сушившейся обуви и др. ингредіентовъ. Нары были неимовѣрно грязны. Я поднялъ съ одной свалившуюся рогожу и отдернулъ руку съ чувствомъ близкимъ къ ужасу—тамъ кишмя кишѣла разная мерзость. Сквозь щели плохо сложенной печи струился ѣдкій дымъ, а въ щели плохо сложеннаго сруба дула холодная, насквозь пронизывающая тонкая полоса вѣтра. На полу лежали груды сору и мусору, тутъ и грязь, и органическія вещества; толстый слой сажи лоснился вокругъ печи.

— Неужели у васъ спятъ здѣсь двадцать человѣкъ?

— А какъ же не спать. Умаешься—заснешь.

— И не душно?

— Бываетъ, кто ночью на корачкахъ выползетъ за двери, да такъ и ложится на вѣтеръ. Ужъ это если очень одурѣетъ. А то ничего— спитъ. Тепло, кости—размаетъ. Тутъ хоть буди—не услышитъ...

Въ другихъ станахъ было еще хуже.

Какое страшное здоровье нужно имѣть, чтобы уцѣлѣть при такихъ условіяхъ!

Впрочемъ нужно быть справедливымъ. Подобное же безобразіе водится не у однихъ насъ. Бергенскій купецъ Германъ Баарсъ говоритъ въ своемъ сочиненіи „Les pêches de la Norwége“ о хижинахъ, гдѣ живутъ сѣверно-норвежскіе промышленники въ періодъ ловли на Ведгонскихъ островахъ, почти тоже самое. Нужно только замѣтить, что въ норвежскихъ избахъ помѣщается въ обыкновенное, небойкое время промысла отъ 6—12 чел. на сравнительно большемъ пространствѣ, и для каждаго изъ нихъ имѣется кровать.

Желая собрать кое-какія свѣдѣнія о положеніи промысла, я искалъ въ Шельпиной губѣ старосту; но оказалось, что какъ онъ, такъ и его кандидатъ уѣхали за песчанкой въ Воронью рѣку. Каждое мурманское становище изъ среды своихъ покрученниковъ избираетъ самаго уважаемаго „коршика“ старостой, который обязанъ наблюдать за порядкомъ, высылать промышленниковъ на ярусы и пр. Это начальство, власть становища, его муниципалитетъ. Церемонія избранія отличается юморомъ и разгуломъ чисто поморскаго свойства. Выбраннаго покрученники возятъ на себѣ изъ стана къ стану, смѣняясь въ каждомъ. Въ станахъ его поятъ водкой или ромомъ, обливаютъ помоями, водою и чѣмъ попало. Начальство возвращается домой уже безъ ногъ и нѣсколько дней послѣ того не можетъ протрезвиться; староста же и представитель мѣстной юстиціи. Онъ рѣшаетъ всѣ распри, караетъ за преступленія и установляетъ законодательнымъ порядкомъ промысловые кодексы, уголовные и гражданскіе.

На одномъ изъ холмовъ, въ сторонѣ отъ становища, сѣрѣло что-то въ родѣ конусообразной палатки. Спотыкаясь и падая на каждомъ шагу, мы побрели туда. При одномъ изъ поворотовъ у горнаго кряжа мы лицомъ къ лицу столкнулись съ какимъ-то дрожащимъ, несчастнымъ, хилымъ созданіемъ въ лохмотьяхъ; это оказалась лопарка. Сѣдые клочья рѣдкихъ волосъ выбивались изъ-подъ тряпки, покрывавшей ея голову. Слезящіеся, съ красными опухшими вѣками глаза тускло свѣтились на землистомъ, сморщенномъ въ кулачекъ лицѣ. Малорослая, съ длинными руками, она шла какою-то неровною, колебавшеюся походкой.—пока не увидѣла насъ. На одно мгновеніе она остолбенѣла, потомъ опрометью кинулась въ горы, цѣпляясь за выступы каменныхъ породъ, скользя змѣей надъ обрывами и ловко, хотя и испуганно, про-

бѣгая тамъ, гдѣ мы несомнѣнно сломали бы себѣ шею. Мой спутникъ крикнулъ ей что-то ободряющее, но она еще быстрѣе поползла вверхъ по отвѣсному почти гранитному столбу!

— Экія дикія! замѣтилъ промышленникъ, провожавшій насъ. Сказано—чудь! Къ намъ они приглядѣлись, ну а вы не въ такомъ платьѣ. Думаютъ—начальство и пужаются.

— Чего же они боятся?

— Какъ начальства не пужаться. Начальствомъ они очень напуганы. Страхъ чувствуютъ. Допрежь сего, давно это бывало, гдѣ начальство проѣдетъ, такъ точно палъ прошелъ по лѣсу—все чисто; ни оленя, ни оленьей постели, ни денегъ!.. Тоже, господа благородные, очень умѣли промышлять этимъ. Мы треску,—ну, а они лопарей ловили. Потомъ, напуганы. Какъ не пужаться. Теперь и легче, безобразія того нѣтъ,—а лопарь все не вѣритъ. Все думаетъ, что его за шиворотъ получить желаютъ...

Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, добрались мы до вѣжи, разбитой на торфяной плѣшкѣ куполообразнаго холма. Открывъ деревянную дверь, мы увидѣли лопаря и лопарку, сидѣвшихъ молча на корточкахъ другъ передъ другомъ, за чаемъ, который они пили, наливая его изъ мѣднаго чайника въ глиняныя, большія кружки. Эти были совершенно не похожи на только-что встрѣченную нами старуху. Оба красивые и хорошо одѣтые, они производили чрезвычайно пріятное впечатлѣніе: мужъ былъ въ красной кумачной рубахѣ. Черные курчавые волосы вились вокругъ выпуклаго умнаго лба. Красивые черные глаза смотрѣли осмысленно и кротко. Черты лица были совершенно правильны и чисты, члены вполнѣ пропорціальны. Лопарка-жена могла назваться красавицей въ полномъ смыслѣ этого слова. Прелестные голубые глаза, съ нѣсколько дикимъ блескомъ остановились на насъ только на одну минуту. Унизанная бисеромъ сорока красиво сидѣла на маленькой граціозной головкѣ. Изящныя губы, прямой, небольшой носъ и высокія черныя брови придавали ея лицу оригинальную прелесть. Но чему бы позавидовали наши дамы—это рукамъ и ногамъ полудикой нимфы. У лапландокъ вообще необыкновенно красивыя и маленькія руки. Несмотря на тяжелую черную работу, онѣ никогда не теряютъ своихъ изящныхъ очертаній.

Встрѣченная нами красавица была одѣта въ красную шелковую душегрѣйку, опушенную мѣхомъ. Нужно сказать только, что послѣ, во время моего скитальчества по Лапландіи, я видѣлъ красивыхъ, но уже не встрѣчалъ одѣтыхъ такимъ образомъ лопарей. Вездѣ была бѣдность и убожество.

— Здравствуй, Васька! обратился къ хозяину вѣжи сопровождавшій насъ промышленникъ.

— Здравствуй. Чего не входите. Чаю напейтесь,—чисто по-русски приглашалъ насъ лопарь.

Жена его въ это время сидѣла неподвижно, опустивъ глаза внизъ. Намъ хотѣлось зайти сюда, но пароходъ не ждалъ. Нужно было поспѣть во время.

Василій Логиновъ—лопарь, встрѣченный нами, владѣетъ оленьимъ стадомъ въ 700 головъ. Еще недавно такіе оленеводы считались бѣдняками. Они положительно стушевывались передъ богатыми лопарями, у которыхъ численность стадъ была неизвѣстна, за невозможностію сосчитать ихъ. Теперь не то. Ограбленные волками, старымъ чиновничествомъ и русскими торговцами, инородцы разорились и разоряются до нынѣ. Водка отнимаетъ у нихъ все. Объ этомъ будетъ подробнѣе сказано ниже, теперь же ограничимся только замѣчаніемъ, что сохраненіемъ своего стада Логиновъ обязанъ тому, что лѣтъ пятнадцать назадъ онъ находился въ особенно счастливыхъ условіяхъ, недопускавшихъ никакихъ столкновеній съ предержащею властью. Онъ ничего не пьетъ.

Вблизи губы Шельпиной лопари ловятъ на р. Оленкѣ семгу. Семга ловится и по всему Мурманскому берегу, но цѣнится весьма недорого, потому что въ ней гораздо менѣе жиру, чѣмъ въ бѣломорской, и она далеко не такъ нѣжна. Самая худшая семга попадается въ Іоканкѣ, рѣкѣ, впадающей въ Іоканскій заливъ у св. Носа; та цѣнится не дороже 2 р. за пудъ. Въ рѣкѣ Оленкѣ вылавливаютъ до 300 п. въ хорошіе, урожайные на семгу годы и до 180 въ обыкновенные. Скупается весною семга Савинымъ по 3 р. за пудъ, и всѣ выгоды улова поступаютъ не въ пользу лопарей, а въ уплату ихъ податей и недоимокъ, количество которыхъ они не знаютъ сами. Семга здѣсь ловится гарвами, но въ болѣе значительныхъ рѣкахъ Мурманскаго берега устроены заборы.

Не успѣли мы добѣжать до берега, какъ раздался второй свистокъ парохода.

— Хорошъ конекъ, да горячъ больно! острили промышленники.

— А все на шкунѣ ловчѣй.

Въ тотъ же день пароходъ „Качаловъ“ бросилъ якорь на рейдѣ самаго многолюднаго изъ становищъ Мурманскаго берега—Гаврилова, окруженнаго со всѣхъ сторонъ громадными отвѣсными пахтами, вершины которыхъ тонко рисуются на ясномъ фонѣ безоблачнаго неба, со всѣми своими зубцами и извилинами. На склонахъ, обращенныхъ къ сѣверу, серебрятся узкія полосы снѣга, да на выступахъ скалъ бѣлѣютъ пятна птичьяго гуано, которое здѣсь пропадаетъ даромъ, а въ сосѣдней Норвегіи составляетъ выгодный предметъ мѣстнаго торга. Узкій входъ въ гавань защищаетъ послѣднюю отъ напора полярныхъ

Внутренность лопарской хижины.

льдовъ, а глубина ея дѣлаетъ Гавриловское становище однимъ изъ выгоднѣйшихъ для промышленниковъ. Самыя большія бѣломорскія суда, сидящія 8 футовъ въ водѣ,—свободно останавливаются здѣсь. За то во время отлива, въ куйпогу,—вода изъ бухты уходитъ вся, и она обсыхаетъ такъ, что съ конца въ конецъ по ней можно пройти, не замочивъ ногъ.

Въ первый разъ въ восточной части Мурмана я различилъ массы краснаго гранита, проникнутаго кварцевыми жилами на скалахъ, окружающихъ заливъ. Поверхность пахтъ (скалъ) покрыта торфянымъ слоемъ до одной сажени въ толщину, а въ природныхъ цистернахъ на плоскихъ вершинахъ трехъ утесовъ серебрятся озера стоячей воды, скопляющейся въ нихъ отъ дождя или отъ стаявшаго снѣга. Уже у Гаврилова скалы подымаются на 650 ф. надъ поверхностію океана. Виды съ ихъ вершинъ—поразительны. Это—воплощеніе красоты и величія. Я самъ не имѣлъ времени взобраться туда по природнымъ лѣстницамъ, образуемымъ выступами камня, но очевидцы много говорятъ о роскоши полярнаго пейзажа, представляющагося отсюда. Прямо, почти подъ ногами,—вся Гаврилова губа, на тихой поверхности которой качается нѣсколько судовъ съ убранными парусами; у подножія пахтъ лѣпятся станы; едва слышнымъ долетаетъ до васъ гулъ, показывающій жизнь и движеніе; звонкая монотонная пѣсня помора смѣшивается съ печальнымъ крикомъ чайки; далѣе на горизонтѣ безбрежная равнина океана—незамѣтно сливающагося съ свѣтлою лазурью неба. Направо и налѣво скалистый берегъ, вершины котораго, выказываясь однѣ изъ-за другихъ, теряются въ отдаленіи. Сзади безконечная тундра, гористая, съ своимъ блѣднымъ и унылымъ колоритомъ. Горы эти, идущія внутрь материка, расположены въ видѣ кряжей параллельно морскому берегу, какъ океанъ, взволнованный вѣтромъ и потомъ мгновенно застывшій.

Въ этомъ становищѣ обыкновенно скопляется около 351 покрученника, но случается, что количество ихъ понижается до 300 и повышается до 400. Въ санитарномъ отношеніи Гавриловскій промыселъ не особенно выгоденъ. По крайней мѣрѣ въ 1871 году заболѣло здѣсь 36,2% горячкою и тифомъ; а въ 1868 году, когда по всему Мурману распространилась цынга, здѣсь въ одномъ становищѣ изъ 200 человѣкъ умерло 70. Передъ самымъ становищемъ лежатъ острова Гавриловъ и Гусенецъ, покрытые слоемъ глубокаго торфа, до того сухаго, что отъ малѣйшей искры онъ загорается и тлѣетъ, какъ трутъ.

Разъ, одинъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, посѣщавшій Мурманъ, человѣкъ повидимому весьма легковѣснаго свойства, позабавился „пробуя зажечь глыбу торфа“. Огонь съ поразительной быстротой сталъ распространяться по всему острову, и только соединенными усиліями лапланд-

Больше ничего добиться отъ нихъ я не могъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Ужъ подъ вечеръ мы выбрались изъ Гавриловской губы. Пароходъ быстро оставилъ за собою Вороньи Лудки, мысъ и губу Воронью, вокругъ которой отвѣсныя пахты скучиваются однѣ надъ другими подавляющими мысль, угрюмыми массами. Здѣсь становилось уже значительно теплѣе. Чувствовался, какъ будто, совсѣмъ другой климатъ, хотя и погода стояла такая же, какая насъ застала въ Семиостровьѣ, и времени отъ нашей стоянки въ послѣднихъ прошло весьма немного.

Отъ губы Вороньей до губы Опасовой берега становились все выше и живописнѣе; пирамидальныя горы обрисовывались налѣво между плоскими вершинами болѣе низменныхъ выступовъ. Даль сливала всѣ мелкія детали и стройное цѣлое являлось тѣмъ красивѣе и величавѣе.

— Если хотите видѣть райскій уголокъ нашего Мурмана, предупредили меня, такъ не сходите съ палубы. Скоро будетъ Тириберка.

III.

Отъ Тириберки до Еретиковъ.

Нѣтъ ничего красивѣе входа въ Тириберскую губу, образуемаго двумя массами горъ; первая сѣрѣетъ громадами сплоченныхъ скалъ, а вторая высится вдали, окутанная синевато-фіолетовыми тонами, на которыхъ ложатся темныя тѣни медленно подступающаго вечера. Багровое зарево заката, заслоненное выступами скалистыхъ береговъ, мерцаетъ и вспыхиваетъ только на немногихъ вершинахъ, свѣтящихся издали надъ океаномъ, словно маяки среди этого движущагося простора. Между двумя главными мысами, въ самой серединѣ виднѣется третій. Тотъ весь въ тѣни и только гребень его чуть-чуть отливаетъ свинцовымъ блескомъ, тогда какъ остальная масса кажется скорѣе похожею на тучу, чѣмъ на матерую землю. Между этими тремя мысами находится небольшой островъ, красиво чернѣющій въ бѣлыхъ всплескахъ неугомонныхъ валовъ Ледовитаго океана. Еще приближаясь къ наружному заливу, уже встрѣчаешь на морѣ множество карбасовъ, выметывающихъ ярусы или прицѣпившихся къ спущенной снасти въ ожиданіи второй воды. Тутъ артель спитъ спокойно, не заботясь о волненіи океана, и только тогда, когда какая-нибудь непочтительная волна захлестнетъ за бортъ и обрызжетъ бѣлою пѣной покрученниковъ—изъ шняки подымется недоумѣвающее, бородатое лицо, оглянетъ весь этотъ просторъ—и снова скроется въ углубленіи. Случается, что мимо проходящіе иностранцы, подшучивая надъ безобиднымъ русскимъ человѣкомъ, швырнутъ въ него чѣмъ ни попало и тѣшатся без-

сильною злостью разбуженныхъ покрученниковъ. Въ догонку за обидчиками летятъ ругательства, которыхъ, разумѣется, тѣ не понимаютъ. Англичане являютъ въ такихъ случаяхъ еще болѣе остроумія. Они, напримѣръ, окачиваютъ шняку водою, изъ помпъ и т. д. Бываетъ и то, что предусмотрительная артель предварительно запасается камнями, и огорошиваетъ иностранцевъ въ свою очередь цѣлымъ дождемъ неожиданныхъ гостинцевъ. Вслѣдствіе невнимательности вахтенныхъ на иностранныхъ торговыхъ пароходахъ, случается и то, что ночью или даже среди бѣлаго дня паровое судно налетитъ на шняку, и въ одно мгновеніе отъ нея останутся однѣ щепки, да трое или четверо людей, барахтающихся на поверхности океана до тѣхъ поръ, пока послѣднія силы ихъ не истощатся и волны не поглотятъ несчастныхъ. Иностранцы въ такихъ обстоятельствахъ не подаютъ помощи, опасаясь, что съ нихъ будутъ взыскиваться убытки за разбитое судно. Было уже нѣсколько примѣровъ такого бездушія на Сѣверѣ.

Береговыя скалы, насколько можно было разглядѣть отсюда, усѣяны чайками до такой степени, что всѣ выступы, карнизы и террасы кажутся засыпанными снѣгомъ. Чайки сидятъ массами и въ водѣ, мѣрно и граціозно подымаясь и спускаясь вмѣстѣ съ волнами и высматривая добычу. Вотъ цѣлая стая ихъ прилетѣла на встрѣчу къ пароходу, описала около него громадный кругъ и опять тяжело взмахивая крыльями, понеслась назадъ, разсказывая что-то рѣзкими и пронзительными криками тѣмъ, которыя благоразумно остались на берегу. Только двѣ изъ нихъ усѣлись одна на верхушкѣ мачты, другая на снасти и сіяютъ розовымъ блескомъ въ лучахъ заката.

На правой сторонѣ берегъ видѣнъ далеко, далеко. Вонъ чуть-чуть мерещится Малый Оленій мысъ, дальше смутною чертою синѣетъ ровная, сливающаяся въ одну полосу, даль пустыннаго берега—и отдѣльно отъ нея, на крайнемъ западѣ, точно въ воздухѣ виситъ граціозный издали силуэтъ платформы острова Кильдина. Кильдинская салма точно раскрытая дверь между островомъ и матерыми горами вся на свѣту. Солнце заходитъ тутъ, и ярко багровый дискъ его чуть чуть приподымается надъ краемъ моря въ салмѣ. Еще дальше, что-то не то синѣетъ, не то движется въ воздухѣ на розовомъ фонѣ неба, то пропадая изъ глазъ, то снова выступая въ вѣнцѣ зареваго сіянія. Это крайнія оконечности Кольской губы и Торосъ островъ. Общій видъ окрестностей былъ исполненъ величія и дѣйствительной красоты. Налѣво, т. е. назади можно различить, но уже въ синихъ сумеркахъ вечера, матерой берегъ—до Вороньей губы...

Пароходъ повернулъ въ внѣшнюю Тириберскую губу. Длина этой части на OSO (по Рейнеке) $2^1/_2$ мили и почти такая же ширина. Она открыта NW-му вѣтру и имѣетъ большую глубину—въ серединѣ 75'

а по краямъ, подъ самымъ берегомъ, до 20 саженъ. Чѣмъ дальше проходили мы, проникая во внутреннюю бухту—тѣмъ горы становились все выше и круче. Сначала—горизонтъ стѣсняли однѣ голыя каменныя массы, потомъ показалась зелень, цѣлыми полосами спускавшаяся внизъ и перемежающаяся желтыми пятнами спѣлой морошки, сверкающими подъ солнцемъ золотымъ блескомъ.

— Волчки, по нашему, горы эти прозываются. Красота тутъ—благословенное мѣсто! замѣтилъ ѣхавшій съ нами поморъ.

— Дородно (хорошо) здѣсь! сочувственно отозвался другой.

Между ихъ выступами чернѣютъ разщелины и логи, а по скатамъ, какъ раскрытыя пасти открываются агатовые зѣвы пещеръ. Вершины этихъ горъ мягко рисуются живописными линіями направо на розовомъ, а налѣво на синемъ фонѣ неба. Тѣни вечера уже ложились на скаты, но и подъ ними кое-гдѣ серебрились тонкія черточки снѣгу, облежавшіяся въ глухихъ щеляхъ. Напротивъ наружной губы мы оставили за собою островъ Оленій, на верхушкѣ котораго весь въ свѣту стоялъ черный деревянный крестъ. Недавно еще, какъ на этомъ островѣ, такъ и на Кильдинѣ кочевали лопари, но теперь они совершенно вытѣснены русскими.

Внутренняя Тириберская губа лежитъ въ южномъ углу внѣшней губы, отъ Тириберскаго мыса на S въ $4^1/_2$ миляхъ. Она въ окружности имѣетъ болѣе 3 миль, образуя нѣсколько бухтъ для стоянки кораблей, какова Лодейная и Корабельная. Первая въ западномъ, а вторая въ восточномъ берегу губы. Въ обѣихъ глубина отъ 5—16 саженъ. Графъ Литке, посѣщавшій весь Мурманскій берегъ, чему мы обязаны первыми точными свѣдѣніями объ этомъ краѣ, нашелъ, что выводы склоненія компаса здѣсь были весьма несогласны между собою, а это заставило его предполагать существованіе причинъ, вызывающихъ колебанія стрѣлки въ самыхъ берегахъ Тириберскихъ. Тириберка—одна, изъ важнѣйшихъ бухтъ всего Мурмана, нах. подъ 69°11′08″ с. ш. и 35°09′01 в. д. (отъ Гринича). Отъ ближайшаго лѣтняго лопарскаго погоста она отстоитъ къ NW на 90, отъ зимняго на 120 верстъ. Отъ норвежскихъ городовъ Вадзе на 250, и Вардо на 230, отъ Колы на 110, отъ Кеми на 1135 лѣтомъ и на 625 зимою, отъ Архангельска лѣтнимъ путемъ 850 и зимнимъ 1340. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ Тириберкѣ промышляютъ 294 человѣка. Скученность и дурное состояніе избъ здѣсь таково, что несмотря на превосходное положеніе становища, здоровый морской воздухъ, въ 1871 г. было больныхъ 103 чел. или 35%, изъ нихъ умерло 15. Здѣсь преимущественно промышляютъ колежемцы и сумляне, сверхъ того и коляне.

Когда мы дошли до средины внутренней Тириберской губы—я уже не могъ оторваться отъ прелестныхъ береговъ ея. Вода покойна, какъ

въ чашкѣ. Отсюда вамъ кажется, что вы плывете по озеру, окруженному громадными зелеными альпами, отражающимися въ его зеркалѣ всѣми своими вершинами и выступами. Тутъ не было уже подавляющаго простора океана; входъ, чуть только отплывешь отъ него за версту, незамѣтенъ вовсе. А присмотритесь пристальнѣе къ этимъ сомкнутымъ берегамъ, и вы различите на нихъ широкія синія полосы полевыхъ цвѣтовъ, отлогіе спуски, покрытые мягкою зеленью. Изъ-за однѣхъ горъ еще довольно рельефно выдаются другія, за ними синѣютъ третьи, а еще дальше чуть мерещутся облачнообразныя вершины самыхъ дальнихъ. Кое-гдѣ облако повисло на пологой горѣ и отразилось каждымъ извилистымъ поворотомъ своей поверхности въ этомъ покойномъ озерѣ. Тутъ въ самыя бурныя погоды—царствуетъ тишина и безмятежный миръ, хотя комиссія, еще недавно командированная сюда, нашла, что и внутренняя Тириберская губа открыта N и NW вѣтрамъ. Губа эта имѣетъ другое неудобство, а именно то, что осенью ее набиваетъ льдомъ, почему и зимовки здѣсь не совсѣмъ безопасны. Вдоль самаго берега я различалъ маленькія, чрезвычайно живописныя бухточки. Въ нихъ кое-гдѣ колышется шкуна или лодья на якорѣ, такая маленькая, словно точка, въ сравненіи съ этими вершинами, обступившими ея тихое убѣжище. Только на этой точкѣ вы различите и снасти ея, и мачты, и даже разсмотрите позади небольшой карбасъ, привязанный къ ея кормѣ. Въ другихъ заливчикахъ поменьше черными черточками виднѣлись лодки промышленниковъ, а прямо, въ южномъ концѣ этого внутренняго озера, желтѣлъ громадный тругольникъ, плоскій и далеко выдававшійся въ море. Это было песчаное подножіе точно пьедесталъ крутой горы, поднимавшейся отсюда. Песчаный мысъ составляется рѣкою Тириберкою и внутреннимъ заливомъ того же имени. Тутъ еще издали можно разсмотрѣть большое становище, красивѣе всѣхъ, видѣнныхъ до сихъ поръ; передъ нимъ колышутся суда. Оно похоже на какой-то рыбачій городокъ, необыкновенно изящный издали. Всѣ берега песчанаго пространства загромождены палтухами, на которыхъ сушатся сѣти; дальше видны ряды разволочныхъ избъ, одни за другими, перемѣшанные со скеями, амбарами. Передъ становищемъ—громадный зеленый лугъ, гдѣ пасутся коровы. Отсюда далеко несется говоръ многолюдной и тѣсно скученной толпы.

Въ одномъ мѣстѣ, не доходя до берега,—цѣлое бѣлое мѣсто на скалахъ и спускахъ горъ. Это залежь птичьяго гуано. Мой спутникъ, побывавшій въ Норвегіи и знавшій цѣны на этотъ предметъ, опредѣлилъ стоимость этой залежи въ шесть тысячъ рублей, въ окрестностяхъ одной Тириберки. „У насъ, прибавилъ онъ, давно бы все это было собрано до послѣдней крохи и продано. Имѣй я судно, непремѣнно занялся бы эксплоатаціей гуано на вашихъ берегахъ».

— А наши поморы?

— У нихъ родители не занимались этимъ!—насмѣшливо проговорилъ норвежецъ.

— Много ли промышляетъ здѣсь народа?

— 83 шняки. Считайте по четыре человѣка на каждую—332 человѣка *) въ лѣто. Лучшіе дома, что вы здѣсь видите, принадлежатъ колонистамъ—Кононову, Кочину и Хохлову. У нихъ и станы для своихъ промышленниковъ выстроены.

Наконецъ «Качаловъ» кинулъ якорь. Мы бросились въ первый карбасъ и перебрались на твердую землю. На песчаномъ полуостровѣ насъ окружила многолюдная толпа. Какія здѣсь были красивыя лица! Какъ будто бы всѣ села Поморья выслали сюда лучшихъ своихъ представителей. Начиная отъ чистыхъ брюнетовъ съ удивительно выразительными глазами и кончая рослыми сорочанами, все это молодцы на подборъ. Здоровый цвѣтъ лица невольно заставлялъ насъ удивляться выносливости и желѣзной натурѣ сѣвернаго промышленника. Всѣ они были чрезвычайно словоохотливы и предупредительны. Лица ихъ смотрѣли осмысленно, смѣло.

Только-что войдя въ становище, мы запутались въ этомъ своеобразномъ рыбачьемъ городѣ. Вся рѣка передъ нами *сплошь* заставлена судами и ботами. Въ десяткахъ карбасовъ у берега свѣжевалась снятая съ ярусовъ и привезенная сюда треска. Вездѣ сушили невода, между ними бѣгали зуйки, играя въ городки и бабки. За палтухами съ неводами прямою линіею, раскидывались ряды избъ, садовъ., амбарушковъ и бань. Во всѣхъ направленіяхъ поднимали, придавленные досчатыми кровлями, штабеля съ сухою треской. Между избами сновалъ народъ. Гдѣ-то слышалась хоровая пѣсня. У самаго берега, въ наскоро устроенномъ очагѣ варился ужинъ, и нѣсколько покрученниковъ собралось у котла, громко толкуя о сегодняшнемъ промыслѣ. Въ другихъ мѣстахъ у пороговъ избъ сидѣли старые корщики, солидно поглядывая на копошившуюся передъ ними рѣзвую юность. На болѣе чистыхъ площадкахъ, гдѣ свободно вѣялъ воздухъ, развѣшанные для сушки паруса бѣлѣли среди темнаго простора. Но чего нельзя передать—это цѣльнаго впечатлѣнія, общаго ensemble всего поселка, кипучая жизнь котораго такъ и рвется изъ его предѣловъ.

Райскій уголокъ начинался тамъ, гдѣ въ крутыхъ, отдѣльными вершинами уставленныхъ берегахъ своихъ, тихо струилась прелестная рѣка Тириберка, красивые извивы которой можно наблюдать съ одной изъ окрестныхъ горъ. Вараки **), окаймлявшія эту рѣку своими груз-

*) Тутъ, какъ и вездѣ, офиціальныя цифры расходятся съ дѣйствительными.

**) Небольшія крутыя горы.

ными массами, то оканчиваются двойными конусами, то словно срѣзаны плоскостями. Иныя изъ нихъ, отлого подымаясь версты за три отъ рѣки, обрушиваются въ нее почти вертикальнымъ скатомъ, другія падаютъ внизъ террасами, карнизами, усѣянными чайками. Ниже этихъ горъ и скалъ желтѣютъ песчаныя отмели. Въ логахъ между горами, у ихъ подножій—ярко зеленѣютъ великолѣпные покосы.

Рѣка Тириберка порожиста и перегорожена каменными надунами въ нѣсколькихъ пунктахъ. Въ одномъ мѣстѣ она даже обрушивается внизъ бѣлою массою красиваго водопада, изъ самой середины котораго подымаются вверхъ утесы съ елями и соснами на своихъ вершинахъ. Дальше широко раскидываются чудные, идиллически обставленные синѣющими окрестностями плесы, въ недвижныхъ заводяхъ которыхъ плаваютъ сотнями черные выводки вѣчно рыдающихъ гагаръ, да рѣзвятся, выскакивая изъ воды, суетливые кумжи и харіусы. Дальше теченіе рѣки съуживается, опять она гремитъ въ своихъ порогахъ пока горы вновь не раздвинутся, открывая зеркальный, усѣянный островами и скалами просторъ.

Виды прелестны и тогда, если смотрѣть на губу съ устья этой рѣки. Синѣющія въ таинственной дали горы, покойная поверхность замкнутой бухты—все это настраиваетъ душу на сладкія воспоминанія и грезы, и сердце рвется куда-то, ищетъ и проситъ чего-то, что подстать и сумеркамъ этого чуднаго вечера, и этимъ горнымъ вершинамъ и всей этой безмятежной картинѣ „Райскаго уголка“ ..

У самаго устья рѣку Тириберку перегораживаетъ песчаный баръ глубиною въ 9 футовъ, далѣе въ рѣку—глубже. Въ лѣвый берегъ ея, въ полуверстѣ отъ становища, вдается небольшая красивая бухта, гдѣ раскинуты вѣжи лопарей-рыболововъ. Здѣсь ловится семга, прекраснаго качества кумжа, сиги, харіусы и щуки. На берегахъ растетъ недалеко отъ становища годный на дрова березнякъ, а за тридцать верстъ настоящій лѣсъ, сначала мелкій, но уже въ 80 вер. годный на постройки. При насъ у самаго устья Тириберки выметывали съ берега мелкоячейный неводъ за песчанкой. Когда стали вытягивать сѣти, на поверхности воды засверкали, точно серебряные черви, — узкія, увертливыя, юркія, съ острыми рыльцами и гибкимъ тѣломъ, рыбки. Это и оказалась песчанка. Впрочемъ, промышленники жаловались на „недородъ“ ея нынѣшнимъ лѣтомъ, вслѣдствіе чего и тресковый ловъ былъ не совсѣмъ удаченъ. Тѣмъ не менѣе цѣны на треску здѣсь стояли хорошія. За пудъ свѣжей, прямо изъ воды, даже неочищенной, платилось отъ 50—55 коп. На кровляхъ становъ я видѣлъ пропасть сушившихся губокъ. Спрашиваю—на продажу?—Нѣтъ, такъ, для забавы; а между тѣмъ при хорошей очисткѣ эти не уступили бы такъ назы-

ваемымъ грецкимъ. Губки зацѣпляются за крючья ярусовъ, и вытаскиваются изъ моря вмѣстѣ съ трескою.

Тириберская губа особенно выгодна для промысловъ тѣмъ самымъ, что здѣсь постоянно ловится песчанка, хотя съ каждымъ годомъ все менѣе. Впрочемъ, нужно сказать правду, въ оскудѣніи этой наживки виновны сами промышленники. Песчанка любитъ чистый, безъ органическихъ примѣсей, песчаный грунтъ морскаго берега. Между тѣмъ промышленники именно послѣдній и забрасываютъ срѣзанными тресковыми головами и внутренностями. На мое указаніе результатовъ такой неопрятности—покрученники, очищавшіе и солившіе рыбу, только разсмѣялись.

— Господи! Неужь-то жь мы норвежане. У насъ по всему берегу такъ-то. Не сей годъ только; а рыба, милый ты мой, не потому. Отъ Бога все. Его произволеніе. Куда же ее и дѣнешь, показалъ онъ мнѣ на массу тресковыхъ внутренностей и тутъ же шлепнулъ ее въ воду. Не нами это заведено. Еще можетъ быть мой дѣдушка такъ-то ловилъ... А это извѣстно за грѣхи наши—точно что...

Какъ въ Тириберкѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ становищахъ Мурмана нѣтъ вовсе рымъ, укрѣпленныхъ въ береговыя скалы болтовъ для шнякъ и шкунъ. Такія рымы между тѣмъ въ Норвегіи имѣются повсемѣстно. Въ нихъ особенно нуждаются открытыя гавани, Корабельная, Вайдо-Губа, Гаврилова и др., гдѣ во время бури суда подвергаются серьезнымъ опасностямъ. Не мѣшало бы также занять у нашихъ сосѣдей прекрасный обычай означать входъ въ промысловыя и становыя губы гуріемъ, т. е. грудами скалъ, навалеными въ море, такъ что судну входя можно обойтись безъ лоцмана. У насъ этого нѣтъ ни въ одномъ еще становищѣ.

Позади становища, почти у подножія горы, разбросаны три избы и двѣ землянки. Еще не доходя до нихъ, я встрѣтилъ цѣлое семейство переселенцевъ, устроившихся въ Тириберкѣ. Избы оказались принадлежащими колонистамъ, вызваннымъ сюда правительствомъ. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ я опишу общее положеніе девятнадцати колоній Мурманскаго берега и успѣхи колонизаціи, развивающейся на этой отдаленной окраинѣ Кольскаго полуострова. Теперь же ознакомлю только съ Тириберскою колоніей.

Всѣ переселенцы, поставившіе свои избы въ этой губѣ,—русскіе, кромѣ одного корела. Изъ первыхъ, какъ выше уже замѣчено, особенно выдается нѣкто Кононовъ, имѣющій десять шнякъ и одну шкуну. Въ Тириберкѣ у него красивая и просторная изба, въ которой живутъ и промышленники, покрутившіеся у него. Кононовъ ведетъ торговлю съ Норвегіей и свозитъ рыбу въ Архангельскъ, причемъ общій оборотъ его можно принять за 10,000 рублей въ годъ. Это бывшій шкиперъ,

окончившій Кемское шкиперское училище. Онъ говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ, хорошо знаетъ морское дѣло, и вообще въ этой глуши можетъ считаться однимъ изъ выдающихся людей. Въ самомъ началѣ поселенія его здѣсь, онъ наткнулся на препятствіе, едва не заставившее его бросить и мысль объ устройствѣ колоніи въ Тириберкѣ. Именно мѣстный мировой посредникъ,—бывшій становой изъ Западнаго края, принявъ г. Кононова просто *за крестьянина*, хотѣлъ подвергнуть его „*административнымъ мѣрамъ взысканія*“, едва ли не отожествляющимися съ „*энергическими мотивами*“ приснoблаженной памяти г. Юркевича. Изъ этого намека легко уже видѣть, съ какими тупыми и закорузлыми въ ветхозавѣтныхъ полицейскихъ пріемахъ людьми приходится бороться колонистамъ Мурманскаго берега. Г. Кононовъ былъ нѣкогда управляющимъ г. Паллизена въ Сергѣевскомъ наволокѣ, гдѣ онъ устроилъ большую торговую факторію, но не сошелся съ норвежцемъ Ульсеномъ, стоящимъ нынѣ во главѣ этого дѣла, и потому долженъ былъ бросить все и устроиться здѣсь въ Тириберкѣ. Онъ собирается нынѣ ставить паровой жиротопенный заводъ и организовать свои промыслы нѣсколько шире, введя въ нихъ бой акулъ, которыхъ, начиная съ Опасовой губы и на западъ до Рыбачьяго полуострова, попадается очень много.

Трое колонистовъ живутъ еще въ землянкахъ. Это пролетаріи, которые въ новый край внесли только одно достояніе—трудовыя силы. Они получили отъ казны пособія въ 100 р. и право на безпошлинную вырубку лѣса, но на сто рублей не заведешь ни шняки, ни яруса, — а лѣсъ нужно рубить за 150 верстъ внутри страны, причемъ доставить его на мѣсто нѣтъ никакой возможности. Здѣсь ни *сплавныхъ* рѣкъ, ни дорогъ. Между лѣсной полосой и Тириберкой лежатъ горныя цѣпи и тундры. Понятно, что право на лѣсъ является номинальнымъ. Я входилъ въ эти землянки; въ нихъ все скудно и убого. Плохо одѣтая семья, недостатокъ самой необходимой утвари, нужда и лишенія. Въ одной нѣсколько дѣтей; всѣ они покрыты болячками и язвами. Вообще мнѣ на Мурманѣ — у колонистовъ, въ Колѣ — у горожанъ, въ Лапландіи—у инородцевъ, ниразу не удавалось встрѣтить незолотушнаго ребенка. Больно было видѣть прекрасныя дѣтскія лица, покрытыя струпьями и заживающими ранками. Впрочемъ, благодаря широко распространенному обычаю, вмѣсто коровьяго масла, употреблять тресковый жиръ — золотуха не оставляетъ по себѣ сильныхъ слѣдовъ и дѣти выростаютъ здоровыми, стройными и рослыми. Въ Кандалакшѣ, Умбѣ, Тетрино и др. селахъ, гдѣ тресковаго лова нѣтъ—дѣти умираютъ гораздо чаще и золотуха дѣйствуетъ на нихъ несравненно сильнѣе.

У одного изъ домовъ, только что выстроенныхъ, я встрѣтилъ жен-

щину поразительной красоты. Это была блондинка съ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ тонкаго овальнаго личика, на которомъ особенно выразительно сіяли крупные, темноголубые глаза, и въ прелестную улыбку складывались алыя, безукоризненно сложенныя губы. Густые волосы золотистаго цвѣта были спрятаны подъ парчевой сорокой. Вся она превосходно сложенная, граціозная и повидимому хорошо понимающая неотразимое вліяніе своей красоты, производила дѣйствительно глубокое впечатлѣніе въ этой глуши, гдѣ пріютились людское горе и нужда. Она бойко заговорила съ нами. Изъ разговоровъ мы узнали, что она дочь колониста, недавно вышедшая замужъ за прикащика факторіи Савина.

— Откуда ты? спросили ее.

— Изъ Ковды.

— Много у васъ тамъ такихъ красавицъ?

— Въ Ковдѣ-то? Въ Ковдѣ-то меня и за приглядную не считали. Здѣсь только за красавицу схожу. Въ Ковдѣ у насъ всѣ такія.

Ея отецъ—колонистъ Романъ Савинъ, живетъ здѣсь уже четвертый годъ. Пріѣхавъ сюда ни съ чѣмъ, кромѣ голодной семьи и трудовыхъ рукъ, онъ цѣною самыхъ тяжелыхъ усилій и едва-ли понятныхъ намъ лишеній, успѣлъ нѣсколько упрочить свое благосостояніе. У него теперь небольшая изба, хорошо сложенная изъ лѣсу, купленнаго въ Норвегіи (и въ свою очередь доставляемаго туда изъ Колы), проконопаченная мохомъ, своя снасть, своя промысловая шняка. Разумѣется, въ этой избѣ очень тѣсно, но зато чистота въ ней безукоризненная. Печь съ трубою, на полу постланы половики, на стѣнѣ двѣ или три литографіи.

— Только образа и перенесъ изъ Ковды! показалъ онъ мнѣ на передній уголъ, гдѣ теплились лампады.

— Не скучно вамъ здѣсь?

— Зимою не порато весело. А лѣтомъ ладно. Дородно здѣсь лѣтомъ.

— Холодно поди, какъ морозы станутъ?

— Нѣтъ. Въ Ковдѣ и Кандалакшѣ у насъ стужа круче. Здѣсь теплѣе.

Мы было не повѣрили. Ковда и Кандалакша находятся: первая подъ 66°10′, вторая подъ 66°20′, а Тиріберка подъ 69°11′08″, тѣмъ не менѣе оказалось и изъ дальнѣйшихъ разспросовъ въ другихъ пунктахъ этого берега, что зима на Мурманѣ легче и теплѣе, чѣмъ въ Кандалакской губѣ и даже въ Поморьѣ. Филипповъ въ Еретикахъ сообщалъ, что даже въ началѣ Урской губы подъ 69°45′ гораздо сноснѣе зимою, чѣмъ—въ Колѣ (68°52′). Таково вліяніе гольфстрема, отчасти

омывающаго этотъ берегъ до Териберки, гдѣ онъ съ юго-западнаго принимаетъ западное направленіе.

Колонисты косятъ здѣсь сѣно превосходнаго качества въ окрестностяхъ и по берегамъ рѣки. Изъ ихъ разсказовъ оказывается, что, при сравнительно меньшемъ объемѣ, мѣстами сѣно даетъ не въ примѣръ болѣе питательныхъ веществъ, чѣмъ поморское, онежское и даже архангельское. Не знаю на сколько этому вѣрить (не забудьте, что вѣдь это—69°), но колонистъ Романъ Савинъ выдавалъ за истину, что въ шести верстахъ отъ колоніи по теченію рѣки растетъ годная на кормъ скоту трава—по *плечо* человѣку, а немного далѣе такая, что человѣка въ ней не видно. У этого переселенца—двѣ коровы и казенный бычокъ, данный имъ на племя. Скотъ содержится превосходно, а судьбѣ бычка, право, можетъ позавидовать любой покрученникъ. Это общій любимецъ колоніи и становища. Я не видѣлъ еще красивѣе животнаго. Онъ былъ холмогорской породы. Вычищенный и выхоленный, бычокъ смѣло подходилъ къ намъ. Обнюхивая у насъ руки видно привыкъ къ [illegible] ласкамъ. У другихъ колонистовъ—тоже прекрасный скотъ и вообще [illegible] что скотоводство [illegible] не только возможно, но и выгодно. [illegible] 29 [illegible] 15 [illegible] 50—60 [illegible]

[illegible]

[illegible]

ніе. Слова ея звучали заболѣвшею мукой, на сухіе глаза не навертывались слезы, но поблекшіе, съ вспухшими и красными вѣками, они вѣрно давно уже потухли отъ напрасно пролитыхъ слезъ. Долго еще она смотрѣла намъ вслѣдъ. Что-то шептали ея губы?.. Молитву или укоръ судьбѣ?..

— Чѣмъ же она живетъ тутъ?.. спросили мы у окружающихъ.

— Живетъ... Тоже помогаемъ... Не звѣри!.. словно застыдившись, проговорилъ одинъ. По моему мнѣнію, нѣтъ ничего выше, деликатнѣе, нравственнѣе и, если хотите, культурнѣе той робости или смущенія, съ которою человѣкъ, поставленный въ необходимость говорить о добромъ дѣлѣ, совершенномъ имъ—разсказывать о немъ.

Въ третьемъ домикѣ колониста изъ кореляковъ (кореловъ) Кеніева помѣщалась только лавка, да небольшая клѣтушка. Самъ онъ, здоровый и бойкій парень, еще очень молодой, юрко возился за прилавкомъ. У него продавались ромъ, пиво, всевозможныя сласти, недорогія норвежскія сукна и драпы по 75 к. за аршинъ и выше. Все это было необыкновенно дешево, благодаря тому, что колонистамъ разрѣшено здѣсь торговать безъ уплаты таможенныхъ пошлинъ и безъ взятія установленныхъ торговыхъ свидѣтельствъ. Кеніевъ велъ это дѣло съ очень небольшимъ капиталомъ. Когда товаръ у него былъ на исходѣ, онъ запиралъ лавчонку, отправлялся въ Варде-хузъ—ближайшій норвежскій городъ, на шнякѣ, запасался тамъ новымъ и вновь начиналъ свою торговлю. Это былъ типъ севильскаго цирюльника, только пересаженнаго на сѣверную почву. Онъ болталъ, смѣялся, острилъ, отвѣшивая намъ покупки, и вдругъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

Въ дверь лавки входила старая, сморщенная, хилая женщина, съ лицомъ сведеннымъ въ кулачекъ. Платье въ лохмотьяхъ едва держалось у нея на плечахъ. Она ѣхала съ нами на пароходѣ изъ самаго Архангельска, и мы сначала не понимали, чѣмъ одинъ взглядъ на нее могъ такъ огорчить Кеніева.

Но загадка скоро объяснилась.

Увы! эта старуха, гнуснаго вида и притомъ еще большой руки пьяница, оказалась—его женою. Подобнаго свиданія нѣжныхъ супруговъ я еще не видалъ на своемъ вѣку.

— Стоило возить изъ Архангельска такой подарокъ! бормоталъ мурманскій Фигаро, сразу потерявшій и самообладаніе, и бойкость, и остроуміе.

Кеніевъ производитъ въ одно лѣто торговлю тысячи на полторы, на двѣ. Разумѣется, главная статья—ромъ и норвежское пиво. Кромѣ того, въ ту же губу привозится ромъ норвежскими купцами, черезъ своихъ родственниковъ, поселившихся на Мурманѣ колонистами; хозяева покрученниковъ тоже не отказываются ввозить этотъ ядъ, всякій

Внутренность русской промысловой хижины.

а по краямъ, подъ самымъ берегомъ, до 20 саженъ. Чѣмъ дальше проходили мы, проникая во внутреннюю бухту—тѣмъ горы становились все выше и круче. Сначала—горизонтъ стѣсняли однѣ голыя каменныя массы, потомъ показалась зелень, цѣлыми полосами спускавшаяся внизъ и перемежающаяся желтыми пятнами спѣлой морошки, сверкающими подъ солнцемъ золотымъ блескомъ.

— Волчки, по нашему, горы эти прозываются. Красота тутъ—благословенное мѣсто! замѣтилъ ѣхавшій съ нами поморъ.

— Дородно (хорошо) здѣсь! сочувственно отозвался другой.

Между ихъ выступами чернѣютъ разщелины и логи, а по скатамъ, какъ раскрытыя пасти открываются агатовые зѣвы пещеръ. Вершины этихъ горъ мягко рисуются живописными линіями направо на розовомъ, а налѣво на синемъ фонѣ неба. Тѣни вечера уже ложились на скаты, но и подъ ними кое-гдѣ серебрились тонкія черточки снѣгу, облежавшіяся въ глухихъ щеляхъ. Напротивъ наружной губы мы оставили за собою островъ Оленій, на верхушкѣ котораго весь въ свѣту стоялъ черный деревянный крестъ. Недавно еще, какъ на этомъ островѣ, такъ и на Кильдинѣ кочевали лопари, но теперь они совершенно вытѣснены русскими.

Внутренняя Тириберская губа лежитъ въ южномъ углу внѣшней губы, отъ Тириберскаго мыса на S въ $4^1/_2$ миляхъ. Она въ окружности имѣетъ болѣе 3 миль, образуя нѣсколько бухтъ для стоянки кораблей, какова Лодейная и Корабельная. Первая въ западномъ, а вторая въ восточномъ берегу губы. Въ обѣихъ глубина отъ 5—16 саженъ. Графъ Литке, посѣщавшій весь Мурманскій берегъ, чему мы обязаны первыми точными свѣдѣніями объ этомъ краѣ, нашелъ, что выводы склоненія компаса здѣсь были весьма несогласны между собою, а это заставило его предполагать существованіе причинъ, вызывающихъ колебанія стрѣлки въ самыхъ берегахъ Тириберскихъ. Тириберка—одна, изъ важнѣйшихъ бухтъ всего Мурмана, нах. подъ 69°11′08″ с. ш. и 35°09′01 в. д. (отъ Гринича). Отъ ближайшаго лѣтняго лопарскаго погоста она отстоитъ къ NW на 90, отъ зимняго на 120 верстъ. Отъ норвежскихъ городовъ Вадзе на 250, и Вардо на 230, отъ Колы на 110, отъ Кеми на 1135 лѣтомъ и на 625 зимою, отъ Архангельска лѣтнимъ путемъ 850 и зимнимъ 1340. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ Тириберкѣ промышляютъ 294 человѣка. Скученность и дурное состояніе избъ здѣсь таково, что несмотря на превосходное положеніе становища, здоровый морской воздухъ, въ 1871 г. было больныхъ 103 чел. или 35%, изъ нихъ умерло 15. Здѣсь преимущественно промышляютъ колежемцы и сумляне, сверхъ того и коляне.

Когда мы дошли до средины внутренней Тириберской губы—я уже не могъ оторваться отъ прелестныхъ береговъ ея. Вода покойна, какъ

въ чашкѣ. Отсюда вамъ кажется, что вы плывете по озеру, окруженному громадными зелеными альпами, отражающимися въ его зеркалѣ всѣми своими вершинами и выступами. Тутъ не было уже подавляющаго простора океана; входъ, чуть только отплывешь отъ него за версту, незамѣтенъ вовсе. А присмотритесь пристальнѣе къ этимъ сомкнутымъ берегамъ, и вы различите на нихъ широкія синія полосы полевыхъ цвѣтовъ, отлогіе спуски, покрытые мягкою зеленью. Изъ-за однѣхъ горъ еще довольно рельефно выдаются другія, за ними синѣютъ третьи, а еще дальше чуть мерещутся облачнообразныя вершины самыхъ дальнихъ. Кое-гдѣ облако повисло на пологой горѣ и отразилось каждымъ извилистымъ поворотомъ своей поверхности въ этомъ покойномъ озерѣ. Тутъ въ самыя бурныя погоды—царствуетъ тишина и безмятежный миръ, хотя комиссія, еще недавно командированная сюда, нашла, что и внутренняя Тириберская губа открыта N и NW вѣтрамъ. Губа эта имѣетъ другое неудобство, а именно то, что осенью ее набиваетъ льдомъ, почему и зимовки здѣсь не совсѣмъ безопасны. Вдоль самаго берега я различалъ маленькія, чрезвычайно живописныя бухточки. Въ нихъ кое-гдѣ колышется шкуна или лодья на якорѣ, такая маленькая, словно точка, въ сравненіи съ этими вершинами, обступившими ея тихое убѣжище. Только на этой точкѣ вы различите и снасти ея, и мачты, и даже разсмотрите позади небольшой карбасъ, привязанный къ ея кормѣ. Въ другихъ заливчикахъ поменьше черными черточками виднѣлись лодки промышленниковъ, а прямо, въ южномъ концѣ этого внутренняго озера, желтѣлъ громадный тругольникъ, плоскій и далеко выдававшійся въ море. Это было песчаное подножіе точно пьедесталъ крутой горы, поднимавшейся отсюда. Песчаный мысъ составляется рѣкою Тириберкою и внутреннимъ заливомъ того же имени. Тутъ еще издали можно разсмотрѣть большое становище, красивѣе всѣхъ, видѣнныхъ до сихъ поръ; передъ нимъ колышутся суда. Оно похоже на какой-то рыбачій городокъ, необыкновенно изящный издали. Всѣ берега песчанаго пространства загромождены палтухами, на которыхъ сушатся сѣти; дальше видны ряды разволочныхъ избъ, одни за другими, перемѣшанные со скеями, амбарами. Передъ становищемъ—громадный зеленый лугъ, гдѣ пасутся коровы. Отсюда далеко несется говоръ многолюдной и тѣсно скученной толпы.

Въ одномъ мѣстѣ, не доходя до берега,—цѣлое бѣлое мѣсто на скалахъ и спускахъ горъ. Это залежь птичьяго гуано. Мой спутникъ, побывавшій въ Норвегіи и знавшій цѣны на этотъ предметъ, опредѣлилъ стоимость этой залежи въ шесть тысячъ рублей, въ окрестностяхъ одной Тириберки. „У насъ, прибавилъ онъ, давно бы все это было собрано до послѣдней крохи и продано. Имѣй я судно, непремѣнно занялся бы эксплоатаціей гуано на вашихъ берегахъ».

— А наши поморы?

— У нихъ родители не занимались этимъ!—насмѣшливо проговорилъ норвежецъ.

— Много ли промышляетъ здѣсь народа?

— 83 шняки. Считайте по четыре человѣка на каждую—332 человѣка *) въ лѣто. Лучшіе дома, что вы здѣсь видите, принадлежатъ колонистамъ—Кононову, Кочину и Хохлову. У нихъ и станы для своихъ промышленниковъ выстроены.

Наконецъ «Качаловъ» кинулъ якорь. Мы бросились въ первый карбасъ и перебрались на твердую землю. На песчаномъ полуостровѣ насъ окружила многолюдная толпа. Какія здѣсь были красивыя лица! Какъ будто бы всѣ села Поморья выслали сюда лучшихъ своихъ представителей. Начиная отъ чистыхъ брюнетовъ съ удивительно выразительными глазами и кончая рослыми сорочанами, все это молодцы на подборъ. Здоровый цвѣтъ лица невольно заставлялъ насъ удивляться выносливости и желѣзной натурѣ сѣвернаго промышленника. Всѣ они были чрезвычайно словоохотливы и предупредительны. Лица ихъ смотрѣли осмысленно, смѣло.

Только-что войдя въ становище, мы запутались въ этомъ своеобразномъ рыбачьемъ городѣ. Вся рѣка передъ нами *сплошь* заставлена судами и ботами. Въ десяткахъ карбасовъ у берега свѣжевалась снятая съ ярусовъ и привезенная сюда треска. Вездѣ сушили невода, между ними бѣгали зуйки, играя въ городки и бабки. За палтухами съ неводами прямою линіею, раскидывались ряды избъ, садовъ, амбарушковъ и бань. Во всѣхъ направленіяхъ поднимали, придавленные досчатыми кровлями, штабеля съ сухою треской. Между избами сновалъ народъ. Гдѣ-то слышалась хоровая пѣсня. У самаго берега, въ наскоро устроенномъ очагѣ варился ужинъ, и нѣсколько покрученниковъ собралось у котла, громко толкуя о сегодняшнемъ промыслѣ. Въ другихъ мѣстахъ у пороговъ избъ сидѣли старые корщики, солидно поглядывая на копошившуюся передъ ними рѣзвую юность. На болѣе чистыхъ площадкахъ, гдѣ свободно вѣялъ воздухъ, развѣшанные для сушки паруса бѣлѣли среди темнаго простора. Но чего нельзя передать—это цѣльнаго впечатлѣнія, общаго ensemble всего поселка, кипучая жизнь котораго такъ и рвется изъ его предѣловъ.

Райскій уголокъ начинался тамъ, гдѣ въ крутыхъ, отдѣльными вершинами уставленныхъ берегахъ своихъ, тихо струилась прелестная рѣка Тириберка, красивые извивы которой можно наблюдать съ одной изъ окрестныхъ горъ. Вараки **), окаймлявшія эту рѣку своими груз-

*) Тутъ, какъ и вездѣ, офиціальныя цифры расходятся съ дѣйствительными.

**) Небольшія крутыя горы.

ными массами, то оканчиваются двойными конусами, то словно срѣзаны плоскостями. Иныя изъ нихъ, отлого подымаясь версты за три отъ рѣки, обрушиваются въ нее почти вертикальнымъ скатомъ, другія падаютъ внизъ террасами, карнизами, усѣянными чайками. Ниже этихъ горъ и скалъ желтѣютъ песчаныя отмели. Въ логахъ между горами, у ихъ подножій—ярко зеленѣютъ великолѣпные покосы.

Рѣка Тириберка порожиста и перегорожена каменными надупами въ нѣсколькихъ пунктахъ. Въ одномъ мѣстѣ она даже обрушивается внизъ бѣлою массою красиваго водопада, изъ самой середины котораго подымаются вверхъ утесы съ елями и соснами на своихъ вершинахъ. Дальше широко раскидываются чудные, идиллически обставленные синѣющими окрестностями плесы, въ недвижныхъ заводяхъ которыхъ плаваютъ сотнями черные выводки вѣчно рыдающихъ гагаръ, да рѣзвятся, выскакивая изъ воды, суетливые кумжи и харіусы. Дальше теченіе рѣки съуживается, опять она гремитъ въ своихъ порогахъ, пока горы вновь не раздвинутся, открывая зеркальный, усѣянный островами и скалами просторъ.

Виды прелестны и тогда, если смотрѣть на губу съ устья этой рѣки. Синѣющія въ таинственной дали горы, покойная поверхность замкнутой бухты—все это настраиваетъ душу на сладкія воспоминанія и грезы, и сердце рвется куда-то, ищетъ и проситъ чего-то, что подстать и сумеркамъ этого чуднаго вечера, и этимъ горнымъ вершинамъ, и всей этой безмятежной картинѣ „Райскаго уголка“ ..

У самаго устья рѣку Тириберку перегораживаетъ песчаный баръ глубиною въ 9 футовъ, далѣе въ рѣку—глубже. Въ лѣвый берегъ ея, въ полуверстѣ отъ становища, вдается небольшая красивая бухта, гдѣ раскинуты вѣжи лопарей-рыболововъ. Здѣсь ловится семга, прекраснаго качества кумжа, сиги, харіусы и щуки. На берегахъ растетъ недалеко отъ становища годный на дрова березнякъ, а за тридцать верстъ настоящій лѣсъ, сначала мелкій, но уже въ 80 вер. годный на постройки. При насъ у самаго устья Тириберки выметывали съ берега мелкоячейный неводъ за песчанкой. Когда стали вытягивать сѣти, на поверхности воды засверкали, точно серебряные черви, — узкія, увертливыя, юркія, съ острыми рылыцами и гибкимъ тѣломъ, рыбки. Это и оказалась песчанка. Впрочемъ, промышленники жаловались на „недородъ“ ея нынѣшнимъ лѣтомъ, вслѣдствіе чего и тресковый ловъ былъ не совсѣмъ удаченъ. Тѣмъ не менѣе цѣны на треску здѣсь стояли хорошія. За пудъ свѣжей, прямо изъ воды, даже неочищенной, платилось отъ 50—55 коп. На кровляхъ становъ я видѣлъ пропасть сушившихся губокъ. Спрашиваю—на продажу?—Нѣтъ, такъ, для забавы; а между тѣмъ при хорошей очисткѣ эти не уступили бы такъ назы-

ваемымъ грецкимъ. Губки зацѣпляются за крючья ярусовъ, и вытаскиваются изъ моря вмѣстѣ съ трескою.

Тириберская губа особенно выгодна для промысловъ тѣмъ самымъ, что здѣсь постоянно ловится песчанка, хотя съ каждымъ годомъ все менѣе. Впрочемъ, нужно сказать правду, въ оскудѣніи этой наживки виновны сами промышленники. Песчанка любитъ чистый, безъ органическихъ примѣсей, песчаный грунтъ морскаго берега. Между тѣмъ промышленники именно послѣдній и забрасываютъ срѣзанными трековыми головами и внутренностями. На мое указаніе результатовъ такой неопрятности—покрученники, очищавшіе и солившіе рыбу, только разсмѣялись.

— Господи! Неужь-то жь мы норвежане. У насъ по всему берегу такъ-то. Не сей годъ только; а рыба, милый ты мой, не потому. Отъ Бога все. Его произволеніе. Куда же ее и дѣнешь, показалъ онъ мнѣ на массу трековыхъ внутренностей и тутъ же шлепнулъ ее въ воду. Не нами это заведено. Еще можетъ быть мой дѣдушка такъ-то ловилъ... А это извѣстно за грѣхи наши—точно что...

Какъ въ Тириберкѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ становищахъ Мурмана нѣтъ вовсе рымъ, укрѣпленныхъ въ береговыя скалы болтовъ для шнякъ и шкунъ. Такія рымы между тѣмъ въ Норвегіи имѣются повсемѣстно. Въ нихъ особенно нуждаются открытыя гавани, Корабельная, Вайдо-Губа, Гаврилова и др., гдѣ во время бури суда подвергаются серьезнымъ опасностямъ. Не мѣшало бы также занять у нашихъ сосѣдей прекрасный обычай означать входъ въ промысловыя и становыя губы гуріемъ, т. е. грудами скалъ, навалеными въ море, такъ что судну входя можно обойтись безъ лоцмана. У насъ этого нѣтъ ни въ одномъ еще становищѣ.

Позади становища, почти у подножія горы, разбросаны три избы и двѣ землянки. Еще не доходя до нихъ, я встрѣтилъ цѣлое семейство переселенцевъ, устроившихся въ Тириберкѣ. Избы оказались принадлежащими колонистамъ, вызваннымъ сюда правительствомъ. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ я опишу общее положеніе девятнадцати колоній Мурманскаго берега и успѣхи колонизаціи, развивающейся на этой отдаленной окраинѣ Кольскаго полуострова. Теперь же ознакомлю только съ Тириберскою колоніей.

Всѣ переселенцы, поставившіе свои избы въ этой губѣ,—русскіе, кромѣ одного корела. Изъ первыхъ, какъ выше уже замѣчено, особенно выдается нѣкто Кононовъ, имѣющій десять шнякъ и одну шкуну. Въ Тириберкѣ у него красивая и просторная изба, въ которой живутъ и промышленники, покрутившіеся у него. Кононовъ ведетъ торговлю съ Норвегіей и свозитъ рыбу въ Архангельскъ, причемъ общій оборотъ его можно принять за 10,000 рублей въ годъ. Это бывшій шкиперъ,

окончившій Кемское шкиперское училище. Онъ говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ, хорошо знаетъ морское дѣло, и вообще въ этой глуши можетъ считаться однимъ изъ выдающихся людей. Въ самомъ началѣ поселенія его здѣсь, онъ наткнулся на препятствіе, едва не заставившее его бросить и мысль объ устройствѣ колоніи въ Тириберкѣ. Именно мѣстный мировой посредникъ,—бывшій становой изъ Западнаго края, принявъ г. Кононова просто *за крестьянина*, хотѣлъ подвергнуть его „*административнымъ мѣрамъ взысканія*“, едва ли не отожествляющимися съ „*энергическими мотивами*“ приснoблаженной памяти г. Юркевича. Изъ этого намека легко уже видѣть, съ какими тупыми и закорузлыми въ ветхозавѣтныхъ полицейскихъ пріемахъ людьми приходится бороться колонистамъ Мурманскаго берега. Г. Кононовъ былъ нѣкогда управляющимъ г. Паллизена въ Сергѣевскомъ наволокѣ, гдѣ онъ устроилъ большую торговую факторію, но не сошелся съ норвежцемъ Ульсеномъ, стоящимъ нынѣ во главѣ этого дѣла, и потому долженъ былъ бросить все и устроиться здѣсь въ Тириберкѣ. Онъ собирается нынѣ ставить паровой жиротопенный заводъ и организовать свои промыслы нѣсколько шире, введя въ нихъ бой акулъ, которыхъ, начиная съ Опасовой губы и на западъ до Рыбачьяго полуострова, попадается очень много.

Трое колонистовъ живутъ еще въ землянкахъ. Это пролетаріи, которые въ новый край внесли только одно достояніе—трудовыя силы. Они получили отъ казны пособія въ 100 р. и право на безпошлинную вырубку лѣса, но на сто рублей не заведешь ни шняки, ни яруса,—а лѣсъ нужно рубить за 150 верстъ внутри страны, причемъ доставить его на мѣсто нѣтъ никакой возможности. Здѣсь ни *сплавныхъ* рѣкъ, ни дорогъ. Между лѣсной полосой и Тириберкой лежатъ горныя цѣпи и тундры. Понятно, что право на лѣсъ является номинальнымъ. Я входилъ въ эти землянки; въ нихъ все скудно и убого. Плохо одѣтая семья, недостатокъ самой необходимой утвари, нужда и лишенія. Въ одной нѣсколько дѣтей; всѣ они покрыты болячками и язвами. Вообще мнѣ на Мурманѣ — у колонистовъ, въ Колѣ — у горожанъ, въ Лапландіи—у инородцевъ, ниразу не удавалось встрѣтить незолотушнаго ребенка. Больно было видѣть прекрасныя дѣтскія лица, покрытыя струпьями и заживающими ранками. Впрочемъ, благодаря широко распространенному обычаю, вмѣсто коровьяго масла, употреблять тресковый жиръ — золотуха не оставляетъ по себѣ сильныхъ слѣдовъ и дѣти выростаютъ здоровыми, стройными и рослыми. Въ Кандалакшѣ, Умбѣ, Тетрино и др. селахъ, гдѣ тресковаго лова нѣтъ—дѣти умираютъ гораздо чаще и золотуха дѣйствуетъ на нихъ несравненно сильнѣе.

У одного изъ домовъ, только что выстроенныхъ, я встрѣтилъ жен-

щину поразительной красоты. Это была блондинка съ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ тонкаго овальнаго личика, на которомъ особенно выразительно сіяли крупные, темноголубые глаза, и въ прелестную улыбку складывались алыя, безукоризненно сложенныя губы. Густые волосы золотистаго цвѣта были спрятаны подъ парчевой сорокой. Вся она превосходно сложенная, граціозная и повидимому хорошо понимающая неотразимое вліяніе своей красоты, производила дѣйствительно глубокое впечатлѣніе въ этой глуши, гдѣ пріютились людское горе и нужда. Она бойко заговорила съ нами. Изъ разговоровъ мы узнали, что она дочь колониста, недавно вышедшая замужъ за прикащика факторіи Савина.

— Откуда ты? спросили ее.

— Изъ Ковды.

— Много у васъ тамъ такихъ красавицъ?

— Въ Ковдѣ-то? Въ Ковдѣ-то меня и за приглядную не считали. Здѣсь только за красавицу схожу. Въ Ковдѣ у насъ всѣ такія.

Ея отецъ—колонистъ Романъ Савинъ, живетъ здѣсь уже четвертый годъ. Пріѣхавъ сюда ни съ чѣмъ, кромѣ голодной семьи и трудовыхъ рукъ, онъ цѣною самыхъ тяжелыхъ усилій и едва-ли понятныхъ намъ лишеній, успѣлъ нѣсколько упрочить свое благосостояніе. У него теперь небольшая изба, хорошо сложенная изъ лѣсу, купленнаго въ Норвегіи (и въ свою очередь доставляемаго туда изъ Колы), проконопаченная мохомъ, своя снасть, своя промысловая шняка. Разумѣется, въ этой избѣ очень тѣсно, но зато чистота въ ней безукоризненная. Печь съ трубою, на полу постланы половики, на стѣнѣ двѣ или три литографіи.

— Только образа и перенесъ изъ Ковды! показалъ онъ мнѣ на передній уголъ, гдѣ теплились лампады.

— Не скучно вамъ здѣсь?

— Зимою не порато весело. А лѣтомъ ладно. Дородно здѣсь лѣтомъ.

— Холодно поди, какъ морозы станутъ?

— Нѣтъ. Въ Ковдѣ и Кандалакшѣ у насъ стужа круче. Здѣсь теплѣе.

Мы было не повѣрили. Ковда и Кандалакша находятся: первая подъ 66°10′, вторая подъ 66°20′, а Тириберка подъ 69°11′08″, тѣмъ не менѣе оказалось и изъ дальнѣйшихъ разспросовъ въ другихъ пунктахъ этого берега, что зима на Мурманѣ легче и теплѣе, чѣмъ въ Кандалакской губѣ и даже въ Поморьѣ. Филипповъ въ Еретикахъ сообщалъ, что даже въ началѣ Урской губы подъ 69°45′ гораздо сноснѣе зимою, чѣмъ—въ Колѣ (68°52′). Таково вліяніе гольфстрема, отчасти

омывающаго этотъ берегъ до Тириберки, гдѣ онъ съ юго-западнаго принимаетъ западное направленіе.

Колонисты косятъ здѣсь сѣно превосходнаго качества въ окрестностяхъ и по берегамъ рѣки. Изъ ихъ разсказовъ оказывается, что, при сравнительно меньшемъ объемѣ, мѣстами сѣно даетъ не въ примѣръ болѣе питательныхъ веществъ, чѣмъ поморское, онежское и даже архангельское. Не знаю на сколько этому вѣрить (не забудьте, что вѣдь это—69°), но колонистъ Романъ Савинъ выдавалъ за истину, что въ шести верстахъ отъ колоніи по теченію рѣки растетъ годная на кормъ скоту трава—по *плечо* человѣку, а немного далѣе такая, что человѣка въ ней не видно. У этого переселенца—двѣ коровы и казенный бычокъ, данный имъ на племя. Скотъ содержится превосходно, а судьбѣ бычка, право, можетъ позавидовать любой покрученникъ. Это общій любимецъ колоніи и становища. Я не видѣлъ еще красивѣе животнаго. Онъ былъ холмогорской породы. Вычищенный и выхоленный, бычокъ смѣло подходилъ къ намъ, обнюхивая у насъ руки: видно привыкъ къ постояннымъ подачкамъ. У другихъ колонистовъ—тоже прекрасный скотъ и вообще по его состоянію замѣтно, что скотоводство здѣсь не только возможно, но и выгодно. За кринку молока промышленники платятъ колонистамъ до 20 к. (обыкновенно 15), такимъ образомъ, хорошая корова можетъ доставить въ день мало-мало 50—60 к. доходу хозяину, а въ пять промысловыхъ мѣсяцевъ около девяноста рублей.

По всѣмъ постройкамъ колонистовъ замѣтно, что лѣсъ имъ обходится дорого. Избы хотя и чисты внутри, но низки и тѣсны. Окна пробиты не вертикально, а продольно и чрезвычайно маленькія, едва пропускающія свѣтъ, какъ у насъ въ подвалахъ. Въ горницѣ темно и душно. Крыши жилыхъ строеній по норвежскому образцу крыты дерномъ. Это выгоднѣе (тесъ—дороже) и теплѣе, и лучше отъ сырости и дождя. Рядомъ съ избою Романа Савина — небольшая хатка колонистки Житкихъ изъ Кандалакши. Несчастной здѣсь не повезло. У нея было трое сыновей, съ которыми она и переселилась сюда. Одинъ изъ нихъ умеръ, другой замерзъ въ Гавриловѣ, а третій во время зимняго промысла былъ унесенъ на льдинѣ въ океанъ и съ тѣхъ поръ о немъ ни слуху, ни духу Мать думаетъ, что онъ не погибъ, что льдину прибило „бывать!“ *) къ Новой Землѣ и что онъ еще вернется. Такъ любящее сердце привязывается къ самой неисполнимой надеждѣ и вѣритъ въ нее, наперекоръ судьбѣ и несчастію. Мы не разрушали упованій бѣдной матери. Она смотрѣла на насъ съ такимъ умоляющимъ выраженіемъ, точно боясь подмѣтить въ нашихъ глазахъ сомнѣ-

*) „Бывать“—можетъ быть.

ніе. Слова ея звучали заболѣвшею мукой, на сухіе глаза не навертывались слезы, но поблекшіе, съ вспухшими и красными вѣками, они вѣрно давно уже потухли отъ напрасно пролитыхъ слезъ. Долго еще она смотрѣла намъ вслѣдъ. Что-то шептали ея губы?.. Молитву или укоръ судьбѣ?..

— Чѣмъ же она живетъ тутъ?.. спросили мы у окружающихъ.

— Живетъ... Тоже помогаемъ... Не звѣри!.. словно застыдившись, проговорилъ одинъ. По моему мнѣнію, нѣтъ ничего выше, деликатнѣе, нравственнѣе и, если хотите, культурнѣе той робости или смущенія, съ которою человѣкъ, поставленный въ необходимость говорить о добромъ дѣлѣ, совершенномъ имъ—разсказывать о немъ.

Въ третьемъ домикѣ колониста изъ кореляковъ (кореловъ) Кеніева помѣщалась только лавка, да небольшая клѣтушка. Самъ онъ, здоровый и бойкій парень, еще очень молодой, юрко возился за прилавкомъ. У него продавались ромъ, пиво, всевозможныя сласти, недорогія норвежскія сукна и драпы по 75 к. за аршинъ и выше. Все это было необыкновенно дешево, благодаря тому, что колонистамъ разрѣшено здѣсь торговать безъ уплаты таможенныхъ пошлинъ и безъ взятія установленныхъ торговыхъ свидѣтельствъ. Кеніевъ велъ это дѣло съ очень небольшимъ капиталомъ. Когда товаръ у него былъ на исходѣ' онъ запиралъ лавчонку, отправлялся въ Варде-хузъ—ближайшій норвежскій городъ, на шнякѣ, запасался тамъ новымъ и вновь начиналъ свою торговлю. Это былъ типъ севильскаго цирюльника, только пересаженнаго на сѣверную почву. Онъ болталъ, смѣялся, острилъ, отвѣшивая намъ покупки, и вдругъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

Въ дверь лавки входила старая, сморщенная, хилая женщина, съ лицомъ сведеннымъ въ кулачекъ. Платье въ лохмотьяхъ едва держалось у нея на плечахъ. Она ѣхала съ нами на пароходѣ изъ самаго Архангельска, и мы сначала не понимали, чѣмъ одинъ взглядъ на нее могъ такъ огорчить Кеніева.

Но загадка скоро объяснилась.

Увы! эта старуха, гнуснаго вида и притомъ еще большой руки пьяница, оказалась—его женою. Подобнаго свиданія нѣжныхъ супруговъ я еще не видалъ на своемъ вѣку.

— Стоило возить изъ Архангельска такой подарокъ! бормоталъ мурманскій Фигаро, сразу потерявшій и самообладаніе, и бойкость, и остроуміе.

Кеніевъ производитъ въ одно лѣто торговлю тысячи на полторы, на двѣ. Разумѣется, главная статья—ромъ и норвежское пиво. Кромѣ того, въ ту же губу привозится ромъ норвежскими купцами, черезъ своихъ родственниковъ, поселившихся на Мурманѣ колонистами; хозяева покрученниковъ тоже не отказываются ввозить этотъ ядъ, всякій

Внутренность русской промысловой хижины.

разъ, какъ они идутъ изъ Норвегіи въ Архангельскъ. Послѣдніе признавались, что въ одной Тириберкѣ выпивается не менѣе, какъ на 6,000 рублей.

Когда мы возвращались въ становище—къ намъ на встрѣчу вышли новыя толпы промышленниковъ, только что вернувшихся съ промысла. Какія энергическія и красивыя фигуры! Тонкій овалъ лица, правильныя черты и черные глаза могли бы поставить втупикъ этнографа—такъ этотъ типъ не похожъ на великорусскій. Дѣло объясняется тѣмъ, что на южное поморье Кольскаго полуострова, гдѣ теперь стоятъ села Умба, Оленица, Кашкаранцы, Сальница, Кузомень, Чаванга, Тетрино и др., во время оно (чуть ли не со введеніемъ въ Малороссіи крѣпостнаго состоянія) переселились хохлы-раскольники. До сихъ поръ здѣсь сохраняются чисто южныя фамиліи Падурниковыхъ, Бѣлыхъ, Жидкихъ, Колупенковыхъ, Барвенковыхъ, и т. д. Кромѣ того, первонасельники Кемскаго поморья являлись сюда безъ женщинъ — и отбивали послѣднихъ у чуди, корелы и лопи. Такое смѣшеніе расъ дало въ результатѣ здоровое, выносливое и красивое племя, смѣлое, умное и предпріимчивое. Особенно хороши женщины.

По дорогѣ къ берегу, мы заходили въ станы разныхъ хозяевъ. Изо всѣхъ лучшимъ и довольно сноснымъ оказался станъ Елистратова. Тутъ и просторно, и воздухъ сравнительно чище, да и опрятности больше. Но, спустя двѣ или три избы, мнѣ на глаза попалась какая-то гнилушка. Сначала я прошелъ было мимо, думая, что это скея для склада соленой трески. Представьте же мое удивленіе, когда потомъ оказалось, что здѣсь, въ скверной, насквозь прогнившей клѣтушкѣ съ однимъ оконцомъ, живутъ двѣнадцать человѣкъ. Это просто была могила чумнаго трупа. Какъ можно было хотя бы одну минуту дышать такимъ ужаснымъ воздухомъ—я и понять не могъ. Въ кровлѣ оказывались просвѣты. Сквозь нихъ проникала сырость, но безъ нихъ было бы еще хуже. Если бы не эти продушины да щели въ стѣнахъ—населеніе стана вымерло бы разомъ. Я вышелъ оттуда съ чувствомъ близкимъ къ ужасу, нисколько не преувеличивая. Не было времени заходить въ другія избы, но внѣшній видъ нѣкоторыхъ изъ нихъ — не лучше. Развѣ, что онѣ попросторнѣе. Когда ставишь на видъ хозяевамъ безобразіе ихъ становъ, они оправдываются тѣмъ, что покрученники спятъ въ нихъ только, а дня два проводятъ „на легкомъ воздухѣ“. Отдыхъ ли—сонъ въ такой атмосферѣ! Какое желѣзное здоровье, какая неистребимая сила!

Когда мы выѣзжали отсюда, насъ обвѣвало теплымъ, южнымъ, вѣтромъ. Этотъ благодатный воздухъ—напоминалъ намъ далекіе края, гдѣ пышно развертывается растительность и теплыя моря льются въ отмелые берега, усѣянные городами и селами.

И вновь передъ нами направо и налѣво раздвигались и сдвигались крутые вараки этого прелестнаго залива, остеклѣвшее море ложилось недвижною серебристою поверхностью подъ нашимъ пароходомъ и только пѣнистый, длинный слѣдъ его змѣился до самой песчаной полосы, откуда порою еще доносился глухой говоръ людной толпы, да разсѣянные, печальные звуки гармоники, словно таявшіе въ этомъ сумеречномъ свѣтѣ сѣверной ночи. Глазъ еще различалъ длинные ряды хатъ и перепутанныя линіи развѣшанныхъ снастей; откуда-то маняще привѣтливо мигалъ огонекъ, да едва-едва свѣтлѣла свинцовымъ блескомъ между высокими горами рѣка Тириберка, уныло шумѣвшая у бара...

Но вотъ пароходъ вошелъ во внѣшнюю Тириберскую губу; за первымъ выступомъ оставленнаго позади утеса—пропалъ этотъ милый, на первый взглядъ, рыбачій городокъ, милый издали, но печальный, гніющій вблизи, когда лицомъ къ лицу сталкиваешься съ его лютою нищетою.

Спустя немного, пароходъ вовсе вышелъ изъ губы и отправился впередъ на западъ, принимая курсъ прямо на тотъ просвѣтъ, который ложился между красивою платформою Кильдина и морскими берегами.

Я былъ на палубѣ. Мнѣ не хотѣлось сходить изъ царства этой бѣлой, теплой ночи въ душную каюту. Я слушалъ море, по которому за предѣлами губы уже ходили морскія раскатистыя волны, лизавшія бортъ парохода. Я слушалъ, какъ винтъ его разбивалъ въ бѣлую пѣну свинцовую массу потемнѣвшей воды, какъ скрипѣли снасти, да гдѣ-то на бакѣ чуть-чуть, словно про себя, старикъ матросъ пѣлъ свою однотонную пѣсню... Какая-то счастливая грусть росла на душѣ, хотѣлось плакать, когда губы улыбались чему-то, хотѣлось улыбаться, когда на глазахъ навертывались безпричинныя слезы... Но и съ этою улыбкою, и съ этими слезами не желалось разставаться; онѣ казались и милѣе, и отраднѣе тупаго равнодушія, безразличнаго покоя.

А сумерки, бѣлыя полярныя сумерки окутывали даль, и волны еще назойливѣе подкатывались подъ киль парохода, напѣвая свою вѣчную, одинаковую пѣсню. Право, въ этотъ моментъ я боялся, чтобы кто нибудь не вышелъ изъ каюты на палубу. Къ счастью — всѣ спали и только мнѣ одному и эти волны, и эти горы разсказывали свои таинственныя легенды, первыя — о дальнемъ невѣдомомъ полюсѣ, откуда мчатся онѣ къ суровымъ каменнымъ берегамъ, вторыя—о тьмѣ и чудесахъ своихъ гранитныхъ нѣдръ. Все, чему вѣрилось въ дѣтствѣ, вспыхнуло и воплотилось въ яркія краски и рельефные образы и, какъ озаренное закатомъ облака, проносилось въ головѣ вереницами чудныхъ видѣній. Милыя, дорогія лица кивали мнѣ изъ своего далека, и я узнавалъ въ каждомъ изъ нихъ давно позабытыя черты и улыбался имъ и радовался съ ними этому призрачному свиданію...

Счастливая ночь!..

Отъ Тириберскаго мыса до южнаго края Кильдина пароходъ шелъ вдоль берега, являющагося здѣсь цѣпью горъ, какъ будто заканчивающихъ своими обрывами хребты, начало которыхъ находится внутри материка. Это были отдѣльныя вершины и утесы, сплоченные вмѣстѣ, и одинъ за другимъ развертывавшіе передъ нами свои тяжелыя громады. Мы прошли мимо Малаго Оленьяго острова, Типуньковыхъ лудъ, нѣсколькихъ мысовъ, вдавшихся въ океанъ и образующихъ открытыя губы. По мѣрѣ приближенія къ платформѣ острова Кильдина, она все выростала передъ нами, и наконецъ, у мыса Чеврай—развернулась со всѣми своими террасами, отвѣсными обрывами и уступами. Характеръ морскаго берега становится здѣсь угрюмымъ и мрачнымъ.

Сумеречное ли освѣщеніе ночи придавало такую суровую непривѣтливость этимъ утесамъ—не знаю. Они обрушивались передъ нами шестью отдѣльными куполообразными вершинами, изрытыми трещинами и щелями; между ними чернѣли узкіе логи и ущелья, усѣянныя валунами и обломками скалъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бурунъ разбивался о подводные рифы, въ другихъ стѣна сѣраго берега отвѣсно подымалась изъ воды и только на нѣкоторой высотѣ образовывала крутые склоны и уступы, уходившіе въ синеву таинственнаго полумрака. Но противъ самой Монастырской бухты — матерой берегъ вздымается тремя круглыми головами, исполосованный щельемъ и черными пятнами. На ихъ карнизахъ сидѣли ряды бѣлыхъ чаекъ, неподвижныхъ и безмолвныхъ... Чѣмъ далѣе мы подвигались къ западу, тѣмъ все становилась теплѣе и теплѣе. Обыкновенно температура воздуха у Св. Носа и между берегами Терскимъ и Зимнимъ до Канина Носа бываетъ очень низка. Также низка и температура воды. Но уже за Тириберскимъ мысомъ, температура воды и воздуха начинаетъ значительно повышаться и даже безъ посредствующихъ степеней. Все это, вмѣстѣ съ фауною Сѣвернаго океана, начиная отъ этого пункта къ западу, заставляетъ насъ убѣждаться въ томъ, что здѣсь дѣйствительно проходитъ теченіе гольфстрема. Норвежскіе ученые находили тутъ не мало безпозвоночныхъ, свойственныхъ Атлантикѣ; то же самое говоритъ и молодой русскій ученый Яржинскій; только я не могу согласиться съ мнѣніемъ послѣдняго, что теченіе гольфстрема доходитъ до Св. Носа. Оно не обнаруживается вдоль Мурмана, далѣе Тириберскаго Носа, и проходитъ прямо къ западнымъ гаванямъ Новой Земли-Серебряной и другимъ, гдѣ въ свою очередь температура оказывается болѣе умѣренною, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ этого континентальнаго острова.

Платформы Кильдинскія представляются здѣсь въ иномъ видѣ. Начиная отъ мыса Монастырскаго, выступающаго съ юго-восточной оконечности его далеко къ матерому берегу, гдѣ въ свою очередь выдѣ-

ляется ему на встрѣчу мысъ Чеврай, шли четыре уступа, образующіе террасы, обрывавшіяся внизъ почти отвѣсно. Террасы возвышаются совершенно правильнымъ амфитеатромъ, заканчиваясь на высотѣ 500 футовъ гладкою столовою поверхностью. Все это пространство покрыто превосходною травою, и какъ-то странно видѣть съ одной стороны зеленѣющій островъ—а съ другой, голыя и безжизненныя массы матераго берега. Проливъ между островомъ и послѣднимъ называется Кильдинскою салмой. Вода здѣсь во время нашего прохода была неподвижна. Въ одномъ мѣстѣ у восточной своей оконечности Кильдинъ образуетъ бухту, выходящую въ салму и извѣстную подъ именемъ Монастырской. Нѣкогда здѣсь было большое становище Соловецкаго монастыря. Длина этого рейда одна миля, ширина отъ 250 до 300 саженъ, глубина отъ 9—13 саженъ. На материкомъ берегу въ широкой заводи, куда впадаетъ незначительная рѣчка Зарубиха—иногда живутъ лопари кильдинскаго погоста. Даже теперь, въ сумракѣ, можно было разсмотрѣть три или четыре конусообразныя вѣжи, пріютившіяся у отвѣсныхъ утесовъ, да два или три палтуха съ развѣшанными сѣтями. Въ Монастырской же бухтѣ о-ва Кильдина находится Бѣлая губа съ спасительной станціей, только *безъ спасителей*. Въ ней никто не живетъ.

Мы довольно долго шли Кильдинскою салмой, такъ что я въ подробностяхъ могъ разсмотрѣть зеленѣющій островъ, сѣверные скаты котораго впрочемъ совершенно голы. Я не видѣлъ ничего красивѣе этого амфитеатра, этихъ уступовъ и этихъ едва замѣтныхъ песчаныхъ отлогостей берега. На востокъ отъ бухты, говоритъ отчетъ экспедиціи, о которой мы ужь не разъ упоминали, берегъ расширяется въ площадь, гдѣ находится озеро прѣсной воды въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Кильдинскаго залива. Въ западной части бухты, по направленію къ мысу Коровьему, текутъ съ горы два ручья съ прѣсною водою. Изъ нихъ тотъ, который находится ближе къ мысу, представляетъ значительную массу воды, что даетъ поводъ къ предположенію о возможности устроить здѣсь докъ, съ помощію техническихъ приспособленій. Такъ какъ двѣ ближайшія къ бухтѣ террасы имѣютъ достаточную ширину и большое протяженіе, то на нихъ, а также на площади восточной стороны бухты весьма удобно расположится городъ *значительнаго* размѣра (sic). Весь островъ имѣетъ въ длину 15, а въ ширину 10 верстъ. На этомъ пространствѣ находится до 50 ламбинъ (озеръ). Здѣсь именно проектировано устройство *«значительнаго»* города, съ доками, пристанями и т. п.; къ сожалѣнію только, экспедиція не указала, кто кромѣ чиновниковъ будетъ жить въ этомъ *значительномъ* городѣ, гдѣ, какъ слышно, опредѣлены мѣста для фонтановъ и даже даны названія улицамъ.

Пока еще Кильдинъ — пустыня, масса сланцевыхъ первозданныхъ

породъ. Онъ находится подъ 69°23′09″ с. ш. и 34°05′10″ в. д. отъ Гр. (Литке). Прежде здѣсь лопари водили своихъ оленей, еще Рейнеке засталъ ихъ. „На Кильдинѣ, говоритъ онъ, пасется стадо оленей, принадлежащихъ кольскимъ мѣщанамъ и лопарямъ кильдинскаго погоста". Теперь ничего этого нѣтъ, и только въ салмѣ останавливаются на якорѣ поморскія лодьи и шкуны, да сюда же приворачиваютъ шняки тресколововъ во время непогодъ, встрѣчающихъ ихъ въ открытомъ океанѣ.

При самомъ выходѣ изъ этого пролива, когда я въ первый разъ ѣхалъ на пароходѣ «Качаловъ», чуть ли не у мыса Могильнаго, мы стали на мель. Пока команда хлопотала, чтобы сняться съ мели, я всматривался въ воду и невольно удивлялся ея прозрачности. Маленькіе камешки можно легко было различить въ ней. Видно было какъ бокомъ пробиралась куда-то расплюснутая Pleuronectes Platessa, да зорко, извилисто гнался Brosmius vulgaris за какою-то маленькою рыбкой. Въ одномъ мѣстѣ на днѣ чернѣло что-то неопредѣленное, безформенное. Оказалось, что это морскіе окуни изъ семейства lataphracti взбалтываютъ илъ, едва прикрытый слоемъ песку и мелкихъ камней. Наконецъ пароходъ снялся, и мы прошли въ отверстіе между мысомъ Могильнымъ и матерымъ берегомъ. Послѣдній тутъ чуть ли не становится еще круче. Онъ разрѣзанъ множествомъ заливовъ. Вдали примѣтно уже устье Кольской губы и черные силуэты Торосъ-Острововъ.

На востокѣ розовѣло. Золотистый паръ остался назади, желтые лучи раскинулись по небу, оттѣняя края облаковъ, словно застоявшихся въ лазури. Вдали играли киты цѣлыми стаями. Двойныя струи ихъ фонтановъ такъ и взметывались вокругъ парохода. Островъ Кильдинъ быстро, почти мгновенно окутался туманомъ, особенно сгустившимся на сѣверной его сторонѣ. Мгла тамъ какъ будто струилась отъ него въ открытый океанъ массами, постоянно измѣнявшими свои очертанія. Сквозь гулъ валовъ и шумъ парохода слышались рѣзкіе крики чаекъ, садившихся на волны и плавно вздымавшихся на нихъ. Золотой дискъ солнца наконецъ врѣзался въ палевую полосу горизонта и берега стали открываться передъ нами. Тучи, окутавшія ихъ, приподымаясь, обнажали сначала бѣлыя полосы буруновъ и прибоевъ, потомъ черныя щели и сѣрыя массы и наконецъ куполообразныя вершины, ясно рисовавшіяся на синемъ небѣ. Мы невольно заглядѣлись на западную часть Кильдина. На 850 футовъ поднималась она отвѣсно, точно полированная правильная трапеція. Лиловый блескъ утра мягко ложился на ея поверхность и только вокругъ краевъ мерцалъ золотой вѣнецъ заревыхъ лучей. Говорятъ, что у высокаго отруба сѣвернаго берега Кильдина, близъ западной оконечности мыса Быкъ (850 ф.), обрушивающагося

въ океанъ вертикально, также отвѣсно вздымается отдѣльная скала — совершенное подобіе колокольни готическаго храма. Небольшой камень, стоящій на чрезвычайно острой его вершинѣ, похожъ на башенку. Я не видѣлъ этого, но весь громадный силуэтъ Кильдина производилъ отсюда неотразимое впечатлѣніе, словно колоссальный бастіонъ, выдвигаясь въ самыя нѣдра Арктическаго океана передъ неменѣе гигантскими укрѣпленіями и стѣнами матераго берега.

Скоресби и другіе натуралисты говорятъ, что Monodon monoceros (нарвалъ) попадается и въ Сѣверномъ океанѣ, близъ Кильдина. Это животное отличается отъ другихъ китовъ клыкомъ, длиною въ 10 футовъ. Скоресби даже нашелъ одинъ такой клыкъ сломаннымъ во льду. Есть поводъ думать, что нарвалы дѣйствительно встрѣчаются въ норвежскихъ водахъ, по крайней-мѣрѣ, одинъ изъ нихъ былъ выброшенъ на берегъ, подлѣ Бергена. Въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ я не встрѣчалъ ихъ вовсе; но промышленники въ Вайдо-губѣ разсказывали мнѣ про какую-то большую «рыбину съ копьемъ», встрѣченную ими въ десяти верстахъ разстоянія отъ мыса Кекуръ на Рыбачьемъ полуостровѣ. Видѣнные нами близъ Кильдина и Кольской губы киты относились къ породѣ Balaenoptera longimana (Rudolfi), которые также особенно многочисленны и близъ Новой Земли. Несмотря на ихъ величину, они не такъ сильны, какъ другія китородныя.

Промышленникъ, взятый на пароходъ «Качаловъ» изъ Тириберки, ходившій въ теченіе 20 лѣтъ на Матку *), сильно жаловался на норвежцевъ-китолововъ. Они, по его словамъ, «заполонили» наши сѣверныя воды **). Ходятъ и въ нашъ океанъ, и въ наше Карское море; въ 1872 году за китами явилось изъ Остъ и Вестъ-Финмаркена до семидесяти иностранныхъ судовъ, въ то время какъ ни одно русское судно не занималось этимъ промысломъ. Другой упрекъ его—гораздо основательнѣе. Онъ сообщалъ, что пока наши рѣки еще *стоятъ* и русскія суда *не могутъ* выбраться въ море, норвежцы, у которыхъ гавани не замерзаютъ вовсе, уже хозяйничаютъ во льдахъ на Новой Землѣ. Когда приплывутъ русскія шкуны и лодьи,—звѣрь уже *распуганъ* и ушелъ

*) Матка — Новая Земля.

**) Не могу не поправить здѣсь ошибки г. Даниловскаго. На стр. 158 своихъ изслѣдованій онъ говоритъ, что новоземельный покрутъ основанъ на тѣхъ же началахъ, что и мурманскій. Это далеко не вѣрно. Промышленники идутъ на Новую Землю не изъ трети, какъ на Мурманѣ, но изъ половины. Такъ, напримѣръ, ходившіе въ 1872 году изъ Сумскаго посада на Матку, восемь рабочихъ отъ двухъ хозяевъ пріобрѣли на свою долю 1,000 рублей и на хозяйскую столько же. Изъ Сороцкой волости туда же отправилось восемь рабочихъ, на двухъ шнякахъ, и добыли всего 4,000 рублей, изъ нихъ деньгъ 2,000 рублей пришлось рабочимъ. Изъ Поньгамской волости одинъ хозяинъ отправилъ 4 покрученника, добывшихъ на свою долю 500 рублей и столько же на хозяйскую.

Тѣмъ объясняется упадокъ нашихъ звѣриныхъ промысловъ на этомъ континентальномъ островѣ. Слѣдовало бы положить конецъ такому ненормальному порядку. Изъ китолововъ-норвежцевъ особенно выдается Фойнъ, ежегодно пріобрѣтающій въ нашихъ водахъ до 70,000 рублей чистаго барыша, и Петерсонъ—нѣсколько менѣе. Что же касается до норвежцевъ, посѣщающихъ Новую Землю—то имя имъ легіонъ.

— Толку нѣтъ ноне ходить на Матку! объяснялъ промышленникъ. Придешь и уйдешь съ голыми руками, а у зимовщиковъ спросишь—до пропасти, говорятъ, звѣря было; несосвѣтимая сила! да всё норвежане отбили!.. Такой, я тебѣ скажу, народъ, только въ чужую мошну и смотритъ.

Этотъ новоземельскій промышленникъ былъ уже старъ, но глаза смѣло смотрѣли изъ-подъ нависшихъ бровей, а губы складывались въ необыкновенно добрую улыбку. Когда онъ заговаривалъ о промыслѣ, лицо его оживлялось и взглядъ сверкалъ, но стоило только подойти къ намъ его хозяину—толстому и отдутловатому лимфатику-помору—и старый коршикъ смолкалъ, спина его какъ-то горбилась, лицо блекло и онъ съ заискивающимъ, почти собачьимъ выраженіемъ заглядывалъ въ глаза своему патрону. Скверно дѣлалось на душѣ даже у постороннаго человѣка, когда онъ становился свидѣтелемъ этого униженія. Гдѣ же эта самостоятельность старыхъ, извѣстныхъ коршиковъ, о которой пишетъ г. Максимовъ?..

— Что-жъ вамъ не случалось останавливать норвежцевъ?

— Намъ! Нѣтъ, у насъ руки коротки. Остановишь! На Мурманѣ съ берега норвежанамъ и вовсе не приказано рыбу ловить, а ловятъ же! Разъ они явились подъ Кильдинъ самый, отогнали нашихъ отъ песчанки, и давай сбирать наживку. Половили въ одной губѣ и въ другую пошли, ну, тутъ русскихъ больше было. Наши ихъ и погнали. Что-жъ бы ты думалъ. Становой эфто дѣло на грабежъ поворотилъ и въ самую промысловую пору давай сажать народъ сотнями!.. Вотъ оно... А суньсяся мы къ норвежанамъ,—и правы, да скрутятъ и въ Дронтгеймъ, въ тюрьму пошлютъ...

Такимъ образомъ, мы прошли мимо губы Долгой и Зеленецкой, до узкихъ воротъ, образуемыхъ двумя массами матераго берега по правую и по лѣвую сторону Кольской губы, которая далеко налѣво сіяла серебряною полосою въ то время, когда пароходъ подходилъ къ Торосъ-островамъ, лежащимъ у западнаго ея берега. Эти пять утесовъ называются торосами, потому что весною они задерживаютъ *тороса*, т. е. ловучій ледъ, выходящій изъ Кольской губы въ океанъ. Съ виду—это безплодныя скалы отъ $1^1/_2$ кв. верстъ до нѣсколькихъ десятинъ, изъ гнейсо-гранита, лабрадора, слюдянаго сланца и базальта. Здѣсь даже встрѣчаются мѣсторожденія хорошей яшмы, которую съ успѣ-

хомъ можно разработывать. Особенно красивы тутъ узкіе и глубокіе проливы, образуемые отвѣсными скатами береговъ, надъ которыми нависли небольшія площадки скуднаго торфа, покрытаго полярною растительностію. Острова сплошь усѣяны чайками, гавками, поморниками, бакланами и зуями.

На островѣ Торосъ одинъ изъ бродячихъ лопарей какъ-то пріучилъ къ себѣ большую бѣлую чайку. Ежедневно около полудня съ необыкновенною точностію она являлась къ нему за подачкою и позволяла брать себя на руки, ласкать, чистить перья и т. д. Поморники здѣсь естественные враги чаекъ. Они подстерегаютъ ихъ, когда тѣ выхватятъ изъ волнъ, добычу и тотчасъ же отнимаютъ ее, заставляя часто даже выплюнуть уже проглоченную рыбу. Они также, соединяясь стаями, нападаютъ на орловъ-рыболововъ, которые появляются часто на этихъ берегахъ. Стоитъ поморникамъ только увидѣть орла, чтобы они бросились за нимъ въ погоню и тотчасъ-же отогнали его. Между собою они живутъ въ мірѣ и согласіи и занимаются часто ловлею мелкой рыбы—*артелью*, сообща. Прекрасное зрѣлище представляютъ выбоины и промежуткимежду островами—Торосъ, гдѣ вода стоитъ какъ въ чашкѣ. Сверху они кажутся совершенно бѣлыми отъ множества птицы, осѣвшей на нихъ. Но стоитъ только гдѣ-нибудь показаться человѣку, чтобы онѣ всѣ разомъ поднялись съ воды. Первые улетаютъ бакланы и гавки, привычныя чайки и зуйки остаются, подлетая почти къ самой головѣ непрошеннаго посѣтителя.

Пароходъ отъ Кольскаго залива принялъ сѣверозападное направленіе и, обойдя мысъ Лодейный, прошелъ мимо губы того же имени. Образуемая Сѣть-наволокомъ и Лодейнымъ носомъ, она окаймлена постояннымъ буруномъ. Въ утесистыхъ берегахъ вѣчно бьется неугомонный океанъ, подмывая выступающія среди волнъ скалы. Въ одномъ мѣстѣ губы, именно въ утесѣ, образующемъ мысъ Пушку, есть круглое отверстіе въ родѣ пещеры, проходящей отъ основанія до вершинъ громадной гранитной массы. Эта дыра идетъ подъ угломъ 60° къ горизонту. Туда вкатываются прибои волнъ и брызги вылетаютъ вверхъ съ сильнымъ шумомъ, подобнымъ пушечному выстрѣлу. Температура воды здѣсь была +9°, воздуха +11°. «Качаловъ» быстро миновалъ: Сѣть-наволокъ, Карелинскую губу, Почать-наволокъ, губу Ворью и, обогнувъ мысъ Медвѣжій, мы вступили въ Урскій заливъ. Все пройденное пространство ярко рисуется въ моихъ воспоминаніяхъ; эти высокіе красивые берега, уходящіе въ синія дали, фіолетовые выступы мысовъ и туманная глыбь остающихся за свѣтомъ губъ, цѣлыя стада китовъ въ отдаленіи, а иногда и вблизи отъ парохода; у самаго носа его иногда мелькали перья акулъ, и плюхали въ воду какія-то большія рыбы. Наконецъ, ни съ чѣмъ несравненная красота этихъ морей—

акалефы, или морское масло, какъ называли ихъ здѣсь. Я не знаю ничего красивѣе ихъ. Часы я проводилъ, сидя у кормы парохода и всматриваясь въ воду. Ихъ плавали цѣлыя стаи. Кажется, что иногда болѣе многочисленныя и сплоченныя стада ихъ состояли изъ Rhizostoma cruciata (корнеротовъ) и изъ жгуновъ. Иногда океанъ на мили бываетъ разцвѣченъ этими прелестными «цвѣтами моря». Ч. Дарвинъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что лѣсамъ материковъ никогда не достигнуть такого оживленія, какъ морямъ. А Гумбольдъ еще ранѣе выразился, что на своей поверхности море представляетъ роскошь и полноту жизни, о которой земля не можетъ дать и приблизительнаго понятія. Всѣ цвѣта радуги, кажется, отдали свой блескъ акалефамъ. Звѣздообразныя, колокольчатыя, круглыя, фута полтора въ поперечникѣ, усѣянныя лучистыми полосами всевозможныхъ оттѣнковъ, переливающихся одни въ другіе съ бархатистою мягкостію и очаровательными неожиданными эффектами,—онѣ тысячами попадались подъ киль и, разумѣется, гибли, разбиваемыя волнами и массою парохода. Онѣ всѣ были обращены внутреннею своею полостію, изнанкою, къ теченію. Зубцы или щупальцы, окружавшіе ихъ, сжимались и разжимались, какъ пальцы руки, вѣроятно схватывая микроскопическую добычу, приносимую имъ волнами. Покачиваясь и мѣрно вздымаясь съ водою, онѣ въ опредѣленные моменты, когда вѣроятно совершаются самыя энергическія жизненныя отправленія, теряли бархатистый блескъ и сверкали тѣми же, что и прежде, цвѣтами, но только рѣжущимъ глаза сіяніемъ драгоцѣннаго камня. Я не знаю даже, какъ дать хотя отдаленное понятіе объ этихъ прелестныхъ обитателяхъ моря. Природа являлась здѣсь всего прелестнѣе въ своихъ простѣйшихъ органическихъ формахъ. Ихъ можно рисовать только радугою, солнечнымъ лучемъ да цвѣтами концентрированнаго солнечнаго спектра. Между ними двигались безчисленныя стада такихъ же существъ, но уже безцвѣтныхъ отливавшихся на синихъ сгибахъ какимъ-то луннымъ, серебристымъ блескомъ. Кажется, что относительно акалефовъ существуетъ не совсѣмъ правильное мнѣніе въ наукѣ, присвоившей имъ названіе морской крапивы. Думаютъ, что прикосновеніе ихъ къ обнаженному тѣлу производитъ такую же боль, какъ и крапива. Это фактъ для южныхъ морей, но въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ и у береговъ Бѣлаго моря мѣстные жители безопасно берутъ ихъ въ руки. Изъ нихъ медузы бываютъ до того жидки, что проскользаютъ между пальцами. Когда по моей просьбѣ съ парохода бросили широкую посудину и вытащили ею на палубу одного изъ этихъ очаровательныхъ жителей моря, я попробовалъ было взять его, но онъ расплылся у меня между пальцами, какъ масло или студень, не произведя никакого обжога. Гораздо ближе было бы назвать акалефы не морскою крапивой, но морскою розой,

повъ своимъ покрученникамъ ухитрился доставить ее по 30 к. Была же ему какая нибудь выгода. Прежде онъ же продавалъ ее по 18 к. Къ сожалѣнію, этотъ предпріимчивый колонистъ-промышленникъ почти было разорился вслѣдствіе крушенія двухъ его шкунъ при входѣ въ Бѣлое море. Англійскую соль въ Норвегіи Филипповъ покупалъ отъ 26—27 к. за пудъ, въ настоящемъ году. Ясно, какой процентъ берутъ гг. Паллизенъ и Савинъ, продавая по такимъ высокимъ цѣнамъ соль, покупаемую непосредственно въ Англіи. Мука въ становищѣ обходится по 1 р. 15 к. У Паллизена—1 р. гуртомъ. Въ розницу и кредитъ дороже. Факторія покупаетъ ее въ Петербургѣ не свыше 65 к. Развитію жиротопенныхъ заводовъ здѣсь особенно препятствуетъ дороговизна чановъ для осадки тресковаго сала. Завести одинъ такой чанъ стоитъ 30 р. Обручи для него доставляются изъ Архангельска, самое же дерево изъ Норвегіи. Дрова для заводовъ могли бы привозиться изъ Колы, что и дешевле и удобнѣе, тѣмъ не менѣе часто, по національной нашей слѣпотѣ и рутинѣ, ихъ возятъ изъ того же неизбѣжнаго Архангельска.

Температура воздуха, когда мы проѣзжали въ концѣ іюля, въ Урѣ—была + 11 по Цельсію, а воды + 9. Затѣмъ, въ среднихъ числахъ августа + 13 и + 11.

Мы всходили здѣсь на одну изъ окрестныхъ высотъ. Передъ нами во всѣ стороны раскидывался чудный видъ. Кругомъ дикія, сѣрыя скалы и каменныя горы стѣсняютъ даль и только въ одномъ мѣстѣ онѣ прорѣзываются узкою щелью, въ которой серебрится входъ въ губу, соединяющій ее съ безконечностію океана... Внутри бухты, на каменныхъ коргахъ разсыпались избы и скеи, притаясь у голыхъ утесовъ и желтоватыхъ громадъ, поросшихъ цвѣтами полярной флоры. Гранитныя массы, живописно обрисовывавшіяся всѣми своими лопастями и извилинами на ея зеркалѣ, также были заставлены избами и амбарами. Впереди сѣрѣла хорошо выстроенная факторія и паровой салотопенный заводъ Базарнаго, остающіеся нынѣ безъ движенія, точно надъ ними тяготѣетъ проклятіе неправедно нажитаго богатства. Прямо подъ нашими ногами ясно выдѣлялся станъ Филиппова съ множествомъ елъ и шнякъ, на которыхъ; словно муравьи, возились рыболовы-колонисты, свѣжуя рыбу и сваливая ее на берегъ. Вся пристань передъ этимъ промышленнымъ флотомъ кипѣла суетливою, что-то дѣлающею, куда-то стремящеюся толпою. Еще дальше, на сѣромъ утесѣ стоитъ убогая церковь, выстроенная здѣсь колянином Хипагинымъ. Жалкая, вся покосившаяся, срубленная плохо, но удивительно гармонирующая и съ этими сѣрыми скалами, и съ этими дырявыми гніющими хижинами. Въ ясное голубое зеркало бухты опрокидывается всякою своею мачтою, всякою снастью—до двадцати

шкунъ и лодей. На однѣхъ ключемъ бьетъ рабочая суета, на другихъ—ни души. Только развѣ спитъ на палубѣ собака, свѣсивъ лапы за бортъ, или поморка, вся въ красномъ, раскинулась на грудѣ коричневой снасти и лежитъ неподвижно, какъ мертвая. Но отовсюду вѣетъ здоровымъ соленымъ воздухомъ и глаза, отрываясь отъ этихъ гнилыхъ избъ и суетливыхъ шнякъ и уходя подальше, видятъ внутри материка продолженіе той же бухты, то заслоняемое выступомъ берега, то снова раздвигающее свой ослѣпительный просторъ. Еще далѣе, гдѣ-то на высотѣ большой вараки, серебрятся клочки горнаго озера съ скалою по серединѣ. Что это за бѣлыя точки на той скалѣ? Неужели чайки?.. Какъ эта даль обманываетъ взоръ!.. Обладая острымъ зрѣніемъ, во многихъ мѣстамъ вы различите, словно серебряныя блестящія черточки—это болѣе отдаленныя горныя озера, разбросанныя на вершинахъ и выступахъ скалъ, на столовыхъ поверхностяхъ внутреннихъ плоскогорій материка. Загляните внизъ на подножіе той каменной плиты, на которой вы стоите—и тутъ передъ вами открывается предметъ, достойный изученія. Вы нигдѣ не встрѣтите такихъ явственныхъ слѣдовъ движенія глетчеровъ, какъ на поверхности этихъ утесовъ. Здѣсь они—всѣ идутъ въ сѣверозападномъ направленіи. Черты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ и бросаются въ глаза, а болѣе хрупкія горныя породы почти изрыты ими.

Отъ общей картины обратитесь къ деталямъ. Посмотрите, какъ граціозно выглядываютъ изъ каменныхъ щелей золотистые лютики, каменоломка тутъ же пускаетъ свои сильные корни и переплетается блеклыми сережками. Болотный пухъ бѣлѣетъ на сырыхъ проложинахъ, нѣсколько видовъ осоки, polypodium'a, орлиный папоротникъ, вощи. А поближе къ жилью, жмутся къ человѣку, повсюду неотступно слѣдующіе за нимъ тысячелистникъ, ромашка, колокольчики, крапива, полевая герань и много еще другихъ видовъ, то скучивается въ небольшіе луга, которые можно вымѣрить ладонью, то поодиночкѣ болгается по вѣтру изъ разщелинъ горныхъ породъ. Здѣсь всѣ они даютъ мало зелени, а вслѣдствіе этого цвѣты выдѣляются рѣзче и замѣтнѣе. Дальше, слѣдите за извилинами этой губы къ югу—и вы увидите, какъ скаты ея береговъ мало-по-малу покрываются уже травою и желтыми пятнами морошки; еще далѣе, сначала робко, потомъ смѣлѣе и смѣлѣе подымаются кривыя березки, стройныя стрѣлки елокъ... А тамъ за ними (той дали вы, разумѣется, не видите) растутъ у колоніи мелкіе лѣса, и сочные сѣнокосные луга мягко зеленѣютъ подъ лучами теплаго солнца у порожистыхъ рѣкъ и прелестныхъ озеръ горной Лапландіи.

Сойдя внизъ, я посѣтилъ нѣсколько становъ. Также грязно, душно, смрадно. Въ нихъ было хуже, чѣмъ въ землянкахъ. Крыши почти

вездѣ крыты дерномъ. Кухни здѣсь—просто какіе-то сквозные сарайчики, въ которыхъ раскладываются костры и въ чаду и въ дыму варятъ пищу. Куда ни зайди—все равно. Развѣ, что найдешь еще похуже. Въ одномъ станѣ, какъ намъ сказали, люди помѣщались въ два яруса. Одни на нарахъ, другіе подъ ними. Я уже не упоминаю о тѣхъ, которымъ приходится располагаться по серединѣ избы. Всюду какія-то войлочныя, да рогожныя подстилки, въ которыхъ кишмя кишитъ разная нечисть. Нигдѣ ни малѣйшаго удобства. Напротивъ, чѣмъ богаче хозяева, тѣмъ хуже ихъ станы, тѣмъ они грязнѣй и тѣснѣе. Были избы, гдѣ нельзя было оставаться ни минуты. Оттуда такъ и отпибало. «Точно полѣномъ по лбу», выразился молодой человѣкъ, сопровождавшій меня.

— Неужели и хозяева спятъ тутъ же?

— Нѣтъ. Хозяевъ сюда и втора (бѣда) не заманитъ. Они пріѣзжаютъ на лодьяхъ, да на шкунахъ, такъ въ каютахъ у себя и ночуютъ... Къ намъ и не зайдутъ. Больше у избы потолкаются.

Зато здѣсь уже рѣзко бросалось въ глаза отличіе между кольскою и поморскою артелью. Рабочіе къ хозяевамъ не относились подобострастно. Въ взглядахъ ихъ не было заискиванья, спины не горбились отъ одного приближенія міроѣда, языкъ не осѣкался. Напротивъ, они сами обступали хозяевъ, подавали имъ руки, и держали себя вообще на равной ногѣ съ послѣдними. Какъ хотите, а это указываетъ уже на другія, не поморскія отношенія. Да и хозяева не покрикивали на нихъ, а говорили вѣжливо, безъ пренебреженія. Даже мальчишки зуйки и тѣ, заложивши руки въ карманы, считали себя вполнѣ солидными промышленниками и до смѣшнаго были похожи на взрослыхъ своихъ товарищей. Впрочемъ они имѣли полное основаніе гордиться собою, потому что въ Еретикахъ рѣдкій мальчишка не соберетъ въ лѣто двадцати пяти или тридцати рублей.

Здѣсь тоже повторяются жалобы на норвежцевъ.

— Ходятъ, вишь, наши ловцы на бирку (Киберъ-нессъ, гдѣ имъ предоставлено заниматься промысломъ по конвенціи) около Варгаева (Варде-хузъ) и рыбку тянутъ не ближе 10 верстъ отъ берега. Какъ есть по закону, свято! Только что-жь бы ты думалъ?—эти норвежане зачастую возьмутъ да и обрѣжутъ ярусъ. Недавно вотъ у Гнусова *) (Кнюдсена) 80 тюковъ снасти срѣзали. Такъ пропадомъ и пропадетъ весь промыселъ, да и снасть къ чорту-лѣшему! Такая втора! А онамедни, у нашихъ, сорвали опять сорокъ тюковъ яруса. Такъ

*) Промышленники вообще передѣлываютъ фамиліи на свой ладъ. У нихъ Паллизенъ обратился въ Пальцына, Кнюдсенъ—въ Гнусова, Ульсенъ—въ Усова, Шершедъ—въ Шершеня, Юль—въ Юлина и т. д.

добро и ушло. Жалиться пошли бы, да у насъ кому жалиться. Къ норвецкому становому пойдешь,—онъ первое дѣло въ тюрьму тебя. И какъ это у нихъ дѣлается—Господь ихъ знаетъ, а только за свою же снасть, да и попадешь ты въ Дронтгеймъ. Одного у насъ такъ и отправили. У нихъ и померъ.

— А консулу что не жалуетесь?

— Точно, что эти концула есть. Они изъ ихнихъ же норвецкихъ купцовъ. Только они по русскому, по нашему два слова и знаютъ: „давай деньга". А больше—ничего. Нашъ концулъ, будемъ такъ говорить, хуже еще ихняго чиновника. Проси у ево защиты, онъ тебя такъ обработаетъ, что замѣсто году, ты на пять въ тюрьму влетишь. Отъ этихъ концуловъ помощи намъ нисколько. Только что деньги съ насъ берутъ. Да ему супротивъ своего начальства и не идти. Вмѣстѣ живутъ, вмѣстѣ хлѣбъ-соль водятъ, одного званія, одной нацыи. Еслибы нашихъ концулами назначили, тогда бы и дѣло было другое. Дородно было бы. А то на ихнюю мандеру (землю) хоть не суйся, а къ намъ они валомъ валятъ. Просто неразбираючи. Теперь у Пальцына, норвежане съ самаго берега ловятъ. Хоть ты, что хошь. Нашъ на свою же землю придетъ—его по шеямъ. Въ рѣки наши ходятъ, у лопарей, да у русскихъ семгу отбиваютъ. Тутъ, какое я тебѣ скажу, дѣло было. Пришли норвежане въ нашу рѣку — Большую Лицу. Забрали чужую сѣть грабежомъ, значитъ, и сами давай ловить рыбу. Мы было отбивать—да что подѣлаешь. Ихъ сила несосвѣтимая. У ихъ народу, что гнуса *) въ амбарѣ. Страсть! А что лопарей нашихъ обижаютъ, такъ объ этомъ и болтать нечего. Тутъ на одной ламбинѣ **) лопаря убили да въ няшу (грязь) и бросили. Словно они у насъ господа какіе на берегу. Ѣздятъ себѣ, промышляютъ. Давеча мы жаловались становому. Только тотъ и сдѣлалъ, что рукой махнулъ. Теперича еще Новую землю за себя забрали. Варгаевская земля и море, по ихнему Варангеръ-фьордъ зовутъ, — прежде вся наша была. Только просили у нашего царя эти норвежане милости, ну онъ и подарилъ имъ, нате, дескать, на разживу. У насъ много—а вамъ на бѣдность, получай. Только, чтобы русскимъ слободно ловить было ***) рыбу. А сунься къ нимъ промышленникъ, они тебѣ покажутъ добродѣтель. Первое есть у нихъ законъ въ воскресный день не ловить. Ну, ты выметалъ свои гарвы, установилъ ихъ, и не ловишь. Ждешь понедѣльника. Что же бы ты думалъ: этто они подберутся, заберутъ твои снасти, да и тебя тоже: зачѣмъ снасти въ морѣ. Подавай штрафъ. А какъ ихъ не выметывать, коли на одну выметку два дни требуется. Ты и считай. Лопскій олень

*) Гнусъ—мышь.
**) Озеро.
***) Право ловить предоставлено конвенціей.

зайди на норвежскую землю, сейчасъ его заберутъ, хозяина-лопина (лопаря) оштрафуютъ; а около Пазъ рѣки, у самой нашей церкви, на отличныхъ покосахъ нашихъ пасется норвежскій скотъ и лошади норвежскаго лендсмана. Просто я тебѣ говорю—вторь. Раззореніе. Нонѣ они и зимой у насъ подъ носомъ ловить повадились. Придутъ подъ Тириберку, дорогой захватятъ кого изъ своихъ, что у насъ въ колонистахъ записанъ, ну и бьютъ акулъ. Останови ты ихъ. Хоть начальство—ему все равно. Они себя завсегда оправдать могутъ. Мы, говорятъ, работники у вашего же, у русскаго колониста—и вся недолга!

— Тоже, братъ, и съ нашими чиновниками исторія. Разъ тутъ какая втора вышла. Пріѣзжаетъ изъ Колы начальство. Такъ и сякъ—заводи огороды!—Гдѣ?—Въ Еретикахъ!—Да тутъ голый камень! И слушать не хочетъ. Мы ему—камень, онъ намъ—картофель. Мы ему—никакъ не возможно. Онъ намъ—сажай, потому изъ самаго Архангельска начальство приказало. Высшія власти, говоритъ, изъ-за васъ сколько себя ужъ обезпокоили, а все вы этого не чувствуете. Ну только одинъ изъ насъ принесъ это ломъ. Взрой, говоритъ, здѣсь землю. Ты чиновникъ,—такъ взрой! здѣсь самъ видишь, камень. Покопалъ, покопалъ чиновникъ, и ополоумѣлъ. Закричалъ это, ногами затопалъ, у меня говоритъ, чтобы огороды были. Такъ и уѣхалъ... огородникъ!.. Чудеса, братъ, съ ними.

— Тутъ, братъ, что разъ было, вступился другой. — Норвежцы остановили въ нашихъ предѣлахъ шняку русскую, забрали съ нея всю снасть, рыбу взяли, что упромыслили ловцы, и уѣхали. Лови ихъ.

— Быть этого не можетъ.

— Чего еще. Будьте спокойны! Такія ли бываютъ дѣла. Прежде съ ружьями къ намъ ѣзжали. Словно—война!.. А что про концуловъ вы спрашивали, такъ это точно, что они норвежскіе слуги.

Все сообщенное поморами вполнѣ подтвердилось потомъ. Кстати будетъ тутъ сказать нѣсколько словъ о промышленныхъ отношеніяхъ, существующихъ между Поморьемъ и Норвегіей. Собственно о русской торговлѣ въ Вардо, Вадсе и Гамерфестѣ, я буду говорить впослѣдствіи.

У меня подъ руками находится сводъ постановленій, извлеченныхъ изъ законовъ Норвежскаго королевства и касающихся до рыбной ловли и торговли, производимыхъ русскими промышленниками въ портахъ и приморскихъ губахъ Норвегіи. Онъ изданъ былъ въ Архангельскѣ для того, чтобы поморы ознакомились съ тѣми немногими правами, какими они пользуются въ сосѣдней державѣ. Если человѣкъ, мало свѣдущій, прочтетъ первый отдѣлъ этого свода, а именно королевское постановленіе 13-го сентября 1830 г., о производствѣ рыбнаго промысла въ Финмаркенѣ, то онъ удивится широкимъ прерогативамъ, предоставленнымъ тамъ нашимъ поморамъ. Въ дѣйствительности же эти

преимущества оказываются петлей для русскаго промысла, удобной мышеловкой и только. Вотъ, напримѣръ, § 40: „Ежели промышленники, вслѣдствіе производимой ими въ разстояніи одной мили отъ берега рыбной ловли, пожелаютъ приставать къ берегу и устроиться на немъ, то это имъ дозволяется въ Кибергѣ, Гавнингбергѣ и Бордсфіордѣ Вардесскаго прихода и въ Белевогѣ, Гамвикѣ и Стенсвигѣ Таненскаго прихода". Всѣ шесть поименованныхъ гаваней принадлежатъ къ лучшимъ въ Норвегіи. Кажется, чего удобнѣе. Увы! на дѣлѣ оказывается, что эти пункты или слишкомъ далеки отъ нашихъ береговъ или же переполнены собственнымъ населеніемъ, и русскій, попавшій туда, оказался бы въ положеніи мыши, случайно вбѣжавшей въ кучу самыхъ ехидныхъ кошекъ. Наши рѣдко заѣзжаютъ далѣе Вардо и Вадсе, и данное имъ право похоже на то, еслибы живущему въ Петербургѣ предоставили ежедневно ѣздить обѣдать въ Москву, но ни подъ какимъ видомъ не ѣсть ничего въ Петербургѣ. Въ pendant къ этому, не мѣшало бы нашимъ добрымъ сосѣдямъ разрѣшить ловить рыбу въ нашихъ сѣверо-океанскихъ водахъ, приставая къ берегу для отдыха не иначе какъ въ самыхъ лучшихъ водахъ Балтійскаго моря. Промышленники норвежцы тоже пользуются правомъ ловить рыбу въ нашихъ границахъ—на Ледовитомъ океанѣ, не ближе тѣхъ же семи верстъ; и они не только ловятъ треску, но, составляя сильныя артели, выгоняютъ нашихъ же ловцовъ-поморовъ изъ русскихъ водъ. Наши *пустынные* берега, гдѣ нѣтъ ни одного военнаго крейсера, даютъ полную ширь такимъ международнымъ, *дружескимъ* сношеніямъ сосѣдей. Кромѣ того, норвежцы иногда являются въ наши становища, располагаются въ русскихъ избахъ, хотя послѣднія и неприглядны, заставляя поморовъ выбираться на всѣ четыре стороны. Если же поморы на самоуправство отвѣчаютъ самоуправствомъ, то является чиновникъ, предупредительно освобождающій норвежцевъ, а своихъ сажающій въ острогъ, по обвиненію въ грабежѣ, вооруженномъ разбоѣ и т. п. ужасахъ.

Далѣе, § 40 говоритъ, что „русскіе могутъ, для выкапыванія червей, приставать къ берегу, а также производить ловлю удами, ярусами и неводами и въ меньшемъ разстояніи отъ материка, чѣмъ семь верстъ, но съ тѣмъ, чтобы они *не стѣсняли* мѣстныхъ жителей, за нарушеніе чего русскіе подвергаются штрафу въ два спеціесъ-доллара". *Не стѣсняли* мѣстныхъ жителей! какое неопредѣленное выраженіе. Вамъ, положимъ, предоставлено право прохаживаться мимо моего дома и отдыхать на моемъ тротуарѣ, съ тѣмъ, чтобы вы не стѣсняли меня. Но вѣдь мнѣ можетъ не понравиться вашъ носъ, выраженіе вашего лица, дымъ вашей сигары и, основываясь на неопредѣленности вышеприведеннаго условія, я не только могу выгнать васъ, но и содрать съ васъ при этомъ приличный кушъ. Это *нестѣсненіе* особенно мило

въ виду того, что на нашемъ Мурманѣ норвежцы не только производятъ ловъ рыбы, но и селятся вездѣ, гдѣ угодно, строя себѣ весьма *комфортабельныя* жилища, причемъ къ исконнымъ владѣльцамъ этого края они относятся самымъ враждебнымъ образомъ, такъ, напримѣръ: отнимаютъ у лопарей семужьи заколы и оттѣсняютъ ихъ отъ лучшихъ становищъ Мурмана, торгуютъ между ними ромомъ, разсѣвая по странѣ сифилисъ, развратъ и пьянство. Замѣчательно, что это „нестѣсненіе“ понимается норвежцами весьма широко. До сихъ поръ не было примѣра, чтобы они позволили какому нибудь русскому промышленнику приставать къ берегу для выкапыванія червей. Что же касается до штрафа въ два спеціесъ-доллара, то какъ-то странно ладятся съ этимъ разсказы поморовъ о томъ, что ихъ не мало отослано въ Дронтгеймъ „на крѣпостныя работы“ (въ родѣ нашихъ арестантскихъ ротъ), за малѣйшія нарушенія этихъ постановленій. Нѣкоторые говорятъ, что многіе ихъ родственники по 19 лѣтъ провели на этихъ работахъ. „Русскимъ запрещается самимъ строить дома или юрты на берегу, но за то имъ предоставляется право нанимать у мѣстныхъ жителей какъ квартиру, такъ и мѣсто для сушенія рыбы“. Въ томъ-то и дѣло, что искать не у кого и негдѣ. Сами норвежцы часто принуждены бываютъ спать въ палаткѣ или на снѣгу безъ всякаго пріюта, по недостатку жилищъ. Но они, по крайней мѣрѣ, могутъ зайти и обогрѣться въ ихъ жилья, а русскому куда дѣваться? Дѣло въ томъ, что Варангеръ-фьордъ именно и былъ уступленъ норвежцамъ съ тѣмъ, чтобы русскіе здѣсь пользовались *опредѣленными* и *одинаковыми* съ ними правами лова. Иначе изъ-за чего было уступать лучшую и наиболѣе рыбную часть нашего Мурмана, гдѣ промыселъ гораздо выгоднѣе и богаче, чѣмъ на всемъ остальномъ его пространствѣ. Наши поморы разсказываютъ, что норвежцы ни за какія деньги не пустятъ русскихъ въ свою землянку. Даже въ случаѣ крушенія русскихъ судовъ близъ такого берега, спасшемуся экипажу приходится оставаться подъ открытымъ небомъ. Въ параллель къ этому небезполезно привести слѣдующій случай. Года два тому назадъ, на Долгощельскій берегъ Мезенскаго уѣзда высадился экипажъ потерпѣвшаго крушеніе норвежскаго судна, ловившаго китовъ въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ и бившаго звѣрей на Новой Землѣ. Хозяинъ мѣстнаго лѣсопильнаго завода не только принялъ несчастныхъ, кормилъ, поилъ и содержалъ ихъ у себя нѣсколько дней, но и отправилъ ихъ *на свой счетъ* въ Норвегію. Слѣдующій за тѣмъ законъ слѣдовало бы намъ примѣнить у себя *во всей его строгости и въ полной мѣрѣ*. „Запрещается бросать потроха рыбы въ море близъ береговъ, гдѣ они во время отлива могутъ высыхать“. На Мурманѣ и на Терскомъ берегу гніютъ и разлагаются цѣлыя груды такихъ распространяющихъ смрадъ, тифъ и

горячки, веществъ, такъ что запахъ ихъ становится специфическимъ отличіемъ этого района. Дѣйствительно, норвежскія рыболовныя ухожья не чета русскимъ. Тамъ всегда скопляется народъ массами. Это не наши пустынныя окраины, гдѣ всякій иностранный проходимецъ можетъ самъ себѣ даровать права, какія ему угодно. Смѣшно Норвегіи стѣснять своими постановленіями немногихъ русскихъ ловцовъ, смѣшно потому, что такіе ловцы пропадали бы тамъ, какъ капля въ морѣ. Что значили бы даже сто русскихъ шнякъ съ 400 промышленниковъ въ виду такихъ цифръ норвежскаго лова, какъ слѣдующія:

Только въ одномъ *Вестъ-Фіордѣ* промышляло до 16 марта:

неводами	2,298	судовъ съ	10,465	промышленниками.
ярусами	2,301	„ „	7,756	„
удами	1,062	„ „	2,597	„
Всего въ одной губѣ	5,661	судно съ	20,818	пром.
У насъ во всемъ Мурманѣ	900	„ „	3,600	„

Въ русскихъ водахъ норвежцамъ лучше. Они свободно разъѣзжаютъ по нашему Ледовитому океану, бьютъ у насъ подъ носомъ китовъ, моржей и тюленей на Новой Землѣ и въ Карскомъ морѣ, ловятъ рыбу и на Мурманѣ, обездоливая во всѣхъ этихъ случаяхъ русскихъ.

Съ положеніемъ русскихъ промышленниковъ въ прежнихъ русскихъ, а нынѣ норвежскихъ владѣніяхъ тѣсно связанъ вопросъ о русскихъ консулахъ тамъ. Неудачный выборъ ихъ повелъ къ тому, что русскій флагъ и русскій народъ въ сосѣднемъ королевствѣ не пользуются никакимъ авторитетомъ. Выбирая въ консулы маловліятельныхъ норвежскихъ купцовъ, мы отдаемъ нашихъ поморовъ въ полнѣйшую власть норвежскихъ чиновниковъ, съ крайнимъ презрѣніемъ относящихся къ нашимъ интересамъ. Еще недавно въ трехъ городахъ сѣверо-норвежскаго поморья, Вардо, Вадсе и Тромзе, были русскими консулами трое родныхъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ недавно признанъ злостнымъ банкротомъ, а остальные два, торгуя въ широкихъ размѣрахъ ромомъ, спаиваютъ наше поморье и Мурманъ. Всѣ русскіе консулы въ Норвегіи даже и не говорятъ по-русски. Во время послѣдней крымской войны русскихъ встрѣчали въ Норвегіи чрезвычайно враждебно, мѣстныя власти безмолвствовали, вполнѣ разсчитывая на бездѣятельность консуловъ. Разсказываютъ даже, что какой-то русскій консулъ на одномъ изъ фестивалей говорилъ рѣчь противъ Россіи. Консулы и теперь являются всепокорнѣйшими слугами норвежской бюрократіи. Нашъ консулъ никогда не защищаетъ помора; онъ *всегда* на сторонѣ мѣстной власти, съ которою связанъ всѣми своими интересами. Они даже и жалобъ не принимаютъ отъ русскихъ, за то они собираютъ съ послѣднихъ въ свою пользу такъ называемыя консульскія деньги, дѣлая

изъ своей почтенной миссіи просто какую-то синекуру. Оно дѣйствительно, отчего и не получить деньги совершенно даромъ. А деньги немалыя. Если предположить, что ежегодно въ Норвегію придетъ до 800 русскихъ судовъ, то только десятирублевый сборъ въ пользу консуловъ дастъ 8,000 р. или по 2,000 р. на каждаго. Кромѣ того, тѣ же консулы пользуются и преимуществами своего званія при торговыхъ сдѣлкахъ съ поморами. Сдѣлавъ свои занятія выгодной статьей постояннаго дохода, наши норвежскіе консулы относятся къ русскимъ экипажамъ чисто по-начальнически. Такъ, напримѣръ, нѣкто судовщикъ Антуфьевъ изъ Мудьюги разсказывалъ, что весьма часто на русское судно является русскій консулъ и производитъ собственноручную расправу съ матросами, а иногда и съ судохозяиномъ *палкой*.

На сколько консулы исполняютъ свои обязанности, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Когда пароходъ «Великій Князь Алексій» въ первый разъ потерпѣлъ крушеніе, гдѣ-то у границы Норвегіи, то товарищество обратилось къ русскому консулу въ Тромзе, г. Гольмбое, прося его распорядиться введеніемъ парохода въ доки и его починкою. Гольмбое по этому предмету оказалъ такое содѣйствіе, что поправка парохода обошлась втрое дороже, чѣмъ если бы это было сдѣлано въ дорогихъ англійскихъ докахъ. Дѣйствительно *дорогое* содѣйствіе!

Такимъ образомъ, въ нашихъ консулахъ норвежское правительство имѣетъ преданныхъ своимъ интересамъ чиновниковъ, которые обходятся даромъ, а между тѣмъ служатъ лучшими орудіями для притѣсненія русскихъ. Играя относительно насъ роль полицейскихъ, консулы еще никогда не заявили себя съ болѣе выгодной стороны. А между тѣмъ отъ нихъ зависитъ наша торговля съ Норвегіей и интересы поморскаго населенія. Впрочемъ, о торговлѣ потомъ. Намъ извѣстно, что еще въ 1870 году бывшій архангельскій губернаторъ Качаловъ ходатайствовалъ о назначеніи русскими консулами въ Норвегію хорошо образованныхъ русскихъ моряковъ. Но дѣло въ томъ, что тутъ образованіе ни при чемъ. Гораздо ближе было бы предоставить занятіе этихъ должностей съ жалованьемъ, не выходящимъ изъ предѣловъ нынѣшняго консульскаго сбора, русскимъ поморамъ-купцамъ. Могу увѣрить, что, напримѣръ, одинъ такой, даже мало-грамотный купецъ-поморъ, какъ Гунинъ въ Онегѣ, стоилъ бы дюжины другихъ консуловъ, потому что онъ искренно бы грызся за малѣйшіе русскіе интересы, и отстаивалъ бы наши выгоды тамъ безукоризненно.

Въ самой вершинѣ губы Уры, между рѣками Урой Большою и и Малою, на зеленыхъ привольяхъ разбросана колонія Ура. Это одно изъ лучшихъ поселеній на Мурманѣ. Оно сплошь состоитъ изъ финляндцевъ, и экономическая состоятельность его не составляетъ желать первое время ничего лучшаго. Какъ выше было замѣчено, колонисты

выселились сюда изъ Улеоборгской губерніи, гдѣ они терпѣли страшную нужду и лишенія. Только при помощи трудовыхъ рукъ, неустанной энергіи, честности и трезвости, они въ пять лѣтъ создали себѣ прочную осѣдлость, обзавелись скотомъ, акульими снарядами, елами, короче, всѣмъ, что нужно сѣверному промышленнику. Не имѣя возможности сразу добыть себѣ ярусы, стоющіе весьма дорого, они не покрутились, не пошли въ хозяйскую кабалу, какъ сдѣлали бы русскіе, а завели себѣ на первый случай уды и лесы и стали промышлять самостоятельно, каждый самъ по себѣ. Было нѣсколько хорошихъ годовъ, когда губа кишмя кишѣла трескою. Финляндцы въ это время наловили на уды едва ли не больше, чѣмъ русскіе на ярусы. Затѣмъ, когда опять трески стало мало, съ удъ рыба все-таки клевала охотнѣе наживку. Они же употребляютъ и такъ называемые длинники. Заведеніе уды съ лесою стоитъ 1 р. 20 к. или 1 р. 10 к. Такимъ образомъ, здѣсь впервые установился промыселъ удами, оказавшійся выгоднымъ простому и бѣдному рабочему человѣку на столько, что по разсчету, составленному нами, финнъ-колонистъ въ вешній періодъ лова трески пріобрѣтетъ вдвое, а въ лѣтній въ полтора раза болѣе, чѣмъ придется на долю покрученника поморской артели за выдѣломъ хозяйской львиной доли изъ общей добычи. Этотъ способъ лова выгоднѣе даже кольскаго. По крайней мѣрѣ, коляне-рабочіе съ завистью говорили о финнахъ,—странная зависть. Кажется, что имъ мѣшаетъ заняться самимъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и колонисты, кромѣ того только, что ихъ дѣды и прадѣды промышляли иначе? Норвежцы-колонисты тоже ловятъ на уды и съ такимъ же успѣхомъ. Колонисты губы Уры занимаются тоже ловомъ семги въ Урѣ-рѣкѣ и пріобрѣтаютъ отъ этого промысла до 6,000 р. въ годъ. Семгу у нихъ скупаютъ на факторіи почти по 5 р. за пудъ, частью же они сами продовольствуются ею. Впрочемъ, послѣднее случается рѣдко. Финнъ весь живетъ для будущаго. Пока онъ не поставилъ себѣ дома, не завелъ елы, гарвъ, уды и ружья, до тѣхъ поръ онъ и питается, и одѣвается, и живетъ плохо, отказывая себѣ во всемъ. Да и потомъ не лучше. Всякій барышъ, уловъ, добычу онъ рѣдко употребляетъ на свое семейство, а продаетъ ее, и вырученныя деньги вкладываетъ въ расширеніе своего дѣла. Прибавьте къ этому воловью силу, привычку къ труду, промысловую ловкость и главное, чему должны завидовать русскіе колонисты, трезвость,—и вы поймете, чего можно ожидать отъ такихъ колонистовъ. Здѣсь же они ловятъ и акулъ, для чего опять-таки *у каждаго* переселенца есть свой акулій снарядъ. Въ послѣднее время, ловъ акулъ былъ не такъ обиленъ, потому что въ океанѣ стояли бурныя погоды, а финны еще не успѣли завести себѣ большихъ шлюповъ, которые могли бы выдерживать штормы; но немного спустя

эти дѣятельные работники съумѣютъ добыть себѣ все, что имъ нужно, и станутъ бить акулъ на всемъ пространствѣ Ледовитаго океана. При входѣ въ малый проливъ Урской губы, на рѣкѣ Одинцовкѣ, живетъ одно семейство финна Галонина. Вокругъ его избы превосходные покосы, на которыхъ пасутся прекрасно содержимые коровы, быки и овцы. Самъ онъ ловитъ треску, семгу и акулъ, бьетъ лисицъ и вообще заработываетъ до 600 р. въ годъ, а еще четыре года тому назадъ, при первомъ появленіи своемъ въ Урской губѣ, онъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи своихъ соотечественниковъ, для того чтобы не умеретъ съ голода. Можно прозакладовать голову, что изъ русскаго, поселеннаго даже въ такой благопріятной обстановкѣ, выработался бы только покрученникъ, называющій своего хозяина благодѣтелемъ, напивающійся ромомъ до положенія ризъ, двѣ трети года голодный, одну треть сытый и пьяный и всегда ободранный.

Экономическое состояніе колонистовъ будетъ подробно описано въ одной изъ слѣдующихъ главъ, спеціально посвященной этому предмету. Но я полагаю, что и общія черты, намѣченныя мною, даютъ уже опредѣленное понятіе о томъ, чего можно ожидать отъ нѣкоторыхъ колоній Мурманскаго берега.

Колонисты часто сталкиваются съ лопарями и промышленниками. Мимоходомъ скажемъ, лопари были жестоко обижены нашею администраціей, рѣшившей уступить принадлежавшія имъ ухожья, семужьи рѣки и берега колонистамъ. Это распоряженіе чужою собственностью, разумѣется, принесло громадную пользу. Только благодаря ему и образовались здѣсь осѣдлыя поселенія—будущій центръ мурманскаго богатства и гражданскаго преуспѣянія отдаленнѣйшей окраины Кольскаго полуострова. Но фактъ захвата все-таки остается захватомъ, и лопари имѣютъ полное основаніе сѣтовать на него, какими бы общегосударственными пользами оно ни объяснялось.

— Намъ развѣ легче? говорили мнѣ лопари.—Я прежде ходилъ на Уру, семгу бралъ, дѣтей, себя кормилъ. Дородно было... А теперь я что? Теперь я долженъ идти на море—у меня тройника (родъ шняки) нѣтъ. Въ тундру я оленей не водилъ никогда. Чего тутъ! Приполъ большой начальникъ, у насъ забралъ—имъ отдалъ, развѣ мы что можемъ противъ большого начальника?..

Миролюбіе и кротость лопарей таковы, что захваты ихъ урочищъ и рѣкъ не вызвали даже сколько нибудь серьезныхъ столкновеній ихъ съ финнами. Они только изрѣдка являются на свою прежнюю рѣку, постоятъ, постоятъ на крутомъ берегу ея, посмотрятъ, какъ колонисты ловятъ семгу, похлопаютъ себя по бедрамъ, покачаютъ головою и уберутся опять въ тундру, не зная, чѣмъ накормить голодное семейство... Впрочемъ, и они утѣшаютъ себя вѣрою въ какіе-то указы.

— У насъ на эту рѣку, говоритъ лопарь, глядя сверху на семужій промыселъ колониста и самодовольно улыбаясь:—большой царя Петра указъ есть. Съ печатью указъ... Есть у насъ указъ! Царь Петръ далъ, да....

— Вы на него, значитъ, и уповаете?

— Большую надежду на указъ имѣемъ. И улыбка еще шире и самодовольнѣе расползается по скуластой физіономіи лопаря. Онъ хитро подмигиваетъ однимъ глазомъ и повторяетъ:—у насъ большой указъ...

— Что же вы его не предъявите?

— Хха!.. Ты, вижу, нашихъ дѣлъ не знаешь. Чиновнику отдай—онъ его сейчасъ взялъ, да въ огонь... Нѣтъ, мы тоже это дѣло баско разумѣемъ. А у насъ онъ лежитъ въ мѣстѣ тайномъ... Поди ищи его... Не найдешь! Онъ стрѣлой насквозь пробитъ, въ ящикѣ... Вотъ онъ какой у насъ указъ!

Такъ я и не добился, что толку въ указѣ, который лежитъ въ лѣсу, пробитый стрѣлою. Одно только было ясно—упованіе на чародѣйственную силу указа, который самъ все устроитъ къ общему удовольствію, и безграничное недовѣріе къ прежнимъ чиновникамъ, которымъ нельзя даже предъявить этотъ талисманъ.

— Нѣтъ... ты думалъ, царь Петръ не зналъ, что давалъ... Онъ хорошо все зналъ... Онъ лопарей любилъ!..

Отношенія колониста къ промышленникамъ совершенно иныя. Тутъ уже колонистъ является лицомъ страдательнымъ. То покрученникъ зарѣжетъ у него овцу, то похититъ у него скотъ, какую нибудь вещь, крайне необходимую въ его домашнемъ обиходѣ, желѣзный каминъ, печку и т. п. Виновны въ этомъ опять-таки не рабочіе. Промышленникъ, ежели-бы хозяинъ кормилъ его, какъ слѣдуетъ, не сталъ бы красть чужаго; тѣмъ болѣе, что похищенные предметы сбываются здѣсь за съѣстные припасы. Случаются иногда и возмутительныя вещи. У одного изъ колонистовъ украли корову, которую онъ только-что завелъ послѣ двухлѣтнихъ упорныхъ усилій и лишеній. Сталъ онъ ее разъискивать и нашелъ однѣ кости. Оказалось, что она съѣдена промышленниками. Послѣдніе оправдывались тѣмъ, что имъ хозяинъ оставилъ муки ровно на два мѣсяца,—по прошествіи которыхъ новой не привезъ. Одною рыбой питаться стало не вмоготу, ну и пошло воровство. Сначала украли овцу, потомъ оленя у лопаря и наконецъ корову у колониста. Другой разъ покрученники угнали елу, принадлежавшую колонисту, и продали ее, купивъ взамѣнъ муки, крупы, солонины и неизбѣжнаго рому. Большая часть такихъ преступленій оканчивается на Мурманѣ—миромъ, потому что жаловаться некому, да и не на кого: свои не выдадутъ. Соловцовъ разсказываетъ, какъ во время оно случалось, что доносчиковъ товарищи сбрасывали съ борта шняки

въ океанъ, но я признаю это вымысломъ чиновника, которому повсюду чудится одна уголовщина. Дѣло въ томъ, что убійство, и такое звѣрское, не ладится съ этими открытыми, добродушными лицами, съ этими неиспорченными, въ сущности, натурами. Сходясь коротко съ промышленниками, я не слыхалъ отъ нихъ и намека на что нибудь похожее, да и добросовѣстные люди, знакомые съ бытомъ и обстановкою промышленника на Мурманѣ, безусловно отрицаютъ подобные ужасы. Путешественники, даже и нечиновники, впрочемъ, крайне склонны прибѣгать къ такимъ пустымъ и дикимъ вымысламъ. Мы всѣ съ юности напитали свое воображеніе страхами американскихъ степей и лѣсовъ, битвами краснокожихъ съ піонерами дальняго Запада. Плохіе романы еще болѣе развили эту манію крови и убійствъ. Туристъ, по мѣрѣ силъ своихъ, старается дѣлать позанимательнѣе свои записки и очерки, смѣшивая съ бытовыми картинами уголовную ерунду и перенося на нашъ, напримѣръ, Мурманъ—нравы и обычаи скваттеровъ Техаса и Небраски. Впрочемъ, хороши и читатели. Я самъ разъ слышалъ:

— Стоитъ читать русскихъ путешественниковъ. Возьмите Эмара, да хоть и Герштеккера—тамъ, что ни страница, то волоса подымаются дыбомъ. А тутъ—тоже дѣвственный край, въ которомъ ни одной еще полицейской будки нѣтъ, а всѣ ведутъ себя агнцами.—И добросовѣстно написанная книга летитъ подъ столъ за недостаткомъ занимательности и «вымысла», тамъ, гдѣ послѣдняго не должно быть и тѣни.

Изъ Урской колоніи, въ теченіе 1872—1873 гг., нѣсколько переселенцевъ бѣжало въ Америку. Дѣло въ томъ, что по нашему Мурманскому берегу агенты норвежскихъ конторъ, устроенныхъ для содѣйствія эмиграціи въ заатлантическіе штаты, распространяли весьма усердно слухи о необычайныхъ выгодахъ и радостяхъ жизни эмигранта въ Америкѣ. Прежде всего, на эту удочку поддались норвежцы, затѣмъ и финны. Одинъ изъ такихъ фактовъ обставленъ весьма драматически. (Вотъ вамъ и ужасы!) У колониста, сельскаго старосты Урскаго общества, ночью изъ общей комнаты, гдѣ всѣ спали, пропалъ полуторагодовой ребенокъ. Ящикъ съ его платьемъ оказался разрытымъ, но ничего при этомъ не было похищено. Около пятидесяти елъ искали его въ теченіе недѣли въ окрестныхъ водахъ, до двадцати колонистовъ—въ лѣсу, успѣха не было никакого. Онъ пропалъ безслѣдно. Это такъ поразило финна, что онъ черезъ двѣ недѣли, уплативъ *всѣ* свои долги, распродавъ имущество, уѣхалъ сначала въ Варде-хузъ, а оттуда въ Америку. Переселились въ сѣверные штаты лучшіе люди этого края въ числѣ пятнадцати семей. Перебирались туда и норвежцы, но ихъ не жалѣлъ никто. Народъ былъ скверный,—пьяницы и люди недобросовѣстные, оставившіе свое отечество для нашего Мурмана, вслѣдствіе весьма подозрительныхъ причинъ. Многіе изъ нихъ судились прежде

за злостное банкротство и др. уголовныя преступленія, да и на новомъ мѣстѣ не исправились. Но выселившихся отсюда финновъ жалѣютъ всѣ. «Люди ужь больно хорошіе,» выражаются даже покрученники, обворовывавшіе ихъ. Замѣчательно, что въ самомъ фактѣ эмиграціи выразился характеръ финновъ и норвежцевъ. Первые уѣзжали туго, вторые—подались на выселеніе, какъ на манну небесную. Первые, оставляя свои насиженныя гнѣзда, расплачивались съ кредиторами до послѣдней копѣйки, вторые старались уѣхать по-мошеннически, т. е. еще призанявъ гдѣ нибудь деньжонокъ, или прихвативъ у кого нибудь снасть, будто бы для промысла, а въ сущности только для того, чтобы сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ продать ее за полцѣны.

Эмиграція въ Америку отсюда будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока колонисты не убѣдятся въ продленіи еще хотя лѣтъ на десять дарованнаго имъ права безпошлинной торговли.

Въ окрестностяхъ губы Уры уже встрѣчается лѣсъ, годный на кое-какія постройки. Въ 10 верстахъ отъ берега по ручью Гремяхѣ растетъ сосновый боръ, гдѣ срубаются бревна до четырехъ сажень длины и около фута толщины. Противъ острова Шалима въ губѣ Кислой ловятся вкусныя красныя лучистыя устрицы, называемыя кольскими раковинами. Самая же губа Ура можетъ быть особенно выгодна, когда здѣсь разовьется сельдяной промыселъ. Сюда заходятъ сельди иногда такими массами, что промыселъ ихъ обогатилъ бы мѣстныхъ жителей, если бы поближе былъ рынокъ для сбыта этого продукта. За сельдями въ губу заходятъ киты и акулы. Послѣднихъ, какъ мы видѣли, бьютъ колонисты. Въ Мотовской, Урской и Кольской губахъ добывается такимъ образомъ до 3890 пуд. акульяго сала, сбываемаго норвежцамъ. Китовый промыселъ у насъ не развитъ вовсе, хотя тутъ-же норвежскіе китоловы собираютъ подъ самымъ носомъ у русскихъ обильную добычу.

Пароходъ «Качаловъ», выйдя изъ Урской губы, принялъ курсъ прямо на сѣверъ къ мысу Сергѣевъ Наволокъ, гдѣ находится большая факторія Паллизена. На этотъ разъ мнѣ не удалось осмотрѣть Мотовскій заливъ, составляющій рядъ превосходныхъ гаваней для стоянки самыхъ большихъ морскихъ судовъ. Таковы губы Ара, Вичина, губа Лица, съ колоніей у устья р. Лицы, впадающей въ ея вершину, и съ становищемъ у ручья Малая Лица; губа Титовка, губа Кутовая и Малая Мотка, близъ которой Средній полуостровъ, съуживаясь, образуетъ перешеекъ не болѣе версты длины. На противоположной сторонѣ его глубоко врѣзался въ материую землю Малый Волоковой заливъ. Между его вершиной и Кутовою губой—самое узкое мѣсто этого перешейка. Съ сѣверной стороны, Средній полуостровъ точно также съуживается въ перешейкѣ, отдѣляющемъ его отъ полуострова Рыбачьяго и образую-

щимся съ западной стороны Большою Волоковою губой и Новоземельскою въ восточной.

Новоземельская гавань такъ названа графомъ Литке по имени его брига «Новая Земля». Прежде, полуостровъ Рыбачій означался на картахъ въ видѣ острова, и Рейнеке находитъ съ своей стороны весьма возможнымъ, что въ то время этого узкаго перешейка не существовало вовсе, а находился проливъ, соединявшій губу Б. Волоковую съ Новоземельскою. По мнѣнію моему, выведенному изъ изученія мѣстныхъ картъ и разспросовъ здѣшнихъ жителей, этотъ проливъ находился именно тамъ, гдѣ вершины двухъ губъ сближаются на 235 сажень. У вершины Большой Волоковой губы на перешейкѣ стоитъ утесъ Кекуръ, имѣющій видъ треугольника въ 250 фут. высоты. «Западный берегъ его, говоритъ Рейнеке, отвѣсный и навислый, носитъ слѣды сильной разрушающей причины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вдаются въ него глубокія впадины или пещеры. Въ другихъ стоятъ отдѣльно островерхіе отпрядыши. Подошва усѣяна множествомъ большихъ и малыхъ обломковъ, и вообще все имѣетъ такой видъ, котораго нельзя приписать ничему иному, какъ дѣйствію сильно въ него ударявшаго въ теченіе многихъ лѣтъ моря (когда слѣд. самая почва была покрыта водою). Отъ N, W и S окружена гора сія кругообразными, почти единоцентренными грядами кругляковъ, каковые встрѣчаются обыкновенно на заплескахъ моря. Гряды сіи простираются почти до высоты 25 сажень отъ поверхности воды. Смотря на нихъ, наипаче же сверху, невозможно сомнѣваться, чтобы онѣ положеніемъ своимъ не были обязаны морю, ибо нельзя вообразить себѣ въ природѣ иной силы, которая бы такія груды камней могла расположить столь правильнымъ образомъ... Къ O и SO отъ этого утеса между восточнѣйшею губою и гаванью лежатъ низменныя мѣста, покрытыя болотами и озерами, содержащими въ себѣ однако же прѣсную воду. Западный берегъ другой губы идетъ отъ NNW и SSO обрубомъ, которому соотвѣтствуетъ точно такой же обрубъ отъ западнаго берега гавани къ NNW, простирающійся и образующійся длинный и узкій оврагъ, во время прилива наполняющійся водою. Эти обрубы между собою не сходятся на ½ версты. Возвышенное мѣсто, ихъ раздѣляющее, покрыто частымъ березнякомъ, къ N и S отъ этой возвышенности простираются болотистыя мѣста, усѣянныя озерами, изъ коихъ ближайшія къ морю соленыя».

Существованіе нѣкогда пролива тамъ, гдѣ нынѣ находится узкій перешеекъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что пониженіе Сѣвернаго океана признается многими научными авторитетами. По Мурману часто находятъ у утесовъ изъ сливнаго гранита такія же гряды кругляковъ, доказывающія, что море прежде доходило до этой черты, а на каменныхъ

валахъ берега есть замѣтные слѣды, происшедшіе отъ тренія плавучихъ льдовъ. По словамъ одного лоцмана, на островѣ Калгуевѣ есть три заплеска, одинъ надъ другимъ на сажень и болѣе, а на Новой Землѣ старый сгнившій плавникъ *) встрѣчается на большомъ разстояніи отъ берега.

Прорытіе канала чрезъ этотъ перешеекъ, который въ самомъ узкомъ мѣстѣ соединилъ бы губу Б. Волоховую съ Новоземельскою, принесетъ громадныя выгоды торговлѣ съ Норвегіей и мурманскимъ промысламъ. Несмотря на мнѣніе, выраженное экспедиціей изъ петербургскихъ чиновниковъ, присланной на Мурманъ въ 1872 году, что проведеніе такого канала безполезно, я беру на себя смѣлость утверждать противное и, между прочимъ, указываю на общее мнѣніе всѣхъ поморскихъ судохозяевъ, всѣхъ мурманскихъ колонистовъ и промышленниковъ, и всѣхъ колянъ. Во всякомъ случаѣ, сокращеніе пути на 280 верстъ, составляющихъ протяженіе береговъ Рыбачьяго полуострова, немаловажное удобство для парусныхъ судовъ нашего мурманскаго и кемскаго торговаго флота. Что же касается до трудностей, представляемыхъ особенностями этого перешейка, для лицъ, которыя взялись бы за проведеніе канала, то я позволяю себѣ усомниться въ нихъ. Дѣло въ томъ, что вездѣ, во всѣхъ пунктахъ этого отдаленнаго края мнѣ смѣялись въ глаза, когда я указывалъ на эти, заявленныя экспедиціей, трудности. Оказывалось, напротивъ, что мѣстныя условія еще облегчаютъ соединеніе двухъ противоположныхъ губъ. За мойвой теперь промышленники иногда должны объѣзжать весь Рыбачій полуостровъ Кромѣ того, напримѣръ, въ Большой Волоковой губѣ въ настоящемъ году былъ необыкновенно обильный промыселъ, но имъ воспользовалось очень мало народа, такъ какъ нужно было огибать тотъ же Рыбачій полуостровъ, что, противъ вѣтра,— оказалось невозможнымъ. Прорыть каналъ тѣмъ легче, что между двумя избранными пунктами на восточн. и западн. берегахъ этого перешейка лежитъ цѣлый рядъ озеръ. Уровень Варангеръ-фьорда (Васинскаго залива) выше уровня Мотовской губы. Широкаго прохода и не требуется; для промысловыхъ судовъ нужна узенькая бить воды, что обошлось бы очень дешево. «Будь это у норвежанъ, давно бы сдѣлали и каналъ и приводы. Только у насъ о промышленникахъ нисколько не думаютъ», говорятъ повсюду на Мурманѣ—и говорятъ весьма основательно.

Эти берега имѣютъ особенное значеніе для лопарей Мотовскаго погоста. Сюда нерѣдко море выбрасываетъ по нѣсколько штукъ китовъ, ко-

*) *Плавникъ* лѣсъ, вынесенный одною изъ сѣверныхъ рѣкъ въ океанъ и прибиваемый къ Калгуеву или Новой Землѣ.

выдавшіяся шиферныя скалы съ серебряными пятнами лишайника и бѣлыми массами пѣны отъ всплесковъ волнъ, разбивающихся внизу замѣтнымъ буруномъ. Глубина дна позволяетъ причаливать большимъ судамъ почти къ самой пристани.

Еще издали въ факторіи замѣтна была суетливая возня. Толпа рабочихъ катила въ амбары какіе-то боченки, лежавшіе рядами на пристани. Прямо у лѣстницы, которая вела къ платформѣ съ моря, вздымался на волнахъ листерботъ, да нѣсколько шнякъ сгружали тутъ же привезенную съ собою рыбу. Въ толпѣ бродили довольно порядочно одѣтые прикащики, а позади виднѣлись такія же толпы рабочихъ, занятыхъ другимъ уже дѣломъ. Вокругъ факторіи ложились скалы, изрытыя щелями и трещинами, покрытыя эрратическими камнями, а кое-гдѣ улыбались небольшія разбросанныя пятна и черточки свѣжей зелени. Въ другихъ пунктахъ эрратическіе камни лежали на горномъ известнякѣ, не отдѣляясь отъ него ничѣмъ. Еще далѣе—синѣли какіе-то неопредѣленные очерки береговъ и внутреннихъ холмовъ страны, слившіеся въ одну трудно различимую полосу.

Я такъ много слышалъ о факторіи Паллизена, что, разумѣется, тотчасъ же воспользовался любезнымъ предложеніемъ г. Мильбаха вмѣстѣ съ нимъ съѣздить на берегъ и разсмотрѣть все подробно.

Первое слово, услышанное мною въ факторіи—было норвежское. Первый человѣкъ, къ которому я обратился съ вопросомъ—не понималъ меня вовсе. Только спустя полчаса я, наконецъ, нашелъ иностранца, который умѣлъ кое-какъ объясняться на смѣшанномъ жаргонѣ изъ русскихъ и норвежскихъ словъ. Оказалось, что никто изъ прикащиковъ факторіи не говоритъ иначе, какъ по-норвежски, и лицъ, знающихъ русскій языкъ и вступающихъ съ русскими въ близкія отношенія, почему то *удаляютъ* изъ факторіи. Но объ этомъ послѣ.

Въ блокгаузѣ помѣщаются квартира управляющаго дѣлами г. Паллизена на Мурманѣ, норвежца Ульсена, амбары и лавка. Въ этой послѣдней было все, начиная отъ обуви, платья, и кончая съѣстными припасами. Факторія отсюда снабжаетъ предметами потребленія не только окрестности, но и самую Колу. Въ этомъ единственномъ на Кольскомъ полуостровѣ городѣ, когда мы туда пріѣхали, не было ни мяса, ни масла, ни солонины, ни овощей, ни крупъ. Оставалась только мука да соленая рыба. Зато у Паллизена можно было достать все и по самымъ сноснымъ цѣнамъ. Странно какъ-то было покупать, напримѣръ, сахаръ (норвежскій—весьма низкаго качества) по 16 к. за фунтъ, тогда какъ въ Архангельскѣ онъ стоитъ до 30 коп. Дѣло въ томъ, что факторія пользуется правами колонистовъ, а слѣдовательно

и правомъ производства безпошлинной торговли. Общій оборотъ магазина при блокгаузѣ, какъ намъ объяснили, простирается до 30,000 рублей въ годъ.

Позади факторіи, возвышается на два ската, крытый дерномъ, земляной амбаръ, гдѣ хранится сало, складываемое для отправки въ Петербургъ и Гамбургъ. Боченки съ саломъ цѣлыми массами занимаютъ платформу. Недалеко, а именно за четыре версты, устроенъ г. Паллизеномъ большой паровой заводъ для добыванія тресковаго медицинскаго жира по норвежскому образцу. Самое производство этого важнаго въ рыбопромышленномъ хозяйствѣ продукта описывается г. Данилевскимъ слѣдующимъ образомъ: «Въ четыреугольную низкую печь въ норвежскихъ заводахъ этого рода) вмазанъ желѣзный котелъ въ $1^1/_2$ аршина въ діаметрѣ, съ нагнутыми внутрь краями, Въ этотъ котелъ вставленъ другой желѣзный же пониже и поуже ($1^1/_4$ арш. въ дл.), съ краями, загнутыми снаружи, которыми онъ накладывается на загнутые внутрь края перваго котла. Въ промежутокъ между двумя котлами наливается вода, которая при приготовленіи жира нагрѣвается до кипѣнія. Въ стѣнѣ наружнаго котла сдѣлано три отверстія съ разныхъ сторонъ: одно внизу, а два—вверху. Въ нижнее вставленъ кранъ для выпусканія воды изъ промежутка между двумя котлами. Въ одно изъ верхнихъ вставлена трубка, доходящая почти до дна котла и оканчивающаяся сверху воронкою для наливанія воды. Въ другое верхнее отверстіе также вставлена трубка, немного лишь нисходящая внутрь котла, снаружи загнутая колѣномъ и опускающаяся въ подставленный боченокъ съ холодною водою, для того, чтобы паръ осаждался тамъ, а не наполнялъ собою комнаты. Во внутренній котелъ кладутъ печенки, непремѣнно самыя свѣжія, отдѣляя отъ нихъ только желчный пузырь и очистивъ кровь. Подъ наружнымъ котломъ разводятъ въ печкѣ огонь, и жиръ начинаетъ вытапливаться при температурѣ кипѣнія воды. Жиръ, всплывающій по верхъ печенокъ, черпываютъ желѣзнымъ ковшомъ и наливаютъ въ цѣдилку, состоящую изъ воронки, сдѣланной изъ прутьевъ или деревянныхъ пластинокъ, въ которую вставляютъ листа два воронкообразно сложенной пропускной бумаги. Изъ этой цѣдилки жиръ протекаетъ на другую, т. е. собственно на кусокъ фланели, слабо натянутой на деревянную рамку, которую кладутъ на обрѣзъ (довольно высокую кадку), куда собирается жиръ. Въ обрѣзѣ жиру даютъ отстояться нѣсколько дней и затѣмъ спускаютъ посредствомъ двухъ крановъ, вдѣланныхъ въ стѣнки обрѣза, одинъ по серединѣ высоты, другой близъ дна. Изъ верхняго крана течетъ жиръ перваго сорта, изъ нижняго—втораго. Жиръ разливаютъ въ маленькіе боченки или прямо въ бутылки».

Такихъ *паровыхъ заводовъ* въ настоящее время на Мурманѣ шесть, тогда какъ еще въ 1870 г. ихъ не было вовсе. Первый устроилъ здѣсь жиротопенный заводъ Паллизенъ, затѣмъ и другіе. Я слышалъ, что въ 1874 г. еще восемь промышленниковъ думаютъ устроить такіе же, только въ небольшомъ размѣрѣ. Простыхъ же жиротопенныхъ заведеній болѣе восьми въ разныхъ губахъ и становищахъ Мурмана. Въ Гамбургѣ, въ послѣднее время, почему-то, чистый, какъ вода прозрачный рыбій жиръ не пользуется уже такимъ авторитетомъ и покупается не столь охотно, какъ мало прозрачный, бѣлый. Говорятъ, что мѣстные медики признали этотъ жиръ болѣе полезнымъ, чѣмъ первый.

При факторіи Паллизена есть и простая салотопня, но мы ее не видѣли. Зато я успѣлъ осмотрѣть подробно казармы для русскихъ рабочихъ и для норвежцевъ, употребляемыхъ на черныя работы. Пришлось подивиться. При такой факторіи эти помѣщенія должны быть, разумѣется, сноснѣе, чѣмъ у другихъ промышленниковъ мурманскихъ, но въ полномъ смыслѣ удовлетворительны только комнаты норвежцевъ. Что же касается до русскихъ, то они живутъ въ грязи и тѣснотѣ. Русскій рабочій получаетъ за пять мѣсяцевъ отъ 50—80 р., т. е. то же, что и у Савина въ Шельпиной губѣ. Работа весною у нихъ—день и ночь. Случается отдыхать по 3 часа въ сутки. «Томитъ», по выраженію крестьянина, съ которымъ я говорилъ. «Такъ тебя разобьетъ всего, что точно ты камень какой. Ни себя не помнишь, ни другихъ не видишь; только оставишь работу, такъ всѣ-то у тебя кости болятъ. Этакъ мѣсяца по три случается. Съ тѣла спадешь, пищу пріймать перестанешь». Бойкое время, въ которое такъ томятъ рабочаго человѣка, требовало бы, въ сущности, двухъ артелей, одну для дня, другую для ночи. Чернорабочіе норвежцы, такіе же неприглядные, да и въ умственномъ и нравственномъ отношеніи стоящіе ниже русскихъ, такъ какъ они или квены, или представляютъ выродившуюся помѣсь чистаго норвежскаго племени съ лапландцами, пользуются особенными преимуществами. Они не работаютъ ночью никогда, да и рабочій день ихъ продолжается не болѣе десяти часовъ, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, обыкновенно же 8 ч. Русскіе же и лѣтомъ, когда работы поменьше, трудятся по четырнадцати часовъ въ день. У нихъ даже и въ условіяхъ съ факторіей помѣщено обязательство работать и днемъ и ночью. Прикащики надъ ними норвежцы. «Къ намъ жалости не имѣютъ, тѣснятъ русскаго человѣка, а своимъ всякую поблажку дѣлаютъ». «Разломило тебя болѣстью, говорилъ другой;—норвежанинъ не повѣритъ,—пока не исчахъ—ступай работать!». Третій только махнулъ рукою, да опасливо оглянулся по сторонамъ. Видно было, что народъ напуганный, приниженный. Далеко

не было той бойкости, того смѣлаго, веселаго вида, какъ у Савинской артели.

— Ну, а кормятъ какъ? спрашиваю.

— Кормятъ ништо. Чай три раза въ день. Мясо по воскресеньямъ.

— А больше мясной порціи нѣтъ?

— Нѣтъ, въ будни рыба да каша.

— Норвежанъ, тѣхъ кормятъ лучше, хоша они и работаютъ меньше.

— Ихъ, какая нужда ни будь, ночью не тронутъ... Спятъ они. А мы напролетъ до утра томимся. Бѣдовое это дѣло. Да что, нужда горькая гонитъ сюда!

— Оно и то обидно, что норвежане съ тобой, какъ со скотомъ какимъ. Вонъ онъ такой же чернорабочій, какъ и мы, а тоже величается, бахвалится. Мы-ста, да я-ста!... Управы не найдешь, потому прикащики всѣ изъ ихнихъ и по нашему не понимаютъ, а главноуправляющій Усовъ (Ульсенъ точно такъ же, какъ Паллизенъ въ устахъ народа—Пальцынъ)—тотъ, только ты ему на норвежанина пожалуешься, такъ и зарычитъ на тебя... Бѣдовое дѣло.

— У насъ какъ только кто изъ прикащиковъ выучится порусски, да съ русскими сойдется, его Усовъ этотъ сейчасъ изъ факторіи вонъ гонитъ. На всѣ четыре стороны.

Тутъ же при факторіи есть помѣщеніе «для чиновниковъ», нѣчто въ родѣ странноприимнаго дома, гдѣ мелкая уѣздная власть кормится и поится на счетъ г. Паллизена. Я сначала думалъ, что въ этой богадѣльнѣ можетъ остановиться каждый желающій.

— У насъ для чиновниковъ, объяснили мнѣ.

Далѣе оказалось, что «чиновники» даже въ складахъ и лавкахъ факторіи пользуются уступкою 7%—10% на всѣ возможные товары.

На Ульсена начинаются жалобы съ того момента, какъ путешественники выходятъ изъ Тириберской губы, и кончаются у границъ Норвегіи. На сколько справедливы онѣ — не знаю, я только убѣдился въ томъ, что этимъ управляющимъ Паллизена недовольны всѣ. Впрочемъ, недовольные отдѣляютъ личность Паллизена отъ дѣятельности его фактотума. «Пальцынъ ему велитъ дѣлать такъ, а онъ этого не исполнилъ». «Пальцынъ не велѣлъ ему этого, а онъ дѣлаетъ». «Супротивъ хозяина идетъ» и т. д. Ульсенъ стѣсняетъ русскихъ промышленниковъ при разсчетахъ за принятую у нихъ рыбу, держитъ ихъ по нѣскольку сутокъ, заставляя терять время; когда же они привозятъ къ нему рыбу, то принимаетъ ее несразу, такъ что промышленники дня по два остаются здѣсь въ бойкій промысловой періодъ. Всѣ рабочіе у него на мѣстахъ получше—норвежцы, только черная работа предоставлена русскимъ. Русскаго промышленника прижимаетъ всемѣрно, русскому колонисту не даетъ хода. Муку онъ продаетъ дорого. Такъ, въ то

время, когда она у Филиппова и у Савина стоила 90 и 95 к. пудъ, факторія Паллизена отдавала ее по 1 руб. на деньги, а на кредитъ еще дороже. Чуть только гдѣ-нибудь въ колоніяхъ маленькій человѣкъ изъ русскихъ начнетъ упрочивать свое благосостояніе и открываетъ какое-нибудь предпріятіе, Ульсенъ сейчасъ же посылаетъ туда своихъ норвежцевъ, они заводятъ торговлю, принимая у него товары на кредитъ, и русскій при такой конкурренціи, въ концѣ-концовъ, разоряется. Кромѣ того, тотъ же Ульсенъ въ такомъ плохо еще устроенномъ, въ административномъ отношеніи, краѣ, какъ Мурманъ, подаетъ скверный примѣръ неуваженія къ закону. Къ лицамъ, выбраннымъ колонистами для своего управленія, относится съ едва понятнымъ пренебреженіемъ. Онъ знать не хочетъ ихъ, занимаетъ мѣста, отведенныя другимъ колонистамъ или подъ колоніи, захватываетъ чужія земли, грозя, въ случаѣ преслѣдованія, обратиться къ Паллизену, авторитетъ котораго, какъ датскаго генеральнаго консула и человѣка вліятельнаго, даетъ ему поводъ дѣлать, что онъ хочетъ, въ этомъ глухомъ и мало посѣщаемомъ уголкѣ. Когда по приговору Мурманской колонистской волости, обязались платить на общественныя нужды колонисты: Филипповъ (6,000 р. обороту)—50 р., Кононовъ (3,000 р. обороту)—25 р., Даль (10,000 р. обороту)—40 р. и Юль (10,000 руб. обороту)—30 р., то на факторію Паллизена (оборотъ по лавкѣ 30,000 р. и по факторіи 100,000 р.) наложили 100 р. Тѣмъ не менѣе, Ульсенъ нашелъ эту цифру непомѣрною и по собственному своему произволу распорядился платить лишь 50 р. Кромѣ того, по отношенію къ сельскимъ колонистскимъ властьямъ Ульсенъ оказываетъ примѣры самаго наглаго неповиновенія. Если бы это еще были обыкновенные безграмотные и пьяные старосты и головы, то подобная невнимательность къ нимъ оправдывалась бы по крайней мѣрѣ сомнительными нравственными свойствами выборныхъ лицъ. Къ счастью, Мурманъ обставленъ иначе. Волостной колонистскій старшина—бывшій купецъ Филипповъ, человѣкъ бывалый, развитой и образованный, кандидатъ его Юль, представительный, умный человѣкъ, который не уронилъ бы себя нигдѣ. Онъ, кажется, получилъ чуть ли не университетское образованіе въ Христіаніи. Ульсенъ направляетъ свои дѣйствія такъ, что норвежцы колонисты считаютъ властью *его*, а не выборныхъ. Понятно, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ такой порядокъ общественныхъ отношеній среди нестройнаго населенія, въ которомъ перемѣшаны самые противоположные и часто враждебные одни другому элементы. Ко всему этому нужно прибавить и то, что Ульсенъ не русскій подданный, даже не колонистъ, а норвежецъ, получающій паспортъ отъ властей сосѣдняго королевства, изъ Вардо-Гуза. Прозирая сельскихъ выборныхъ, Ульсенъ въ то же время старается *ладить* съ кольскими

чиновниками. На сколько самоуправны и произвольны его дѣйствія видно, напримѣръ, изъ того, что въ колоніи «Зубовскіе острова» онъ захватилъ подъ постройку мѣста у колонистовъ и на вмѣшательство волости отвѣтилъ ссылкою на авторитетъ и вліяніе г. Паллизена. Кромѣ того, въ довершеніе всѣхъ своихъ прелестей, г. Ульсенъ служитъ здѣсь проводникомъ, факторомъ торговли ромомъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Общій валовой оборотъ факторіи Паллизена, по показаніямъ Ульсена, 60,000 р., по общему же убѣжденію на Мурманѣ, и по свидѣтельству лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ—180,000 р., на которые въ прошломъ году чистаго дохода получено было 8,000 рублей, не смотря на то, что управляющій на все беретъ *хорошій* процентъ и даже избѣгаетъ уплачивать пошлины за рыбу норвежскаго лова въ Петербургѣ, выдавая ее за мурманскую, которой бываетъ на его судахъ только часть. Что-то есть непонятное и сомнительное во всемъ этомъ. Мы не знаемъ г. Паллизена, но полагаемъ, что дѣлаемъ ему важную услугу, разоблачая дѣйствія его повѣреннаго на дальнемъ Сѣверѣ, извращающія назначеніе его факторіи и пагубно отзывающіяся на благосостояніи окрестнаго района. Повторяемъ, что жалобы на это мы слышали *всюду, куда ни заѣзжали*; заявляли намъ объ этомъ и купцы, и судохозяева, и покрученники, и колонисты, и священники, и чиновники, и даже лопари.

Недалеко отъ факторіи Паллизена, саженяхъ въ пятидесяти, стоитъ большая изба колониста-финна, переселившагося сюда изъ Урыгубы. У него пять коровъ, два большіе быка. Скотъ содержится прекрасно, въ чистыхъ хлѣвахъ. Изба состоитъ собственно изъ трехъ отдѣленій—чистой горницы, хлѣва и сѣней между ними. Въ этихъ сѣняхъ спятъ, для чего устроенъ родъ яслей. Двери изъ сѣней въ хлѣвъ не запираются вовсе. Въ горницѣ все дышетъ довольствомъ и трудомъ. Толстыя, здоровенныя дѣти не пятились при нашемъ входѣ, не прятались за матушкину юбку. На ихъ лицахъ—неизбѣжные слѣды золотухи. Полки вокругъ стѣнъ заняты подъ молоко и сливки. То и другое помѣщается не въ кринкахъ, а точно въ крышкахъ изъ круглыхъ посудинъ. Въ этой деревянной крышкѣ умѣстится не болѣе $^3/_4$ одной кринки. Стоитъ же она 10 к., а сливки—40. При такихъ цѣнахъ, еще возвышаемыхъ скопляющимися здѣсь промышленниками,—скотоводство должно быть признано особенно выгоднымъ промысломъ. Дальше Подъ-Шеей есть колонисты еще болѣе въ этомъ отношеніи состоятельные. У нихъ на каждаго члена семьи приходится по двѣ коровы. Колонистка, хозяйка дома — красивая женщина, лѣтъ подъ тридцать, съ веселою улыбкою на лицѣ и мускулистыми мужскими руками. У нея въ въ гостяхъ былъ фильманъ изъ Пазвига, мрачная и

несообщительная, длинная фигура, вся сгорбившаяся, въ длинномъ синемъ балахонѣ и необыкновенной шапкѣ, похожей на уланскій киверъ. Разсказъ хозяйки о страданіяхъ на родинѣ былъ очень трогателенъ. Она очень счастлива теперь, пользуясь такимъ благосостояніемъ, о которомъ дома и не мечтала. Въ своихъ коровъ добрая женщина кажется была влюблена и во всякомъ уже случаѣ больше ихъ холила чѣмъ дѣтей. Эти впрочемъ съ раннихъ лѣтъ умѣютъ уже сами о себѣ заботиться и мало нуждаются въ чужой помощи.

Пароходъ ждалъ насъ. Нужно было ѣхать. Мы, не досмотрѣвъ факторіи, отправились и чуть было не разбились объ одинъ изъ береговыхъ утесовъ, когда сильнымъ прибоемъ волнъ нашу лодку швырнуло къ шифернымъ горбамъ, выступавшимъ на отвѣсныхъ спускахъ, подводныя стѣны которыхъ обросли длинными нитями грязнозеленоватаго цвѣта, колыхавшимися по теченію.

Когда мы взошли на палубу, — оказалось, что пароходъ простоитъ здѣсь два часа. Мѣстный мировой посредникъ сидѣлъ еще у Ульсена, ожидая когда этому мурманскому царьку угодно будетъ кончить свои письма. Болѣе сотни пассажировъ въ дурную погоду должны были такимъ образомъ оставаться въ скверной, открытой со всѣхъ сторонъ гавани. Подобные случаи, впрочемъ, здѣсь нерѣдкость. Говорятъ, что разъ г. Ульсенъ задержалъ такимъ образомъ пароходъ «Великій Князь Алексій» на 14 часовъ, въ теченіе которыхъ капитанъ его, норвежецъ прохлаждался въ факторіи за бутылкою золотистаго хереса, а управляющій г. Паллизена справлялся съ своей корреспонденціей. Наконецъ пассажиры послали въ факторію подшкипера, который заявилъ, что на параходѣ происходитъ «большое бунтованіе» и, спустя часъ послѣ того, г. Александеръ съ драгоцѣнною корреспонденціей Ульсена явился на палубу. Г. Мильбахъ впрочемъ поступилъ лучше и хорошо проучилъ посредника. Когда отвалила лодка съ послѣднимъ отъ берега къ пароходу, Мильбахъ далъ сигналъ полнаго хода, и пароходъ вышелъ въ открытое море, гдѣ и остановился; лодкѣ пришлось грести съ часъ. Она уже почти приставала къ борту «Качалова», когда г. Мильбахъ опять далъ полный ходъ и между нами и посредникомъ легло разстояніе версты въ двѣ. Такой маневръ повторялся три раза. Наконецъ управляющій пароходомъ умилосердился и впустилъ посредника. Надо было видѣть безсильную злость, смущеніе и бѣшенство послѣдняго!

Отсюда «Качаловъ», вдоль довольно низменныхъ береговъ Рыбачьяго полуострова, направился къ губѣ *Вайда*. Мы прошли мимо колоніи Зубовской, разбросанной на островахъ того же имени, Въ бинокль можно было разсмотрѣть вдали только двѣ или три шкуны, да нѣсколько елъ, промышлявшихъ при выходѣ изъ залива. За ними сѣрѣли

какія-то неопредѣленныя очертанія и холмы... На высотѣ мыса Скорбѣева мимо насъ прошло паровое судно. Небольшіе размѣры его и оригинальная оснастка поставили насъ втупикъ.

— Что это?

— Норвежскій китоловъ, объяснилъ кто-то.

— Это онъ пробирается подальше къ востоку, китовъ бить.

— Куда же къ востоку?

— Вѣрно въ Карское море.

— А русскіе туда ходятъ?

— Ни одного. Наши мореходы считаютъ это море недоступнымъ для плаванія. — Поднялся смѣхъ.

— Чего смѣетесь! надъ собою смѣетесь! Развѣ мы бы не ходили туда, коли бъ у насъ паровыя суда были?—вступился поморъ.—Неужли же я на своей лодьѣ пойду туда! ужь лучше прямо разогнаться да—въ скалы, одинъ конецъ. Не такъ вы разсуждаете, господа. Не мы виноваты, а бѣдность наша, да необразованіе. Будь деньги и мы бы паровики эти позаводили.

V.

Отъ Вайдо-Губы до норвежской границы.

Обогнувъ мысъ Кекуръ, пароходъ вошелъ въ губу Вайду, составляющую NW конецъ Рыбачьяго полуострова. Пологіе берега образовали большой вогнутый овалъ, по краямъ котораго широкою полосою лежитъ пѣна и выброшенная моремъ тура. Все передъ нами покрыто зеленью до самаго горизонта, гдѣ материкъ нѣсколько всхолмливается. Направо въ ложбинѣ пасется многочисленное стадо, налѣво тянется рядъ построекъ, которыя бы заняли почетное мѣсто въ любомъ сѣверорусскомъ городѣ.

— Что это такое?.. спросилъ я.

— Колонія Вайда.

Я сейчасъ же съѣхалъ на берегъ. На встрѣчу лодкѣ вышелъ высокій, прекрасно одѣтый и весьма представительный норвежецъ, говорившій, какъ оказалось, по-нѣмецки и по-французски. Это былъ принявшій подданство Россіи колонистъ Юль, занимающійся здѣсь рыбными промыслами и торговлей. Онъ живетъ въ прекрасномъ, комфортабельномъ домѣ, отлично отдѣланномъ внутри и снабженномъ всѣмъ необходимымъ для цивилизованнаго человѣка. Рядомъ тоже довольно приличный домъ Волостнаго Правленія. Дальше—линія красивыхъ построекъ, гдѣ живутъ колонисты.

За то у самаго берега—знакомый рядъ полуразрушенныхъ, сѣверныхъ гнилушекъ съ двумя, тремя разбитыми окнами, дырявыми крышами, да разрѣшетившимися срубами стѣнъ. Это становище лѣтнихъ промысловыхъ артелей, пріѣзжающихъ сюда изъ Онежскаго уѣзда. Они и сами, сравнительно съ колонистами, глядятъ какими-то жалкими, приниженными, голодными. Вотъ, напримѣръ, идетъ толпа ихъ. Всѣ глядятъ въ землю. Ни громкаго слова, ни веселой пѣсни. На плечахъ лохмотья, ноги двигаются какъ-то криво. Точно толпа потеряла что-то и ищетъ по землѣ.

— Каковъ ловъ?

— Ловы пока разные. Треска плохо шла, а сайда—дородно.

— Помногу ли на брата заработали?

— Какія цѣны будутъ!

— У насъ, братъ, хоть какой уловъ будь—все едино. Все въ хозяйскій карманъ уйдетъ, ничего не останется намъ; вода, бываетъ, какъ каша загустѣетъ рыбой, а покрученнику развѣ грошъ перепадетъ, а больше ничего.

— Бывали такіе годы, опослѣ зимней голодовки, что женкѣ и на ленту не хватитъ со всего-то промысла.

Внутри ихъ становъ мерзость запустѣнія доходитъ до ужаса, точно въ ночи видишь какой-то кошемаръ передъ собою. Чернота, вонь, гадость самая омерзительная. *Грязь эта по мордѣ бьетъ*, мѣтко говорили промышленники. Дѣйствительно, она била въ лицо. Прибавьте къ этому въ вайдогубскихъ станахъ еще и рыбу, которая виситъ тутъ же (на варю) и парашки, стоящіе въ самой комнатѣ.

Мы вышли отсюда одурманенные. Тутъ же есть *землянки* болѣе бѣдныхъ колонистовъ, но тамъ несравненно лучше. Полъ убитъ и покрытъ рогожами и настилкой. Все педантически чисто. Разумѣется насколько можетъ быть чисто у рыбаковъ, у которыхъ самыя занятія развиваютъ неопрятность. Ни вони, ни чаду. Воздухъ провѣтренъ и сами колонисты глядятъ весело. Платье на нихъ прочное, ему и износу нѣтъ. Въ одной землянкѣ пили кофе, въ другой обѣдали. И въ томъ и въ другомъ случаѣ вся семья была въ сборѣ. Нужно взглянуть на эти лица, полныя надежды на будущее, чтобы понять всю разницу между ними и покрученниками.

Въ окрестностяхъ колоніи заготовлены большіе стоги сѣна и неменѣе большія груды сухаго торфу, который здѣсь употребляется для топки печей. Почти каждый колонистъ владѣетъ нѣсколькими коровами и самъ заготовляетъ сѣно для нихъ въ ближайшихъ къ колоніи лугахъ. Трава здѣсь необыкновенно густа, скотъ крупнѣетъ и жирѣетъ, особенно бараны.

— Это у насъ *дичь*, замѣтилъ кто-то. Всѣ промышленники засмѣялись.

— Точно, что рябы *).

Оказывается, что на барановъ охотятся промысловыя артели, желая хоть чѣмъ нибудь оразнообразить свой столъ. Колонисты поэтому тщательно слѣдятъ за своими стадами, но отъ голоднаго человѣка не убережешься.

Во время нашего посѣщенія Вайдо губы въ колоніи жилъ финскій пасторъ, объѣзжающій россійскій Мурманъ, для совершенія требъ, Съ нимъ вмѣстѣ путешествовала молоденькая дѣвушка— его дочь, улыбающееся личико которой пріятно было встрѣтить въ этой глуши. Пасторъ бываетъ здѣсь разъ въ годъ; онъ могъ бы принести громадную пользу, еслибы ему позволили заявлять о нуждахъ колонистовъ администраціи. Въ числѣ здѣшнихъ колонистовъ есть, къ сожалѣнію, народъ весьма неблагонадежнаго свойства. Они мѣняютъ одну колонію на другую, пока не разорятся совсѣмъ.

Во время перваго посѣщенія Вайдо-губы, мнѣ бросился въ глаза прекрасный и большой деревянный домъ, выстроенный по норвежскому образцу. Спрашиваю о хозяинѣ: оказалось, что онъ нѣкогда былъ богатымъ колонистомъ, но спился съ кругу, проворовался, былъ посаженъ въ тюрьму и теперь выпущенъ. Не успѣлъ еще мой спутникъ разсказать объ этомъ, какъ изъ дверей дома выдвинулась какая-то громадная, шатавшаяся на ногахъ фигура съ краснымъ, обрамленнымъ черною бородою лицомъ. Онъ бормоталъ что-то по-своему, кидая на насъ крайне недружелюбные взгляды.

На улицѣ колоніи мнѣ встрѣтился господинъ офиціальнаго вида одѣтый весьма прилично. Спрашиваю—оказывается мѣстный волостной писарь, какой-то надворный совѣтникъ, служившій во время оно окружнымъ начальникомъ, а теперь правящій дѣлами колонистской волости. Этотъ очень милый и свѣдущій господинъ съ готовностію удовлетворилъ всѣ наши разспросы о положеніи колонистовъ. Я его спросилъ, удовлетворяютъ ли его настоящія занятія. «Еще бы, отвѣчалъ онъ. вѣдь въ канцеляріяхъ да палатахъ разныхъ мы ошалѣваемъ, а тутъ живое дѣло подъ руками, и какое дѣло! Заселяется новый край, открываются отрасли промышленности, не существовавшія прежде. Все закипаетъ жизнью и силой. Приходится быть у источника движенія, а это—и занимательнѣе, и производительнѣе бюрократическаго бумагомаранія.»

Кстати мнѣ вспомнился г. Больманъ, возражавшій на одну изъ моихъ статей, и между прочимъ выразившійся, «что цифры эти не заслуживаютъ довѣрія, потому что онѣ собраны пьяными и глупыми волостными писарями!» Могу увѣрить, что вайдогубскій колонистскій писарь не составляетъ еще особеннаго исключенія въ Архангельской

*) Рябы—рябчики.

губерніи. Кольско-лопарскій писарь Шабунинъ былъ здѣсь членомъ географическаго общества. Онежскій волостной писарь Гунинъ—членомъ корреспондентомъ географическаго общества, а пинежскій—Ивановъ разрабатывалъ мѣстную статистику и участвовалъ своими трудами въ повременныхъ изданіяхъ. Писарь Благовѣщенской волости Шенкурскаго уѣзда, устроилъ тамъ прекрасное ссудосберегательное товарищество. Да это и не единственные примѣры въ томъ же родѣ.

Окрестности Вайдо губы печальны и лишены грандіознаго величія, которое такъ поразительно въ другихъ пунктахъ Мурмана. Зеленѣющая, едва всхолмленная равнина, за которою только въ ясные дни меледятся какіе-то смутные очерки далекихъ горъ и утесовъ. Низменные берега зеленымъ кругомъ охватили вѣчно зыблющійся заливъ, въ самомъ устьѣ котораго лежатъ нѣсколько подводныхъ камней и островковъ, а дальше, вплоть до самаго полюса, тянется неизмѣримый, безконечный просторъ Сѣвернаго океана съ стадами китовъ, одинокими шкунами, затертыми среди его волнъ, да черными утесами, едва приподымающими свои агатовыя головы надъ вѣчно движущеюся поверхностію.

Въ южномъ углу Вайдо-губы бѣжитъ небольшая рѣчонка, впадающая близъ рыбачьяго стана въ море. Здѣсь прежде собирались рыбо-торговцы, такъ что изъ всего полуострова треска доставлялась для сбыта сюда, а потомъ уже развозилась по другимъ рынкамъ. Въ настоящее время въ Вайдо-губѣ, какъ въ самомъ сѣверномъ пунктѣ, Мурмана., полезно было бы устроить станцію для китоловныхъ судовъ, тѣмъ болѣе, что, стоя у мыса Кекура, видишь по всему горизонту струи, взбрасываемыя китами, которые преимущественно принадлежатъ къ самой большой, хотя и малосальной породѣ Balaenoptera longimanis Намъ разсказывали, что, лѣтъ пять назадъ, при выходѣ изъ Вайдо-губы, киты опрокинули двѣ шняки, причемъ отъ неожиданности экипажъ до того растерялся, что спаслись только двое шестеро же промышленниковъ погибло.

Случается, что на вайдогубскій берегъ «выскакиваютъ» киты, по мѣстному выраженію. Норвежскіе ученые полагаютъ, что ихъ выбрасываетъ море, но я позволю себѣ усомниться въ этомъ. Дѣло въ томъ, что между Balaenoptera longimanis и касатками (Delphinus arie, orca, gladiator), тоже изъ семейства китородныхъ, существуетъ вѣчная и непримиримая вражда. Киты перваго вида, встрѣтивъ касатокъ, кидаются отъ нихъ, сломя голову, куда ни приведется, и такимъ образомъ, теряя сознаніе окружающей обстановки, они врѣзываются на бѣгу въ отмелые берега, гдѣ и обсыхаютъ. Страхъ этотъ вполнѣ естественъ. Морскія касатки, нагоняя кита, вырываютъ изъ него у хвоста громадные куски мяса. Морская касатка достигаетъ до 25 футъ длины. Тутъ же являются и гринды или черные дельфины. Впослѣд-

ствіи, эта вражда между земноводными вызоветъ вражду между земнородными: колонистами и мотовскими лопарями. По береговому праву—выброшенный или обсохшій китъ принадлежитъ послѣднимъ, но едва ли и колонисты упустятъ удобный случай пріобрѣсти 200 или по крайней мѣрѣ 100 руб., завладѣвъ добычею, такъ предупредительно явившеюся вблизи ихъ жилья. Одинъ кольскій промышленникъ разсказывалъ мнѣ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ погони нарвала за китомъ. Онъ промышлялъ верстахъ въ десяти отъ губы Уры въ открытомъ океанѣ, какъ вдругъ по правую и по лѣвую сторону его шняки, почти сжавъ ее своими боками, промчались два громадные кита съ плавниками. Не успѣлъ еще онъ и опомниться, какъ съ разбѣгу въ его лодку чуть-чуть не ударился нарвалъ, гнавшій громадныхъ чудовищъ. Сообщаю объ этомъ только потому, что многіе весьма почтенные натуралисты отрицаютъ вражду между Monodon monoceros (нарваломъ и китородными).

— Почему-жь ты знаешь, что это нарвалъ?

— Какъ мнѣ не знать, онъ и копье свое поверхъ воды держалъ. Ну, я какъ вернулся на берегъ, сейчасъ Господу Богу за спасеніе душъ христіанскихъ три креста срубилъ и на самой высокой горѣ острова Шалима поставилъ. Разъ киты такъ-то, съ разбѣга, чуть шкуны не перевернули. Какъ она удержалась—Господь вѣдаетъ.

За что получилъ, за то и отдаю.

Въ Вайдо-губѣ намъ пришлось встрѣтить одного пьянаго колониста, просившаго милостыню. Это первый случай нищенства между переселенцами. Мы разспросили—оказался корелъ.

— Не давайте, предупредили насъ.—Эти корелы самый скверный народъ. Лѣнивы, пьянствуютъ, нечестны. Теперь выдадутъ ему, какъ колонисту, пособіе въ 150 р., что же бы вы думали,—построитъ онъ себѣ избу, лодку, снасть заведетъ? Нѣтъ, онъ, шельма, накупитъ чаю, сахару, крупы, кренделей, рому. Проѣстъ и пропьетъ все, тогда въ долгъ живетъ, или идетъ въ покрученники.

Я не могу объяснить этого испорченностію кореловъ. Дѣло въ томъ, что несчастные на своей родинѣ не ѣдятъ цѣльнаго хлѣба и въ праздники. Тутъ, за случивъ кучу денегъ, они кидаются сразу на то, о чемъ мечтали всю жизнь, на лакомую и обильную пищу. А всякій переселенецъ вѣритъ въ удачу. Промыселъ-де придетъ—поправлюсь, а теперь попраздную вволю. И начинаетъ праздновать до тѣхъ поръ, пока въ карманѣ не останется ни гроша и на промыселъ выйти не съ чѣмъ. Всякій разъ, когда мнѣ говорили такимъ образомъ объ испорченности лопарей и кореловъ, я просилъ указать мнѣ хотя на одно преступленіе, которое было бы совершено ими на Мурманѣ. Тогда обвинители отдѣлывались неопредѣленными фразами, что «мы-де ихъ знаемъ, потому на глазахъ», или «что ужь и говорить, помилуйте — самые глупые

люди», или «прежній народъ, хоша у кого спросите». Но ни одной ссылки на дѣйствительный фактъ.

Изъ Вайдо-губы пароходъ, не заходя въ Варангерскій заливъ, принялъ курсъ прямо на сѣверо-западъ, къ норвежскому городу Вардо, или Варде-хузъ. Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи мнѣ удалось посѣтить становища, лежащія по этому заливу, и потому я сообщу о нихъ здѣсь общія свѣдѣнія, считая нужнымъ только предупредить, что о колоніяхъ и колонистахъ всего Мурманскаго берега, а слѣдовательно и Варангеръ-фіорда, будетъ подробно сказано въ слѣдующей главѣ.

Варангерскій заливъ (Warangerfiörd) лежитъ между берегами Рыбачьяго полуострова съ одной и Восточнымъ Финмаркеномъ (округи Вадсе'скій и Вардехуз'скій) съ другой стороны. Прежде онъ почти весь принадлежалъ Россіи до Ганвика, но вслѣдствіе недобросовѣстности нѣкоего чиновника—Галямина, западный берегъ Варангеръ-фьорда, съ лучшими на Мурманѣ промысловыми мѣстами, золотоносными рѣками и превосходными губами и бухтами проданъ Норвегіи. Взяточникъ Галяминъ былъ уполномоченнымъ россійскаго правительства, а коммиссаръ Мейнандеръ шведско-норвежскаго, при опредѣленіи въ 1826 году границы между двумя сосѣдними странами. Галяминъ отрѣзалъ къ Норвегіи весь южный берегъ Варангеръ-фьорда. Г. Дрежевецкій («Знаніе» 1872 года) оправдываетъ Галямина инструкціями, полученными имъ отъ графа Нессельроде. Мы слышали, что эти инструкціи, опредѣляя общія начала разграниченія, предоставляли многое личному усмотрѣнію уполномоченнаго. Но честь, преданность отечеству и интересамъ роднаго края должны были побудить Галямина сдѣлать съ своей стороны соотвѣтствующія заявленія о необходимости оставить за Россіей этотъ богатый берегъ. Къ сожалѣнію, у Галямина не нашлось ни чести, ни преданности отечеству, а судя по преданію, извѣстному всему сѣверу, была только непомѣрная жадность. Дѣло кончилось тѣмъ, что Галяминъ, отъ имени Россіи, уступилъ лучшую часть спорной земли Норвегіи, заполучивъ при этомъ (тутъ уже начинается легенда), по однимъ, боченокъ съ золотомъ, по другимъ, боченокъ съ пескомъ, только сверху прикрытымъ золотомъ. Такимъ образомъ, былъ порѣшенъ почти столѣтній споръ между Россіей и Норвегіей, споръ, изъ-за котораго лилась родная кровь, который поддерживался пламеннымъ предстательствомъ св. Трифона Печенгскаго, ради котораго пылали монастыри, города и села. Благородный Галяминъ, за такое удачное разрѣшеніе гордіева узла, получилъ великія и богатыя милости въ видѣ чина и орденовъ, а нѣсколько сотъ лопарей и русскіе промышленники разорились окончательно. Россія имѣла полнѣйшее право на Пазрѣцкій и Нявдемскій заливы. Это видно изъ того, что они были заняты русской колоніей преподобнаго Трифона—въ то время, когда они *никому* не принадле-

жали и только *въ сосѣдствѣ* жили норвежцы. Трифонъ, прожившій 60 лѣтъ въ Лапландіи, самъ изслѣдовалъ всѣ берега и мѣста Пазрѣки, Пазы и Нявдемы, *взялъ ихъ во владѣніе для русскихъ* и даже опредѣлилъ пункты будущихъ поселеній. Это занятіе было въ 1556 году оформлено жалованною граматою, которою вся эта земля была отдана вмѣсто руги и вмѣсто молебныхъ и панихидныхъ денегъ игумену Печенгскаго монастыря Гурію съ братіей. Норвежцамъ эта жалованная грамата *была извѣстна и они не протестовали*, признавъ актъ вполнѣ законнымъ. Положимъ, уступлена незначительная, но за то самая выгодная, самая промысловая, самая теплая и богатая часть Мурмана, гдѣ норвежцы тотчасъ же позаводили факторіи, построили превосходныя кирки, лавки, школы и иное. Позвольте узнать, наконецъ, если они считали своею собственностью эту землю — почему они не селились на ней тогда, до этого необъяснимаго факта добровольной уступки. Дѣйствительное право норвежцецъ на Пазу и Нявдему основывается на томъ, что шайки ихъ во время оно грабили здѣсь русскихъ промышленниковъ. Но вѣдь на такомъ основаніи норвежцы имѣютъ право на обладаніе всею Европой, которую когда-то грабили ихъ предки Викинги. Съ 16-мъ столѣтіи норвежцы сами считали своею границею тотъ пунктъ, гдѣ расположена крѣпость Вардегузъ, которую они тогда же и выстроили для охраненія *границы*. Какое же еще послѣ того спорное право? Тутъ было прямое и безусловное право собственности. Въ 16-мъ столѣтіи крѣпость эта состояла изъ деревянной стѣны съ бойницами, а въ 1735 году она была вновь возобновлена и на томъ же все-таки мѣстѣ, въ видѣ осьмиугольнаго шанца въ 100 саженъ въ квадратѣ и вооружена 32 пушками. Наша же батарея находилась въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу, въ становищѣ Шапкино въ губѣ Нявдемѣ. Значитъ истинная пограничная черта находится между этими пунктами, а не тамъ, гдѣ она проведена теперь. Г. Држевецкій находитъ такой раздѣлъ, между прочимъ, выгоднымъ для Поморья, потому что онъ послужилъ поводомъ къ разрѣшенію русскимъ торговать хлѣбомъ съ Норвегіей. Могу увѣрить почтеннаго доктора, прекрасныя путевыя записки котораго («Знаніе» 1872 года, №№ 1, 2 и 3-й) пользуются на Сѣверѣ вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ, что на этотъ разъ онъ ошибся. Торговля русскимъ хлѣбомъ для норвежцевъ вдвое выгоднѣе, чѣмъ для русскихъ, какъ это и будетъ замѣчено, когда мы станемъ говорить о городахъ Вардэ и Вадсе. Это право похоже на то, еслибы я благодушно разрѣшилъ кому нибудь давать мнѣ хлѣбъ для продовольствія и класть мнѣ деньги въ карманъ на мелочные расходы. Полагаю, что въ этомъ случаѣ великодушіе мое не заслуживало бы лавроваго вѣнка. Насколько же выгоденъ русскимъ подданнымъ ловъ въ норвежскихъ водахъ, на что также ссылается г. Држевецкій, то объ

этомъ я говорилъ вполнѣ достаточно. Не думаю, чтобы и тутъ норвежцы заслужили Монтіоновскую премію за христіанское смиреніе и добродѣтель. Мы имѣли бы право ловить въ этихъ водахъ рыбу, какъ въ предѣлахъ собственнаго отечества, не спрашиваясь у норвежскаго правительства, и не подвергаясь самодурству и произволу его лендсменовъ, которые въ этомъ отношеніи еще почище русскихъ становыхъ. Если бы даже оно и не мѣшало нашимъ финнамъ и лопарямъ промышлять тамъ (а какъ оно не мѣшаетъ, видно выше), то право это было бы только слабою отплатою за китобойные промыслы въ *нашихъ* моряхъ, каковы Карское, и въ *нашей* части Ледовитаго океана, за ловлю наживки въ *нашихъ* Мурманскихъ губахъ и за въ высшей степени пагубный для насъ, промыселъ морскихъ звѣрей, производимый тѣми же великодушными норвежцами на *нашей* Новой Землѣ (см. выше). Полагаю, послѣ всѣхъ этихъ соображеній, съ норвежскихъ благодѣяній можно пообавить цѣну и хищные инстинкты этого практическаго народа не идеализировать. Все это происходитъ потому, что иногда и весьма почтенные путешественники пользуются въ такихъ случаяхъ норвежскими источниками.

Берега Рыбачьяго полуострова, составляющіе восточную линію Варангеръ-фьорда, не подымаются выше 30 сажень и то только въ рѣдкихъ пунктахъ, одиночными утесами. Преимущественно же тянутся низменными шиферными выступами, образуя здѣсь много заливовъ и мысовъ. За Большою Волоковою губой берега еще положе. Полуостровъ Средній подходитъ къ океану тундристыми отмелями, но уже южная часть малой Волоковой губы образуетъ сравнительно значительныя высоты. Крутыя гранитныя горы отдѣльными вершинами вздымаются повсюду; чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ выше и круче. Здѣсь, особенно въ уступленныхъ Норвегіи берегахъ, находятся глубокія, превосходно защищенныя бухты и заливы съ безопасиѣйшими мѣстами для стоянки кораблей.

Въ Большомъ Волоковомъ заливѣ (по норвежски Wester-Barmansfiörd) находятся двѣ прекрасныя колоніи Земляная и Червяная. Первая, лучшая на всемъ Мурманѣ, состоитъ исключительно изъ переселившихся сюда финновъ. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ остановимся на ней въ главѣ, посвященной колонизаціи Кольскаго полуострова. При выходѣ изъ Большой Волоковой губы лежатъ два острова, Большой и Малый Айновы, первый—четыре кв. версты, второй—двѣ. Это просто гранитныя, разорванныя скалы, унылыя и безлюдныя, открытыя сѣверному вѣтру, посѣщавшіяся нѣкогда лопарями, пока они не составляли оброчной статьи. На нихъ лежитъ слой торфа, толщина котораго отъ одного фута доходитъ до сажени. Кое-гдѣ въ сочныхъ логахъ тянутся небольшія, узкія болотца, а внутри

главнаго острова серебрится прѣсноводное озерко и бѣгутъ къ морю два ручья, разливающіеся въ миніатюрные плесы. Вся поверхность Айновыхъ острововъ занята порослями можжевельника, и березовой сланки, которыя стелятся такъ, что ихъ трудно отличить отъ травы. Кромѣ того повсюду попадаются: дурка (изъ семейства зонтичныхъ), достигающая одной сажени въ высоту; подснѣжникъ, вероника, дикій лукъ, кипрей, крапива, дикій горошекъ, осока и нѣсколько луговыхъ травъ изъ семейства злаковъ hieratium muromani и serratula arvensis. Кое-гдѣ попадаются значительные покосы, которые прежде эксплоатировали норвежцы изъ Вадсэ. Но главное мѣстное растеніе — морошка. Иногда при солнечномъ освѣщеніи поверхность острова кажется золотою отъ изобилія этой вкусной и полезной во врачебномъ отношеніи, какъ средство отъ цынги, ягоды. Около Айновыхъ острововъ кишмя кишатъ акулы и морскіе зайцы (Phoca barbata и phoca annelata).

Нѣкогда мѣстною морошкою коляне платили дань московскимъ царямъ, потомъ она доставлялась къ высочайшему двору, и продавалась въ Петербургѣ. Одинъ только кольскій купецъ Ш. въ 1859 году вывезъ ее болѣе, чѣмъ на 500 рублей. Когда г. Соловцовъ былъ въ Колѣ, то купцы изъявили желаніе взять эти острова въ оброчное содержаніе за весьма немаловажную сумму. Замѣчательно, что теперь они отданы въ оброкъ не колянамъ, а норвежцу-колонисту, не за «немаловажную сумму», а за 25 р. въ годъ, хотя урожаи морошки тѣ же, а цѣна на нее стоитъ выше. Въ настоящее время ее уже не возятъ въ Петербургъ, а вмѣсто высочайшаго двора поставляютъ *норвежцамъ*.

Много говорятъ очевидцы и о другой особенности Айновыхъ острововъ. Они служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ морскихъ птицъ, извѣстныхъ подъ именемъ тупиковъ или морскихъ попугаевъ. Здѣсь цѣлыя міріады ихъ вьютъ себѣ гнѣзда; въ то же самое время, какъ на другихъ островахъ и берегахъ Сѣвернаго океана ихъ невозможно вовсе встрѣтить. Тупикъ величиною съ куропатку. Оперенie его весьма красиво; черный, бѣлый и красный цвѣта смѣшиваются въ немъ самымъ причудливымъ образомъ. Тупикъ плаваетъ мало, и летаетъ тяжело. Питается моллюсками, мелкою рыбой и морскими червями. На Айновыхъ островахъ видны мѣстами небольшія площадки голаго торфа, лишенныя всякой растительности и какъ бы взрытыя заступомъ. Это—подземныя селенія морскихъ попугаевъ. Разсматривая такое мѣсто внимательно, замѣчаешь отверстія, нѣсколько прикрытыя сверху торфомъ; они ведутъ въ норы, гдѣ тупики несутъ яйца и выводятъ дѣтей; норы длиною около аршина; онѣ имѣютъ по два выхода и по нѣсколько колѣнъ. Онѣ расположены въ пять ярусовъ и такъ

многочисленны и близки однѣ къ другимъ, что ноги безпрестанно проваливаются въ торфъ и изъ-подъ нихъ вылетаютъ тупики, преслѣдуя нарушителя ихъ спокойствія страшнымъ крикомъ и даже задѣвая крыльями его лицо. Они несутъ по два большихъ яйца, величиною въ куриныя. Мясо не вкусно и отзывается ворванью, а потому ихъ почти не ловятъ, хотя поймать тупика очень легко, стоитъ только разрыть немного снаружи нору и брать оттуда руками птицу. Они часто собираются всѣ вмѣстѣ толпою и громко болтаютъ, или выходятъ къ отверстіямъ своихъ норъ, какъ крестьяне на заваленки, и перекликаются, соблюдая при этомъ очередь и послѣдовательность. Я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ тупикъ перекрикивался съ другими. Сначала послышался рѣзкій крикъ одного—всѣ примолкли. Онъ повторилъ опять вызовъ. Гдѣ-то въ сторонѣ, кто-то отозвался ему такъ же рѣзко. Вслѣдъ затѣмъ началась очередная перекличка, солидно, съ чувствомъ, съ толкомъ и разстановкой. Въ интервалахъ тупикъ, начавшій бесѣду, обращался къ своимъ согражданамъ и что-то объяснялъ имъ. Тѣ выслушивали въ молчаніи, и только когда тотъ оканчивалъ свой спичъ, аудиторія отвѣчала ему почтительнымъ хоромъ. Такъ это тянулось около получаса. У лопаря Василья Бархатова я видѣлъ ручнаго тупика. Онъ бѣгалъ за хозяиномъ, какъ собака, и внушалъ непритворный страхъ мальчишкамъ, которые были бы не прочь потрепать птицу, если бы она не кусалась такъ больно. Зимою пріятели разстаются. Бархатовъ уходитъ въ свой погостъ, морской попугай улетаетъ на югъ, но лѣтомъ они снова встрѣчаются у Большой Волоковой губы, и живутъ въ величайшей дружбѣ до осени. Тупикъ иногда забирается въ вѣжу къ своему патрону, спитъ въ головахъ у него, возится клювомъ въ его волосахъ, и громкими криками, какъ собака лаемъ, встрѣчаетъ непрошенныхъ посѣтителей. Чаще же онъ спитъ на вершинѣ вѣжи, или, если внутри топится очагъ и дымъ идетъ въ отверстіе ея, помѣщается въ нѣкоторомъ разстояніи отъ жилья.

Я взялъ было съ собою двѣ шкурки тупиковъ, но во время крушенія, выдержаннаго мною на островѣ Ното, онѣ пропали вмѣстѣ съ гербаріемъ и нѣкоторыми рисунками. Мнѣ было уже не до спасенія вещей. Приходилось плыть до ближайшаго островка, бросивъ все и не ожидая помощи отъ лопарей, которые и меня готовы были оставить на произволъ судьбы и бури.

На Айновыхъ островкахъ лежатъ толстые слои пепельнаго цвѣта. Это драгоцѣнное гуано, которое у насъ пропадаетъ даромъ. Оно тѣмъ цѣннѣе здѣсь, что не содержитъ вовсе постороннихъ примѣсей.

Невдалекѣ отъ Айновыхъ острововъ есть голый утесъ, гдѣ гагки

(somateria molissima) плодились и множились безчисленными массами. Я уже не помню теперь названія этой маленькой пустыни, такъ какъ записная книга, гдѣ хранились замѣтки о поѣздкѣ моей изъ Вадсе'э въ Колу на шнякахъ, пропала во время того же крушенія. Знаю только, что еще издали, подъѣзжая сюда, я былъ пораженъ криками и многочисленностью этихъ птицъ. Какъ оказалось, впрочемъ, ихъ съ каждымъ годомъ становится меньше и меньше, вслѣдствіе неразумнаго истребленія гагачьихъ яицъ—поморами, колянами и колонистами. Яйца эти дѣйствительно высокое гастрономическое лакомство, но не мѣшало бы имѣть въ виду, что пухъ гагокъ еще драгоцѣннѣе. Въ послѣднее время въ Архангельскѣ онъ продавался отъ 8 до 12 р. за фунтъ и отъ 300 до 400 р. за пудъ (очищенный), а на мѣстѣ сбора его въ Кемскомъ уѣздѣ отъ 5 до 7 р. за фунтъ (неочищенный) и отъ 200 до 280 р. за пудъ.

Я до сихъ поръ не могу забыть картины, представившейся мнѣ. Лодка, ловко минуя буруны, гдѣ волны дробились о подводныя каменныя мели, вошла въ тихую заводь не болѣе пяти сажень въ діаметрѣ. Ее окаймляла отвѣсно подымавшаяся черная масса голаго утеса, образовывавшаго на высотѣ шестнадцати или семнадцати сажень громадный выступъ, висѣвшій надъ нашими головами. Мы отдыхали подъ этою природною кровлею. Я любовался прозрачностію воды внизу, позволявшей разсмотрѣть мелкихъ и нѣжныхъ паукообразныхъ (pycnogonida), изъ отдѣла членистыхъ, которыхъ я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ на Мурманѣ вовсе. Впрочемъ г. Яржинскій открылъ здѣсь одиннадцать видовъ ихъ свойственныхъ другимъ морямъ и уже извѣстныхъ, и еще одинъ новый гигантскій видъ, названный имъ Benthocryptus titanus. Тутъ же копошились десятиногіе изъ ракообразныхъ; въ пескѣ, устилавшемъ дно, видѣлись очертанія кольчатыхъ червей... Вотъ мелькнула извилистая, юркая и прожорливая морская щука, вотъ что-то замутило песокъ на днѣ и вынырнуло оттуда... А подъ нависшими въ водѣ кампями, какъ борода, спускались водоросли, иногда пошевеливаясь, точно подъ ними или посреди ихъ двигалось что-то живое. Я хотѣлъ прослѣдить одну водоросль, но она такъ была извилиста и уходила въ такую даль, что не было возможности различить ея широкія лопасти. Впрочемъ, напримѣръ, Гумбольдтъ разсказываетъ, что при немъ изъ моря вытащили водоросль 1,600 фут. длиною. Налѣво и направо тянулись тѣ же мрачные берега. Недалеко отъ насъ, на высотѣ шести сажень, начинался небольшой карнизъ, огибавшій скалу. На крайней линіи его сидѣлъ рядъ гагокъ, непрерывавшійся нигдѣ и уходившій, какъ казалось, въ безконечность. Оттуда-то и доносились эти рѣзкіе, точно плачущіе крики.

— Эхъ, охота бы яицъ поѣсть, замѣтилъ кто-то изъ моихъ гребцовъ.

— Ладно, наѣлся!.. Тутъ не взлѣзешь.

— Я не взлѣзу? вскипѣлъ первый.

Малый съ минуту оглядѣлъ окрестность, потомъ взялъ небольшую суму, прикрѣпилъ ее къ поясу и вылѣзъ изъ лодки на близлежащій камень.

— Куда ты?.. чо-ортъ. Сиди.

— Я не взлѣзу!.. Погляди-ко. Раздвинько буркалы.

Напрасно я, принявъ участіе въ этой сценѣ, кричалъ и звалъ его воротиться, онъ упорно перепалзывалъ впередъ съ камня на камень. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ ему встрѣчались интервалы, онъ пріостанавливался, нагибался впередъ, отыскивая между двумя камнями подводную мель по шумѣвшему надъ ней буруну, и увѣренно прыгалъ на нее, разбрызгивая кругомъ цѣлыя массы пѣны. Такъ съ камня на камень, съ выступа на выступъ, съ буруна на бурунъ, онъ добрался до небольшаго мыса, входившаго въ воду отлогою и совершенно голою покатостью. Я нѣмѣлъ отъ изумленія. Какую ловкость нужно было имѣть, чтобы такъ удачно пройти этою невозможною дорогой по скользкимъ камнямъ и по бурунамъ. Были моменты, когда мы считали его погибшимъ. Разъ на него накатился громадный валъ, сбилъ его съ подводной мели, но спустя мгновеніе, онъ ужъ карабкался на слѣдующую. Шелъ онъ, держа руки горизонтально направо и налѣво, какъ будто соблюдая равновѣсіе.

На мысѣ онъ снялъ съ себя бахилы и поставилъ ихъ на сухое мѣсто. Затѣмъ вытеръ ноги, такъ, чтобы на нихъ не оставалось влажности.

— Эге... Ванькооо! крикнулъ онъ товарищу.

— Ступай назадъ, дура! отвѣтилъ ему другой изъ моихъ гребцовъ.

— Скоро будемъ яйцы варить! донеслось издали.

Отъ мыса кверху шла почти отвѣсная покатость, но вся испещренная выступами, щелями, трещинами, горбинами. Парень постоялъ съ минуту, тряхнулъ головою и полѣзъ вверхъ какъ муха. Иногда онъ сбивался со щели, падалъ фута на три внизъ и повисалъ на другой рукѣ. Иногда весь держался на сгибахъ пальцевъ, зацѣпившихся за узкую трещину. Два или три раза, повидимому ослабѣвъ, онъ качался надъ каменною бездной, держась на вытянутой рукѣ за горбину или выступъ; но, напрягая послѣднее усиліе, взбирался на него и садился тамъ отдыхать. Страшно было смотрѣть на эту борьбу человѣческой силы съ видимою невозможностію. Казалось, каждый камень говорилъ ему:—«стой, тутъ твой конецъ», но спустя немного

онъ лѣзъ уже выше и наталкивался на новыя опасности. Въ одномъ мѣстѣ изъ-подъ ноги у него сорвался обломокъ камня. Растерявшись, онъ было опустилъ одну руку, и только другая механически удержалась за выступъ. Въ этотъ моментъ его лицо было обращено къ намъ. Я до поразительной ясности видѣлъ въ бинокль, какъ оно вдругъ одеревянѣло, какъ полузакрылись глаза и вокругъ нихъ легла разомъ синяя кайма. Я замеръ отъ ужаса и отвернулся. «Сейчасъ услышу крикъ»—какъ молнія мелькнуло въ моей головѣ. И почему-то въявь мнѣ представилось, какъ это деревянное лицо съ синими каймами вокругъ глазъ летитъ внизъ, какъ слышится шумъ и хрясъ и затѣмъ на острыхъ камняхъ отмели въ послѣднихъ судорогахъ вздрагиваетъ безформенная, окровавленная масса...

— Слава тебѣ Господи! вздохнули гребцы въ одинъ голосъ.

Я обернулся,—парень уже сидѣлъ верхомъ на остромъ выступѣ и крестился, широко размахивая рукою. Почему-то этотъ широкій крестъ до сихъ поръ такъ и мерещится мнѣ вмѣстѣ съ головою, поднятою къ небу, головою, на которой какъ будто прилипла ко лбу прядь русыхъ волосъ...

— Слава тебѣ, Господи! повторили еще..

Парень отдыхалъ съ минуту или двѣ. Можетъ быть больше, можетъ быть меньше. Можетъ быть прошло четверть часа, показавшіеся мнѣ за минуту. Не могу дать себѣ въ этомъ отчета. Знаю только, что у меня съ какою-то болью билось сердце и, не смотря на холодный день, проступилъ на лбу потъ. Спустя немного — малый уже всходилъ на карнизъ. Но тутъ ожидала его новая бѣда. Гагки окружили его тучей. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, туча эта росла и росла. Я зналъ, что карнизъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуетъ крутые спуски, а кое-гдѣ наклоненъ внизъ такъ, что саженъ на три, на четыре идетъ узкій скатъ. Я зналъ, что гаги хлещутъ въ глаза ему крыльями, бьются объ него. Я зналъ, что сквозь эту тучу онъ не увидитъ и не различитъ ничего. Но его самого уже не видѣлъ. Вмѣсто человѣка, шло сплошное облако птицъ, все усиливавшихъ свои крики. По тому, какъ подвигалась впередъ эта туча, скорѣе или медленнѣе, я заключалъ, быстро или тихо идетъ онъ. Когда она останавливалась—я понималъ, что онъ, стоя на одной ногѣ и держась лѣвою рукою за щель утеса, другою ногой ощупываетъ впереди наклонъ карниза. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ карнизъ шелъ крутымъ скатомъ, онъ подвигался впередъ такъ медленно, что мнѣ отсюда снизу казалось, будто онъ совсѣмъ остановился. И только, когда я замѣчалъ выдѣлявшіяся изъ тучи и остающіяся позади горбины выступа, я тогда только могъ съ увѣренностію знать, что онъ миновалъ ихъ и слѣдовательно, хотя тихо, но идетъ впередъ. Иногда онъ бѣжалъ по

отлогой плоскости—тогда крики становились громче и суета между гагками усиливалась. Старикъ-кормщикъ все время шепталъ молитву, изъ которой, сквозь стоны птицъ, я только и могъ различать «помози Боже, помози Боже...» Наконецъ, стая или туча зашла за склонъ утеса и пропала изъ глазъ. Тутъ стало еще страшнѣй. Мы только *слышали*, что онъ идетъ, по тревожному птичьему гаму. Никому изъ насъ и въ голову не могло придти, что онъ станетъ при такой обстановкѣ собирать яйца. Наконецъ, послышался особенно рѣзкій, особенно отчаянный крикъ гагокъ.

— За весла! Огибай кекуръ (скалу). Навались, братцы, *тихо* проговорилъ кормщикъ.

Но странно, что мы всѣ услышали его голосъ сквозь шумъ буруновъ, сквозь крики птицъ.

— Навались, навались, ребятушки. Выручай, товарища! Помози Боже, помози Боже.

И лодка быстро, неожиданно быстро вылетѣла изъ заводи и стрѣлою понеслась, разбивая буруны и валы по тому же направленію, по какому недавно прошелъ малый.

— Навались, навались, ребятушки... Помози Боже! Сотвори святую твою милость...

У гребцовъ челюсти точно что-то свело, зубы были сжаты. Крупныя капли пота проступали на лбу и падали. Руки дѣлали какіе-то особенные размахи: весла глубоко забирали воду и зорко глядѣлъ впередъ кормщикъ, во время огибая подводные камни. Сѣдыя брови его нависли такъ, что и глазъ не было бы видно изъ этихъ узкихъ старческихъ щелокъ, еслибы только они не сверкали такими острыми, словно воспаленными взглядами.

Наконецъ, мы обогнули мысъ, обошли утесъ и встрѣтили нашего путешественника здравымъ и невредимымъ. Карнизъ тутъ спускался къ самому морю.

Никто не сказалъ ни слова, только всѣ перекрестились.

Перекрестился и парень. Онъ молча вошелъ въ лодку и сѣлъ. Лицо его стало какимъ-то страннымъ, землистымъ, точно его покрылъ легкій слой пепла.

— Василій Ивановичъ! проговорилъ онъ немного спустя и какъ-то надорванно звучалъ его голосъ.

— Чего тебѣ? спросилъ я.

— Христа ради... рому...

Я покраснѣлъ отъ стыда, что не догадался предложить ему раньше. Онъ припалъ къ горлышку бутылки и долго пилъ. Землистый цвѣтъ лица смѣнился румянымъ, глаза даже налились кровью и вѣки вспухли. Наконецъ, онъ оторвался отъ рому.

— Нате, братцы... на яичницу... Простите Христа ради...

— Богъ проститъ!.. угрюмо отвѣтилъ кормщикъ.

Сумка оказалась полною яицъ...

Парень спалъ вплоть до становища. А тамъ проснулся, какъ встрепанный, только морщинка легла на лобъ, да и самъ онъ серьезнѣе смотрѣлъ какъ-то. Опасность старитъ и часто разомъ образовываетъ человѣка.

Въ характерѣ помора-промышленника сказывается не отвага, не сознательное презрѣніе къ жизни, а просто равнодушіе къ опасности. Онъ не презираетъ опасностей, потому что не знаетъ что такое опасность; онъ не боится ихъ, потому что не понимаетъ, чего тутъ бояться...

Какъ-то на мѣстѣ, гдѣ поминутно плавали акулы, одинъ паренекъ задумалъ купаться. Я его сталъ было останавливать, указывая на характеристическія перья морскаго чудовища.

— Чего тутъ?... недоумѣвалъ онъ.—Слава тебѣ Господи! кольки разовъ!... Бывало это дѣло!

И по самому тону его голоса видно было, что онъ, дѣйствительно, «не понималъ опасности».

Тотъ поморъ, который, по свидѣтельству Соловцова, сидя на гробѣ товарища, игралъ на гармоникѣ—не рисовался, не храбрился, не выказывалъ презрѣнія къ смерти. Можетъ быть, просто сѣсть было некуда: вездѣ острые камни гранитныхъ породъ, а тутъ удобно и ловко, да и «что ему дѣлается!» Можетъ быть, парень былъ связанъ съ умершимъ дружбою и просто, играя на гармоникѣ, отводилъ свое горе. Дѣло въ томъ, что прими тотъ же самый фактъ другую форму, и никто въ этомъ не нашелъ бы ничего предосудительнаго. У васъ умерло нѣжно любимое существо. Ночь. Вы одни лицомъ къ лицу съ трупомъ. Тускло горятъ восковыя свѣчи, кидая матовой отблескъ на ея черты. Когда пламя ихъ колеблется, черты будто оживляются, по лицу проходятъ какія-то тѣни. То кажется, что оно улыбнулось вамъ. Вотъ дрогнула его рѣсница, вотъ шевельнулись брови... И какая тишина кругомъ! А вы одни,—но между вами и ею стоитъ кто-то и что-то. Вы его чувствуете, вы почти осязаете, видите его—это ваши воспоминанія о далекомъ прошломъ. Вы снова переживаете всѣ старыя боли, снова улыбаетесь всѣмъ старымъ радостямъ. Первый поцѣлуй еще горитъ на губахъ вашихъ, первое слово любви робко звенитъ въ воздухѣ. На васъ пахнуло даже тѣмъ ароматомъ цвѣтовъ, который разливался тогда по саду, вы словно слышите всплески рѣки, доносившіеся до васъ въ ту памятную, ласковую, лунную ночку. Вамъ и грустно, и радостно. Вы чувствуете, что потеряли ее, но что она никогда не перестанетъ жить въ вашемъ сердцѣ на зло смерти

и забвенію. Безсознательно вы садитесь къ роялю. Нѣсколько разсѣянныхъ звуковъ, взятыхъ вами, застыли въ воздухѣ. А боль накипѣвшая въ душѣ требуетъ исхода, рвется грудь, вамъ хочется, чтобъ ваши слезы разлились далеко чудными звуками горя и отчаянія—и вдохновенная импровизація въ дивныхъ сочетаніяхъ мелодій, разносится кругомъ, и плачутъ подъ вашими руками клавиши, и плачетъ самъ воздухъ, гдѣ, словно окрыленныя, носятся эти гремучія слезы.

Такая картина не возмутитъ васъ. Вы понимаете тутъ и необходимость высказаться, излиться и можете воспроизвести всю прелесть, все поэтическое изящество такого горя... Но какая же разница между парнемъ изъ Поморья и этимъ глубоко чувствующимъ человѣкомъ? Та же, какая существуетъ между гармоніей и роялью, между его гнилою избою и вашею изящною квартирой, между тѣмъ простымъ деревяннымъ гробомъ, кое-какъ сколоченнымъ въ пустынѣ, и этимъ покрытымъ парчею и усыпаннымъ цвѣтами...

Я объѣхалъ весь этотъ берегъ, осмотрѣвъ прекрасные входы въ губы Печенгу, Пазу и Нявдему, обставленныя самыми причудливыми и красивыми скалами и утесами. Я подымался вверхъ по нимъ и мнѣ улыбались ихъ зеленѣющіе берега, на которыхъ разсыпаны колоніи и поселки переселенцевъ. Повсюду мнѣ встрѣчалась закипающая жизнь и дѣятельность, и немногія темныя пятна сливались и пропадали въ виду дѣйствительныхъ подкупающихъ достоинствъ этой окраины, которая, быть можетъ, для сѣверной Россіи призвана играть ту же роль, какую играетъ Крымское поморье для нашего юга.

Сообщеніе по всему этому берегу чрезвычайно удобно. Вы вносите почтовую плату за пару лошадей по числу верстъ между становищами, и въ каждомъ вамъ даютъ карбасъ или шняку съ четырьмя гребцами и кормщикомъ. Такимъ образомъ вы можете объѣхать весь этотъ берегъ и осмотрѣть его подробно. Передо мною такимъ путемъ проѣхалъ молодой князь Голицынъ изъ Норвегіи въ Колу, а оттуда до Кандалакши рѣками и пѣшкомъ. Разумѣется, нужно только не бояться моря, не трусить, когда крутые валы его станутъ захлестывать вашу утлую лодку, когда они будутъ швырять ее съ горба на горбъ, изъ бездны въ бездну. Въ нѣкоторыхъ становищахъ мнѣ приходилось садиться въ шняки, наполненныя трескою, и такъ ѣхать до слѣдующихъ пунктовъ. Во время этого пути я сталкивался со многими поморами и колянами, и что бы ни говорили о нихъ—я не знаю народа честнѣе и добродушнѣе этихъ бѣдныхъ полярныхъ тружениковъ.

VI.

Колонизація и колоніи Мурманскаго берега.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, россійскій Мурманскій берегъ на всемъ своемъ протяженіи, равняющемся болѣе 800 верстамъ (считая извилины), не представлялъ ни одного пункта, гдѣ бы существовали постоянныя поселенія. Множество становищъ, усѣявшихъ его бухты, губы и острова, оживлялись только лѣтомъ, когда изъ различныхъ мѣстъ Бѣломорскаго края и изъ Колы сюда стекались промышленники для лова рыбы. Зимою и осенью здѣсь царило мертвое безлюдье. Отъ Святаго Носа до границъ Норвегіи только рѣдкія вѣжи лопарей, сторожившихъ становища, напоминали въ этой пустынѣ о близости человѣка, да на западныхъ оконечностяхъ Рыбачьяго полуострова жило нѣсколько семействъ норвежцевъ и финляндцевъ, поселившихся здѣсь произвольно и даже числившихся на родинѣ въ бѣгахъ. Между тѣмъ, людямъ, близко знакомымъ съ дѣломъ, не разъ бросалась въ глаза разница между нашими берегами и окраинами сосѣдняго королевства, хотя и поставленными въ почти одинаковыя климатическія условія, но поражающими населенностію, богатствомъ и гражданственностію отъ русской границы къ западу, и безлюдьемъ, безурядицей, скудостію къ востоку отъ той же линіи. Въ то время, какъ на крайнемъ сѣверѣ Норвегіи цвѣтутъ города Вадсэ, Вардо-гузъ, Тромсэ, Гаммерфестъ и др., производящіе громадную торговлю во всѣхъ частяхъ свѣта, переполненные капиталистами, имѣющіе театры, прекрасныя школы, и вообще все необходимое цивилизованному человѣку—на крайнемъ Сѣверѣ Россіи не было ни одного постояннаго поселка. Между тѣмъ, хорошо было извѣстно, что лѣтъ тридцать восемь назадъ и сосѣдняя полоса Норвегіи была такою же пустыней. На мѣстѣ цвѣтущихъ нынѣ Вардо и Вадсэ стояли незначительныя промысловыя факторіи, да два-три домика рыболововъ. Тамъ, гдѣ теперь находятся прекрасныя норвежскія становища, бродили только фильманы съ оленьими стадами, да изрѣдка промышлялъ квенъ, незнавшій, куда ему дѣваться отъ голодовокъ.

Одновременно съ этимъ, къ архангельскому губернатору Гагарину стали отовсюду поступать заявленія поморовъ о желаніи ихъ, при извѣстныхъ условіяхъ, поселиться на Мурманѣ. Наконецъ, возникла и мысль о правильной колонизаціи этого края, тѣсно связанная съ сознаніемъ необходимости исходатайствовать переселенцамъ различныя льготы, безъ чего, понятно, заселеніе берега было не особенно заманчиво. Гагаринъ принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое и искреннее участіе. Онъ разработалъ проектъ колонизаціи, и затѣмъ началъ цѣлый рядъ ходатайствъ, результатомъ которыхъ было

Высочайшее повелѣніе 22 ноября 1868 г., о предоставленіи мурманскимъ колонистамъ нѣкоторыхъ льготъ, главнымъ образомъ заключающихся въ слѣдующемъ: 1) предоставлены русскимъ и иностраннымъ переселенцамъ на Мурманскій берегъ въ отношеніи торговли съ Норвегіей права, дарованныя поморскимъ крестьянамъ, и сверхъ того дозволено имъ въ теченіе пяти лѣтъ, считая со дня утвержденія этой мѣры, заниматься всякаго рода торговлею и промыслами безъ взятія установленныхъ свидѣтельствъ, а также разрѣшено имъ для собственной надобности и для продажи въ колоніяхъ безпошлинно провозить мануфактурные и другіе товары. 2) Предоставлено усмотрѣнію губернскихъ властей на каждое семейство, уже поселившееся на Мурманѣ, а также имѣющее прибыть туда, назначать ссуды отъ 50 до 150 р. съ разсрочкою платежа на пять лѣтъ, подъ круговое ручательство или подъ обезпеченіе имуществомъ, съ тѣмъ, чтобы потребные на это кредиты, по приблизительному исчисленію, вносились въ расходныя смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ. 3) Переселенцы на шесть лѣтъ освобождены отъ употребленія гербовой бумаги, кромѣ совершенія купчихъ при покупкѣ у казны земель. 4) Разрѣшенъ имъ отпускъ въ ссуду и за деньги хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ. 5) Предоставлено имъ право заниматься промыслами пушныхъ звѣрей и птицъ, а также ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ, находящихся вблизи колоній. 6) Распространены на нихъ льготы, даруемыя бывшимъ госуд. крестьянамъ при переселеніи изъ одной губерніи въ другую, т. е. пятилѣтняя льгота отъ воинскаго постоя, льгота въ податяхъ, денежныхъ и натуральныхъ повинностяхъ на восемь лѣтъ, считая этотъ срокъ съ начала года, въ который совершено переселеніе. Льготы отъ рекрутской повинности въ продолженіе трехъ рекрутскихъ наборовъ со времени переселенія и сложеніе всѣхъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ, если достовѣрно доказано будетъ, что недоимки состоятъ лично на переселенцахъ. 7) Предоставлено тѣмъ изъ нихъ, кто не знаетъ русскаго языка, всѣ прошенія и объявленія кому бы то ни было подавать на языкахъ норвежскомъ и финляндскомъ, а также дозволено иностранцамъ принимать присягу на подданство Россіи въ самыхъ колоніяхъ передъ становымъ приставомъ или мировымъ посредникомъ. 8) Положено устроить мурманскую колонистскую волость отдѣльно отъ волости лопарей.

Вслѣдъ за этимъ и началась правильная колонизація края, продолжающаяся уже шестой годъ и, судя по ея результатамъ, вполнѣ оправдавшая общія ожиданія. Переселенцевъ здѣсь считается около 800 ч. об. пола; изъ нихъ финляндцевъ 305 ч., норвежцевъ 245 ч., русскихъ и кореловъ 250 ч. Какъ мы уже замѣтили выше, самымъ надежнымъ элементомъ переселеній на эти отдаленные берега могутъ

считаться трезвые, работящіе и честные финны, затѣмъ слѣдуютъ русскіе, корелы и шведы (ихъ немного). Норвежцы, за немногими исключеніями, явились началомъ въ высшей степени вреднымъ. Они служатъ здѣсь коммисіонерами иностранныхъ торговцевъ ромомъ, устроившихъ свои фирмы въ Варде-гузъ, Вадс'э и Тромс'э. Отъ этихъ колонистовъ, выходцевъ изъ Остъ и Вестъ Финмаркена, распространяется, какъ отъ центровъ, пьянство, нищета и бездѣятельность. Къ нимъ же являются изъ Норвегіи партіи самовольныхъ норвежскихъ ловцовъ, промышляющихъ въ нашихъ водахъ, отнимающихъ у русскихъ лучшія ухожья, мѣста, гдѣ водится песчанка и наживка, и въ случаѣ какихъ либо столкновеній съ мѣстною властью заявляющихъ, что они только *работники* у русскаго колониста изъ своихъ же норвежскихъ переселенцевъ. Русскіе бѣдствуютъ, съ трудомъ упрочиваютъ свое благосостояніе, хотя въ послѣднее время нельзя не замѣтить въ этомъ отношеніи отраднаго перелома. Кое-кто изъ нихъ уже заводитъ и хорошее хозяйство и скотъ. Главные промыслы колонистовъ: ловъ трески и другой мурманской рыбы, ловъ семги въ рѣкахъ, впадающихъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ, бой акулъ и другихъ морскихъ животныхъ (въ томъ числѣ тюленей и моржей); торговля, скотоводство, обусловленное превосходными покосами близъ колоній. Нѣкоторые занимаются охотой, а съ 1872 г. явились наконецъ и ремесленники: столяры, кузнецы и портные. Въ этотъ шестилѣтній промежутокъ времени здѣсь открыты три факторіи: Савина, Паллизена и Базарнаго, общій оборотъ которыхъ простирался до 500,000 р., и вновь открываются еще три: Филиппова, Хипагина и Хохлова; основано, сверхъ того, шестнадцать лавокъ, четыре паровыхъ и восемь простыхъ салотопень для добыванія медицинскаго рыбьяго жира — первыя, и просто тресковаго сала—вторыя. Колоніямъ принадлежитъ 142 елы, одинъ клиперъ, шесть шкунъ, 33 шняки, 88 карбасовъ, 16 большихъ морскихъ судовъ разныхъ названій. Итого одинъ флотъ колонистовъ равняется 286 судамъ, не включая въ это число около 900 судовъ, промышляющихъ на Мурманѣ и принадлежащихъ лѣтнимъ промышленникамъ. Если же считать и восточныя колоніи, не включенныя въ колонистскую волость, то переселенцамъ принадлежатъ 270 шнякъ, 189 елъ и 27 тройниковъ. Скотоводство также довольно развито, а именно: въ колоніяхъ находится 272 коровы, 43 быка, 120 телятъ и телокъ, 507 овецъ, 21 свинья и около 300 оленей. Принимая общее число колонистовъ въ 723 чел., окажется, что здѣсь на каждыхъ пять колонистовъ приходится по два судна, т. е. болѣе, чѣмъ по одному на семью. Скота на каждаго колониста приходится почти по двѣ головы, а на семью по 8 штукъ. Не безъинтересно будетъ привести всѣ эти данныя по каждой колоніи отдѣльно. Большая часть

ихъ—16—составляютъ Мурманскую колонистскую волость, а три, лежащія восточнѣе Кольской губы, причислены къ Кольско-Лопарской. Мурманская колонистская волость, открытая въ 1870 году, раздѣляется на три сельскія общества: Печенгское съ пятью, Рыбачье съ семью и Урское съ четырьмя колоніями. Печенгское общество находится между губою Амбарной и рѣкою Ворьемой. Здѣсь колоніи:

Печенгская. Если говорить объ исторіи края, то необходимо замѣтить, что это старѣйшая послѣ Колы русская колонія на Мурманѣ. Основателемъ ея былъ новгородецъ, священническій сынъ Трифонъ Преподобный, проповѣдывавшій православіе даже за предѣлами Норвегіи. Въ 1536 году онъ построилъ на устьѣ Печенги монастырь, куда начали стекаться иноки, бѣльцы и «худородные, голутвенные людишки». Получивъ черезъ двадцать лѣтъ отъ Іоанна Грознаго жалованную грамату на владѣніе губами Печенгскою, Мотовскою, *Пазрѣцкою и Нявдемскою* (нынѣ уступленными Норвегіи) съ ихъ рѣчками, монастырь завелъ здѣсь обширные ловы семги и трески; для покупки этой рыбы, къ Печенгскому монастырю пріѣзжали торговые гости даже изъ Гамбурга, въ свою очередь, привозившіе сюда красное вино, пиво и соль для посола рыбы. Тутъ зачалась такимъ образомъ русская рыбо-промышленность и было положено основаніе торговымъ сношеніямъ съ иностранцами. Къ несчастію, черезъ тридцать лѣтъ послѣ того шведскія шайки напали на монастырь, разорили его хозяйственныя сооруженія, уничтожили тони, сожгли монастырь, а братію и бѣльцовъ убили до единаго человѣка. Съ тѣхъ поръ, Печенга оставалась необитаемою ровно 332 года, т. е. до 1868, когда здѣсь поселились 152 колониста (79 м. и 73 ж.); изъ нихъ русскихъ 93, кореловъ 33, финляндцевъ 5 и норвежцевъ 21. Ихъ дома разбросаны на протяженіи пятнадцати верстъ. Каждый селился, гдѣ ему казалось выгоднѣе и удобнѣе, кто на р. Печенгѣ, кто у Печенгскаго залива, кто по рѣкѣ Гагаркѣ, кто по Трифонову и Баркинову ручьямъ. На берегу хорошіе сѣнокосы. Норвежцы Печенгскую губу называютъ Peisen-fiord, а рѣку Печенгу Piesen-Elf. Вся длина губы девять миль. Она изгибается четырьмя колѣнами, изъ которыхъ самое красивое второе — Дѣвкина заводь, обставленное романтическими пейзажами окрестныхъ горъ и пахтъ. Рѣка Печенга до впаденія въ вершину губы протекаетъ сквозь многочисленныя озера и выходитъ изъ нихъ же верстахъ во ста отъ своего устья. По берегамъ рѣки есть хорошіе сосновые лѣса и, живя въ этой колоніи, финляндцы уже давно бы обставились хорошими избами, амбарами и хлѣвами. Верстахъ въ двадцати, вверхъ по рѣкѣ, есть лопарская церковь св. Трифона, а въ трехъ верстахъ отъ ея устья раскинуто ихъ лѣтнее становище. Входъ въ губу Печенгу необыкновенно красивъ. Устье ея

раздвигается передъ вами, какъ широкія ворота между восточнымъ мысомъ и полуостровомъ Нѣмецкимъ. За ними въ глубь материка лежитъ серебряная полоса губы, въ которую справа и слѣва вдаются откосы горъ и пахтъ. А еще дальше чуть меледится подернутый синею дымкою берегъ, окаймившій вершину губы. Прибавьте къ этому круглыя голыя скалы, направо и налѣво обрушивающіяся въ океанъ, и вы поймете дикую прелесть этой картины. На всемъ привольѣ рѣкъ, озеръ и горъ, обступившихъ губу, разбросаны 31 изба и 6 землянокъ, гдѣ живутъ колонисты; имъ принадлежатъ 15 амбаровъ, 5 бань, 20 хлѣвовъ, двѣ лавки, 28 елъ, 10 шнякъ, 21 карбасъ, 56 коровъ, 11 быковъ, 154 овцы и 89 оленей. Промыселъ производится тремя семужьими неводами, сорока семужьими гарвами, 374 тюками тресковой снасти (яруса), однимъ акульимъ аппаратомъ, 80 рѣчными сѣтями для лова бѣлой рыбы, однимъ неводомъ для мойвы, шестнадцатью ружьями и одною сѣтью для лова морскихъ звѣрей. Цѣнность всѣхъ этихъ орудій—до 19,000 р. Ежегодно здѣсь вылавливается рыбы, вытапливается сала, добывается морскаго звѣря и акулъ на 40,000 р. Для стоянки судовъ прекрасныя якорныя мѣста въ Лодкойной бухтѣ и въ вершинѣ губы противъ Трифонова ручья. «Экспедиція», о которой мы говорили выше, предполагала здѣсь устроить зимовье для военнаго крейсера, мимоходомъ сказать крайне необходимаго Мурманскому берегу. Колонія эта находилась бы въ блестящемъ состояніи, еслибы не вредная дѣятельность норвежца ромоторговца Даля. Ему даны права русскаго колониста и онъ, пользуясь ими, споилъ всю Печенгу, разорилъ ее въ лоскъ, такъ что теперь переселенцы этой губы всѣ вмѣстѣ должны ему за ромъ до 5,000 р. или по 33 р. каждый, включая дѣтей и женщинъ. Онъ задаетъ имъ ромъ и подъ будущій промыселъ и подъ промысловыя снасти и подъ круговую поруку. Есть хозяева, которые должны Далю по 100, 150, 200 и болѣе руб. частію за ромъ, частію и за др. предметы. Въ особенно безнадежномъ положеніи здѣсь находятся кореляки. Они не имѣютъ ничего. Все проѣдено, пропито, а съ голодными желудками работается невесело и плохо. Вблизи, прекрасные боры, а постройки у нихъ скверныя, и не смотря на право безпошлинно рубить деревья, многіе живутъ въ землянкахъ, а лѣсъ между тѣмъ превосходный. Одинъ колонистъ ставилъ избу при мнѣ—бревна въ діаметрѣ 2 четверти, ровныя, гладкія, крупныя. Сѣнокосы и рыбныя ловли отдаются иногда въ кортому. Въ землянкахъ—грязно, душно смрадно, въ избахъ—не лучше. Огородишки есть и, не смотря на изобиліе въ удобреніи, на сравнительно теплый климатъ, запущены; поросли подымаются дурно отъ небрежности хозяевъ. Женщины развратны. Сифилисъ довольно сильно распространенъ. Зимою могли бы рубить дрова на продажу въ Норвегію, гдѣ они въ высокой цѣнѣ,—нѣ хотятъ.

насколько было бы выгодно такое занятіе, видно изъ того, что въ Норвегіи за жердь, длиною въ двѣ сажени и въ діаметрѣ 3 вершка, платятъ охотно отъ 40 до 50 коп., только везите. Спятъ по избамъ, да кое какъ перебиваются изо дня въ день. Финны, разумѣется, и зажиточнѣе, и нравственнѣе, и трудолюбивѣе этихъ переселенцевъ. Кореляки одѣваются скверно и все болѣе и болѣе должаютъ Далю. Хлѣбъ имъ доставляется послѣднимъ изъ Норвегіи, куда въ свою очередь привозятъ его поморы изъ Россіи. Странно, что при этомъ онъ все-таки обходится дешевле, чѣмъ русскій хлѣбъ въ Колѣ. Это объясняется тѣмъ, что взамѣнъ за хлѣбъ норвежцы отдаютъ соль, ромъ и рыбу по дорогимъ цѣнамъ и выгадываютъ на этомъ.

Не я одинъ вынесъ изъ посѣщенія колоніи Печенги такія безотрадныя впечатлѣнія. Съ кѣмъ я ни говорилъ потомъ, оказывалось одно и то же. Священникъ въ Колѣ, купецъ въ Архангельскѣ, консулъ въ Норвегіи, промышленники въ разныхъ становищахъ Мурмана, наконецъ колонисты въ Земляной и Червяной губахъ соглашались со мною.

Въ устьѣ Печенгской губы, на полуостровѣ Малонѣмецкомъ вторая колонія Печенгскаго общества. Здѣсь могутъ стоять на якорѣ въ мѣстной губѣ до десяти обыкновенныхъ поморскихъ судовъ, но большихъ судовъ, напримѣръ военныхъ бриговъ, не помѣстится болѣе одного и то на швартовахъ. Тутъ прежде живали лопари промышленники, теперь же они являются сюда только по временамъ запастись провизіей, ромомъ и др. предметами. Вся колонія состоитъ изъ становья и дома норвежца переселенца Даля, о которомъ мы уже говорили выше. Въ колоніи онъ живетъ съ своими рабочими и нѣсколькими норвежцами не колонистами. Имъ выстроено пять избъ и шесть амбаровъ. При поселеніи пять елъ, одна шкуна, одинъ карбасъ; изъ скота: двѣ коровы и четыре овцы. Промыселъ производится двумя семужьими неводами, ста пятьюдесятью тюками тресковаго яруса; общій торговый оборотъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, 5000 р. По нашимъ же личнымъ наблюденіямъ цифра эта должна быть принята вдвое Роль Даля на Мурманѣ будетъ выяснена нѣсколько подробнѣе, когда мы разсмотримъ положеніе ромо-торговли на этихъ отдаленныхъ берегахъ. Теперь же замѣтимъ только, что разоривъ колонію Печенгу, Даль разорился самъ и разумѣется радъ бы сбыть свое дѣло на выгодныхъ условіяхъ кому либо другому.

Въ 12 миляхъ къ WNW отъ становища и колоніи Мало-нѣмецкой врѣзывается въ матерую землю небольшая губа, прикрытая съ сѣвера высокимъ и крутымъ островомъ. Это становище Столбовое, гдѣ находится третья колонія печенгскаго общества—Столобовая. Въ ея бухтѣ могутъ останавливаться небольшія лодьи, сидящія въ водѣ шесть фу-

футовъ. Здѣсь поселилось въ качествѣ колонистовъ семеро норвежцевъ, занимающихся рыбнымъ промысломъ. Одна изба, одинъ хлѣвъ, да землянка составляютъ всю колонію. Семья переселенцевъ ведетъ одинокую и печальную жизнь. Особенно тоскуютъ двѣ женщины, изъ которыхъ одна по видимому знала лучшее время и иную обстановку когда-то. Впрочемъ, зачѣмъ доискиваться какія связи соединяютъ колониста съ его прошлымъ, чѣмъ онъ былъ прежде! Понятно, что только несчастіе гонитъ человѣка вонъ изъ его родины, изъ братскаго и милаго кружка дорогихъ сердцу людей. Къ чему бередить старыя раны. Довольно того, что тайная драма сказывается сама въ грустной пѣснѣ и печальномъ взглядѣ. А я дѣйствительно подмѣтилъ одинъ такой взглядъ, когда колонистка вышла изъ избы на берегъ. Вѣтеръ дулъ съ ея родины — и нужно было видѣть, какъ она смотрѣла туда!.. Тихо всколыхнулась грудь, по огрубѣвшему на сѣверѣ лицу скатилась слеза и, безсильно понурясь, она медленно пошла домой, чтобы тамъ, въ тѣсной и жалкой избенкѣ, переживать тѣ же думы, перебирать тѣ же воспоминанія—все о далекой, трудно забывающейся родинѣ, о томъ миломъ краѣ, гдѣ ей улыбались знакомыя лица, гдѣ, быть можетъ, у черныхъ скалъ Лофоденскаго побережья зеленѣютъ надъ моремъ дорогія и милыя могилы.

Въ колоніи пока находятся одна ела, карбасъ, двѣ коровы. Въ этомъ все богатство и всѣ надежды переселенцевъ.

Слѣдующая колонія—Ворьема помѣщается у устья рѣки того же имени, вытекающей верстахъ во ста отсюда и быстро бѣгущей по крутому склону къ морю. Усѣянная порогами и сжатая пахтами (скалами) Ворьема представляетъ по обоимъ берегамъ своимъ прекрасные пейзажи, такъ и просящіеся на полотно. Такова, напримѣръ, мѣстность узкаго и красиваго плеса Лазозера. Самая рѣка очень узка. Въ устьѣ, ширина ея доходитъ лишь до 10½ сажень. Здѣсь выходитъ по рѣкѣ Ворьемѣ къ морю пограничная съ Норвегіей черта. Тутъ находится крайній столбъ, указывающій начала района, отданнаго сосѣднему королевству. Отъ него граница идетъ къ югу на 12 верстъ, потомъ на Пазрѣку къ церкви Бориса и Глѣба на W. Прежде считали границею мысъ Вересъ въ 50 верстахъ западнѣе Ворьемы, на меридіанѣ города Вадсэ. Колонія на Ворьемѣ также не многолюдна. Въ ней поселилось шестеро кореловъ (два семейства, 3 м. и 3 ж.), весьма зажиточныхъ. У нихъ двѣ избы, амбаръ, баня и хлѣвъ. Одна ела и карбасъ служатъ для промысла. За то они довольно успѣшно занимаются скотоводствомъ (5 коровъ, 1 быкъ и 17 овецъ). Ловятъ семгу собственнымъ неводомъ, очень значительнымъ, и двумя гарвами, и добываютъ треску, для чего у нихъ находится 30 тюковъ яруса. Кромѣ того,

они же бьютъ лисицъ и куницъ. Въ колоніи есть четыре ружья для этой цѣли.

Крайняя западная колонія наша Финманская или Фильманская лежитъ на самой границѣ Норвегіи, въ такъ называемой Островной губѣ, съ прекрасною бухтою, глубокою и закрытою отъ вѣтра. Здѣсь живетъ колонистъ изъ норвежцевъ, Оскаръ, съ наемными людьми (норвежцами). Онъ не занимается одною рыбо-промышленностію, но, пользуясь сосѣдствомъ Норвегіи, торгуетъ въ большомъ размѣрѣ норвежскимъ ромомъ и другими товарами. У него двѣ избы, два амбара, лавка, двѣ елы, двѣ шняки, олень. Изъ рыболовныхъ снарядовъ: два семужьихъ невода, 80 тюковъ яруса и 2 ружья. Торговые обороты его опредѣлить трудно, но они не ниже 4,000 р. Кромѣ рома, главные предметы ихъ: сало и сухая рыба, которыя сбываются скупщикамъ.

Полуострова Средній и Рыбачій принадлежатъ Рыбачьему сельскому обществу, причемъ лопари, владѣвшіе имъ прежде, остались безо всего. Здѣсь находится семь цвѣтущихъ колоній—надежда Мурмана. Лучшая и первая изъ нихъ колонія *Земляная губа*. Благосостояніе ея жителей можетъ служить примѣромъ выгодъ, которыя дастъ эта окраина трезвому и предпріимчивому переселенцу. Въ первый разъ на Мурманѣ встрѣчаются здѣсь хорошо содержимые огороды, гдѣ растутъ успѣшно подъ 69° 45′ 48″ рѣпа, картофель, рѣдька. Пробовали здѣсь разводить и капусту, но вслѣдствіе раннихъ морозовъ въ эти два года она все обращалась въ трубку. Молочность мѣстнаго скота необыкновенна. Развитію скотоводства особенно содѣйствуетъ превосходное качество мѣстнаго сѣна, въ которомъ много питательныхъ веществъ сравнительно съ его объемомъ. Вблизи колоній растетъ березнякъ, почему нѣтъ нужды и въ дровахъ. Съ большою увѣренностью могу сказать, что въ коровникахъ у колонистовъ Земляной губы чище, чѣмъ въ избахъ у покрученниковъ, у корсловъ-колонистовъ. Въ этой колоніи есть ремесленники, къ которымъ обращаются и изъ Колы: портной, сапожникъ, столяръ и плотникъ. Всѣ жители поселенія—финны. Не смотря на то, что они прибыли сюда нищими, изъ нихъ никто не взялъ пособія отъ казны и всѣ вмѣстѣ они единогласно постановили не принимать въ свою среду того, кто получитъ такую субсидію. Своимъ благосостояніемъ они обязаны только личной энергіи, прочной ассоціаціи, трезвости и предпріимчивости. Слово финна на Мурманѣ—свято, оно дороже и надежнѣе векселя. Промыслы настоящаго года сильно подняли ихъ экономическое положеніе. Они пріобрѣли по 260 р. на каждаго ловца. На поморскую шняку даже пришлось здѣсь по 800 р., но къ сожалѣнію, за противными вѣтрами сюда не могли пробраться промышленники изъ восточныхъ колоній. Всего же здѣсь живетъ 177 чел. (98 м. и 79 ж.), изъ нихъ 173 финна и 4 норвежца. Въ коло-

нии 13 избъ, 22 землянки, 21 амбаръ, 8 бань, 25 хлѣвовъ. Обиліе землянокъ объясняется тѣмъ, что финнъ прежде всего построитъ хлѣвъ для коровы, потомъ амбаръ, потомъ заведетъ снасть, наконецъ собьется на покупку судна и ужь послѣ всего этого рѣшится для себя поставить избу. Русскіе дѣлаютъ наоборотъ: они прежде обзаводятся избою, а потомъ уже, если хватитъ силъ, сбиваются на остальное. Промысловый флотъ Земляной губы состоитъ изъ 39 елъ, 10 шнякъ, шкуны и 30 карбасовъ. Мѣстный скотъ — изъ семидесяти штукъ скота (бык. 10 и 60 кор.) и болѣе 100 овецъ. На каждую семью приходится по четыре и болѣе коровы. Треску ловятъ удами, а не ярусами, какъ и въ Урѣ-губѣ, что и здѣсь оказалось выгоднѣе поморской кабалы у хозяина. Зато почти каждая семья въ Земляной имѣетъ акулій снарядъ, и акульяго сала добываетъ вся колонія на 2,690 руб. При оцѣнкѣ благосостоянія колоніи Земляной необходимо имѣть въ виду, что ея жители явились сюда *паріями*, и все что у нихъ есть теперь, пріобрѣтено въ 5 или 6 лѣтъ не болѣе. Нельзя не отнестись къ этому съ особеннымъ уваженіемъ. Бывшій архангельскій губернаторъ Качаловъ особенно покровительствовалъ финнамъ-колонистамъ. Я считалъ его взгляды на колонію слишкомъ оптимистическими, а ожиданія, возлагаемыя на нея, преувеличенными. Но увидѣвъ это замѣчательное поселеніе, я долженъ былъ сознаться, что Земляная губа по отношенію къ достоинствамъ работящихъ и честныхъ ея колонистовъ—положительно выдѣляется изо всѣхъ другихъ на Мурманѣ. Мнѣ кажется—въ будущемъ и весьма недалекомъ, она оставитъ далеко позади и города сосѣдней Норвегіи. Дайте только ей больше воли и больше простора. Не стѣсняйте административными и податными веригами ея населенія. Не отдавайте его въ жертву поморскимъ хищникамъ и отстаивайте отъ вмѣшательства въ ея дѣла уѣзднаго чиновничества. Она расположена на южномъ берегу Большой Волоковой губы, а на сѣверномъ ея берегу устроилась другая колонія, почти равная ей по благосостоянію, хотя и не такъ населенная—Червянная, въ вершинѣ Червянной губы. Здѣсь живетъ только сорокъ колонистовъ (21 м., 19 ж.), изъ нихъ 18 норвежцевъ и 22 финна. У нихъ три избы, пять землянокъ, два амбара, двѣ бани, шесть хлѣвовъ. Колоніи этой принадлежатъ пять елъ и три карбаса. Скота здѣсь находится до 12 коровъ, 2 быка и 40 овецъ. Ловъ трески тоже производится удами. Колонисты бьютъ акуль и продаютъ сало ихъ въ Норвегію, въ Вадсэ. Красивое мѣстоположеніе колоніи соединяется еще съ особенными выгодами губы, гдѣ разбросаны постройки. Отсюда рукой подать въ Вадсэ и Вардо, стоитъ только пересѣчь Варангеръ-фьордъ, на что ела при попутномъ вѣтрѣ употребляетъ отъ 8 до 12 часовъ. Затѣмъ слѣдуетъ колонія Вайдо-губа, съ которой уже нѣсколько

жатъ: двѣ шкуны, семь шнякъ и семь карбасовъ, Базарному клиперъ и три шкуны съ карбасами. Общій торговый и промысловый оборотъ на 20,000 р. у перваго. У втораго—дѣло пока пріостановлено. Всѣхъ промысловыхъ орудій у нихъ на 6,000 р., да въ амбарахъ факторіи Базарнаго сложено около 100,000 пуд. соли. Скотоводства не существуетъ. Колонія имѣетъ хорошую будущность по выгодному положенію ея, по обилію промысловъ въ губѣ Урѣ и въ окрестныхъ широтахъ океана. Тутъ ежегодно бьютъ акулъ и добываютъ сала болѣе чѣмъ на 8,000 рублей.

Съ четвертой и послѣдней колоніей этого общества *Урой* читатели уже нѣсколько знакомы изъ другихъ главъ. Она составляетъ, вмѣстѣ съ Земляною губой, лучшее поселеніе на Мурманѣ. Жителей здѣсь 113 чел. (60 м. и 53 ж.), изъ нихъ 86 финновъ, 16 норвежцевъ, 6 русскихъ и 5 кореловъ. Имъ всѣмъ принадлежатъ 12 избъ, 11 землянокъ, 5 амбаровъ, 16 хлѣвовъ. Здѣсь есть двѣ лавки. Промыселъ производится на 23 елахъ и 11 шнякахъ, тремя семужьими неводами, 250 тюками тресковаго яруса, 10 снарядами для ловли мойвы, 35 рѣчными сѣтями, 6 акульими снарядами, 4 сѣтями для ловли морскихъ звѣрей и 15 ружьями. Колоніи принадлежатъ *великолѣпные* семужьи ловы на р. Урѣ и сѣнокосныя мѣста на ея берегахъ, гдѣ пасется до 70 коровъ, 10 быковъ, 130 овецъ и 50 оленей. Урская семга едва ли не лучшая на Мурманѣ. Она продается по 5 р. за пудъ—Савину, Филиппову, Паллизену и др. Переселенцы очень зажиточны и, повидимому, довольны своею судьбою до такой степени, что и не вспоминаютъ о скудной родинѣ, гдѣ они оставили за собою нищету и лишенія. Къ первымъ неудобствамъ жизни колониста они уже притерпѣлись, и боятся только, что имъ не будутъ продолжены льготы, которыми они пока пользуются. Въ случаѣ, ежели ихъ опасенія оправдаются, можно поручиться, что лучшіе изъ нихъ уѣдутъ въ Америку. Останутся только пропившіеся и ни къ чему неспособные люди. Дѣло въ томъ, что пока колонія не окрѣпла окончательно, было бы недальновидно подчинять ее общимъ условіямъ государственнаго строя. Подати, запрещеніе свободной торговли—все это подорветъ зачинающееся благосостояніе и заставитъ колонистовъ искать новаго отечества на дальнемъ западѣ Америки.

Кромѣ этихъ колоній, есть еще четыре, разбросанныя по восточную сторону Кольской губы: Тириберка съ 26 колонистами русскими, Рында съ 6 переселенцами русскихъ и Гаврилова съ 54 русскими и корелами. Послѣдняя колонія на востокѣ Шельпина, гдѣ колонистъ Савинъ открылъ свою факторію. Всѣ эти поселенія приписаны къ Кольско-лопарской волости. Таковы двадцать колоній Мурманскаго берега. Онѣ устроились въ теченіе шести лѣтъ. Благодаря неразорительнымъ для прави-

тельства издержкамъ и цѣлесообразнымъ льготамъ, цѣлая береговая линія призвана къ прочной общественной и торгово-промышленной жизни.

Но, увлекаясь настоящимъ положеніемъ колоній, нельзя выпускать изъ виду нѣкоторыхъ условій, которыя тормозили и тормозятъ ихъ дальнѣйшее развитіе. Какъ и вездѣ, гдѣ только какое-либо новое дѣло творится исключительно административными путями, безъ участія въ немъ мѣстнаго общества и лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ устройствѣ предпріятія,—и въ колонизаціи Мурмана было допущено столько промаховъ и необдуманностей, что самое переселеніе сюда могло стать притчею во языцѣхъ. У насъ часто гибнутъ такимъ образомъ самыя полезныя идеи. А не удастся дѣло разъ—оно уже теряетъ свой нравственный кредитъ, и возвратъ къ нему очень труденъ. Такъ напримѣръ, когда уже была окончательно утверждена колонизація Мурмана, къ кольскому исправнику при Гагаринѣ, явилось множество переселенцевъ, пожелавшихъ устроить свою осѣдлость на этой окраинѣ (всего около 500 чел.). Имъ указали мѣста поселеній, многіе изъ нихъ уже и завели кое-какіе домишки, скотъ, какъ вдругъ оказалось, что администраціей забыта *самая малость*, а именно: не обусловлена выдача колонистамъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ обществъ, къ которымъ они принадлежали. Въ свою очередь, это повело къ тому, что волостныя правленія потребовали назадъ людей, явившихся на Мурманъ по призыву правительства, и тѣ должны были вернуться домой разоренными до тла. Едва ли разсказы ихъ могли благотворно повліять на выселеніе кого-либо изъ того района на берега Сѣвернаго океана. Когда же, наконецъ, выдача увольнительныхъ свидѣтельствъ была установлена, — не было принято мѣръ къ своевременному исполненію требованій колонистовъ въ этомъ отношеніи. Случались такія, напримѣръ, несообразности. Является колонистъ на Мурманъ. Проходитъ годъ,—увольнительнаго свидѣтельства нѣтъ, какъ нѣтъ, и несчастный, устроившійся здѣсь, долженъ все бросать и уходить опять на оставленную родину. Медленность произошла отъ цѣлаго ряда ни къ чему неведущихъ формальностей. Затѣмъ оказалось, что по дорогѣ не организовано никакой помощи переселенцу. Не дано даже разрѣшенія выдавать имъ хлѣбъ на продовольствіе изъ мѣстныхъ казенныхъ магазиновъ съ отчисленіемъ этихъ отпусковъ на счетъ колонистскаго хлѣбнаго магазина. Это, въ свою очередь, вызвало такіе, напримѣръ, факты. Въ Кемь явилось до 200 лицъ, желавшихъ колонизовать Мурманъ, но у нихъ, по приходѣ въ этотъ городъ, не стало собственнаго хлѣба. Правительство имъ не помогло, и вмѣсто того, чтобы поселиться на Мурманѣ, всѣ они принуждены были застрять въ Кеми батраками у кулаковъ и работниками у болѣе состоятельныхъ крестьянъ. Съ денежными пособіями случилась та же исторія. Выдача

ихъ обусловлена, а ассигновки объ отпускѣ нужной для того суммы изъ казначейства не сдѣлано. Колонисты, явившіеся съ разсчетомъ, получивъ пособіе, продержаться кое-какъ на первыхъ порахъ—до промысловъ,—попали въ самое безвыходное положеніе. Тѣ же, которые проѣли все свое имущество по дорогѣ, принуждены были, вмѣсто колонизаціи, просить милостыню. Такъ продолжалось почти два года, когда, весьма основательно опасаясь жалобъ колонистовъ, уѣздное чиновничество, наконецъ, расшевелилось и стало кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, дѣлать свое дѣло. Кромѣ того, администрація не предвидѣла и того, что право на рѣчные семужьи ловы у лопарей еще не отнято, а между прочимъ, по высочайшему повелѣнію, колонистамъ предоставлено ловить рыбу и въ рѣкахъ. Начались столкновенія съ лопарями. Сами инородцы—народъ безотвѣтный. Они бы и не вступились за свое. Но дѣло въ томъ, что семужьи ловы лопарскими сельскими обществами были уступлены въ кортому кольскимъ и поморскимъ купцамъ, которые, затративъ на организацію промысла деньги, не были расположены отдать его какимъ-то, неизвѣстно откуда и за чѣмъ явившимся къ нимъ людямъ. Такъ, въ Тирибиркѣ ловилъ рыбу нѣкто Миронинъ и долго не соглашался уступить ½ добычи колонистамъ. Наконецъ его принудили уже чисто *полицейскими* мѣрами. Самая выдача пособій дѣлалась какъ-то странно. Давали ихъ норвежцамъ, людямъ весьма неблагонадежнаго свойства, и въ то же время отказывали въ ней русскимъ, или назначали имъ менѣе первыхъ. Многіе норвежцы, заполучивъ 150 р. отъ казны, уѣзжали себѣ во свояси или въ Америку, благословляя русское правительство, которое дало имъ средства для переселенія въ западныя мѣста. Въ Колѣ, напримѣръ, работникомъ у Базарнаго жилъ когда-то финнъ Матшкуга, пламенно желавшій переселиться на Мурманъ, съ пользованіемъ правами колониста, но его не пускали, потому что онъ *хорошій работникъ* и нуженъ Базарному. Правильная организація колоній могла быть только съ устройствомъ постояннаго пароходнаго сообщенія между ними и ихъ съ Архангельскомъ и Норвегіей. И, дѣйствительно, явилось бѣломорско-мурманское пароходство, которое было вызвано именно правительствомъ. Дана ему большая субсидія, но самое товарищество организовалось изъ такихъ людей, что дѣло погибло въ самомъ началѣ, и колоніи остались безъ правильнаго сообщенія, тогда какъ въ Норвегіи по лѣтнимъ даже становищамъ постоянно и срочно ходятъ не одинъ, а нѣсколько почтовыхъ и пассажирскихъ пароходовъ. Образовавъ колоніи, правительство не устроило никакихъ дорогъ внутрь Кольскаго полуострова, или отъ одной изъ нихъ къ другой, тогда какъ въ сосѣднемъ королевствѣ отъ самыхъ маленькихъ населенныхъ пунктовъ къ другимъ пробиты прекрасныя и дешево стоющія пѣше-

ходныя дороги. Колонистамъ было предоставлено селиться въ опредѣленныхъ мѣстахъ, но при этомъ бухты и заливы оставлены въ ихъ прежнемъ видѣ. Не устроено ни рамъ, ни моловъ, ни гурій, ни указателей стоянокъ, ни пристаней, не расчищено фарватера, не приняты мѣры для предотвращенія міазмовъ отъ гніющихъ тутъ же органическихъ остатковъ, — короче не сдѣлано ничего, что могло бы выгодно повліять на развитіе судоходства и фрахтовой промышленности. Врачебная помощь не организована вовсе. Пьяницы-фельдшера, *распространяющіе сифилисъ и мошенничающіе*, по словамъ офиціальнаго отчета, на всемъ пространствѣ Мурмана, едва ли составляютъ врачебную помощь. На всемъ Кольскомъ полуостровѣ нѣтъ ни одного доктора. Нѣтъ и лекарствъ, потому что Архангельскъ не снабжаетъ фельдшеровъ ими; да и эти представители медицины въ колоніяхъ не умѣютъ отличить правой руки отъ лѣвой, подавно имъ не отличить одного медикамента отъ другаго. Не устроено помѣщеній для больныхъ вовсе, и состоятельные колонисты изъ западныхъ береговыхъ колоній должны, въ случаѣ болѣзни, или ѣздить, или посылать въ Вардо за помощью. Какъ не привести при этомъ примѣра Норвегіи. Тамъ на пространствѣ каждыхъ пяти квадратныхъ миль есть врачъ и аптека. Въ Вардо на 2,000 жителей лѣтомъ и на 1,000 зимою—три врача, а у насъ на всю Архангельскую губернію съ ея 280,000 населеніемъ, на 758,046 квадратныхъ верстъ ея пространства всего только четверо врачей, да и то одинъ изъ нихъ, бросивъ исцѣленіе болящихъ, поступилъ въ мировые посредники. Колонистамъ высочайше разрѣшенъ отпускъ изъ мѣстныхъ лѣсовъ по 100 деревъ на постройку дома со службами, шняки и карбаса, тогда какъ этого количества не хватитъ и на одну избу. Самая льгота эта остается номинальной, потому что лѣсъ колонисту изъ кольскихъ лѣсовъ отпускается натурою. Но вблизи колоній нѣтъ лѣсовъ вовсе. Только около Печенги растетъ сносный лѣсокъ. Отъ остальныхъ же: отъ Уры—онъ на разстояніи 100 верстъ, отъ колоній Рыбачьяго полуострова отъ 200—350 верстъ, отъ Тириберки 100 верстъ и т. д. Еслибы изъ лѣсныхъ участковъ къ этимъ пунктамъ существовали кое-какія сплавныя рѣки, тогда колонистъ могъ бы отправиться въ чащу нарубить, что ему приходится по билету, и сплавить бревна къ колоніи. Въ дѣйствительности же, на Кольскомъ полуостровѣ только одна рѣка годится для сплава—Тулома, да и та перегорожена семью порогами. Остальныя рѣки не доступны ни для плаванія, ни для сплава. Везти лѣсъ цѣликомъ нельзя, потому что на всемъ полуостровѣ нѣтъ ни одной лошади. Да еслибы онѣ и были, то одинъ транспортъ сталъ бы дороже, чѣмъ купить лѣсъ въ Архангельскѣ или въ Норвегіи. Внутренность полуострова заставлена горами и заброшена скалами, изрыта ущельями, во

всѣхъ направленіяхъ пересѣчена озерами и рѣками; для устройства коннаго сообщенія нужно еще сначала провести дороги, настлать мосты и гати. Остается одно зимнее сообщеніе, но на это время доставка лѣса къ колоніямъ невозможна. Всѣ перевозки совершаются зимою на оленяхъ, а примѣнить этихъ животныхъ къ передвиженію бревенъ немыслимо. Изо всего этого слѣдуетъ одно, что колонисту дарована такая льгота, которою онъ пользоваться не можетъ вовсе. А, между прочимъ, ему лѣсъ нуженъ. Нужна шняка, карбасъ, домъ, амбары. И живетъ онъ пока въ землянкѣ, терпя всевозможныя лишенія. Слѣдовало бы ему, вмѣсто лѣса натурою, выдавать денежное пособіе на покупку его: тѣмъ колоніямъ, которыя расположены восточнѣе Колы и по восточному берегу Рыбачьяго полуострова, по цѣнамъ, существующимъ *въ Колѣ*, тѣмъ же, которыя находятся по западную сторону Рыбачьяго полуострова, по цѣнамъ, существующимъ на тотъ же предметъ, въ Вадсэ и Вардо. Колонистамъ нуженъ хлѣбъ, а казенные магазины все еще въ проектѣ. Въ частной же продажѣ онъ имѣется только въ факторіяхъ. Изъ казны въ ссуду хлѣба не выдаютъ, а тутъ именно требуется безпроцентная ссуда муки. Споры и ссоры между колонистами и колянами, между колонистами и промышленниками, между колонистами и лопарями въ настоящее время разрѣшаются по необходимости патріархальными способами на началахъ первобытной юрисдикціи, то-есть кулачнаго права. Понятно, какъ это удачно содѣйствуетъ развитію здѣсь гражданственности и уваженія къ закону. Необходимо было бы назначить сюда мироваго судью, которому, разумѣется, пришлось бы кочевать изъ одного становища въ другое. Припускать къ этому дѣлу мѣстную полицію, понятно, никакъ не слѣдуетъ.

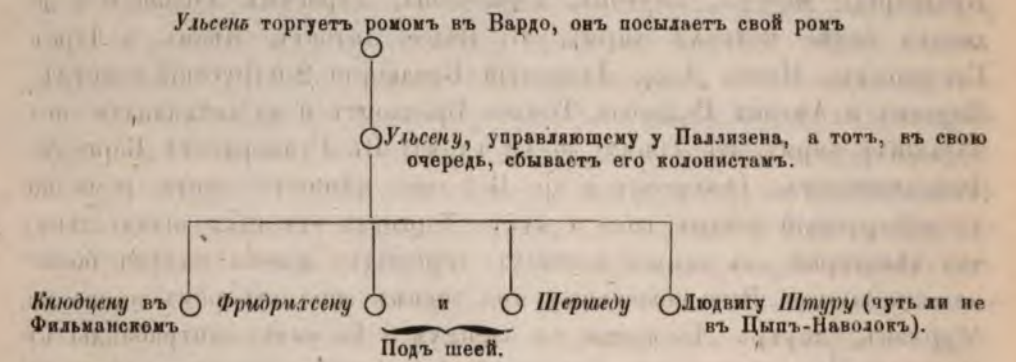
Но благосостояніе колоній тѣсно связано съ двумя предметами: устройствомъ ссудныхъ банковъ и запрещеніемъ безпошлинной торговли норвежскимъ ромомъ. Ссудные банки могли бы устроиться въ Шельпиной или Териберкѣ, въ Урѣ или Земляной губѣ и въ Печенгѣ. Существовало предположеніе устроить одинъ такой при факторіи Паллизена, но во-первыхъ одного банка на 800 верстное протяженіе берега недостаточно, а во-вторыхъ, къ факторіи Паллизена до того *силенъ норвежскій* элементъ, что дѣло попало бы въ *норвежскія руки* и *русскимъ* колонистамъ отъ него, какъ отъ козла, не было бы ни шерсти, ни молока. Ссудные банки вызвали бы постройку новыхъ судовъ, посредствомъ выдачи денегъ въ кредитъ подъ залогъ сихъ послѣднихъ. Они помогли бы развить здѣсь небольшую торговлю и бѣднымъ колонистамъ, распространивъ такимъ образомъ выгоды безпошлинной торговли не на однихъ состоятельныхъ переселенцевъ, каковы: Даль, Шершедъ, Оскаръ, Кнюдсенъ, Ульсенъ, Фридрихсенъ, Кенніевъ, Филипповъ, Юль, Альберсенъ, Кононовъ, Хохловъ, Савинъ

и Оявсенъ, но и на всѣхъ остальныхъ. Что же касается до безпошлинной торговли ромомъ здѣсь, то на ней я нахожу возможнымъ остановиться нѣсколько долѣе.

Господа, проѣзжавшіе мелькомъ по Мурманскому берегу, и не сходившіе нигдѣ съ палубы парохода, очень пространно толковали о томъ, что торговли ромомъ на Мурманѣ нѣтъ вовсе, только потому, что къ нимъ въ каюты никто не носилъ его, хотя тутъ же въ трюмы погружались цѣлыя бочки этого напитка. На голосъ такихъ туристовъ «по дѣламъ службы» не слѣдуетъ обращать никакого вниманія.

Норвежскій *ромъ* только носитъ названіе *рома*. Въ сущности же, это дешевый, вредный и снабженный разными примѣсями напитокъ, доставляемый въ сѣверную Норвегію изъ Гамбурга и Англіи черезъ Бергенъ, и разбавляемый здѣсь безъ зазрѣнія совѣсти. Имъ торгуютъ съ Россіей слѣдующія фирмы, въ Вардо: Ульсенъ, Николай и Лаврентій Брадкорты, Мейеръ, Бартонъ, Геспенсенъ, Герасимъ Гольмбое и до десяти болѣе мелкихъ фирмъ. Въ Вадсе: Энтовтъ, Иванъ и Ларсъ Геспенсены, Иванъ Даль, Лаврентій Бродкортъ 2-й (русскій консулъ) Ларсенъ и Антонъ Гольмбоэ, Томасъ Бродкортъ и до двѣнадцати небольшихъ фирмъ. Въ Тромзе до 12 фирмъ. Въ Гаммерфестѣ Бергеръ, Финикенгавенъ, Оскорсенъ и др. Всѣ они мѣняютъ этотъ ромъ на лучшій русскій товаръ: сало и муку. Торговля эта такъ значительна, что нѣкоторые изъ поименованныхъ торговыхъ домовъ ничѣмъ болѣе не занимаются. Весь сбываемый ими такимъ образомъ ромъ идетъ на Мурманъ, внутрь Лапландіи на оленяхъ и въ видѣ контрабанды въ Поморье. При обмѣнѣ или при продажѣ на деньги анкерокъ рому въ 50 или 45 бутылокъ (три ведра) оцѣнивается въ 8 р., слѣдовательно ведро его въ 2 р. 50—2 р. 60 к. Русское вино въ Архангельскѣ 4 р. 50 к. ведро. Можете себѣ представить послѣ этого, какой *ромъ* пьетъ Мурманъ наша Лапландія и Поморье. Норвежское правительство тотъ же ромъ, обращаемый для внутренняго употребленія, облагаетъ высокою пошлиной и освобождаетъ отъ нея только тѣ грузы напитка, которые обращаются въ Россію. Промышленники, судохозяева и купцы, пріѣзжающіе въ Норвегію, не могутъ взять за свою муку и сало чистыя деньги или тотъ товаръ, который имъ нуженъ исключительно. Если они не желаютъ брать на обмѣнъ хотя $^1/_3$ рома, то съ ними ни одна фирма не станетъ имѣть дѣла. Скупщики норвежской рыбы — русскіе поморы говорили намъ, что ежели они берутъ на 2,000 товару, то на 1,000 р. непремѣнно придется взять рому. Норвегія (сѣверная) обогащается продажею его въ Россію. «Они на наши кровныя денежки, что за ромъ ушли, цѣлые города понастроили», говорятъ коляне. Вмѣсто того, чтобы возить безпошлинно ромъ на Мурманъ, гораздо уже цѣлесообразнѣе было бы разрѣшить продажу тамъ водки

безъ акциза. По крайней мѣрѣ, деньги оставались бы у насъ, а за сало и муку русскіе брали бы у норвежцевъ болѣе подходящіе товары. Ромъ не выдерживаетъ конкуренціи съ русскою водкою вовсе. Это общее заявленіе мурманцевъ. Недовольствуясь продажею водки на русскія суда, норвежцы завели съ 1869 года непосредственныя сношенія съ Мурманомъ и его колонистами и промышленниками. Для этого они посылаютъ сюда своихъ родственниковъ или повѣренныхъ; тѣ, являясь, подъ видомъ благочестія, въ качествѣ переселенцевъ, занимаютъ мѣсто, гдѣ больше народу — или промышленниковъ, или колонистовъ—все равно. Потомъ подаютъ просьбу объ утвержденіи за ними правъ русскаго колониста. Любвеобильная кольская полиція разумѣется ничего не имѣетъ противъ этого. Тотчасъ же послѣ этого, пользуясь преимуществами безпошлинной торговли, они заводятъ склады рома, находя уже второстепенныхъ коммисіонеровъ и т. д. Такъ напр.



Такъ плодится и множится эта пагубная торговля, подрывая народное благосостояніе русскаго Мурмана все въ пользу тѣхъ же хитроумныхъ Улиссовъ-иностранцевъ. Точно также Даль въ Печенгѣ служитъ коммисіонеромъ своего брата въ Вадсэ и т. д. Остановимся сначала на дѣятельности Ульсена. Еще весною, когда на Мурманѣ нѣтъ вовсе промышленниковъ, ромъ изъ Вардо на корабляхъ Паллизена подвозится къ Ульсену, который складываетъ его «Подъ Шеей». Ромъ везется подъ видомъ пива и даже, какъ говорятъ нѣкоторые, но чему я положительно не вѣрю — складывается въ амбарахъ и кладовыхъ самой факторіи Паллизена. На бочкахъ клеймо Ульсенъ и Комп. Вслѣдъ затѣмъ ромъ распредѣляется между коммисіонерами или продается имъ за деньги. Когда являются промышленники, ромопродавцы съ первыхъ же дней начинаютъ свою торговую дѣятельность. Въ періодъ весенняго лова мойвы, напр. Людвигъ Штуръ продалъ этого рома промышленникамъ въ теченіе двадцати пяти дней 89, а другой колонистъ норвежецъ 90 анкерковъ—оба въ Цыпъ-Наволокѣ. Слѣдовательно, у нихъ горсть промышленниковъ выпила въ 26 дней 8,950

бутылокъ рома. Сколько должно было уйти за это денегъ! Впрочемъ, говорятъ, уходили не однѣ деньги,—а и снасти и хозяйскія вещи. Тотъ же Ульсенъ, напримѣръ, мезенцамъ, пріѣхавшимъ въ факторію съ лѣсомъ, закупившимъ здѣсь чай, сахаръ и пр., продалъ 1,000 бутылокъ рому. Самъ Ульсенъ лично старается непродавать рому, а служитъ только посредникомъ между норвежскими фирмами и мѣстными сбытчиками. Такимъ образомъ, оставаясь какъ будто въ сторонѣ, онъ, подобно извѣстной одесской дѣвицѣ, умѣетъ и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти. Зимою этотъ же ромъ провозится на саняхъ внутрь Лапландіи и въ Финляндію Далемъ. Заправляя этимъ дѣломъ, послѣдній дѣйствуетъ въ качествѣ повѣреннаго своего брата.

Такимъ образомъ, болѣе сорока фирмъ въ Норвегіи, а на Мурманѣ Даль, Ульсенъ, Кнюдсенъ, Шершедъ, Фридриксенъ, братья Штуры, Юль, Филиповъ, Кононовъ — торгуютъ ромомъ. Каждый промышленникъ, если у него что нибудь и останется неожиданно проскользнувшее сквозь хозяйскія лапы — пропьетъ на ромъ. Соблазнительна, главное, его дешевизна. Бутылка водки ему обходится здѣсь по 35 к., а за бутылку рому онъ платитъ по 16—18 копѣекъ.

Очень полезно было бы наложить на норвежскій ромъ пошлину, возможно высокую, и разрѣшить ввозъ сюда русской водки съ пониженнымъ акцизомъ, такъ какъ крѣпкіе напитки здѣсь все-таки частію и необходимы. Въ холодныя весеннія и осеннія ночи, колонисты и промышленники, остающіеся въ морѣ, безъ водки или рому пропадутъ вовсе. Когда ромъ вздорожаетъ, онъ уже будетъ истребляться гораздо менѣе. Лучше же предоставить колонистамъ другія выгоды, напримѣръ, на ту же сумму, которую даетъ новый тарифъ—построить у нихъ молы, рымы и очистить берега для маломальски сносныхъ дорогъ.

Торговлѣ ромомъ здѣсь, впрочемъ, покровительствуютъ и мѣстныя власти. Жилъ въ Колѣ очень дѣльный и неглупый промышленникъ, нѣкто Шабунинъ, бывшій даже членомъ географическаго общества. До открытія колонистской волости печенгскіе переселенцы избрали его своимъ старостой. Онъ имѣлъ на нихъ хорошее вліяніе и на первыхъ же порахъ они составили приговоръ *о воспрещеніи торговать виномъ и прочими напитками въ предѣлахъ своего общества*. Норвежецъ-колонистъ Даль и др., разумѣется, сейчасъ же кинулись съ жалобой къ какому-то мировому посреднику, который, вмѣсто поддержки Шабунина, обвинилъ его въ *противодѣйствіи Высочайшей власти*, разрѣшившей здѣсь свободную продажу питей и за такое «*государственное преступленіе*» отправилъ Шабунина арестованнымъ въ Колу, гдѣ этотъ несчастный годъ слишкомъ просидѣлъ въ тюрьмѣ. Теперь такіе факты почти невозможны. Шабунинъ, впрочемъ, не потерялъ своей энергіи, въ какихъ необыкновенныхъ преступленіяхъ его

ни обвиняло. Шабунинъ пожелалъ записаться на Мурманѣ колонистомъ, но власти не допустили его до этого. Въ своей жалобѣ начальнику Архангельской губерніи, онъ прямо говоритъ: полиція мѣшаетъ мнѣ поселиться на Мурманѣ только потому, что я препятствую ей класть въ карманъ подарки за контрабанду рома». Въ томъ же письмѣ онъ заявляетъ: «крестьянинъ, явившійся въ Колу по призыву правительства, прежде чѣмъ попасть въ колонисты, долженъ цѣлые мѣсяцы вымаливать этого у мѣстнаго исправника»! Наконецъ, положеніе этого члена географическаго общества, полезнаго труженика на сѣверѣ, оклеветаннаго прежними уѣздными властями, стало здѣсь такъ ужасно, что, выдержавъ нѣсколько мѣсяцевъ полицейскаго надзора, онъ плюнулъ на все и убѣжалъ въ Норвегію.

Замѣчательно, что норвежцы раньше насъ поняли все значеніе колонизаціи Мурмана. Какъ только она была утверждена, то капиталисты тотчасъ же послали своихъ повѣренныхъ въ лучшія губы Мурмана, чтобы приписать ихъ туда колонистами. Въ Гамбургѣ для эксплуатаціи переселенцевъ былм заказаны грузы необходимыхъ для нихъ матеріаловъ и вещей. Когда пароходъ «Великій князь Алексій» потерпѣлъ крушеніе—норвежецъ Даль предложилъ замѣнить его своимъ пароходомъ на тѣхъ же условіяхъ. «Мы бы съ помощью парохода весь вашъ Мурманъ, торговлю и промысла, забрали бы въ свои руки», откровенно сознаются норвежцы.

Въ отношеніяхъ между колонистами, въ ихъ бытѣ и теперь уже сказываются многія оригинальныя особенности. Буду приводить ихъ, не соблюдая въ этомъ особеннаго порядка. Въ 1870 г. русскій крестьянинъ Тонинъ обстроился въ Урѣ-губѣ, но немного спустя, бросилъ все и уѣхалъ, заявивъ, что тутъ все норвежцы, что здѣсь русскаго слова не услышишь, что вообще ему тутъ претитъ. Такова розни между ними. Что же заставляетъ людей переселяться? Бывшій военный писарь, именующій себя гражданиномъ,— Рыжковъ, которому надоѣли «разочарованія жизни и суета городскихъ треволненій, чувствуя потребность въ пустынѣ для своего успокоенія и для умиротворенія скорби, проситъ (губернатора въ офиціальной бумагѣ) дозволить ему поселиться тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ», т. е. на Мурманѣ. Какъ администрація понимала значеніе колонистовъ. Прежній исправникъ колониста Филиппова преслѣдовалъ и хотѣлъ лишить правъ переселенца за то, что онъ въ Еретикахъ «слишкомъ развилъ торговую дѣятельность и ѣздитъ въ Архангельскъ, Норвегію и въ Шунгу для сбыта своей промысловой добычи». Образцовый администраторъ! Въ самомъ дѣлѣ—назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ. Колонистъ ты—такъ и сиди у себя въ колоніи. Исправникъ вѣроятно принималъ послѣднія за что-то въ родѣ исправительныхъ домовъ или арестант-

скихъ ротъ. Какіе посредники назначались на Мурманъ? Былъ тутъ, напримѣръ, Панафидинъ, который изъ Колы цѣлую зиму не ѣздилъ открывать Мурманской волости, потому что не зналъ можно ли зимою туда проѣхать, когда черезъ три дома отъ него жилъ человѣкъ, содержавшій сообщеніе со всѣми пунктами берега. Лѣтомъ же посредникъ не открывалъ волости, потому что страдалъ разстройствомъ желудка. Насколько благонадежны колонисты-норвежцы, видно изъ того, что самъ шведско-норвежскій консулъ Флейшеръ (въ Архангельскѣ), предлагалъ нашей администраціи требовать отъ каждаго переселенца изъ сосѣдняго королевства на Мурманъ свидѣтельства о томъ, что тотъ не бѣжавшій преступникъ и вообще нравственной благонадежности. Понимаютъ ли потребности колонистовъ мѣстныя власти? Когда въ іюлѣ 1871 и 1872 г. въ Америку *бѣжали* изъ Червяной губы: колонисты Іоганъ Друва, Генрихъ Торфилля, Нильсъ, Гухта, Уліарви, Кярекъ-Аго, изъ Земляной губы: Абрамъ и Осипъ Пинтоми; изъ Вайда-губы—Вольдемаръ, Генне и др., то вмѣсто признанія того, что причиною побѣга было опасеніе отмѣны правъ безпошлинной торговли и интриги норвежскихъ эмиграціонныхъ агентовъ, здѣсь объяснили выѣздъ колонистовъ въ Сѣверные Штаты «ихъ заблужденіемъ и ослѣпленіемъ, главнѣйше происходящими отъ невѣжества и непониманія начальственной о нихъ заботливости, коей они, по ехидству и обманству своему, даже не стоятъ въ малой степени, не токмо что изъ-за нихъ начальство себя до истощенія мыслей и потери сна обезпокоиваетъ».

Въ Вайдо-губѣ колонисты отказались принять въ свою среду Гранрота, потому что тотъ когда-то производилъ запрещенный вывозъ сѣна въ Норвегію и ловилъ птицъ на островахъ, взятыхъ въ аренду другими. Колонисты «Подъ-Шеей» не согласились принять въ свою колонію Индригорста, потому что, хотя «онъ хорошій человѣкъ, но жена его Сесилія по хозяйству не бережлива». Колонисты Земляной губы отказали въ пріемѣ одной молодой женщинѣ, потому что, хотя она сама и «честная женщина, но за нею гоняются промышленники». Колонисты Зубовскихъ острововъ не хотѣли принять къ себѣ колониста, потому что онъ бьетъ свою жену и говоритъ съ неуваженіемъ о религіи.

Согласіе колоніи на поселеніе въ ея средѣ новаго сочлена несовсѣмъ удобно. Поселятся гдѣ-нибудь четверо или пятеро норвежцевъ; захочетъ къ нимъ приписаться русскій—они его не примутъ и дѣлу шабашъ. Пусть явятся разомъ двадцать русскихъ туда,—все-таки спросятъ четырехъ первоначально осѣвшихъ тутъ норвежцевъ — и наши должны искать мѣсто въ другихъ колоніяхъ. Если гдѣ поселятся шестеро или семеро состоятельныхъ колонистовъ, то, сами не нуждаясь,

они ни за что не дадутъ ручательства въ возвратѣ правительственной ссуды (150 р.) послѣдующимъ колонистамъ, и бѣдному человѣку въ ихъ средѣ никакъ не устроиться. Принимая въ свою среду нѣкоего Сотисару, вайдо-губскіе колонисты постановили, чтобы до расчищенныхъ ими сѣнокосовъ онъ и не касался, а заводилъ свои.

Колонисты платятъ на содержаніе волости и на другія мірскія подати по 1 р. каждый. Но такъ какъ этого было мало, то состоятельные изъ нихъ добровольно обязались вносить ежегодно: Филипповъ—50 р., Антонъ Даль 40 р., Юль 30 р., Шершедъ 30 р., Кнюдсенъ 25 р., Юль 2-й 25 р., Ульсенъ 25 р., Фридрихсенъ 20 р., Каннуевъ 15 р., Даль 2-й 10 р. 30 к. На факторію Паллизена (оборот. 180,000 р.) было наложено 100 р., но управляющій ею, Ульсенъ, согласился вносить только 50 р., т. е. столько же, сколько Филипповъ (оборот. 6,000 р. въ годъ). Вотъ должностные чины колонистской волости: волостной старшина—Филипповъ; кандидатъ къ нему Юль (норвежецъ). Волостные судьи: Антонъ Даль (норвежецъ). Генрихъ Никкель (тоже), Корнило Сергѣевъ. Сельскіе старосты: Эрихъ Нискаяненъ (норвежецъ), Эрихъ Генинекъ (финнъ), Прохоръ Костинъ. Выборные: Даль Шершедъ, Гинсенъ, Эриксенъ, Никкель, Ларсенъ, Гротъ (норвежцы), Регина, Ронгайненъ, Пельдо (финны). Сергѣевъ и Кемовъ—русскіе. Итого—норвежцевъ одиннадцать, финновъ четверо и русскихъ пятеро. Избраніе ненадежныхъ норвежцевъ въ выборныя должности не совсѣмъ бы желательно для края, и съ этимъ нельзя не согласиться тому, кто прочелъ все, что сообщено нами о роли, какую эта раса играетъ у насъ на Мурманѣ. Прибавьте стремленіе ихъ удержаться отъ сліянія съ русскими и финнами, пренебреженіе къ нашимъ интересамъ и выгораживаніе своихъ «самовольныхъ» ловцовъ при столкновеніи съ русскими промышленниками и русскими властями. Было бы не дурно впередъ подумать объ этомъ, пока еще есть время поправить прежнія ошибки.

Еще курьезъ: волость хлопочетъ объ удаленіи изъ своей среды одного колониста, крестьянина Никитина, выставляя поводомъ къ этому: «*непомѣрный аппетитъ*» (подлинное выраженіе) этого субъекта. Никитинъ, видите ли, послѣ скудныхъ промысловъ разорился, а ѣсть ему хотѣлось также, какъ и прежде. Какъ не видѣть въ этомъ опасности для общества? Впрочемъ, мѣстная власть не признала «аппетита» поводомъ къ удаленію Никитина и ограничилась отобраніемъ отъ него подписки въ томъ, что онъ будетъ «*трудиться*».

Такъ какъ удаляемые по приговорамъ общества люди ссылаются въ Сибирь на поселеніе, то, еслибы ходатайство волости было уважено, мы имѣли бы въ нашей административной практикѣ примѣръ человѣка, сосланнаго за непомѣрный аппетитъ.

Во всякомъ случаѣ, колонистамъ на Мурманѣ живется лучше, чѣмъ промышленникамъ. Смертность первыхъ къ смертности послѣднихъ относится какъ 1 къ 38,2, а процентъ заболѣвающихъ въ колоніяхъ къ тому же въ становищахъ на 1 къ 23. Послѣднія, т. е. становища во всѣхъ отношеніяхъ хуже устроены, чѣмъ колоніи.

У колонистовъ финновъ и норвежцевъ дома устроены по норвежскому образцу съ острыми деревянными кровлями, если переселенецъ богатъ, и крыты дерномъ, если онъ бѣденъ. Русскихъ печей у нихъ нѣтъ, а поставлены желѣзныя переносныя печи, которыя весьма мало согрѣваютъ комнаты. Впрочемъ, они привыкли къ холоду. Эти печи чаще всего крадутъ промышленники изъ русскихъ, преимущественно же онежане. Русскіе колонисты живутъ, какъ и у себя въ деревняхъ, только что иногда, вмѣсто теса, кроютъ, по бѣдности, свои избы дерномъ, какъ и норвежцы.

VII.

Варде-Хузъ *).

«Среди вѣчной ночи океана царитъ преимущественно животная жизнь, тогда какъ на континентахъ, періодически оживляемыхъ солнечными лучами, господствуетъ жизнь растеній». Я невольно вспомнилъ это выраженіе Гумбольдта, когда мы шли изъ Вайдо-губы въ Варде-хузъ, оставляя за собою предѣлы Россіи для суровыхъ береговъ сѣверной Норвегіи. Мимо насъ то и дѣло проходили цѣлыя полчища китовъ, стада сайды порою встрѣчались на пути, разнообразя своею веселою игрою на волнахъ величавое уныніе океана. Въ одномъ мѣстѣ насъ окружила цѣлая стая чаекъ и тотчасъ же отхлынула, стремясь по одному и тому же направленію на востокъ, то подлетая къ самой водѣ, то взвиваясь въ высь. Я думаю, тутъ было ихъ болѣе милліона.

— Это вы понимаете, что значитъ?

— Нѣтъ.

— Сельдь идетъ на Мурманъ, — чайки и провожаютъ. А вонъ на горизонтѣ киты, тѣ тоже за нею. Теперь въ глубинѣ каша. Впереди сельдь, за сельдью — треска, сайда, за ними въ свою очередь акула. А позади всѣхъ нагоняютъ мелкую рыбишку киты. И вверху, и внизу — охота. Страсть сколько поѣдаютъ этой сельди.

— А все истребить не могутъ, замѣтилъ кто-то. Премудрость!

---

*) Варде-хузъ (въ Норвегіи) самая сѣверная крѣпость въ Европѣ.

— Чудесовъ на морѣ много.

— Сказано—океанъ-море, ты и понимай.

— Въ емъ можетъ сколько всего сидитъ.

— Точно что. .

— Это вѣрно! Одно слово—бездна! Не охватишь.

— Чудной этотъ! слышалось за мною.

— А что?

— Оченно въ камешки влюблены. Ходятъ по берегу, да молоточкомъ по пахтамъ *)

— Ученый...

— Ученый?... Нѣтъ, я тебѣ скажу, этихъ ученыхъ—вво! И пассажиръ слонообразной наружности сжалъ кулакъ. Ты думаешь, это онъ спроста?... Шельмы! Они нонь рыщутъ... Золота имъ требуется, д-р-руги... Рази я это не понимаю... золота!—И онъ заколотилъ себя кулакомъ въ грудь.

— Ну, тебѣ что! Ну, золота,—все жь на пользю.

— Пользю... Нѣтъ, постой, пользю! Онъ тебѣ ее покажетъ. Кто золото копаетъ? говори кто-о? Ну! Пользю! Казенный рабочій копаетъ. Найди онъ у насъ золота, всѣхъ это промышленниковъ заберутъ да на горныя работы и обратятъ. Онъ тебѣ дастъ пользю, какъ на тебя сѣрую куртку надѣнутъ.

Переходъ изъ Вайде-губы до Варде-хуза продолжается нѣсколько часовъ. По мѣрѣ приближенія къ берегу становилось все холоднѣе и холоднѣе; пришлось снять легкія лѣтнія пальто и надѣть осеннія съ мѣховыми воротниками. Нѣкоторые облекались въ шубы. Прежде всего на горизонтѣ появляются безжизненныя сѣрыя очертанія, точно марь расползающіяся по окраинѣ океана. Потомъ изъ однообразной массы начинаютъ выдѣляться каменныя горы, пологія, покрытыя бѣлесоватою тундрой, которая при солнечномъ свѣтѣ должна серебриться матовымъ блескомъ. Еще ближе можно уже отличить на западѣ два большихъ каменныхъ острова, соединенныхъ короткимъ и узкимъ перешейкомъ, по правую и по лѣвую сторону котораго находятся двѣ прекрасныя гавани. Первое время, пока пароходъ огибалъ унылые и мрачные выступы дикаго камня, искрещеннаго черными щелями и трещинами, мы видѣли только горбы и куполообразные холмы пустыннаго берега. Наконецъ, на сѣверо-западѣ легли какія-то правильныя линіи, оказавшіяся шанцами норвежской крѣпости, далеко, впрочемъ, не имѣвшей грознаго вида. Скоро можно было разсмотрѣть развѣвавшійся по вѣтру флагъ—надъ домомъ коменданта. За стѣнами на одинъ моментъ мелькнули какія-то остроконечныя кровли, длинный шпиль,

*) Пахта — скала.

стоявшей на возвышеніи кирхи и верхушки многочисленныхъ мачтъ. Новые выступы берега скоро совершенно скрыли только показавшійся было городъ, и лишь спустя четверть часа мы вошли въ южную гавань Вардо и заняли мѣсто посреди цѣлаго лѣса кораблей, между которыми дымились два или три парохода.

Было воскресенье. Сотни лодокъ бороздили губу. На нихъ плавали мальчики, иногда очень маленькіе, но бойко правившіе рулемъ и еще бойче управлявшіеся съ веслами. Не смотря на сильный холодъ съ насквозь пронизывающею сыростью, всѣ они щеголяли въ какихъ-то маленькихъ курточкахъ—и только. Направо шелъ пустой берегъ, надъ которымъ раскидывался осмиугольникъ небольшой крѣпости; налѣво все было заставлено амбарами на высокихъ платформахъ, укрѣпленныхъ надъ моремъ на толстыхъ и прочныхъ столбахъ. Дальше за ними раскидывался городъ, казавшійся, вслѣдствіе своей скученности, довольно большимъ. Красивые, высокіе деревянные дома развертывались въ эффектную перспективу, на самомъ дальнемъ фонѣ которой бѣлѣла небольшая деревянная кирха, невольно останавливая на себѣ взглядъ своими изящными очертаніями и легкимъ полувоздушнымъ силуэтомъ высокаго шпиля. Домики казались щеголеватыми. Большія, свѣтлыя окна вволю пропускали солнца. На крышѣ каждаго дома былъ устроенъ высокій штокъ, на которыхъ, во время недавняго посѣщенія Вардо королемъ Оскаромъ, развѣвались флаги. Эти штоки, вмѣстѣ съ остроконечными кровлями, вперемежку съ домами крытыми дерномъ, придавали Вардо весьма оригинальный видъ. Сотни елъ *) чернѣли на берегу, опрокинутыя на время; откуда-то доносился сильный запахъ трески, — оказалось, что вдоль берега во многихъ мѣстахъ устроены сушильни, а въ бинокль видны были тысячи палтуховъ **) съ сушившеюся рыбою, преимущественно на плѣшкахъ пологихъ холмовъ въ окрестностяхъ города. Губа вся съ этой стороны была заставлена судами англійскаго, сѣверо-американскаго и датскаго торговыхъ флаговъ. На нихъ было все пусто. Только на великобританскомъ бригѣ пировала кучка матросовъ съ мѣдно-красными, обрамленными рыжими бакенами, лицами. Между ними ходила бутылка, и не смотря на строгія узаконенія о соблюденіи воскреснаго дня, задорно разносилась пѣсня, которую можно услышать во всѣхъ концахъ міра съ извѣстнымъ припѣвомъ:

«Rule, Britannia, Britannia rule the waves», etc.

Въ хриплыхъ голосахъ слышалось одушевленіе и сила. Одинъ изъ пѣвцовъ подошелъ даже къ кормѣ и, угрожая нашему пароходу бу-

*) Ела—норвежская промысловая лодка.

**) Палтухи—жерди, на которыхъ развѣшивается рыба.

тылкой, еще разъ проревѣлъ во все горло: Rule, Britannia, Britannia rule, the waves...

— Это онѣ насъ задираетъ! проговорилъ молодой военный матросъ и, опасливо оглянувшись кругомъ, громко пустилъ въ англичанина довольно крѣпкимъ словцомъ.— У насъ, въ Кронштадтѣ, они часто привязываются къ русскимъ; ну, за то и бьютъ ихъ.

— Побьешь!

— А то нѣтъ?... Эхъ, какъ бьютъ-то еще.

— Своимъ бокамъ! У аглецкаго матроса первое дѣло — бокса. И супротивъ этой боксы однимъ только и сдѣйствуешь—полѣномъ. Ежели по лбу собственно... Оченно хорошо я знаю ихнюю боксу. Изъ-за нее, изъ-за подлой, въ лазаретѣ сколько я вылежалъ.

— Попало?

— Ты съ нимъ сцѣпись — попадетъ. Будь спокоенъ. Ну, и наши, будемъ говорить прямо, тоже себѣ на умѣ. Сейчасъ въ горсть защѣпятъ мѣдяковъ, да старыхъ еще, и по виску. Ну, точно, что въ этомъ разѣ бываетъ чувствительно, очень хорошо бываетъ. То-ись—лоскомъ... А то тоже, какъ сойдутся аглецкіе съ мериканцами... Ну, тутъ ужъ война на смертное убійство. Тѣ затянутъ сейчасъ: «Руль, Британія, руль». Американецъ на зло ему давай «Янкѣ долю» пѣть. И пойдетъ, и пойдетъ. То-ись до положенія! Бываетъ и ножами дѣйствуютъ.

Спустя часа два по приходѣ нашемъ въ портъ, отъ берега отчалила лодка съ таможенными чиновниками. Судя по этимъ представителямъ государственнаго флага, онъ и въ Норвегіи обставленъ также какъ и у насъ. Хохлатая фигура, какъ будто только-что выхваченная изъ любаго русскаго присутственнаго мѣста, явилась на палубу. Онъ напоминалъ извѣстную поговорку: носъ крючкомъ, борода стручкомъ. Весьма снисходительно осмотрѣвъ наши каюты, чиновникъ далъ наконецъ разрѣшеніе съѣхать на берегъ. Мы тотчасъ же бросились въ ожидавшія насъ лодки и, окруженные цѣлою флотиліей что-то кричавшихъ мальчугановъ, пристали къ какому-то громадному амбару, оказавшемуся жиротопеннымъ заводомъ.

Первое, что поразило насъ въ городѣ, — необыкновенная чистота зданій и улицъ. Повсюду между домами, въ переулкахъ, на площадкахъ, чернѣли килемъ вверхъ опрокинутые елы и челноки. Высокіе, но узкіе дома, иные только по два окна въ этажѣ, высились направо и налѣво. На нѣкоторыхъ красовались русскія вывѣски, такъ напр. одна во-всеуслышаніе заявляла, что здѣсь пребываетъ:

«замя лючи бардная отъ Стокхолмъ»,

что долженствовало означать: самый лучшій портной изъ Стокгольма. Видно было вообще, что русскіе здѣсь — свои люди. Нѣсколько кир-

пичныхъ домовъ обнаруживаютъ неумѣнье мѣстныхъ жителей обходиться съ этимъ матеріаломъ. Одни кирпичи выходили какъ-то горбомъ, другіе лежали вкось. Все смотрѣло очень нерадостно. За то изящные дома Ульсена, Бродкорта *) (или Брокова по-поморски) невольно останавливали взглядъ. Еще одна черта: ни въ одномъ окнѣ не было цвѣтовъ.

На улицахъ пусто. Только въ одномъ мѣстѣ стояла толпа норвежцевъ. Повидимому, они пользовались отдыхомъ воскреснаго дня. Это были чернорабочіе, но ни одного между ними, да вообще въ цѣломъ городѣ, я не видѣлъ въ праздникъ пьянымъ. Только на другой день три или четыре квена шлялись по пристани, распѣвая и приплясывая, но *въ одиночку*. Теперь же толпа молчала, сосредоточенно глядя внизъ или другъ на друга. Русскому, привыкшему къ сообщительности у себя, особенно же къ праздничнымъ возліяніямъ и изліяніямъ, какъ-то смѣшно даже было видѣть это безмолвное, неподвижное спокойствіе такъ оригинально развлекающихся людей. Всѣ они были одѣты чрезвычайно чисто; но на поворотѣ въ другую улицу пришлось за то натолкнуться на знакомую картину. Шло нѣсколько человѣкъ обнявшись. Пьяныя лица съ всклоченными волосами, лохмотья на плечахъ и крѣпкія присловья, поминутно звучавшія вперемежку съ пѣсней и остротами прянаго свойства, сразу перенесли меня въ отечество. Замѣчательно, что и норвежцы, повидимому, притерпѣлись къ этому. Пьяные прошли мимо этой трезвой толпы; я нарочно пріостановился. Никто изъ послѣднихъ не только не обратилъ вниманія на моихъ соотечественниковъ, но даже не поднялъ головы, не взглянулъ на нихъ. Я даже засмѣялся, такъ оригинальна была эта праздничная неподвижность, это важное безмолвіе. Повернувъ къ городской окраинѣ, я наткнулся на другую картину, такъ и пахнувшую на меня счастливой идилліей дѣтства. Прелестный ребенокъ у плетня бодался съ небольшимъ козломъ подросткомъ. Нужно было видѣть серьезность дитяти и серьезность козла, чтобы понять всю прелесть этой сцены. Оба точно дѣлали дѣло. Русскій ребенокъ заливался бы при этомъ смѣхомъ, кричалъ, визжалъ, кругомъ суетилась бы толпа постороннихъ ребятишекъ, а какая нибудь тетка Арина уже устремлялась бы издали съ розгою въ рукахъ на мѣсто шаловливыхъ наслажденій молодаго поколѣнія. Даже русскій козелъ былъ бы живѣй и бойчѣй. Здѣсь же не было ничего подобнаго.

Двери въ кухни, выходившія прямо на улицу, были повсюду отворены настежь. По праву иностранца, я пріостанавливался передъ ними.

*) Ульсенъ и Бродкортъ принадлежатъ въ Вардо къ главнѣйшимъ фирмамъ по торговлѣ съ Россіей.

тылкой, еще разъ проревѣлъ во все горло: Rule, Britannia, Britannia rule, the waves...

— Это онъ насъ задираетъ! проговорилъ молодой военный матросъ и, опасливо оглянувшись кругомъ, громко пустилъ въ англичанина довольно крѣпкимъ словцомъ.—У насъ, въ Кронштадтѣ, они часто привязываются къ русскимъ; ну, за то и бьютъ ихъ.

— Побьешь!

— А то нѣтъ?... Эхъ, какъ бьютъ-то еще.

— Своимъ бокамъ! У аглецкаго матроса первое дѣло — бокса. И супротивъ этой боксы однимъ только и сдѣйствуешь—полѣномъ. Ежели по лбу собственно... Оченно хорошо я знаю ихнюю боксу. Изъ-за нее, изъ-за подлой, въ лазаретѣ сколько я вылежалъ.

— Попало?

— Ты съ нимъ сцѣпись — попадетъ. Будь спокоенъ. Ну, и наши, будемъ говорить прямо, тоже себѣ на умѣ. Сейчасъ въ горсть зацѣпятъ мѣдяковъ, да старыхъ еще, и по виску. Ну, точно, что въ этомъ разѣ бываетъ чувствительно, очень хорошо бываетъ. То-ись—лоскомъ... А то тоже, какъ сойдутся аглецкіе съ мериканцами... Ну, тутъ ужь война на смертное убійство. Тѣ затянутъ сейчасъ: «Руль, Британія, руль». Американецъ на зло ему давай «Янкѣ долю» пѣть. И пойдетъ, и пойдетъ. То-ись до положенія! Бываетъ и ножами дѣйствуютъ.

Спустя часа два по приходѣ нашемъ въ портъ, отъ берега отчалила лодка съ таможенными чиновниками. Судя по этимъ представителямъ государственнаго флага, онъ и въ Норвегіи обставленъ также какъ и у насъ. Хохлатая фигура, какъ будто только-что выхваченная изъ любаго русскаго присутственнаго мѣста, явилась на палубу. Онъ напоминалъ извѣстную поговорку: носъ крючкомъ, борода стручкомъ. Весьма снисходительно осмотрѣвъ наши каюты, чиновникъ далъ наконецъ разрѣшеніе съѣхать на берегъ. Мы тотчасъ же бросились въ ожидавшія насъ лодки и, окруженные цѣлою флотиліей что-то кричавшихъ мальчугановъ, пристали къ какому-то громадному амбару, оказавшемуся жиротопеннымъ заводомъ.

Первое, что поразило насъ въ городѣ, — необыкновенная чистота зданій и улицъ. Повсюду между домами, въ переулкахъ, на площадкахъ, чернѣли килемъ вверхъ опрокинутые елы и челноки. Высокіе, но узкіе дома, иные только по два окна въ этажѣ, высились направо и налѣво. На нѣкоторыхъ красовались русскія вывѣски, такъ напр. одна, во-всеуслышаніе заявляла, что здѣсь пребываетъ:

«зами лючи бардная отъ Стокхолмъ»,

что долженствовало означать: самый лучшій портной изъ Стокгольма. Видно было вообще, что русскіе здѣсь – свои люди. Нѣсколько кир-

пичныхъ домовъ обнаруживаютъ неумѣнье мѣстныхъ жителей обходиться съ этимъ матеріаломъ. Одни кирпичи выходили какъ-то горбомъ, другіе лежали вкось. Все смотрѣло очень нерадостно. За то изящные дома Ульсена, Бродкорта *) (или Брокова по-поморски) невольно останавливали взглядъ. Еще одна черта: ни въ одномъ окнѣ не было цвѣтовъ.

На улицахъ пусто. Только въ одномъ мѣстѣ стояла толпа норвежцевъ. Повидимому, они пользовались отдыхомъ воскреснаго дня. Это были чернорабочіе, но ни одного между ними, да вообще въ цѣломъ городѣ, я не видѣлъ въ праздникъ пьянымъ. Только на другой день три или четыре квена шлялись по пристани, распѣвая и приплясывая, но *въ одиночку*. Теперь же толпа молчала, сосредоточенно глядя внизъ или другъ на друга. Русскому, привыкшему къ сообщительности у себя, особенно же къ праздничнымъ возліяніямъ и изліяніямъ, какъ-то смѣшно даже было видѣть это безмолвное, неподвижное спокойствіе такъ оригинально развлекающихся людей. Всѣ они были одѣты чрезвычайно чисто; но на поворотѣ въ другую улицу пришлось за то натолкнуться на знакомую картину. Шло нѣсколько человѣкъ обнявшись. Пьяныя лица съ всклоченными волосами, лохмотья на плечахъ и крѣпкія присловья, поминутно звучавшія вперемежку съ пѣсней и остротами прянаго свойства, сразу перенесли меня въ отечество. Замѣчательно, что и норвежцы, повидимому, притерпѣлись къ этому. Пьяные прошли мимо этой трезвой толпы; я нарочно пріостановился. Никто изъ послѣднихъ не только не обратилъ вниманія на моихъ соотечественниковъ, но даже не поднялъ головы, не взглянулъ на нихъ. Я даже засмѣялся, такъ оригинальна была эта праздничная неподвижность, это важное безмолвіе. Повернувъ къ городской окраинѣ, я наткнулся на другую картину, такъ и пахнувшую на меня счастливой идилліей дѣтства. Прелестный ребенокъ у плетня бодался съ небольшимъ козломъ подросткомъ. Нужно было видѣть серьезность дитяти и серьезность козла, чтобы понять всю прелесть этой сцены. Оба точно дѣлали дѣло. Русскій ребенокъ заливался бы при этомъ смѣхомъ, кричалъ, визжалъ, кругомъ суетилась бы толпа постороннихъ ребятишекъ, а какая нибудь тетка Арина уже устремлялась бы издали съ розгою въ рукахъ на мѣсто шаловливыхъ наслажденій молодаго поколѣнія. Даже русскій козелъ былъ бы живѣй и бойчѣй. Здѣсь же не было ничего подобнаго.

Двери въ кухни, выходившія прямо на улицу, были повсюду отворены настежь. По праву иностранца, я пріостанавливался передъ ними.

*) Ульсенъ и Бродкортъ принадлежатъ въ Вардо къ главнѣйшимъ фирмамъ по торговлѣ съ Россіей.

Тамъ за очагами хлопотали расфуфыренныя, разумѣется по-норвежски, барыни, которымъ прислуга только помогала. Вообще же двери открыты повсюду — въ дома, въ квартиры. Черезъ одну видны сѣни, а сквозь нихъ и гостиная, гдѣ собралось молчаливое, неподвижно сидящее въ креслахъ общество. И это въ холодный день, когда меня едва-едва согрѣвало осеннее пальто. Нигдѣ не слышно пѣсни. У раскрытыхъ настежь оконъ, какія-то солидныя физіономіи безмолвно, безъ любопытства смотрятъ на насъ, когда вы проходите мимо. Я обратился къ одному изъ такихъ джентльменовъ съ вопросомъ: гдѣ можно купить фотографій города и окрестностей? Оказалось, что онъ по-нѣмецки не понимаетъ. Говорю по-французски—тоже. Наконецъ, смѣшивая англійскій, французскій и нѣмецкій языки, прибавляю достаточную дозу жестовъ, и вдругъ—господинъ, сидѣвшій у окна въ одной жилеткѣ, не говоря ни слова, приподымается и спустя минуту выходитъ въ легонькомъ сюртучкѣ, съ шляпою на затылкѣ. Я недоумѣваю. Онъ мнѣ показываетъ знаками, чтобы я шелъ за нимъ. Иду. Колеся по переулкамъ, вышли мы на другую сторону перешейка, въ какую-то небольшую уличку. Пріостанавливаемся у одного дома. Мой проводникъ кричитъ что-то въ раскрытое окно и, наконецъ, мы входимъ въ квартиру фотографа. Тою-же смѣсью языковъ, подражая племенамъ, задумавшимъ столпотвореніе вавилонское, объясняюсь съ какою-то длинною жердью въ пиджакѣ и красномъ колпачкѣ. Меня не понимаютъ. Пробую заговаривать на всѣхъ другихъ извѣстныхъ мнѣ языкахъ, но уже въ другихъ комбинаціяхъ — на лицахъ слушателей является довольное выраженіе (не улыбка, потому что едва-ли норвежцы умѣютъ улыбаться). Я радуюсь—меня поняли! Меня торжественно ведутъ наверхъ. Фотографъ ставитъ меня передъ окномъ, испытующимъ окомъ созерцаетъ нѣсколько времени мою фигуру, деликатно поворачиваетъ мое лицо къ свѣту за подбородокъ, поправляетъ бороду и внимательно исчезаетъ за чехломъ камеръ-обскуры. Я, наконецъ, во время соображаю, что съ меня хотятъ снять портретъ. Размахиваю руками, объясняюсь вновь,—жердь въ красномъ колпачкѣ и мой обязательный проводникъ подбѣгаютъ ко мнѣ и тоже что-то говорятъ. По пантомимамъ я, наконецъ, понимаю, что если я буду махать руками и поворачивать голову, то портрета не выйдетъ. Все это, насколько я понялъ, разбавлялось разсужденіями. «какіе-де дураки эти русскіе: хотятъ чтобы ихъ снимали, когда они говорятъ и ходятъ, и этого-де не понимаютъ». Опять таже смѣсь языковъ; наконецъ я подхожу къ окну, простираю руки на весь городъ, точно хочу обнять его, показываю, какъ снимаютъ виды и — о счастіе! колпачекъ летитъ стремглавъ внизъ и является съ пачкою фотографій. Виды были исполнены довольно плохо, но чтобы хотя нѣсколько вознаградить жердь за

получасовую пытку—я покупаю все. На улицѣ я думалъ уже проститься съ моимъ проводникомъ, но онъ показываетъ мнѣ, чтобы я шелъ съ нимъ. Отправляюсь. Проходимъ чистенькую площадку съ казармами, заканчивающуюся рогаткою. Перешагнувъ черезъ нее, вступаемъ въ крѣпость. Меня провели по всѣмъ валамъ, показали казармы, и вездѣ я видѣлъ чистоту, доведенную до величайшаго педантизма. Крѣпость какъ игрушка. Валы точно обточены, на плацу лишняго камешка нѣтъ. Комнаты команды убраны и вычищены аккуратнѣе русской аптеки. Все это время проводникъ мой пускается въ подробнѣйшія объясненія. Останавливаетъ на валахъ, показываетъ на сѣверъ, востокъ и западъ— и все говоритъ и говоритъ. Я киваю ему головою, разумѣется не понимая ни слова. Потомъ онъ ведетъ меня назадъ; проходимъ всѣ только-что видѣнныя улицы. Въ дверяхъ его дома раскланиваюсь съ нимъ. Онъ беретъ меня за руку и опять-таки ведетъ съ собою. Входимъ: прекрасно убранная гостиная. Мнѣ придвигаютъ кресло. Садимся и молчимъ полчаса, не сводя, впрочемъ, глазъ другъ съ друга. Вносятъ кофе. Пьемъ,—но молчимъ по-прежнему. Наконецъ я встаю, подношу *собесѣднику*, въ знакъ благодарности, мундштукъ изъ архангельской моржовой кости, съ изображеніемъ оленя и самоѣда. Подарокъ принимаютъ и тотчасъ отплачиваютъ мнѣ книжкою стихотвореній Мы жмемъ другъ другу руки и, обмѣнявшись карточками, разстаемся добрыми пріятелями.

Пошелъ по берегу. Тутъ у самыхъ домовъ наложены цѣлые костры высушивающихся тресковыхъ головъ. По платформамъ амбаровъ можно пройти съ конца въ конецъ черезъ весь городъ. Наконецъ встрѣчаю товарища по каютѣ.

— Вы куда?

— Гуляю.

— А обѣдать не собираетесь?

— Думаю просто зайти въ гостиницу перекусить.

— Ха-ха-ха! Это вы полагаете, какъ у насъ. Зашелъ, заказалъ и получилъ. Нѣтъ-съ. Въ три часа вездѣ подадутъ обѣдъ. Если къ этому времени не придете — оставайтесь голоднымъ. Пойдемте въ нашу биржу. Здѣсь ресторанчикъ такой есть. Всѣ русскіе собираются. Отель Гансена. Тамъ у нихъ всевозможныя сдѣлки идутъ между собою. Норвежецъ въ трактирѣ ни въ какой коммерческій разговоръ не пойдетъ. Приходи къ нему, у себя дома тебя обработаетъ. Пойдемъ, по крайности увидите ихніе обѣды.

Въ общей залѣ отеля уже собрались всѣ русскіе, пріѣхавшіе съ нами на пароходѣ. Тутъ были и поморскіе купцы, и кольскіе судохозяева, народъ все порядочный и грамотный Въ то время, какъ мы сидѣли, болтая о своихъ дѣлишкахъ, въ залу вошелъ какой-то госпо-

динъ и, не снимая шляпы, обратился къ намъ на исковерканномъ русскомъ языкѣ.

— Говядина есть?

— Нѣтъ. На пароходѣ не доставлена. (Въ сѣверную Норвегію говядина часто доставляется изъ Россіи).

— Сколько васъ?—Онъ съ видимымъ трудомъ пережевывалъ немногія извѣстныя ему русскія слова и скоро перешелъ на норвежскій языкъ, который понимала большая часть присутствующихъ. Меня поразила грубость, съ которой онъ относился къ русскимъ.

— Кто это такой? спросилъ я у сосѣда.

— Русскій консулъ Сканске.

Меня взорвало. Такое неуваженіе нашего представителя къ людямъ, которыхъ интересы онъ защищаетъ, которые ему платятъ, наконецъ, за это,—было, какъ хотите, возмутительно. Я надѣлъ шляпу. Сосѣдъ мой, понявъ, въ чемъ дѣло, сдѣлалъ тоже. Консулъ покосился въ нашу сторону. На минуту въ его лицѣ выразилось недоумѣніе. Наконецъ онъ, повидимому, сообразилъ неловкость своего положенія и медленно снялъ шляпу; тогда разумѣется и мы сдѣлали то же. Укрощенный Юпитеръ подошелъ къ намъ и спросилъ, не нужно-ли для насъ сдѣлать что нибудь въ Вардо, просилъ распоряжаться имъ, пожаловать къ нему и т. д.; вообще сталъ милъ и любезенъ до послѣдней степени.

Положеніе консула здѣсь очень выгодно. Такъ напр. вардесскій консулъ получаетъ отъ 70 к. до 1 р. съ ласта приходящихъ сюда русскихъ судовъ. Такъ какъ всѣхъ судовъ приходитъ къ вардесскому порту 250 и общее количество ластовъ ихъ не менѣе 4,000, то понятно, что консулъ совершенно даромъ положитъ себѣ въ карманъ до 2,600 р. Спрашивается: за какія добродѣтели?

За обѣдъ сѣли: хозяинъ отеля (этотъ патріархальный обычай существуетъ во всѣхъ гостиницахъ сѣверной Норвегіи), три какіе-то норвежца, во все время не говорившіе ни слова, нѣсколько русскихъ поморовъ, да два англійскіе лорда — Кемпбелль и Грагамъ, путешествовавшіе по Норвегіи и сбиравшіеся осмотрѣть Мурманъ, Бѣломорье и Архангельскъ. Болтали за столомъ только англичане, да я. Остальные точно были нѣмы. Норвежцы даже съ удивленіемъ смотрѣли на насъ, не понимая, какъ можно ѣсть и говорить въ одно и то же время. Прислуживала за столомъ жена хозяина. Этотъ скверный, унижающій женщинъ обычай существуетъ во всей Норвегіи. Тамъ, гдѣ есть дочери—прислуживаютъ онѣ. Насъ, разумѣется, это коробило. М-мъ Гансенъ обыкновенно передавала блюдо кому нибудь изъ сидѣвшихъ; тотъ, взявъ себѣ извѣстную часть, передавалъ блюдо сосѣду, съ *церемоннымъ поклономъ*; сосѣдъ *кланялся* въ отвѣтъ и бралъ блюдо. Нѣкоторые даже привставали при этомъ. Эти высокоторжественные поклоны такъ

Убитый кит.

мнѣ надоѣли, что конца обѣда я ждалъ какъ особеннаго счастливаго событія. Что мнѣ понравилось — такъ это обычай норвежцевъ по два и по три раза обносить однимъ и тѣмъ же блюдомъ. Тутъ нѣтъ порцій, а всякій ѣстъ сколько хочетъ. Большая часть кушаній состоитъ изъ рыбы. Супъ приготовляется изъ пресованнаго бульона, съ одиноко плавающимъ въ немъ кусочкомъ моркови. Свѣжаго мяса во всей сѣверной Норвегіи не достать. Его возятъ сюда русскіе пароходы и русскія суда. Лакомствомъ считается здѣсь даже свѣжая олѳнина. За обѣдъ взяли съ меня три урта (75 к.) и наконецъ освободили отъ этихъ церемонныхъ поклоновъ и взаимныхъ одолженій.

Норвежскіе дома не имѣютъ печей. Вездѣ чугунные камины, которые нагрѣваютъ комнаты быстро, но за то не надолго. На стѣнахъ сквернѣйшія литографіи берлинскаго производства;—дамы съ цвѣточками въ рукахъ и опущенными глазами, съ губками похожими на сердечко, выслушиваютъ необыкновенно франтоватыхъ, съ выгнутыми руками, кавалеровъ, которые вѣроятно говорятъ имъ очень милыя и любезныя вещи, помѣщаемыя въ видѣ стиховъ подъ картиною. Въ самомъ дѣлѣ, наше «погребеніе кота» и остроумнѣе и занимательнѣе. Во многихъ домахъ, чаще посѣщаемыхъ русскими,—фотографіи нашей Императорской фамиліи и почти вездѣ карточки великаго князя Алексѣя Александровича, оставившаго здѣсь самыя пріятныя воспоминанія.

Но представьте себѣ, какъ неудержимо и откровенно я долженъ былъ расхохотаться, когда въ отелѣ Гансена, между портретами папы римскаго и мѣстнаго пастора, встрѣтилъ карточку А. Ф. Писемскаго, котораго любезный хозяинъ отеля отрекомендовалъ мнѣ за петербургскаго митрополита. Какой это злодѣй такъ подшутилъ надъ Гансеномъ — не знаю. Я имѣлъ достаточно догадливости, чтобы не объяснить Гансену его ошибки, и русскій писатель вѣроятно до сихъ поръ красуется на видномъ мѣстѣ норвежскаго отеля въ качествѣ пастыря русской церкви. Не смотря на то, что Вардо городъ весьма незначительный,—здѣсь есть до пятнадцати кофеенъ и ресторація, много аптекъ, доктора, телеграфная станція. Есть зала для театровъ, лоттерей и общественныхъ баловъ. За то въ цѣломъ городѣ нѣтъ ничего, что напоминало бы даже отчасти проституцію. Впрочемъ, чистота нравовъ въ Вардо, какъ мнѣ кажется, отчасти поддерживается крайнимъ уродствомъ мѣстныхъ дѣвушекъ и женщинъ. Такихъ неуклюжихъ представительницъ прекраснаго пола я не видалъ нигдѣ. Талія у нихъ несоразмѣрно длинна, ноги коротки, ступни громадны, носки вогнуты внутрь, руки широки какъ лопаты, черты лица грубы, челюсти выдаются впередъ, волоса рѣдки и сбираются на затылкѣ въ какой-то комочекъ; прибавьте къ этому развалистую походку уточкой, красныя юбки, красные чулки и какіе-то черные или синіе корсеты, изъ-подъ

которыхъ вибиваются узкіе рукава рубахъ, и вы будете имѣть понятіе о женщинахъ сѣверной Норвегіи. Любая уѣздная чиновница даже глухихъ городишекъ Архангельской губерніи была бы здѣсь щеголихой и законодательницей модъ. У всѣхъ этихъ квенокъ на скулахъ красуются, къ тому же, красныя пятна, величиною въ мѣдный пятакъ, и также округленныя. Выраженіе лицъ у квенокъ какое-то животное: ни чувства, ни мысли. Тупость написана на нихъ неизгладимыми чертами. Во всемъ Вардо, вечеромъ на балу, днемъ во время праздничныхъ гуляній по улицамъ, я встрѣтилъ только одно красивое личико, да и то оказалось принадлежащимъ хромой дѣвушкѣ, пріѣхавшей сюда съ юга. Некрасивый женскій типъ выдѣляется еще рѣзче отъ сопоставленія его съ мужчинами. Это — красавцы въ полномъ смыслѣ слова, высокіе, стройные. Дѣло въ томъ, что лучшіе изъ нихъ—норвежцы, пріѣзжающіе сюда лѣтомъ по торговымъ дѣламъ. Мѣстныя же женщины, съ нѣкоторою частію мужчинъ, принадлежатъ къ смѣшанной финской расѣ — квенамъ, въ умственномъ отношеніи стоящимъ гораздо ниже норвежцевъ. Ихъ можно принять за переходъ отъ послѣднихъ къ лопарямъ, живущимъ внутри страны.

Въ городахъ Вардо, Вадсе, Гаммерфестѣ и Тромсе—одна особенность обратила на себя мое вниманіе: отсутствіе роскоши. Вы здѣсь не встрѣтите ни одного щегольски одѣтаго человѣка, ни одной расфранченной дамы. За то можно поручиться, что ежели вы встрѣтите бѣдно, недостаточно одѣтаго человѣка, то это окажется русскій поморъ судорабочій. «У насъ нѣтъ нищихъ!» съ гордостію повторитъ вамъ норвежецъ, если вы съ нимъ разговоритесь. «У насъ всѣ за работой—и работа хорошо оплачивается», скажутъ вамъ другіе. Что на это отвѣтите вы, если обратите вниманіе на свое Поморье, гдѣ цѣлыя села живутъ именемъ Христовымъ, гдѣ, напримѣръ, одиннадцать корельскихъ волостей Кемскаго уѣзда къ числу *своихъ промысловъ* относятъ и нищенство?...

Въ воскресный день всѣ магазины заперты. Но какъ заперты?— вѣдь и въ этомъ оказывается что-то чужое, намъ несвойственное. Ни на однѣхъ дверяхъ нѣтъ замка.

— И ночью остается такъ?

— И ночью. У насъ всѣ сыты; роскоши нѣтъ, нѣтъ и чрезмѣрныхъ потребностей. Всѣ довольны тѣмъ, что имѣютъ. Воровства и не слышно. Не было примѣра, чтобы свой норвежецъ укралъ что нибудь.

Двери въ дома были отворены настежь. Тутъ чуть не на улицѣ висѣли пальто, шляпы, платья. Эти патріархальные обычаи, право, кажутся не совсѣмъ обыкновенными намъ, гдѣ чуть ли не вездѣ, даже на языки приходится навѣшивать замки, да еще какіе!

Вардо живетъ не безъ развлеченій. Здѣсь при насъ были лотерея-аллегри и балъ. На послѣдній собрался весь варде-хузскій бо-мондъ. Танцовали... но какъ! Неуклюже, съ притопываніемъ, съ сохраненіемъ вполнѣ дипломатической серьезности. Если бы эти головы оторвать отъ кружившихся людей и моментально посадить ихъ на плечи членовъ какого-либо конгресса, обсуждающихъ важный научный или политическій вопросъ, а головы этихъ—посадить на плечи норвежскихъ танцоровъ,—ничего бы въ сущности не измѣнилось ни въ конгрессѣ, ни на балу. Дамы, вѣроятно изъ подражанія нѣмецкимъ литографіямъ, висящимъ на стѣнахъ ихъ домовъ, складывали губки бантикомъ, опускали глазки, комически поджимали ножки. Только что въ рукахъ не было пучка маргаритокъ. Кавалеры подходили, молчаливо выгибались, брали даму, какъ будто дотрогивались до раскаленнаго желѣза, и медленно повертѣвъ ее, какъ хрупкую стеклянную посуду, сажали на мѣсто, съ какимъ-то вывертомъ локтей и пристукиваніемъ каблуками. Дамы, впрочемъ, не смотря на губки бантикомъ, были поживѣе; три изъ нихъ сами пригласили меня танцовать, и къ общему соблазну, я вступилъ съ ними въ долгія бесѣды на томъ-же языкѣ временъ столпотворенія вавилонскаго, о которомъ зри выше. Одна дѣвица, вѣсомъ въ пять пудъ по крайней мѣрѣ, расчувствовалась до того, что выразила сожалѣніе о моемъ скоромъ отъѣздѣ. Видите-ли, ея папа и мама (два субъекта крайне звѣрообразной наружности) были бы не прочь познакомиться съ русскимъ туристомъ. Норвеженки вообще весьма падки на Гименея...

Въ Вардо, Вадсе, Гаммерфестѣ и Тромсе многіе норвежцы говорятъ по-русски, а въ школахъ преподается русскій языкъ; причемъ въ Вадсе изученіе его обязательно. У насъ же, напр., въ Кеми, которая главнымъ образомъ торгуетъ съ Норвегіей, городское общество ходатайствовало объ исключеніи норвежскаго языка изъ круга предметовъ, преподаваемыхъ въ шкиперскихъ курсахъ, на томъ де-основаніи, что онъ *безполезенъ*. Начальство вняло гласу моленія мудрыхъ кемлянъ и освободило ихъ отъ расходовъ на содержаніе учителя этого крайне необходимаго поморамъ языка. Не смотря на то, что Вардо городъ небольшой, здѣсь три школы и одна кирха. Дѣвушки при мнѣ выходили изъ мѣстной гимназіи. Все это было одѣто скромно, даже бѣдно, не такъ какъ въ русскихъ провинціальныхъ заведеніяхъ этого рода. Образованіе въ Норвегіи обязательно для всѣхъ. Никто не можетъ ни конфирмоваться, ни вступить въ бракъ, не зная грамоты, т. е. читать, писать, четырехъ правилъ ариѳметики, отечествовѣдѣнія и др. предметовъ. Если же кто либо достигъ двадцати лѣтъ, не имѣя этихъ свѣдѣній, то онъ подлежитъ заключенію въ рабочемъ домѣ. Тамъ даже есть особый разрядъ учителей—странствующихъ. Они переходятъ изъ

одной бухты въ другую, изъ одного лѣса въ другой, гдѣ находятся уединенныя и одинокія избы норвежскихъ промышленниковъ. Такимъ образомъ, здѣсь всѣ получаютъ возможность болѣе или менѣе образоваться.

Передъ отплытіемъ парохода мнѣ случилось посѣтить кое-какіе магазины. Тутъ простота доведена до крайности. Ни изящества въ выборѣ и раскладкѣ товаровъ, ни особеннаго порядка. Все перемѣшано. Въ ихъ лавкахъ—ни въ одной нѣтъ предметовъ роскоши, за то въ каждой найдется все необходимое, начиная отъ часовъ и кончая дегтемъ. Особенно громаденъ магазинъ Бродкорта, гдѣ прикащики говорятъ по-русски. Тутъ же помѣщается и контора этого негоціанта, съ изящными франтами, засѣдающими за счетами. Прикащики вообще смотрятъ джентльменами, за то присутственныя мѣста у нихъ мало чѣмъ отличаются отъ нашихъ. Я зашелъ, напр., въ таможню...

Грязный срубъ перегороженъ вдоль не менѣе грязною баллюстрадой. За нею сидитъ на скверномъ табуретѣ какой-то малый, въ нечищенныхъ и ободранныхъ сапогахъ, и ковыряетъ въ носу. Другой ободранный чиновалъ спитъ на столѣ, показывая откровенно публикѣ, собравшейся за баллюстрадой, голыя пятки, сквозь дырявые чулки. Канцелярія до того была поразительно похожа на наши, что я даже оглянулся, думая встрѣтить въ дверяхъ щетинистое, сѣрое лицо сторожа, какого нибудь отставнаго вахтера, зашивающаго прорѣхи собственныхъ штановъ или подметывающаго подошву къ громадному и похожему на первобытную лодку сапогу.

Отъ Вардо до Вадсе, а отсюда до русской границы—въ незамерзающихъ гаваняхъ Варангеръ-фьорда промышляютъ норвежскіе рыболовы. Въ логахъ и ущельяхъ береговъ зеленѣютъ небольшіе сѣнокосные луга, поднимаются березки, и посреди этихъ клочковъ зелени раскинуты зачинающіеся центры будущихъ норвежскихъ селъ, а можетъ быть и городовъ—фермы колонистовъ. Положеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ красиво выстроенныхъ домовъ, удобныхъ и снабженныхъ многочисленными службами—необыкновенно красиво. Надъ ними висятъ горы громадныхъ скалъ, другіе блистаютъ у самаго моря рядами своихъ оконъ, около третьихъ разбросаны становища промышленниковъ. Вездѣ скользятъ граціозныя елы; словно рубиновыя при вечернемъ освѣщеніи, сверкаютъ издали паруса рыболововъ; порою мягкій солнечный свѣтъ ложится на извилистые, сжатые каменными горами луга, или серебрится въ порожистыхъ, рѣчкахъ, узкими битями огибающихъ тѣже первозданныя громады.

По всему этому берегу постоянно содержится почтовое и пассажирское сообщеніе двумя пароходами, прекрасно устроенными, съ библіотеками, зеркалами, мягкими диванами и хорошими буфетами. Они

VIII.

Отъ Вардо до Колы.

«Качаловъ» грузился въ Вардо солью и ромомъ. Длинное знамя чернаго дыма, развѣвавшееся надъ его трубою, было видно изъ оконъ отеля Гансена. Нужно было торопиться на пароходъ. Наскоро мы закупили все необходимое. Я дополнилъ у Бродкорта свои запасы, такъ какъ въ пустыняхъ Лапландіи достать уже нельзя было ничего. Пришлось при этомъ подивиться дешевизнѣ на предметы первой необходимости въ сосѣднемъ королевствѣ. По нашему все это отдавалось за безцѣнокъ. Норвежскій фунтъ равняется $1^1/_4$ русскому. Тѣмъ не менѣе цѣнность съѣстныхъ припасовъ была на $^1/_3$ дешевле. Особенно хорошо здѣсь толстое, розовое свиное сало, какого не достать, пожалуй, и въ благословенной глуши Малороссіи, если у насъ только гдѣ нибудь осталась еще благословенная, по старой памяти живущая брюхомъ, глушь....

Наконецъ все было кончено. Послѣдняя бутылка шампанскаго выпита на разставаньи съ милыми и любезными знакомыми «на часъ», и лодка отвалила отъ пристани.

Я попалъ на пароходъ какъ разъ въ то время, какъ тамъ производился таможенный осмотръ. Въ заключеніе, чиновникъ-норвежецъ наложилъ печати на трюмъ «Качалова», и «зеленые вороны», какъ называютъ ихъ въ Поморьѣ, убрались во свояси.

— Зачѣмъ это запечатывается трюмъ?

— Норвежское правительство съ рома, отпускаемаго въ Россію, не беретъ пошлинъ, а съ того же самаго напитка, обращаемаго на внутреннюю продажу, взимаетъ значительный акцизъ. Такимъ образомъ русскія суда легко могли бы злоупотреблять этимъ. Они заходили бы изъ Вардо въ различные населенные пункты Норвежскаго берега и сбывали бы тамъ безпошлинно ромъ въ свою пользу. Для того и накладываются печати. Если судно, разъ уже побывавшее въ Норвегіи, войдетъ гдѣ нибудь въ норвежскій портъ съ сломаною печатью, съ него взимается большой штрафъ. Разумѣется, напримѣръ, наши промышленники только-что выйдутъ изъ города, сейчасъ же печати долой, до рому дорваться бы скорѣй, ну а какъ вѣтеръ перемѣнится, да вмѣсто попутнаго станетъ противный, тогда бѣда. Шкуну гонитъ въ норвежскій портъ, а тутъ сейчасъ осмотръ, печати сломаны—подавай деньги.

Послышались первые взмахи винта, пароходъ дрогнулъ—кругомъ запѣнилась вода, и скоро мы прошли между двумя рядами иностранныхъ

судовъ, гдѣ тоже суетился народъ. Одни грузились, другіе разгружались. Уже не слышалось «Rule Britannia!» и на англійскомъ бригѣ тоже распускали паруса, готовясь къ выѣзду изъ Вардо. На палубѣ его распоряжался какой-то парень въ гарусномъ шарфѣ, ноги колесомъ, плечи широкія. Если бы не бритые усы и подбородокъ, да не рыжіе волосы и баки, такъ бы и счелъ его за нашего помора. А вонъ и русское судно, все сплошь занятое кулями муки, за которую возьметъ дрянной ромъ да дорогую соль этотъ толстый кулакъ, что выглянулъ изъ каюты, и тотчасъ же откровенно зѣвнулъ на всѣ четыре страны свѣта. Въ отвѣтъ ему сочувственно зѣвнула команда, зѣвнулъ даже и я, глядя на это чисто русское время провожденіе.

Когда мы отъѣзжали, черный берегъ сливался съ черною тучею. Гдѣ кончался одинъ, гдѣ начиналась другая? Только легкій силуэтъ бѣлой кирхи весь вырѣзывался на этомъ темномъ фонѣ. Внизу, между кручами, меледились едва уловимыя очертанія города, мало-по-малу сливавшіяся и прятавшіяся за выступы новыхъ береговъ...

Попутный западный вѣтеръ дулъ изо всей силы, посылая въ догонку за нами оперенныя волны, взметывавшія свои бѣлыя гривы на корму парохода. Дымъ не оставался позади, а клубился надъ самою трубою и разсѣевался направо и налѣво. Тучи все больше и больше окутывали небо.

Въ сосѣдней каютѣ оказались два новые пассажира, ѣхавшіе изучать Россію—лорды Кемпбель и Грагамъ. Каждое лѣто эти знатные англичане проводили въ Норвегіи, а въ послѣднее время ловили рыбу въ Назвигѣ, заплативъ за право поймать нѣсколько семгъ въ рѣкѣ около 300 рублей мѣстнымъ лопарямъ, которые считали ихъ своими благодѣтелями. «Мы и недоимку и подать отдали, да и хозяйство свое поправили», говорили инородцы, когда мы видѣли ихъ во время странствій нашихъ въ Лапландіи. «Послалъ бы ихъ Господь и впередъ, истинный даръ Божій!» Эти туристы занимаютъ у себя въ странѣ высокое положеніе. Одинъ изъ нихъ былъ губернаторомъ Канады, другой—камергеръ королевы Викторіи, но нужно было видѣть ихъ въ средѣ норвежскихъ промышленниковъ и русскихъ поморовъ. Съ какимъ тактомъ, умѣньемъ и непритязательностію держатъони себя. Видя ихъ и встрѣтивъ еще нѣсколько англичанъ туристовъ потомъ, я положительно разочаровался въ томъ комическомъ типѣ недотроги британца, какимъ французскіе жанристы изображаютъ его среди глетчеровъ Швейцарскихъ Альпъ, въ долинахъ Италіи и на шумныхъ улицахъ современнаго Вавилона. Напротивъ, съ своей стороны я могу заявить, что не знаю ничего милѣе, обязательнѣе и неприхотливѣе англичанина, путешествующаго за-границей. Быть можетъ, предста-

вители лондонскаго Сити и дѣйствительно таковы, какими ихъ изображаютъ. Буржуа вездѣ останется одинаковымъ, но англичанинъ художникъ, англичанинъ писатель, англичанинъ техникъ и англичанинъ аристократъ нигдѣ и никому не будутъ въ тягость. Не смотря на то, что я говорю по-французски, какъ истый сынъ степной Россіи, т. е. непозволительно скверно, я со втораго слова съ лордами Кемпбелемъ и Грагамомъ почувствовалъ себя вполнѣ свободно и, естественно, болталъ какъ сорока, съ мужествомъ пускаясь въ самые отчаянные и невозможные обороты, за которые нѣмцы разстрѣляли бы меня въ двадцать четыре часа, а французы написали бы сто сорокъ тысячъ эпиграммъ и шансонетокъ. Еще интересная черта. Англичанина нашъ братъ не удивитъ ничѣмъ. Эти господа всѣмъ интересуются и все знаютъ. Заговорилъ я съ ними о живо интересовавшемъ меня бытѣ лопарей. Не поскитавшись еще между этими номадами, я раздѣлялъ общее мнѣніе о томъ, что у нихъ нѣтъ историческихъ преданій и высказалъ это лорду Кемпбелю, но тотъ поставилъ меня втупикъ, заявивъ, что у лопарей должны храниться преданія о борьбѣ ихъ съ чудью. Представьте мое изумленіе, когда я дѣйствительно въ глуши Лапландіи нашелъ эти преданія и записалъ ихъ. Заговорилъ я о каменныхъ валахъ Мурмана—англичане на нихъ нашли тотчасъ же слѣды глетчеровъ и сняли ихъ въ свои альбомы. Одинъ передо мною произнесъ чуть не диссертацію о сходствѣ мурманской флоры съ исландской, другой, когда я показалъ карту Мурмана, совершенно свободно прочелъ на ней русскія названія. Они прекрасно говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ, такъ что во всѣхъ уголкахъ Европы чувствуютъ себя, какъ дома. Даже въ Норвегіи они превосходно говорили по норвежски. Меня нисколько не удивитъ, если при свиданіи нашемъ въ Лондонѣ (которое мы обѣщали другъ другу) я заговорю скверно по англійски, а они совершенно свободно по-русски. Много еще поколѣній должно сойти въ сырыя могилы, пока русскій интеллектъ разовьется до такой степени, чтобы также легко воспринимать научныя свѣдѣнія, какъ англичане. Прибавьте къ этому живую любознательность, не русскую и не французскую. Мы и современные вавилоняне, если интересуемся какою нибудь чужою страною, то прежде всего справляемся о ея прекрасномъ полѣ, и при томъ съ самой подлѣйшей и блудливой точки зрѣнія. Англичанинъ не таковъ, онъ бьетъ прямо въ самую суть, въ самый пульсъ жизни интересующаго его народа. Мы проводили съ лордомъ Грагамомъ цѣлые часы на пароходѣ, толкуя о русской литературѣ, о нашихъ общественныхъ движеніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ, о бытѣ русскаго крестьянства, о религіозныхъ переворотахъ въ его средѣ и вообще о многомъ, что бы не прошло въ голову французу или нѣмцу. И при этомъ ни разу я не замѣтилъ въ

нихъ искры національнаго тщеславія. Нѣмецъ со втораго слова измозолитъ вамъ уши своей имперіей и своимъ Бисмаркомъ, онъ просто въ глаза тычетъ своими Круппами, Мольтке, французъ готовъ продать свою свободу за ленточку почетнаго легіона, тѣмъ не менѣе

Il ajoute un *r* à la Frrance
Et il met trois á la liberrrté.

Въ англичанахъ я этого не видѣлъ. Онъ не ткнетъ въ васъ величіемъ своей родины — но за то въ каждомъ движеніи его видно, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ, съ какою сыновнею любовію онъ относится къ великой идеѣ его отечества!

Лорды Кемпбель и Грагамъ намѣревались осмотрѣть Мурманъ, Соловки, Архангельскъ, оттуда проѣхать въ Вологду, изъ Вологды по желѣзной дорогѣ въ Москву и Нижній-Новгородъ. Замѣтно было по двумъ этимъ представителямъ своего народа, что къ нашему обществу, къ Россіи вообще, какъ къ носительницѣ опредѣленной нравственной и государственной идеи, пробуждается въ англичанахъ сильный интересъ. Отъ души бы хотѣлось, чтобы они видѣли не ложную, показную Россію, Россію обезличенную, Россію, гордящуюся тѣмъ, что она не Россія—а Россію народную, Россію, какъ очагъ великаго славянскаго племени. Нужно было видѣть то живое любопытство, съ которымъ они разспрашивали о каждомъ попадавшемся имъ въ глаза на палубѣ парохода случаѣ, о берегахъ, мимо которыхъ мы шли, о становищахъ, къ которымъ приставали. Въ Урѣ-губѣ для нихъ колонистомъ Филипповымъ, въ его фермѣ, былъ устроенъ завтракъ съ шампанскимъ. Филипповъ ѣхалъ до своего жилья на «Качаловѣ» и имѣлъ здѣсь случай познакомиться съ двумя путешественниками. Меня порадовало, что на первыхъ же порахъ они встрѣтили здѣсь чисто славянское гостепріимство и радушіе. При отъѣздѣ изъ Уры—хозяинъ колоніи поднесъ имъ великолѣпную, пойманную въ мѣстной рѣкѣ семгу. При этомъ нужно замѣтить, что малообразованные, ѣхавшіе съ нами поморы превосходно себя держали съ англичанами. Не было ни назойливаго любопытства, ни глупыхъ, стѣсняющихъ туриста вопросовъ.

Изъ губы Уры къ намъ сѣло нѣсколько промышленниковъ. Одинъ изъ нихъ участвовалъ нѣкогда, вмѣстѣ съ норвежцами, въ китовой ловлѣ у Шпицбергена. Онъ мнѣ много разсказывалъ о случайностяхъ этого тяжелаго и опаснаго промысла. Разъ китъ ударомъ хвоста подбросилъ ихъ лодку футовъ на двѣнадцать вверхъ такъ, что гарпунщикъ и другіе матросы, оглушенные паденіемъ, прямо пошли ко дну, а остальной экипажъ успѣлъ кое-какъ поворотить опрокинутую лодку и спасся. Другой разъ, у острова Янъ-Майенка, китъ съ разбѣгу ударилъ въ ихъ лодку и чуть не разбилъ ее въ щепы. Я вполнѣ вѣрю этому. Скоресби разсказываетъ, какъ одинъ изъ встрѣченныхъ имъ китовъ

взбросилъ его лодку на восемь аршинъ вверхъ, Шлейденъ сообщаетъ, что шлюпка капитана Лайонса была вскинута на высоту двухъ сажень. Въ ноябрѣ 1820 г. у Эссекса увидѣли нѣсколько кашалотовъ. За ними отправили лодку. Когда началась охота, отъ стада отдѣлилось самое громадное животное, поплыло на судно и отбило у него съ разлету фальшивый киль. Потомъ оно старалось повредить борты, но такъ какъ киту не удалось этого, то, отплывъ футовъ на 600, оно вновь съ невыразимой силой ударило въ носовую часть корабля, такъ что тотъ поплылъ назадъ съ неимовѣрною скоростію. Громадная волна, возникшая отъ этого толчка, влилась въ каюту и опрокинула судно, такъ что оно стало тонуть. Пробивъ палубу, съ большимъ трудомъ достали немного хлѣба и воды для экипажа, спасшагося на лодкахъ. Скоресби тоже разсказываетъ, какъ китъ чуть не увлекъ въ воду лодку, на которой находился конецъ каната, прикрѣпленнаго къ его гарпуну. При частомъ измѣненіи направленія, по которому уплываетъ китъ, иногда попадаетъ въ веревку человѣкъ, который въ одно мгновеніе перерѣзывается ею. Всего опаснѣе киты, говоритъ Шлейденъ, когда они ранены и во время предсмертныхъ мукъ; это особенно относится къ кашалотамъ, незадолго до наступленія предсмертной борьбы лишающимся способности нырять. Стараясь при этомъ погрузиться въ воду, кашалоты дѣлаютъ сильныя движенія, при чемъ лодки, подошедшія къ нимъ слишкомъ близко, не рѣдко разбиваются или тонутъ. Крайне опасны старыя животныя, уже нѣсколько разъ испытавшія преслѣдованія, и оттого особенно злыя, почему они и называются fighting whales (сражающіеся киты). Эти прямо нападаютъ на лодки и стараются разбить ихъ. Два такіе старые сражающіеся кита у острова Тимора и Новой Зеландіи долго были извѣстны китоловамъ подъ именемъ Тиморскаго Джека и Новозеландскаго Тома. Чтобы уничтожить послѣдняго, въ 1804 г. соединилось нѣсколько китололовъ. Они однако должны были отказаться отъ своего предпріятія, потому что въ теченіе одного только утра, животное перекусало и отчасти разбило девять лодокъ. Одинъ изъ варденскихъ промышленниковъ разсказывалъ мнѣ, что имъ на шкунѣ нѣкотораго Петерсена (если только я не смѣшалъ фамиліи) случилось разъ быть окруженными китами, при чемъ тѣ совершенно безбоязненно напали на судно и потопили его. Экипажъ спасся на ледяную стамуху и носился около недѣли по океану на этой постепенно таявшей поверхности плувучаго острова, пока ихъ не сняли съ нее англійскіе китоловы. Сверхъ того, ловли китовъ въ ледовитыхъ моряхъ еще опасны и потому, что льды часто расплющиваютъ и затираютъ суда. Такъ изъ 14,167 судовъ отправленныхъ Голландіею на китовую ловлю съ 1669 г. по 1778 г., погибло 561 судно, изъ 1,022 судовъ британскаго флага, занимав-

шихся тѣмъ же промысломъ съ 1815 по 1842 годъ, затерло и уничтожило льдинами 112, а изъ 202 кораблей, вышедшихъ съ тою же цѣлію съ 1819 по 1821 г. изъ Абердина, утонуло 28 судовъ. Наконецъ, недавно въ Сѣверномъ океанѣ во льдахъ погибъ разомъ цѣлый флотъ норвежскихъ китолововъ. На сколько же выгоденъ этотъ промыселъ, видно напримѣръ изъ того, что Скоресби старшій, въ теченіе 28 экспедицій, убилъ 429 китородныхъ и выварилъ изъ нихъ 4240 тоннъ ворвани, что ему доставило около 1,000,000 руб. Въ Сѣверной Америкѣ нынче занимаются китоловствомъ около 800 кораблей ежегодно, и они выручаютъ (minimum), около 7.000,000 руб. чистаго дохода. Такимъ образомъ и по отношенію къ нашимъ морямъ можно сказать русскимъ промышленникамъ, словами Шлейдена: «въ морѣ находятся неисчерпаемыя сокровища, надобно только имѣть отвагу и силу, чтобы добыть ихъ.»

Промышленникъ, у котораго я спросилъ, отчего у насъ не ловятъ китовъ, такъ объяснилъ мнѣ это:—мы бы, можетъ, и ловили, коли-бы наша сила была,—а то съ чѣмъ подняться? У норвежанина теперь пароходъ, онъ на пароходѣ и кита ловитъ, ему сподручно, онъ паромъ-то сколько возьметъ, а у меня вонъ порты съ заплатами. Одинъ паръ и есть, что душа пущаетъ. Хозяева, которые побогаче, дѣйствительно бы могли, денегъ у нихъ хватитъ, но только мы не пойдемъ на такой промыселъ, въ покрутъ, потому они что дадутъ намъ за это?—треть, да и та за долги зачтется, такъ ужь лучше я пойду треску промышлять за ту же треть, а то безо всякой пользы экую втору нести!

— Ну, и съ акулами тоже не легче бываетъ, вмѣшался другой. Не легче. Разъ это ихъ несосвѣтимо въ Урѣ губѣ собралось. Сельди вишь много навалило. Дородно сельди было и акула за ней. Пошли мы на промыселъ. Я, да четверо нашихъ, еще признаться одинъ-то подросточкомъ былъ, такой славный парнюга. Одно ему и названіе, что Васька-гладкій. Лодченка у насъ такая ровная *) была, шнячка. Начали мы ловить, трехъ акулъ добыли, жиръ вынули — сало это самое. Старикъ коршикъ Митрій Тимофеевичъ и говоритъ: «Господь съ ними, бросимъ звѣря. Далъ намъ Богъ промыслу и довольно, пусть и акула своимъ попользуется. Тоже животъ, ѣсть пить требуется.» А у насъ на эти самые животы жадность-то и разгорѣлась. Нѣтъ, говоримъ, Митрій Тимофеевичъ, вишъ какой промыселъ, какъ броситъ. Тутъ и недоимку покроешь, да еще и семьѣ на гостинцы останется. Давай, благословясь ловить. Стали опять. Выметали крюкъ, звѣрь зацѣпился—тянемъ и что-же бы ты думалъ! за нимъ, за этимъ звѣремъ

*) Ровная — средняя.

несосвѣтимо сколько этой акулы оплыло кругомъ. Воды не стало видно — только хвосты, да перья акульи по водѣ чиркаютъ. Такая втора. И всѣ-то онѣ на шнячку нашу лѣзомъ лѣзутъ. То подъ киль подберутся, ворочаютъ ее... Чего тутъ дѣлать — уйтить бы отъ этакаго содома — да вишь люди мы нужные, голые люди. Одинъ думаетъ, что послѣднюю коровенку становой за недоимку продастъ, другой всю жизнь у хозяина какъ скотъ работалъ, а тутъ видимъ богачество. И стали мы крошить ихъ. Одну акулу крюкомъ притянемъ, ляпомъ этимъ самымъ, вспоремъ ейное брюхо; клепикомъ, крошиломъ тожь орудуемъ — трехъ еще распластали, такъ-то. Только что же бы ты думалъ, акула точно и разумный звѣрь какой: отошло все юровье — да потомъ на насъ разомъ! словно торосъ (шквалъ), свѣта мы Господняго не взвидѣли. Шнячку нашу то вскинетъ, то внизъ она уйдетъ. Трещитъ, скрипитъ вся. А наволокъ то далече, округъ насъ ни корги, ни пахты — голина одна. Взялись мы за весла, а весла-то, чѣмъ въ воду, все по спинамъ звѣринымъ соскальзываютъ, и что же бы ты думалъ, — что дальше, тѣмъ они злѣе. Намъ бы бросить барахло все, что добыли на промыслѣ, да жаль; уйдемъ, думаемъ. Только мы промежъ себя словечками перекидываемся, Господа Бога всемогущаго призываемъ, да родителевъ заступниковъ и молитвенниковъ нашихъ поминаемъ, а шнячку какъ вскинетъ! Всѣ думаемъ, въ воду попадаемъ. Только насъ-то хранилъ Вседержитель, а Васька-гладкій, подросточекъ-то нашъ, утѣха, — въ воду такъ и плюхнулъ. Только мы его и видѣли. Слышали точно что-то хряснуло. Акулы всѣ такъ и шваркнулись на него. Кровь это по водѣ пошла полосой. Сколько послѣ того годовъ прошло, а все я не могу позабыть, какъ онъ въ воду падалъ. Лицо у него такое бѣлое, да синее стало, и глаза онъ, голубчикъ нашъ, закрылъ. Только его и видѣли... Ну, какъ онъ въ воду попалъ, — акулы насъ-то и ослобонили. Тутъ мы въ скорости въ салму попали, а оттуда на мандеру (матерую землю) вошли. Вотъ онъ, какой оплывъ бываетъ.

— Ну, а промыселъ-то?

— Промыселъ-то весь въ церковь, на вѣчное поминовеніе за душеньку его бѣдную отдали... съ той поры я и не хожу ужь на акулъ. Ну ихъ. Рыбка Божье дарованье. Смирная она, ее ангелы наши даютъ намъ; ну, а акула точно что со зломъ.

— И изъ рыбъ тоже разныя. Разъ зубатка *) одному нашему парню руку искалѣчила.

— Не кротивши, вѣрно, въ шняку положили?

— Не кротили точно. Забыли ее, подлую. А онъ ей, слышь, кулакъ-то въ пасть ткнулъ. А и кулакъ былъ въ дѣльницѣ (рукавицѣ). Такъ она его и распластала.

*) Зубатка Annarihas lupus.

Мы шли назадъ уже около знакомыхъ мѣстъ; въ томъ же фіолетовомъ свѣтѣ тянулись направо берега между Урою и Кольскою губою, то выступая впередъ красивыми массивными мысами, то оттѣняясь болѣе темными щелями, за которыми синѣли уединенныя и безлюдныя бухты. Нѣсколько шкунъ и одинъ листерботъ прошли мимо парохода; въ одномъ мѣстѣ трое лопарей подплыли къ самому борту «Качалова», пріостановившагося на ихъ сигналы. Намъ предложили купить рыбы, только что вынутой изъ воды. Въ одной кучѣ здѣсь лежали и небольшія пикшуи и громадная, испещренная черными пятнами зубатка. Нѣсколько штукъ крупной трески было взято на пароходъ. Въ уплату лопари потребовали рому. Имъ дали. Они совершенно были довольны двумя бутылками этого напитка. Наконецъ, обогнувъ уже извѣстные читателямъ Торосъ-острова, мы прошли какъ разъ по серединѣ между ними и мысомъ Лѣтинскимъ, и вступили въ Кольскую губу. Длина этого залива—31 миля. Первые полчаса пароходъ шелъ мимо безплодныхъ каменныхъ береговъ, только кое-гдѣ оживляемыхъ незначительною кустарною порослью, поднявшеюся въ узкихъ и защищенныхъ отъ сѣвернаго вѣтра логахъ. Узкіе песчаные мысы иногда вдавались въ неподвижныя воды губы, а надъ ними мѣстами поднимались отвѣсно красноватыя гранитныя стѣны суроваго сначала берега. Потомъ, мало-по-малу, начинаютъ показываться рѣдкія стрѣлки елей и сосенъ безъ вѣтвей отъ недоразвившихся на сѣверномъ вѣтрѣ почекъ. На нихъ только сплетаются высохшіе побѣги. Потомъ прорываются зеленыя деревца, березки, похожія на выращенныя въ оранжереяхъ. Издали казалось, что эта высота берега скрадываетъ величину мелколѣсья, становившагося чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и чаще.

Между мысами и островами, зеленѣвшими направо и налѣво, выдвигались острыми зубцами небольшія пахты, а еще далѣе ложились голубые просвѣты небольшихъ заливовъ, между которыми особенно значительна Екатерининская гавань, гдѣ можетъ помѣститься на зимовку громадный флотъ, состоящій изъ большихъ морскихъ судовъ. Прежде, здѣсь находилась торговая, китобойная и рыбопромышленная факторія Шуваловыхъ, когда же монополія у нихъ была отнята—факторія упразднена. Въ началѣ настоящаго вѣка, тутъ же была учреждена бѣломорскою компаніею факторія, но только существованіе ея продолжалось не долго. Развитію ея предпріятій помѣшали какъ недобросовѣстность лицъ, стоявшихъ во главѣ ея, такъ и англичане. Завидуя возникновенію нашей промышленности въ сѣверныхъ водахъ, они въ 1806 г. истребили вышедшій въ первый разъ изъ Кольской губы китоловный корабль, а въ 1809 г. взяли Колу, истребили и разрушили все имущество компаніи. Екатерининская гавань называется также корабельною. Зданія бѣломорской факторіи состояли здѣсь

ЛАПЛАНДІЯ.

СКАЗКИ И ПѢСНИ ЛОПАРЕЙ.

Мурманъ и русская Лапландія давно манили меня въ свою мало изслѣдованную глушь, въ тѣ горныя и прибрежныя захолустья, гдѣ сѣверная природа поражаетъ туриста своимъ мрачнымъ величіемъ. По разсказамъ поморскихъ судохозяевъ и промышленниковъ, я еще прежде ознакомился съ этимъ краемъ, и передо мною, словно въ-явь, часто рисовались каменные валы кольскихъ береговъ, оглашаемые рокотомъ вспѣненныхъ волнъ, рѣзкимъ крикомъ чаекъ, да долгимъ, пронзительнымъ рыданіемъ гагаръ. Не меньше интересовали меня первыя поселенія, испещряющія теперь карту западной части Мурмана. Хотѣлось на мѣстѣ видѣть жизнь смѣлаго и предпріимчиваго помора-рыболова въ его лѣтнемъ становьѣ, отважнаго колониста—русскаго, финна или норвежца,—все равно, въ его плохо, на первый случай, сколоченномъ домѣ, или въ черной, тѣсной землянкѣ. А тамъ еще заманчивѣе раскрывалась пустынная даль, свѣжая, горная и лѣсная глушь, никому неизвѣстная, никѣмъ точно ненанесенная на карты, гдѣ неутомимо борется съ нищетою и кулачествомъ честный и мирный труженикъ сѣвера—лопарь. Великолѣпныя озера Лапландіи, ея порожистыя рѣки, величавыя панорамы каменныхъ вершинъ, водопады, погосты инородцевъ съ ихъ своеобразнымъ бытомъ обѣщали много новыхъ впечатлѣній... Къ сожалѣнію, я не могъ углубиться на крайній востокъ Кольскаго полуострова и пройти чрезъ всю его середину до лумбовскихъ лопарей, хотя средства сообщеній (пѣшкомъ и въ лодкахъ) здѣсь и не особенно дороги.

Одною изъ причинъ, почему меня особенно интересовала мурманская лопь, было усвоенное нашими учеными мнѣніе, что у лопарей нѣтъ преданій, нѣтъ народной поэзіи. Мнѣ и до сихъ поръ, несмотря на самыя положительныя данныя, не вѣрится, чтобъ существовалъ, гдѣ бы то ни было, народъ безъ сказки и безъ пѣсни. Такого племени

нѣтъ, какъ нѣтъ человѣческаго организма безъ сердца. Я до сихъ поръ думаю, что и самоѣды имѣютъ свой циклъ пѣсенъ и преданій о стародавнихъ былякъ. Я не понимаю, ради чего лопари скрывали богатую и поэтическую область своихъ сказаній. Боялось ли это запуганное и загнанное племя всякаго, кто не изъ его среды? Или просто оно «совѣстилось» за свои сказки и пѣсни, потому что надъ ними безпощадно смѣется русскій промышленникъ и норвежецъ, потому что ихъ, какъ суевѣріе, какъ пагубную ересь, осуждали наши священники. Это довольно вѣроятно. Когда я хорошо сошелся съ лопарями, они сообщили мнѣ, между прочимъ, что у нихъ уже и прежде были двое какихъ-то юношей, не говорившихъ по-русски. Я желалъ узнать, не о гельсингфорскихъ ли студентахъ идетъ рѣчь. Оказалось, что лопари и сами не могутъ опредѣлить, кто это были. «Ѣздили, ходили по «варакамъ» (горамъ), пѣсенъ да сказокъ спрашивали».—«Что же, вы имъ пѣли пѣсни, разсказывали сказки?»—«И пѣли и разсказывали».—«Какія же, старыя свои?»—«Тѣ совѣстно было говорить; думали—смѣяться станутъ, мы русскія сказки по нашему имъ говорили, а они записывали. Потомъ какія русскія пѣсни пѣть умѣемъ, по своему пѣли имъ. Они ихъ и пѣть выучились».

Когда я самъ поѣхалъ въ Кильдинскій погостъ—лопари заявляли положительно, что пѣсенъ своихъ нѣтъ у нихъ, а сказки забыли и припомнить не могутъ. Въ первую экскурсію мою по Туломѣ, я добился тѣхъ же печальныхъ результатовъ. Наконецъ, вернувшись въ Колу и отдыхая тамъ отъ пѣшеходнаго скитальчества до слѣдующей предположенной мною поѣздки въ Массельгу, Іокъ островъ, Бабенгу и Ену, я имѣлъ случай познакомиться съ двумя священниками, долго жившими между лопарями. Одинъ—почтенный отецъ Георгій Терентьевъ, честный труженикъ и полезный этнографъ, отдавшій и свой замѣтный талантъ и всѣ свои досуги изслѣдованіямъ этой страны, положительно завѣрялъ меня, что исканія мои напрасны, что лопарь сказокъ не говоритъ, пѣсни поетъ только русскія. Обратился я къ другому священнику, тотъ задумался: «помилуйте, чего вы хотите? дикій народъ! Не токмо, что пѣсни ихъ слушать, а и говорить съ ними мнѣ, по образованію моему, постыдно и противно. Дикость ихняя мнѣ претитъ. Только потому и остаюсь здѣсь, что жалованье идетъ намъ двойное...» Разумѣется, съ такимъ пастыремъ нечего было и продолжать своего разговора. Тѣмъ не менѣе, выводъ былъ одинъ: лопари не имѣютъ своей народной поэзіи.

Не можетъ быть! тысячу разъ говорилъ я себѣ. Природа Лапландіи прекрасна. Горныя вершины ея вѣютъ дикимъ величіемъ своихъ громадъ, зеркальные плесы озеръ, извивы порожистыхъ рѣкъ, узкія поросшія зеленью и даже шиповникомъ на Туломѣ долины—перепол-

Лапландское озеро среди горъ.

нены истинно идилическими красотами. Гдѣ же и пѣть, какъ не здѣсь, лицомъ къ лицу съ этою природой? Занятія лопарей—оленеводство и рыболовство—сами собою вызываютъ пѣсню изъ груди человѣка. А зимнія полярныя вьюги, а сполохи, а цѣпи горъ, а гремящіе водопады—да это достаточная арена для цѣлаго міра сказокъ!

Полуразувѣренный, но все еще сомнѣвающійся, отправился я на Имандру. Все мое путешествіе, богатое впечатлѣніями и результатами, учится въ своемъ мѣстѣ. Теперь же я попробую набросать одну изъ многихъ, представлявшихся мнѣ по дорогѣ картинъ.

День былъ знойный; вечеромъ солнце садилось за высокими горами, обступившими въ этомъ пунктѣ озеро. Къ сѣверовостоку, на аломъ небѣ рисовались грандіозныя вершины хибинскихъ горъ, на противоположной сторонѣ, къ югозападу, вздымались на огнистомъ фонѣ заката темносинія массы Мончь-тундры, Чуны-тундры и Оленьей-тундры *). На Поу-телла и на Лявинской, самыхъ высокихъ горахъ этого края, розовымъ блескомъ сіяли вѣчные снѣга. Внизу разстилалось неподвижное озеро. Кое-гдѣ граціозно очерчивались острова, сплошь поросшіе елями; въ темной массѣ ихъ яркими пятнами свѣтилась нѣжная зелень березъ. Берега тоже поросли щетиною однообразнаго лѣса, сливавшагося на краю горизонта съ туманными очерками далей. Въ спокойной влагѣ озера порою медленно выплывали молодые выводки гагаръ, оставлявшихъ за собою извилистый слѣдъ. Сверху доносились крики чаекъ, а порою глухой шумъ потока нарушалъ вѣчное молчаніе этой величавой пустыни.

Въ ущельяхъ сгущалась уже мгла; западъ гасъ, когда лопарка, сидѣвшая противъ меня за веслами, запѣла сначала тихо, про себя, а потомъ и громче. Я прислушался. Звуки были чрезвычайно оригинальны. Гортанные, тихіе, но въ высшей степени монотонные, они не лишены были своеобразной прелести. Новость ли мотива подѣйствовала на меня или въ самой пѣснѣ дѣйствительно звучало что́-то мягкое, неуловимо красивое, только эти звуки казались подстать и грустнымъ тонамъ вечера, и молчанію окружающаго безлюдья, и недвижному простору Имандры.

Этотъ моментъ произвелъ на меня невыразимое впечатлѣніе.

Лопарская пѣсня была найдена.

Въ туже ночь, сидя у костра (въ августѣ уже замѣтно темнѣетъ), разложеннаго на вершинѣ одной прибрежной вараки, я выслушалъ нѣсколько преданій и пѣсенъ, открывшихъ передо мною новый міръ. Смышленный лопарь, Василій Мошниковъ переводилъ ихъ порусски, а дѣвушка пѣла, нѣсколько ободренная двумя стаканами вина. Отсюда уже—и въ Іок-островѣ, и въ Зашейкѣ, и въ Бабенгѣ лопари почему-то перестали со мною чиниться. Они пѣли и разсказывали. Причемъ

*) Лопари въ этомъ случаѣ тундрами называютъ горы, поросшія ягелемъ.

отмѣчу одну любопытную черту. Никогда не пѣли мужчины, а женщины, никогда не разсказывали женщины, а мужчины. Когда я просилъ лопаря спѣть какую-нибудь пѣсню, онъ поручалъ это своей женѣ, рѣдко дочери. Если при этомъ была старуха, то присутствовавшіе обращались къ ней. Если я просилъ женщину разсказать мнѣ что-нибудь, она безмолвно обращалась къ мужу, отцу или брату, и уже они исполняли мою просьбу. Первая услышанная мною пѣсня была необычайно граціозна. Я не знаю, насколько въ ней сохранилось изъ стараго лопскаго быта; знаю только, что поэзія этой пѣсни общечеловѣчна. Вотъ содержаніе ея. Поётъ дѣвушка:

«Съ Мурдъ-озера, пришелъ ко мнѣ рыболовъ, старый богатый рыболовъ съ Мурдъ-озера. Принесъ онъ съ собою золотую сѣть, золотую сѣть, серебряную. Сказалъ онъ мнѣ: дѣвушка, послушай меня; я поймаю тебя въ свою золотую сѣть, золотую сѣть серебряную. Я унесу тебя далеко съ собой, далеко съ собой за горы, въ золотой сѣти—серебряной. Я засмѣялась рыболову; громко засмѣялась ему, даже за варакой стало слышно. Поздно пришелъ ты сюда, старый рыболовъ, поздно принесъ ты сюда, богачъ рыболовъ, золотую сѣть—серебряную. Прогадалъ ты свою рыбку, упустилъ ее... Ужь давно попала она въ чужую сѣть, не въ твою золотую-серебряную, а въ простую пеньковую-плетеную. Не къ тебѣ, богатому старику, а къ бѣдному да молодому».

— Рѣдкій поньче у насъ можетъ пѣсню составить. Вотъ Василій Бархатовъ тотъ мастеръ. И прежде много такихъ было, которые умѣли. Одинъ составитъ—другіе подхватятъ, выучатъ и пошли пѣть вездѣ, развѣ, что имена въ пѣснѣ перемѣнятъ.

— Гдѣ же больше пѣсни такія составляются?

— На свадьбахъ, на праздникахъ, на суймахъ, бываетъ когда и райдами ѣдемъ. Старыя пѣсни лучше были. Ихъ послушаешь, такъ зависть беретъ. По нимъ видно, что Богъ тогда больше лопаря любилъ. Звѣря было много, по сотнѣ дикихъ оленей за зиму на семью доставалось. А что бобра было! Въ старыхъ пѣсняхъ нашихъ поется, какъ русскіе лопарямъ кланялись, хлѣбомъ кормили, водкой поили. А теперь—голодно. Рыбы мало, птицы тоже, оленя не стало.

— Про что у васъ въ старыхъ пѣсняхъ поется? спрашиваю я въ другомъ мѣстѣ, въ Роснаволокѣ.

— Про дѣвокъ, про мужиковъ, про оленя, про то, какъ тоскуетъ женихъ по невѣстѣ, какъ жена по мужѣ скучаетъ.

— А говорятъ, у васъ нѣтъ прежнихъ пѣсенъ—забыли?

— Врутъ. Про охоту поемъ. Въ нашихъ сказкахъ разсказываютъ какъ приходила *чудь* разорять насъ, какъ *шведъ* бывалъ. *Чудь* приходила больше по ночамъ, нападала на спящихъ. Чудь эта убивала и

женщинъ; погосты жгла и разоряла. Лопари бѣгали отъ нея въ сюземки. Въ нашихъ сказкахъ не слыхать, чтобъ были богатыри, которые смѣли противиться *чуди*. Большею частью, *чудь* нападала на крайніе погосты въ Нотъ-озерѣ и другихъ мѣстахъ по заходѣ солнца.

— Ну, а шведы?

— Разоряли и тѣ, и другіе, а поемъ мы про одну *чудь*. Старики говорятъ, что *чудь* нападала съ шведской стороны. Въ плѣнъ не уводили, а просто убивали.

Тутъ же мнѣ разсказали легенду о крещеніи лопарей.

— Лопь сначала креститься не давалась, бѣгала въ вараки отъ преподобнаго отца. Ну только Богъ послалъ ему силу чудесную. Поймалъ онъ двухъ лопарей, силой окрестилъ. Хорошо показалось — пошли и остальные.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда мнѣ разсказывали, что лопари отъ *чуди* въ землю прятались. Какъ объяснить — не умѣютъ, говорятъ только «въ землю.» Попались мнѣ кое-гдѣ слѣды рвовъ по рѣкѣ Колѣ. Спрашиваю, что такое?

— Жили тутъ наши родичи въ зимнее время, укрываясь отъ набѣговъ шведовъ, которые, спускаясь по рѣкѣ Туломѣ на островъ Колу, перебили иото-озерянъ и сонгельчанъ-мужчинъ. Объ этомъ событіи напоминаетъ островъ, называемый «Нѣмецкимъ».

Въ Хибинахъ есть двѣ горы, похожія на одну, не расколовшуюся пополамъ — точно она разсѣлась вертикально. Спрашиваю у лопарей, и на это оказывается легенда.

— «Пришла *чудь*, побѣжала *лопь* отъ нея въ горы—и *чудь* въ горы; *лопь* въ лѣса—и *чудь* въ лѣса. Спасенья не было. Уже несмѣтно нашихъ чудь побила, когда одинъ вѣдунъ (иначе не знаю, какъ и назвать) выискался. Заклялъ гору, та раскрылась. Лопари вошли туда всѣ. Видитъ *чудь*, нѣтъ никого. Только одинъ главный *чудинъ* слышалъ, какъ нашъ вѣдунъ заклиналъ. Легла *чудь* спать. Нашъ вѣдунъ опять сказалъ такое слово, гора раскрылась, выпустила лопарей—и опять закрылась. На утро *чудь* проснулась. Главный чудинъ думалъ поймать нашихъ; сказалъ подслушанное слово—разверзлась варака, впустила туда чудь, да и закрылась. Такъ они всѣ тамъ и умерли, потому что слова такого, чтобъ выйти, не знали. Но только съ ними лопка одна была, дѣвушка; силой они увели ее съ собою. Отецъ ея и просилъ вѣдуна сказать свое слово, чтобъ дочь свою взять оттуда. Долго вѣдунъ не соглашался на это, да старикъ умолилъ. Ну, сказалъ вѣдунъ: сдѣлать я сдѣлаю, только смотри, чтобъ худа не было. Сказалъ онъ свое слово, дрогнула земля, гора распалась, да такъ и стоитъ до сихъ поръ—никто ее соединить уже не могъ. А дочку-то

внутри старикъ нашелъ, только уже мертвую, и пропасть тамъ чуди побитой лежало; сказываютъ старые охотники, и до сихъ поръ кости бѣлѣютъ»...

Но больше всего преданій и пѣсенъ мнѣ удалось собрать между Іокъ-островомъ и Зашейкомъ. И тутъ жаловались на *чудь*, и тутъ пѣли пѣсни о старыхъ нападеніяхъ ея, гдѣ лопари почти всегда играли страдательную роль. Дѣйствительно, это характерная черта лопарскихъ преданій. Лопь рѣдко бьетъ *чудь*, *шишей* и *шведовъ*. Почти и не бьетъ даже. На приводимыя ниже преданія о лопарскихъ богатыряхъ нужно смотрѣть какъ на исключенія. Напротивъ, *чудь*, *шиши* и *шведы* бьютъ лопарей. Если лопь и спасается, то только при помощи вѣдуновъ или бури. Есть на Имандрѣ островъ Областной; противъ него жили нѣкогда эк-островскіе и бабенгскіе лопари въ кучѣ, двумя погостами, употребляя новѣйшее названіе населенныхъ лопарскихъ мѣстъ. Скучились они отъ *чуди*—кучей лучше обороняться. Чудь всегда приходила невзначай и больше по весеннему «насту», а тутъ явилась лѣтомъ. Плыла она разорять лопарей по ночамъ. Такъ, противъ соединенныхъ погостовъ она попала на островъ «Областной» (стараго названія лопари не помнятъ). Занималось утро. На Областномъ пришлось *чуди* пробыть цѣлый день, чтобъ ночью уже напасть на поселокъ. Съ деревьевъ, что растутъ на островѣ, высматривали они лопарское становье и толковали, какъ истребить лопарей, условливаясь никому не давать пощады. Но ночью вдругъ поднялась буря и продолжалась четыре дня. Непогода стояла такая, что выѣхать чуди нельзя было, и вся она тутъ «подохла» до единаго.

А то разъ чудь шла разорять лопарей по насту. Была весна; только-что снѣгъ подтаялъ, а тутъ невзначай ударилъ морозъ и настъ образовался крѣпкій; лопари убѣжали на Хибины. На горахъ было еще много снѣга. Лопари расчистили прямую дорогу на гору; по этой дорогѣ и пошла *чудь*. Путь былъ крутъ. Лопари ухитрились: оторвали скалы да и спустили ихъ на враговъ. Вся *чудь* погибла, остался только ихъ вождь. Съ тѣхъ поръ на эти два погоста *чудь* и не нападала—боялась. *Чудь* билась мечами, а *лопь* стрѣлами, дополняетъ разсказчикъ.

Чудь, разоривъ и перебивъ нотозерскихъ лопарей, шла *назадъ* на *Колу* (очевидно, позднѣйшій варьянтъ). Тяжело ей было нести съ собою все награбленное добро. Чудь и выкопала громадную яму, положила туда сокровища и завалила скалою. Скала и теперь цѣла. Только откроется кладъ тому, кто одною стрѣлою убьетъ пятьдесятъ дикихъ оленей.

Отъ *чуди* западные, преимущественно нотозерскіе, лопари спасались, строя жилища въ землѣ и не выпуская дыма наружу; такой

подземный городъ былъ у нихъ близъ Падуна, на рѣкѣ Туломѣ, гдѣ теперь устроенъ семужій заборъ. Объ этомъ городкѣ разсказываютъ слѣдующее: «Жилъ старикъ лопарь съ женою и не имѣлъ вовсе дѣтей. Ходилъ онъ часто по лѣсу; промышлялъ, значитъ. Разъ онъ вышелъ на Падунъ и видитъ талое щелье—удивился: вездѣ больше сажени снѣгу, а здѣсь нѣтъ ничего—голая земля. Смотритъ онъ, а самъ думаетъ: должно быть здѣсь живетъ кто. Сталъ ждать. Вдругъ изъ земли выходятъ маленькія дѣти и давай играть. Маленькіе такіе человѣчки играютъ, что бѣлки—бѣсенята ли какіе, лѣсовики ли, Господъ ихъ знаетъ. Задумался старикъ. Пошелъ къ женѣ и говоритъ: «сшей мнѣ большую, большую каньгу». Та сшила. Взялъ онъ каньгу и веревку и пошелъ на талое щелье. Привязалъ къ веревкѣ каньгу, бросилъ туда и ждетъ. Вечерѣло и, какъ солнышко только въ послѣдній разокъ освѣтило талое щелье, выбѣжали изъ земли дѣти. Одинъ увидалъ каньгу и, играя, запихалъ туда обѣ ноги, да, вдобавокъ, шутя связалъ себя веревкой. Старикъ, какъ увидѣлъ это, крикнулъ страшнымъ голосомъ; дѣти разбѣжались, остался одинъ связанный. Старикъ взялъ его, принесъ домой и говоритъ женѣ: не было у насъ сына, вотъ тебѣ и сынъ. Стали они его ростить. Выросъ паренекъ. Только каждую весну нужно было смотрѣть за нимъ, чтобъ не убѣжалъ куда. Скоро старикъ, старуха и парень перебрались въ подземный городокъ и зажили тамъ съ прочею лопью. Разъ весною они не доглядѣли за парнемъ, тотъ и убѣжалъ отъ нихъ далеко, далеко. По горамъ бѣжалъ, по лѣсу бѣжалъ, пока не наткнулся на *чудь*. Чудь схватила паренька.

— Гдѣ живешь?

Молчитъ.

— Гдѣ живешь? спрашиваютъ.

— Гдѣ живешь? отвѣчаетъ.

— Кто ты такой? спрашиваютъ.

— Кто ты такой? отвѣчаетъ.

— Какъ тебя звать? спрашиваютъ.

— Какъ тебя звать? отвѣчаетъ.

И такъ дальше. Какъ его спрашиваютъ—тѣми же словами и отвѣчаетъ. Озлобилась чудь.

Выбросить его въ рѣку! Порѣшили.

Схватили парня, бросили. Вдругъ видятъ, что, вмѣсто лопаря, своего швырнули. Повторили еще—то же самое.

— Убить его мечомъ! приказываетъ «атаманъ».

Зарубили его—смотрятъ, своихъ трехъ убили, а паренекъ все цѣлъ. Ну, тутъ *чудь* испугалась. Все же заставила повести ее на мѣсто, гдѣ жили старики. Хотѣла *чудь* убить ихъ, да паренекъ сказалъ, что если они дотронутся до отца и матери, такъ ни одинъ живъ не

дойдетъ до *Колы*. Взяли они его въ проводники; «веди въ Колу», говорятъ. Велъ онъ ихъ четыре или пять дней и довелъ до острова на Туломѣ, что повыше Нѣмецкаго. Тутъ, говоритъ, ночевать нужно, потому въ Колу ночью войти нельзя. Приплыли на островъ въ карбасахъ и заснули. Паренекъ взялъ всѣ карбасы, перевязалъ ихъ вмѣстѣ и самъ уплылъ съ ними. Утромъ *чудь* просыпается—ни карбасовъ, ни парня.

Такъ они всѣ тамъ и погибли. Дольше всѣхъ жилъ «атаманъ»; онъ ихъ и схоронилъ и вмѣстѣ съ ними положилъ деньги, много денегъ Навалилъ каменьевъ и зарокъ сдѣлалъ: кто здѣсь убьетъ своего сына и положитъ его въ эту могилу, тому и достанется кладъ. Съ тѣмъ и умеръ.

«Тоже это мѣсто чудливое: нужно ѣхать мимо тихо, не кричать, а то достанется—плохо будетъ!» прибавляютъ лопари.

Нужно отдать справедливость художественному чутью лопарей. Всѣ легенды они пріурочиваютъ къ самымъ живописнымъ мѣстностямъ своихъ пустынь. Чуть повеличавѣе варака, чуть покрасивѣе островокъ среди плеса, чуть пограндіознѣе водопадъ—лопарь непремѣнно сдѣлаетъ ихъ ареною какой-нибудь стародавней были.

Недалеко отъ острова Областного, на озерѣ Имандрѣ, есть необычайно красивая варака. По разсказамъ лопарей, здѣсь въ незапамятныя времена жилъ лопинъ со старухой матерью и съ казакомъ. Былъ этотъ лопинъ богатырь большой и кругомъ своей вѣжи, гдѣ промышлялъ, построилъ городъ изъ вицы, связавъ ее въ два ряда и засыпавъ середину землею. Долго добиралась *чудь* до него и все хотѣла забрать его живьемъ. Наконецъ, разъ набралось этой чуди, можетъ, съ тысячу человѣкъ и взошла она на вараку. Видитъ чудь внизу лопина—рыбу промышляетъ, и лопинъ видитъ чудь.—«Зачѣмъ вы пришли?»—«А тебя взять въ полонъ.»

— Что жь, дѣлать нечего! Я согласенъ идти съ вами. Будь по вашему.

Пустилъ онъ ихъ въ городъ, а самъ велѣлъ работнику (казаку) пойти и пригнать десятокъ оленей изъ тундры, да самыхъ большихъ, для угощенія *чуди*. Казакъ пригналъ оленей; тогда лопинъ вырубилъ большущую ель и обтесалъ ее. Взялъ ель и говоритъ старухѣ-матери: уходи отсюда, потому я воевать *чудь* буду. Мать убѣжала *въ амбарушекъ въ лѣсъ*. Лопинъ поставилъ нѣсколько котловъ, въ которыхъ красятъ невода; каждый котелъ въ 15 ведеръ. Налилъ онъ туда много воды и давай убивать оленей для угощенія; положилъ мясо и сталъ варить. Сварилъ и позвалъ чудь. Чудь сѣла вокругъ котловъ, а лопинъ рядомъ съ ихъ начальникомъ, атаманомъ. Стала чудь ѣсть, а лопинъ вынулъ ножъ, будто для того, чтобы рѣзать мясо, а ножъ-то

былъ аршина въ два длины. Какъ будто нечаянно, отсѣкъ онъ пальцы чудскому атаману, потомъ кровью его намазалъ себѣ губы и крикнулъ: какая вкусная кровь у *чуди!* Не успѣла *чудь* опомниться, какъ лопинъ схватилъ ель и давай бить чудь. Билъ ее долго. Чудь и уйти не могла, потому кругомъ городъ. Кинется чудь въ одну сторону—ель ее и тамъ достанетъ, въ другую—ель за нею. Вездѣ онъ ею помахиваетъ. Кротилъ онъ ее, кротилъ, всѣ уже мертвы, а онъ все еще въ изступленіи бьетъ ихъ. Когда прошло время, опомнился онъ и спохватился, гдѣ мать. Смотритъ туда сюда, нѣтъ ея нигдѣ. Горько заплакалъ лопинъ, думая, что убилъ и ее и казака. Долго онъ это плакалъ, какъ вдругъ видитъ, что мать идетъ живая изъ амбарика. Обрадовался богатырь, собралъ мертвыхъ, закопалъ ихъ, а надъ ними навалилъ цѣлую вараку. Она и до сихъ поръ есть. «Вонъ она», указалъ мнѣ лопарь на крутой и высокій холмъ правильной формы. И теперь, если ѣхать мимо него ночью—продолжалъ разсказчикъ—такъ слышенъ тамъ шумъ и говоръ голосовъ, будто суйма какая подъ землею идетъ. Лопари и ѣздить мимо этого «кентища» боятся.

Не только лопари, но и поморскіе промышленники вѣрятъ, что во время полярныхъ бурь и мятелей въ воздухѣ чудь бѣснуется. Въ сѣрой мглѣ кружится снѣгъ, кережки, вѣжи, оленей—все заметаютъ бѣлые сугробы.

— Это чудь разъигралась нынѣ! говорятъ промышленники.

— Она самая!

— Какая чудь?

— А въ этихъ горахъ чудь жила; ну, какъ крещеные побили ее, она и ушла въ камень, въ немъ и хоронится. По вечерамъ иди теперь вдоль варакъ—услышишь, какъ она внутри горъ разговариваетъ. Перекликаются тоже. Изъ пахты въ пахту *)... Глухо только. Страшно бываетъ. По ночамъ пѣсни поютъ, а есть дни такіе, когда чудь выходитъ изъ камня, да на всей вольной-волюшкѣ и тѣшитъ свой уросъ **) вьюгами да мятелями.

Пахнетъ во время разсказа вѣтеръ въ вѣжу—новое заключеніе.

— Не любитъ, когда объ ней разговариваютъ.

Противъ такой чуди есть и заклятіе.

Промышленникъ выходитъ изъ вѣжи. Вѣтеръ чуть не сбиваетъ его съ ногъ; оперевшись о вѣжу лицомъ къ сѣверу, промышленникъ креститъ воздухъ, повторяя до двѣнадцати разъ: «Во имя отца и сына и святаго духа, чудь некрещеная схоронись въ камень, размечись по понизью, не отъ меня грѣшнаго, а отъ креста христова, не я крещу—

*) Пахта — скала.

**) Урусъ — воровъ.

Господь крестить, не я гоню—Господь гонитъ. Молитвенники соловецкіе Зосима и Савватій—наши заступники, а Трифонъ печенгскій предстатель и защитникъ нашъ и Варлаамъ керетскій — надежа, во вѣки вѣковъ аминь!»

Вьюга разъигрывается все грознѣе и грознѣе, и чудь поганая никакъ не хочетъ уходить отъ него въ камень, разметаться по понизью. Напротивъ, она словно тѣшится, взметывая волосы промышленника, сбрасывая съ него шапку, сваливая его съ ногъ, слѣпя ему глаза цѣлыми комьями снѣга. Она точно хохочетъ надъ нимъ, цѣлыми вереницами призраковъ проносясь мимо и бѣлыми полами своихъ снѣговыхъ, вѣтромъ развѣваемыхъ, одеждъ задѣвая его по лицу. Со страху заклинателю кажется, что онъ видитъ надъ собою чьи-то бѣлыя костлявыя руки.

— Не совладать! рѣшаетъ онъ.—Видно, сегодня дано ей...

У лопарей замѣтно особенное уваженіе къ тѣмъ, кто умѣетъ составлять пѣсни и разсказывать старыя былины. Мнѣ въ самыхъ отдаленныхъ погостахъ мурманской лопи разсказывали, что есть одинъ такой поэтъ и рапсодъ въ погостѣ Бабенгскомъ. «Онъ и на голоса, на свои поетъ».

— Про что же?

— Про разное. Больше про свое и про чужое жительство; много онъ тоже и сказокъ про чудь эту знаетъ.

Уже около самаго Зашейка я слышалъ слѣдующую былину про *чудь*:

Были три богатыря съ работникомъ, три богатыря братана. Промышляли они въ лѣсу и выстроили себѣ на Туломскомъ подунѣ каменныя тупы. Разъ они подняли изъ Туломы двѣ громадныя скалы. Одинъ изъ нихъ донесъ до верху и положилъ тамъ, а другой—только до половины. Такъ и теперь лежатъ эти камни. Сто человѣкъ не пошевелятъ ихъ. Разъ они послали *казака* въ погостъ узнать живы ли лопари, чтобъ пойти къ нимъ въ гости. Казакъ по дорогѣ заснулъ, а въ это время *чудь* разоряла погосты. Когда казакъ проснулся да пришелъ—чудь уже сожгла все. Казака схватили, узнали, что онъ живетъ у богатырей, и велѣли ему вести себя къ нимъ. Младшій братъ богатырь соскучился ждать; должно быть, думалъ: все хорошо, потому казакъ тамъ и остался. Пошелъ онъ въ лѣсъ и видитъ—идетъ *чудь* на встрѣчу, а впереди казакъ ведетъ ихъ. Богатырь давай стрѣлять. Разстрѣлялъ всѣ свои стрѣлы и давай рубить ихъ. Пропасть положилъ онъ народу, наконецъ, одинъ *чудинъ* срубилъ ему мечомъ полголовы. Такъ младшій богатырь и упалъ тутъ. Пошла чудь дальше, вотъ и до каменныхъ туиъ добрела. Увидѣли два брата-богатыря и давай стрѣлы пускать—много перегубили врага, наконецъ, у одного

брата и стрѣлъ больше нѣтъ. Остались только у старшаго, который и продолжалъ бить чудь. И всю бы чудь они перебили, еслибъ жонка ему не измѣнилъ (лопари говорятъ про жену—онъ, хотя превосходно владѣютъ русскимъ языкомъ и даже пословицы русскія выдумываютъ), *Онъ* (т. е. жонка) подрѣзалъ тетивы у лука и крикнулъ чуди: «идите, берите моего мужа; онъ теперь ничего сдѣлать не можетъ!» Но чудь, всетаки, не рѣшалась идти къ богатырю, а только просунула въ печку къ нему мечъ свой. Онъ схватился за него и порѣзалъ себѣ руки совсѣмъ. Тогда *чудь* связала его и брата и повела ихъ къ своему «*царю*». По дорогѣ, когда на ночлегѣ всѣ заснули, богатырь говоритъ женѣ: Развяжи меня, я ихъ всѣхъ перебью и одной рукой, а тебя не трону». Но *онъ* (она) не сдѣлалъ этого. На другой день *чудь жонку* убила, потому что *жонка* не долженъ измѣнять своему мужу. А богатырю у чудского царя былъ большой почотъ.

Въ Экъ-Островѣ уже отдѣляютъ *чудь* отъ *шведовъ*. Чудь жила недалеко отъ лопарей въ верхахъ, а лопари на мелкихъ озерахъ, гдѣ попало. Лопь въ это «боязливое» время сидѣла кучками, врозь не разбиваясь вовсе: сонгельскій погостъ съ нотозерами, бабенгскіе съ іокостровскими. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ преданіяхъ о русскихъ ни слова. Слѣдовательно, лопь боролась съ чудью задолго до пришествія ушкуйниковъ. Только въ одной легендѣ есть указаніе, что между лопью ходило серебро, которое преимущественно грабила *чудь*, и серебро это было *русское*.

Женщинъ и дѣтей *чудь* убивала мечами. А соберетъ, бывало, мужчинъ всѣхъ въ одну тупу и сожжотъ. Кто изъ мужчинъ противился—того рубили мечами, кто покорялся—того жгли. Пощады не было никому. Время тогда было разбойное, нечистый ходилъ по волѣ, дѣлалъ что хотѣлъ, тоже смутьянилъ вездѣ, ругался надъ человѣкомъ. Лопинъ разъ пошелъ въ лѣсъ; вдругъ видитъ нечистаго. Испугался.

— Надо ли тебѣ животовъ (денегъ)? спрашиваетъ нечистый.

— Надо.

— Поди домой, принеси, что вѣрнѣе тебя.

Задумался лопарь, идетъ домой и разсказываетъ женѣ. Та говоритъ: «возьми меня; я вѣрнѣе всѣхъ». Повелъ онъ ее въ лѣсъ. Приходитъ, нечистаго еще нѣтъ.

— Поищи у меня въ головѣ! говоритъ лопинъ, а самъ ложится отдыхать. Скоро заснулъ; въ это время подкрался чортъ. А у мужа ножъ былъ больше четверти. Чортъ шепчетъ женѣ:

— Убей мужа; я тебя за это съ собой возьму.

Жена сначала не соглашалась, а потомъ взяла ножъ и только-что подняла руку, чтобъ убить мужа, какъ чортъ разбудилъ лопина.

— Кого ты ко мнѣ привелъ? Видишь ты ея вѣрность? Поди домой

и принеси, что вѣрнѣе тебя. Лопинъ бросилъ жену въ лѣсу, а самъ пошелъ въ вѣжу. Видитъ, тамъ ничего нѣтъ, кромѣ собаки. Взялъ онъ собачонку, пошелъ въ лѣсъ. Чорта опять нѣтъ. Лопинъ заснулъ. Въ это время нечистый сталъ потихоньку подкрадываться. Собака какъ почуяла его, залаяла и бросилась на него.

— Вотъ это дѣйствительно вѣрнѣе тебя! сказалъ чортъ.—Сколько же тебѣ денегъ?

Лопинъ назначилъ; нечистый расплатился взялъ собаку и ушелъ.

Здѣсь же между Іок-островомъ и Зашейкомъ по пути мнѣ пришлось слышать и другое весьма оригинальное преданіе: «За Колой, къ западу живутъ лопари «больные». Волосъ у нихъ нѣтъ на головѣ да и вся она въ струпьяхъ и болячкахъ. Нѣтъ между ними ни одного здороваго. Лопари объясняютъ это тѣмъ, что кого крестилъ преподобный Трифонъ печенгскій — у тѣхъ родятся дѣти, какъ слѣдуетъ, а кого онъ не крестилъ, у того пошло такое уродливое потомство».

Въ Бабенгскомъ погостѣ тоже мнѣ пришлось выслушать немало разсказовъ о чуди; приведу самые характерные, замѣтивъ только, что во всякомъ погостѣ арену борьбы съ чудью опредѣляютъ не у себя, а подальше.

Пришла чудь на рѣку Воронью. Промышлялъ въ это время одинъ лопинъ лавозерскій. Какъ увидѣлъ *чудь*—давай бѣжать отъ нея домой. *Чудь* замѣтила и кинулась за нимъ, какъ за проводникомъ. Къ этому времени, какъ теперь къ Ильину дню, вся лопь сбиралась въ погостъ. Кельтище тутъ у нихъ было огромное, какъ поле большое; на этомъ кельтищѣ народъ игралъ «бросая мячи». Тутъ же играли два брата богатыря. Замѣтили они, что идетъ на нихъ чудь, и *все рядами, много рядовъ* Одинъ братъ схватилъ моторъ (крюкъ, на которомъ варятъ), а другой надѣлъ шубу. Первый кричитъ второму: не отставай отъ меня. Бѣжать было некуда: впереди *чудь*, а назади рѣка. Кинулся богатырь въ ряды врага, размахивая моторомъ, и много онъ побилъ народа, прошелъ первый рядъ, второй и третій, на третьемъ ряду братъ отсталъ отъ него. Его было схватили за полы, но онъ, быстро скинувъ шубу, оставилъ ее у *чуди*, а самъ побѣжалъ дальше. Наконецъ, передъ ними оказалась рѣка, сажени въ четыре шириною. Перепрыгнули оба. *Атаманъ* чуди не могъ перепрыгнуть, но перебросилъ за ними мечъ. Богатырь съ моторомъ озлобился, схвативъ мечъ, кинулся черезъ рѣку обратно и схватился съ атаманомъ. Дрались они недолго, наконецъ, лопарь свалилъ чудина.

Покажи языкъ! Тотъ показалъ, лопарь отсѣкъ ему языкъ его же мечомъ и ушелъ. Атаманъ вернулся и порубилъ половину своихъ за то, что никто не шелъ за нимъ. Потомъ онъ перебилъ остальныхъ

лопарей, а женщинъ и дѣтей ихъ забралъ въ тупу и зажегъ ее, а самъ съ воинами ушелъ. Въ это время пришли два брата богатыря и, найдя многихъ еще живыми, вытащили ихъ изъ тупы. Остальные сгорѣли.

Мнѣ извѣстно еще одно сказаніе о чуди, но уже несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія. Чудь собралась на лопь. Поставила амбары на лыжи, заготовила много лыжъ и бочку пороха, но съ неба ударила молонья—всю *чудь* разнесло куда-то!.. Ни одинъ живъ не остался. Чудь потому такъ воевала, что лопь была очень въ то время богата.

У туломскихъ и сонгельскихъ лопарей нѣтъ старинныхъ преданій; разсказываютъ они только, какъ шведъ приходилъ и разорялъ ихъ, убивая мужчинъ и женщинъ, а дѣвушекъ забирая къ себѣ; какъ отъ такихъ шаекъ лопари на лыжахъ уходили въ далекія трущобы и лѣсныя пустыни, прятались въ землю. Замѣчательно, что между сказаніями сонгельцовъ и лопарей массельгскихъ и эк-островскихъ есть близкое сходство, но у первыхъ уже не слышно о *чуди*. Враждебныя дѣянія, убійства и грабежи, которые у массельгскихъ, имандрскихъ и лавозерскихъ лопарей приписываются *чуди*, сонгельцы, лопари на Туломѣ, мотовскіе и печенгскіе инородцы повторяютъ, почти буквально, присвоивая ихъ шведу. На рѣкѣ Туломѣ есть небольшой каменный островъ. Ночью лопари объѣзжаютъ его съ чувствомъ, близкимъ къ ужасу. Оттуда имъ слышатся стоны, плачъ, гнѣвныя проклятья, звонъ мечей и звуки битвы. Ели, выросшія изъ трещинъ дикаго камня, являются имъ окружонными бѣлыми, вокругъ витающими видѣніями. По разсказамъ стариковъ, *шведъ* (на Имандрѣ—*чудь*) на лодкахъ пришелъ воевать лопарей. „Сорокъ" погостовъ ихъ уже было разорено. Постройки сожжены, вѣжи сравнены съ землею, мужчины убиты, женщины кто помоложе и дѣвушки отосланы «въ вагу» (куда, въ какую сторону—добиться я не могъ). Во время одного изъ набѣговъ, эти разбойники заночевали на каменномъ острову. Ночью, тихо-тихо подплыли лопари и, не смѣя сразиться со шведами, только взяли ихъ лодки. На утро къ берегамъ собралось видимо-невидимо народу. Всѣ хотѣли знать, что станутъ дѣлать шведы. Враги проснулись, „закрутились" (употребляю подлинное слово разскащика) по острову. Кинутся въ одну сторону—вода, въ другую—вода. И заплакалъ шведъ. Сталъ онъ просить милости. „Наши милости не дали". Много шведовъ покидалось въ воду, гдѣ лопари добили ихъ стрѣлами. Другіе стали бѣсноваться на острову „И такое на нихъ бѣснованіе нашло, что они другъ друга мечами убивали. Точно дружка противъ дружки войной пошли; такъ никого и не осталось".

— Какъ же они не попробовали спастись на елях? Срубили бы, да плотъ сдѣлали, возразилъ я.

— Тогда еще этихъ елей и не было. Ели эти не простыя, онѣ надъ ихъ могилками выросли. Между шведами была одна ихъ дѣвушка, та особенно плакалась. А какъ враги перебили другъ друга, сѣла на бережку и запѣла... жалостно запѣла, потомъ взяла мечъ и пробила имъ грудь свою. Кровь хлынула вотъ на этотъ камень. Съ тѣхъ поръ онъ и остался краснымъ.

Камень, дѣйствительно, былъ красенъ.

У этихъ лопарей, въ сонгельскомъ погостѣ, я слышалъ еще преданіе болѣе поздняго происхожденія. Коляне захотѣли отнять у нихъ падунъ (водопадъ по рѣкѣ Туломѣ за пять верстъ до истока ея изъ Ното-озера). Жаль было лопарямъ отдать это урочище. Очень ужь хорошо въ немъ рыба ловилась. Что дѣлать? Собрали суйму, потолковали и рѣшили послать выборныхъ къ царю Петру. Царь принялъ ихъ у себя въ палатахъ, угостилъ на славу, водкой напоилъ. «Царь Петръ очень лопарей любилъ», прибавляютъ часто разскащики. На утро онъ выслушалъ ихъ и далъ имъ большой указъ на Тулому съ падуномъ и велѣлъ держать этотъ указъ въ лѣсу, въ тайномъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежитъ и теперь, пробитый копьемъ.

— Зачѣмъ же копьемъ?

— А затѣмъ, что если коляне нарушатъ его—такъ идти на нихъ войною.

Объ указахъ и разныхъ договорныхъ актахъ, пробитыхъ копьями, мнѣ приходилось слышать и по Имандрѣ, и въ Лавозерѣ, причемъ значеніе этого вездѣ одинаково: „идти войною въ случаѣ нарушенія права“, Не указываетъ ли это на древній обычай лопарей—предоставляю судить этнографамъ.

Зимою на посидкахъ (употребляя болѣе подходящее русское слово) туломская и сонгельская молодежь поетъ любовныя пѣсни, каждый своей дѣвушкѣ. Пѣсни эти иногда импровизируются на мѣстѣ. Въ томъ и состоитъ искусство лучшихъ пѣвцовъ. Въ послѣднее время въ обычай стали входить мотивы русскихъ пѣсенъ. Прежде были свои: старухи ихъ и до сихъ поръ помнятъ. Я слышалъ одинъ мотивъ — такой же, какъ и всѣ лопарскіе—однообразный, гортанный. Въ одномъ „кентищѣ“ пришлось мнѣ встрѣтить старую лопарку, которая помнила пѣсню, сложенную въ честь ея. Пѣсня эта была чрезвычайне оригинальна: дѣвушка чествовалась въ ней, какъ „бѣлая важенка“. Важенка—полопарски *алттъ*, самка оленя на пятомъ году. Говорилось, что у нея послѣ замужества будетъ много *вуазытъ* (телятъ) и всѣ бѣлые, что ея *кунбасъ* или *кондасъ* (олень, самецъ) долженъ гордиться такою красавицей. Пѣсня заканчивалась такъ:

Пойду я на горы, на высокіе круглые варани...
Пойду я на варани...
Возьму я съ собою стрѣлы, большія желѣзныя копья,

Возьму я съ собою стрѣлы,
Набью я на варакахъ дикихъ оленей, крупныхъ и жирныхъ оленей,
Набью я оленей.
И сыграю я свадьбу, веселую, пьяную свадьбу,
Сыграю я свадьбу...

Въ послѣднее время лопари начинаютъ заимствовать русскія сравненія для своихъ любовныхъ пѣсенъ: «бѣлая голубка, лебедушка и другія»; прежде же они сравнивали дѣвушекъ съ веселыми чайками, съ юркою кумижей, что зачастую выскакиваетъ изъ недвижныхъ рѣчныхъ плесовъ, съ важенками и даже съ деревьями и цвѣтами убогой лапландской флоры. Мнѣ встрѣтилась даже пѣсня, заканчивавшаяся припѣвомъ: «Му горе куасса пуале» (у сонгельскихъ лопарей), т. е. приходи ко мнѣ въ гости. Поютъ ее на бѣгу *райдой* (поѣздъ на оленяхъ). Есть одна пѣсня о сердитомъ отцѣ. Тамъ онъ сравнивается съ порогомъ „Кривцомъ“ на Туломѣ, гдѣ рѣка мечется и бушуетъ въ скалахъ, преграждающихъ ей путь. Въ одномъ преданіи мнѣ встрѣтилась, между прочимъ, мѣткая, чисто русская фраза: „безъ денегъ и чирей не вскочитъ“. Коляне, по ихъ собственному признанію, заимствовали ее у лопарей. Лопари туломскіе до сихъ поръ вѣрны новгородской старинѣ. Между прочимъ, тамъ до сихъ поръ живетъ слово „ушкуйникъ“. Лѣсенку, по которой они всходятъ, чтобъ разсмотрѣть, попала ли рыба въ неводъ, они называютъ „рюрикомъ“. У самаго «туломскаго падуна» отъ рабочихъ, нанятыхъ для лова семги колонистомъ Савинымъ, я слышалъ одно старинное преданіе о горномъ духѣ. Передаю его тѣми же словами, какими и оно мнѣ было разсказано старикомъ-сонгельцомъ. „Великій горный духъ, ростомъ съ десять старыхъ сосенъ, охотится съ своими собаками, каждая съ быка (оленя-самца) величиною, на большаго бѣлаго оленя съ черною головой и золотыми рогами. Охота эта продолжается уже несосвѣтимо сколько лѣтъ, и когда духъ пуститъ въ оленя первую стрѣлу — будетъ первое землетрясеніе: всѣ старыя каменныя горы разсядутся, выбросятъ огонь, рѣки потекутъ назадъ, озера изсякнутъ, море оскудѣетъ... высохнетъ. И когда «великій охотникъ» пуститъ въ оленя вторую стрѣлу, которая вопьется ему въ черный лобъ, между двумя золотыми рогами, огонь охватитъ всю землю, горы закипятъ, какъ вода, на мѣсто морей поднимутся другія горы и тоже, какъ факелы, загорятся, озаряя ту далекую землю, откуда идутъ къ намъ льды и дуютъ холодные вѣтры. А когда на оленя кинутся собаки и растерзаютъ его, когда охотникъ вонзитъ ножъ въ его сердце— звѣзды попадаютъ съ неба, старая луна потухнетъ, солнце утонетъ гдѣ-то далеко, далеко. На землѣ не останется ничего живаго—и міру конецъ». Въ этой легендѣ очевидно вліяніе скандинавскаго стараго культа; по крайней мѣрѣ, образы ея какъ будто выхвачены оттуда. Разсказывая это повѣрье, старикъ стыдился его, да и другіе лопари

укоряли: «Зачѣмъ неподобное говоришь». Черезъ нѣсколько лѣтъ, это поэтическое преданіе будетъ забыто, какъ позабыты многія другія сказанія, прочно жившія нѣкогда въ землѣ лопской.

Перейду къ другимъ сказаніямъ, гдѣ имя чуди не встрѣчается.

Шли два лопаря—два брата со стрѣлами по берегу рѣки и видятъ—посреди рѣки на камнѣ сидитъ дѣвушка и золотымъ гребнемъ чешетъ волосы. Одинъ хотѣлъ стрѣлять въ нее, уже и стрѣлу наладилъ, да другой братъ крикнулъ водяной дѣвушкѣ, чтобъ она спасалась. Водянка бросилась въ воду, а золотой гребень оставила на камнѣ. Хотѣвшій стрѣлять взялъ гребень и пошелъ домой. Ночью въ тупу къ нему пришла водяная, отняла гребень, тупу подожгла съ четырехъ сторонъ и «по росѣ» добралась до воды. Братья жили отдѣльно. И тогда какъ одинъ погибъ въ огнѣ; другой, спасшій водяную дѣвушку, сталъ богатъ и имѣлъ отъ нея много дѣтей.

Такое же точно преданіе привелось слышать мнѣ и на Имандрѣ, только гребень здѣсь былъ уже серебряный.

Противъ Эк-островскаго погоста есть островъ, гдѣ въ незапамятную старину, когда лопари были еще язычниками, жилъ ихъ богъ. Онъ не любилъ, чтобъ мимо проѣзжали ночью, послѣ заката солнца до утра, и за это страшно наказывалъ ловцовъ. Ему приносили въ жертву оленьи рога, и столько ихъ было тамъ сложено, что они загромоздили весь островъ. Тѣмъ, кто привозилъ ему такой даръ, онъ посылалъ хорошій промыселъ. Разъ, послѣ заката солнца, проѣзжалъ мимо старикъ со старухой. Богъ разсердился и свернулъ старухѣ голову лицомъ назадъ, затылкомъ впередъ. Опечалился старикъ. «Ужь и жить нѣчего», думалъ онъ, потому было горько видѣть ему жонку свою въ такомъ положеніи. Дождался онъ утра, взялъ карбасъ, пріѣхалъ на островъ и началъ разбрасывать оттуда рога на всѣ стороны. Въ рѣку ихъ вывалилъ пропасть, и теперь еще лопарямъ случается вытаскивать ихъ неводами. Наконецъ, когда выбросилъ онъ послѣднюю охапку роговъ, омрачилось небо, загремѣлъ громъ, и на островѣ послышался страшный ревъ. Духъ собрался оставлять свое излюбленное мѣсто. Въ видѣ тучи поднялся онъ оттуда и поселился на большомъ озерѣ въ Хибинскихъ горахъ. Посрединѣ озера и теперь есть громадный камень, издали похожій на домъ. И щели въ немъ расположены, какъ окна; есть выбоина, похожая на дверь. Тутъ и зажилъ богъ, и сталъ онъ шутить надъ людьми. Кто ѣдетъ по озеру да засмѣется или скажетъ громкое слово — поднимется буря или просто въ самую ясную погоду челнокъ на дно пойдетъ. Какъ лопари стали христіанами—богъ пропалъ. По другому варьянту, богъ преобразился въ четырехъ вороновъ, живущихъ въ окнахъ и дверяхъ этого дома. Когда лопари промышляютъ на озерѣ, вороны ходятъ около и громко кричатъ. Никто ихъ

Островъ на озеръ Нотояарби.

пугать не смѣетъ; потому, тронешь и самъ пропадешь... Тамъ многое и до сихъ поръ еще чудится, слышенъ шумъ, въ домѣ раздаются чьи-то разговоры, а ночью—громко рыдаютъ.

У лопарей есть и романическія былины, свидѣтельствующія о томъ, какъ глубоко и безраздѣльно умѣютъ любить эти номады. Одна изъ такихъ мною записана въ Бабенгѣ. Пришелъ иностранный корабль къ Семиостровамъ. Давно это случилось. Жили тутъ мужъ и жена—лопины. Больше никого не было. Лопка была такая красавица, что и у русскихъ не найти, «хоть всю Колу изойти». Когда пристали иностранный корабль, мужъ былъ на охотѣ за куроптями (куропатками). Увидѣли съ корабля лопку, подивились красотѣ ея да потомъ захватили ее съ собою, связали и только-что подняли паруса и поплыли впередъ, какъ мужъ прибѣжалъ съ охоты. Жены на берегу нѣтъ—стоитъ и плачетъ на кораблѣ. Мужъ побѣжалъ за нею. Корабль плыветъ, а онъ вслѣдъ бѣжитъ по берегу да кличетъ жену по имени; таково ли громко кличетъ да вперемежку плачетъ. А корабль все впередъ да впередъ. Наконецъ, увидѣлъ онъ, что корабельщикъ смѣется надъ нимъ, схватилъ свой лукъ, и только, что хотѣлъ пустить стрѣлу, какъ жена ему крикнула: «я ужь пропала, зачѣмъ же тебѣ пропадать? пожалѣй себя». Лопинъ послушалъ, только все бѣжалъ за кораблемъ. Онъ преслѣдовалъ судно отъ Семиострововъ до Св. Носа, тутъ и упалъ отъ устали. Бѣжалъ онъ такъ, что куропоть сварилась у него за пазухой, а черезъ три дня онъ тутъ же отъ тоски и умеръ.

Жила въ Моткѣ (Большой Мотовскій заливъ) красавица-дѣвушка лопская, съ подругой. Почувствовала она приближеніе необыкновеннаго сна и говоритъ невѣсткѣ: «Не буди меня, сколько я спать ни буду». Спала она три дня и три ночи, наконецъ, проснулась, и обращается къ подругѣ: «Знаешь ли ты, любимая моя, откуда у меня богосуженый будетъ?». Подруга по очереди переименовала молодежь изо всѣхъ погостовъ. «Не Васька ли изъ Пазрѣки?»—«Нѣтъ, у него шапка стара».—«Не Иванъ ли изъ Воронежскаго погоста?».—«Нѣтъ, онъ ходитъ грязно».—«Не Мошниковъ ли съ Сонгельскаго?»—«Нѣтъ, у него глазъ кривъ».—«Не Семенко ли съ Нот-Озеро?»—«Нѣтъ, у него нога хрома».—«Не Иванъ ли съ Масельги?»—«Нѣтъ, у него олени черные».—«Не Петро ли съ Кильдинскаго?»—«Нѣтъ, у него вѣжа мала». Такъ перебрала всѣ погосты подруга, а богосуженаго все нѣтъ. Наконецъ, дѣвушка и говоритъ: «Не будетъ мнѣ богосуженаго изъ своихъ, а придетъ онъ изъ-за моря на трехъ корабляхъ, черезъ трое сутокъ. Увидитъ онъ меня и сватать не станетъ, а просто броситъ мнѣ двѣ вареги, возьметъ за руку и уведетъ на корабль». Подруга плачетъ, а черезъ три дня, черезъ три ночи приходятъ корабли; сошелъ съ нихъ какой-то чужой, бросилъ дѣвушкѣ вареги и взялъ ее съ собою. Семь

лѣтъ не было о ней никакого слуха. Только потомъ стало извѣстно, что все это время онъ держалъ ее у себя въ темнотѣ, бѣлаго свѣта она не видала; семь лѣтъ училъ ее посвоему, рвалъ ея тѣло желѣзными щипцами, жегъ ее; наконецъ. она выучилась и онъ повезъ ее назадъ, къ отцу ея въ гости. Еще корабль далеко былъ, а она ужь стояла на палубѣ и все родной земли искала. Сама стоитъ, слезы такъ и льются, а какъ увидѣла Мотку да берегъ свой, такъ о земь и ударилась. Наконецъ, пріѣхали, прожили недѣлю, и сталъ собираться ея мужъ назадъ. Взялъ онъ, снесъ ее на корабль и поплыли они; прошли мимо пахты Ейны; тутъ она сѣла на палубу и, глядя на родную землю, стала пѣть. Все она сначала пѣла, какъ жила у отца, какъ сонъ увидѣла, какъ съ подругой говорила. Лопари эту часть сказки поютъ, повторяя ее съ начала буквально. Пѣла дѣвушка и плакала. Въ пѣснѣ перечисляла все, что она вытерпѣла, какъ жила потомъ въ чужой сторонѣ и какъ тамъ богато живутъ; пѣла она о томъ, какія у нея платья тамъ есть, сколько денегъ, какія вещи. Но ради всего этого она не можетъ забыть родной стороны. Наконецъ, допѣла и когда въ послѣдній разъ увидѣла вдали своей берегъ — бросилась въ море. Три дня и три ночи искали ее тамъ и найти не могли. Такъ и пропала лопарская красавица.

Напѣвъ пѣсни этой нѣсколько дикъ и печаленъ. Слушая ее, лопари плачутъ, а дѣвушки и потомъ долго тоскуютъ. Мнѣ ее пѣла одна пожилая лапландка. Слезы катились по ея лицу, и видно было, что она, несмотря на частое повтореніе пѣсни, живо сочувствуетъ печальной судьбѣ героини этой сказки и этой пѣсни. Какъ мнѣ потомъ передавали, у лопарей есть одна изъ пѣсенъ, начинающаяся сказкой. Сначала говорится сказка, потомъ поется. Я, кромѣ разсказанной, не встрѣчалъ такихъ больше.

У лопарей на рѣкѣ Енѣ я слышалъ слѣдующую пѣсню:

«Пошелъ я на большіе вараки, пошелъ за охотой, за охотой на оленя. Оленя убилъ большой стрѣлой, большой стрѣлой, желѣзной стрѣлой... Прямо въ сердце ему прошла эта стрѣла, прямо въ горячее кровавое сердце, и упалъ онъ на снѣгъ и не двинулся... Взялъ я его съ собой въ погостъ, на плечахъ принесъ въ погостъ, на плечахъ принесъ тяжелаго .. Срѣзалъ я ему рога, срѣзалъ я ему рога и бросилъ ихъ въ море. Большіе рога бросилъ въ море... Срѣзалъ я ему копыта, срѣзалъ я ему копыта и бросилъ ихъ въ рѣку... Принесъ оленя домой, принесъ его домой, отдалъ отцу и матери его мясо... Отдалъ отцу и матери его мясо, а пойду *) да сердце кровавое, горячее кровавое сердце отнесу своей милой, любезной...»

*) *Пойда* — оленье сало.

У меня не мало записано такихъ пѣсенъ и сказокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно, составлены подъ вліяніемъ русскихъ, другія совершенно оригинальны, но все же носятъ на себѣ слѣды вліянія русскихъ. Однообразные мотивы пѣсенъ вѣютъ окружающею лопаря природой. Напѣвъ ихъ представляетъ постоянное повышеніе и пониженіе тона на терцію. Лопарская пѣсня чрезвычайно напоминаетъ переливаніе воды въ ручьѣ, тихое журчаніе потока. Помимо своей поэтичности, сказки и пѣсни этого народа дадутъ этнографу богатый матерьялъ для заключенія о старинѣ лопской. Указанія на чудь, борьба съ чудью — многознаменательны. Въ связи съ преданіями кореловъ и норвежскихъ лопарей, собранныхъ Фрійсомъ, они создаютъ цѣлый особый міръ легендъ о кровавой эпопеѣ прошлаго когда вся эта прекрасная приполярная страна обагрялась кровью ея мирныхъ жителей. Въ тѣхъ же пѣсняхъ особенно рельефно обнаруживается преданность лопаря къ своей родинѣ, мягкость и нѣжность его чувства, миролюбіе и способность его къ глубокой любви, дѣлающее это честное и благородное племя чрезвычайно симпатичнымъ для этнографа.

Свѣдѣнія, собранныя мною о бытѣ и жизни лопарей, чрезвычайно интересны. Это цѣлый новый міръ, имѣющій мало общаго съ тѣмъ, къ чему мы привыкли у себя. Впослѣдствіи я намѣреваюсь составить полную, возможно подробную бытовую картину терской и мурманской лопи. Теперь же могу только выразить крайнее сожалѣніе, что недостатокъ средствъ не позволилъ мнѣ выполнить задуманнаго намѣренія пройти Лапландію, отъ запада на востокъ, черезъ весь Кольскій полуостровъ.

Итакъ, еще однимъ племенемъ безъ сказокъ и пѣсенъ менѣе. Найдена пѣсня и сказка русскихъ лопарей, послѣдующіе туристы также, можетъ быть, найдутъ легенды и у самоѣдовъ, и у карачаевъ, и у остяковъ. Человѣкъ не можетъ забывать свое прошлое, какъ бы блѣдно оно ни было — слѣдовательно, должно быть преданіе: человѣкъ не можетъ не любить и не волноваться, слѣдовательно, должна быть и пѣсня.

ПОѢЗДКА
ВЪ КАНДАЛАКШУ.

1. На пароходѣ «Качаловъ».

Послѣднія тучки сбѣгали съ небосклона. Чистая голубая высь опрокинулась надъ пустынною ширью Бѣломорья, уходившаго въ недосягаемую даль и только съ одной стороны замыкаемаго туманною, едва замѣтною полосою неровнаго берега. Бѣлые гребни валовъ, еще недавно вздымавшіеся по всему необозримому простору, теперь только кое-гдѣ змѣились и пропадали одни за другими. Пароходъ еще качало, порою онъ весь вздрагивалъ, какъ конь, замореный на долгомъ отчаянномъ бѣгѣ, снасти скрипѣли, винтъ, когда волны, подкатываясь подъ киль, приподымали корму, вращался въ воздухѣ, но буря уже улеглась, и матросы снимали клеенчатые плащи и шляпы. Черная полоса дыма виднѣлась до самаго горизонта, изгибаясь по тому направленію, какимъ шелъ пароходъ, бравшій курсъ прямо на смутно сѣрѣвшій берегъ.

Подымался побережникъ *).

— Встряхнуло?

— Ничего! это ли еще погода. Въ океанѣ ежели бы хватило такъ— куда бы унесло, страсть, прямо къ ошкую **) въ гости... То-то бы натерпѣлись, потому тамъ жутко, человѣка и въ свѣтлый праздникъ не увидишь.

— Страшно поди въ окіани?

— Страшно дома на печи—ѣсть горячіе калачи... Это точно, что страшно, потому человѣка отъ таракана не отличишь... А это, что за страхъ? Сказано, что безъ произволенія Божія — ни единаго волоса!.. Ну и не помышляй ни о чемъ, справляй свою работу... Одно, братцы, каптейнъ ***) у насъ — нѣмца, а нѣмчей стрась это море не любитъ.

— Потому нехристь.

---

*) Побережникъ—вѣтеръ, дующій съ берега.

**) Ошкуй—бѣлый медвѣдь.

***) Каптейнъ, каптинъ—капитанъ парохода.

— Ишь теперь тихій ходъ далъ. Гляди въ оба, ребята, сейчасъ какой ни на есть приказъ будетъ.

— Лотъ! прозвучала команда съ возвышенія у трубы.

— Есть!.. Бросай лотъ, тутъ мѣсто подлое, въ куйпогу такъ корги*) тебѣ и чернѣютъ, особливо поближе къ берегу. Тутъ, допрежъ, сказываютъ, невѣрная чудь жила и всю воду каменьемъ забросала, чтобъ доступиться до нея нельзя было.

Вынули лотъ—оказалось восемь сажень глубины. Пароходъ опять пошелъ полнымъ ходомъ.

Берегъ все яснѣе и яснѣе очерчивался передъ нами. Вершины за вершинами выступали изъ тумана отдаленія, словно тамъ развертывалась безконечная полоса волшебной панорамы. Но все пока было окутано мглою. Между основаніями этихъ горъ и моремъ лежала еще свѣтлая полоса, точно они висѣли въ воздухѣ. Прямо передъ нами, на краю горизонта клубился сѣрый паръ, то разстилаясь волнистою поверхностью, то принимая очертанія острововъ и мысовъ.

— Марь это!... Туча въ море уходитъ. Ишь, побережникъ-то ее съ неба согналъ, такъ она въ бездну бѣжитъ...

— Премудрость этто!..

— А ты поди первый разъ въ морѣ?

— Первой.

— Ты и понимай. У насъ чудесовъ много, у насъ — ахъ сколько чудесовъ! Безъ моря Бога не узнаешь: кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался. Тутъ, парень, разомъ всѣхъ угодниковъ вспомнишь.

Теперь уже можно было разсмотрѣть, какъ по лѣвую сторону тонули во мглѣ мрачныя вершины отдѣльно стоявшихъ горъ. То словно купола, то будто острые конусы, онѣ провожали пароходъ медленно, показывая ему обрывы, трещины и черныя щели своихъ откосовъ. Порою у самаго берега выдвигались группы скалъ, изъѣденныя у ихъ подножій водою и увѣнчанныя наверху темными коронами еловой и березовой поросли. Когда совсѣмъ прояснѣло, горы явились передъ нами во всемъ величіи: это были не хребты, а ряды громадъ, стройно возносившихся въ недосягаемую высь. Внизу зеленѣла густая щетина мелколѣсья, за то ихъ плѣшивыя верхушки, покрытыя бѣлымъ ягелемъ, оказались совершенно голыми. Изрѣдка на крайнихъ выступахъ этихъ вершинъ можно было въ подзорную трубку разсмотрѣть едва замѣтные силуэты дикаго оленя; порою на высочайшихъ точкахъ берега чернѣли деревянные кресты, поставленные странниками, обрѣвшими здѣсь спа-

*) Корга — каменистая банка, открывающаяся лишь при отливѣ. Куй-пога — малая вода при отливѣ.

сеніе отъ бурь и непогодъ. Абрисы горъ поражали взглядъ необычайною смѣлостію. Часто онѣ отвѣсно обрывались въ морѣ и по этимъ отвѣсамъ, цѣпляясь за трещины гранитныхъ массъ, сползали внизъ то красныя кисти рябины, то граціозныя стрѣлки молодыхъ елокъ. Спустя часъ, направо протянулась едва замѣтная темная полоса мелководья. Корабль взялъ налѣво. Берегъ уже ложился по обѣ стороны парохода.

— Налѣво гляди—это Кемское поморье пойдетъ, а направо Терская украйна. Тутъ мы въ губу и входимъ. Широки ворота слава Богу, серединой можно безъ сумленія идти, способно! То десять, то двадцать, а не то и всѣ пятьдесятъ саженъ глубины...

Мы вошли въ устье Кандалакшской губы. Скоро правый берегъ подошелъ ближе и тутъ на отмелыхъ мыскахъ его выступали и пропадали передъ нами то одинокія промысловыя избушки, то цѣлыя селенія, пріютившіяся у быстрыхъ и порожистыхъ рѣчекъ, сжатыхъ откосами крупныхъ ущелій, по дну которыхъ протянулось ихъ извилистое ложе. Такъ мимо насъ мелькнули Кашкаранцы, Сальница, Оленица, Кузрѣка и Умба. Изъ кучекъ смутно сѣрѣвшихъ избъ кое-гдѣ ярко свѣтились бѣлыя точки церквей, иногда на самомъ носу длиннаго мыска красиво рисовалась новая изба, блистая на солнцѣ всѣми своими, пока еще цѣлыми, окнами. Иногда такіе мыски, протянувшись песчаною полоскою, внезапно заканчивались пышною метелкою стройной береговой рощи, словно золотая бить, увѣнчанная малахитовой коронкой.

— Экая красота у васъ!

— Да, мѣсто рыбное.

— Я не о томъ, красиво...

— Что еще красивѣй, коли рыбка полными неводами ловится. Сама идетъ. Это ли еще не красиво. Другой красы и нѣтъ...

— А горы?

— Чего горы, что въ нихъ, камень одинъ. Голыя плѣши, тамъ оленю, а не человѣку жить. Ягелемъ кормиться не станешь; по нашему тамъ и красиво, тамъ и хорошо, гдѣ народъ въ настоящей сытости живетъ, промыселъ какой есть.

Передъ нами направо и налѣво замерещились на водѣ какія-то сѣрыя точки, полосы, пятна. Минутъ черезъ десять онѣ очертились яснѣе, и голубая полоса губы оказалась вся усѣянною островами. То низменные и большіе, сплошь покрытые темною чащею чернолѣсья, то каменистые съ оборванными берегами, похожіе на какихъ-то чудовищъ, распластавшихся здѣсь на свѣжемъ морскомъ просторѣ, то круглые, поросшіе кустами вереска и можжевельника,—они разнообразили величавую, но унылую красоту этого сѣвернаго пейзажа.

— Вонъ тебѣ направо будутъ Горѣлые Луды, а тамъ за ними Медвѣжій островъ, а налѣво Великій, тутъ годовъ двадцать назадъ скитъ стоялъ. Старушки да старики жили. Изъ-за сельдянаго боченка начальство и скитъ весь уничтожило.

— Какъ изъ-за сельдянаго боченка?

— А, такъ. Пріѣхалъ этто къ нимъ въ скитъ попъ, бурей вишь занесло. Видитъ, скитъ убогій, нищенскій. Что съ его взять, а взять требуется. Давай, говоритъ отцу моему, давай, старикъ, хоть боченокъ сельдей. Ну, отецъ, какъ вновѣ былъ, сичасъ къ старушкамъ, а старушки тутъ всѣмъ дѣломъ верховодили. Тѣ ему и говорятъ: брось, Антипушко, не поблажай попа. Не балуй робятъ — не глядятъ назадъ. Попъ какъ услышалъ про это — пригрозилъ тольки, а черезъ шестъ мѣсяцевъ понаѣхало начальство разное, ну и расточили все... Старушки по ихъ ветхости — кто куда, а стариковъ — назадъ по селамъ.

— Глупѣе этого пословицы есть, вмѣшался старикъ-поморъ. Тоже у насъ говорятъ—не пихай въ ротъ, не придетъ впередъ. Разъ я тоже, годовъ пятнадцать тому было, не ублажилъ окружнаго, извѣстно, затмѣніе на меня нашло. Что же бы ты думалъ напослѣдокъ: онъ на пять тыщей меня наказалъ.

Мы прошли узкое мѣсто губы между Горѣлыми Лудами и Костылевымъ мысомъ. Берега нѣсколько шире раздвинулись передъ нами но на сѣверѣ уже рисовались громадныя горныя массы Лапландіи, подступившія къ Кандалакшскому заливу тремя отдѣльными вершинами: Крестовой, Волостной и Желѣзной. Острова становились разнообразнѣе; словно зубы исполинской челюсти, часто изъ воды торчали ряды камней, заливаемыхъ только въ самую полную воду. Мы миновали островъ Вачевъ и Резановы Луды и вступили въ совершенно неподвижный бассейнъ. Море здѣсь не шелохнулось. Бѣлое облачко, совершенно жемчужнаго цвѣта, съ золотою каймою, медленно плывя въ вышинѣ голубаго неба, отражалось и въ морѣ всѣми своими чертами и оттѣнками, всѣми переходами красокъ и изгибами линій...

Мимо парохода плыли цѣлыя стада морскихъ звѣздъ, то ярко-пунцовыхъ, то бархатисто-малиновыхъ, то переливавшихся всѣми цвѣтами радуги. Онѣ то сжимали, то разжимали зубцы, обращая свою пустую полость отверстіемъ къ теченію, приносившему имъ мельчайшія студенисто-серебристыя существа. Тысячи звѣздъ пропадали подъ водорѣзомъ и винтомъ парохода, и вновь являлись миріады этихъ прелестныхъ обитателей моря. Поморы ихъ называютъ морскимъ цвѣтомъ: это дѣйствительно лучшіе цвѣты моря, сіяющіе всѣми оттѣнками солнечнаго свѣта, алымъ румянцемъ зари, нѣжнѣйшими переливами ра-

дужныхъ красокъ, лучистою зеленью изумруда и розовымъ блескомъ чистаго рубина.

По берегамъ кое-гдѣ сталъ показываться дымокъ. Въ бинокль можно было разсмотрѣть группы, расположившіяся у костровъ. Около, у берега, колыхались черные, большіе карбасы.

— Это ловцы все. Сельди ждутъ. Извѣстно, море—наша нива Коли ее не вспашешь — ничего и не пожнешь. Тутъ самыя ловецкія мѣста пошли. Сюда сельдь охоча идти. Да, что говорить! сами провѣдаете. Въ Кандалакшѣ останетесь, поѣзжайте ловить, много новаго узнаете...

Направо, словно ярко серебряная щель, залегла между горными вершинами губа Колвица, вся въ свѣту сіявшая передъ нами. Вдали показались большіе острова, стѣснившіе оконечность Кандалакшскаго залива. Фарватеръ ложился извилистою линіей. Пароходъ шелъ тихимъ ходомъ. Дымъ изъ трубы его клубился гуще и дольше стоялъ на одномъ мѣстѣ. Грозныя вершины берега, казалось, иногда подымались надъ самою палубою. Пароходъ два или три раза проплывалъ салмами — узкими проливами — между островами и матерымъ берегомъ, куда и солнце не забрасывало въ эту пору ни одного луча, ярко дробящагося на волнахъ въ тысячи мельчайшихъ блестокъ и искръ...

Вотъ налѣво выдвинулась изъ моря длинная полоса Большаго Оленьяго острова. Мы поминутно кидали лоть, словно подкрадываясь, а не подходя къ берегу. Наконецъ на гротъ-мачтѣ подняли лоцманскій флагъ, и отъ далекаго берега вскорѣ отдѣлилась едва замѣтная точка. Деревню еще трудно было разобрать въ глубинѣ бухты. Кандалакша вся уходила въ густую тѣнь тѣсно обступившихъ ее горъ, только золоченный крестъ одной изъ церквей выдѣлялся изъ мрака и подъ косымъ лучемъ солнца сверкалъ яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ.

— Лоцманъ? произнесъ вопросительный окрикъ капитана, когда лодка, отплывшая отъ берега, была саженяхъ въ 30 отъ парохода.

— Есть! послышалось оттуда, и какой-то длинный, высокій старикъ, приподнявшись отъ руля, замахалъ намъ шапкой.

— Э, да это старый кормщикъ... Никита?... Нешто онъ не на Морманѣ нонѣ.

— Онъ и есть—Мостовиковъ!

— Кряжистый старикъ.

— Что говорить! Пять разъ тонулъ—а все вода не беретъ.

— Такого народу нонѣ мало.

— Нонѣ народъ мелкій, потому въ немъ сытости настоящей нѣтъ. Ну и на работу онъ небольно падокъ. Брюхо на солнцѣ парить мастера, что говорить! Нѣтъ, въ наши времена тебя такъ бы хозяинъ вспарилъ.

Лоцманская лодка подплыла къ самому борту. Туда сбросили трапъ

лѣтъ не было о ней никакого слуха. Только потомъ стало извѣстно, что все это время онъ держалъ ее у себя въ темнотѣ, бѣлаго свѣта она не видала; семь лѣтъ училъ ее посвоему, рвалъ ея тѣло желѣзными щипцами, жегъ ее; наконецъ. она выучилась и онъ повезъ ее назадъ, къ отцу ея въ гости. Еще корабль далеко былъ, а она ужь стояла на палубѣ и все родной земли искала. Сама стоитъ, слезы такъ и льются, а какъ увидѣла Мотку да берегъ свой, такъ о земь и ударилась. Наконецъ, пріѣхали, прожили недѣлю, и сталъ собираться ея мужъ назадъ. Взялъ онъ, снесъ ее на корабль и поплыли они; прошли мимо пахты Ейны; тутъ она сѣла на палубу и, глядя на родную землю, стала пѣть. Все она сначала пѣла, какъ жила у отца, какъ сонъ увидѣла, какъ съ подругой говорила. Лопари эту часть сказки поютъ, повторяя ее съ начала буквально. Пѣла дѣвушка и плакала. Въ пѣснѣ перечисляла все, что она вытерпѣла, какъ жила потомъ въ чужой сторонѣ и какъ тамъ богато живутъ; пѣла она о томъ, какія у нея платья тамъ есть, сколько денегъ, какія вещи. Но ради всего этого она не можетъ забыть родной стороны. Наконецъ, допѣла и когда въ послѣдній разъ увидѣла вдали своей берегъ — бросилась въ море. Три дня и три ночи искали ее тамъ и найти не могли. Такъ и пропала лопарская красавица.

Напѣвъ пѣсни этой нѣсколько дикъ и печаленъ. Слушая ее, лопари плачутъ, а дѣвушки и потомъ долго тоскуютъ. Мнѣ ее пѣла одна пожилая лапландка. Слезы катились по ея лицу, и видно было, что она, несмотря на частое повтореніе пѣсни, живо сочувствуетъ печальной судьбѣ героини этой сказки и этой пѣсни. Какъ мнѣ потомъ передавали, у лопарей есть одна изъ пѣсенъ, начинающаяся сказкой. Сначала говорится сказка, потомъ поется. Я, кромѣ разсказанной, не встрѣчалъ такихъ больше.

У лопарей на рѣкѣ Енѣ я слышалъ слѣдующую пѣсню:

«Пошелъ я на большіе вараки, пошелъ за охотой, за охотой на оленя. Оленя убилъ большой стрѣлой, большой стрѣлой, желѣзной стрѣлой... Прямо въ сердце ему прошла эта стрѣла, прямо въ горячее кровавое сердце, и упалъ онъ на снѣгъ и не двинулся... Взялъ я его съ собой въ погостъ, на плечахъ принесъ въ погостъ, на плечахъ принесъ тяжелаго .. Срѣзалъ я ему рога, срѣзалъ я ему рога и бросилъ ихъ въ море. Большіе рога бросилъ въ море... Срѣзалъ я ему копыта, срѣзалъ я ему копыта и бросилъ ихъ въ рѣку... Принесъ оленя домой, принесъ его домой, отдалъ отцу и матери его мясо... Отдалъ отцу и матери его мясо, а пойду *) да сердце кровавое, горячее кровавое сердце отнесу своей милой, любезной...»

*) *Пойда* — оленье сало.

У меня не мало записано такихъ пѣсенъ и сказокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно, составлены подъ вліяніемъ русскихъ, другія совершенно оригинальны, но все же носятъ на себѣ слѣды вліянія русскихъ. Однообразные мотивы пѣсенъ вѣютъ окружающею лопаря природой. Напѣвъ ихъ представляетъ постоянное повышеніе и пониженіе тона на терцію. Лопарская пѣсня чрезвычайно напоминаетъ переливаніе воды въ ручьѣ, тихое журчаніе потока. Помимо своей поэтичности, сказки и пѣсни этого народа дадутъ этнографу богатый матерьялъ для заключенія о старинѣ лопской. Указанія на чудь, борьба съ чудью — многознаменательны. Въ связи съ преданіями кореловъ и норвежскихъ лопарей, собранныхъ Фрійсомъ, они создаютъ цѣлый особый міръ легендъ о кровавой эпопеѣ прошлаго когда вся эта прекрасная приполярная страна обагрялась кровью ея мирныхъ жителей. Въ тѣхъ же пѣсняхъ особенно рельефно обнаруживается преданность лопаря къ своей родинѣ, мягкость и нѣжность его чувства, миролюбіе и способность его къ глубокой любви, дѣлающее это честное и благородное племя чрезвычайно симпатичнымъ для этнографа.

Свѣдѣнія, собранныя мною о бытѣ и жизни лопарей, чрезвычайно интересны. Это цѣлый новый міръ, имѣющій мало общаго съ тѣмъ, къ чему мы привыкли у себя. Впослѣдствіи я намѣреваюсь составить полную, возможно подробную бытовую картину терской и мурманской лопи. Теперь же могу только выразить крайнее сожалѣніе, что недостатокъ средствъ не позволилъ мнѣ выполнить задуманнаго намѣренія пройти Лапландію, отъ запада на востокъ, черезъ весь Кольскій полуостровъ.

Итакъ, еще однимъ племенемъ безъ сказокъ и пѣсенъ менѣе. Найдена пѣсня и сказка русскихъ лопарей, послѣдующіе туристы также, можетъ быть, найдутъ легенды и у самоѣдовъ, и у карачаевъ, и у остяковъ. Человѣкъ не можетъ забывать свое прошлое, какъ бы блѣдно оно ни было — слѣдовательно, должно быть преданіе: человѣкъ не можетъ не любить и не волноваться, слѣдовательно, должна быть и пѣсня.

ПОѢЗДКА
ВЪ КАНДАЛАКШУ.

1. На пароходѣ «Качаловъ».

Послѣднія тучки сбѣгали съ небосклона. Чистая голубая высь опрокинулась надъ пустынною ширью Бѣломорья, уходившаго въ недосягаемую даль и только съ одной стороны замыкаемаго туманною, едва замѣтною полосою неровнаго берега. Бѣлые гребни валовъ, еще недавно вздымавшіеся по всему необозримому простору, теперь только кое-гдѣ змѣились и пропадали одни за другими. Пароходъ еще качало, порою онъ весь вздрагивалъ, какъ конь, заморенный на долгомъ отчаянномъ бѣгѣ, снасти скрипѣли, винтъ, когда волны, подкатываясь подъ киль, приподымали корму, вращался въ воздухѣ, но буря уже улеглась, и матросы снимали клеенчатые плащи и шляпы. Черная полоса дыма виднѣлась до самаго горизонта, изгибаясь по тому направленію, какимъ шелъ пароходъ, бравшій курсъ прямо на смутно сѣрѣвшій берегъ.

Подымался побережникъ *).

— Встряхнуло?

— Ничего! это ли еще погода. Въ океанѣ ежели бы хватило такъ— куда бы унесло, страсть, прямо къ ошкую **) въ гости... То-то бы натерпѣлись, потому тамъ жутко, человѣка и въ свѣтлый праздникъ не увидишь.

— Страшно поди въ окіани?

— Страшно дома на печи—ѣсть горячіе калачи... Это точно, что страшно, потому человѣка отъ таракана не отличишь... А это, что за страхъ? Сказано, что безъ произволенія Божія — ни единаго волоса!.. Ну и не помышляй ни о чемъ, справляй свою работу... Одно, братцы, каптейнъ ***) у насъ — нѣмца, а нѣмчей стрась это море не любитъ.

— Потому нехристь.

---

*) Побережникъ—вѣтеръ, дующій съ берега.

**) Ошкуй—бѣлый медвѣдь.

***) Каптейнъ, каптинъ—капитанъ парохода.

— Ишь теперь тихій ходъ далъ. Гляди въ оба, ребята, сейчасъ какой ни на есть приказъ будетъ.

— Лотъ! прозвучала команда съ возвышенія у трубы.

— Есть!.. Бросай лотъ, тутъ мѣсто подлое, въ куйпогу такъ корги*) тебѣ и чернѣютъ, особливо поближе къ берегу. Тутъ, допрежъ, сказываютъ, невѣрная чудь жила и всю воду каменьемъ забросала, чтобъ доступиться до нея нельзя было.

Вынули лотъ—оказалось восемь сажень глубины. Пароходъ опять пошелъ полнымъ ходомъ.

Берегъ все яснѣе и яснѣе очерчивался передъ нами. Вершины за вершинами выступали изъ тумана отдаленія, словно тамъ развертывалась безконечная полоса волшебной панорамы. Но все пока было окутано мглою. Между основаніями этихъ горъ и моремъ лежала еще свѣтлая полоса, точно они висѣли въ воздухѣ. Прямо передъ нами, на краю горизонта клубился сѣрый паръ, то разстилаясь волнистою поверхностью, то принимая очертанія острововъ и мысовъ.

— Марь это!... Туча въ море уходитъ. Ишь, побережникъ-то ее съ неба согналъ, такъ она въ бездну бѣжитъ...

— Премудрость этто!..

— А ты поди первый разъ въ морѣ?

— Первой.

— Ты и понимай. У насъ чудесовъ много, у насъ — ахъ сколько чудесовъ! Безъ моря Бога не узнаешь: кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался. Тутъ, парень, разомъ всѣхъ угодниковъ вспомнишь.

Теперь уже можно было разсмотрѣть, какъ по лѣвую сторону тонули во мглѣ мрачныя вершины отдѣльно стоявшихъ горъ. То словно купола, то будто острые конусы, онѣ провожали пароходъ медленно, показывая ему обрывы, трещины и черныя щели своихъ откосовъ. Порою у самаго берега выдвигались группы скалъ, изъѣденныя у ихъ подножій водою и увѣнчанныя наверху темными коронами еловой и березовой поросли. Когда совсѣмъ прояснѣло, горы явились передъ нами во всемъ величіи: это были не хребты, а ряды громадъ, стройно возносившихся въ недосягаемую высь. Внизу зеленѣла густая щетина мелколѣсья, за то ихъ плѣшивыя верхушки, покрытыя бѣлымъ ягелемъ, оказались совершенно голыми. Изрѣдка на крайнихъ выступахъ этихъ вершинъ можно было въ подзорную трубку разсмотрѣть едва замѣтные силуэты дикаго оленя; порою на высочайшихъ точкахъ берега чернѣли деревянные кресты, поставленные странниками, обрѣвшими здѣсь спа-

*) Корга — каменистая банка, открывающаяся лишь при отливѣ. Куй-пога — малая вода при отливѣ.

сеніе отъ бурь и непогодъ. Абрисы горъ поражали взглядъ необычайною смѣлостію. Часто онѣ отвѣсно обрывались въ морѣ и по этимъ отвѣсамъ, цѣпляясь за трещины гранитныхъ массъ, сползали внизъ то красныя кисти рябины, то граціозныя стрѣлки молодыхъ елокъ. Спустя часъ, направо протянулась едва замѣтная темная полоса мелководья. Корабль взялъ налѣво. Берегъ уже ложился по обѣ стороны парохода.

— Налѣво гляди—это Кемское поморье пойдетъ, а направо Терская украйна. Тутъ мы въ губу и входимъ. Широки ворота слава Богу, серединой можно безъ сумленія идти, способно! То десять, то двадцать, а не то и всѣ пятьдесятъ саженъ глубины...

Мы вошли въ устье Кандалакшской губы. Скоро правый берегъ подошелъ ближе и тутъ на отмелыхъ мыскахъ его выступали и пропадали передъ нами то одинокія промысловыя избушки, то цѣлыя селенія, пріютившіяся у быстрыхъ и порожистыхъ рѣчекъ, сжатыхъ откосами крупныхъ ущелій, по дну которыхъ протянулось ихъ извилистое ложе. Такъ мимо насъ мелькнули Кашкаранцы, Сальница, Оленица, Кузрѣка и Умба. Изъ кучекъ смутно сѣрѣвшихъ избъ кое-гдѣ ярко свѣтились бѣлыя точки церквей, иногда на самомъ носу длиннаго мыска красиво рисовалась новая изба, блистая на солнцѣ всѣми своими, пока еще цѣлыми, окнами. Иногда такіе мыски, протянувшись песчаною полоскою, внезапно заканчивались пышною метелкою стройной береговой рощи, словно золотая бить, увѣнчанная малахитовой коронкой.

— Экая красота у васъ!

— Да, мѣсто рыбное.

— Я не о томъ, красиво...

— Что еще красивѣй, коли рыбка полными неводами ловится. Сама идетъ. Это ли еще не красиво. Другой красы и нѣтъ...

— А горы?

— Чего горы, что въ нихъ, камень одинъ. Голыя плѣши, тамъ оленю, а не человѣку жить. Ягелемъ кормиться не станешь; по нашему тамъ и красиво, тамъ и хорошо, гдѣ народъ въ настоящей сытости живетъ, промыселъ какой есть.

Передъ нами направо и налѣво замерещились на водѣ какія-то сѣрыя точки, полосы, пятна. Минутъ черезъ десять онѣ очертились яснѣе, и голубая полоса губы оказалась вся усѣянною островами. То низменные и большіе, сплошь покрытые темною чащею чернолѣсья, то каменистые съ оборванными берегами, похожіе на какихъ-то чудовищъ, распластавшихся здѣсь на свѣжемъ морскомъ просторѣ, то круглые, поросшіе кустами вереска и можжевельника,—они разнообразили величавую, но унылую красоту этого сѣвернаго пейзажа.

— Вонъ тебѣ направо будутъ Горѣлые Луды, а тамъ за ними Медвѣжій островъ, а налѣво Великій, тутъ годовъ двадцать назадъ скитъ стоялъ. Старушки да старики жили. Изъ-за сельдянаго боченка начальство и скитъ весь уничтожило.

— Какъ изъ-за сельдянаго боченка?

— А, такъ. Пріѣхалъ этто къ нимъ въ скитъ попъ, бурей вишь занесло. Видитъ, скитъ убогій, нищенскій. Что съ его взять, а взять требуется. Давай, говоритъ отцу моему, давай, старикъ, хоть боченокъ сельдей. Ну, отецъ, какъ вновѣ былъ, сичасъ къ старушкамъ, а старушки тутъ всѣмъ дѣломъ верховодили. Тѣ ему и говорятъ: брось, Антипушко, не поблажай попа. Не балуй робятъ — не глядятъ назадъ. Попъ какъ услышалъ про это — пригрозилъ тольки, а черезъ шестъ мѣсяцевъ понаѣхало начальство разное, ну и расточили все... Старушки по ихъ ветхости — кто куда, а стариковъ — назадъ по селамъ.

— Глупѣе этого пословицы есть, вмѣшался старикъ-поморъ. Тоже у насъ говорятъ—не пихай въ ротъ, не придетъ впередъ. Разъ я тоже, годовъ пятнадцать тому было, не ублажилъ окружнаго, извѣстно, затмѣніе на меня нашло. Что же бы ты думалъ напослѣдокъ: онъ на пять тыщей меня наказалъ.

Мы прошли узкое мѣсто губы между Горѣлыми Лудами и Костылевымъ мысомъ. Берега нѣсколько шире раздвинулись передъ нами но на сѣверѣ уже рисовались громадныя горныя массы Лапландіи, подступившія къ Кандалакшскому заливу тремя отдѣльными вершинами: Крестовой, Волостной и Желѣзной. Острова становились разнообразнѣе; словно зубы исполинской челюсти, часто изъ воды торчали ряды камней, заливаемыхъ только въ самую полную воду. Мы миновали островъ Вачевъ и Резановы Луды и вступили въ совершенно неподвижный бассейнъ. Море здѣсь не шелохнулось. Бѣлое облачко, совершенно жемчужнаго цвѣта, съ золотою каймою, медленно плывя въ вышинѣ голубаго неба, отражалось и въ морѣ всѣми своими чертами и оттѣнками, всѣми переходами красокъ и изгибами линій...

Мимо парохода плыли цѣлыя стада морскихъ звѣздъ, то ярко-пунцовыхъ, то бархатисто-малиновыхъ, то переливавшихся всѣми цвѣтами радуги. Онѣ то сжимали, то разжимали зубцы, обращая свою пустую полость отверстіемъ къ теченію, приносившему имъ мельчайшія студенисто-серебристыя существа. Тысячи звѣздъ пропадали подъ водорѣзомъ и винтомъ парохода, и вновь являлись миріады этихъ прелестныхъ обитателей моря. Поморы ихъ называютъ морскимъ цвѣтомъ: это дѣйствительно лучшіе цвѣты моря, сіяющіе всѣми оттѣнками солнечнаго свѣта, алымъ румянцемъ зари, нѣжнѣйшими переливами ра-

дужныхъ красокъ, лучистою зеленью изумруда и розовымъ блескомъ чистаго рубина.

По берегамъ кое-гдѣ сталъ показываться дымокъ. Въ бинокль можно было разсмотрѣть группы, расположившіяся у костровъ. Около, у берега, колыхались черные, большіе карбасы.

— Это ловцы все. Сельди ждутъ. Извѣстно, море—наша нива Коли ее не вспашешь — ничего и не пожнешь. Тутъ самыя ловецкія мѣста пошли. Сюда сельдь охоча идти. Да, что говорить! сами провѣдаете. Въ Кандалакшѣ останетесь, поѣзжайте ловить, много новаго узнаете...

Направо, словно ярко серебряная щель, залегла между горными вершинами губа Колвица, вся въ свѣту сіявшая передъ нами. Вдали показались большіе острова, стѣснившіе оконечность Кандалакшскаго залива. Фарватеръ ложился извилистою линіей. Пароходъ шелъ тихимъ ходомъ. Дымъ изъ трубы его клубился гуще и дольше стоялъ на одномъ мѣстѣ. Грозныя вершины берега, казалось, иногда подымались надъ самою палубою. Пароходъ два или три раза проплывалъ салмами — узкими проливами — между островами и матерымъ берегомъ, куда и солнце не забрасывало въ эту пору ни одного луча, ярко дробящагося на волнахъ въ тысячи мельчайшихъ блестокъ и искръ...

Вотъ налѣво выдвинулась изъ моря длинная полоса Большаго Оленьяго острова. Мы поминутно кидали лоть, словно подкрадываясь, а не подходя къ берегу. Наконецъ на гротъ-мачтѣ подняли лоцманскій флагъ, и отъ далекаго берега вскорѣ отдѣлилась едва замѣтная точка. Деревню еще трудно было разобрать въ глубинѣ бухты. Кандалакша вся уходила въ густую тѣнь тѣсно обступившихъ ее горъ, только золоченный крестъ одной изъ церквей выдѣлялся изъ мрака и подъ косымъ лучемъ солнца сверкалъ яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ.

— Лоцманъ? произнесъ вопросительный окрикъ капитана, когда лодка, отплывшая отъ берега, была саженяхъ въ 30 отъ парохода.

— Есть! послышалось оттуда, и какой-то длинный, высокій старикъ, приподнявшись отъ руля, замахалъ намъ шапкой.

— Э, да это старый кормщикъ... Никита?... Нешто онъ не на Морманѣ нонѣ.

— Онъ и есть—Мостовиковъ!

— Кряжистый старикъ.

— Что говорить! Пять разъ тонулъ—а все вода не беретъ.

— Такого народу нонѣ мало.

— Нонѣ народъ мелкій, потому въ немъ сытости настоящей нѣтъ. Ну и на работу онъ небольно падокъ. Брюхо на солнцѣ парить мастера, что говорить! Нѣтъ, въ наши времена тебя такъ бы хозяинъ вспарилъ.

Лоцманская лодка подплыла къ самому борту. Туда сбросили трапъ

и лоцманъ, цѣпко хватаясь за его канаты, быстро и ловко взошелъ на пароходъ. Это былъ рослый, красивый старикъ съ серебряною бородою, низко падавшею на грудь. Нѣкоторая худоба и сутуловатость дѣлали его еще красивѣе, а морщинки вокругъ кроткихъ, голубыхъ, еще не потерявшихъ своего блеска, глазъ, придавали всему его лицу выраженіе безграничной доброты и простодушія.

— Здравствуй, Никита... Каково ноги носятъ?

— Здравствуй, Мостовиковъ, давно ли съ Мурмана?

— Аль у васъ въ Кандалакшѣ моложе и лоцмана нѣтъ? Каково живешь, Никита?

— Живемъ, хлѣбъ жуемъ, да Господа Бога за неизреченную благость Его славословимъ,—отдѣлывался старикъ, проходя къ рулю и зорко оглядывая окрестные пункты матераго берега, острые выступы каменистыхъ острововъ, да сѣрыя предательскія корги, тамъ и сямъ чернѣвшія подъ бѣлыми всплесками волнъ.

Пароходъ смѣло рванулся впередъ, управляемый искусною рукою лоцмана. Мы полнымъ ходомъ мчались къ берегу, во время огибая желтыя луды и черныя корги, встрѣчающіяся на пути.

«Якорь!» спустя полчаса послышалась команда капитана, когда пароходъ остановился въ виду селенія, раскинувшагося по обѣ стороны порожистой и сплошь заваленной каменьями рѣки Нивы.

Тяжело и грузно развертываясь, позвякивала толстая желѣзная цѣпь, тяжело и грузно плюхнулъ якорь въ воду и цѣлыя струи брызгъ мгновенно поднялись вверхъ у самаго носа парохода.

Пароходъ дрогнулъ, двинулся впередъ и опять вздрогнулъ, подался назадъ, въ сторону, сдѣлалъ легкій поворотъ кормою и сталъ неподвижно среди зеркальной влаги, отражавшей каждую его снасть, каждаго матроса, копошившагося у борта.

Послѣдніе клубы чернаго дыма выкидывало изъ трубы.

Алая зоря охватывала западъ, и вершины окрестныхъ горъ вспыхивали цѣлыми снопами яркихъ радужныхъ лучей; морская ширь позади казалась розовою ровною полосою вдали, и ярко огнистою у самаго парохода. Острова чернѣли тяжелыми массами. Кое-гдѣ изъ-за лѣсныхъ верхушекъ алѣло небо, но самую чащу еловой поросли сплошь уже окутала черная безпросвѣтная тѣнь. Послѣдній, прощальный блескъ тихо отгоравшаго дня трепеталъ за горными вершинами. Легкія облачка, кое-гдѣ разсыпанныя по небу, затлѣли по краямъ и, словно сгорая, уносились далеко за эти каменныя массы, розовые салмы и черныя лѣсныя чащи.

2. Кандалакша.

Быстрая и порожистая Нива, вытекая изъ озера Имандры, раскинувшагося внутри Лапландіи, извилистою битью огибаетъ встрѣчные горные хребты, стремительно проносится черезъ плесы Пиновера и, выбѣжавъ опять на свободу, мчится впередъ, сжатая отвѣсными лѣсистыми склонами горъ, стѣсненная въ нѣсколькихъ мѣстахъ порогами, образуя въ одномъ мѣстѣ нѣчто въ родѣ водопада, пока наконецъ передъ нею не открывается весь бѣломорскій просторъ у самой вершины Кандалакшской губы. Тутъ Нива разрѣзаетъ берегъ на два гористые мыса: одинъ, сливающійся съ холмами лопскаго берега, другой, служащій пьедесталомъ круглой зеленой вараки, въ свою очередь составляющей первый валъ высокой Крестовой горы.

На обоихъ берегахъ разбросано большое село Кандалакша.

Мелкія трехъ-оконныя избы и рядомъ большіе почернѣвшіе дома; пропасть амбарушковъ, бань, карбасы, цѣлыми десятками обсыхающіе на берегу въ куйпогу, сельдяные невода, развѣшанные на шестахъ, пирамиды сельдянокъ на улицѣ, на крышахъ домовъ, на задворкахъ, и повсюду душный густой запахъ свѣже просоленной сельди. Дальше за селеніемъ — длинный семужій заборъ перегородилъ рѣку отъ одного берега до другаго. На взморьѣ колышутся двѣ, три шкуны, да нѣсколько шнякъ; вдалекѣ, словно крылья чаекъ, серебрятся паруса ловецкихъ карбасовъ, да синѣютъ неуклюжія, грубыя очертанія многочисленныхъ гранитныхъ острововъ; направо и налѣво вздымаются неправильныя очертанія морскаго берега.

Все это разомъ мнѣ кинулось въ глаза на другой день, когда я вышелъ изъ отводной квартиры, принадлежавшей тому же старику лоцману, который направлялъ пароходъ въ вершину этой губы.

Хозяинъ встрѣтилъ меня на улицѣ. Онъ тащилъ ко мнѣ корзину свѣжей рыбы, только что выловленной его дѣтьми. Тутъ были и великолѣпный сигъ изъ р. Канды, и кумжа изъ Нивы, и морская камбала, и серебристыя сельди для ухи.

— Гость—Божій даръ. Прими, не погнушайся!

Я было заговорилъ о деньгахъ, старикъ обидѣлся.

— Въ жизнь свою не продавалъ гостю. Мы чиновникамъ, и тѣмъ не продаемъ! Да намъ послѣ того Господь и промысла не дастъ. Какъ это можно! ужь ты не обидь старика. Пріѣду къ тебѣ въ Архангельскъ на ярмарку, тогда и ты меня отпотчуешь.

Спорить было безполезно. Бродячая промысловая жизнь на сѣверѣ усвоила его населенію самое широкое гостепріимство. Сегодня я самъ кормлюсь на пути, у совершенно незнакомаго мнѣ крестьянина, а зав-

тра его занесетъ ко мнѣ судьба съ охоты, съ рыбной ловли или съ лѣсныхъ порубокъ.

Мимо насъ молодой парень тащилъ длинныя весла. Красивая женщина, въ парчевой сорокѣ и яркомъ кумачномъ сарафанѣ, несла парусъ; трехлѣтній ребенокъ бойко переступалъ за нею, ухватываясь ручонкой за подолъ матери. Еще двѣ женщины постарѣе, съ худымъ, словно чахоточнымъ крестьяниномъ, едва передвигали ноги подъ грузною массою невода.

— Что, это твои?

— Мои, мои... на промыселъ сбираемся. Не хочешь ли поглядѣть, каково мы ловимъ? Поѣдемъ вмѣстахъ. У насъ по утрамъ все село въ разъѣздъ идетъ. Бабы, дѣвки да мальчонки въ горы — за ягодой и грибами, ну, а мы, мужики, на ловлю. Одни у насъ кормы — сельдь. Коли Господь ее пошлетъ—благословляй имя Его, нѣтъ — преклонись предъ волею Царя небеснаго. Все въ рукѣ Его — сегодня ни одной рыбины, а завтра на двадцать карбасовъ тебѣ навалитъ.

— А ты, старикъ, неужели еще самъ промышляешь?

— А по што не ловить!

— Сколько же лѣтъ тебѣ?

— Семой десятокъ. Не коки ещо года, Ты это не гляди. Мы годовъ своихъ не считаемъ. Лишь бы сила въ рукахъ да здоровье было, а то что года. Вонъ у насъ одинъ есть—девятый десятокъ идетъ, а онъ все на промыселъ ѣздитъ. Ловить, правда, не ловитъ, а такъ: ляжетъ на бережку, да подъ солнце свою спину старую и подставитъ. Оно печетъ, ему и любо. Онъ еще и командуетъ, на дѣтей прикрикиваетъ, для острастки больше; потому онъ и видитъ-то плохо. Ну и дѣти какъ будто слушаютъ его. Онъ прикрикнетъ—они отвѣчаютъ: «сейчасъ батько, вотъ сейчасъ справимъ по твоему!» а сами свою работу сполняютъ, какъ слѣдъ. А я еще что! Я еще два года назадъ на Мурманъ кормщикомъ ходилъ, а лѣтъ шесть и на Новой Землѣ морскаго звѣря да гольцовъ промышлялъ. Плывешъ, што ли?

— Отчего не ѣхать—ѣду.

— Значитъ самоваръ требовается взять!

Мы сошли въ карбасъ. Съ нами сѣли два парня—сыновья старика. Самъ онъ взялся за руль.

Карбасъ былъ ловецкій. Ловецкими карбасами называютъ здѣсь лодки большаго объема, съ высокою становою мачтою по срединѣ, на которой при попутномъ вѣтрѣ, чрезъ вилообразный разщепъ на ея верхушкѣ, продергивается на веревкѣ большой четыреугольный парусъ, управляемый шкотомъ. Шкотъ обыкновенно держитъ въ рукахъ одинъ изъ ловцовъ. На ловецкомъ карбасѣ полагается четыре промышленника и одинъ кормщикъ. Средина лодки занята неводомъ. Вода для

питья берется изъ села, въ новомъ сельдяномъ боченкѣ. Хлѣбъ и соль—тоже. На промыселъ ловцы снаряжаются на весь день, а иногда и на цѣлую ночь. Сельдь—рыба капризная. Когда еще покажется.

Заведеніе ловецкаго карбаса со снастью и вооруженіемъ, съ неводомъ для промысла, обходится не менѣе ста пятидесяти рублей, при чемъ самая снасть (неводъ) обходится въ двѣ трети этой суммы. Карбасы дѣлаются въ Кандалакшѣ; здѣсь же бабы плетутъ и невода. Рѣдкая семья не имѣетъ такого карбаса, или, по крайней мѣрѣ, не участвуетъ своею долей въ общемъ владѣніи имъ. Вся Кандалакша занимается этимъ промысломъ исключительно. На Мурманъ и на Новую Землю, правда, снаряжаются иногда партіи, но это уже второстепенное занятіе, подспорье. Главнымъ, основнымъ дѣломъ остается все тотъ же сельдяной промыселъ.

— Ну, гляди, промышляй хорошо, — подшучивали на берегу кандалакшане, когда я садился въ карбасъ: — не то гурій цѣловать придется.

— Ладно!

— Безпремѣнно! Ежели да мало сельди привезешь, такъ тебѣ и будетъ по ловецкому слову. Потому за третьяго ловца ѣдешь.

— Экое горе, парень,—подсмѣивался старый кормщикъ. Вдругъ, да поведутъ тебя гурій цѣловать. Ахъ же и стыдъ какой, ну и промышленникъ, скажутъ! Съ перваго разу да опростоволосился.

По окончаніи промысла, вечеромъ, ловцы собираются по пути въ Кандалакшу, на какой-нибудь островокъ; тутъ складывается горка изъ каменныхъ плитъ, и кто меньше всѣхъ наловилъ, или не поймалъ вовсе, того подъ общій смѣхъ ведутъ цѣловать этотъ гурій. Надъ неловкимъ или несчастливымъ промышленникомъ трунятъ, остроты на него сыплются градомъ, пока не поспѣетъ уха изъ только-что выловленной сельди, за которую принимаются ловцы огуломъ, и осмѣянные, и счастливые уловомъ.

Рѣзкіе, громкіе крики чаекъ и жалобные стоны гагаръ, словно оплакивающихъ кого-то, стояли надъ гладью спокойнаго взморья. Солнце было уже довольно высоко, обливая ослѣпительнымъ блескомъ всю полуденную сторону открывавшагося предъ нами простора. Несмотря на это, горы лѣваго берега были еще до половины повиты туманомъ. Иногда, параллельно водѣ, висѣли длинныя тучки. Изъ однообразнаго моря мглы поднимались только вершины Крестовой горы и конусъ громадной Волостной вараки. Онѣ отдѣлялись однѣ отъ другихъ крутыми скатами. Внизу у самой воды тянулась мелко лѣсная понизь, прекращаясь тамъ, гдѣ горы падали въ море отвѣсными каменными обрывами. Еще далѣе, за Колвицкою губой—туманъ, казалось, лежалъ у самой воды. Изъ-подъ него смутно очерчивались только

высокія Тиберинскія вараки, а за ними уже ничего не было видно только что синѣло да сѣрѣло, словно марь, расползаясь по безконечному морскому простору. Направо тянулись горы Лапландіи — Сѣдловатая Гремяха и покрытая бѣлымъ ягелемъ Толокнянница. Словно узкая щель свѣтился входъ въ р. Канду, которая отсюда тянется вплоть до Ѳедосѣевскихъ озеръ, богатыхъ рыбой, но глубокихъ и топкихъ. Карбасъ нашъ взялъ налѣво и, плывя вдоль самаго берега, сталъ огибать острова, встрѣчавшіеся намъ по дорогѣ. Отсюда мы видѣли перегибъ Кемскаго берега, такъ что середину пейзажа составляли Лапландскія горы, лѣвую сторону Терскія и Лѣтнія, а правую, только слегка всхолмленную, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ и вовсе низменную—Кемскіе берега. Выходъ изъ Кандалакшской губы видѣнъ уже и отсюда, и узкою, ярко свѣтящеюся полосою. Лѣвая сторона бухты, обрамленная высокими вершинами, заходитъ круто направо, а правая далеко тянется слегка вогнутою линіей.

Мы миновали нѣсколько островковъ. проплыли двѣ или три салмы пока передъ карбасомъ не засинѣло длинное понизье Крестовой горы вдавшееся въ бухту громаднымъ мысомъ. Ширина этого мыса у основанія горы не превышаетъ шестидесяти саженъ, за то объѣзжать его на лодкахъ приходится верстъ около пятнадцати. Бухта по сю сторону называется Большіе, а по ту — Малые Питкули.

— Ишь дымки-отъ курятся по бережку. Это все наши ловцы сидятъ, сельдь выжидаютъ, когда она, матушка, значитъ, покажется, раньше и сѣти бросать нечего. Развѣ что какая приблудная камбалка попадется.

Въ нѣсколькихъ пунктахъ берега дѣйствительно чернѣли ватаги промышленниковъ; сторожевые ловцы стояли на выступахъ мысковъ карауля появленіе рыбы. Въ трехъ или четырехъ мѣстахъ были разложены костры и тусклый днемъ огонекъ курился надъ кучами щебня и искусственными, изъ большихъ каменьевъ наваленными холмами.

Съ каждымъ взмахомъ веселъ видъ расширялся и разнообразился. Вотъ передъ нами весь выступилъ низменный Оленій островъ, сѣрые луды мелькнули впереди, поравнялись съ нами и ушли назадъ. Туманъ расползался съ горныхъ вершинъ, и скоро онѣ выдвинулись во всемъ своемъ пустынномъ величіи, во всей своей дикой красотѣ.

— Въ этихъ горахъ чудь жила, разсказывалъ Никита Вишь - трещины да щели—это ихнія дороги были. А вотъ гляди-ка—обрывъ каменный, вонъ, что прямо въ воду падаетъ.

Я посмотрѣлъ—передо мною чернѣлъ вертикальный обрѣзъ горы съ двумя совершенно параллельными трещинами, идущими сверху до низу—прямо въ пѣнящіяся волны моря.

— Видишь на немъ двѣ щели, ишь какъ ровненько легли. Тутъ чортъ на салазкахъ проѣхалъ, а лѣвѣе-то, гляди, ямы по камню, тутъ онъ посохомъ упирался. А вышелъ онъ опять по ту сторону губы, тамъ тоже такіе слѣды идутъ,—и онъ указалъ мнѣ на возвышенность противоположнаго берега... Это давно было. Еще и Кандалакши тутъ не стояло. Коковъ (Кокуевъ) монастырь былъ-ли? Пожалуй, что не былъ, потому около святаго мѣста этакая нечисть не водится.

Наконецъ нашъ карбасъ повернулъ въ Малые Питкули, и мы пристали къ берегу, сплошь заваленному каменьями и щебнемъ. Выше поднималась Крестовая гора, до половины обросшая еловымъ лѣсомъ. Эта бухта составляла правильный полукругъ, по одной сторонѣ котораго уже чернѣло нѣсколько ловецкихъ карбасовъ, пріѣхавшихъ прежде насъ.

— Ничего еще нѣтъ. Ишь Андроновскіе лежатъ.

— Кому каравулить?

— А ты, Ѳедоръ, подь-ка посторожи.

Хозяйскій сынъ отправился на оконечность мыска и словно замеръ тамъ, зорко оглядывая окрестности. Мы разсѣлись на небольшой площадкѣ, свободной отъ камней и щебня.

Изъ лѣсной чащи, покрывшей крутую вараку, слышались звуки, странно сливавшіеся съ воплями чаекъ и гагаръ. Это были голоса женщинъ, собиравшихъ ягоды и грибы. Направо въ рощѣ, разросшейся на мысѣ, отдѣлявшемъ однѣ Питкули отъ другихъ, позвякивали колокольцы и слышался изрѣдка пастушій рожокъ. Тамъ паслись коровы и бараны, изрѣдка появлявшіеся изъ небольшаго ельника на берегъ.

Становилось жарко. Хотѣлось уйти отсюда подъ тѣнь свѣжаго прохладнаго лѣса, гостепріимно раскинувшаго вокругъ свое зеленое царство.

— Чего же ждать теперь? спросилъ я у Никиты.

— Наша сказка не скоро сказывается. Посидимъ, да поглядимъ. Гагаръ высмотримъ.

— Зачѣмъ гагаръ?

— А ежели гагара нырнетъ въ воду, да вытащетъ рыбку — значитъ сельдь идетъ, ты и готовься. Чайка тоже. А еще лучше, какъ сама сельдь играть на водѣ начнетъ. Булькаетъ, хвостикомъ вверхъ брызги бросаетъ, иногда она на версту такъ и раскинется и балуетъ. И много же ея бываетъ тогда. А еще больше, когда морской звѣрь— нерпа ее гонитъ. Стрась онъ, что жретъ ея. Она отъ него прямо въ берегъ бѣжитъ и такъ ли бѣжитъ, что иной разъ обсыхаетъ совсѣмъ. Случалось и это! Тутъ-то мы и ловимъ. Разъ у меня улову было столько, что и сердце захолонуло. Несосвѣтимо! три раза карбасъ ворочался (рыбу-то мы неводомъ оцѣпили всю), на четвертый — силы

не стало. Оповѣстили все село—идите, братцы, берите. Такъ тысячу, или двѣ сельдянокъ они и собрали. Это былъ промыселъ—Божье благословеніе! А теперь—что? Скудость одна.

— А какіе промысла выгоднѣе, старикъ, эти или мурманскіе?

— Господь вѣдаетъ!.. Тамошній ловъ способнѣе бы былъ, если бы не ромъ норвецкій. Пьянство губитъ мурманщика. Вотъ въ нынѣшнемъ году—цѣны стоятъ на треску да на прочую морскую рыбу — хороши. Коли бъ не ромъ, всѣ бы обогатиться могли... А мы нищаемъ.

— Ну, а въ старое время, поди, лучше было?—думалъ я подстрекнуть старика на разсказы.

— Въ старое время? Одна канитель. Рому, правда, меньше возили за то хозяева насъ такъ ли грабили—бѣда! Теперь—благодать. Теперь хозяевъ много... Оно, правда, прижимка есть, какъ ей не быть, и большая же отъ хозяевъ прижимка идетъ, но только все не то, что допрежь было. Слыхали вы про нашего кольскаго купца Мартемьяна?. Онъ одинъ хуже всякаго норвецкаго рома. Все наше богатство въ его погребахъ сложено. Въ ежовой рукавицѣ держалъ все поморье — покойникъ. Не тѣмъ будь помянутъ. Три года я отъ него въ покрутахъ ходилъ, какъ молодъ былъ,—и все изъ долга выбиться не могъ. Нашему брату—рабочему человѣку во всѣ времена скверно было...

— Никита, гляди! караульщикъ твой... ишь засуетился какъ.

— Сельдь, сельдь должно идетъ... Ишь родимая, еще посередь салмы булькаетъ. Когда-то двинется, далъ бы Господь къ намъ. Воздохнули бы ловцы... Ишь ты, какъ она воду-то бороздитъ, играетъ на солнышкѣ...

Нѣсколько чаекъ неслось надъ салмой, гдѣ на совершенно недвижимомъ зеркалѣ моря плескалась сельдь, бороздя его поверхность... Вотъ одна чайка камнемъ упала въ воду и спустя мгновеніе уже взвилась въ высь съ небольшою рыбкой, бившейся въ ея клювѣ. Другая, третья. Это была настоящая охота. Гагары тоже не остались равнодушными къ зрѣлищу. Цѣлыя стаи ихъ потянулись съ берега къ салмѣ и скоро ихъ черныя головы стали пропадать въ водѣ. Онѣ глубоко ныряли за сельдью...

— Чайка далеко видитъ рыбу. Селедка еще — саженъ на восемь подъ водой, а ужь чайка ее замѣтила и летитъ надъ ней. Извѣстно, тоже промышляетъ рыбу, есть хочетъ, что и нашъ братъ, объяснилъ Никита.

— Что же вы не выѣзжаете туда ловить?

— На салму-то? Тамъ десять, а то и всѣ пятнадцать сажень глуби. Наши невода не хватятъ. Мы на двухъ саженяхъ еще ловимъ. Это бываетъ. А ужь ежели на четыре сажени, такъ два невода вмѣстѣ сшивать

требовается. Ахъ, святители, Боже милостивый!.. засуетился старикъ... Ахъ, ты расподлая птичка... Рыбку-то въ другое мѣсто гонятъ. Ишь онѣ ее переняли, тутъ она и нейдетъ о берегъ... Экое горе, парень.

Дѣйствительно, по направленію зыби на салмѣ можно было замѣтить, что сельдяное стадо круто повернуло налѣво. Ловцы въ другой партіи, промышлявшіе тутъ же, тоже забѣгали по берегу, размахивая руками.

— Пропащее дѣло теперь... Хотя снаряжай карбасъ домой.. Эко оре, братцы.

— Да, ужь великое горе, Никита Филатычь...

— И на свѣжую *) рыбки не достали...

— Какая тебѣ свѣжая!...

— Еще пойдетъ, братцы... Авось и потянетъ юровье...

— Отъ сидѣнья ноги не отвалятся.

Солнце стояло уже на полуднѣ. Ловцы опять улеглись спать, только старикъ стругалъ ножомъ гребень для сбора ягоды, да, окончивъ эту работу, принялся за выдѣлываніе ложекъ и черпаковъ. Я подсѣлъ къ нему.

— Если къ вамъ въ эту губу придетъ одно стадо сельди, а нѣсколько карбасовъ ловецкихъ есть, который ловитъ сельдь?

— У насъ, парень, на это свой обычай. Ловитъ въ каждой губѣ только одинъ карбасъ, другіе помогаютъ, а уловъ дѣлится поравну на домъ. Сколько всѣхъ ловцовъ въ губѣ, столько и долей.

— А тѣ, кто не помогаетъ, а просто смотрятъ?

— Коли пріѣхали на ловлю — долю свою получаютъ. Примѣрно тотъ бы карбасъ вытащилъ полтораста сельдянокъ сельди. Я хоша и ничего не дѣлалъ, а на свой карбасъ получаю четыре доли, на всѣхъ четырехъ ловцовъ своихъ. Тамъ четыре, да у меня четыре, всего и вышло бы восемь долей. Семьдесять пять боченковъ взялъ бы тотъ карбасъ, а семьдесятъ бы пять отдали бы мнѣ. Такой ужь у насъ обычай идетъ... Артельный обычай у насъ.

На середину салмы выѣхала небольшая лодченка. На ней сидѣло двѣ бабы, ловившихъ что-то на уду. Оказалось, что онѣ добываютъ треску. Одинъ такой челночекъ можетъ выловить въ день до пятидесяти штукъ мелкой трески. Крупной въ этихъ водахъ не ловится вовсе.

Мы просидѣли еще два часа съ тѣмъ же успѣхомъ. Наконецъ, наудачу бросили неводъ, тянули, тянули—и вытянули изъ моря пару морскихъ звѣздъ. Даже ни одной камбалы не завязло въ сѣти.

— Эко горе, повторялъ Никита, похлопывая себя по ногамъ...—

*) Свѣжая—уха.

Эко несчастіе. Нечѣмъ и похвалиться дома! Что и за ловцы, коли на свѣжую рыбы не добыли... Снаряжайтесь, братцы, назадъ.

Мы поднялись. За нами двинулся и другой карбасъ ловцовъ. На возвратномъ пути встрѣтились другія партіи—день и у тѣхъ былъ неудаченъ, только одна добыла сельдянки на три рыбы...

Еще разъ мимо меня прошли горные обрывы, ущелья и вершины. Только теперь солнце ярко играло на громадныхъ массахъ плитника, составлявшаго основаніе этихъ горъ, на острыхъ изломахъ слюды, на грузныхъ громадахъ гранита, покрытаго кое-гдѣ красными пятнами желѣзной ржавчины. Въ одномъ логу, промелькнувшемъ мимо, я вскользь замѣтилъ кусты малины, перевившіеся въ одну непроницаемую чащу, откуда слышались веселые крики, ауканье, пѣсни.

— Робята шалять! — объяснилъ старикъ. — Страсть это, какъ до малины охочи... Цѣлый день въ этомъ логу сидятъ и домой не дозовешься. Ну, парень, не похвалились мы седни своимъ промысломъ; поди, у себя станешь разсказывать, теперь какіе такіе ловцы въ Кандалакшѣ есть!...

3. На высотѣ.

Каждый день просыпаясь и подходя къ окну, я встрѣчалъ передъ собою величавую вершину высокой вараки. Она прямо рисовалась передъ отводною квартирой, играя зорями, всѣми цвѣтами радуги. Сѣрые камни, усѣявшіе ея скаты, казались отсюда золотисто-розовыми. Меня такъ и манило туда, да все было некогда. Наконецъ, выдался свободный денекъ. Старикъ хозяинъ вызвался проводить. Напрасно я убѣждалъ его не ходить со мною—старикъ обидчиво выговаривалъ мнѣ за непрошенные совѣты.

— Ты что раньше времени меня въ могилу укладываешь?.. Ты не думай, у меня ноги, благодареніе Богу, покрѣпче твоихъ будутъ... Никита Мостовиковъ еще за себя послужитъ... Еще недавно я одного проѣзжаго водилъ туда... Только онъ все змѣевъ боялся.

— А развѣ у васъ есть змѣи?...

— Этого добра по нашимъ мѣстамъ вплоть до Колежмы много. Есть черныя, съ желтыми кольцами, есть и мѣдяницы. Эти только ядовитыя. А черныя — тѣ ничего. Тѣ Бога боятся. Отъ человѣка бѣгутъ. Ихъ наши коровы топчутъ... Не любятъ... А тебѣ диво, что-ли? Вотъ въ борахъ, гдѣ каменья побольше, да на солнечныхъ припекахъ, имъ, змѣямъ этимъ, самый водъ.

— Боитесь вы ихъ?

— Змѣевъ-то? Чего бояться! Божья тварь. Лопари наши тѣ боятся,

потому главное, что они народъ пуганый, имъ и становой приставъ въ диковину, не только змѣи... А мы ничего. Его не трожь и онъ тебя не тронетъ... Большіе тоже бываютъ. До сажени доходятъ, а толщиной въ руку. Случалось прежде, они кусали — молокомъ мы отпаивали въ этихъ случаяхъ — и помогало...

Мы поднимались довольно быстро, несмотря на то, что намъ постоянно приходилось опускаться въ расщелины, завалеиныя каменьями, перебираться черезъ горы и скалы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось цѣпляться за вѣтки мелкаго ельника; въ другихъ нога, попадая въ песчаную полосу, скользила внизъ и снова начинался трудный подъемъ до первыхъ каменныхъ выступовъ подпочвенныхъ массъ, гдѣ можно было свободно стать или сѣсть. Не смотря на близость этой горы къ селенію, вся она была покрыта ягодами...

На половинѣ подъема мы сѣли отдохнуть.

— Не гляди внизъ. Еще не пора. Сверху красота неописуемая...

— А ты поразскажи мнѣ что нибудь...

— Что разсказывать.... Мы люди нужные *), нужа насъ одолѣла... Разсказывать не о чемъ... Вотъ нонѣ двадцать пять кулей муки на семью запасать нужно.—А гдѣ возьмешь купила-то?... Купила у насъ нѣтъ,—вотъ бѣда наша... Десять человѣкъ—семья-то...

— Неужели же двѣсти пятьдесятъ пудовъ выходитъ на васъ на всѣхъ?

— А ты какъ полагалъ?... Куль-то у насъ по двѣнадцати цѣлковыхъ... Вотъ тѣ и всѣ триста... Нонѣ въ Архангельскѣ продавали сельдь по 10 к. за сельдянку. Клементьевъ цѣны спустилъ, своихъ денегъ не выручили... Три тысячи сельдянокъ за одинъ хлѣбъ пойдутъ... А гдѣ ихъ возьмешь... Охъ, низки цѣны нонѣ .. Бѣда наша пришла. А во что тебѣ сельдянки обойдутся,—восемь копѣекъ сама сельдянка стоитъ, да на восемь копѣекъ уйдетъ туда соли для посола. Шесть копѣекъ чистаго убытка, хоть самой сельди да работы и не считай.

— Да какъ же вы такъ дешево уловъ отдаете?

— Уловъ! Развѣ мы отдаемъ, — нужа отдаетъ, а мы только плачемся, да Господа Бога молимъ, чтобы намъ, какъ тлѣ какой, не дать сгинуть... Клементьевъ же извѣстно—богачъ. Сельдянки у него свои— по копѣйкѣ каждая обошлась, соль тоже своя, намъ онъ по восьми гривенъ продаетъ, а самому она и тридцати копѣекъ не стоитъ пудъ, а пудъ идетъ на десять сельдянокъ. И расходу у него—всего четыре копѣйки, шесть въ барышахъ...

— Дорого съ васъ за соль берутъ, дорого.

---

*) Нужные — бѣдные, нуждающіеся.

— То то... До девяти гривенъ подымаютъ.. Говорятъ въ Архангельскомъ, что больно худо солите — сельдь-то... Скудно солите — и сельдь убогая выходитъ, норвецкая сельдь лучше вашей!.. Да!.. А какъ намъ не скудно солить, коли мы и того не выручимъ. Начальство тоже о насъ заботится, солильщиковъ норвецкихъ учить насъ прислали, А что солильщики: посмотрѣли, посмотрѣли, мы говорятъ такъ же солимъ — только больше соли класть надо... Охъ, одолѣла насъ нужда лютая!.. — Хлѣбовъ мы не сѣемъ, вишь у насъ земля какая Тѣмъ и живемъ, — что море даетъ... Еще какъ моложе я былъ, такъ каждое лѣто на Мурманъ хаживалъ... Тамъ мы и промышляли...

— Поди, Мурманъ какъ свои пять пальцевъ знаешь.

— Мурманъ для меня, что своя изба... Всѣ становья его обошелъ, — во всѣхъ губахъ треску ловилъ...

Старикъ, видимо, оживлялся при воспоминаніяхъ о недавнемъ прошломъ...

— Тутъ что, развѣ это промыселъ... Кандалацкая наша губа, что бабій подолъ... А то—окіянъ море. Тамъ въ оба гляди. Не плошай. Тамъ сила да умъ требуются... Сорокъ годовъ я туда безъ мала хаживалъ. Гдѣ не побывалъ!.. Отъ Семіостровья до Печенги... И зуйкомъ мальчонкой былъ тамъ, и постарше — наживщикомъ, да весельщикомъ... Ну, а на тридцать второмъ году и въ кормщики меня произвели... Съ той поры все въ кормщикахъ и ходилъ.

— И натерпѣлся же я горя тамъ—Боже мой!.. Остался я послѣ отца махонькимъ. Ни денегъ у меня, ни угла, самая нужная жизнь была. Другіе въ праздникъ пѣсни запоютъ, а я уткнусь гдѣ-нибудь въ лѣсъ, да и хоронюсь отъ людей, потому срамно на меня и посмотрѣть было, весь-то я оборванъ, рубаха и та клочьями виситъ, одно плечо голо, а другое и хуже того... Сапоговъ и въ Христово Воскресенье не видывалъ... Голодно, да холодно жилось... Поди у васъ въ городу такой жизни не вѣдаютъ.

— Похуже еще бываетъ, Никита...

— Похуже?...Ну это ты для краснаго словца такъ. Хуже моей тогдашней жизни и быть ничего не можетъ. Все по чужимъ людямъ ходишь бывало, да за кроху хаешься... Опостылѣлъ чужой кусокъ. Махонькимъ еще я былъ, а ужъ отъ чужаго лакомаго куска, какъ отъ тычка, съ подзатыльникомъ бѣгалъ... Дикій былъ совсѣмъ. Дѣвки бывало играютъ съ мальчишками, а я изъ-за угла хоронюсь, смотрю, потому стыдно, выйти позорно... У меня изъ портовъ колѣно глядитъ, рубаха на чемъ виситъ—Господь ее вѣдаетъ... Такъ я до четырнадцатаго году маялся. Тутъ меня одинъ крестьянинъ нашъ, добрый человѣкъ былъ—царство ему небесное, въ зуйки на Мурманъ взялъ... Гляди, гляди. ишь ширяетъ, ишь ширяетъ! прервалъ онъ внезапно свою рѣчь...

— Что, гдѣ?

— А вонъ, вонъ въ поднебесьѣ.

Я взглянулъ на верхъ. Громадная скопа въ высотѣ описывала круги надъ рѣкою, круги шли спиралью; она что-то высматривала и вдругъ камнемъ упала въ воду..

— Ловецъ тоже, нашъ братъ промышленникъ,—засмѣялся Никита...

Спустя немного секундъ, скопа опять показалась надъ водою... Она нѣсколько разъ пробовала что-то вытянуть оттуда и не могла. Зрѣлище становилось интереснымъ.

— Не по силамъ добыча... Ахъ, ты бѣдная... Ишь что захватила...

Я всмотрѣлся пристальнѣе: въ когтяхъ у скопы оказалось что-то черное. бившееся, извивавшееся, когда птицѣ удавалось подняться повыше.

— Не поднять... Анъ нѣтъ, подыметъ!..

Черезъ нѣсколько минутъ скопа сдѣлала послѣднее усиліе и наконецъ таки вытащила изъ воды большую кумжу. Медленно, тяжело она поднялась до перваго береговаго камня и сѣла на немъ отдыхать, поклевывая въ голову еще продолжавшую биться рыбу.

— Ахъ ты дьяволъ... Взялъ таки... Гляди на нее теперь. Она ѣсть не станетъ еще, съ собой въ гнѣздо унесетъ...

Дѣйствительно, скопа, отдохнувъ, поднялась на вершину одной изъ береговыхъ варакъ и пропала въ чащѣ, обложившей со всѣхъ сторонъ гору.

Мы нѣсколько времени сидѣли молча.

— Сама виновата, не прыгай въ водѣ,—наставительно проговорилъ Никита... Кумжа, что семга,—рыба глупая, она по водѣ прыгать любитъ. Тутъ ее и ловитъ скопа. Чайка та не ловитъ, а такъ, разъ другой клюнетъ, случается...

— Что жъ ты, про Мурманъ и разсказывать забылъ?

— Про Мурманъ... Ну, будемъ говорить... Пріѣхалъ на Мурманъ голый, а назадъ воротился съ деньгами, десятокъ другой рублевиковъ остался... Одѣлся я, на другой годъ опять туда вдарился — и свѣтъ увидѣлъ. И такъ, я тебѣ скажу, горько мнѣ показалось на селѣ багрячествовать, что на третій годъ я и совсѣмъ остался въ Колѣ, порѣшивъ работать въ потѣ лица своего до той поры, пока не обзаведусь домкомъ своимъ и самъ хозяиномъ не стану. Бывало, другіе парни — норвецкое это пойло *) пьютъ, а я—воду; другіе съ дѣвками путаются, а я что монахъ живу. Въ кускѣ себѣ отказывалъ; все хоронилъ деньгу. Черезъ пять годовъ съ сотню набралъ, да видно Господь испытать захотѣлъ. Зарылъ я ихъ подъ крестъ одинъ, въ Гавриловскомъ стано-

*) Норвецкое пойло—норвежскій ромъ.

вищѣ. Лѣтомъ ворочаюсь и первое дѣло туда. Взглянулъ и въ глазахъ у меня потемнѣло. Ни денегъ, ни кошеля... Вдарился я объ землю, да и пролежалъ тутъ до вечера безъ памяти. Пять годовъ трудился, лишалъ себя всего, ни платья на мнѣ хорошаго не было, ни веселья настоящаго не видалъ,—и все затѣмъ, чтобы лихому человѣку на развратъ, да на пьянство деньги свои береженыя отдать... Этакого горя и не увидѣть никогда... Запилъ я послѣ эѳтого случаю, да все лѣто и пропьянствовалъ, и образъ и подобіе Божіе въ этотъ годъ потерялъ. До того меня сломало тогда, что зимою оставшись въ Колѣ—я только и думалъ, какъ бы гдѣ выпить что... денегъ не хватило—платье продалъ, а тамъ и сапоги пошли, крестъ; напослѣдокъ и воровать началъ...

И старикъ потупился. Тяжелое, болѣзненное выраженіе словно закостенѣло на его лицѣ, точно онъ вновь переживалъ эту скорбную годину несчастій и потерь...

— Чего только въ тотъ годъ не было! — и въ тюрьмѣ я сидѣлъ, и по этапу домой на цѣпи провели... Ахнули всѣ на селѣ, скопидомство да корысть мою знаючи... Ну, пришелъ я это домой — жутко стало... Всѣ-то на меня пальцами кажутъ, арестантъ де; пить не на что, воровать нечего... Точно закаменѣлъ я тогда... Куда дѣваться?.. Только разъ пошелъ я на отцову могилку—а морозъ страшный былъ. Легъ я тамъ и заплакалъ. Мало ли, много ли времени прошло — не знаю. Разныя мнѣ видѣнья были — и не упомнишь всего теперь. Мужичонко одинъ мимо шелъ, видитъ—лежитъ человѣкъ. Онъ окрикнулъ меня—молчу. Подошелъ, глядитъ—а у меня ужь и глаза закрылись. Тотъ взялъ меня на лошадь и въ село... Отвадились... Тутъ я и очнулся... Тутъ я и познался Богъ. И порѣшилъ, чтобы на годъ въ Соловецкій монастырь въ работники пойти. Жертва Господу, значитъ. Прожилъ я тамъ годъ и оправился совсѣмъ. Опять человѣкомъ сталъ. И еще пуще засосало меня, чтобы самому хозяиномъ быть, свой домикъ, да свою ладью и снасть завести. И опять я сталъ, словно каторжный какой, и зиму и лѣто на работѣ томиться. И съ той самой поры всѣ гроши какіе оставались,—при себѣ таскалъ... Опять и пить бросилъ и веселье наше забылъ... Жидомъ меня въ ту пору прозвали. Честно велъ себя я тогда.. Только что контрабандой, извѣстно, занимался. Изъ Норвегіи возилъ рубахи шерстяныя, ромъ, уды, желѣзо... Ну, да на это у насъ какъ на удаль глядятъ, а мнѣ передъ другими еще и пущій ходъ былъ, потому я баловствомъ этимъ—ромомъ не занимался. Всѣ эти норвецкіе города—Варгаево, Васинъ, Тромсинъ и Гамфештъ *), какъ эту гору вотъ знаю... И меня тамошніе купцы поди доселѣ поминаютъ, какой я такой промышленникъ былъ... Однако, чѣмъ ни

*) Вардехузъ, Вадсэ, Тромсэ, Гаммерфестъ.

промышлялъ, такъ ли, рыбкой ли, все наживы не было. Хозяевамъ рубли, а намъ и гроша мѣднаго не перепадетъ... Бился я, бился... Лѣтъ десять бился... Ничего не выходитъ, другіе парни и переженились всѣ, а я все одинъ какъ перстъ... Глядя на нихъ, женился и я... Тогда дѣло сподручно пошло. Жену-то взялъ я и съ сестрой. Я на Мурманъ, а онѣ у насъ въ губѣ рыбку сельдь промышляли... Тутъ-то я изъ кабалы этой хозяйской и выбился... Одначе до своего дома еще пять лѣтъ работалъ— и вишь вонъ онъ стоитъ домикъ-отъ мой. Не красивъ, да кряжистъ—изъ крѣпкаго лѣса строенъ. Каждое бревно на отборъ. Самъ строилъ, самъ конопатилъ, самъ и кровлю крылъ... А только домъ что! Съ него наживы нѣтъ... Главное, ладью нужно было завести свою. Опять сталъ я съ жсной жидами жить. У другихъ бабъ и сарафанъ кумачный, и сорока парчевая, и сережки—серебро пробное.. У моей Лизаветы—сарафанъ изъ крашенины, сорока изъ деревенской нашей пряжи. Ни платка, ни серегъ. Сапогъ и тѣхъ не было... Спасибо ей. Терпѣливая досталась мнѣ. Другая бы меня за это поѣдомъ съѣла, а эта ничего. Какъ живу,—ссориться ссорились, а до упрековъ дѣло не доходило. Зато у насъ и до сей поры промежду себя любовь да согласіе... И самъ-то я, правда, ничѣмъ не лучше бѣднаго батрака-лопаря одѣвался. Зато у меня денегъ ужь сотни четыре было. Дальше, да больше... Разъ это, на р. Туломѣ Хопины семужьи тони въ кортому отдавали, я снялъ на лѣто за два ста, а выручилъ больше шести сотенокъ. Шибко у меня дѣло пошло... И давно бы у меня ладья была, да хозяинъ надулъ меня. Сильно надулъ... Повѣрилъ я ему какъ-то половину капитала своего, а получилъ шишъ... До нутра прошибло меня тогда. Недѣли двѣ безъ языка лежалъ... Одначе оправился, цѣлъ вышелъ... Спасибо женѣ, поддержала меня. . Лѣтъ пять тому назадъ завелъ шняку, а три года и ладью купилъ; шняку, правда, продалъ на это...—круто оборвалъ онъ, видимо утомившись говорить...

— Гдѣ же ладья твоя?

— Годовъ семь я на ней ходилъ, а на восьмой, на этотъ значитъ, старшему сыну Филату препоручилъ... Ему довѣрилъ. И скажу я тебѣ—въ ней, въ ладьѣ этой—все мое счастье. Я самъ ужь старъ, цѣлую жизнь—шестьдесятъ пять годовъ работалъ, чтобы завести ее, въ потѣ лица работалъ, и какъ посмотрю на нее, такъ каждый гвоздикъ, каждая доска въ ней мнѣ цѣлымъ прожитымъ годомъ оказываются... И красавица же у меня ладейка. По зеленому—красная койма, а на кормѣ — крестъ, святой, осьмиконечный — нашъ крестъ нарисовалъ... Флаги, паруса—все какъ у невѣсты справлено. Изъ лучшаго лѣса работана; каждый гвоздокъ, прежде чѣмъ вколотить, на пять разовъ я осмотрѣлъ, да повернулъ... Рублевъ на триста въ ней желѣза одного. На мачтахъ шишечки изъ желѣаа поставлены, палуба и та

крашена, каюта на кормѣ—красная, пополамъ съ синимъ, а крышечка на ней желтая... Словно тебѣ дѣвушка въ праздничный день—ладейка моя... Плыветъ да въ воду смотрится, да на красу свою любуется... Не будетъ теперь батраковъ въ семьѣ моей, на чужое добро работниковъ!.. Не станутъ дѣтки изъ-за хозяйскаго черстваго куска томиться, да отъ чужаго веселья по лѣсамъ прятаться, какъ прятался я... Не бывать имъ нищими!.. Господи, прости гордость мою, а ужь очень мнѣ сладко это!... Ну, теперь и на гору пора... Отдохнули, будетъ.

Мы опять поползли вверхъ; чѣмъ выше, тѣмъ эта варака становилась круче и круче. Камни, усѣявшіе ее, попадались чаще и больше, цѣлыя груды ихъ встрѣчались на пути, то проросшія лишаями, то покрытыя можжевельникомъ и еловою порослью. Тутъ уже насъ не провожалъ сельдяной запахъ, характеризующій Кандалакшу. Грудь дышала свободнѣе и легче. Хотѣлось идти все выше и выше отсюда, туда, гдѣ тонули въ лазури эти гордыя вершины, увѣнчанныя крестами....

— Такъ и я, все шелъ въ гору, оступался часто — произволеніемъ Божьимъ, но Его же милость и не попускала мнѣ пасть, и подняла еще выше. Главное, вѣруй въ Него—и остальное дастся тебѣ,—заключилъ старикъ, бодро идя впередъ по крутымъ, едва замѣтнымъ тропинкамъ; лысая голова его, какъ маякъ, свѣтилась впереди изъ чащи въ то время, какъ я едва переступалъ съ ноги на ногу, слѣдуя за нимъ, не отъ усталости, а отъ невозможности выбрать прямое направленіе между грядами гранитныхъ обломковъ.

Наконецъ, мы перешли послѣднюю гряду, спустились въ послѣдній логъ и затѣмъ быстро взбѣжали на полукрутой выступъ вершины.

— Теперь гляди и славословь Господа—творца неба и земли!..

Я оглянулся и замеръ отъ восторга. Ширь и высь разомъ явились передо мною во всемъ своемъ величіи и безконечности... Отдѣльныя ея детали сначала сливались въ одну общую картину необозримаго простора; глазъ отсюда схватывалъ цѣлое, не останавливаясь на подробностяхъ. Мысы за мысами, горы за горами, острова за островами — все это раскидывалось внизу подъ нами и по сторонамъ, уходя въ недосягаемую даль... Тихія салмы серебрились подъ лучами солнца, островные лѣса чернѣли и синѣли, окаймляя покойныя воды, на которыхъ точно горныя точки двигались во всѣ стороны карбасы. Гребцовъ на нихъ не было видно. За то ихъ пѣсни слышались на высотѣ ясно и проникали въ самую душу зрителя. . Далеко, внизу, на длинномъ мысѣ, видна была зарѣчная сторона Кандалакши, съ одною церковью. Другая половина села, съ большимъ храмомъ — пряталась у насъ подъ ногами. Нива пропадала вся за своими крутыми берегами,

за то шумъ и даже порывистый, неровный грохотъ упорно разносился здѣсь, какъ и внизу. Разстояніе еще уединяло и дѣлало болѣе рѣзкими эти звуки. Старыя и ветхія избы отсюда казались новыми и красивыми, общій очеркъ селенія выходилъ какъ-то необыкновенно граціозенъ и милъ. Дальше, за Кандалакшей, за двумя или тремя салмами, за нѣсколькими лѣсистыми островками — змѣилась рѣка Канда уходящая отсюда на западъ, прихотливыми и самыми капризными извивами. Солнце было еще за вараками праваго берега, и ихъ вершины рѣзко очерчивались на ослѣпительно ясномъ и безоблачномъ фонѣ горизонта. Только одна узенькая тучка, словно серебряная нить таяла въ небѣ. Налѣво изъ тумана подымался острый пикъ Крестовой горы, а напротивъ, внизу въ тихомъ плесѣ губы, распластался каменный островъ, окруженный своими мысами и узкими заливами... Каждый изъ его гранитныхъ выступовъ отчетливо выдѣлялся на зеркалѣ неподвижнаго моря... Далеко, далеко, на юго-востокѣ виднѣлся открытый выходъ въ голомя (море), тамъ уже небо сливалось съ водою... Позади насъ—разстилалось царство зеленыхъ вершинъ и не было, казалось, ему конца и предѣла на сѣверо-западъ...

Но кто выразитъ эту красоту общаго, великую идею художника создавшаго эту чудную картину, безъ диссонансовъ, безъ лишняго луча, безъ одной лишней тѣни... Древніе на такой высотѣ поставили бы храмъ, тутъ самая холодная душа — чувствуетъ потребность въ пѣснѣ и молитвѣ...

— Не сошелъ бы отсюда!..

— Что говорить — краса... ненаглядная!.. Ишь просторомъ какъ пахнетъ!—и Никита потянулъ носомъ, точно кругомъ дѣйствительно «пахло просторомъ». . Тутъ бы часовеньку поставить, да вишь народъ у насъ—часовни-то все больше въ логахъ ставитъ... Счастливъ ты еще, что сюда въ августѣ попалъ... Мѣсяцъ назадъ здѣсь комаровъ не сосвѣтимо было. Тучами летали. . Кому въ-новь — бѣда, заѣдятъ. Самая подлая птица... Оттого и имя ему комаръ...

— Комаръ не птица...

— Какъ не птица?..

— Насѣкомое...

— Насѣкомое... Это по книгамъ значитъ?.. нѣтъ, а по нашей книгѣ выходитъ, что въ пятый день Богъ создалъ рыбъ и птицъ, а про насѣкомыхъ тамъ ничего не сказано... Что-жъ, комаръ мимо Его, мимо Бога проявился?.. И пчела не птица по твоему?..

— Нѣтъ.

— Самая настоящая птица пчела; а муравей, тотъ дѣйствительно звѣрь, только звѣрь малый... У насъ его, муравья, мало. Мы и примѣту такую держимъ: ежели снѣгъ по веснѣ таетъ допрежъ всего на

полночи отъ муравьиныхъ кучъ — теплое и долгое лѣто будетъ, на полдень — холодное и короткое... — Вотъ онъ, муравь какъ... Онъ мудрый, потому ему всѣ языки понимать дано, только своего языка ему не положено, оттого онъ все и молчитъ, слушаетъ больше... Онъ работничекъ!.. Муравей труженикъ у Бога...

4. Семужій заборъ.

Не успѣлъ я еще оправиться отъ утомительнаго странствованія по кандалакшскимъ варакамъ, какъ ко мнѣ опять зашелъ хозяинъ.

— Не любопытствуешь ли посмотрѣть, какъ у насъ семужку ловятъ?..

— Это гдѣ же?

— А на заборѣ, у Панкова. Сейчасъ только пошли туда... Хорошая семужка попадается — бываетъ.

Я одѣлся и вышелъ.

Воздухъ былъ тепелъ, хоть бы и не на сѣверѣ. Весь въ розовомъ блескѣ,—западъ отгоралъ надъ черными, оставшимися за свѣтомъ вараками. Море на юго-западѣ искрилось и лучилось; уныло позвякивали въ сторонѣ колокольцы стада, пастушій рожокъ доносился издалека, будя въ груди старыя воспоминанія, давно пережитыя и схороненныя были...

Улица села шла подъ гору. Мы сползли по ней и по пустому, заваленному щебнемъ берегу добрались до забора. Онъ перегораживалъ всю р. Ниву; только въ одномъ мѣстѣ его, гдѣ тянулась сухая корга, непроходимая для рыбы, былъ оставленъ перерывъ въ полторы сажени. Устройство забора оказалось крайне несложнымъ. Прежде всего ставятся черезъ рѣку козлы изъ бревенъ въ два ряда, на нихъ настилается поностъ изъ досокъ, балокъ, тонкихъ жердей, самый край котораго уставленъ камнями для прочности. Сторона забора, обращенная внутрь рѣки, вся заслонена переборомъ (перегородкой) изъ тонкихъ жердей, перевитыхъ въ двухъ мѣстахъ вицей. Такимъ образомъ семга свободно можетъ войти въ заборъ, но впередъ черезъ перегородку ей пробраться уже невозможно. Въ изгороди устроены три верши или морды—сквозные ящики изъ жердей и веревокъ. Стремясь вверхъ по рѣкѣ для икромета, семга никогда не возвращается въ море, она ищетъ прохода между жердянымъ переборомъ и, встрѣчая отверстіе верши, попадаетъ туда. Выбраться назадъ ей уже невозможно. Она по неволѣ остается здѣсь до прихода хозяина забора. Такихъ вершъ или мордъ въ заборѣ на р. Нивѣ было три. Случается, что при обильныхъ ловахъ семга въ вершахъ лежитъ рядами, какъ

будто нарочно уложенная для сбереженія мѣста. Когда ея набирается немного, она бьется, кружится по вершѣ, ерзаетъ на ней впередъ и назадъ...

Мы вступили на заборъ. Въ самомъ началѣ его устроены ворота, чтобы никто посторонній не могъ туда забраться. Рѣка внизу мчалась съ головокружительной быстротой; грохотъ воды въ порогахъ заглушалъ всѣ звуки; заборъ дрожалъ подъ нами и мнѣ, какъ новичку, сквозная настилка—этотъ ажурный помостъ, гдѣ приходилось иногда пробираться по одному бревну на высотѣ пяти саженъ, казалась чрезвычайно опасной. Подъ ногами сквозь промежутки бревенъ виднѣлась бѣлая пѣна, шаги становились неувѣренными, руки невольно искали опоры, которой разумѣется не было. Наконецъ кое-какъ, за хозяиномъ забора и его работникомъ, я добрался до послѣдней верши. Тутъ отъ помоста былъ устроенъ небольшой настъ надъ вершей. Она лежала въ трехъ саженяхъ подъ нами. Здѣсь я почувствовалъ себя еще хуже. На этомъ родѣ балкона безъ перилъ, промежутки въ настилкѣ были и шире и длиннѣе. Приходилось балансировать надъ рѣкою, стоя на круглыхъ обрубкахъ бревенъ. Одно невѣрное движеніе — и неосторожный падаетъ съ вихъ. Въ настѣ устроено горизонтальное окно, сквозь которое видно вершу. Къ краю послѣдней прикрѣплены два вертикальныя бревна. Ихъ поднимаютъ вверхъ, они въ свою очередь тянутъ вершу. Первая оказалась пустою, ее опустили внизъ и пошли назадъ къ средней. Тутъ приподняли также бревна и въ мордѣ оказалась рыба. Тотчасъ же сверху бросили внизъ веревку, къ концамъ которой были прикрѣплены крючья, которые и зацѣпили за обѣ стороны верши. Средній перегибъ веревки былъ надѣтъ на одинъ брусъ устроеннаго вверху ворота и тотчасъ же при помощи послѣдняго вершу приподняли на одну саженъ отъ помоста. Кумжи, какъ обсохли, тотчасъ же стали биться. Онѣ быстро и порывисто скользили во всѣ стороны, грузно шлепались боками о стѣнки верши. Кумжа — та же семга, только меньше послѣдней. Чешуя ея усѣяна черными пятнами, сгущающимися у спины. Она имѣетъ желтоватый оттѣнокъ. Кумжа въ 10 ф. считается самой крупной, обыкновенный же вѣсъ ея колеблется между 3—5 фунтами, тогда какъ семга 25 ф. не считается большою. Приподнявъ вершу, воротъ закрѣпили поперечнымъ брусомъ и работникъ, взявъ въ руки кротило, родъ молотка, сошелъ внизъ на вершу, гдѣ, открывъ отверстіе, устроенное вверху, вошелъ внутрь ея. Рыба заметалась еще сильнѣе. Онъ съ трудомъ хваталъ ее по очереди, сжималъ каждую между колѣнями и билъ кротиломъ (кротилъ) по головѣ до тѣхъ поръ, пока не убивалъ. Разумѣется, кумжа отчаянно билась въ рукахъ; нуженъ былъ большой навыкъ для того, чтобы удержать ее. Бьютъ обыкновенно въ темя и въ носъ. Когда рыба перестаетъ

метаться, покажется теплая, почти черная, кровь изъ-подъ жаберъ — тогда дѣло кончено. Убитая кумжа подавалась вверхъ, гдѣ хозяинъ швырялъ ее въ корзинку. Когда мы перешли къ послѣдней мордѣ, тамъ билась крупная громадная семга въ полтора пуда и нѣсколько штукъ поменьше. Стоять тутъ было еще опаснѣе. Мнѣ казалось, что мы несемся надъ порогомъ съ невообразимой быстротой. Вода внизу неудержимо стремится сквозь жердяной переборъ, а прямо подъ мостомъ зіяютъ изъ бѣлой пѣны острые каменные зубья, усѣявшіе Ниву во всѣхъ направленіяхъ. Зато зрѣлище здѣсь гораздо интереснѣе. Борьба человѣка съ семгой становилась крайне трудной. Ударами хвоста послѣдняя сбивала его съ ногъ. Онъ едва могъ (не говоря уже о томъ, чтобы удержать ее въ рукахъ),—прижать ее въ уголъ, гдѣ напосилъ семгѣ сильные удары кротиломъ. Нѣсколько разъ она вырывалась и прыгала по верши, которая, казалось, распадется отъ мощныхъ усилій рыбы. Наконецъ, работнику удалось нанести ей два или три удара, замедлившихъ ея движенія. Вслѣдъ за ними посыпались еще. Кротило такъ и ходило по темени и носу семги, и минутъ черезъ пять она съ трудомъ была подана хозяину. У меня уже начинала кружиться голова. Стоя на этомъ заборѣ, испытываешь какъ-будто приступы морской болѣзни—и я не поручился бы за себя, еслибы мы вскорѣ не сошли на берегъ, гдѣ у рѣки тотчасъ же ловцы принялись чистить рыбу. Когда большой семгѣ взрѣзали животъ, она еще раза два повернулась и затѣмъ вытянулась... Внутренности рыбы за исключеніемъ кишокъ, которыя выбрасывались, вымывались и укладывались въ корзину. Послѣ этой операціи семга только шевелила жабрами...

Какъ оказалось, кандалакшскій семужій заборъ принадлежитъ мѣстному сельскому обществу, которое и отдало его въ кортому крестьянину Панкову за четыреста рублей въ годъ. Эти деньги вносятся въ волостное правленіе, обращающее ихъ сполна на уплату подати и недоимокъ. Весь уловъ изъ забора даетъ до 200 пудовъ семги, сбываемой на Шунгскую ярмарку по 10 р. за пудъ. Кумжа, добываемая здѣсь же, продается въ Шунгѣ отъ 3 до 5 р. пудъ. Устройство самаго забора обходится въ 75 р., содержаніе работника въ 100 р. Такимъ образомъ, за всѣми издержками, у Павкова остается еще солидная сумма.

— Отчего же само общество не содержитъ такого забора? спросилъ я у своего старика.

— А нелады у насъ... Какъ до дѣлежа дѣла дойдутъ такъ и раздерутся всѣ...

— Да вѣдь выгоднѣе гораздо?

— Оно точно, что выгоднѣе. Только ужъ Господь съ ними съ этими выгодами. Часто изъ-за нихъ сраму принять приходится. Безобразіе это, извѣстно. Такъ тише выходитъ...

— Все-таки общество дешево отдало.

— Какъ не отдать-то. Онъ, Павковъ, всѣхъ здѣсь въ рукахъ держитъ. Соль для посола рыбы—у него, хлѣбъ — у него. Бѣда!.. Захочетъ, совсѣмъ съѣстъ... Мнѣ нынче хлѣба требывается—у кого купить, какъ не у Павкова!

— Поди, въ этотъ заборъ вся рыба идетъ... Въ Ниву дальше ни одна семга не проберется.

— Разумѣется... Вся тутъ будетъ. Разъ я это видѣлъ, какъ семужка мимо забора по травѣ пробиралась. Только что роса пала, ну рыбины заборъ и миновали. Три штуки были, всѣ по росѣ прошли и по ту сторону забора въ Ниву опять попали... Только это рѣдко бываетъ... Она, семужка, рыбка любопытная, занятная рыбка... На Туломѣ рѣкѣ видывалъ я, какъ она черезъ пороги шла... Что твой кіятеръ. Станетъ у камня, жилится-жилится, да какъ вскорянетъ — смотришь, и камень перепрыгнула, а за камнемъ — заводы, тутъ она отдохнетъ минуты съ три и потомъ черезъ слѣдующій камень... Такъ весь порогъ прошла. Умная рыбка... Ноне вотъ только у насъ здѣсь семужки мало. Терскій берегъ весь голодуетъ, ни въ одной рѣкѣ рыбины нѣтъ. — Вся въ Яренгу попала, на онежскіе предѣлы уплыла...

— А кромѣ сельди да семги ловите ли что еще?

— Какже, сиговъ ловимъ, да солимъ. Въ Шунгу тоже отправляемъ Съ Имандры у лопарей, подъ осень мороженыхъ сиговъ скупаемъ — возимъ.

— А каковы цѣны стоятъ?

— Въ Кандалакшѣ крупные свѣжіе сиги—рубля по полтора пудъ идутъ, сонные по рублю покупаютъ, провозъ ихъ до Шунги въ пятьдесятъ копѣекъ обходится. Ну, а тамъ продаемъ отъ 3 до 5 рублей за пудъ... Въ Питеръ еще идутъ... Сами только дураки мы, дороги въ Питеръ не знаемъ. Ну, а промысла наши видишь каковы... Море не поле, радъ бы посѣять, да вода не держитъ зерна... А баско было бы, ежелибы и тутъ урожай на посѣвъ шелъ. Морю и имя дано — измѣна. Потому на ево надѣяться нельзя.

— А знаешь, хозяинъ-то больно на заборѣ изъ-за тебя пужался. Боязно было, што ты въ воду упадешь .. У насъ одинъ упалъ — и костей не собрали—все измололо... Эге, да и засмотрѣлись же мы съ тобой, парень... А ужь и свечерѣло... Пора и спать ложиться.

Теплая синяя ночь подступала со всѣхъ сторонъ, окутывая насъ своими лазоревыми сумерками... Мы тихо шли по берегу, и шумъ Нивы въ порогахъ казался теперь глуше и тише, чѣмъ днемъ. На востокѣ еще отгорала какая-то лиловая полоска; скоро и та померкла, только вершина крестовой вараки золотилась, да крестъ на ней стоялъ, весь окруженный трепетнымъ сіяніемъ. За Нивой, въ зарѣчной половинѣ

села, слышалась чья-то пѣсня—чуть слышалась изъ-подъ шума и гр
хота воды... Точно замирая послѣдними своими отзвучіями, она дон
силась сюда...

Хорошая, ласковая ночь стала надъ нами... Робко мигнула блѣ
ная звѣзда...

— Скоро и ладья моя придетъ... Поглядишь на нее. Вся-то м
жизнь въ ней лежитъ. Каждая веревочка трудами да нуждою па
нетъ...

Не хотѣлось уходить въ душныя комнаты изъ царства этой чу
ной сѣверной ночи!..

Какъ-то утромъ сижу я въ Кандалакшѣ, не зная, куда дѣватьс
отъ скуки. Всѣ дѣла были передѣланы—приходилось здѣсь ожидать пар
хода. Надоѣло уже смотрѣть и на парней въ городскихъ костюмах
наполнявшихъ улицу села, и на ребятъ, уставившихся на меня у окн
моей отводной квартиры. День былъ сѣрый, скверный. Не то шел
дождь, не то моросило. Какая-то мгла съ самаго утра была въ во
духѣ. Вараки заволокло туманомъ, море приняло свинцовый оттѣнок
и тяжело волновалось между крутыми откосами губы... Судьба мен
и на этотъ разъ выручила отъ тоски. Смотрю, входитъ ко мнѣ ста
рикъ, едва держащійся на ногахъ. Прежде всего три креста в
образъ,—потомъ поклонъ мнѣ. Кресты, какъ и слѣдовало ожидать, стары
— Побесѣдовать малость пришелъ къ тебѣ...

— Милости просимъ. Садись.

— Изъ далекихъ мѣстъ пришелъ къ намъ?.. Чтожъ, странство
вать—это дѣло благое... Хоть ты и не изъ усердія, а по своимъ, п
дѣламъ—но все же странній человѣкъ—божій человѣкъ... Это я знаю
Въ книгѣ одной написано...

— Вотъ что, старикъ, ты долженъ знать здѣшнюю старину. Церков
эта вѣдь на мѣстѣ древняго Кокова монастыря построена?

— Она и есть... Тутъ стояла обитель, это вѣрно.

— Что же извѣстно о ней?

— Богатая обитель была. Братіи больше трехсотъ человѣкъ счи
талось. Богачества—нивѣсть сколько. Счету въ нихъ монахи не знали
Что утвари этой, что злата, каменія самоцвѣтнаго и не перечесть!.
Скота, угодій—ну, какъ нонѣ Соловки... Стояла, это, стояла обитель—
и вдругъ прошелъ слухъ, что шведъ идетъ на нее. Иноки сейчасъ скот
угнали въ горы, сокровища свои всѣ зарыли, колокола бросили въ рѣку
завалили ихъ каменьями. И досѣлѣ на днѣ рѣки Нивы, въ Куйнѣ, виднѣ
ются уши большаго колокола... Потомъ стали молиться Богу. Ждать по
ждать... Приходитъ врагъ.—Въ обители литургія шла. Шведъ этом
не внялъ. Всѣхъ иноковъ перебилъ. Священникъ выходитъ съ дарами—
его рогатиной, діакона тоже. Только старца одного придушить забыли

такъ Господь ему такую силу далъ, что послѣ онъ одинъ всѣхъ триста иноковъ схоронилъ и самъ на засыпанной могилѣ померъ. Монастырь шведы сожгли и убрались восвояси... И понынѣ тутъ мерещится разное. Въ зимнія ночи слышно точно пѣніе, согласное такое, да старинное. Старики сказываютъ, что тутъ и видѣнія бывали разныя, да не такое нынѣ время, праведники не являются... Потому, вишь, у тебя вонъ кофь на столѣ; а нѣшто это показано, чтобы кофь пить... Есть одна книга; тамъ про кофь оченно хорошо описано, какой это грѣхъ и какая это пагуба для души... Ну, и на счетъ табаку тоже есть... А хвостишься ли ты въ банѣ? Вѣникомъ хвостишься ли?.. О-о-хъ, парень, то-то не хвостись и впередъ, потому блудъ это означаетъ и великій грѣхъ передъ Богомъ,—плоти угождаешь! Мыться отчего не мыться, и Богородица вонъ омылась, есть и это въ книгѣ... это не грѣшно, это подобаетъ.

Старикъ пошелъ, какъ заведенная машина, разсказывать обо всемъ, что приходило ему въ голову.

— Что ужь о васъ говорить, когда иже и попы дымокъ-отъ пущаютъ и кофь пьютъ... Отъ нихъ и развратъ весь... Нѣтъ, и ихъ на томъ свѣтѣ не похвалятъ... Не похвалятъ!.. Нѣтъ... Жутко имъ будетъ!.. Не въ судъ или осужденіе говорю, а все же дымокъ бы пускать не надо...

— Ну, а на счетъ чаю, старикъ, какъ грѣшно?

— Грѣхъ, на счетъ чаю, большой грѣхъ, но сжели напримѣръ пожертвовать при этомъ дряхлому старичку на лѣстовку—по силѣ возможности — отпустится... Вотъ ты и пожертвуй... Блажени, даръ дающіе, сказано...

Въ это время вошелъ мой хозяинъ, смѣющійся и веселый.

— Что съ тобою, Никита? Точно деньги нашелъ.

— Лучше денегъ. Ладью мою, сказываютъ, около Чернаго видѣли — въ Норвегъ шла. Слава Богу, все благополучно...

— А ты о душѣ подумай, о душѣ! вмѣшался старикъ, обращаясь къ моему хозяину.

— Ладно. Я въ суденышко свое всю душу вложилъ... Идетъ оно теперь. Славный вѣтеръ ему, самый настоящій, попутный вѣтеръ! Я и крестъ на островъ поставилъ, чтобы Господь безмятежное плаваніе даровалъ ему... Тоись, какъ погляжу я на ладейку мою, такъ точно опять—молодымъ дѣлаюся... И кровь горячѣй ходитъ, и сила прежняя... Всякое бы дѣло обломалъ тогда... Вотъ оно каково!..

— О душѣ подумай, о душѣ... Ей, душѣ-то, ой жутко на томъ свѣтѣ придется...

— Ты лучше разскажи, какъ ты въ Соловецъ хотѣлъ постричься...

— Было это затмѣніе, точно было, безпрекословно согласился ста-

рикъ... Это, насолилъ я бочку сиговъ и поѣхалъ въ монастырь къ соловецкимъ угодникамъ. Тамъ сейчасъ къ архимандриту. Такъ и такъ, желаю ангельскій чинъ пріять. А осьмиконечный крестъ оставляешь?— Никакъ я этого не могу, потому какъ это и родителями моими было заповѣдано... Чтожъ ты, спрашиваетъ, такъ поздно надумался въ монахи идти... Усердіе есть, отвѣчаю.—Какой ты работникъ монастырю будешь теперь, говоритъ... Давай, по правилу, шестьдесятъ цѣлковыхъ, да и живи, пожалуй. Дадимъ тебѣ одежду нашу, кормить будемъ... Эко горе какое, денегъ-то у меня не было, просилъ, просилъ—не приняли... Такъ сиги и пропали задаромъ!..

Отъѣздъ.

Я собирался уѣзжать изъ Кандалакши и ожидалъ только парохода, запоздавшаго гдѣ-то около Сумы или Сороки.

Желая воспользоваться досугомъ, я ѣздилъ въ Ѳедосѣевскій выселокъ—убогую деревеньку, ютящуюся у самыхъ истоковъ рѣки Канды. Вдоль по всему пути, передо мной безпрестанно смѣнялись то прелестные, то суровые и дикіе горные пейзажи. Часто встрѣчались на рѣкѣ артели промышленниковъ, ловившихъ сиговъ и жаловавшихся на плохой урожай рыбы. Наконецъ, тамъ, гдѣ Канда расширяется въ плесы, насъ окружила такая романтическая обстановка, что мы невольно остановились наглядѣться на эту чудную красоту никому невѣдомаго, никѣмъ не излюбленнаго захолустья.

— Экая роскошь у васъ...

— Тутъ старички наши думаютъ поселиться...

— Какіе старички?

— Есть у насъ такіе, что по ветхости на дѣло наше ловецкое неспособны, ну и о смертномъ часѣ подумать требуется. Такъ и хотятъ они зажить тутъ какъ въ пустынѣ — Богу молиться.. Мы бы и помогать стали, да боимся — какъ бы начальство не сократило насъ за это... А тутъ мѣсто самое подходящее. Внизу, подъ окнами— рыбка, приходи да бери... Лѣса округъ, горы... Дикое мѣсто.

Когда мы возвращались назадъ, подымался сѣверный вѣтеръ. Насъ такъ и пронизывало холодомъ... я продрогъ до костей и поневолѣ взялся за весла...

— Что у твово хозяина, у Никиты, ладейка пришла изъ Норвеги? спросилъ меня крестьянинъ, сѣвшій съ нами изъ выселка.

— Нѣтъ, ждетъ еще.

— Смѣхота съ нимъ. У него она словно полюбовница. Какъ это придетъ ладейка, онъ и дома не живетъ, все на ней, и ночуетъ тамъ, гладитъ ее, чиститъ, моетъ, снасть оправляетъ... То есть, кажется,

за мѣсто отца и матери и жены она ему... Ну и точно—суденышко, Господь благословилъ!.. Теперь и дѣти станутъ жить имъ. Одна бѣда, сынъ-то у него, Филатъ, рисковать больно. Разъ я этто видалъ. Безъ отца нагрузилъ онъ ее — и на корму до трети мачтъ боченки наставилъ. Какъ Господь сохранилъ только!.. Бываетъ, что и топитъ такихъ-то... Очень это бываетъ...

— А много ли промышленниковъ подъ старость имѣютъ возможность обзавестись ладьей?..

— Ло-одьей?.. протянулъ тотъ... Карбасомъ обзаведется ли еще!.. Что ты... Это ужь кряжистый человѣкъ такой былъ, ни водки не пилъ, ни дѣвками не баловался... Допрежъ Мартемьянъ Базарный насъ какъ мухъ давилъ, оттого и достатковъ нашихъ не было, а теперь замѣсто его — ромъ норвецкій. Бѣда съ нимъ! Всю онъ жисть нашу одурманилъ.. Тутъ и оставляешь заработокъ мурманскій... Хозяева тоже этимъ пользуются. Имъ и отъ безобразія нашего польза идетъ... Ахъ ты, простота, простота! О лодейкѣ еще спрашиваетъ. Погляди-ко на избы да на кровли,—заплаты поставить не на что!..

— Да и промыслы наши тоже нонѣ обездолили...

— А чѣмъ ваши Ѳедосѣевскіе занимаются?

— Сижковъ ловимъ... Тѣмъ и живемъ. Камбалокъ когда. Самъ видалъ, каково наше строеніе... Есть такіе, что въ одной избѣ двѣ семьи живутъ... Все одно, что лопари!..

— Плоха ваша жизнь.

Поздно ночью мы вернулись въ Кандалакшу. Я еще не успѣлъ сомкнуть глазъ, какъ въ мою комнату постучался старикъ Никита...

— Вставай... Огонекъ по морю ходитъ, должно праходъ бѣжитъ... Вотъ и попрощаемся мы съ тобой.. Помочь тебѣ, что ли?

Мы разомъ увязали чемоданы и вышли на берегъ. Изъ мрака, разстилавшагося передъ нами, далеко, далеко, на самомъ горизонтѣ, шевелилось что-то свѣтлое. Въ бинокль казалось. что золотая искрящаяся змѣя подвигается къ намъ вдоль откосовъ и уступовъ лѣваго берега, массы которыхъ въ этой тьмѣ казались еще тяжелѣе и громаднѣе...

— Куда теперь?..

— На Мурманъ.

— Встрѣтишь лодейку мою, кланяйся. Такъ и скажи ей, пусти по вѣтру, „хозяинъ-де приказалъ кланяться и ждетъ назадъ, съ хлѣбомъ и солью встрѣчать свою разлюбезную будетъ“... Къ Соловкамъ будешь ли приворачивать?

— Непремѣнно.

— Угодникамъ Зосимѣ и Савватію закажи молебенъ съ водосвятіемъ за благополучное плаваніе лодейки. Вотъ тутъ тебѣ и денежки

припасенѣ. Съ водосвятіемъ... Чтобъ, знаешь, ей въ пути — повѣтеръ и ведро было... Чтобъ туману Господь не посылалъ и отъ гнѣва своего—морской бури избавилъ!..

— Разсказывали мнѣ, что твой Филатъ грузитъ очень ее...

— Грузитъ... грузитъ. Что съ нимъ подѣлаешь. Оттого у меня теперь ни часу покойнаго нѣтъ. Засну—все недоброе такое видится. Словно лодейка моя опружилась...*) Народъ молодой, все смѣлостью беретъ, малымъ барышемъ не доволенъ, какъ бы ему больше, да разомъ взять... Ну, да ужь этотъ разъ пусть. А въ слѣдующій я опять самъ пойду. Пускай на моихъ глазахъ. Не въ мочь мнѣ дома. Такъ и тянетъ на судно свое... Одна бѣда, какъ отправлялъ я лодейку, такъ святой водой якоря не окропилъ. Все какъ слѣдуетъ справилъ: и борта, и корму, и носъ, и мачты, и палубу кропилъ, а якоря—нѣтъ... Ну, да Господь проститъ... Пронесетъ!..

Огнистая змѣя все дѣлалась замѣтнѣе и замѣтнѣе. Скоро въ сумракѣ можно было уже различить вдали темную массу парохода, казавшагося отсюда такимъ маленькимъ и ничтожнымъ...

— Ишь пыхтитъ—силу свою тоже чувствуетъ...

Я уже садился въ лодку.

— Прощай... Не забудь же лодейкѣ поклониться... Да молебенъ съ водосвятіемъ... — долетало ко мнѣ съ берегу...

Какъ упалъ сельдяной промыселъ.

Ни одинъ изъ промысловъ русскаго сѣвера такъ ясно не обнаруживаетъ упадка нашей производительности, какъ сельдяной, дававшій нѣкогда до 1,000,000 пуд. сельди, а теперь доставляющій архангельскому поморью 56, много-много 65 тысячъ рублей ежегодно. Это одно изъ интереснѣйшихъ явленій нашего края, и мы не ошибемся, признавъ за нимъ особенное значеніе въ прошломъ и будущемъ, хотя и не въ настоящемъ. Начиная отъ береговъ Двинской губы, сельдь ловится по всему протяженію сѣверо-русской окраины вплоть до границъ Норвегіи. При этомъ, главнѣйшими пунктами лова служатъ тихія и широкія губы небольшой глубины, особенно любимыя сельдь преимущественно направляющеюся сюда для икромета. Села: Сорока, Кереть, Ковда, Кандалашка и Княжая Губа — центры этого промысла. Сельдей въ означенныхъ мѣстахъ ловятъ неводами и саками, причемъ рыбопромышленная партія состоитъ изъ трехъ человѣкъ на отдѣльномъ карбасѣ. Весь ловъ въ Сорокѣ дѣлится на пять частей, причемъ два пая отдаются хозяину снасти и карбаса, снарядившему

*) Опрокинулась.

на свой счотъ промысловую артель. Все обзаведеніе для сельдяного лова обходится весьма дешево: неводъ въ 15 р., карбасъ въ 13 р., мережа — 5 до 6 р. При удачномъ промыслѣ, добыча оцѣнивается иногда по 150 р. на каждую партію, или по 30 р. на пай; но это исключеніе: чаще на каждый пай приходится лишь по 15 р. Болѣе всего вылавливается сельди въ Кандалакшѣ. По засвидѣтельствованію посѣщавшаго, въ 1872 году, эту губу г. Маликова, тамъ одинъ весенній-егорьевскій ловъ далъ отъ 60 до 70,000 боченковъ сельди, причемъ, каждый боченокъ опредѣлялся по вѣсу отъ 30 до 35 фунтовъ. Губа Кандалакша находится въ Ковдской волости, гдѣ считается 127 сельдяныхъ неводовъ, принадлежащихъ 80 собственникамъ; цѣнность ихъ, вслѣдствіе большей величины, доходитъ до 100 руб., почему хозяину его идетъ уже три пая изъ добычи. На этотъ неводъ среднимъ числомъ добывается сельди на 180 р. Выловленная здѣсь сельдь идетъ въ Архангелскъ, гдѣ и продается отъ 40 до 50 к. за боченокъ, разумѣется, при гуртовой покупкѣ. Не странно ли, между прочимъ, что, несмотря на подавляющее обиліе на сѣверѣ русской сельди, въ Архангельскъ идетъ и съ выгодой на мѣстномъ рынкѣ сбывается сельдь норвежскаго улова? Сельдь въ нашихъ моряхъ буквально запружаетъ воды. Я самъ въ Соловецкомъ монастырѣ, въ гавани его, гдѣ постоянно ходятъ пароходы, имѣлъ случай видѣть, какъ въ одномъ неводѣ сельди, вечеромъ, монахами-рыболовами было вытащено болѣе 27 пудовъ сразу. Нужно приэтомъ замѣтить, что иностранной сельди къ намъ идетъ немало — она не составляетъ прихоти. Вотъ, напримѣръ, цифры, извлеченныя изъ норвежскихъ офиціальныхъ источниковъ: въ 1861 году ввезено къ намъ черезъ архангельскій портъ 143,271 бочка сельдей изъ Норвегіи, въ 1862 году — 273,000 бочки, въ 1863 году — 253,600 бочекъ, въ 1864 — 190,000 бочекъ, въ 1865 — 218,000 бочекъ. Разумѣется, защитники интересовъ иностранныхъ производителей на рынкахъ нашего сѣвера станутъ и противъ этого приводить завѣдомо ложные аргументы, изъ которыхъ главнѣйшій заключается въ дурномъ, будто бы, качествѣ русской сельди, хотя уже давно рѣшено, что, при хорошемъ посолѣ, архангельская и именно кандалакшская сельдь не уступаетъ не только норвежской, но и голландской, такъ-называемой королевской сельди. Главное затрудненіе мѣстный промыселъ встрѣчаетъ въ недостаткѣ хорошей соли. Такъ, напримѣръ, нынѣшнею весной соль добывалась у купца Савина по 80 коп. за пудъ. Цѣлыя груды сельди, за недостаткомъ соли, гнили и разлагались на берегу, что не могло не имѣть значительнаго вліянія на ихъ достоинство. Сельдь поздняго посола именно и отличается тѣми качествами, которыя дѣлаютъ ее невыносимою даже и для малотребовательнаго желудка. На мѣстѣ — пудъ сельдей еще недавно доходилъ до

30 коп. Теперь пудъ ихъ оцѣнивается въ 40 и болѣе копѣекъ. Наши экономисты оцѣниваютъ общій ввозъ въ Россію иностранной сельди въ 8,000,000 руб. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы наши поморскіе промышленники умѣли солить и укупоривать сельдь, а также знали подходящія мѣста ея сбыта, то эта сумма осталась бы въ русскомъ карманѣ, хотя, разумѣется, таже ковдская или сороцкая сельдь въ прейс-курантахъ и объявленіяхъ нашихъ комерсантовъ великолѣпно именовалась бы королевско-голландскою. Сотня голландскихъ сельдей продается въ Петербургѣ отъ 10 до 15 р., лучшаго посола поморская сельдь не шла бы дороже 5 — 7 р. за тоже самое количество.

Когда, въ 1768 году, окончилась здѣсь монополія графа Шувалова, дарованная ему на 20-ти-лѣтній срокъ на всѣ вообще морскіе промыслы сѣвера, — послѣдніе были объявлены свободными. Населеніе, не располагая знаніемъ и капиталами, не могло воспользоваться всѣми выгодами новаго, открытаго ему поприща для производительнаго примѣненія своей дѣятельности, вслѣдствіе чего бѣломорскій промыселъ вновь поступилъ въ казенное вѣдомство, и въ Архангельскѣ учреждена была на этотъ предметъ комерц-контора, которая тотчасъ же поручила гамбургскому уроженцу Кейкину и дерптскому купцу Рору заняться посоломъ сельди. Первый дебютъ Рора былъ великолѣпенъ: образцы сельди бѣломорскаго улова, представленные имъ въ Петербургъ, превзошли всѣ ожиданія. По нѣжности, вкусу, содержанію жира и по другимъ качествамъ, эта сельдь была признана стоящею го раздо выше того же продукта иностраннаго ввоза. Комерц-контора тотчасъ же возложила на Рора устройство этого промысла. Роръ — какъ мудрый иноземецъ, хотя и дерптскаго происхожденія, началъ съ того, что всѣ русскіе — свиньи, животныя, и что ими надо пользоваться, какъ животными — только. Эксплуатація рабочихъ началась страшная. Изъ прибалтійскихъ губерній потянулись къ нему братцы, племянички, внучки, свалы, кумовья, и вся эта шушера, такъ ловко умѣвшая нѣкогда устроиться на нашъ счетъ. Подъ видомъ благочестія, на Бѣломорьѣ возникло кулачество, которому не было ничего подобнаго и во время румянцовскихъ монополій. Наконецъ, дѣло кончилось тѣмъ, что правительство не стало получать съ промысловъ предположенный доходъ, который цѣликомъ шелъ на братцевъ, племянничковъ, сестрицъ и т. д. Потомъ и самые промыслы были признаны безполезными для казны, которая вслѣдъ затѣмъ, къ огорченію этой орды, отказала Рору въ данныхъ ему привилегіяхъ и субсидіяхъ. Послѣ этого сельдянымъ промысломъ сталъ заниматься всякій, кто хочетъ; правительство же сочло возможнымъ назначить, съ своей стороны, сельде-промышленникамъ премію за каждый доставленный въ Петербургъ боченокъ хорошихъ сельдей — по 50 копѣекъ. Но льготой не пользовался никто,

что и понятно: такими мѣрами можно поддержать промыселъ, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго, т. е. задушая его. Сверхъ того, въ это же время иностранцы, жившіе тогда въ архангельскомъ портѣ, употребляли съ своей стороны всѣ средства къ окончательному пониженію этого промысла и, разумѣется, при подкупности администраціи той несчастной эпохи, достигли своей цѣли.

Спустя довольно значительный промежутокъ времени, графу Румянцеву рыбопромышленникъ Звягинъ прислалъ имъ самимъ просоленную и укупоренную бѣломорскую сельдь, которая оказалась такъ хороша, что тогда же, для развитія этого дѣла, была здѣсь учреждена бѣломорская компанія, съ безпримѣрнымъ полномочіемъ и пособіями отъ казны. Она скоро, впрочемъ, доказала правительству, что иностранцы, во главѣ русскихъ торговыхъ предпріятій, заботятся не объ интересахъ питающаго ихъ государства, а о собственныхъ своихъ выгодахъ, діаметрально противоположныхъ нашимъ. Несмотря на тогдашнее безденежье, казна дала компаніи 444,000 руб. Во главѣ управленія компаніей былъ поставленъ голландецъ Дорбекеръ. Этотъ господинъ прежде всего нашелъ нужнымъ доставить доходецъ своимъ родственничкамъ и выписалъ у нихъ для компаніи дорого стоющіе, но оказавшіеся никуда негодными, невода. Далѣе, онъ вызвалъ оттуда же, изъ той же сердцу милой Голландіи — 15 солильщиковъ, хотя достаточно было бы и трехъ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ, компанія, какъ гнилое тряпье, расползлась во всѣ стороны. Лица, стоявшія во главѣ предпріятія, были баскаками для мирнаго населенія Поморья. Въ захолустьяхъ сѣвера они выдѣлывали такія штуки, передъ которыми поблѣднѣютъ и ужасы крѣпостнаго права и наша воеводчина. Въ концѣ-концовъ, какъ фатумъ древнихъ, явились англичане и истребили наличное имущество и заведенія компаніи, такъ что при ликвидаціи, частные кредиторы получили по 8 коп. на рубль, а акціонеры — 0.

Таковы условія, въ которыя былъ поставленъ архангельскій сельдяной промыселъ. Немудрено, что населеніе сѣвера, несмотря на затраты правительства, осталось, по отношенію къ посолу и приготовленію сельдей, на тѣхъ же патріархальныхъ пріемахъ, которыми оно руководилось и при Петрѣ. Казна тратила сотни тысячъ и тратила непроизводительно. Они утучняли, но только иностранцевъ, являвшихся къ намъ похожими на видѣнныхъ Фараономъ во снѣ тощихъ коровъ и возвращавшихся домой тучными, имъ же видѣнными коровами.

Гдѣ же спасеніе, гдѣ исходъ? Какъ поставить сельдяный промыселъ на сѣверѣ такъ, чтобы онъ приносилъ дѣйствительную пользу мѣстному населенію и изгналъ бы изъ внутреннихъ рынковъ Россіи сельдь иностраннаго ввоза?

Единственное средство къ этому заключается въ слѣдующемъ: правительство много уже затратило на разныхъ Роровъ и Дорбекеровъ — пора помочь и отечественнымъ производителямъ, выбравъ способнѣйшихъ изъ нихъ и отославъ ихъ на казенный счетъ въ Голландію и Норвегію, на лучшія сельдяныя факторіи. Три-четыре года подготовительныхъ работъ тамъ совершенно достаточны для спеціальнаго ознакомленія съ этимъ дѣломъ. Такимъ путемъ мы получимъ хорошихъ сельдяныхъ промышленниковъ, которые принесутъ съ собою въ захолустье своего роднаго Поморья знаніе и трудъ. Каждый грошъ, затраченный на этотъ предметъ казной, дастъ населенію десятки и сотни рублей, и если не утучнитъ Дорбекеровъ и Роровъ, то освободитъ населеніе сѣвера отъ пауперизма, разлагающаго теперь лучшія его силы.

ПО БЕЗДОРОЖЬЮ.

ПО БЕЗДОРОЖЬЮ.

Поѣздка въ русскую Лапландію и сѣверную Норвегію.

Вверхъ по р. Тулонѣ: Отплытіе изъ Колы.—Оригинальное устройство почты.—Колонистъ Матшкуга. — Наталья-лопарка. — Вѣнчина и жемчужныя раковины. -Толстихинскія и Панковскія вараки.—Плесы.—Лопари-строители карбасовъ.—Кольскіе кабальники.—Пороги: Сухой Кривецъ, Сосновецъ и Кильбуха.—Разсказъ лопаря о крушеніи.—Привалъ.—Тройники.—Преданія.—Какъ проплываютъ пороги.—Гремяха и Шолна.—Первыя вѣжи.—Собаки и олени.—Какъ являются лопарскія фамиліи. — Ночь во мхахъ. — Картины животной жизни.—Падунъ. — Незотъ-озеро. — Кодовскія горы. — Пьяные лопари.—Какъ россійскіе піонеры эксплуатируютъ инородца

Чудное сѣверное утро. Изъ моего окна очаровательный видъ. Ясно, тепло; небо безоблачно. Прямо въ бирюзовой оправѣ Кольской губы мягко золотится подъ солнцемъ островъ съ убогою деревянною церковкой и крестами кое-какъ насыпанныхъ могилъ кругомъ. Двое рабочихъ съ утра возятся тамъ, роя новую могилу... Видно только, какъ взбрасываются вверхъ комья земли. За островомъ, вдали, темно-синяя полоса моря, обрамленнаго справа и слѣва высокими, мягко очерченными горами... Зеленый кустарникъ внизу — палевые тоны яземя на вершинахъ... За ними, въ туманной дали, неопредѣленно синѣютъ безлѣсныя, сумеречныя, едва намѣченныя въ воздухѣ, горы, словно висящія надъ выходомъ изъ бухты. На песчаный берегъ вытащены черные, заново просмоленные карбасы, нѣсколько шнякъ «обсохли» на отливныхъ мелководьяхъ. Обсохли и безпомощно накренились, такъ что отсюда видна мнѣ вся палуба съ жалкими потроками судоваго хозяйства, кучами кое-какъ свернутаго каната, пустыми боченками и грудами чего-то неизобразимаго. Бѣлая чайка, вся сверкая въ яркихъ лучахъ солнца, спустилась на мачту, другая вьется около, словно серебряная искра, и рѣзкій пронзительный крикъ ея замираетъ надъ тихимъ

полярнымъ городкомъ, убогія избы котораго, словно толпа разшалившихся мальчугановъ, разбѣжались во всѣ стороны на просторѣ песчанаго подножія Соловараки. Издали доносится грохотъ Колы, пробивающей себѣ путь сквозь массы камня, загромоздившаго ея устье. Словно болтливыя утки, цѣлою гурьбою прошли мимо рослыя колянки къ шнякѣ, покопались съ нею, подобрали подолы—и ловко по мелкому «отливью» вытащили лодку въ море... Спустя минуту, онѣ уже исчезали изъ виду за выступомъ зеленаго береговаго мыса, бойко работая веслами и на весь этотъ просторъ выпѣвая свою безшабашную пѣсню... Кольскій купецъ Хохловъ протащилъ мимо цѣлую связку каната и по дорогѣ перекинулся руганью съ работникомъ кореломъ, чинившимъ у моря рубаху, подставивъ голую спину теплому солнцу... Нѣсколько лопарокъ, потупившись, прошмыгнули подъ окномъ — точно красное пятно пробѣжало передъ глазами. Яркія юпы ихъ долго еще шмыгали между домами...

— Ты пошту требовалъ?

Оглядываюсь. Бойкая, толстая бабенка, щеки такъ и прыгаютъ, глаза прыщутъ задоромъ и веселостью.

— Я. А тебѣ что?

— Да я самая пошта и есть. Повезу тебя нонича къ Ното-озеру. Тутъ еще финна одного на помочь хозяинъ даетъ. А теперчи ступай къ хозяину, зоветъ.

Внутри Кольскаго полуострова нѣтъ иныхъ сообщеній, кромѣ рѣкъ и пѣшеходныхъ дорогъ. Изъ Архангельска я запасся открытымъ листомъ на право взиманія двухъ лошадей съ кучеромъ, за обычные прогоны. По этому документу мнѣ и отпускали на каждой станціи въ Лапландіи двухъ человѣкъ за лошадь и одного за проводника. Гдѣ приходилось плыть—эти инородцы гребли въ лодкѣ, гдѣ я шелъ пѣшкомъ—они несли мои вещи. Разумѣется, жаль было отрывать народъ отъ работы, и я бралъ только двухъ.

— Что же, ты постоянно за почту ходишь?

— Нѣтъ, сей годъ пошла. Да ты не сумлѣвайся. Я и подъ казенную пошту хожу. А коли слободно, домашнюю работу справляю. Тебѣ со мной будетъ весело. Я пѣсни пѣть баско умѣю.

— Посмотримъ.

— Будешь доволенъ. У меня карбасъ птицей полетитъ. Привышное дѣло; я, поди, и родилась-то на морѣ. Прошлый годъ за матроса на Жеребцовской шкунѣ въ Варгаевъ ходила.

— Не побоялась одна съ «мужиками?»

— Чего пужаться, у меня во... И она выставила кулакъ. Вещь оказалась дѣйствительно почтенныхъ размѣровъ. Безъ согласія—а ни, Боже мой!

Пошли къ почтосодержателю.

Толстый, апатическій колянинъ встрѣтилъ меня въ заново отдѣланныхъ комнатахъ своего «дворца». За недостаткомъ живыхъ птицъ, какъ и у всѣхъ зажиточныхъ людей въ Колѣ, у оконъ и подъ потолкомъ висѣли у него деревянныя канарейки въ проволочныхъ клѣткахъ. Въ переднемъ углу красовался сдѣланный изъ перьевъ голубь съ распростертыми крыльями. Стѣны были украшены живописью. Прекрасный Іосифъ, въ красной рубахѣ съ трубкою и кисетомъ съ табакомъ у пояса, и жена Пентефрія, въ широчайшемъ кринолинѣ; бутылочнаго цвѣта дѣвица съ громаднѣйшими грудями и подписью: «прекрасная невольница турецкаго салтана» и разумѣется—зеленый генералъ, съ усами какъ у таракана, завершалъ художественныя сокровища кольскаго богача и аристократа.

— У насъ не какъ у прочихъ. Тоже картинки покупаемъ. Не единымъ хлѣбомъ сытъ человѣкъ бываетъ.

Прежде чѣмъ оставить Колу, пришлось принять участіе въ трапезѣ почтосодержателя. Таковъ здѣсь обычай. При этомъ мнѣ пришлось увидѣть жену хозяина, которая до того разбухла, что едва могла сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Колянки всѣ жирѣютъ съ лѣтами, но такого чудища, признаюсь, и ожидать трудно было. Какая-то масса, съ широкимъ, отвислымъ, безкровнымъ лицомъ, сидѣла передо мною; даже жутко становилось при взглядѣ на эту гору жира и мяса. Хозяйка читала четьи-минею, не обративъ никакого вниманія на вошедшихъ. Ожиреніе колянокъ приписываютъ обычаю вмѣсто масла употреблять въ пищу тресковую массу. Послѣ я убѣдился, что въ Колѣ такіе экземпляры, какъ жена почтосодержателя, далеко не рѣдкость..

— Ишь какъ ее Богъ любитъ! умилялся хозяинъ, указывая на нее.

— А не тяжело?

— Чего тяжело. Живетъ въ холѣ, никакой вторы не знаетъ, только и заботы, что попить да поѣсть сладко. А по молодости — первая промышленница была. На Мурманъ ходила за покрученника!..

— Хозяинъ! позвали его въ окно.

Испитое лицо, въ фуражкѣ съ кокардой, борода щетиной, носъ шмыгнулъ куда-то въ сторону и покраснѣлъ, словно сконфузился того, что онъ не на мѣстѣ.

— Вашему благородію!

— Комнатка есть свободная?

— Да вы пожалуйте въ горенку выпить, закусить.

— Некогда. Аглецкіе парламентеры пріѣхали, у тебя имъ квартиру отвелъ.

— Ну и чудесно. Чтожъ они епутаты какіе или такъ для лег воздуха?..

Аглецкіе «парламентеры» оказались членами парламента, пріѣ шими на лѣто ловить семгу въ русской Лапландіи. Они ни слов знали по-русски, но тѣмъ не менѣе отлично умѣли объясняться колянами и лопарями. Такъ, одинъ при мнѣ заказывалъ зарѣзать рана,—промычавъ по-бараньи и проведя у себя по шеѣ рукой, гой постоянно путалъ слова лодка и водка, такъ что когда онъ бовалъ водки, ему снаряжали лодку, и обратно. Оба постоянно хо въ церковь, гдѣ, садясь въ кресла, молились по своему. Власти сильно побаивались.

— Господь ихъ знаетъ, что за люди... Можетъ соглядатаи к помните Іисуса Навина. Разорятъ нашу Колу!

Англичане съ уморительною серьезностію присутствовали на лахъ кольской аристократіи и танцовали вальсы и кадрили подъ з гармоники—единственнаго оркестра въ городѣ. На балъ всякій они надѣвали фраки, бѣлые галстуки и жилеты, къ крайнему н умѣнію колянъ. Расплачивались они за все превосходно; немудрено, ихъ полюбило населеніе этого полярнаго городка, одурѣвшее отъ ск и апатіи. Только-что бывало пріѣдетъ кто-нибудь въ Колу, вмѣстѣ съ ея немногими достопримѣчательностями показываютъ пр жему и «нашихъ парламентеровъ». Парламентеры это показыв принимали за формальное представленіе и, серьезно подходя, энер но жали руку изумленному промышленнику, вручая ему свою ви ную карточку.

— Чудовый, взялъ за руку и билетикъ далъ.

— Господь съ ними, умилялась при этомъ какая-нибудь стар Христа ради юродивые!..

Наконецъ, мои сборы окончились. Хозяинъ счелъ необходим радушно разцѣловаться со мною; внизу почта ожидала меня съ ве ми и парусомъ въ рукахъ. По пустынымъ улицамъ Колы мы до до Туломскаго рукава Кольской губы, въ который впадаетъ рѣка лома. Голубой просторъ губы весь искрился и сіялъ подъ солнц Легкая рябь, бѣлыя крылья чаекъ, запахъ морскихъ водоросле Хорошо дышалось въ этой глуши!... Мы отчалили, и скоро лодка, перегонку съ гагарой, понеслась по водяной глади.

Тулома за Колой разширялась. Городокъ отсюда казался жал деревушкой; скоро онъ и вовсе исчезъ за первыми выступами бе говыхъ горъ, все выше и смѣлѣе раскидывавшихъ передъ нами с вершины.

За веслами сидѣли у меня финнъ, колонистъ Матшкуга, и уже

вѣстная дѣвушка. Матшкуга былъ уже пьянъ, а почтосодержатель сверхъ того далъ ему бутылку водки...

— Нельзя безъ этого—обычай! Я безъ водки не поѣду.

— Да вѣдь ты совсѣмъ будешь пьянъ.

— Господи помилуй! Съ одной-то бутылки? И онъ, улыбаясь, приложился къ ней.

— Хочу на Мурманъ въ колонисты, да не пускаютъ, жаловался онъ. Я съ тѣмъ и переселился сюда.

— Кто жъ тебя не пускаетъ?

— Хозяинъ, начальство держитъ. А мнѣ надо деньги, избу, все что отъ казны положено. Сколько тебѣ дать, чтобы ты въ Архангельскѣ выхлопоталъ мнѣ это?

— Ничего!

— Неужели не берешь? Ну это ты только сдѣлать не хочешь. Какъ это, чтобы денегъ не брать!.. Да у насъ, погляди, какъ еще хапаютъ-то. Живымъ манеромъ.

— Чтожъ, ты женатъ?

— Подруга есть, наша же изъ Улеоборгской губерніи. Она пастушкой тутъ. Для этого и пришла сюда, въ Колу, а то бы тамъ жила.

— Развѣ выгодно?

— Со всякой большой овцы получаетъ по 10, съ малой по 5, а за корову по 60 к. въ лѣто. Мы съ ней ладно живемъ.

— Ладно! вмѣшалась дѣвушка. Только дня нѣтъ, чтобы не передрались.

— Такъ... Что-жъ, это отъ любви, а у насъ все же согласіе. Не у васъ же, у лопарей, учиться!

— Да развѣ жъ она лопарка? удивлялся я.

— Какъ же, мы изъ лопарей, только постоянно въ городѣ да въ Кандалакшѣ живемъ «кормыхаться.» У меня матушка за первымъ мужемъ была за лопиномъ, за вторымъ—кореломъ, а въ третій—за русскаго вышла. Ну, новая семья-то меня и не любитъ, я и ушла отъ нихъ... Лопину (лопарю) не баско вольготно промежъ русскими. Лопина всѣ грабятъ. Русскіе ставятъ ему всякую вещь въ три-дорога. Съ зимы заберется у хозяина—на весну въ кабалу попалъ. А весной опять подать нужна—ну такъ всю жизнь и маются. Вонъ у бабенгскихъ лопарей кандалакшане семужій промыселъ совсѣмъ оттягали, нашимъ теперь и кормыхаться нечѣмъ. Примѣрно, выйдетъ у насъ мука—Павковъ изъ Кандалакши—ставитъ намъ по 2 р. за пудъ и то въ зачетъ на рыбу, которую за безцѣнокъ принимаетъ. Эдакъ случалось, что пудъ муки обходился намъ рублей въ пять, да и то еще наклаяешься да намолишься... А онъ-то величается: мы ваши благодѣ-

тели, вы питаетесь отъ насъ. Вѣкъ должны Бога молить за насъ. Примѣрно лѣтъ пять назадъ, пріѣхалъ къ намъ волостной писарь Ивановъ совсѣмъ нищимъ, а теперь у него сундуки ломятся, да шкуна своя, домъ въ Колѣ выстроилъ, ну и капиталъ есть...

— Неужели всѣ лопари такъ хорошо говорятъ по-русски?

— А всѣ. По Имандрѣ да по Ното-озеру совсѣмъ русскіе стали. И пѣсни поемъ русскія, и присловья русскія у насъ.

Киль тихо поскрипывалъ за каждымъ ударомъ веселъ; сіяющій просторъ Туломы ложился почти зеркальною гладью. За однимъ изъ поворотовъ рѣки до насъ донесся грохотъ, точно громадная струя воды падала откуда-то въ рѣку.

— Это что?

— А ручей Вѣнчина. Теперь онъ разлился такъ. Шумитъ. Подъ осень совсѣмъ высохнетъ. Съ горы и падаетъ.

Подъ скудною еще зеленью полярной флоры налѣво ложилось извилистое ущелье. Потокъ, словно змѣя, изгибался по дну его и небольшимъ водопадомъ падалъ въ покойныя воды Туломской губы. Въ свѣжей золотистой зелени понизьевъ, между выступами горъ, стлался низкій березнякъ, изъ котораго кое-гдѣ высоко взвивались стройныя стрѣлки елей. Вода здѣсь была еще солоновата, но въ семи верстахъ отъ Колы уже переходитъ въ рѣчную. Тутъ показывается уже и настоящій лѣсокъ...

— Это Вѣнчина богатая, замѣтилъ Матшкуга.

— А что?

— Земчугу много. Земчужныхъ раковинъ здѣсь до пропасти. Я каждое лѣто хожу сюда искать ихъ. Въ прошлые годы посредственнику рублей на десять продалъ.

Послѣ въ Колѣ я видѣлъ мѣстный жемчугъ. Несмотря на свою величину, онъ малоцѣненъ, потому что и неровенъ, и голубоватъ. Въ незапамятную старь здѣшній жемчугъ вывозили скандинавскіе купцы. При дворѣ конунга Олафа, по словамъ норвежскихъ преданій, носили жемчужныя ожерелья изъ странъ гиперборейскихъ. Потомъ, когда Лапландія была завоевана новгородцами, — жемчугъ отсюда доходилъ даже до Москвы. Почти во всѣхъ кольскихъ ручьяхъ, текущихъ «сверху,» попадаются жемчужныя раковины. Теперь, по словамъ немногихъ мѣстныхъ промышленниковъ, стали чаще попадаться раковины безъ жемчужинъ, поэтому и самый «ловъ» ихъ понизился. Насколько же прежде былъ онъ выгоденъ, видно изъ того, что и теперь въ маломальски зажиточной семьѣ русскаго крестьянина на сѣверѣ, непремѣнно отъ матери къ дочери передается нѣсколько нитокъ мѣстнаго жемчугу.

Берегъ по правую сторону весь краснѣлъ отъ цвѣтовъ. На каждомъ

шагу изъ зеленей поемнаго луга взлетали травники, мошники, куропати. Бѣлые поморники сверкали на солнцѣ. Извилины береговъ за свѣтомъ казались повитыми въ синюю, поэтическую дымку. Дали манили въ свою таинственную глушь красивыми очертаніями горныхъ вершинъ, словно плававшихъ въ необычайно прозрачномъ воздухѣ. Первая поросшая сплошнымъ лѣсомъ гора — Толстихинская варака скоро вся развернулась передъ нами, круто обрываясь въ зеркальную массу недвижной здѣсь Туломы. Только подъѣхавъ, можно было отличить громадныя скалы, вырѣзывавшіяся на этомъ отвѣсномъ выступѣ. Налѣво выростала Лугинская варака, скаты которой поросли голубикой и вороницей. Каменныя массы образовывали кое-гдѣ террасы, точно насѣченныя руками человѣка. Мы плыли мимо, и я былъ пораженъ дикимъ величіемъ этихъ громадъ, словно ставшихъ на краю сѣверной пустыни, сторожа ее отъ сокрушительныхъ вьюгъ и холодныхъ вихрей полюса. Часто на высотѣ гранитныхъ утесовъ рѣзко вырисовывались изъ голубаго фона безоблачнаго неба черные кресты, поставленные лопарями въ этомъ безлюдномъ захолустьѣ.

Ни одной лодки не проплывало мимо. Голоса человѣческаго не слышалось на берегу... Точно дѣвственная пустыня никогда не вѣдала въ своихъ предѣлахъ упорнаго труженика, точно въ этихъ еловыхъ лѣсахъ во вѣки вѣковъ не звучалъ топоръ и подъ нимъ не валились столѣтніе великаны на мягкое ложе палеваго мха, выставляя всѣ промежи. Глубокое впечатлѣніе производило на душу это безлюдье...

За Толстихой выдвинулась на правую сторону рѣки Панковская пахта—высокая береговая гора изъ цѣльныхъ скалъ, въ промежуткахъ которыхъ щетиною подымались зеленые лѣса. Вершина пахты, совершенно плоская, поразительно напоминаетъ капскую Столовую гору. Только поверхность первой сплошь прорѣзана трещиной, въ которой чернѣетъ такое лѣсовье, что жутко и забрести туда одному, не зная дороги. Къ югу Панковская пахта падаетъ такими же правильными террасами, какъ и Толстиха. Каждая изъ этихъ террасъ сама по себѣ громадна — но въ общемъ вся панорама, окружавшая насъ, казалась неизъяснимо грандіозной. Между выступавшими передъ нами вершинами синѣли другія, дальнія, за ними едва мерещились контуры еще болѣе высокихъ горъ. Иногда ярко блистала въ этомъ хаосѣ вершинъ плѣшка холма, поросшаго яземемъ, или черточка далекаго озера, словно золотой серпъ, огибала подножіе каменной твердыни... Прямо въ воду падаютъ гранитныя стѣны, исполосованныя черными трещинами, врѣзываются рѣзко очерченные гранитные мысы, окаймленные почти недвижною полосою бѣлой пѣны, оставшейся здѣсь отъ послѣдней бури...

— Что же ты, Наталья, пѣсни ладилась пѣть?

— А вотъ погоди. Не до пѣсенъ теперь. Домой тянетъ. Кола вишь

то образуетъ большія озера — плесы. Второе изъ нихъ чрезвычайно красиво. Продолговатое, обрамленное зелеными берегами, оно уходитъ вдаль зеркальною гладью, отражая въ своей прозрачной глубинѣ и безоблачное небо, и еловыя листья, и моховыя пажити едва всхолмленныхъ окраинъ. Въ южной половинѣ озера прелестный симетричный островъ, кажущійся зеленою пирамидою отъ березъ, обрамившихъ его склоны. Въ ихъ свѣжей зелени солнце играетъ изумрудным блескомъ — тогда какъ еловая чаща ближайшаго берега кажется почти черной, оставаясь за свѣтомъ. Далеко, далеко, словно громады тучъ, лежатъ едва намѣченныя лѣсистыя горы... Кое-гдѣ уже попадается ольха, и смутно откуда-то доносится благоуханіе шиповника.

Матшкуга все продолжалъ прикладываться къ бутылкѣ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не опьянѣлъ. Приходилось положиться на одну Наталью. Фарватеръ здѣсь становится чрезвычайно извилистъ и опасенъ. Она сѣла къ рулю, заставивъ Финна грести кое-какъ.

— Не туда правишь! протестовалъ Матшкуга, хоть у самаго глаза уже слипались.

— Молчи, пьяница! Вотъ погоди, вернется онъ въ Колу, будетъ тебѣ.

— Помилуйте меня! взмаливался Матшкуга и опять принимался за бутылку.

Наконецъ, я отнялъ ее отъ него, выбросилъ въ воду, но было уже поздно. Финнъ, какъ сноп, свалился на дно лодки. Приходилось самому браться за весла.

На берегахъ кое-гдѣ уже показалась жизнь. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ лопари строили карбасы на продажу въ Колу. Самые остовы лодокъ бѣлѣли на зеленыхъ отложинахъ. Кругомъ возились инородцы, слышался звукъ топора... Изрѣдка мигали огоньки разложенныхъ костровъ, и столбы чернаго дыма высоко, недвижно стояли въ воздухѣ. Верстахъ въ двадцати отъ Колы Тулома чрезвычайно расширяется. Разливы ея пропадаютъ изъ глазъ, но къ сожалѣнію, вся она перегорожена порогами. Часто отъ одного берега до другаго тянутся черныя корги, между которыми стремительно несется рѣка, образуя вспѣненные горбы и разлеты. По берегамъ превосходные покосы, на которыхъ работаютъ лопари, по найму кольскихъ купцовъ. Женщинѣ за такую работу платится по 50 к., а мужику по 1 р. въ день. Грабельщицѣ— 20 к. Колянки охотно идутъ на такія работы: хозяйскіе харчи обильны, да и разгуляться есть гдѣ—простору не охватишь, а въ каждомъ оврагѣ, каждой расщелинѣ можно схорониться отъ завидущаго чужого глаза. За то сильно развивается сифилисъ и только, благодаря прекрасной семейной жизни, избѣгаютъ еще этой заразы, общей всему русскому побережью Кольскаго полуострова.

Жаль видѣть пустынными эти прелестныя лѣтомъ мѣстности. Изрѣдка вѣжа лопаря или шалашъ косцовъ разнообразилъ береговые пейзажи, мелькая сквозь чащу чернолѣсья, и снова мертвая пустыня, беззвучная, хотя и величавая. Только въ зеленой чащѣ стрекочетъ залетная птица, да выводы гагаръ въ разныхъ мѣстахъ пересѣкаютъ рѣку...

— Куйпога идетъ, — предупредила меня Наталья. Обмелѣетъ рѣка сейчасъ.

— Отливъ это?

— Да. Трудно теперь будетъ грести. При полной водѣ всѣ пороги заливаетъ, легко проплыть, а въ куйпогу — опасливо.

Мы стали вилять по рѣкѣ, подвигаясь впередъ зигзагами. Черныя корги все больше и больше обнажались, становились крупнѣе и замѣтнѣе по мѣрѣ отлива. То, что еще недавно мерещилось надъ водой, или выступало изъ нея едва замѣтной горбиной, выростало теперь въ цѣлыя скалы, чёрные, покрытые внизу камни бородатымъ мохомъ, едва пошевеливавшимъ по теченію свои длинныя темнозеленыя волокна. У камней слышался шумъ воды. Берега обнажились футовъ на семь.

Быстро отгорѣла полярная заря, обливая алыми тонами и очерки далекихъ лѣсовъ, и сіяющіе извивы Туломы. Августовская ночь была уже темна. На плесы Туломы легъ туманъ клубами и полосами. Иная полоса точно дымъ отъ парохода тянется по теченію и только поверхность ея слегка дымится. Вплывешь въ такую полосу и весь промокнешь. Капли воды осядутъ на платье, въ волосахъ, на лицѣ... А потомъ опять все чисто кругомъ, только ощущеніе сырости остается на долго. Острова казались сплошь окутанными мглою. Иныхъ и видно не было. Отсутствіе жизни было еще поразительнѣе ночью. Пустыня молчала и далеко разносилось кругомъ плесканье моихъ веселъ объ воду, да скрипѣніе киля медленно подвигавшейся лодки. Изрѣдка только семга плеснетъ, да проплыветъ неуклюжая нерпа мимо.

— Скоро «Сухой» будетъ, опасливо оглядѣлась Наталья.

Сухой—первый отъ Колы значительный порогъ на р. Туломѣ.

— Проплывешь ли одна?

— Надо бы... Ишь какъ онъ носомъ завертываетъ, дьяволъ! ткнула она Матшкугу. Тотъ только захрапѣлъ еще громче. .

Издали послышался точно грохотъ на мельницѣ. Звуки росли... Громче и громче ревѣла рѣка, переполняя всю окрестность глухимъ, однообразнымъ шумомъ. По обѣимъ сторонамъ лодки вода стремилась неудержимо, неся впередъ клочья пѣны... Грести становилось трудно... Наконецъ, издали показались черные зубья порога, спиралью перегораживавшіе рѣку. Вода яро кружилась около скалъ, заходила за другія, сталкивалась съ третьими и только десятка два разъ извернувшись, разбившись и вспѣнясь, «грудью» кидалась впередъ и злобно

шина бѣжала уже по чистому мѣсту. Нѣкоторые утесы порога казались взмыленными до самой вершины, черезъ другіе перекатывались волны... Тутъ уже не было слышно отдѣльныхъ звуковъ, все сливалось въ одинъ отчаянный гнѣвный ревъ рѣки, боровшейся съ каменными великанами...

— Не пристать ли къ берегу? предложила Наталья.

— А проплыть нельзя?

— Можно-то можно. Да тебѣ не боязно ли? Ишь какъ вода играетъ, о камень треснетъ—щепокъ не соберешь.

— Да вы-то плаваете?

— Мы ходимъ, ничего. Богъ помогаетъ.

— Ну, попытаемся!

Зорко оглядѣла она окрестность. Бокъ-о-бокъ съ ярымъ теченіемъ рѣки ложились тихія заводи за скалами. Нужно было попасть въ нихъ. Дѣлая десятки изворотовъ и хорошо слушаясь самодѣльнаго кольскаго руля, лопарская лодка ловко избѣгала несшихся ей на встрѣчу вспѣненныхъ громадъ, каждая изъ которыхъ могла разбить нашъ челнокъ въ дребезги. Даже и въ тихихъ мѣстахъ вода кипѣла какъ въ котлѣ, не колыхая, а подбрасывая лодку. Мы чувствовали, какъ каждая планка борта дрожала. Раза три насъ «отбивало,» т. е. уносило назадъ, пока мы не попали въ первое тихое мѣсто.

— Отвести руки надо! Сложи-ка весла, много еще дѣла будетъ. Тутъ смерть и изъ воды и изъ-за камня глядитъ. Разъ случилось струей лодку разбило, и на камень не попала.

Однажды лопари проплывали черезъ «Сухой» на тройницѣ; волны бросили ихъ между двумя скалами, такъ что лодка застряла въ нихъ, какъ въ клешнѣ. Снизу начало бить, волны вышибли дно. Трое погибло, а женщина съ грудным ребенкомъ какъ-то успѣла выбраться на вершину ближайшаго камня. Скоро на ея глазахъ обезображенный трупъ мужа бросило въ ближайшую скалу и размозжило. Планка за планкой—разсыпалась вся лодка и обломки, уже искрошенные въ порошокъ унесло по теченію дальше. Несчастная двадцать часовъ высидѣла на утесѣ. Начался приливъ и ее до колѣнъ залило водою. Уже въ водѣ такимъ образомъ, сопротивляясь теченію и высоко держа плакавшаго ребенка, она простояла четыре часа, когда ее сняли коляне, проплывавшіе мимо къ острову Юркину.

Наша борьба съ порогомъ казалась еще опаснѣе, потому что дѣло было ночью и на всемъ лежалъ темно-синій колоритъ, мѣшавшій хорошо разсмотрѣть положеніе скалъ и предѣлы заводей. Отдохнувъ немного, мы опять поплыли впередъ, то отбрасываемые теченіемъ, то попадая въ быстрину, кружившуюся въ толчеяхъ. Разъ случайно образовалось спиральное теченіе, и нашъ челнокъ оказался на днѣ воронки.

Наконецъ, лодку ударило бортомъ въ камень, откинуло другой стороной въ ближайшій утесъ, и, затрещавъ, она стремительно вынырнула въ чистое мѣсто, гдѣ теченіе хотя и яро бѣжало, но уже на встрѣчу намъ не попадалось камней.

Тѣмъ не менѣе въ лодкѣ оказалась течь, а наружныя стороны ея бортовъ были сильно исцарапаны скалами. Кое-какъ добравшись до перваго плеса, мы вышли на берегъ. Я какъ убитый свалился въ мокрую траву и проспалъ до утра.

Переплывъ порогъ Сухой, мы выбрались на берегъ, заваленный сплошь валунами, и до утра отдыхали, сложивъ костеръ изъ бурелома, находившагося тутъ въ изобиліи. Рѣка всю ночь ревѣла въ порогѣ, туманъ клубился повсюду. Изъ сѣрой мглы его выходили только вершины береговыхъ горъ.... Пламя костра выхватывало изъ тьмы то окраину зеленой рощи, окрашивая ее въ багровое зарево, то полосу неудержимо стремившейся впередъ воды съ острымъ зубцомъ торчавшей изъ-подъ нея скалы.

Матшкуга очнулся наконецъ.

— Ишь ты, воскресъ, пьяница! привѣтствовала его Наталья.

Тотъ только нахмурился и зачѣмъ-то усердно принялся чистить лодку.

— Ты пазы-то заклепай, смотри какъ ободрало.

Финнъ также молчаливо осмотрѣлъ подводную часть и сталъ мхомъ да конопатью забивать скважины деревянной обшивки, образовавшіяся во время плаванія черезъ порогъ.... Онъ часто хватался за голову и качалъ ее изъ стороны въ сторону.

— Быдто водки тебѣ, псу невѣрному, хочется? потѣшалась Наталья. Аль головушку разломило? А ты бы водицы выпилъ.

Матшкуга легъ плашмя на береговой камень и опустилъ голову по самыя плечи въ воду. Этотъ маневръ продолжался нѣсколько разъ. Подыметъ голову, отдышется какъ тюлень и опять ее въ рѣку.

— Ахъ ты нерпа несуразная....

— Молчи, Наталья, и безъ тебя тошно.

— Тошно... А какъ насъ оставилъ однихъ-то черезъ порогъ плыть,— это не тошно?

Скоро опять зашелъ разговоръ о Колѣ, подъ трескъ сырыхъ сучьевъ въ кострѣ и подъ грозный, гнѣвный ревъ Туломы.

— Нашихъ лопарей Кола страхъ забижаетъ. За бутылку водки, что имъ по тридцати, по двадцати пяти копѣекъ стоитъ, — по рублю и по два берутъ, да еще водицей разбавляютъ. А придетъ лопарь продавать малицу въ городъ, ему за лучшую—три рубля цѣна красная. Таперчи соль намъ для рыбы требуется, чтобы на зиму сберечь, — кандалакшане за нее берутъ по 80, а то по 95 коп. за пудъ. Да и

то еще, накланяешься да намолишься. А они то величаются: «вѣкъ должны чувствовать, потому вы намъ привержены за эфти за самыя благодѣянія наши. Что бы вы теперь подѣлали безъ насъ? Захотимъ—нѣтъ соли, нѣтъ муки—и пропадай лопь. Кто васъ спасетъ?» А мы то ему: ужли жъ мы не чувствуемъ, да—Господи—на семъ самомъ мѣстѣ тоись.... Потому намъ безъ васъ никакъ невозможно....

Матшкуга наконецъ немного оправился и оглядѣлъ насъ осовѣлыми глазами:

— Баско они эти дѣла умѣютъ орудовать. Прежде случалось въ Колѣ, колонистъ своему хозяину скажетъ что, или и такъ отойдти захочетъ къ другому, хозяинъ пойдетъ по начальству, поклонится чѣмъ Богъ пошлетъ, ну и тащутъ колониста въ тюрьму. Гдѣ управу найдешь?...

— Это точно, что прежде бывало, вмѣшался колонистъ. А только по нонѣшнему времени оставить надо. Нонѣ пароходы. Начальство тоже полегче стало....

— Нонѣ, слава Богу,...

— Я хозяину-то за тюрьму самъ голову свернуть съумѣю.

— Ну это ты врешь, вмѣшалась Наталья. Про Сибирь слыхалъ?

— Въ Норвегъ, да въ Америку дорога мнѣ незаказана. И Матшкуга опять собрался купать голову въ Туломѣ.

— Совсѣмъ ты нонѣ, Тимошка, разбойникомъ сталъ.

— Какой я тебѣ Тимошка — Тимофей Лаврентьичъ. А что безъ разбою—нельзя нынче.

Стало разсвѣтать. Вдали показались еще покрытые туманомъ извивы рѣки. Вся она словно курилась... Но вотъ полосы мглы дрогнули... приподнялись... заколыхались въ воздухѣ—и весь широкій просторъ вспѣненныхъ волнъ открылся передъ нами съ коргами, перегородившими его, съ поросшими березнякомъ берегами... Вершина горы Алаевской вся свѣтилась серебрянымъ блескомъ и словно ослѣпительный ковчегъ плавала надъ окрестностями.

— Ишь это бѣлый ягель меледится такъ-то...

Когда солнце приподнялось—туманъ уже свернулся въ узкія и длинныя тучки и по склонамъ горъ ползъ все выше и выше... Вотъ одна тучка, словно таетъ, распускается въ воздухѣ. И нѣтъ ея, только слабый сѣрый клочекъ еще мерещится въ трещинѣ утеса... Другія заползаютъ въ ущелья на высотѣ, слегка колеблясь и волнуясь поглощаются пещерами гранитныхъ великановъ...

И скоро все чисто, все ярко свѣтится подъ солнцемъ...

Мы отчалили.

Отсюда намъ ужс стали встрѣчаться плоты изъ великолѣпныхъ деревъ, аршинъ 9 въ длину и четверти двѣ въ діаметрѣ. Оказалось,

что эти бревна срублены лопарями для Колы по берегамъ Туломы. Коляне за каждое такое бревно платятъ номаду по двадцати копѣекъ, а сами продаютъ въ Норвегію рубля за три, за четыре. Тѣ же самыя бревна норвежцы уже сбываютъ на русскій Мурманъ, т. е. опять назадъ—гораздо дороже. Наши переселенцы мурманскіе сами не могутъ купить лѣса у лопарей! Дешевизна бревенъ изъ первыхъ рукъ объясняется тѣмъ, что колянамъ разрѣшено послѣ погрома 1855 года рубить лѣса на «обстройку города» безпошлинно...

Лопари обязаны каждое такое бревно не только срубить, но снять кору, обровнять неровности, да зорко еще смотрѣть при этомъ, чтобы на немъ не было «пороковъ»: крупныхъ трещинъ, черныхъ пятенъ, дуплинъ.

— Сколько же въ день наготовишь такихъ бревенъ?

— Да бревна два можно.

Оно такъ и оказалось. Приготовить бревно мало, нужно его сплавить до Колы, черезъ Сухой порогъ не всегда бревна проходятъ благополучно. Иные обобьетъ и расщеплетъ,—тогда трудъ лопаря пропалъ даромъ. Всѣ инородцы, которые рубятъ лѣсъ еще выше, за Кривцомъ, получатъ менѣе. Ихъ бревнамъ приходится уже миновать два порога—Кривецъ и Сухой. Часто бревна прибиваетъ къ берегу и тогда, бросая рубку, лопарь идетъ по всей Туломѣ розыскивать свои плоты. Вмѣстѣ съ плотами въ порогахъ пропадаютъ и люди, такъ что въ концѣ оказывается, что лопари не только сами ничего не получаютъ за свой каторжный трудъ, но еще и приплачиваются за него. Гонятъ инородца въ лѣса нужда неисходная, необходимость представить подать деньгами, которыхъ у него нѣтъ. Поневолѣ и гибнутъ на непосильной работѣ!

Опять издали послышался ревъ порога. Еще мы были далеко отъ него, а ужь лодку начало бросать о камни, какъ щепку. Отъ быстроты теченія Туломы съ нами дѣлалось головокруженіе.

— Ну тутъ ужь нельзя на проломъ идти, замѣтила Наталья, направляя лодку въ сторону.

— Куда же ты?

— По берегу пѣшкомъ, а лодку на веревкѣ протянемъ.

Такъ и сдѣлали. Мы сошли, и то взбираясь на груды камня, уснастившаго берегъ, то сходя внизъ почти къ самой водѣ, шли вдоль рѣки. Лодку тянули, осторожно обводя ее вокругъ выдавшихся гранитныхъ мысовъ, гдѣ Тулома кипѣла и билась, какъ бѣшеная. Порогъ по истинѣ былъ ужасенъ. Скалы тѣсно уставились по всей рѣкѣ, между ними были такіе промежутки, въ которые не пройдетъ и узкій челнокъ. Вода между ними какъ-то клубилась, словно не волны, а тучи шли черезъ порогъ. Брызги высоко серебристою дымкою стояли

подъ солнцемъ. Нельзя было разслышать собственнаго голоса. Матшкуга что-то показывалъ мнѣ знаками, но что—я не могъ сообразить. Заведя лодку въ тихія мѣста, гребцы отдыхали и потомъ вновь начиналась медленная и трудная работа. Около Кривецкаго порога есть цѣлыя горы, намытыя изъ мелкаго камня. Сверху растетъ мохъ, а середина и низъ—слежавшійся щебень.

Пройдя мимо Кривца, я сѣлъ на берегу. Прямо передо мною, черезъ р. Тулому, высокая конусообразная гора съ отлогими скатами, почти незамѣтно переходящими въ другія возвышенности. Съ середины горы обрывается внизъ песчаная осыпь, по которой кое-гдѣ зелеными островками цѣпляется мелкій березнякъ, словно съ боя захватывая мѣста на этомъ непрочномъ спускѣ. Вершина и остальные скаты сплошь покрыты березовымъ лѣсомъ. Направо горизонтъ замыкается берегомъ рѣки, образующей здѣсь поворотъ. Около меня гряда каменьевъ по рѣкѣ. Волны съ грохотомъ катятъ ихъ дальше. Такія же гряды подвижныя, гремучія и въ другихъ мѣстахъ у порога. Берега за порогомъ покрыты прочнымъ еловымъ лѣсомъ, только нѣкоторые скаты, выступая впередъ, покрыты розовыми и желтыми пятнами отъ изобильно выросшихъ на солнопекѣ цвѣтовъ скудной полярной флоры. Бѣдность зелени здѣсь даетъ возможность ярче выдаваться цвѣтамъ. Листва тутъ не глушитъ ихъ вѣнчиковъ, какъ у насъ. Два-три рѣденькіе листка и крупный цвѣтокъ; оттого и кажется берегъ сплошь усѣяннымъ ими. Направо Тулома широко разливается вплотъ до перваго Кривецкаго порога—небольшаго острова съ скалистыми окраинами.

Около меня развѣшаны на берегу лопарскія сѣти на тонкихъ жердяхъ. Тутъ же вытащенные на берегъ два челнока и остовъ строющагося тройника, сшитаго вицей.

— Елы и шняки *) лучше? спрашиваю.

— Лучше.

— Отчего же вы ихъ не строите, а съ неуклюжими тройниками возитесь?

— Да не видали, какъ ихъ строятъ коляне, они намъ не показываютъ, такой завидущій народъ ужь!... А то бы и мы стали на шнякахъ, да на елахъ норвецкихъ плавать.

Понадобилось намъ рыбы.

Старуха лопарка съ дочкою сѣли въ микроскопическій челночекъ и поплыли въ Тулому, закидывая сѣти. Кинули разъ, другой и только въ третій попалось нѣсколько харіусовъ и семга фунтовъ въ десять.

— Сколько тебѣ за нихъ?

---

*) Шняка — безпалубное промысловое судно. На ней бываетъ четыре человѣка экипажа.

— Чего сколько?

— Денегъ.

— Что ты, что ты!.. Съ дорожнаго человѣка грѣхъ деньги брать, Господь промыслу не пошлетъ.

Только у проводниковъ я узналъ, что за пару большихъ жирныхъ харіусовъ слѣдуетъ заплатить 10 копѣекъ, а за двѣнадцати фунтовую семгу—полтинникъ. На рѣкѣ Туломѣ въ эту пору уловъ былъ весьма плохъ, въ другое же время предложить лопарю деньги за рыбу — скорбленіе. Да онъ бы и не взялъ ихъ.

«Странника накормить — мѣсто себѣ въ раю уготовить,» говорятъ туломскіе инородцы.

Семгу и харіусовъ, не очищая, положили въ мѣдный котелокъ и варили въ водѣ, чуть-чуть посоленой. Думалъ было я купить соли.

— Нѣту, голубчикъ, рады бы.

— Что же вы не берете ее изъ Колы?

— Да нынче съ насъ гривенъ по девяти за пудъ соли берутъ-то.

Такъ что выходитъ: на два пуда рыбы коляне мѣняютъ одинъ удъ соли.

— Савинъ своимъ прикащикамъ да промышленникамъ на Падунѣ о семи гривенъ соль отдаетъ.

Пришлось довольствоваться тѣмъ, что было.

Когда рыба сварилась, старуха лопарка чѣмъ-то въ родѣ совка вынула ее изъ воды, положила на куски бересты и подала мнѣ. Приходилось самому отдѣлять чешую, чистить внутренности. Рыбу, которую я отдалъ проводникамъ, съѣли прямо, не очищая. Съ такою же жадностью была выпита и уха. Потомъ, въ томъ же котлѣ, не вымывъ его, мнѣ сварили чаю. Приходилось довольствоваться этимъ супъ e-thé. Лопари почти всѣ пьютъ чай по праздникамъ, но сингельскіе, напримѣръ, приготовляютъ его иногда въ рыбьей ухѣ. Только у самыхъ богатыхъ лопарей водятся самовары, но такихъ на весь Кольскій полуостровъ не больше пяти-шести. У остальныхъ, кто посостоятельнѣе — мѣдные, никогда не луженые чайники. Чайники подвѣшиваются къ козламъ надъ костромъ и чай вскипаетъ нѣсколько разъ, пока наконецъ лопари не разольютъ по глинянымъ кружкамъ густую жидкость.

Семга цѣлымъ стадомъ прокрадывалась вверхъ по рѣкѣ. Я сидѣлъ на каменномъ выступѣ берега и невольно засмотрѣлся на нее. Рыба шла стѣной; штукъ тридцать ея казались неподвижными, а между прочимъ, спустя минутъ пять уже пропали у меня изъ виду. Движеніе ихъ такъ покойно, не смотря на быстроту, что поверхность рѣки здѣсь оставалась такою же зеркальной. Передъ большими камнями, выявшимися на днѣ Туломы, семга пріостанавливалась, съ минуту ви-

сѣла какъ мертвая и потомъ стадо раздѣлялось на двѣ половины, огибало препятствіе съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Болѣе крупная рыба шла впередъ, пятнастыя кумжи были позади, такъ что и здѣсь строго соблюдалась іерархія. Нѣсколько щукъ бойко юркнуло въ воду подо мною. Преслѣдуемый ими маленькій харіусъ ударился было въ берегъ, вильнулъ въ тихую заводь — да тамъ оказались новые хищники, поднявшіе со дна столько песку и такъ замутившіе воду, что мнѣ уже не удалось увидѣть окончанія этой рѣчной драмы...

Меня уже тутъ поразило знаніе лопарями русскаго языка. Казалось, что онъ ихъ природный. Они не только говорили чисто, безъ акцента, но превосходно владѣли всѣми присловьями, поговорками, пословицами. Даже создавали свои пословицы по-русски, такъ соотвѣтствовавшія духу русскаго языка и русскому міросозерцанію, что коляне и кандалакшане заимствовали ихъ у лопарей. Лопари даже прицмокивали, какъ прицмокиваютъ мурманщики. Крайніе западные лопари поютъ даже русскія пѣсни и до такой степени забыли свои, что многіе путешественники стали свидѣтельствовать объ отсутствіи у лопарей собственныхъ пѣсенъ.

— А преданія, былины есть у васъ? — спрашиваю.

— Старыхъ сказокъ нѣтъ. Говорятъ только, какъ шведъ приходилъ и разорялъ лопь, какъ онъ убивалъ мужчинъ и женщинъ, а дѣвушекъ и дѣтей забиралъ въ полонъ. Сказываютъ, какъ на лыжахъ лопари уходили въ дальнія трущобы и лѣсныя пустыни, прятались въ землю.

— Еще толкуютъ, будто лопари ходили къ царю Петру жаловаться на жадныхъ колянъ, хотѣвшихъ отнять у нихъ Падунъ.

Падунъ — большой водопадъ на р. Туломѣ съ богатымъ семужьимъ ловомъ. У нотозерцевъ и сонгельчанъ до сихъ поръ дѣйствительно хранится указъ Петра на владѣніе угодьями. Указъ этотъ пробитъ копьемъ въ знакъ того, что ежели коляне станутъ притѣснять лопарей, такъ идти на колянъ войною.

— Даромъ царь Петръ не велѣлъ отдавать.

— Царь любилъ лопарей, много имъ милостей оказывалъ. Въ Питерѣ самъ все время пословъ нашихъ кормилъ и водкой поилъ.

— Гдѣ же указъ этотъ?

— Такъ мы тебѣ и сказали! всполошились лопари. Указъ лежитъ въ мѣстѣ тайномъ, въ амбарушкѣ на вершинѣ дерева. Не сыскать его.

— Зачѣмъ же вы его прячете?

— А какъ коляне отыщутъ—бѣда. Кому указъ—тому и ловы на Туломѣ. У насъ чиновники изъ Архангельскаго проѣзжали, спрашивали, да мы и то не отдали!

На вечернихъ посидѣлкахъ лопская молодежь поетъ любовныя пѣсни, импровизируя ихъ тутъ же на мѣстѣ.

— И много у васъ такихъ мастеровъ?

— Пѣсни-то составлять? Есть. Поди въ каждомъ погостѣ есть. И чудной же народъ. Любимъ мы ихъ баско. Ладно поютъ, да и весело съ ними. Дѣвки ихъ тоже страсть любятъ. А и то — бѣдно живутъ наши пѣвуны. Ни у нихъ хлѣба, ни у нихъ барахла! Что на себѣ, то и свое. И грабятъ ихъ, страсть! Что младенцы несмышленочки.

Поэты, повидимому, всюду одинаковы!

Зашелъ разговоръ о выгодахъ нынѣшнихъ промысловъ.

— Совсѣмъ обездолили, жаловался лопарь. Теперь, что ни принесешь въ Колу—всему цѣна грошъ. Россомаха—четыре рубля, выдра—шесть, а поди-ко поохоться за ними За дикаго оленя за важенку по рублю десяти копѣекъ даютъ, ди и то еще величаются! За постель (оленій мѣхъ), которая покрасивѣе, всего рубль съ половиной отвалятъ и кланяйся въ ноги. Бѣлокъ тоже бьемъ. Прежде баской промыселъ былъ, да нонѣ всего звѣря извели. Въ Кандалакшу бѣличій мѣхъ сбываемъ по 5 коп. за шкуру. Заячья шкурка не въ примѣръ выгоднѣе, за ту маклаки по пятнадцати копѣекъ платятъ. За куницу дороже даютъ—по 6 р. А горностаи и вниманія не стоятъ. Находишься, находишься за ними, а и всего-то двадцать копѣекъ выручишь.

— А медвѣди встрѣчаются?

— Какъ не бывать, бываютъ. Бьемъ тоже.

— И выгодно?

— Коли мѣховина хороша по 12 р. даютъ Савинъ и кандалакшане, ну а похуже — и десять напросишься. Рѣдки стали нонѣ медвѣди.

— Птичьяго промысла на Туломѣ нѣтъ?

— Лебедей бьемъ, за шкурку по двугривенному выручаемъ, за гуся по 60 коп. Кола платитъ — на мясо.

— Теперь, вмѣшался другой лопарь, по рѣкѣ у насъ нерпы много — а не бьемъ ее.

— Чего же смотрите?

— Не заведено у насъ, въ рѣкѣ бить. Въ морѣ бьемъ. А здѣсь подъ руками, до самаго Падуна доходитъ.

— Намъ супротивъ русскихъ ничѣмъ не взять. Теперь кольскіе хозяева да и поморы на промысла насъ берутъ въ покрученники. Мы сработаемъ столько же, сколько и мурманщикъ, а только ему платятъ вдвое противъ нашего. Лопарь получаетъ $^1/_2$ доли.

— Что же хозяева не дорожатъ вами?

— Какъ не дорожатъ. Имъ лопарь способнѣе. Потому лопарь робокъ. Лопарь опасливъ, боится супротивъ хозяина что сдѣлать. Теперь хозяинъ русскимъ даетъ снасти, да потомъ и выкупаетъ ихъ, — про

пьютъ, а то проѣдятъ. А лопарь—никогда на это не пойдетъ. Онъ и въ цѣлости все предоставитъ, что получилъ.

Тутъ же на Кривецкомъ порогѣ я самъ убѣдился, какъ безвыгоденъ лѣсной промыселъ лопарей. Бревна, срубленныя въ лѣсу, приходится доставлять на рѣку—руками. Лошадей нѣтъ, а олени лѣтомъ—не возятъ. Сплавляютъ бревна такъ. Къ заднему концу бревна привязываютъ челнокъ. Порогъ несетъ бревна и лодки, причемъ нужно громадное искусство, чтобы предупредить столкновеніе о камни, со всѣхъ сторонъ подымающіе изъ вспѣненной массы свои острые зубья. Часто плотъ застрянетъ въ щеляхъ, нужно его выручить оттуда. Если при этомъ сообразить — сколько бревенъ останется въ порогѣ изломанными, испорченными, оторванными отъ плотовъ, то только тогда можно понять, насколько безвыгоденъ промыселъ туломскихъ инородцевъ. Въ одномъ Кривецкомъ порогѣ лопарю приходится сидѣть цѣлый день, въ Сосновскомъ тоже, въ Сухомъ день и въ Килибухѣ полдня. Оказывается, чтобы протащить восемь бревенъ до Колы (больше по рѣчнымъ ухожьямъ и по мѣстнымъ условіямъ нельзя) то нужно на одни пороги употребить 3½ дня, да три на сплавъ по рѣкѣ, да три на срубъ и очистку. Слѣдовательно, для заработка 1 р. 60 коп. лопарь убиваетъ 10 дней! При этомъ не забудьте, что зачастую челнокъ его разбивается, лапти стираются о подводные камни, когда онъ бродитъ въ порогахъ, выручая застрявшія бревна. Изъ-за чего же трудится этотъ несчастный?..

Вода въ Туломѣ необыкновенно тепла. Здѣсь можно купаться даже и въ августѣ. По берегамъ, начиная отъ Кривца, къ югу растетъ много шиповнику. Съ страннымъ чувствомъ, здѣсь на крайнемъ сѣверѣ, я встрѣчалъ этого южнаго знакомца. Тонкое благоуханіе его переносило грезу далеко отсюда, къ другому теплому морю, въ синихъ заливахъ котораго лѣниво колышатся тысячи судовъ, а на зеленѣющихъ берегахъ кипитъ могучая жизнь въ сотняхъ городовъ и деревень, гдѣ неустанно бьются великіе пульсы промышленности и торговли. Какая противоположность съ этою мертвою пустыней, съ этимъ безлюдьемъ!

Отъ острова Вольчана, близъ Кривецкаго порога, пришлось подыматься вверхъ по берегу, сплошь заваленному громадными камнями и обломками скалъ, намытыхъ сюда стремительнымъ теченіемъ Туломы. Ноги уставали на первыхъ порахъ. Только-что взберешься на гребень почти отвѣснаго куска гранита—какъ скользишь и опять попадаешь въ сырую и рыхлую лощину. А удастся добраться до гребня—не легче. Острые выступы камня рѣжутъ ногу, поминутно оступаешься. Нѣкоторые камни въ мягкую почву берега вонзились острымъ концомъ и кое-какъ держатся. Ступишь на такой, какъ вдругъ пере-

мѣщается центръ тяжести и вы летите внизъ во вспѣненную массу воды. Куски вывѣтрившихся породъ осыпаются при каждомъ вашемъ шагѣ. По неволѣ черезъ каждыя четыре, пять верстъ такой дороги приходится отдыхать на первой гладкой поверхности гранита. Прибавьте къ этому, что, путешествуя по рѣкамъ Лапландіи, вы находитесь постоянно въ фокусѣ, гдѣ сосредоточиваются солнечные лучи, отраженные береговыми горами; понятно, какая жара должна стоять здѣсь, когда нѣтъ сѣвернаго вѣтра! Уже впослѣдствіи я привыкъ ко всѣмъ этимъ неудобствамъ и не очень сокрушался, а въ первое время было очень жутко. Въ двухъ мѣстахъ мнѣ пришлось перебираться вбродъ черезъ ручьи, впадавшіе въ Тулому, теченіе которыхъ было въ это время года очень быстро... Ольховая поросль начиналась невдалекѣ отъ берега, заваленнаго каменьями, и уходила далеко внутрь ущелій. Изъ этихъ лѣсистыхъ трущобъ поминутно вырывались потоки съ красною желѣзистою водою и гремуче впадали въ Тулому. Иные падали съ уступовъ. Такъ напримѣръ, мнѣ въ одномъ мѣстѣ пришлось пройдти словно въ ворота, образуемыя налѣво отвѣснымъ уступомъ берега, а направо граціозною битью воды, падавшей съ этого уступа. Въ другомъ мѣстѣ струя «Вольнаго ручья» сбила меня съ ногъ и я поневолѣ выкупался въ Туломѣ, куда меня вынесло, не смотря на мои старанія уцѣпиться за одинъ изъ камней, торчавшихъ у берега. Я, разумѣется, былъ очень комиченъ, но утѣшался тѣмъ, что не со мной однимъ бываютъ такіе казусы: минуту спустя, лопарь проводникъ оборвался съ обрыва, подъ которымъ чернѣлъ бездонный омутъ. Паденіе тоже обошлось безъ несчастій; лопарь плавалъ какъ рыба. На минуту я его потерялъ изъ виду, но потомъ увидалъ на берегу, уже впереди, покойно отряхивавшагося по выходѣ изъ воды. Онъ добрался тремя нырками до болѣе доступнаго берега и благополучно вышелъ на него. Спустя полчаса его совершенно высушило солнце.

— Бѣдовое дѣло! замѣтилъ онъ. Тутъ часто какъ-то бултыхаться приводится.

— И всегда удается выбраться?

— Какъ кому. Братанъ у меня былъ. Тотъ поѣхалъ по рѣкѣ выше Усть-озера и совсѣмъ жизни рѣшился. Только его и видѣли. Плавать не могъ, ишь тутъ какъ вода *яро бѣжитъ*.

— Да, вода сильная, *грудью валитъ*.

— Вода—*самый жаръ!* замѣтила и Наталья.

Какъ мѣтки и живописны эти выраженія, несмотря на всю ихъ безъискусственность!

Дальше за Кривцомъ вверхъ теченіе Туломы становится спокойно до слѣдующаго порога. Берега поросли кое-гдѣ еловыми лѣсами, и какъ они кажутся мрачны сравнительно съ островками, покрытыми весе-

лымъ и кудрявымъ березнякомъ, отчетливо выдѣляющимся своей молодой и свѣжей зеленью на суровомъ фонѣ береговаго чернолѣсья!

— Тутъ въ лѣсу много звѣря есть, да ловить его неладно.

— Лѣшаки водятся. Силы нечистой много.

— А ты слыхалъ, что попъ говорилъ въ церкви? вступалась отрицавшая нечистыхъ духовъ Наталья.

— Попу ладно говорить-то, ему въ наши лѣса дороги не указаны, нужды нѣтъ ему по нашимъ гущамъ ходить! Ладно такъ-то, сидя въ Колѣ, языкомъ болтать. Ну-ко сунься въ лѣсное царство это, не разъ замолишься Богу!...

Кое-гдѣ даль раздвигается и взору открываются очаровательные виды. На плесахъ р. Туломы, верстахъ въ трехъ выше Кривца, мы встрѣтили многочисленные выводки гагаръ. Они не уплывали отъ лодки, а спокойно пересѣкали ея направленіе. Часто они тормошились на водѣ рядомъ съ челнокомъ. Видно было, что дичь здѣсь непуганая.

Широкая песчаная полоса берега сверкала подъ солнцемъ словно золотая. За нею тянулись изумрудные холмы роскошныхъ пажитей на темномъ фонѣ еловаго лѣса. А еще дальше за лѣсомъ выдвигались освѣщенныя солнцемъ вершины горъ, на которыхъ ягель казался горящимъ палевымъ блескомъ.

— Много тамъ дикаго оленя ходитъ, указалъ на эти романтическія горы мой проводникъ.

— Что же, охотятся?

— Какъ не охотиться. Только трудно. Спуски крутые, проваловъ много. Случается, что совсѣмъ пропадаютъ промышленники. Опять же комаръ не пускаетъ.

— Какъ это? изумился я.

— У насъ, братъ, комаръ — птица сильная. Какъ туча стоитъ въ горахъ, а въ этой тучѣ версты три. Войди-ка, попробуй. Случалось и такъ, что комаровъ туча ѣстъ, да гонитъ человѣка, ну и бѣжитъ онъ отъ нея пока силы есть, а потомъ упадетъ—такъ и заѣдятъ до смерти. Страшная мука, поди и на томъ свѣтѣ такой не бывать?

Верстъ пять выше Кривца, теченіе становится до того покойно, что берегъ со всѣми очертаніями своими, каждымъ камушкомъ, каждымъ кустомъ шиповника такъ и отражается въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Вода, кажется, стоитъ какъ въ чашкѣ. Лѣсъ отпрокинулся въ ней и рисуется всякою мелкою вѣткой. Каждая песчаная лѣсная промежь и въ рѣкѣ змѣится золотою битью. Плесы раздвигаются здѣсь на двѣ версты въ ширину. Изъ мелкой рѣченки, шумѣвшей на каменныхъ отмелахъ, Тулома достигала здѣсь четырехъ саженъ глубины, а въ одномъ мѣстѣ я нашелъ 5 саженъ и три фута.

Всего красивѣе, когда солнце ударитъ въ лѣсъ сзади. Березки впе-

Лопарская ставка и рыбная ловля.

реди насквозь кажутся золотыми, а ели позади дѣлаются совершенно черными. Въ плесахъ вода была удивительно прозрачна. Словно на ладони видѣлись громадныя щуки. Мимо проплывали цѣлыя стада семги. Юркіе харіусы гонялись за какими-то мелкими рыбками, а пятнастыя жирныя кумжи поминутно выскакивали изъ воды и перекидывались надъ нею.

— Въ этихъ плесахъ раздолье рыбу ловить, замѣтилъ лопарь. Тутъ ее сколько хочешь. Ловы обильные бываютъ. Случается въ одну варю пуда по три валятъ. Потому соли нѣтъ—беречь незачѣмъ. Не назадъ же въ рѣчку бросать. А вотъ если буря въ плесахъ — плохо. Вода, что въ котлѣ кипитъ. Волны настоящей нѣтъ, а лодку подбрасываетъ. Иногда посереди озера лодка разсыплется отъ этого... Ну, тогда плохо, на берегъ не выплывешь! Захлестываетъ и дышать не даетъ. Разъ это было со мною. Поднялась буря и стало подкидывать лодку, а волны кругомъ все захлестываютъ ее да заливаютъ. Ужь и спасся только какъ молитвы Варлааму Керетскому да Николѣ угоднику прочелъ.

— А Никола угодникъ генералъ былъ, вмѣшался другой лопарь.

— Какъ генералъ! изумился я.

— Есть у меня образокъ. Въ Колѣ купилъ. Сидитъ Никола на лошади, на немъ апалеты, въ рукахъ большой мечъ и все онъ турокъ топчетъ, а турки-то подъ нимъ маленькіе, такъ безъ головъ и валятся...

Случается часто, что коляне сбываютъ подъ видомъ образовъ разныхъ генераловъ суздальской работы лопарямъ. Такъ, разъ, между прочимъ, я въ одной тупѣ нашелъ дешевую берлинской работы иллюстрацію: кривоногій франтъ во фракѣ играетъ на скрипкѣ, подплясывая. Спрашиваю—что такое?

— Царь и псалмопѣвецъ Давидъ!... набожно крестясь, отвѣтилъ лопарь. А это молитва внизу, указалъ онъ на пошлое нѣмецкое четверостишіе.

— Какая же молитва?

— Помилуй мя, Боже!...

Въ одномъ мѣстѣ мнѣ даже не повѣрили, когда я сталъ разувѣрять ихъ.

— Ты думаешь мы тебѣ отдадимъ Бога?... сообразили наивные лопари, — нѣтъ, братъ, приходи завтра. Онъ намъ самимъ надобенъ.

— Безъ Бога никуда...

— Куда безъ него, не уйдешь!...

Мелкіе ручейки по сторонамъ одни нарушали величавое молчаніе этой свѣжей рѣчной пустыни. Нѣкоторые изъ нихъ не больше двухъ саженъ въ ширину и гремятъ какъ водопады. Обрывистые берега ихъ окаймлялись темными стѣнами густого лѣса. Плывешь внизу — и неба

не видно. Вершины деревьевъ переплелись арками... Разъ на одномъ изъ такихъ ручьевъ попался намъ медвѣдь. Недвижно лежалъ онъ на выступѣ берега и только неодобрительно покачивалъ головою, встрѣчая людей, смѣло врывавшихся въ его исконное царство.

— Развѣ онъ не бѣжитъ человѣка? спрашиваю.

— Да онъ, можетъ, человѣка-то впервой видитъ....

Лопарскія вѣжи.—Идиллія.—Тьеръ въ вѣжѣ.—Собаки и олени у лопарей.—Вѣсующіяся. — Отчего являются фамиліи. — Отношеніе инородцевъ къ школѣ.—Зеленая чаща.—Встрѣча съ волками.—Ночь во мхахъ.—Змѣи.—Плесы.—Охота.—Островъ Юркинъ. — Влизъ водопада. — Падунъ.—Лопари-рыболовы. — Савинъ.—Въ тупахъ. — Нуотъ-озеро — Сонгельскій погостъ.—Возвращеніе въ Колу.—Поѣздка по губѣ.

Тутъ же на берегу мнѣ пришлось въ первый разъ познакомиться съ лѣтнимъ домовищемъ лопаря — вѣжей. Нѣкогда лопари и зимою жили въ такихъ землянкахъ, но съ приходомъ русскихъ многое измѣнилось. Лопарь еще не строитъ избъ, но уже ставитъ тупы, которыя и будутъ описаны въ своемъ мѣстѣ. Вѣжа—шатеръ изъ жердей, крытый дерномъ, въ основаніи она четыреугольная. Бревна, врытыя въ землю, составляютъ родъ фундамента. Двѣ стѣны устраиваются скатомъ и образуютъ острый уголъ, двѣ остальныя перпендикулярны. Дернъ лѣтомъ покрывается травою, такъ что издали вѣжа кажется зеленымъ холмомъ. Часто вѣжа имѣетъ въ основаніи видъ шестиугольника. Она строится тогда нѣсколько иначе. Въ видѣ фундамента кладется съ каждой стороны по два обсѣченные бруса одинъ на другой. На нихъ по передней и задней стѣнамъ утвержденъ перпендикулярно рядъ бревенъ, составляющихъ треугольникъ. Наклонъ этихъ двухъ стѣнъ не такъ значителенъ. Боковыя устроены иначе. Балясины тутъ не доходятъ до верху, а только до половины высоты вѣжи; отсюда идетъ уже поперечная кладка вплоть до отверстія вверху, сквозь которое выходитъ дымъ. Пирамида такой вѣжи, имѣющей въ основаніи шестиугольникъ, состоитъ изъ двухъ наклонныхъ стѣнъ-параллелограммовъ и изъ четырехъ трехугольныхъ, по двѣ соединяющихся катетами подъ весьма незначительнымъ уклономъ. Дверь всегда на деревянныхъ петляхъ.

Въ вѣжѣ, куда мы вошли, никого не было. Тѣмъ не менѣе двери были даже не притворены, хотя внутри оказались всѣ главныя драгоцѣнности лопаря — мѣдный чайникъ, такой же котелокъ, глиняная посуда и даже — верхъ роскоши — стекляной стаканъ. Полъ вѣжи, по обыкновенію, былъ устланъ березовыми вѣтвями. Въ вѣжѣ, что въ банѣ — вѣниками пахнетъ, говорятъ коляне. Прямо противъ двери,

посрединѣ пола, очагъ. Надъ нимъ козлы для подвѣшиванія котловъ. По обѣимъ сторонамъ очага—два бревна. Между ними и стѣнами вѣжи направо ложатся мужчины, а налѣво женщины. За очагомъ перпендикулярно къ задней стѣнѣ тоже два бруса; между ними складывается вся семейная утварь. Для болѣе драгоцѣнныхъ вещей прибиваются полочки къ вертикальной стѣнѣ этого жилья. На полочкахъ иконы, металлическія вещи, суздальскія картинки, зеркальца. Въ вѣжѣ же протягивается и жердь, на которой сушатъ вареги, обувь, платье. Такимъ образомъ, здѣсь на очень небольшомъ пространствѣ, всему отведено свое мѣсто, все строго распредѣлено.

Внѣ вѣжи у дверей вбиты въ землю колышки, къ которымъ привязываютъ собакъ. Иначе онѣ бы растаскали всю рыбу изъ ямъ и скеевъ, гдѣ ее сушатъ инородцы.

Какъ въ этотъ разъ, такъ и впослѣдствіи, куда мы ни входили—всюду оказывались оставленными «для странниковъ» соль въ туяскѣ (буракъ) и хлѣбъ съ рыбой на берестяныхъ «подонахъ».

— Благослови Господи! встрѣтили насъ въ сосѣдней вѣжѣ, куда мы зашли изъ пустой.—Садитесь, гости будете.

Въ почетномъ углу сидѣла старуха. Она вязала чулокъ изъ шерсти, спряденной ею же. Лопари держутъ для этого своихъ овецъ. Женщины ихъ изъ такой шерсти приготовляютъ всѣ принадлежности лапландскаго костюма, исключая, разумѣется, мѣховыхъ бастрюковъ и сапогъ или кеньгъ.

— Откуда Господь несетъ?

— Изъ Колы.

— По торговому дѣлу?

— Нѣтъ. Любопытно на васъ посмотрѣть.

Лопари уставились на меня.

— Что-жъ любопытно... экій ты какой... блажной... Къ намъ только промышленики заглядываютъ... да и ты поди такъ... тоже какое дѣло есть. Кто въ нашу пустынь богоданную волей придетъ. . Никому до насъ дѣла нѣтъ... Чиновнику, если что нужно, онъ насъ въ Колу вызоветъ, а самъ въ наши вѣжи ни ногой. Попы, тѣ прямикомъ въ церкви ѣздятъ...

Я имъ пояснилъ цѣль своей поѣздки.

— Такъ... что жъ посмотри, дѣло Божье... А только, что у насъ любопытнаго есть. Живемъ, какъ олени... дико живемъ.

Старуха молча вязала, не обращая на насъ никакого вниманія. Она до смѣшнаго была похожа на нашихъ уѣздныхъ кругленькихъ чиновницъ. И вздыхала также, и ротъ себѣ крестила, «чтобы туда не проскочилъ чортъ». И также поджимала губы, когда сбивалась петля или перепутывалась пряжа.

— Ничего у насъ любопытнаго нѣтъ. — Ступай въ Норвегъ, тамъ есть что посмотрѣть: дома... трактиры!...

— А ты ужь и съ трактирами знакомъ?

— Я-то? Да я на Сонцовской шкунѣ и въ Гамбурхъ ходилъ. Двадцать лѣтъ въ матросахъ былъ, да, слава Богу, домой вернулся.

Пришлось подивиться тому, какъ эти люди, десятки лѣтъ проживъ между русскими и за границей, неизмѣнно возвращаются къ тому же полукочевому образу жизни. Впечатлѣнія ли дѣтства, или наслѣдственная привычка-инстинктъ?... Рѣшить трудно.

— Гдѣ пріѣзжій? спросилъ старикъ лопарь, входя въ вѣжу.

Я оглянулся и ротъ разинулъ.

Представьте себѣ — Тьера, бывшаго президента французской республики, въ вѣжѣ у лопаря. Тѣ же складки на лицѣ, тотъ же окладъ, тотъ же ростъ. Можно было подумать, что Тьеръ перерядился въ костюмъ русскаго лопаря и скрывался на Туломѣ. Сходство было поразительное.

— А тебѣ что?

— Просимъ милости, благословитесь! И Тьеръ поднесъ намъ здоровенную семгу...

— Только-что выловили. Первая добыча. Промыселъ сей день начали... Коли гостю подать — благой уловъ будетъ... Не обидьте.

Я ужь на столько знакомъ съ лопарскими обычаями, что безпрекословно взялъ рыбу.

— Князь-рыба! прикинулъ ее на рукѣ мой гребецъ.

Хотѣлъ я было дать денегъ—не взяли. Подарилъ мелкаго «марли» —поблагодарили.

— Это хорошо... отъ комаровъ. Проволоку для лица скрутимъ, а округъ этой обошьемъ, — комаръ и не тронетъ... Чудесное дѣло...

Не успѣлъ я часа провести здѣсь, какъ ко мнѣ натаскали цѣлую груду рыбы.

— Да куда же дѣвать это, братцы!

— Кушай... на здоровье ѣшь...

Мой проводникъ икнулъ даже, выказывая тѣмъ свое удовольствіе. Лопари поблагодарили его за это выраженіе величайшей мѣстной галантности.

Чѣмъ больше наполнялась народомъ вѣжа, тѣмъ воздухъ въ ней становился невыносимѣе. Наконецъ, просто нечѣмъ было дышать, а тутъ еще стали раскладывать огонь для варки ухи... Дымъ ѣлъ глаза, заползалъ въ носъ, ротъ, — а лопари только почесывались да кивали другъ другу головой, входя въ жилье.

Я помню только, что мнѣ стало дурно, и я почти ползкомъ выбрался изъ вѣжи.

— Отуманило! рѣшили лопари.

— Это съ непривычки. Тоже неладно.

Впослѣдствіи я даже не пытался входить въ вѣжу. Во-первыхъ при всѣхъ своихъ достоинствахъ, лопари, какъ и всѣ вообще рыбаки, крайне нечистоплотны. Мнѣ достаточно было провести два часа въ первой вѣжѣ, чтобы сильно поплатиться за это. Даже когда вѣжа пуста—въ ней слышенъ какой-то смрадъ. Впрочемъ, это совершенно понятно, если сообразить, что здѣсь на двухъ квадратныхъ саженяхъ помѣщается иногда до десяти человѣкъ, причемъ только отверзтіе вверху служитъ чѣмъ-то въ родѣ вентилятора. На ночь дверь вѣжи притворяется плотно, а во время дождя сюда же загоняютъ и собакъ, которыя сбиваются въ кучу между людьми. Я встрѣчалъ впослѣдствіи вѣжи, гдѣ вмѣстѣ съ людьми помѣщались не только собаки, но и овцы. При такихъ условіяхъ, нельзя было ожидать найдти удобный пріютъ въ этомъ незатѣйливомъ жильѣ сѣвернаго номада-оленевода. Я принялъ поэтому за правило —передъ ночлегомъ выбирать сухое мѣсто на берегу рѣки или на плѣшкѣ холма, раскладывать одѣяло и ложиться. Часто всю ночь шелъ мелкій дождикъ, но, утомленный дневными переходами, я засыпалъ какъ убитый! Еще я считалъ особенною роскошью, если можно было вытащить лодку и опрокинуть ее килемъ вверхъ надъ моимъ первобытнымъ ложемъ. За то въ хорошія ночи, въ августѣ, такіе ночлеги были прелестны. Случалось, проснешься — кругомъ пустыня... Слышишь только, какъ шумитъ рѣка въ порогахъ, да вверху надъ тобою сверкаютъ холоднымъ, голубоватымъ блескомъ звѣзды полярной ночи, или мѣсяцъ обливаетъ серебрянымъ свѣтомъ палевыя пространства ягеля, черныя стѣны еловаго лѣса и широкую гладь молчаливаго плеса... Если нѣтъ вблизи порога — тишина бывало настраивала душу на какія-то религіозныя созерцанія... Бывало плеснетъ кумжа въ плесѣ и этотъ плескъ уловитъ ухо... Изъ чащи порой донесетъ какой-то шорохъ... И жутко, и хорошо, и никуда бы не ушелъ изъ этой привольной пустыни!

Изъ приведеннаго разговора видно, насколько лопари обрусѣли. Они не только хорошо говорятъ по-русски, они даже думаютъ по-русски, составляютъ русскія пословицы, которыя у нихъ перенимаютъ наши мурманщики и коляне. Только нѣкоторыя женщины, и то дальнихъ погостовъ, не понимаютъ русскаго языка. Лопари норвежскіе, пожившіе четыре, пять лѣтъ у насъ, превосходно владѣли русскимъ языкомъ, тогда какъ финны, поселившіеся въ Кандалакшѣ и Колѣ лѣтъ съ десять назадъ, коверкаютъ наши слова и зачастую не понимаютъ самыхъ обыкновенныхъ фразъ.

— Мы тѣ же русскіе, говорятъ лопари. Одинъ Богъ, одинъ царь, одинъ языкъ у насъ.

— Тѣ же русскіе, да ваши насъ своими не считаютъ, говорили другіе, жалуясь на колянъ и кандалакшанъ.

— Скоро мы и свой языкъ забудемъ... Есть уже и теперь такіе, что по-лопски не понимаютъ...

— Теперь у меня братанъ въ Колѣ живетъ, тамъ и выросъ, по-нашему ничего не можетъ, а по-русски, да по-норвецки хорошо говоритъ.

За дверями вѣжи тихо повизгивали собаки, заливаясь иногда мелкимъ, дробнымъ лаемъ.

— Чего это онѣ у васъ.

— Голодны вишь...

— Такъ накормите ихъ.

— Послѣ трапезы. Поѣдимъ сами и имъ дадимъ.

Скоро ко мнѣ была принесена уха. Неочищенная рыба варилась прямо въ котлѣ. Я думаю, что тамъ сразу было приготовлено до двухъ пудовъ семги.

— Не жаль вамъ столько рыбы губить?

— А куда ее... Солить нечѣмъ на зиму, соли нѣтъ; для себя золой солимъ да вялимъ. А остаточное не назадъ же въ рѣку кидать. У насъ случается пудовъ по пяти валятъ на одну варю... Теперь еще знойно, рыбу для продажи не сбережешь... А завтра она уже и духъ изъ себя дастъ...

Бросили собакамъ, тѣ съ жадностью принялись за головы и кости.

— Зимой-то онѣ отощаютъ, ну лѣтомъ и ладно... Къ Вздвиженію (14 сентября) такія-ли толстыя станутъ. Жиру нагуливаютъ.

Собакъ сверхъ того держатъ для охоты за оленями. Дикаго оленя собака чуетъ верстъ за десять, какъ это ни невѣроятно съ перваго раза. Ведетъ за нимъ она безошибочно. Охотнику остается только слѣдовать за нею, не уклоняясь въ сторону. При приближеніи къ животному собакамъ завязываютъ глаза, иначе они распугаютъ все стадо и угонятъ оленей далеко. Дѣло въ томъ, что лапландскія собаки, при невѣроятномъ чутьѣ, вовсе не дрессированы. Собаки же стерегутъ домашнихъ оленей. Мы не останавливаемся на описаніи собакъ и оленей у лопарей, такъ какъ это сдѣлано уже нами въ другомъ мѣстѣ.

Дикіе олени, когда мы за ними охотились, жили на вершинахъ ягелевыхъ горъ, спасаясь въ холодкѣ отъ комаровъ. Нѣкоторые лопари угоняютъ на это время своихъ животныхъ къ морю съ тою же цѣлію. Дикіе олени прокладываютъ тропки въ лѣсахъ къ рѣкамъ, куда ходятъ пить воду по одиночкѣ въ «комариную пору» лѣтомъ, а зимою вмѣстѣ. На оленя идутъ рано утромъ. Ихъ стрѣляютъ изъ ружей или ловятъ ихъ на «кормнаго» — домашняго оленя-самку, за которой притаясь,

идаетъ лопарь. При этомъ упрямятся только молодыя животныя, то ихъ и связываютъ, какъ они попадутъ въ руки охот- Старые олени, попавшіеся «на самку», безпрекословно слу- гъ игна (сыромятнаго ремня, возжи) и покорно идутъ за чело- къ. Укрощаютъ оленей и другими способами. Ихъ привязываютъ ереву и не даютъ имъ ѣсть. Спустя два дня, животное само ится къ хозяину. Лижетъ ему руки, бѣжитъ за нимъ. Оно стано- уже вполнѣ ручнымъ. Тутъ ему выжигаютъ тавро и пускаютъ гадо.

дѣсь же на привалѣ я хотѣлъ убѣдиться, насколько вѣрны свѣ- о бѣснующихся лапландкахъ. Разсказы, слышанные мною, ока- ь справедливыми. Если лопку испугать—она вся обезумѣетъ и съ ни попало кидается на человѣка. Такимъ образомъ въ лопарскую или тупу нужно входить осторожнѣе.

- Зимой одинъ русакъ, разсказывалъ мнѣ лопарь, похожій на а,—подъѣхалъ на оленяхъ къ тупѣ и разомъ, не стучась, отворилъ . Одна только лопка и была тамъ. Спужалась страшно, схватила а волосы и давай таскать по всей тупѣ. Таскаетъ, ругается и а ищетъ, чтобы зарубить. Такъ-бы и зарубила, если-бы мы крика слыхали. Прибѣжали — отняли. Потомъ отошло отъ нея, спра- емъ: ничего не помнитъ. Русакъ такъ испугался, что въ кережкѣ съ же домой уѣхалъ...

- Тоже было разъ. Промышленникъ одинъ кандалацкій отворилъ вѣжи, да видитъ, что лопка у огня сидитъ и его не примѣчаетъ. утить захотѣлъ да испугать. Заоралъ на нее. Ну, однако самъ едва унесъ. Какъ она схватитъ головню да кинется за нимъ. Версту . Кричитъ и плачетъ и головней грозитъ. А потомъ заснула и номъ прошло. Тоже не помнила ничего, что съ ней было.

лучалось, что такъ бросались жены на мужей, матери на сыновей, идавшія ихъ и пораженныя внезапнымъ приходомъ Развилось ѣроятно давно, когда лопари боролись съ чудью, когда чудь ами ходила по Лапландіи, подстерегая лопарей и неожиданно ая на нихъ. Какъ бы то ни было, но изъ словъ норвежскаго ссора Фрійса видно, что и норвежскія лапландки тоже подвер- такимъ припадкамъ бѣшенства. А знаменитый Кастренъ свидѣ- твуетъ, что то же самое встрѣчается и у лопарей, живущихъ Эйнаро.

акимъ образомъ болѣзнь эту слѣдуетъ признать общей для всѣхъ ндокъ, такъ же какъ въ другомъ краю нашего сѣвера, въ Пинеж- уѣздѣ Архангельской губерніи, почти всѣ крестьянки страдаютъ й. «Икотница» на сѣверѣ значитъ пинежанка.

лучалось, что испуганная такимъ образомъ лапландка бѣсновалась

по нѣскольку часовъ сряду, причемъ съ нею не могли совладать нѣсколько сильныхъ и здоровыхъ мужчинъ. Другія несчастныя, въ порывахъ такого бѣшенства, кидались въ плесы, въ море, срывались съ горъ въ бездны. Мнѣ разсказывали въ Кодовскихъ горахъ, близъ Нуотъ-озера, какъ лапландка во время такого пароксизма зарѣзала своего мужа и потомъ зарѣзалась сама. За мѣсяцъ до моего посѣщенія сонгельскихъ лопарей, у нихъ старуха, напуганная бродячимъ финномъ, бросилась съ порога рѣки Луты, гдѣ ее разбило такъ, что родные не могли даже отыскать ея тѣла.

Тутъ же на привалѣ меня поразили очень оригинальныя фамиліи нѣкоторыхъ инородцевъ, рубившихъ лѣса для колянъ. Заинтересовался я вопросомъ, какъ онѣ могли появиться.

— Былъ да жилъ у одного колянина въ казакахъ (работникахъ) глупый да хвастливый лопарь. Пошелъ онъ разъ за охотой на токъ, гдѣ мошники. Посмотрѣлъ на токъ да и вернулся. Много ли убилъ? спрашиваетъ хозяинъ. — Да тридцать мошниковъ. — Слава Богу, на долго хватитъ. Гдѣ же они? — А всѣ тамъ остались. —Пойдемъ возьмемъ скорѣй. Пришли съ кережкой — ни одного не нашли. Съ той поры и пошла фамилія Мошниковыхъ.

— Тутъ же у колониста жилъ тоже въ казакахъ лопарь одинъ— Васька. Гнилой такой былъ, да слабый. Только разъ его олень обидѣлъ. Быкъ (самецъ) былъ. Совладать съ нимъ Васька не могъ. Ну и пошелъ Быковымъ зваться...

Приливъ и отливъ чувствуется далеко по Туломѣ. Мы замѣчали его близъ пороговъ Килибуха у Юркинскаго острова. Островъ Юркинъ замѣчателенъ своими великолѣпными пастбищами Его арендуютъ у лопарей коляне, и нѣсколько колянокъ живутъ тутъ все лѣто для покосовъ. Замѣчательно, что косарей на островѣ очень мало, да и живущіе тутъ подчиняются во всемъ женщинамъ.

Къ острову Юркину мы подплыли уже ночью. Я спалъ въ лодкѣ, и смутно помнится мнѣ, какія-то рослыя бабы вытаскивали нашъ челнокъ на берегъ. Туманъ заволакивалъ окрестности до того, что въ нѣсколькихъ шагахъ трудно было что-нибудь видѣть Береговыя горы словно ушли куда-то. Ни звѣздъ на небѣ, ни огоньковъ въ тупахъ... мгла окутала все...

— Кого привезли? слышалось въ этой мглѣ.

— А Господь знаетъ, чего онъ ѣздитъ... изъ Архангельскаго-городка. Сказываетъ, что любопытствуетъ.

— По начальству вѣрно.

— Ну! Обходительный... до зубовъ не дорывается.

— Экъ вы къ зубамъ-то привыкли...

— Анюта! оралъ кто-то въ туманѣ.

— Чего? раздавалось съ рѣки.

— Ступай домой... Уха готова...

Странно было слышать эти голоса, не видя говорившихъ.

— Гдѣ баринокъ? кто-то подходилъ ко мнѣ. Наконецъ лицомъ къ лицу стала. Только тогда и разсмотрѣлъ я рослую бабенку, къ которой какъ нельзя лучше можно было примѣнить выраженіе «поперегъ шире».

— Чего тебѣ?

— Нашего хлебова хочешь?... Уха есть... Поди въ тупу погрѣйся.

Я пошелъ за нею, и скоро потерялъ ее изъ виду. Порою направо и налѣво въ туманѣ двигались призраки и вновь исчезали. Почти на удачу свернулъ я направо. Сквозь туманъ пробилось какое-то желтое пятно. Пошелъ на него, и минуту спустя оказалось, что это растворенная дверь одной изъ тупъ, гдѣ горѣлъ большой огонь въ каменной кладкѣ, замѣнявшей печь...

— Какъ вы въ туманѣ ходите?

— Какъ марь эта ляжетъ, тогда хоть глаза закрой...

— Только намъ привычно. Не сбиваемся съ пути, прямо выходимъ. Мы свой Юркинъ-островъ хорошо знаемъ.

Подсѣлъ къ огню. Послѣ холодной влажности со всѣхъ сторонъ, охватывавшей меня у рѣки, какъ-то пріятно было у яркаго пламени, въ которомъ уже клокотала, выливаясь изъ котла и шипя на угольяхъ, уха...

— По рѣкѣ въ эту пору — втора (бѣда).

— Ни передъ тобой, ни за тобой пути не видать...

— Такъ и гребешь на-слѣпо.

— А тутъ пороговъ не перечесть. Пропадомъ пропадешь и лоскута отъ тебя не останется. Вся Тулома наша съѣстъ. Извѣстно, рѣка жадная. Плесомъ заманиваетъ. Тихо тамъ, ну, а какъ губы распустишь, смотришь въ туманахъ на пороги попалъ и читай молитвы!..

— Какія молитвы! Не помогутъ. Прямо отходную...

— Немало тоже и народу тутъ сгинуло!.. Ивана Астафьева какъ-глонуло... Разомъ.

— Всѣ ли дома? вбѣжала живая, бойкая бабенка той же громадной породы.

— Всѣ. Чего тебѣ? Что пужаешься?

— Арины нѣтъ.

— А ты у Осипа поищи. Найдешь въ самой упрохладѣ.

— Ишь подлая!

— Аль завидно... Сама поди только что отъ Ликсѣя урвалась. Ишь ты, какъ въ тебя бѣсы-то въ глазахъ скачутъ... Поди креста да ладона пуще огня боишься.

— Ну ты! У самой хвостъ-то. Знаемъ, смѣялась вошедшая, подходя къ огню.

— Намъ хвостами не считаться.. У всѣхъ хороши.

— Да что и за парни у насъ! Такъ няша (грязь, слякоть) какая-то!.. Супротивъ бабы ничего не могутъ... Одно слово — быть имъ дѣвками, а намъ за парней сходить Ты баринокъ, такихъ видывалъ ли у себя?.. Обратились ко мнѣ.

— Нѣтъ не видалъ.

— То-то. Гляди пока не уйдемъ. Только пѣтухъ прокричитъ— и конецъ. Всѣ съ марью по земю разойдемся... что дымъ — и слѣда не будетъ.

Я находился подъ такимъ же впечатлѣніемъ, подъ какимъ были европейцы, впервые попадавшіе въ Патагонію. Эти громадныя женщины, бойкія, веселыя, развязныя переносили васъ въ какое-то сказачное царство...

— Насъ чертихами зовутъ...

— Чертихи и есть, по своей волѣ живемъ, никому не покорствуемъ.

— А мужьямъ? спросилъ я.

— У насъ мужья — во гдѣ! И она показала кулакъ. Всѣ здѣсь складены. Захотимъ сожмемъ, захотимъ выпустимъ.

— Мы сами на себя работаемъ, изъ-подъ мужниныхъ рукъ и не глядимъ. Парни на промысла и мы съ ними.... За парней и сами сходимъ.

Скоро весь Юркинъ островъ спалъ. Только еще кое-гдѣ въ рѣдкихъ шалашахъ свѣтились огни и слышался говоръ.

Утромъ, когда я вышелъ, тумана какъ не бывало. Свѣтлая гладь рѣки извивалась среди зеленыхъ береговъ. Растительность чѣмъ южнѣе, тѣмъ становилась гуще. На берегахъ непроходимая чаща. Высокія и тонкія ели едва могутъ вырваться изъ охватившей ихъ отовсюду березовой чащи, а березнякъ едва выпутывается изъ сочной и высокой травы. Плѣшки есть только тамъ, гдѣ мохъ отвоевалъ себѣ мѣстечко.

Верстъ за тринадцать отъ водопада р. Туломы Падуна, развертывается широкій плесъ посреди изумрудныхъ береговъ. Тутъ не замѣтно и теченія. Спокойствіе воды тѣмъ казалось страннѣе, что мы только-что оставили за собой кипящую массу порога. На вершинахъ сквозь деревья видны пажити полеваго ягеля, а внизу тѣ же промежутки между деревьями заткалъ черный мохъ. Дѣвственная пустыня молчала повсюду...

— Тутъ и звѣря не мало у васъ?

— Есть, какъ не быть! Волки бываютъ... Ходятъ все больше потрое. Оленей, подлые, страхъ рѣжутъ...

— Ловите ихъ?

— Бьемъ по малости. Невыгодно. За нимъ недѣлями находишься, да и то изъ глазъ уйдетъ, проклятый, а за шкурку коляне всего рубль даютъ, много-много рубль двадцать. У насъ волки особые. Шерсть таково ли густа, не проберешь... Человѣка не трогаютъ, если сыты, ну, а голодные стадами нападаютъ... Недавно въ лощинѣ одной нашли мы лопина одного, изъѣденнаго волками...

— Ихъ, главное, не трожь...

Впослѣдствіи я часто встрѣчался съ волками. На этой же самой Туломѣ мнѣ попалось на берегу ихъ штукъ пять. Въ другой разъ проснувшись ночью, я увидѣлъ волковъ, словно выжидавшихъ моего пробужденія, чтобы начать въ чернолѣсьѣ свой отвратительный концертъ...

Не смотря на жары, листы кое-гдѣ уже начинали желтѣть. Тамъ и сямъ показывалась краснина.

Подъ защитой горъ здѣсь должны хорошо приниматься огороды. На Нуотъ-озерѣ священникъ Григорій Терентьевъ пробовалъ сажать овощи, и съ большимъ успѣхомъ. Мурманскіе колонисты въ губахъ Земляной, Паченгѣ и Ужѣ сажаютъ брюкву, морковь, рѣпу и картофель. Сборы съ огородовъ были тамъ очень удачны, только капуста вся выходила въ трубку...

Мѣста становились все живописнѣе.. Глядя на берега, я удивлялся, почему въ эту свѣжую пустыню не уходили гонимые за вѣру русскіе люди. Все это голутвенное, обнищалое, ободранное сектаторство, искавшее себѣ пріюта въ смоленскихъ и пинскихъ бологахъ, въ трущобахъ Сибири, миновало русскую Лапландію, гдѣ все настраиваетъ человѣка на мирный ладъ, куда и теперь немыслимо забраться мало-мальски строгому административному надзору.

Заговорилъ я съ гребцами о семейныхъ отношеніяхъ лопарей, они и нахвалиться не могли ими.

— Дѣвкамъ только лопскимъ плохо...

— А что?

— Воли той нѣтъ, что у колянокъ. Простору нѣтъ, негдѣ ей разойтись. Мать у нихъ никуда не пускаетъ дѣвку. Въ оба за ней смотритъ. Даже рыбу лопка поѣдетъ ловить, а мать тутъ же на бережку сидитъ да посматриваетъ. Потому, коли у насъ дѣвка гуляетъ, по—нашему сраму нѣтъ, а если у нихъ—бѣда. Бывало дѣло, что матери топились отъ стыда, какъ дѣвки ихнія съ парнями спутывались. У нихъ строго. Ежели кто испортитъ дѣвку — жениться долженъ. Если онъ откажется, мать сейчасъ же къ его роднымъ обращается. Ну тѣ заставляютъ жениться, хотя бы онъ богатъ былъ, а она бѣдная. Если и при этомъ онъ не обвѣнчается, то мать и отецъ отказываются кормить ее. Ступай куда хочешь.

— Чтожъ, куда же онѣ уходятъ?

— Почти никогда такихъ случаевъ у нихъ не бываетъ. А то уходятъ къ русскимъ. Въ Колу—наймоваться, въ Кандалакшу идутъ, въ Умбу, въ Поной... У себя имъ не выжить.

— А какже съ соблазнителемъ поступаютъ?

— Бывало и такъ, что родители выгоняли вонъ. Тоже ступай на всѣ четыре стороны... Хоть пропадай.

— А только почти никогда не слыхать, чтобы лопка согрѣшила. Съ русскимъ развѣ.

— Наши ихъ страсть портятъ, особливо мурманщики Какъ идетъ домой съ промысла, ну, тогда ежели деньги ему попали въ лапу, много онъ накрутитъ...

Лѣса становились все гуще и гуще. Здѣсь, какъ на дальномъ югѣ, трудно было безъ топора врубиться въ чащу. Разница только въ томъ, что тамъ въ такую непроницаемую гущу, переплелись роскошныя тропическія растенія, а здѣсь на крайнемъ сѣверѣ ельникъ спутался въ одну массу.

— Поди звѣря тутъ много?

— Не... звѣрю не пройти. Есть тропки, а только рѣдко. Змѣи есть.

Лопари увѣряютъ, что въ этомъ тулумскомъ чернолѣсьѣ водятся змѣи въ $1^1/_2$ и 3 аршина, черныя и пестрыя. Черныя съ желтыми кольцами, ядовитыя, онѣ будто нападаютъ на человѣка. По мѣстному повѣрью, если такой змѣй дохнетъ на человѣка—тотъ весь вспухнетъ и умретъ, если ужалитъ, то почернѣетъ и тоже неизбѣжно умретъ. Если у него есть дѣтеныши, то бросается на каждаго звѣря, проходящаго мимо. Змѣи эти могутъ переплывать плесы и рѣки даже въ порогахъ. Лопари, убивая, подвѣшиваютъ его къ дереву. Я только разъ наткнулся въ окрестностяхъ Экь-острова на такую змѣю. Она уже вся почернѣла, но лопари еще боялись ея.

— Духъ пуститъ.

— Да вѣдь мертвая.

— Что-жъ, что мертвая. Вражья сила есть еще. Нужно, первое дѣло, какъ убилъ ее, прибить гвоздемъ голову къ соснѣ. Ну, тогда ничего. А эта, вишь, вицей привязана. Русскіе тѣшились, знаютъ, что мы боимся.

— Отчего-жъ они не боятся?

— Русскихъ не трогаетъ... Водится эта змѣя южнѣе Нуотъ-озера. Близъ Сонгельчанъ ее много; кишмя кишитъ чернолѣсье. Здѣсь есть, да мало. Лопари называютъ змѣю куубтъ (по-фински — кіярми). Они приписываютъ куубу многія чудесныя качества. Такъ, змѣя можетъ предсказывать будущія несчастья и дать совѣтъ на всякое злое дѣло.

Только разъ, и то у зашеечныхъ лопарей, я слышалъ преданіе, по которому въ змѣй обратились старые боги лопарей.

— Оттого они и хоронятся по чащамъ, что почета имъ нѣтъ.

А какія чудныя озера по Туломѣ начинаются отсюда! Какіе прелестные островки на нихъ. Прямо изъ воды подымаются зелено-золотистыя стѣны травы пышной, пушистой. По срединѣ этого очаровательнаго лужка, пять-шесть молодыхъ, но уже густыхъ березокъ, вокругъ купы кустовъ. И все это стройно, красиво. Какъ хороши эти бѣлые стволы, мелькающіе сквозь нѣжную молодую зелень. Бросить солнце лучи свои въ чащу такого острова—и сразу вырветъ оттуда граціозную картину, на которую нельзя на любоваться. И свѣтится, и красуется она передъ вами, пока не потухнутъ лучи, чтобы тотчасъ же вспыхнуть на другомъ мѣстѣ, озаривъ новый лѣсной эскизъ, такъ смѣло и художественно начертанный рукою лучшаго въ мірѣ живописца — природы.

— Тутъ у насъ луговъ много, и все Кола кортомитъ.

— Къ чему же имъ столько сѣна.

— Въ Норвегію везутъ, для своего скота тоже нужно на зиму припасти.

— Какъ же вы отдаете покосы?

— А на корову.

Я не понялъ.

— На корову сдаемъ. Примѣрно, нужно тебѣ мѣсто на пять коровъ, мы тебѣ и отведемъ его.

Оказалось, что лопари считаютъ на корову по полуверстѣ. За каждый участокъ они берутъ отъ шести до семи рублей. Иногда косить нанимаются при этомъ сами лопари, чаще же коляне присылаютъ своихъ косцовъ.

Прелестные пустынные берега Туломы стали замѣтно оживляться. Поминутно изъ травы вылетали кривцы (кулики). На встрѣчу попадались лодки, хотя и рѣдко. Раза два мы видѣли на пескѣ медвѣжьи слѣды.

— Много у насъ этого медвѣдя есть. Я недавно усмотрѣлъ — черезъ рѣку переплывалъ, не тронулъ, потому я ему поклонился. Если его обидишь на водѣ, онъ-те и на карбасъ (рѣчная лодка) бросится, не посмотритъ.

— Что-жъ вы дѣлаете въ этихъ случаяхъ?

— Коли нежданно да невиданно — въ воду спасаемся, за лодкой хоронимся. Покружится, покружится звѣря эта самая, да надоѣстъ, устанетъ и уйдетъ. Ну, а ежели издали запримѣтили — ловимъ его. Петлю на башку ему бросаемъ... давимъ тоже.

Отсюда до падуна, особенно же выше Нуотъ-озера, встрѣчается

много жемчуга въ притокахъ Туломы. Нынче, лопари не промышляютъ больше жемчужными ловлями, а прежде, случалось, за нитку грошевыхъ бусъ инородцы отдавали цѣлую горсть жемчуга...

— Обездолѣли, оттого и не ловимъ.

— Кому сбыть? Русскій норовитъ грошъ дать или такъ взять. Ну, а къ норвежанамъ далеко... А жемчуга этого самаго сколько хошь. Получай вволю... При дѣдѣ моемъ обычай былъ, чтобы каждый женихъ своей невѣстѣ на шапку жемчугу припасъ. Ну, и промышляли!...

Зашла рѣчь объ охотѣ. Оказалось, что здѣсь промышляютъ лисицъ и куницъ. Лисицѣ кладутъ нѣсколько разъ кормъ на одно и то же мѣсто. Когда она повадится ходить, вмѣстѣ съ кормомъ припасаютъ и капканъ. Куницъ добываютъ въ сѣтку, которую кладутъ на ея нору. Сквозь другое отверзтіе звѣря выкуриваютъ дымомъ. Зимой, когда норы покрыты снѣгомъ, куницъ ловятъ съ собаками, которыя ихъ загоняютъ на деревья, гдѣ и бьютъ ихъ изъ ружей. Иногда куница, спасаясь отъ преслѣдователей, хоронится въ дупла и гнѣзда. Оттуда ее вынимаютъ живьемъ. На медвѣдя ведетъ лопаря охотника тоже собака по слѣду. Если лопарь собирается охотиться на мѣсяцъ, онъ беретъ съ собой полпуда муки, пудъ рыбы сушоной или сырой, въ крайнемъ случаѣ, нѣсколько высушенныхъ хлѣбныхъ лепешекъ и соли. Все это укладывается на оленя «ташками» — мѣшками, по обѣ стороны. Когда уходятъ стрѣлять, оленя привязываютъ къ дереву, причемъ спутываютъ ему ноги веревкой. Случается, что въ это время волкъ зарѣжетъ животное, и лопарь-охотникъ остается почти въ безвыходномъ положеніи. Ему нечего ѣсть. Бывали примѣры, когда лапландскіе Немвроды погибали такимъ образомъ голодною смертью. Порохъ лопари достаютъ въ Колѣ и Кандалакшѣ по невозможнымъ цѣнамъ. Свинецъ для пуль покупается тамъ же, причемъ за фунтъ коляне берутъ двадцать, а кандалакшане пятнадцать копѣекъ. Ружья лопарямъ возятъ кандалакшане, причемъ берутъ за нихъ отъ 5 до 15 руб. Ружья плохи, преимущественно корельской работы, кремневыя. Новыхъ сюда не возятъ вовсе. Правительство какъ-то раздавало крестьянамъ-охотникамъ Архангельской губерніи ружья новыхъ системъ и штуцера. Къ сожалѣнію, лопарямъ не досталось такихъ вовсе. Впрочемъ пистонныхъ ружей лопари избѣгаютъ.

— Мы бы и рады; лучше онѣ, чѣмъ наши кремневыя, да откуда пистоны мы брать будемъ?..

Дробовокъ лопари не покупаютъ вовсе, потому что главный предметъ ихъ охоты—дикихъ оленей—приходится стрѣлять за 80 и за 100 саженъ.

— Охота бы и ладна была, да порохъ дорогъ, ружья плохи, ну, и

а мѣха русаки даютъ мало. Вездѣ обездолѣло, а лопину плоши всѣхъ. Онъ за все про все въ отвѣтѣ...— объясняли мнѣ лопари, жалуясь на нищету свою лютую.

— Вотъ скоро падунъ нашъ увидишь. На что ужъ мѣсто богатое, да толку съ него очень мало!..

Уже въ первую мою экскурсію по дорогѣ къ туломскому падуну я былъ пораженъ тѣмъ, что мѣстные лопари только и толкуютъ объ устройствѣ у нихъ школъ. Видно, прижимка дошла до крайности. «Мы народъ темный, несмышленый. Ничего не знаемъ. Что намъ велятъ, то и дѣлаемъ. Покажутъ бумагу—мы ее прочесть не можемъ; ну и исполняй не по закону. Съ насъ въ одинъ годъ три раза однѣ и тѣ же подати собрали разъ... А была бы школа — съ грамотными такъ нельзя, шалишь. Мы бы нашли тогда управу, не поддались бы!» И это слышится всюду. Я самъ знаю за положительный фактъ, что нѣкоторые кемскіе мѣщане плаваютъ по всѣмъ рѣкамъ Лапландіи, взимая гребцовъ и лодки безъ платежа прогоновъ, при помощи какой нибудь бумаги съ печатью, бумаги, выдаваемой за соотвѣтствующее предписаніе мѣстнаго начальства. Одинъ такой «открытый листъ» мнѣ показывали въ Кандалакшѣ — онъ оказался объявленіемъ о продажѣ во всѣхъ аптекахъ Россійской Имперіи какихъ-то врачебныхъ капсюлей, при чемъ въ концѣ была приложена печать изобрѣтателя. Находились даже такіе остроумные плуты, которые разъѣзжали по Лапландіи съ распиской земскаго почтоваго отдѣленія о пріемѣ отъ нихъ заказнаго письма! И лопари возятъ... Обыкновенно на содержимыхъ ими станціяхъ они ѣдущему подносятъ книгу.

— Впиши самъ, сколько тебѣ гребцовъ требуется и за прогоны ли ѣдешь.

Въ одной изъ такихъ книгъ оказалась замѣчательная надпись: «проѣхала безъ прогоновъ жена квартальнаго надзирателя г. Колы, для свиданія съ родителями.» Иной разъ въ погостъ къ лопарямъ пріѣзжаетъ какой-нибудь мошенникъ и ни съ того ни съ сего сбираетъ, съ нихъ деньги, показывая «какую-то бумагу». Въ виду подобныхъ, фактовъ лопари страстно жаждутъ школы, только дѣло у нихъ почему-то не идетъ, и на весь Кольскій полуостровъ существуетъ одно училище въ самой Колѣ, да и то плохое. Впослѣдствіи я разскажу, какъ архангельскій губернаторъ Качаловъ, понудилъ священниковъ учить грамотѣ лопарскихъ мальчиковъ своихъ приходовъ и почему рухнуло это полезное дѣло. Теперь же не мѣшаетъ привести, что всѣ норвежскіе лопари умѣютъ читать и писать, и только русскіе безусловно лишены благодѣяній грамотности.

Мы плыли по широкому плесу, отражавшему красивые берега... На его поверхности мимо лодки, то и дѣло, проплывали многочислен-

ные выводки порхалицъ, нисколько не уклоняясь отъ насъ въ сторону. Дичь была непуганая.

— Бѣда этимъ порхалицамъ, замѣтилъ лопарь.

— А что?

— Да щука подлая молодыхъ уточекъ, какъ по водѣ плаваютъ, хватаетъ за лапы и на дно утаскиваетъ. Прожора рыба. Она даже и въ тонѣ, когда ее поймаютъ, за сигами гоняется.

Изъ недвижнаго зеркала плеса порою выскакивала кумжа, хватая садившихся на воду комаровъ. Иногда кумжи кувыркались въ воздухѣ и съ глухимъ плюханьемъ шлепались въ воду...

— Это она отъ щуки уходитъ...

Нѣкоторые мелкіе острова издали можно было принять за изящныя готическія колокольни; подплываешь ближе и оказывается— одна большая красивая ель, каждою своею вѣткой отражающаяся въ водѣ...

На обрывахъ береговъ меня удивили слѣды высокаго стоянія водъ Туломы. Спрашиваю, оказывается, что весною разливы этой рѣки бываютъ громадные. Уровень воды повышается на 3½ сажени—и всѣ окрестныя ущелья и долины затопляются, такъ что только вараки плаваютъ въ этомъ величавомъ разливѣ... Если бы лопари поставили здѣсь свой погостъ—имъ пришлось бы поэтому выбирать мѣсто, расположенное на вышинѣ—вершину горы, плоскость утеса, выступъ горнаго ската... Постоянные тупы такимъ образомъ и поставлены ими. Ни одной нѣтъ внизу. У воды только вѣжи зеленѣютъ изрѣдка. Ихъ не жалко. Если и снять—въ одинъ день можно поставить новую. Дерну да готоваго лѣса не жалко.

— Прежде мы больше ловили рыбы по Туломѣ, чѣмъ нынче, объяснилъ мнѣ лопарь на привалѣ.

— Что же, меньше стало что ли?

— Нѣтъ, семги столько же, да куда ее дѣнешь? Пока была казенная соль, она обходилась намъ по 30 копѣекъ за пудъ, и всѣ довольны были, Бога славили! А уничтожили казенные заводы, купцы съ насъ шкуру драть стали! Теперь за пудъ соли мы платимъ 5 пудовъ сиговъ иногда! Вотъ и считай. На деньги соль обходится по рублю, а то и дороже.

— Много ли соли идетъ на приготовленіе рыбы?

— Одинъ пудъ на пять пудовъ сиговъ, или три пуда семги. А когда мы въ морѣ треску промышляемъ, такъ четыре пуда трески однимъ пудомъ соли засаливаемъ.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ, провѣренныхъ и въ другихъ мѣстахъ Лапландіи, оказалось, что лопари дѣйствительно страшно терпятъ послѣ уничтоженія казенныхъ соляныхъ заводовъ. Этою мѣрою

ихъ отдали въ полную власть кольскихъ промышленниковъ, которые иногда, случалось, поднимали цѣну соли до *двухъ рублей* за пудъ!

Наконецъ плесъ остался позади. Въ такомъ теченіи Туломы лодка то и дѣло наталкивалась на подводные камни и ерзала килемъ о ихъ неровныя поверхности. Слышался подозрительный трескъ и скрипѣніе.

Часто лодка останавливалась. Приходилось веслами оттягивать ее назадъ и забирать стороной, хотя въ это же время волны били въ борта и захлестывали ихъ отовсюду...

— Что же вы, неужели не знаете свободнаго прохода по рѣкѣ, плавая на ней чуть не каждый день?

— Нашу Тулому не узнаешь: она у насъ рѣка блудливая. Сегодня здѣсь каменья, а завтра ихъ вонъ куда снесетъ. Сегодня тутъ и въ тройникѣ проѣдешь, а завтра за версту объѣзжай!.. Вотъ она какая блажная!

Мелкій сиговый наростъ то и дѣло выскакивалъ изъ воды, тоже должно быть спасаясь отъ хищныхъ щукъ.

— Къ погодѣ должно быть разыгрался... Ишь какъ его схватываетъ...

Близилось къ вечеру.

Утки (порхалицы) такъ и бѣгали по водѣ въ разныхъ направленіяхъ. Издали часто самой утки не было видно — глазъ только и различалъ змѣящуюся бѣлую пѣну порывисто прокладываемаго по водѣ слѣда. Такихъ слѣдовъ было пропасть у береговъ, въ тихихъ заводяхъ, гдѣ утки играютъ по вечерамъ и по утрамъ.

— Ишь какъ она дорожку себѣ прокладываетъ. Птица рѣзвая!..

— Гдѣ же у васъ другая птица? Слышалъ, что много ее, но здѣсь не видать.

— А весною въ озерахъ да рѣкахъ на заводьяхъ. Къ благовѣщенью слетается туда. Какъ только въ лѣсахъ растаетъ снѣгъ, видимо-невидимо налетитъ ее тогда на мохъ. Во мху по лѣсамъ и живетъ. Оттого и кажется ее мало...

— Что же вы бьете дичь?

— Порхалицъ не бьемъ, потому что мясо ихъ рыбой отзываетъ, а другую дичь гдѣ искать? Да и сбыть некому.

— Перо да полупуховье могло бы за-границу пойдти.

— Это въ Норвегъ. Да въ Норвегѣ своего довольно, а въ другія мѣста Кола ничего не отпущаетъ. Одна только охота и прибыльна— оленей бить. Засолимъ мясо, свеземъ его зимою колянамъ и благо! Оленьи рога тоже не пропадаютъ. За нихъ съ пуда по тридцати копѣекъ платятъ. А въ каждой парѣ роговъ у дикаго оленя фунтовъ тридцать будетъ. Рога эти въ Архангельскій отправляютъ; тамъ, слыш-

но, изъ нихъ клей, что ли, варятъ. А рога молодыхъ оленей мы и ѣдимъ, бываетъ. Вкусные, хрящевые такіе—кровь изъ нихъ выпустимъ и отвариваемъ.

Заговорили о зайцахъ. Лопари ихъ бьютъ, но пользуются только шкурками. Заячьяго мяса они не ѣдятъ вовсе. Терскіе и береговые мурманскіе лопари изъ дичи ѣдятъ только куропатокъ, даже по постамъ, считая эту птицу «летучей рыбой!» За то нотозерскіе, сонгельскіе, левозерскіе, бабенгскіе и мотовскіе лапландцы строго исполняютъ посты, не прикасаясь ни къ чему скоромному. Какъ-то въ Колѣ мнѣ говорили, что лопари считаютъ величайшимъ грѣхомъ пить кофе. Въ Лапландіи я убѣдился въ противномъ. Проводники и гребцы съ удовольствіемъ пили мой кофе, объясняя, что все растущее на землѣ сотворено «на потребу человѣка.»

— Богъ тебѣ далъ, а ты не пользуешься, и выходитъ грѣхъ; значитъ ты даръ его презираешь! объясняли мнѣ лопскіе казуисты, опередившіе далеко въ этомъ отношеніи русскихъ раскольниковъ и крестьянъ. Вообще, зачастую мнѣ приходилось убѣждаться, что лопари далеко не такъ глупы, какъ разсказываютъ о нихъ русскіе поморы. Способности ихъ ничуть не ниже нашихъ, изобрѣтательность и сообразительность тоже. Они даже и во внѣшнемъ отношеніи не отличаются отъ русскихъ крестьянъ. Если они одѣваются грязно, то вѣдь и наши «пейзане» не щеголяютъ въ бѣлоснѣжномъ бѣльѣ. Я заходилъ въ лопарскіе тупы; они, разумѣется, тѣснѣе русскихъ избъ на сѣверѣ, но прежніе помѣщичьи крестьяне Орловской и Тамбовской губерній жили, право, не лучше, а нынѣшній мурманскій промышленникъ и теперь помѣщается тѣснѣе и живетъ грязнѣе лопаря. Многихъ предразсудковъ, присущихъ русскому крестьянину, у лопаря нѣтъ вовсе. Такъ, напримѣръ, отъ медицины лопарь не бѣгаетъ. Разъ въ годъ по Лапландіи ѣздитъ кольскій фельдшеръ для оспопрививанія, и лопари не только не уходятъ отъ него, а напротивъ, со всѣхъ сторонъ приносятъ дѣтей въ пункты, гдѣ онъ останавливается. Другіе прививаютъ себѣ оспу во второй разъ. Такъ что во время эпидеміи оспы на сѣверѣ, въ Лапландіи были больны ею только двое. У меня лопари не разъ спрашивали лекарства, а разъ я даже поставленъ былъ «по неволѣ» въ комическое положеніе самозваннаго врача.

— Хотѣли бы вы доктора въ ваши погосты?

— Ужь какъ бы не хотѣть. Ишь сколько у насъ недужныхъ. Особенно подъ весну да осенью... Помогъ бы. И мы бы лечились охотно!...

— Теперь фельдшеръ пріѣдетъ и то ему что солнцу радуемся. Не знаемъ какъ принять, чѣмъ угостить. И мѣха ему надаримъ, и оленей приведемъ, и пьянымъ напоимъ.

Къ сожалѣнію, и думать о назначеніи врача въ Колу невозможно. Даже такіе города русскаго сѣвера, какъ Кемь, Холмогоры, Пинега и Мезень остаются съ ихъ громадными заводами вовсе безъ врачебной помощи. Зачастую и въ Онегѣ нѣтъ доктора, несмотря на существованіе тамъ громаднаго завода, на которомъ работаютъ тысячи человѣкъ. На всю громадную Архангельскую губернію въ 1872 году приходилось только пять врачей, причемъ четверо изъ нихъ жили въ губернскомъ городѣ...

— Ну, а своихъ докторовъ нѣтъ у васъ?

— Есть вѣдуньи старухи... лечутъ... да что — одинъ обманъ это.

Въ прежнее время лопари славились своими знахарями. Норвежскія преданія и теперь разсказываютъ о мудрыхъ колдунахъ Лапландіи, къ которымъ иногда приходили за совѣтами и могущественные конунги.

Эту ночь намъ привелось провести во мхахъ. Мы расположились станомъ на ягелевой площадкѣ, причемъ едва могли набрать дерева для костра, да и то каждую жердь пришлось тащить за версту по берегу. Мы вытащили карбасъ и опрокинули его килемъ вверхъ. Я разостлалъ подъ нимъ одѣяло, которое сейчасъ же намокло отъ росы. Костеръ ярко разгорѣлся, озаряя багровымъ свѣтомъ палевыя пространства ягеля. Гдѣ-то дальше, въ тихомъ заводьѣ, жалобно рыдала гагара, въ густомъ коврѣ оленьяго мха перекликались рябчики и странно клохтали бѣлыя куропатки... Въ то время, какъ мы сидѣли у костра, слушая какъ шипѣли въ огнѣ сырые сучья и треща разгибались узловатые корни, вдали по палевому простору ягелеваго луга мелькнули какіе-то туманные силуэты. Словно цѣлый рой призраковъ прокрадывался мимо, хоронясь отъ непрошенныхъ гостей. Когда призраки были нѣсколько ближе, я узналъ въ нихъ стадо оленей. Ихъ было около шести.

— Куда это они?

— А днемъ отъ комаровъ у воды сидятъ. Какъ начнетъ ихъ комаръ обижать,—въ воду прячутся. Только носъ кверху подымутъ. А на ночь на вараки уходятъ. Такъ и спасаются...

Призраки опять стали меньше. Въ смутномъ освѣщеніи ночи формы ихъ какъ-то расплывались и наконецъ совсѣмъ пропали въ отдаленіи...

— Тутъ вплоть до верхушки Люрсонакиной пахты все ягель идетъ. Тамъ дальше есть лѣсъ, да и тотъ замеръ. Все ягелемъ задушило...

— Съ чего эта гора Андрюшкиной у васъ зовется?

— Это мы промежъ себя такъ ее окрестили. Сонгельчане ее Косой-варакой зовутъ. Тутъ одинъ нашъ лопарь Андрюшка пропалъ. Пошелъ на дикаго оленя охотиться. И ружье у него славное было, и провизіи съ собой забралъ, да комары его заѣли.

— Какъ комары? Разсказанное мнѣ просто показалось басней.

— А такъ! попалъ въ комарью тучу. Есть у насъ такія. Смотришь сверху надъ проваломъ, что облако сѣрое, а спустишься—комары. Ну, комары, какъ почуяли человѣка, за нимъ. Давай жалить. Въ носъ, въ ротъ, въ уши, въ глаза набиваются. Дышать ему бѣдному нельзя. Кинулся онъ отъ нихъ бѣжать, да развѣ уйдешь отъ комара. До тѣхъ поръ гнали, пока Андрюшка изъ силъ не выбился. Ослабъ и упалъ. Тутъ они и доконали его.

— Быть этого не можетъ!

— Рѣдко, а бываетъ.

— Да вѣдь это страшная смерть?

— Чего ужь страшнѣй. Хуже нѣтъ. Легче утонуть или сгорѣть, чѣмъ такъ-то умирать. Потому съ силами соберешься, поползешь отъ нихъ,—а они догонятъ да опять жалить... А вѣдь ихъ и числа нѣтъ... И всякій наровитъ...

Я на первый разъ не повѣрилъ лопарю, но потомъ на Имандрѣ мнѣ передали такой же случай съ лопаремъ Кривцовымъ Іокъ Островскаго погоста. Смерть дѣйствительно оказывалась страшной! Это похуже средневѣковыхъ пытокъ.

— Такъ поди въ аду неправедныхъ будутъ мучить! соображалъ лопарь.

Ярко-красное зарево поднялось за дальними вершинами и смѣлыя очертанія ихъ рѣзко вырисовались на этомъ зловѣщемъ фонѣ. Горы казались совершенно черными. Скоро загадка разъяснилась. Багровый дискъ мѣсяца показался оттуда. Зубчатой коймой казались на немъ контуры какихъ-то скалъ. Ягелевая тундра приняла золотистый отсвѣтъ... Тулома вся въ огнистыхъ блесткахъ загибалась за крутой выступъ Андрюшкиной пахты.

— Всѣхъ смертей не избыть! философствовалъ мой проводникъ. Не въ горахъ такъ въ тундрѣ, въ рѣкѣ умрешь, а не то и у себя въ вѣжѣ смерть пристигнетъ нежданная. Куда отъ нея. Я разъ въ Кадовскихъ горахъ оленя билъ. Только погнался за однимъ быкомъ (олень-самецъ) да въ «яровину» (провалъ) и попалъ. Думалъ помру, память отшибло. Два дня лежалъ. Помню какъ два раза солнце вставало. Проснусь на время и опять свѣтъ изъ глазъ отойдетъ. Ужь на вторую ночь слышу около вода таково ли дробно перслвается. Подползъ, напился—освѣжило... Еще попилъ... А на другое утро коекакъ по щелью выползъ на бережокъ и дождался тамъ лодокъ. Мѣсяца два вылежалъ въ вѣжѣ у нотоозерскихъ лопиновъ и совсѣмъ на ноги всталъ, а то бы смерть была!.. Неминучая! Потому безъ помочи въ горахъ — никуда! У насъ поди лопина нѣтъ такого, чтобы съ нимъ чего не приключалось. Все-то на промыслѣ — не мудреное дѣло.

Въ другой разъ меня волки на деревѣ сутки держали. Я отъ нихъ туда взлѣзъ. Отойдутъ къ сторонѣ. Только я къ ружью сползать стану— опять сбираются. На другой день погнались за оленями и ослобонили меня. Не знаешь, гдѣ смерть найдешь. Другіе моря боятся. Море, говорятъ, измѣна лютая, а тутъ-то какъ быть? Похуже моря!..

Ночью я проснулся. Выползъ изъ-подъ карбаса, насквозь мокрый. Лопари лежали вокругъ костра, отъ котораго оставалось груда золы съ яркимъ пятномъ догаравшихъ углей!.. Какая-то птица стонала за рѣкой на всю окрестность. Пустыня отзывалась только плескомъ Туломы въ берегахъ да меланхолическимъ свистомъ вѣтерка въ ущельяхъ и трещинахъ безлюднаго берега. Мѣсяцъ, уже поднявшійся высоко, то заходилъ за жемчужныя тучки, то обливалъ ягелевую тундру серебристымъ свѣтомъ, такъ что вся окрестность казалась состоящею изъ глыбъ матоваго серебра. Только темныя скалы хмурились надъ рѣкою. Гдѣ-то далеко въ просвѣтѣ дикаго ущелья порою отливалось мягкимъ блескомъ безъимянное озеро, словно все оно было тутъ же на ладони. Дальше, въ той дали, гдѣ глазъ только можетъ угадывать, а не видѣть, смутно только намѣчивались какою-то сѣроватою дымкой словно раскинутыя крылья орла — Кадовскія горы... Направо также далеко неизвѣстный мнѣ горный хребетъ точно висѣлъ въ воздухѣ. По крайней мѣрѣ между нимъ и послѣдними видимыми очертаніями хаотически всхолмленной окрестности лежала какая-то синяя полоса. Словно эти горы островомъ висѣли въ темной лазури сіявшаго звѣздами неба. И небо это было полно неизъяснимой красоты и очарованія. Только блескъ его звѣздъ былъ далеко не тотъ, къ какому я привыкъ на югѣ. Звѣзды сіяли не желтымъ, страстнымъ, теплымъ блескомъ,—а голубымъ льдистымъ сіяніемъ, холоднымъ, хотя и красивымъ. Такъ сверкаютъ подъ лучами серебрянаго мѣсяца изломы и выступы ледяныхъ стамухъ...

Вдали послышалось что-то странное, дикое. Какой-то звѣрь отчаянно вылъ должно быть во мракѣ чернаго лѣса. Даже лопари проснулись.

— Отлучный, должно быть.

— Какой отлучный?

— А волкъ отъ стада отбился. Своихъ потерялъ, а чужіе его не принимаютъ. Онъ и воетъ...

Опять молчаніе... Только рѣка тихо, тихо плещетъ въ отмелье берега, да изрѣдка плюхаетъ въ водѣ рыба... А мечты растутъ, и все прошлое еще ярче возникаетъ въ этой тишинѣ. И много милыхъ образовъ проходитъ въ головѣ...

— Спишь ты, божій человѣкъ?

Смотрю, подъ карбасъ заглядываетъ лопарь.

— Нѣтъ.

— То-то, думаю, проснулся. — Хочешь, на вараку пойдемъ. Все поогляднмъ кругомъ.

Ночь была прелестная, прогулка улыбалась мнѣ, да и холодно становилось въ этакой сырости.

Я поднялся. Плеснулъ себѣ воды въ лицо и совершенно освѣженный пошелъ за лопаремъ.

Подъемъ на гору былъ довольно крутой. Кое-гдѣ на откосахъ, надъ провалами курился туманъ. Войдешь въ этотъ клубъ мглы, и всего охватитъ холодною сыростью... Въ одномъ мѣстѣ пришлось съ версту сдѣлать по ущелью, сплошь окутанному марью. Тутъ я потерялъ изъ виду своего проводника и только слышалъ его неровный, развалистый шагъ впереди. Дно ущелья было усѣяно мелкимъ камнемъ и щебнемъ. Порой подъ ноги подвертывались крупные валуны и обломки скалъ, низвергнувшіеся съ высоты. Ущелье, извиваясь, шло все кверху, и спустя полчаса мы вышли опять на чистое мѣсто, ярко озаренное луною. Я не въ силахъ передать этихъ контрастовъ мглы и свѣта, этихъ неожиданныхъ переходовъ. Помню только, что, не смотря на холодъ, мнѣ тутъ и хорошо дышалось, и легко было. На высотѣ уже откуда-то послышался хриплый клектъ хищной птицы, страшно звучавшій среди этой каменной пустыни... А пустыня отсюда дѣйствительно становилась каменной и голой. Андрюшкинская пахта опять одѣвается зеленью и ягелемъ на западныхъ своихъ склонахъ, но съ востока поверхность камня была покрыта только тою же каменной осыпью да разрыхлившимися гранитными обломками. Это очень затрудняло подъемъ на гору. Только что станешь на такую осыпь, какъ нога начинаетъ скользить, и внизъ до перваго выступа съѣзжаешь уже плашмя, растопыривъ руки, на колѣняхъ и на груди. Впрочемъ, такія неожиданности были не особенно часты и въ концѣ концовъ я не имѣлъ случая раскаяваться въ этой небольшой экскурсіи.

Наше появленіе на плоскогорьѣ вспугнуло отдыхавшаго здѣсь оленя. Мы видѣли его только одно мгновеніе. Онъ словно сквозь землю провалился. За то, оглянувшись назадъ, я остановился какъ вкопанный. На десятки верстъ впередъ виднѣлась Тулома, то пропадая за выступами горъ, то снова появляясь вся въ лунномъ блескѣ, какъ невѣста въ сіяющей брачной одеждѣ. То она раскидывалась широкими плесами, то съуживались въ сверкавшія какъ остріе ножа нити... По обѣимъ сторонамъ этой красавицы сѣвера въ голубоватой дымкѣ ночи вырисовывались вершины горъ, то словно покрытыя снѣгомъ отъ ягелевыхъ порослей, то темныя, изрѣзанныя черными щелями. Вдали, на сѣверѣ, на самомъ краю горизонта уже не видно было ни горъ, ни до-

Туломскій водопадъ.

линъ, только змѣилась точно въ лазури неба одна Тулома, какъ свѣтлая тропинка туда къ этимъ тучкамъ, насквозь пронизаннымъ серебрянымъ сіяніемъ мѣсяца...

Рѣдко приходится видѣть что-нибудь болѣе поразительное и очаровательное! Издали доносился иногда грохотъ водопада, но едва-едва...

Лопарь тоже не былъ нечувствителенъ къ красотамъ природы, окружающимъ его.

— Вотъ она... И вся наша...—повторялъ онъ, повертываясь по сторонамъ... Вся наша... Этого коляне да кандалакшане не унесутъ. Это при насъ останется... На эти мѣста у насъ царя Петра указы есть... Въ тайномъ мѣстѣ лежатъ... Этого у насъ не отымешь.

Подъ утро мы разложили опять костеръ, сварили чаю въ котлѣ, и спустя часъ карбасъ уже сбрасывали въ воду.

До падуна оставалось очень немного. Тутъ начинаются уже сильныя теченія, отбивавшія карбасъ назадъ. Нужны были особенныя усилія, чтобы грести противъ воды. Опять на каждомъ шагу стали появляться черныя корги, вокругъ которыхъ широкою коймою лежала пѣна отъ разбившихся объ эти камни струй. Окрестности, недавно веселыя, стали мрачны и унылы. Волненіе воды здѣсь напоминаетъ кипѣніе воды въ котлахъ. Правильныхъ струй или волнъ не было. Вода сильно кипѣла. Часто, не смотря на дружные удары веселъ, лодку *отбрасывало* назадъ, *отталкивало* въ стороны. Иногда карбасъ точно подскакивалъ на одномъ мѣстѣ и ни шага далѣе... Разъ его бросило въ коргу, что-то затрещало за кормою.

— Не треснуло-ли? спрашиваю.

— Некогда осматривать-то. Лишь бы цѣла душа была. Коли течи не даетъ, значитъ цѣла.

— А если течь будетъ?

— А ты плавать умѣешь?

— Нѣтъ.

— Ну, тогда плохое твое дѣло... Только не глубоко вѣдь .. До берега, коли не расшибетъ о камень, дойдти можно... Но тоже и о камни расшибаетъ случается...

— Такъ лучше къ берегу править?

— Никто какъ Богъ... Сказано, ни единаго волоса безъ воли его... Чего же ты... Сводни у насъ прочные... Сами строили.

Лодка заскрипѣла еще разъ какъ-то болѣзненно, тихо, точно больной, нежелающій громкимъ стономъ выдать своихъ страданій... Потомъ она носомъ шаркнула о коргу, на которую ее бросило боковое теченіе...

— Ну, теперь, братцы, къ берегу приваливать. Дальше по рѣкѣ пути нѣтъ.

Мы скоро пристали къ берегу. Отсюда оставалось до падуна

двѣ версты. Путь этотъ дѣлаютъ пѣшкомъ. Гребцы взвалили себѣ на плечи мой багажъ и пошли впередъ. Пришлось имъ тяжко. Со всѣми вещами нужно было тащиться по крутымъ, почти отвѣснымъ скаламъ, обрываться внизъ, заходить въ густую чащу, бродить по мокрому береговому песку, въ который нога уходила глубоко. Наконецъ промучившись такимъ образомъ, мы вышли на открытое мѣсто. Тутъ-то Тулома, перегороженная порогами, дѣлаетъ изгибъ вдоль берега лѣсистаго острова. Вся она покрыта тиной. Разбиваясь на множество хаотически сталкивающихся и разбрасывающихся теченій, рѣка гремитъ въ безпорядочно навороченныхъ скалахъ. На гребняхъ мрачнаго утесистаго берега тянутся лѣса за лѣсами. Позади, составляя главное пятно этой картины, неистово ревѣлъ громадный водопадъ, пугая душу своею стихійною мощью. Тулома падаетъ здѣсь съ отвѣсной высоты шести саженъ. Вода низвергается одною массою, съ грохотомъ вращаясь вокругъ гигантскихъ скалъ, прорѣзающихъ ея бѣлую пѣну, и точно живое чудовище бьется и реветъ въ этой стремнинѣ. Иматра и Кивачъ жалки въ сравненіи съ этимъ полярнымъ великаномъ. Въ самомъ водопадѣ пѣна идетъ не сплошною массою, а катится или, лучше сказать, свертывается волнами. Скалы словно вздрагиваютъ подъ вами. Въ самомъ водопадѣ рѣка раздѣляется на два рукава: одинъ огибаетъ островъ, весь покрытый елями, другой реветъ скованный громадными темнозелеными скалами, покрытыми постоянно водяной пылью. Нѣсколько ниже Тулома перегорожена семужьимъ заборомъ кусатскаго крестьянина Савина, снимающаго р. Тулому въ аренду у лопарей. Заборъ отсюда кажется чѣмъ-то въ родѣ моста на сваяхъ.

Высота водопада около четырехъ саженъ, но весною она достигаетъ семи саженъ, и тогда съ величіемъ туломскаго падуна едвали что можетъ сравниться!

Вся даль заставлена еловыми лѣсами. Но на черномъ фонѣ выдѣляется бѣлая масса водопада съ темнозелеными скалами. Только надъ самымъ семужьимъ заборомъ желтѣетъ покосъ, на которомъ, еще издали, я различилъ двѣ тупы и часовенку... Далеко за всѣмъ этимъ, тамъ, гдѣ еловые лѣса теряются въ сумеречномъ освѣщеніи туманнаго утра, синѣетъ полувоздушный очеркъ Кодовскихъ горъ, возвышающихся надъ нотозерскимъ водянымъ райономъ.

Мы скоро подошли къ тупамъ. Оттуда высыпало къ намъ на встрѣчу все ихъ населеніе — нѣсколько лопарей и двѣ старухи.

— Начальникъ, откуда? спрашивали они моихъ проводниковъ.

— Не начальникъ, а гость.

— Благослови Господи! Хорошо, что насъ провѣдать задумалъ.

Въ тупахъ громадныя полѣнья горѣли въ каменныхъ кладкахъ,

устроенныхъ наподобіе камина. Лопари принялись угощать всѣмъ, что у нихъ было получше. На берестяныхъ поддонкахъ принесли семужью крупную зернистую икру съ кровью, неочищенную отъ волоконъ... Подали уху и вареную рыбу. Проведя не болѣе получаса въ тупѣ, я отправился осматривать водопадъ. Тутъ я чуть не оборвался въ хаотическую массу скалъ и воды.

Я замѣтилъ, что обрывъ скалистаго берега, надъ самымъ угломъ паденія воды довольно пологъ. Казалось возможнымъ спуститься. Я сталъ сползать внизъ и уже на половинѣ дороги понялъ всю рискованность задуманнаго предпріятія. Но сверху смотрѣли лопари. Съ ними мнѣ приходилось идти на Ното-озеро, въ Кодовскія горы. Обнаружить малодушіе значило потерять ихъ уваженіе. То вися на рукахъ надъ ревущею внизу бездной, то скользя по мокрымъ карнизамъ и поминутно рискуя оборваться, то останавливаясь въ недоумѣніи надъ отвѣсными скатами безъ малѣйшихъ трещинъ, я тѣмъ не менѣе спускался все ниже и ниже. Разбуженныя мною чайки хлестали мнѣ въ лицо своими крыльями, мокрые лишаи на скалахъ заставляли меня чуть не падать. Снизу оглушалъ водопадъ. Шапку куда-то снесло, нога какъ-то неловко ступила на камень мокрый и скользкій. Моментально я ринулся внизъ. Не могу дать себѣ отчета, какъ мнѣ удалось попасть рукою въ щель скалы. Я не могъ перевести духъ... Что-то сжимало горло. Руки коченѣли и затекали. Сколько времени это продолжалось—не знаю. Можетъ, быть нѣсколько минутъ, можетъ быть нѣсколько мгновеній. Я очнулся, когда что-то хлеснуло меня по головѣ... Смотрю – веревка. Меня тотчасъ же вытащили наверхъ.

— Счастливъ ты, объясняли лопари: бревно еловое, если сверху сбросить, на берегъ только черное выкинетъ... Водопадъ падаетъ главнымъ образомъ четырьмя уступами, не говоря уже о сотняхъ мелкихъ каскадовъ. Уголъ паденія вверху сжатъ громадными скалами. Рѣка отъ Ното-озера течетъ спокойно и, встрѣчая этотъ обрывъ, падаетъ внизъ, раздѣляясь на два рукава. Одинъ изъ нихъ болѣе пологій: черезъ него можетъ проходить вверхъ семга. Тутъ-то и устроенъ заборъ съ тремя нершами или мордами. Семга, напрасно ища выхода въ сквозномъ переплетѣ жердей, попадаетъ въ отверстія нершъ и остается въ этихъ плетеныхъ ящикахъ до того момента, какъ ихъ вытащутъ наверхъ. Тутъ семгу кротятъ и очищаютъ. Часто весною вода сноситъ заборъ, тогда строятъ новый, что Савину каждый разъ обходится въ 75 рублей. Въ лѣто 1872 года, до моего посѣщенія туломскаго падуна, семги здѣсь было выловлено 350 пудовъ, и этотъ уловъ считался крайне неудачнымъ. Въ прежніе годы здѣсь ловилось рыбы много. Туломскій падунъ считался настолько выгоднымъ

промысловымъ мѣстомъ, что у лопарей его нѣсколько разъ отнимали коляне. Инородцы ходили даже жаловаться на это царю Петру, который и утвердилъ за ними право на владѣніе всею Туломой съ ея ловлями, звѣриными охотами и лѣсными участками.

Какъ я уже упоминалъ выше, падунъ съ его семужьими ловлями снимается у лопарей въ кортому нерехтскимъ крестьяниномъ Савинымъ, тѣмъ же, который открылъ большую торговую факторію въ губѣ Шельпино на мурманскомъ берегу. Лопари отзывались о своемъ хозяинѣ очень хорошо.

— Нынче у Савина жить можно. Онъ намъ не платитъ за работу ни поденно, а скупаетъ осенью всю рыбу, которую мы выловимъ по 1 р. 80 к. за пудъ. Соль и вывозка его. Прежде у насъ снималъ туломскій падунъ Мартемьянъ Базарный; тотъ платилъ за рыбу по 1 р. пудъ, соль и вывозка были наши; почти ничего и не оставалось намъ. Савинъ рыбу беретъ кругомъ, дурную и хорошую, за одну цѣну, а Базарный за дурную платилъ по 30 к. за пудъ, да и то бывало накланяешься ему.

Водкой здѣсь, какъ и на Мурманѣ, Савинъ не торгуетъ, хотя рабочимъ постоянно выдается опредѣленная порція ея. При этомъ Савинъ продаетъ лопарямъ всевозможныя снасти. За *стеклинъ* таковыхъ, фунтовъ въ десять, онъ беретъ по 1 рублю. За пудъ хлѣба онъ получаетъ отъ 1 руб. 20 коп. до 1 р. 30 коп. съ доставкою на падунъ, причемъ онъ самъ платилъ лопарямъ за перевозку хлѣба изъ Колы до туломскаго падуна по 10 коп. съ пуда. Простые топоры Савинъ поставляетъ по 50 к. Работники, перевозящіе для него соль и промышляющіе рыбу, пользуются кредитомъ, причемъ, по ихъ словамъ, «прижимки хозяйскіе прикащики не дѣлаютъ вовсе.»

— У Базарнаго жили, изъ долговъ не выходили. И у Савина въ долгъ влѣзаемъ не мало, да начетовъ тѣхъ нѣтъ, что прежде. При новогодникъ промыслахъ долги очищаемъ совсѣмъ.

Я уже говорилъ о Базарномъ, какъ о самомъ полномъ представителѣ типа поморскихъ кулаковъ-монополистовъ. Мнѣ разсказывали здѣсь, что за угощеніе лопарей виномъ Базарный бралъ у нихъ даромъ островъ Юркинъ въ кортому для сѣнокосовъ, а нынѣ его родственникъ, Василій Базарный, снимаетъ тотъ же островъ за 70 рублей въ лѣто. И эта плата еще очень невелика. Въ Колѣ пудъ сѣна стоитъ отъ 50 к. до 1 руб., а женщинамъ, нанимаемымъ на сѣнокосы, платится по 80 к. въ день.

— Прежде у насъ пьянство такое шло — бѣда. Какъ придетъ время сдавать рыбу—наѣдутъ базарновскіе цѣловальники и давай опаивать народъ и въ долгъ, и даромъ. Въ концѣ концовъ рыба и уйдетъ. за

безцѣнокъ. Потому, развѣ пьяный человѣкъ можетъ свою выгоду соблюсти!..

Около тупъ стоитъ часовенка, выстроенная еще въ 1803 г. во имя Петра и Павла кольскимъ крестьяниномъ Филиппомъ Голоднымъ, какъ значится изъ надписи. Часовня—простой срубъ съ крышей на два ската. Внутри тѣсно и скудно. Образа безъ окладовъ, мѣстной живописи. Передъ ними позолоченная лампада и пропасть птичьихъ яицъ на подвѣскахъ—приношенія усердствующихъ лопарей. Лопари, входя въ часовню, дѣлали земные поклоны и зажигали тресковый жиръ въ лампадахъ.

Ночь была теплая.

Я спалъ на обрывѣ торфянаго берега. Внизу гремѣлъ водопадъ, безпокойно ворочаясь въ каменныхъ оковахъ. Гдѣ-то далеко-далеко мигалъ огонекъ. Должно быть, бродячій лапландецъ раскладывалъ костеръ на вершинѣ вараки. Изъ лѣсовъ, окружающихъ Тулому, порою доносился вой волковъ.

Полярная сова зарыдала надо мною. Словно дѣтскій плачъ... Даже жутко стало.

Заснешь подъ величавый громъ туломскаго падуна, проснешься и опять слышишь его. Водопадъ кажется какимъ-то живымъ, грознымъ. Прометей, прикованный къ скаламъ, жалуется на свои муки, или придавленное каменными горами чудовище стонетъ отъ боли!..

Что-то свистнуло надъ самымъ ухомъ. Изъ желтой и рѣдкой травы выпорхнулъ кривецъ и кинулся въ темную чащу лѣса.

А завтра ожидалъ трудный путь на Нуотъ-озеро, на Кодовскія горы къ лопарямъ сонгельчанамъ, что таятся въ своей дикой глуши, хоронятся въ свѣжихъ тайгахъ, въ безмолвныхъ пустыняхъ финскаго порубежья.

Ночью.—Путь въ нуотъ-озерскую церковь.—Волки въ пустынѣ.—Лопари-ихтіофаги.—Какъ лопари платятъ подати, составляютъ сходки.—Властные люди въ тундрѣ.—Дѣянія волостнаго начальства.—Опять богачъ Базарный.—Вѣдуны и леченіе снами.—Заочныя похороны и крестины.—Лопарскіе обычаи.—Водка въ Лапландіи.—Подвижные кабаки и переносныя выставки.—У костра. Священники.—Нуотъ-озеро.—Заборъ церковный.—Бобры и ихъ переселеніе.—Огородничество.— Какъ правительство помогло осѣдлости лопарей.

Цѣлый день провели мы на утесахъ, стѣснившихъ туломскій водопадъ. Утромъ мы вмѣстѣ съ лопарями спустились внизъ по рѣкѣ ловить семгу. Въ полдень насъ угостили обѣдомъ, состоявшимъ изъ неизбѣжной семги, семужьей икры и харіусовъ, исжаренныхъ въ собственномъ соку. Только подъ вечеръ, намъ удалось выбраться отъ гостепріимныхъ рыболововъ, а когда мы вошли въ лѣсъ, которымъ намъ слѣдовало идти вплоть до нуотъ-озерской церкви, настала уже ночь.

Двѣ-три звѣзды робко мигали въ просвѣтахъ деревьевъ. Красное зарево предвѣщало скорый восходъ луны... Въ лѣсу было темно и глухо... Пахло сырымъ понизьемъ, смолистымъ запахомъ сосенъ и моховыми кочками, то и дѣло попадавшимися подъ ноги. Порою, когда сквозь стволы темной чащи прорывался легкій вѣтерокъ, насъ овѣвало какое-то странное благоуханіе. Наносило ли его отъ душмянокъ или какого-нибудь другаго растенія — не знаю. Оно производило почти одуряющее дѣйствіе. Кровь била въ голову, точно отъ сильнаго запаха олеандръ въ душной комнатѣ. Только два раза, во время путешествія по русской Лапландіи, я встрѣчалъ этотъ сильный, раздражающій нервы ароматъ.

— Быть завтра бурѣ на озерѣ, замѣтили проводники.

— А что?

— Да вишь пахнетъ.

— Чѣмъ это?

— Есть такія травки. Днемъ понюхаешь—точно мохъ, а по ночамъ наноситъ... передъ погодой.

Все время, въ лѣсу насъ преслѣдовалъ величавый грохотъ водопада. Когда по лѣсистымъ склонамъ горъ мы подымались на ихъ вершины, водопадъ гремѣлъ особенно громко, заглушая остальные звуки чащи. Когда мы спускались въ понизья и сырыя котловины, водопадъ стихалъ, но не настолько, чтобы его отсутствіе было замѣтно. Тутъ, въ этой сочной пустынѣ — еще глубже чувствовалось грандіозное, подавляющее величіе туломскаго падуна. Нашъ разговоръ, моя пѣсня, выкрики лопарей, глухой шумъ отъ перепадавшихъ время отъ времени сосновыхъ шишекъ, все это казалось только варіяціями, среди одной темы, арабесками на однообразномъ фонѣ этого немолчнаго грохота... Въ немъ слышалась какая-то спокойная, первобытная мощь. Мысль замирала, шумъ этотъ заглушалъ всѣ остальныя впечатлѣнія. И не на одного меня такъ дѣйствовалъ падунъ. Туломскіе лопари тоже поддавались вліянію полярнаго великана.

— Какъ лѣто у падуна проживешь — окаменѣешь...

— То есть, совсѣмъ на человѣка непохожъ станешь. Мы промежъ себя все сидимъ да молчимъ... *Его* слушаемъ, какъ *онъ* говоритъ. Оттого, подъ осень, точно языкъ потеряемъ. Только за зиму у себя въ погостѣ и отойдемъ. А то бѣда!... Сказываютъ наши, что прежде тутъ у падуна долго одна лопарская семья жила, такъ она совсѣмъ онѣмѣла, а дѣти уже такъ и родились безъ языка.

Какъ видите, не одни арабы отличаются силою воображенія.. Тѣмъ не менѣе, водопадъ именно такъ и вліялъ: не говорилось, а слушалось въ его присутствіи. Слушалось, впрочемъ, только сначала, а потомъ такъ, «душа замирала», и не думалось ни о чемъ, не грези-

лось.. Вся наша экскурсія до нуотъ-озерской церкви прошла бы молча, если бы, на счастіе, съ нами не было сонгельскаго старосты, лопаря, неживщаго у падуна и потому болѣе словоохотливаго, чѣмъ другіе...

Шли, шли... вдругъ вдалекѣ послышался рѣзкій, отчаянный вой... Мы вздрогнули даже, такъ зловѣщъ и неожиданъ былъ онъ среди этого безлюдья и бездорожья.

— Волкъ... Ишь ты разбойный, шатается... Бродяга ночная! выбранились лопари.

— Волкъ врагъ намъ. Врагъ до конца жизни...

Дѣйствительно, волки похуже русскихъ и норвежскихъ кулаковъ разорили лапландцевъ. Они во многихъ мѣстахъ такъ опустошили стада лопарей, что эти изъ «оленныхъ» стали просто батраками. Были примѣры, что въ одну ночь волки вырѣзали сплошь стадо головъ во сто, въ двѣсти, и богатаго инородца дѣлали нищимъ. Ни зимою, ни лѣтомъ не уйти оленю отъ этого безпощаднаго хищника. Волкъ притомъ не рѣжетъ одного оленя, это дѣйствительно разбойникъ и убійца. Онъ цѣлой стаей охватываетъ косякъ оленей, какъ кольцомъ, и, пользуясь беззащитностью робкихъ животныхъ, убиваетъ одного за другимъ, приходя только въ большее и большее остервенѣніе отъ количества жертвъ. Разсказываютъ, что такимъ образомъ у масселькскаго лопаря Кобелева въ одну ночь погибло триста оленей! Разсказы о томъ, какъ олени, защищаясь отъ волка, сбиваются въ кучу головами одинъ къ другому и образовываютъ такимъ образомъ щитъ, чтобы отбиваться отъ врага копытами заднихъ ногъ, оказались чистѣйшимъ вымысломъ. Ничего подобнаго нѣтъ. Лопари смѣялись, когда я передавалъ имъ это. А между тѣмъ эта басня вошла во всѣ популярныя книжки и повторена многими довѣрчивыми путешественниками. Оленье стадо иначе встрѣчаетъ врага. Именно такъ:

Снѣжная полярная ночь.... Вьюга злится на просторѣ среди едва озаряемыхъ сѣвернымъ сіяніемъ полянъ... Оленье стадо сбилось на одной изъ нихъ. Мальчишка сторожъ, закутавшись въ мѣха, спитъ въ логовищѣ изъ безпорядочно навороченныхъ стихійными силами камней... Вдругъ послышался отрывистый, опасливый, хриплый лай собаченки... Другая... третья... Вотъ и всѣ залились... Стадо шарахнулось въ сторону. Мальчишка выбѣжалъ было, да вьюга ему такъ и швырнула въ глаза цѣлые клубы снѣга. . Кинулся онъ за оленями — ихъ и слѣдъ простылъ. Одни направо, другіе налѣво. Одни со слѣпа прямо въ волковъ ударились, другіе назадъ... На просторѣ и волки разсыпались. Перервутъ горло одной жертвѣ, за другой погонятся... Только къ вечеру слѣдующаго дня соберутъ лапландцы свои стада, не досчитавшись доброй трети оленей... А волки уже выслѣживаютъ другое стадо... Еще хорошо, если становье лопарей близко. Мальчикъ-пастухъ мигомъ

домчится туда на лыжахъ, соберетъ хозяевъ, и тогда устраивается облава на волковъ. Остервенѣвшіе лопари, въ свою очередь, не даютъ хищнику пощады. Они стремительно гонятся на лыжахъ за волками, и настигнувъ перебиваютъ имъ спинной хребетъ ловкимъ ударомъ короткихъ и крѣпкихъ палокъ. Иногда одинъ лопарь, попавъ въ волочью стаю, уложитъ на мѣстѣ сорокъ головъ, если не считать за вымыселъ разсказовъ, слышанныхъ нами въ разныхъ концахъ Лапландіи и подтверждаемыхъ показаніями другихъ путешественниковъ. Убитыхъ звѣрей соберутъ другіе, по слѣду, а самъ охотникъ знай только оретъ во всю мочь, да какъ вихрь переносится отъ одного разбойника къ другому. Особенно успѣшно такое истребленіе волковъ, если встрѣтится скатъ, завѣянный снѣгомъ. Тутъ лопарь мигомъ врѣжется въ перепуганное волчье стадо...

— Успѣвай имъ только спины колотить... А добыча будетъ.

Волчій вой давно уже замеръ, когда мы вышли на обгорѣлую поляну. Пора было и отдохнуть. До церкви оставалось двѣ съ половиной версты, но путь былъ трудный. Мы быстро набрали жердей, и скоро яркое пламя костра стало выхватывать изъ мрака то вѣтвь березы, то красную полосу словно кроваваго моха, то сѣрый, покрытый лишаями и сырой бокъ громаднаго камня, къ вершинѣ котораго, Богъ знаетъ какъ, прицѣпилась небольшая ель... Сучья костра шипѣли и трещали... На свѣтъ выступали порою сумрачныя лица уставшихъ лопарей. Кое-кто изъ нихъ уже и къ огню привалился. Только и слышалось мѣрное храпѣніе...

Сонгелецъ оказался пободрѣе... Мы съ нимъ говорили всю дорогу, да и тутъ не угомонились...

Зашла рѣчь о томъ, какъ живетъ лопарь лѣтомъ.

— А мы съ георгіева до августа на одной рыбѣ живемъ. Муки въ иной семьѣ всего фунтовъ десять на все лѣто. Только уху подцвѣчаемъ ею... За то на каждую выть (ужинъ или обѣдъ) варимъ рыбы пуда по полтора, а то и всѣ четыре. Не разбираемъ: и семужку, и харіусовъ, и щуку, и кумжу, и сиговъ—все въ одинъ котелъ. Сразу!.. На зиму откладываемъ одну мелочь... Мелкоту-рыбу на солнцѣ высушимъ—вотъ-те и запасъ...

— Развѣ можно съѣсть всю рыбу, что вы въ котелъ валите?

— А ты какъ думалъ? У насъ четыре человѣка пуда полтора рыбы съѣдаютъ. Случается, большая семья, на лѣтнемъ ухожьѣ своемъ, у рыбной рѣки, въ три мѣсяца пудовъ полтораста рыбы съѣстъ... Собаки, разумѣется, помогаютъ... И ѣдимъ-то потому, что дѣвать некуда... Чертямъ что-ли на землю кидать... (Пища, бросаемая безъ толку на землю, чертей питаетъ, по лопарскому повѣрью). Ноне на рыбу цѣны низки, а и по нимъ считай - мы въ лѣто-то безъ толку цѣлковыхъ двѣсти

съѣдимъ на рыбѣ. Соли нѣтъ—оттого. Будь соль — стали бы запасы дѣлать на зиму...

Я нарочно привожу этотъ разсказъ, хотя онъ служитъ повторе-ніемъ того, что нами разъ уже было описано. Дѣло въ томъ, что Лапландія, дѣйствительно нуждается въ соли. Закрытіе казеннаго магазина здѣсь вызвало обнищаніе лопарей повсемѣстное, а маклаки съ 30 коп. разомъ подняли цѣну до рубля и до двухъ на этотъ необходимый рыболовамъ продуктъ.

— Вы бы просили посредника, чтобы онъ походатайствовалъ объ открытіи для васъ казенной продажи соли...

— Да такъ! Мы отъ нихъ подальше. Прежде-то они загнали насъ очень. Былъ одинъ. Притѣснялъ насъ въ пользу волостнаго правленія—страсть какъ! По раскладкѣ одинъ сборъ назначенъ, а взыскивали втрое. Сборщики соберутъ одно—пропьютъ, давай въ другой разъ денегъ требовать... Чуть кто бывало выведетъ наружу ихъ—суду его предаютъ... На сборщиковъ управы нѣтъ! Имъ вѣрятъ... У одной вдовы (въ Колѣ мнѣ свои лопины сказывали) одинъ начальникъ нашъ Г. взялъ деньги, будто для покупки серій. 600 рублей заполучилъ, да и былъ таковъ. Лови его!.

Мы слышали объ одномъ посредникѣ, бывшемъ здѣсь, чудовищныя исторіи. Волостной писарь, бывало, въ Лавозерѣ соберетъ подать, пріѣзжаетъ староста — подавай ту же подать самую!

— Мы ужъ заплатили! объясняютъ лопари.

— Кому?

— Писарю, наѣзжалъ сюда.

— Онъ не имѣлъ права собирать! Давай опять.

Заплатятъ. Вдругъ старшина наѣзжаетъ.

— Подати?

— Заплатили давно.

— Кому?

— Писарю да старостѣ. Двойныя сошли.

— А гдѣ квитанція?

— Какая квитанція?

— Нѣтъ. Подавай въ третій разъ!

Въ Массельгѣ разъ, во времена даже не столь отдаленныя, чуть ли не въ 1865 или 1866 году, а можетъ быть и позже, начальство съ богатыхъ лопарей въ видѣ долга взяло рублей по 100, по 200, а то и по 300 съ кого. Долгъ, разумѣется, вышелъ «безъ отдачи.»

Случалось и такъ: получитъ сборщикъ подати и выдастъ квитанцію, старшина получитъ подати и тоже квитанцію выдастъ, писарь тоже получитъ и тоже лопаря, безпрекословнаго плательщика, квитанціей утѣшитъ. Что это за квитанціи—другая рѣчь! Такое дѣло случи-

лось, напримѣръ, въ Семіостровскомъ погостѣ. Осенью, когда въ Колѣ нѣтъ ни одного лопаря, когда изъ погостовъ и сойдтись имъ сюда невозможно за распутицей—тѣмъ не менѣе составлялись какъ бы *) сходки и писались волостные приговоры. Дѣло оказывается очень просто. Напишетъ писарь приговоръ какой ему угодно, да и приложитъ печати разныхъ обществъ и лицъ лопарскихъ. Печати эти постоянно хранятся при волостномъ правленіи. Такимъ образомъ и оказывается, что собиралась лопарская сходка, когда собраться ей не было физической возможности. Прибѣгали и къ другимъ подходцамъ: Выберутъ хлѣбнаго вахтера въ кольско-лопарскій продовольственный магазинъ, гдѣ хранится хлѣбъ административной заготовки. Вахтера возьмутъ нарочно изъ богатыхъ лопарей. А ему не до того совсѣмъ, у него оленьи стада, промысла свои. Другихъ нанять нельзя—по неволѣ обращается онъ къ тому же писарю и старшинѣ. А тотъ, вопервыхъ, съ выбраннаго сдуетъ, а вовторыхъ, и жалованье за вахтера получаетъ.

Такимъ образомъ, мнѣ разсказывали въ Колѣ, было разорено не мало оленеводовъ, по поводу выбора въ вахтеры кольскаго хлѣбнаго магазина. Нѣтъ у избраннаго денегъ откупиться—давай оленей. Случалось, что писарь и старшина брали подводы не только для себя, но и подъ клади съ товаромъ, которымъ торговали. И это—подводы, «безъ платежа прогоновъ,» по казенной надобности, по службѣ. При заключеніи контрактовъ на станціи вмѣсто трехъ взимали пятнадцать руб.

Существуетъ ли это теперь или нѣтъ—не знаю. Вѣрнѣе, что если и существуетъ, то скоро придетъ конецъ такому порядку вещей. Архангельская губернская администрація одушевлена въ этомъ отношеніи самыми лучшими намѣреніями и если не сразу, то найдетъ все-таки дорогу въ тундры лапландскія. Дѣло въ томъ, что въ эти пустыни трудно проникнуть контролю мѣстнаго начальства, сами же безгласные лопари кому и какъ будутъ жаловаться, при своей робости и безграмотности?

— Господь съ ними. Ихъ Богъ покараетъ!—И утѣшаясь этимъ, махнетъ рукою на все разоренный лопарь.

Я уже говорилъ о роли богача Базарнаго на крайнемъ сѣверѣ. Тутъ на ночлегѣ мнѣ разсказывали про него, между прочимъ, что онъ иногда семгу, при пріемѣ ея отъ лопарей, ставилъ имъ въ 30 коп., а самъ продавалъ ее за 3 и 4 р. пудъ. Дастъ бывало денегъ лопарямъ въ долгъ цѣлому обществу, подъ круговую поруку, рублей 300, на уплату податей, да уговорится столько же получить процентовъ и туломскій падунъ съ семужьими ловами, въ видѣ благодарности за ссуду,

*) Теперь должно быть лучше. Администрація архангельская весьма энергично преслѣдовала эти вопіющіе безпорядки. Да и исправникъ кольскій съ его помощникомъ—люди честные.

т. е. даромъ! Такимъ образомъ, за триста рублей лопари платили Базарному чуть не тысячу рублей, да и то рыбой, считая ее по 30, а много, много по 50 к. за пудъ. Самъ же Базарный, затративъ триста рублей, выручалъ изъ продажи рыбы чуть не десятъ тысячъ рублей. Такимъ образомъ составлялись на сѣверѣ капиталы!

Зашла рѣчь о вліяніи колонистовъ на лопарей.

— У моря нашимъ плохо жить стало. Все колонистъ отбилъ. Берегъ нашъ былъ—ему отдали. Ловы наши у него. . Да и лопины, которые промежъ ними промышляютъ, совсѣмъ свой старинный, баскій звычай забыли. Наши табакъ не курятъ вѣдь, развѣ нюхаютъ только... Особыя для того мѣдныя ложечки есть. Ну, а между колонистами и курить научились. Похваливаются зѣльемъ. Душу свою богоданную окуриваютъ. У насъ допрежъ и не слыхано было, чтобъ мужъ жену билъ. Совѣтъ, да любовь въ семьѣ у насъ. А лопарь Ананьинъ, что межъ кандалакшскими колонистами поселился, бьетъ жену на смерть, за груди ее щиплетъ, полѣномъ охаживаетъ. Дѣло не бывалое! Теперь это какъ язва по нашей тундрѣ пойдетъ!.. Статочное ли дѣло, чтобы лопарь надулъ кого! У насъ объ этомъ и въ сказкахъ даже не говорятъ, а теперь, у моря обманывать стали, на норвежанъ, да на русскихъ глядючи. Буйства еще нѣтъ, да погоди и этому научатъ. Вѣдуны наши сказывали—придутъ изъ-за моря люди и осядутъ у насъ, тогда и конецъ лопской правдѣ будетъ.

— Что это за вѣдуны?

— А люди такіе мудрые. Все сокровенное знаютъ. У васъ тоже колдуны есть, только они у васъ злые, а наши вѣдуны добрые, помочь намъ всякую оказываютъ. Бога помнятъ и сму служатъ. Правда, и они деньги любятъ, а только не даромъ берутъ. Больше снами наши вѣдуны дѣйствуютъ. Заболѣетъ кто — вѣдунъ во снѣ увидитъ чѣмъ лечить, ну, и за этотъ сонъ цѣлковенькіе старинные беретъ. Вѣдуны наши—все старики, да старушки.

— Ну, а если не подѣйствовало, если и послѣ вѣдуньяго сна человѣкъ не выздоровѣлъ?

— Они у насъ по правдѣ. Деньги назадъ отдаютъ—не спорятъ. У насъ вѣдунъ большой человѣкъ. Ничего безъ него не начнемъ... Передъ промысломъ, послѣ промысла, онъ насъ учитъ идти въ часовню—Богу молиться...

— А какъ на промыселъ идете, ничего не дѣлаете?

— Какъ не дѣлаемъ! Снасти рыболовныя ладаномъ окуриваемъ, перевязываемъ ихъ такъ, чтобы кубасъ вверхъ приходился, а поплавокъ (буй) внизъ. Такъ на цѣлый день и кладемъ гдѣ приведется. Гдѣ есть часовня—въ часовню, гдѣ церковь есть—въ церковь. А нѣтъ ни того, ни другаго — подъ образа...

— Священники молебновъ не служатъ?

— Гдѣ намъ искать ихъ, священниковъ. Онъ разъ въ годъ пріѣдетъ къ намъ, да и былъ таковъ. У насъ, если кто умретъ, схоронимъ, а попъ заочно отпоетъ когда приведется. Родится кто—заочно крестять, случалось... Свадьбы-то ужъ мы такъ и пригоняемъ къ пріѣзду батюшки. Потому этого дѣла такъ не сдѣлаешь. Нужно, чтобы крѣпко было... А вотъ ты мнѣ скажи, милый человѣкъ, большая промежъ насъ нынѣ смута идетъ. И такая смута, что нѣтъ намъ покоя. Кто окрещенъ, думаетъ что не по настоящему, кто обвѣнчанъ, тоже сомнѣвается—такъ ли, въ правилѣ ли дѣло...

— А что?...

— Попъ вишь у насъ—косноязычный. Въ молитвахъ, да при таинствахъ читаетъ имена такъ, что и не разберешь. Какъ Господь теперь?.. Дастъ ли силу такой молитвѣ, вѣдь именъ-то не разберешь за кого и что не поймешь?.. Въ силѣ ли это, или намъ опять нужно хорошаго попа просить да перевѣнчаться всѣмъ? Вѣдь и ангели тоже слышутъ, что молятся, а за кого?

Я успокоилъ лопаря, и онъ прояснѣлъ.

— Ну, и спасибо тебѣ, а то у меня вонъ двое дѣтей окрещены, перекрещивать пришлось бы — неладно. Мы любимъ, чтобы по настоящему, по закону Христову. Какъ положено, такъ и справь.. Другое горе у насъ. Хлѣба печь по вашему, по-русски, не умѣемъ. Мы прямо замѣсимъ на водѣ безъ соли, скатаемъ лепешку, да и примажемъ ее къ стѣнкамъ котла, или въ горячую золу бросимъ, чтобы спеклась хорошо. Какъ попадья съ батюшкой пріѣдетъ, тогда мы первымъ дѣломъ къ ней—она печетъ намъ хлѣбы, ну, мы и благодаримъ ее за то.

— Да вы вѣдь и хлѣба мало ѣдите?

— Потому по нашимъ мѣстамъ хлѣбъ дорогъ. На 8 мѣсяцевъ цѣлая семья запасаетъ пуда по полтора муки. Вотъ какъ мы хлѣбъ ѣдимъ. Богатые которые, тѣ по два кулька берутъ. Да и то еще славо Богу. Откуда взять-то хлѣба!.. Голодать, правда, рѣдко приходится...

Я самъ замѣтилъ, что лопари никогда не просятъ милостыни, тогда какъ въ русскую избу нельзя зайдти, чтобы съ палатей не сползла дряхлая старушенка и не протянула дрожащей руки за подаяніемъ. Сказалъ я объ этомъ моему собесѣднику.

— А это потому, что у насъ свой обычай есть. Мы не оставляемъ своихъ. Обнищаетъ лопарь, ну и идетъ прямо въ тупу къ своему родственнику, родныхъ нѣтъ — къ близкому, къ сосѣду или просто, къ знакомому, у него въ тупѣ и проживаетъ за роднаго. Кормятъ и поятъ его тамъ, ну, и онъ пособляетъ на промыслѣ... У насъ со стороны обычай такой, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ хранится... Завѣтъ!

— Про насъ много врутъ. Коляна да кандалакшана первые этому вранью заводчики. Слухи пустили, будто мы пьяницы. Правда, мы, коли водка есть, напиваемся зло, да она у насъ только три раза въ году и бываетъ на праздникахъ. Пьемъ мы и тогда, когда товаръ сдаемъ русскимъ, только тутъ уже не нашъ грѣхъ. Сами же ваши купцы спаиваютъ лопаря, чтобы дешевле олешину или мѣха у него взять. Лопарь какъ ребенокъ несмышленочекъ. Всему вѣритъ и пьетъ... А такъ, безъ случая, у насъ и повода пить нѣтъ, да и позыва къ вину не бываетъ.

Пьяницами ихъ дѣйствительно назвать нельзя. На возвратномъ пути въ Колу, я угостилъ ихъ бывшимъ со мною ромомъ. Каждому гребцу по глотку пришлось, не больше. Разомъ опьянѣли мои лопари. Лица у нихъ покраснѣли, глаза налились кровью, шапки какъ-то неожиданно на затылокъ слѣзли. У русскихъ крестьянъ драка бы завелась, а у нихъ только всѣ сразу заговорили. Грести продолжаютъ и болтаютъ всѣ сразу уже по своему. Но болтаютъ мирно. Одинъ запѣлъ даже. Спрашиваю—о чемъ?—Да о томъ, что у тебя вино хорошее, да и ты самъ хорошій человѣкъ, и день сегодня хорошій, и тепло намъ, и рѣка хорошая, и лодки лучше нѣтъ!.. Вотъ и вся пѣсня. Какъ быстро пришелъ, такъ скоро и отошелъ хмѣль. Спустя часъ, болтовня кончилась и лопари опять пришли въ себя. Русскіе и норвежцы ихъ спаиваютъ страшно. У себя въ Норвегіи стортингъ постановилъ даже не возить водку лапландцамъ и подъ страхомъ уголовныхъ наказаній воспретилъ продажу имъ крѣпкихъ напитковъ. Фохту, когда онъ былъ въ Гаммерфестѣ, даже жаловались норвежскіе купцы на это «стѣснительное для торговли» постановленіе. Зато оно благодѣтельно для лапландцевъ. У насъ не то. Павковъ изъ Кандалакши ежегодно по всей Лапландіи три раза посылаетъ своихъ прикащиковъ, снабженныхъ акцизными свидѣтельствами на право продажи водки. Они везутъ ее въ саняхъ, на оленяхъ, боченками. Особенно значителенъ такой торгъ около Богоявленія и въ самый день праздника. Прикащики въ это время страшно разоряютъ лопарей. Эти передвижные кабачки дѣйствительно зло и зло великое. Лопарь пропиваетъ и добычу осенняго промысла, и въ долгъ влѣзаетъ, оставаясь по честности своей натуры добросовѣстнымъ пожизненнымъ плательщикомъ за водку. Также какъ русскіе—и норвежцы колонисты разоряютъ на ромъ лопарей сонгельмскихъ, печенгскихъ, пазрѣцкихъ, мотовскихъ и другихъ, живущихъ въ окрестностяхъ колоній. Даль въ Печенгѣ разорилъ въ лоскъ окрестные погосты. Лопари цѣлыми вѣками копили серебро, которое они чрезвычайно любятъ. Теперь всѣ эти деньги у Даля. Онъ же заполучилъ ихъ стада, мѣха Ему же они работаютъ на кабальныхъ условіяхъ за ромъ. Намъ слѣдовало бы взять примѣръ съ сосѣдняго королевства и воспретить про-

дажу крѣпкихъ напитковъ нашимъ лопарямъ и воспретить безусловно. Подвижные кабачки эти вредно дѣйствуютъ на промышленниковъ изъ русскихъ. Выставки водочной продажи устраиваются обыкновенно на временно сборныхъ мѣстахъ среди пустынныхъ тундръ. Тутъ русскіе промышленники, пробирающіеся на Мурманъ или возвращающіеся оттуда, оставляютъ весь свой заработокъ. Но если на русскихъ, болѣе ловкихъ и практичныхъ, такъ разрушительно дѣйствуютъ такія выставки, какъ же онѣ должны вліять на лопарей! Лопарь никогда не пьетъ въ одиночку, но сообща, всей семьей, отъ стараго до малаго включительно. Поэтому попойки имъ обходятся очень дорого. При началѣ зимы они довольно богаты добычей. Пограничные лопари—тоже не бѣдны въ это время. Нѣкогда Базарный, зная безхарактерность лопарей и ихъ податливость, съ 15-го декабря посылалъ своего повѣреннаго съ водкою по погосту и въ зимній сборный пунктъ лопарей—Лавозеро. Съ появленіемъ водки—начиналось круговое пьянство. Лавозерцы и другіе пріѣзжіе сюда лопари цѣлую недѣлю ходятъ какъ угорѣлые, не зная что день, что ночь и разъѣзжаются только тогда, когда совсѣмъ пропьются. Добротная водка отпускается только въ началѣ, потомъ сбывается вода, съ сивушьимъ запахомъ. Тотъ же Базарный посылалъ своихъ цѣловальниковъ и въ Роснаволокъ, къ мурманщикамъ. Базарный умеръ—но лопарямъ не стало легче. Водкой торгуютъ и коляне, и кандалакшане, и умбскіе крестьяне, и понойцы, и норвежцы. Обираютъ также. Лопари съ сборныхъ мѣстъ и теперь, какъ прежде, возвращаются партіями. Въ Лавозерѣ водится лучшая въ Лапландіи рыба; она идетъ послѣ улова вся на шукгскую ярмарку. Какъ оказалось—и въ этомъ убѣдился я самъ—почти вся она вымѣнивается на водку. Всѣ эти свѣдѣнія подтверждались, сверхъ моихъ личныхъ наблюденій, и статьями свящ. Терентьева въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.» Мнѣ лично приходилось видѣть, какъ лопари пьянствовали на сборныхъ мѣстахъ и какими отвратительными путями русскіе и норвежцы обираютъ ихъ при этомъ.. При всемъ томъ, повторяю еще разъ, что лопари вовсе не пьяницы, хотя ради двухдневной попойки они готовы поплатиться добычею каторжнаго труда за всю осень!...

Смолистыя жерди въ кострѣ сгорѣли. Огонекъ еще перебѣгалъ подъ сѣрою золой. Кое-гдѣ красными пятнами горѣли кучки угольевъ... Ночь сверкала всѣми своими звѣздами, и луна высоко уже поднялась, когда мы разбудили спящихъ лопарей и пошли дальше...

Смутно теперь уже помнится мнѣ темный силуэтъ ното-озерской церкви въ темной чащѣ обступавшаго ее лѣса. Церковь и погостъ были пустынны и безлюдны. «Попъ какъ въ Колу уѣхалъ, тамъ и живетъ теперь! Да и лучше!» объясняли лопари.

— А что?

— Соблазну меньше. Прежде у насъ отецъ Георгій Терентьевъ былъ. Справедливый и хорошій человѣкъ. Во всемъ нашей защитой и пристанищемъ былъ...

Печально смотрѣла безлюдная церковь въ лѣсу... Причта не оказалось...

— Гдѣ же они?

— А завтра увидишь... На промыслахъ всѣ... Рыбку ловятъ. Наши лопари имъ тоже при этомъ помочь оказываютъ.

Дорога еще долго шла лѣсною чащей.

То мы поднимались вверхъ—но тутъ уже не было слышно грохота туломскаго водопада, — то спускались внизъ, гдѣ въ котловинѣ гремѣли порою ключи, невидимые въ этой тьмѣ...

— Ишь у насъ понизь какая. Сыро... Зимой все это снѣгомъ, что шапкой, накростъ.

Попробовали мы было воды изъ одного ключа. Желѣзомъ отзываетъ. Оказалось солью насыщенной болотной рудой, хотя собственно болота здѣсь нѣтъ вовсе...

Первые лучи разсвѣта желтоватыми тонами охватили востокъ, когда мы вышли на берега одного изъ значительнѣйшихъ озеръ Лапландіи, Нуотъ-озера. Вершины Кодовскихъ и другихъ горъ, обложившихъ его спокойныя воды, горѣли словно костры, разбросанные въ пространствѣ. Картина была полна красоты и величія. Горизонтъ расширялся, всюду вѣяло свѣжестью и просторомъ... Отсюда ложился передъ нами удобный водный путь. До Сонгельскаго погоста оставалось четыре дня, и только за Нуотъ-озеромъ насъ могли ожидать пѣшеходные волока, да и то небольшіе.

На Нуотъ-озерѣ противъ впаденія р. Туломы есть островокъ, отданный причту мѣстной церкви. Лопари строятъ ему ежегодно семужій заборъ, отъ острова къ берегу озера. Сверхъ того, причту отдана лахта въ восьмидесяти саженяхъ отъ туломскаго водопада. При весеннемъ разливѣ водъ въ нее попадаетъ пропасть семги и другой рыбы. Когда воды спадутъ, семга остается въ этомъ природномъ садкѣ. Отсюда ее черпаютъ неводами. Случаются и такіе ловы: «Сидятъ мужики съ крюками у берега лахты и зацѣпливаютъ оттуда идущую вверхъ семгу,» хватаютъ ее подъ жабры. Этотъ простой способъ лова требуетъ нѣкоторой ловкости и опытности. Также выбираютъ ее у лахты на крюки и во время разлива, когда она подымается Туломой въ заборъ причта и идетъ черезъ все Нуотъ-озеро въ рѣку Нуотъ, гдѣ, бросивъ икру, она тощаетъ, обращается въ *лохъ*. Тамъ ее ловятъ финны и шведы. По всему Нуотъ-озеру, р. Туломѣ и ея притокамъ

владѣютъ ловами Нуотъ-озерскій и Сонгельскій погосты. Въ Нуотъ-озерѣ, сверхъ семги, ловятъ сиговъ, харіусовъ, щукъ, кумжъ.

Семужій заборъ причта нуотъ-озерской церкви я осматривалъ самъ. Онъ очень не великъ, но въ хорошіе годы въ него попадаетъ пудовъ 200 рыбы. Обыкновенно же около 100 пудовъ. Только разъ уловъ здѣсь далъ за лѣто 300 пудовъ... Самый островокъ очень красивъ и живописные виды кругомъ дѣлаютъ его еще прелестнѣе. Мы провели здѣсь цѣлый день. Меня поразило обиліе рябцовъ (рябчиковъ) въ окрестныхъ пустыняхъ.

— Бьете вы ихъ?

— Чѣмъ его бить станешь? На рябка наши ружья велики слишкомъ. Пробовали силки ставить, да промыселъ невыгоденъ. Времени потратишь много, а барыша нѣтъ. Опять же лѣтомъ рыбу ловить лучше... вольготнѣе.

Лисицъ и куницъ здѣсь тоже много. Ихъ бьютъ вмѣстѣ съ медвѣдями и выдрами. Мѣха ихъ сбываются Савину, снимающему семужій заборъ по р. Туломѣ. Цѣны на мѣха стоятъ здѣсь крайне низкія. Да и охотниковъ меньше стало. Прежде въ сороковыхъ годахъ, на Нуотъ-озерѣ и въ окрестныхъ водахъ было пропасть бобровъ. Ихъ били лопари. Тогда много ихъ охотничало. Погостъ нуотъ-озерскій считался богатѣйшимъ. Но бобры уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ были частію истреблены, частію ушли невѣдомо куда. Выводковъ не осталось и промыселъ прекратился. Вмѣстѣ съ этимъ разорились и лопари названнаго погоста. Бобровъ стрѣляли, загоняя ихъ на озеро. Петли лопари ставятъ только на мошника (иначе чухарь, глухарь). Но и его они больше промышляютъ на токахъ изъ ружей. Мошники доставляютъ богатую добычу охотникамъ. Мясо покупаютъ колянс, да и сами лопари съ удовольствіемъ ѣдятъ его; перо и полупушье идутъ въ Норвегію. По берегамъ Нуотъ-озера много лѣса и хорошаго. Его рубятъ и доставляютъ въ Колу, такъ же какъ и лѣсъ на р. Туломѣ, на описанныхъ уже нами условіяхъ.

Отецъ Георгій Терентьевъ, вообще оставившій по себѣ хорошую память, завелъ было въ Нуотъ-озерѣ и огородничество. Здѣсь, посреди Лапландіи, онъ, а за нимъ и лопари, стали было сѣять картофель, рѣпу и рѣдьку. Урожаи были хороши. Пробовали и капусту. Листъ былъ хорошъ, но не завивался. Онъ съ успѣхомъ даже акклиматизировалъ здѣсь жито, но въ скорости его перевели въ Колу и полезное начинаніе погибло въ самомъ зародышѣ, не принеся ничего прочнаго. Тѣмъ не менѣе, за этой попыткой остается большая заслуга. Рѣшено и рѣшено безусловно, что огородничество, а частію и хлѣбопашество въ Лапландіи возможны!.. Въ хорошіе годы отецъ Георгій снималъ кортофеля самъ 10, а жита самъ 4. Восемь стакановъ снятаго отсюда жита

этотъ священникъ посылалъ въ Архангельскъ и оно оказалось хорошаго качества. Земля здѣсь удобная для посѣва овощей. Въ окрестностяхъ церкви собирается сѣно хорошаго качества. Сѣнокосы по рѣкѣ Туломѣ, какъ мы уже говорили, лопари отдаютъ колянамъ въ аренду. Изъ этого источника образовалась касса въ 800 р., хотя отдача луговъ не подесятинно, а на корову крайне невыгодна для лопарей. Мнѣ кинулась въ глаза еще одна особенность мѣстныхъ сѣнокосовъ. Сѣно здѣсь кладутъ не стогами, а убираютъ его въ тоненькіе, продуваемые вѣтромъ зародцы.

Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. И Лапландія, какъ видите, далеко не такъ мрачна, какъ о ней думали!

Норвежскіе лопари даже завели уже коровъ. Нашимъ далеко до этого.

Разъ, впрочемъ, въ Лавозерѣ уже завелось было правильное скотоводство, люди поселились осѣдло. Поставили настоящія избы, да не встрѣтили поддержки въ мѣстномъ начальствѣ, а безъ такой поддержки дѣло пойдти не могло. Тамъ, гдѣ на выгодные, богатѣйшіе морскіе берега привлекаютъ поселенцевъ цѣлымъ рядомъ льготъ и преимуществъ, нельзя безъ правительственной поддержки заставить оленевода и бродячаго охотника и рыболова лопаря жить осѣдло. Властные люди отнеслись къ этому вполнѣ равнодушно. Такъ и починъ лавозерскихъ лопарей только починомъ и остался.

Лопари любятъ овощи и охотно покупаютъ ихъ. Пріучить ихъ къ огородничеству, слѣдовательно, очень легко. Но огородничество здѣсь не можетъ существовать безъ скотоводства. Терентьевъ въ Нуотъ-озерѣ держалъ коровъ; этимъ и объясняется успѣхъ его огородовъ. Лопари не разъ заявляли мѣстнымъ властямъ (они говорили это и мнѣ), что ежели имъ дадутъ пособіе на заведеніе коровъ, то они займутся скотоводствомъ. На корову они просятъ по 25 рублей. Но ходатайству этому почему-то хода не дали. Какъ и Лавозерскій, погосты Сонгельскій, Нуотъ-озерскій и Кильдинскій «согласны были на осѣдлость,» построили избы. Но уѣздная администрація только и ограничилась этимъ *соглашеніемъ* и годъ спустя все пошло по старому.

Солнце уже встало, обѣщая жаркій день.

Горы выдвигались однѣ за другими, массивными громадами на берегахъ Нуотъ-озера... Вдали, словно свинцово-синяя туча, виднѣлись такія же горы...

— Тамъ шведь живетъ! объяснили лопари, сбрасывая въ воду большой карбасъ...

— Ну, благословясь!

Весла ударили въ воду, и челнокъ быстро врѣзался въ спокойныя воды Нуотъ-озера...

Нуотъ-озеро.—Виды береговъ.—Семужій притонъ.—Легенда Голаго острова.—Встрѣча съ лопарями.—Разсказы о фильманахъ и о лопарской ярмаркѣ.—Сонгельскій погостъ и сонгельскіе лопари.—Кодовскія горы.—Путь назадъ.—Буря.

Мои записки о поѣздкѣ по Нуотъ-озеру, въ Кодовскія горы и Сонгельскій погостъ—кратки и отрывочны. Во время бури и крушенія на томъ же озерѣ, я потерялъ половину моихъ замѣтокъ и гербарій береговой флоры. Эту часть пути приходится описывать по воспоминаніямъ и возстановлять данныя по добытымъ въ Колѣ свѣдѣніямъ. Поэтому здѣсь я не стану приводить точныхъ цифръ о лопарскихъ промыслахъ. Что же касается до этнографіи края, то этому будетъ отведено значительное мѣсто при описаніи моихъ экскурсій на озеро Имандру.

Поѣздка по Нуотъ-озеру въ первый конецъ была скорѣе очаровательной прогулкой. Лодка медленно подвигалась впередъ, посреди недвижныхъ водъ: руль тихо поскрипывалъ подъ рукою молчаливаго лопаря. Воздухъ былъ тепелъ. Когда мы приближались къ берегамъ — оттуда доносился шумъ притоковъ и стрекотъ озерной дичи. Въ нѣсколькихъ пунктахъ мы слышали пронзительныя рыданія гагаръ и рѣзкій крикъ чаекъ. На Нуотъ-озерѣ очень мало острововъ, да и то у берега. За то трудно себѣ представить что нибудь подобное этому озеру по шири и красотѣ пейзажа. Правда, онъ однообразенъ. Сѣроватые очерки горъ, словно висящихъ въ воздухѣ надъ берегами, и приволье, просторъ водянаго міра—и только. За то сколько величія въ этомъ однообразіи, какое глубокое впечатлѣніе производитъ оно на душу! Кажется, что и самая мысль расширяется! Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ мы подплыли къ берегу—лодка долго огибала выступы и обрывы гранитныхъ массъ, прежде чѣмъ попала въ тихую заводь, гдѣ можно было пристать. Кодовскія горы здѣсь обрывались внизъ крутыми, исполосованными щелями и трещинами стѣнами... Въ одномъ мѣстѣ мы замѣтили эффектную звѣздообразную трещину, углы и изломы которой ярко сверкали на солнцѣ. Вверху на гребнѣ отвѣсной стѣны лѣпился невысокій лѣсъ. Нѣкоторыя ели росли въ наклонномъ надъ водою положеніи... Только разъ мы замѣтили голову оленя, любопытно присматривавшагося къ намъ сверху... Большая часть вершинъ въ Кодовскихъ горахъ покрыта ягелевою или оленьей тундрой. Тутъ преимущественно и водятся дикіе олени и другой промысловый звѣрь. Не смотря на это, нотозерскіе и сонгельскіе лопари считаются самыми бѣдными на всемъ Кольскомъ полуостровѣ. Они вполнѣ зависятъ отъ хозяевъ, которые доставляютъ имъ хлѣбъ по 1½ рубля за пудъ, случается впрочемъ платятъ и по 2 р. Промышляемую ими рыбу тѣ же кольскіе хозяева берутъ дешево, уплачивая за ихъ счетъ подати коль-

ско-лопарскому волостному правленію. Я до сихъ поръ не могу позабыть растеряннаго вида старосты нотозерской церкви, когда онъ говорилъ со мной о бѣдности своего погоста. Въ его голосѣ слышалась полнѣйшая безнадежность на лучшее положеніе дѣла. Видно было, что людямъ приходится плохо, что не смотря на обиліе рыбы и звѣря, они живутъ въ проголодь, питаясь чѣмъ и какъ ни попало.

— Да вы бы другихъ хозяевъ поискали? Не одна же Кола на свѣтѣ, не клиномъ сошлось все.

— Гдѣ ужь искать-то? Къ колонистамъ было сунулися, да тѣ почище колянъ грабятъ. Колянинъ поѣдомъ насъ ѣстъ, да за то и въ голодное время поможетъ, а колонистъ обдеретъ, а потомъ ужь къ нему не суйся. Особенно норвежцы, тѣ самый каменный народъ; его ничѣмъ не прошибешь, ему смѣшна твоя нужда; онъ тебѣ куска хлѣба не дастъ. Да, плохо нашему погосту приходится нынче.

Кстати, здѣсь необходимо объяснить значеніе слова погостъ у лопарей. Это не мѣсто, гдѣ живетъ причтъ вокругъ церкви. Нѣтъ. Это, такъ сказать, лопарское село, поселокъ, становище. Вся тундра, вся Лапландія подѣлена между десятью или двѣнадцатью погостами, группирующимися въ три сельскія общества: воронежское, экъ-островское и печенгское, составляющія одну волость —кольско-лопарскую. Погосты эти владѣютъ 7.374,147 десятинами, изъ нихъ подъ лѣсомъ 1.721,752 десятинъ, подъ тундрами 4.560,000 дес. и подъ озерами и рѣками 1.102,395 дес. На всемъ этомъ сравнительно громадномъ пространствѣ живетъ 689 мужчинъ и 709 женщ. лопарей-владѣльцевъ, и живетъ притомъ разбросанно, на далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Зимою всѣ они собираются въ свои погосты, имѣющіе видъ деревушекъ, гдѣ вокругъ жалкаго сруба старой часовни ютится отъ 6 до 15-ти тупъ—избенокъ, крытыхъ на одинъ скатъ. Въ погостахъ такимъ образомъ они живутъ съ 25-го декабря по 23-е апрѣля; въ апрѣлѣ же опять расходятся въ разныя стороны, мѣняя такимъ образомъ четыре раза въ годъ свое жилье, вслѣдствіе разграниченія между ихъ родами всѣхъ мѣстныхъ угодій, лѣсныхъ ухожьевъ для ловли звѣрей и птицъ, пастбищъ для оленей, озеръ и рѣкъ для ловли рыбы. На всемъ этомъ громадномъ пространствѣ лопарямъ принадлежитъ 1,570 овецъ и 90,000 оленей домашнихъ. Съ улова рыбы во внутреннихъ и приморскихъ рѣкахъ лопари выручаютъ около 3,500 р., отъ улова рыбы въ кольской губѣ—около 1,800 р., въ морѣ—около 7,000 руб. Отъ промысла птицъ и пушныхъ звѣрей около 1,000 руб. Всѣ остальныя разнородныя занятія даютъ имъ лишь 3,000 руб. Съ души сходитъ податей въ казну по 3 р. 16½ коп., да сверхъ того мірскихъ сборовъ 2 руб. 30 коп.; ежегодно остается въ недоимкѣ 260 р. Отсюда ясно, что, платя въ годъ 5 руб. 50 коп. податей, лопарь отъ

всѣхъ своихъ промысловъ получаетъ только 13 руб., да и то зачастую не деньгами, а хлѣбомъ и другими необходимыми въ его бытѣ вещами. Понятно, что на 7 руб. 50 к. годъ не проживешь! Мы привели эти цифры въ подтвержденіе показаній нотозерскаго церковнаго старосты, толковаго лопаря, съумѣвшаго краснорѣчиво защищать интересы своего племени. Къ сожалѣнію, его некому было слушать.

Умѣстно будетъ тутъ привести, что средній заработокъ норвежскаго лопаря на наши деньги равняется 120 рублямъ. Такимъ образомъ, платя податей меньше русскаго лапландца, онъ получаетъ дохода въ десять разъ больше. При этомъ норвежскій лопарь грамотенъ; норвежскій лопарь — прежде всего полноправный гражданинъ. Онъ самъ хозяинъ, а не батракъ; онъ работаетъ на самого себя и на свое семейство. Между ними не мало такихъ, которые имѣютъ по 100,000 таллеровъ въ мѣстныхъ банкахъ! Вотъ и сравнивайте взаимное положеніе членовъ одного и того же племени.

Къ ночи мы пристали въ тихую заводь, со всѣхъ сторонъ обставленную отвѣсными обрывами высокихъ горъ.

— Слава Богу и до Семужьяго притона доплыли!

— Что за Семужій притонъ?

— А въ этой заводи семги—что твоя каша. Бываютъ дни весною, что по верхъ воды стоитъ.

— Возможно ли это?

— Спроси вонъ у другихъ.

Спросилъ, оказывается—правда.

— Кто жъ ее ловитъ тутъ?

— Одному лопарю принадлежитъ весь притонъ. Тутъ у него и вѣжа есть.

Вѣжу мы отыскали въ щели, запрятавшеюся сюда отъ вѣтра и отъ «недобраго глаза.»

— Много поди рыбы ловишь? спрашиваемъ у лопаря.

— Весною много, а лѣтомъ голодую.

— Чтожъ ты одинъ здѣсь?

— Есть дочка. Та въ лѣсу ходитъ. Какъ прослышала, что чужіе пріѣхали — въ лѣсъ ушла... До утра въ лѣсу пробудетъ. Она у меня дикая.

— Она у него, что олень дикій, отъ людскаго глазу бѣжитъ; пуще всего человѣка боится.

— Немудрено, около Голаго острова живутъ. Оттого и пуганые.

Спросилъ я, что такое «Голый островъ?»

— Завтра увидишь, плыть будешь мимо. Такъ каменная корча посреди озера Тутъ у насъ несообразное дѣло случилось. Давно это было. Лопь еще тогда, сказываютъ, вольная жила. Русь не прихо-

дила, шведъ наѣзжалъ, правда, да чудь насъ грабила только... Вотъ разъ чудь пришла на Нуотъ-озеро. А въ вѣжѣ на берегу отецъ съ сыномъ жили. Испугались они чуди и ушли отъ нее въ озеро на Голый островъ. Ночь пришла, а наши лопины забыли лодку вытащить. Вѣтромъ оторвало ее и унесло вонъ. Утромъ проснулись,- видятъ — чудь ушла съ берега — а имъ-то съ острова сойдти никакъ нельзя—лодки нѣтъ. Проплыть тоже неспособно. Верстъ поди десять будетъ. Стали поджидать, не приплыветъ ли она. Ждутъ день, другой ждутъ, третій пришелъ. Помирать пора приходитъ съ голоду. Ну тутъ и случилось страшное это дѣло. Старикъ не совладалъ съ собой. Подкрался къ сыну иззади да ножомъ его. Свѣжей крови напился, человѣческаго мяса поѣлъ. Еще три дня жилъ такъ. Сыномъ питался. На четвертый день его съ Голаго острова лодка сняла. Только съ той поры старикъ какъ увидитъ гдѣ человѣка спящаго, сейчасъ его зубами за горло. Перегрызетъ и кровь пьетъ. Наконецъ замѣтили это лопари и утопили его въ Чортовой ламбинѣ. А онъ опять изъ воды вышелъ, бросили въ озеро—озеро не приняло, назадъ живаго выбросило. Думали, думали какъ имъ старика избыть. Пришелъ къ нимъ финнъ колдунъ. Заройте, говоритъ, его живаго въ землю. Зарыли—а на утро глядь голова ужь поверхъ земли. Наконецъ, вспомнили, что огонь, земля да воздухъ—все чарамъ послушно. Одинъ огонь можетъ взять злодѣя этого. Вырыли. Живехонекъ. Разминастъ руки да зубами щелкаетъ, горло кому перегрызть норовитъ. Ну его тогда заперли въ срубъ и сожгли... И съ той самой поры какъ ночь, такъ на Голомъ островѣ кто-то плачетъ и стонетъ. Сказываютъ, сынъ это ходитъ. Мы признаться мимо по ночамъ и не ѣздимъ. Одного лопаря туда буря пригнала. Радъ не радъ—вышелъ. А къ утру одичалъ совсѣмъ. Ходитъ помутившись, на людей не глядитъ... Вскорости и умеръ!

Уже на другой день пришлось плыть мимо Голаго острова. Страшное для лопаря мѣсто оказалось просто каменной глыбой неправильной формы. Пятна краснаго гранита выдѣлялись въ сѣрой породѣ камня.

— Ишь, это кровь его осталась! Сколько весенъ прошло, сколько разъ вода смывала ихъ, а все смыть не можетъ. Все они остаются тутъ... свидѣтельствуютъ... Сказываютъ, когда водою кровь эту смоетъ съ камня, тогда упокойникъ и плакать перестанетъ по ночамъ!..

Не успѣли мы отъѣхать отъ Голаго острова, какъ наткнулись на другую легенду.

— Видишь ты эту плѣшку?

Я посмотрѣлъ. У берега высилась большая варака съ голой вершиной, покрытой ягелевой тундрой. Тундрой въ Лапландіи называютъ не болото, какъ въ остальныхъ частяхъ Архангельской губерніи, а пространство, поросшее оленьимъ мохомъ.

— Тутъ пропасть нашей лопи костьми легло.

Какъ видите, лопари привыкли къ чисто-русскимъ оборотамъ рѣчи.

— Давно это было. Шведъ приходилъ. Часть лопи въ полонъ взялъ—дѣвушекъ оставилъ, а парней перебилъ. Кто успѣлъ уйдти — на эту гору большую ушелъ. Шведы окружили ее и стали станомъ. Сорокъ дней стояли, а на сорокъ первый пошли къ верху и ни одного живого не нашли. Всѣ съ голоду померли! Вотъ оно какое дѣло было у насъ. Съ той поры мы и гору эту помнимъ. Шведъ онъ страшный былъ. Мечами бился.

— А вы какъ защищались?

— Мы стрѣлами больше.

Навстрѣчу попалось пять лодокъ съ лопарями.

— Куда вы?

— А къ фильманамъ пробираемся. Торговать.

Лопари были въ праздничныхъ нарядахъ. Женщины въ своихъ брачныхъ головныхъ уборахъ и красныхъ юпкахъ.

Воспользуемся случаемъ сказать нѣсколько словъ о фильманахъ или лучше финманахъ, особомъ племени лопарей, кочующихъ въ сѣверо западной части Кольскаго полуострова около границъ Финляндіи и Норвегіи. Большая часть финмановъ находится въ предѣлахъ сосѣдняго королевства, у насъ было не болѣе сорока семействъ этого интереснаго рода. Наши собственныя впечатлѣнія мы провѣряли разсказами г. Соловцова, долго жившаго среди фильмановъ. Отъ мурманской и терской лопи фильманы отличаются весьма рѣзко. Ихъ первоначальное отечество—или Финляндія или Финмаркенъ. Наши фильманы —тѣ члены племени, которые остались въ Россіи послѣ размежеванія Финляндіи, Россіи и Норвегіи. Фильманы до сихъ поръ ведутъ кочевую жизнь и занимаются исключительно оленеводствомъ. Обыкновенно они живутъ въ одномъ мѣстѣ, пока олени не выѣдятъ весь мохъ въ окрестностяхъ, послѣ этого они перебираются верстъ за десять, за двадцать, стараясь ютиться поближе къ Пазрѣцкой, Мотовской и Печенской губамъ Сѣвернаго ледовитаго океана, чтобы на лѣто пригонять свои стада къ самымъ берегамъ океана, гдѣ, вопервыхъ, прохладнѣе, а вовторыхъ мало комаровъ. Весь участокъ, занимаемый ими, имѣетъ 300 верстъ отъ востока на западъ и 150 съ сѣвера на югъ. Они никогда не живутъ обществами, а семействами, причемъ очень рѣдко можно встрѣтить два семейства вмѣстѣ. Вмѣсто вѣжи или тупы, обыкновеннаго жилья русскихъ лопарей, фильманы строятъ кувасы, т. е. палатки изъ оленьихъ мѣховъ или грубаго сукна, обтягивающихъ тонкія жерди, разставленныя шатромъ. Внутри куваса — куча камней, на которыхъ раскладывается огонь. Для выхода дыма и для

пропуска свѣта — отверстіе вверху. Въ кувасѣ, несмотря на это, дымно какъ въ коптильнѣ. Надъ очагомъ виситъ мѣдный нелуженный котелъ съ тающимъ въ немъ снѣгомъ. Вдоль стѣнъ, на особо приспособленныхъ жердяхъ, развѣшано для просушки оленье мясо. За недостаткомъ оленьяго, фильманы употребляютъ въ пищу тюленье и даже китовое мясо, особенно если моремъ выброситъ на берегъ мертваго кита. Тутъ же висятъ оленьи мѣха, упряжь, одѣяло, обувь, платье... Нечистота и смрадъ невыносимыя. Тутъ, на пространствѣ пяти или шести квадратныхъ сажень, помѣщаются человѣкъ десять одной и той же семьи, вмѣстѣ съ собаками, которыхъ фильманы никогда не выгоняютъ изъ куваса. Всѣ фильманы имѣютъ большія стада оленей. Они гораздо богаче русскихъ лопарей; бѣднѣйшій фильманъ обыкновенно владѣетъ не менѣе ста оленями. У другихъ есть и десятки тысячъ, а въ Ледзовской губѣ мнѣ указывали на мрачнаго фильмана, молчаливо сидѣвшаго въ углу у колониста. Этотъ «таинственный незнакомецъ», закутанный въ ободранные мѣха, владѣлъ стадомъ въ 70,000 оленей, или считая каждаго оленя въ 7 руб., располагалъ богатствомъ въ 490,000 руб. Фильманы шкуры убитыхъ дикихъ, а иногда и домашнихъ оленей вымѣниваютъ въ Колѣ или у мурманскихъ колонистовъ на муку, порохъ, сукно, посуду и т. д. Главная мѣновая торговля ихъ производится на ярмаркѣ у озера Эйнара, въ Финляндіи. Фильманы туда съѣзжаются отовсюду: и изъ Россіи, и изъ Норвегіи. Сюда же сбираются финскіе, корельскіе и норвежскіе купцы. Сюда фильманы доставляютъ лисьи, россомашьи, куньи, выдровые и медвѣжьи мѣха. Въ послѣднее время они поняли значеніе денегъ и неохотно вымѣниваютъ свой товаръ на необходимые имъ предметы. Такъ что теперь безъ денегъ къ нимъ промышленникъ не суйся.

— Хлѣба я сама купить. Давай деньга, говорятъ они и русскимъ, посѣщающимъ ихъ въ досужее время.

Фильманъ даже и по наружности не похожъ на русскаго лопаря. Онъ высокъ, черноволосъ. На смугломъ лицѣ подозрительно смотрятъ каріе глаза. Нашъ русоволосый, сѣроглазый лопарь кажется пигмеемъ рядомъ съ этими патагонцами сѣвера. Фильманъ сумраченъ и молчаливъ. Онъ суровъ, какъ и природа, среди которой живетъ. Недовѣрчивый, злопамятный, по своей мстительности онъ служитъ предметомъ ужаса для другихъ лопарскихъ племенъ. Случаевъ супружескихъ несогласій, а тѣмъ больше невѣрностей, у нихъ не встрѣчается, хотя браки по любви здѣсь рѣдки. Очень часто 18-ти и 20-ти-лѣтніе молодые парни женятся на 50 и 60 лѣтнихъ старухахъ и наоборотъ, за полуживыхъ стариковъ выходятъ шестнадцатилѣтнія дѣвушки. Въ томъ или другомъ случаѣ главную роль играетъ разсчетъ, богатство.

Какъ много между лопарками красивыхъ лицъ, такъ между фильманками они рѣдко. Старуха фильманка — верхъ безобразія.

Фильманы при всѣхъ своихъ дурныхъ качествахъ очень гостепріимны. Гость — хозяинъ въ ихъ кувасѣ. Для него рѣжутъ оленя, ему подносятъ долго сберегаемый ромъ. Фильманъ кромѣ того любитъ роскошь. Кувасы у богачей украшаются изнутри цвѣтными сукнами, коврами или лоскутьями пестраго ситца. Они нерѣдко собираютъ въ кучу своихъ оленей и любуются на нихъ. Вотъ что разсказывалъ Соловцовъ объ этомъ: «въ сопровожденіи фильмана и около десяти собакъ, онъ вышелъ на высокую пологую гору, съ которой было видно во всѣ стороны на нѣсколько верстъ кругомъ. Въ разныхъ мѣстахъ и то вдалекѣ видно было не болѣе десятка оленей. Фильманъ что-то закричалъ собакамъ особеннымъ голосомъ, и тѣ съ громкимъ лаемъ и визгомъ бросились въ разныя стороны; лай ихъ скоро замолкъ въ отдаленіи. Прошло около часу, гдѣ-то опять смутно послышался голосъ собакъ и вслѣдъ затѣмъ съ разныхъ сторонъ стали показываться олени... Скоро огромное стадо ихъ въ нѣсколько тысячъ головъ такъ тѣсно столпилось около насъ, что яблоку было упасть негдѣ. Ихъ вѣтвистые рога казались массами кустарника, обезлиственнаго осенью. Вокругъ стада въ разныхъ мѣстахъ сидѣли собаченки, какъ будто караульщики. Случалось, что какой-нибудь олень отдѣлялся отъ стада, тогда собаки бросались на него и заставляли возвратиться на свое мѣсто. Этихъ собакъ фильманы цѣнятъ очень высоко. Фогтъ разсказываетъ, что нѣкоторыя оцѣнивались въ 300 и болѣе талеровъ. При мнѣ за собаку лопарь экъ-островскаго погоста заплатилъ десять оленей. Фильманы никогда не знаютъ счета своимъ оленямъ, только ножомъ на каждомъ изъ нихъ они дѣлаютъ свое тавро.

— Что же, выгоденъ этотъ торгъ?

— Оно не для выгоды. Такъ—время провести. Фильманы гостей любятъ...

Спустя два дня плаванія по этимъ очаровательнымъ пустынямъ дальняго сѣвера, мы наконецъ добрались до Сонгельскаго погоста Куча гнилыхъ тупъ, амбарушковъ и старая часовня—простой срубъ, крытый на два ската—вотъ и весь лопарскій поселокъ, погостъ. Здѣсь не было никого. Одни ушли на озера и рѣки, другіе къ морю на промысла. Все населеніе погоста вернется домой только къ Рождеству. Нѣкоторые нотозерцы уходятъ въ море на все лѣто, а сонгельцы всѣ отправляются въ Печенгу, промышлять рыбу. Нотозерцы сверхъ того занимаются лѣсными порубками. Вообще всѣ лопари этой части Кольскаго полуострова море предпочитаютъ озеру. Такъ мотовскіе уходятъ сплошь въ море и работаютъ въ Мотовской губѣ, печенгцы вмѣстѣ съ сонгельчанами промышляютъ въ Малонѣмецкой губѣ (Пе-

ченга). Для этого они разбиваются на артели по четыре человѣка въ каждой. Такая артель садится на тройникъ (родъ поморской шняки, только поменьше) и уже работаетъ не на хозяевъ, а на себя. По окончаніи каждаго промысловаго періода, добыча отдается печенгцами хозяевамъ Круглымъ, а сонгельчанами — норвежцу Далю, по тѣмъ же цѣнамъ, по какимъ сбываютъ свою рыбу русскіе. Прежде лопарей и тутъ притѣсняли, но теперь, когда на Мурманѣ сильно развилась конкуренція, лопари тоже взялись за умъ. До чего въ этомъ случаѣ поднялась цѣнность рыбы, видно изъ того, что еще въ 1861 году сонгельчане отдавали рыбу морскаго улова по 15 — 20 к. за пудъ, а съ устройствомъ колоній на Мурманѣ и приходомъ туда кораблей они не продаютъ ее дешевле 40 к. Тресковое сало (макса и воюкса) съ 80 к. дошло до 1 р. 50 коп., грѣтое же до 4 р. За то одновременно съ этимъ многія лучшія губы были отняты у лопарей и отданы колонистамъ. Такъ лучшая на Мурманѣ промысловая губа Ура отдана финамъ. Въ губѣ Мецѣ промышляютъ семгу мотовскіе лопари, но въ послѣднее время и на эту губу наложили свою хищную руку колонисты. Они же забрались и въ другой лѣтній пріютъ мотовскихъ лопарей—въ губу Мотку. Семга ловится сонгельскими лопарями и нотозерцами въ Печенгской губѣ, причемъ промыселъ этотъ здѣсь распредѣленъ по погостамъ. Каждый погостъ имѣетъ свои гарвы (сѣти) и добычу дѣлитъ по душамъ. Такимъ образомъ коммунальная идея правильнаго распредѣленія богатствъ давно уже разрѣшена лапландцами въ положительномъ смыслѣ. Замѣчательно, что, пока лопари промышляютъ одни, то хотя бы они принадлежали къ разнымъ погостамъ, между ними никогда не бываетъ распрей и ссоръ. Но, какъ только между ними замѣшаются русскіе, — дѣло не обходится безъ хищничества съ одной и отпора съ другой стороны. Въ Тириберкѣ къ мѣстному лопарскому обществу приписаны колонисты. Лопари должны были имъ уступить часть своего промысла, соотвѣтствующую числу душъ. Поэтому тотчасъ же здѣсь и началась безурядица. Получивъ часть, колонисты захотѣли захватить все. Нельзя при этомъ не замѣтить, что мѣстная администрація, задавшись благодѣтельнымъ для Мурмана упроченіемъ колонизаціи на немъ, слишкомъ односторонне отнеслась къ этому дѣлу. Колонистской волости предоставлено право владѣть береговою полосою отъ Колы до норвежской границы. Притомъ позабыли только одно, что полоса эта ранѣе принадлежала единственнымъ собственникамъ-лопарямъ. Ужь если необходимо было при устройствѣ этого дѣла прибѣгать къ нѣкоторому захвату, то лучше всего было бы печенгскихъ, мотовскихъ и другихъ лопарей, обыкновенно промышляющихъ въ морѣ и нуждающихся въ береговой полосѣ, тоже приписать въ колонистскую волость. Тогда, по край-

ней мѣрѣ, пользованіе берегомъ было бы общее и несправедливость оказывалась бы не столь велика.

Лопари сонгельскаго и нотозерскаго погоста, нѣкогда очень многочисленные, съ каждымъ годомъ выраждаются. Во всей Лапландіи у насъ замѣтно вообще уменьшеніе населенія, но здѣсь это явленіе особенно сильно. Наши оптимисты утѣшаютъ себя тѣмъ, что это неизбѣжно тамъ, гдѣ культурная раса сталкивается съ номадами. Я бы имъ посовѣтовалъ обратить вниманіе на свидѣтельство норвежскаго профессора Фрійса, который говоритъ, что съ 1567 по 1815 г. податные списки норвежскихъ лопарей показываютъ «увеличеніе лапландскаго населенія въ восточномъ и западномъ Финмаркенѣ, и именно число лапландцевъ въ этотъ періодъ времени возросло втрое». У насъ же, судя по свидѣтельству лѣтописей и по показаніямъ мѣстныхъ старожиловъ, число лопарей за то же время уменьшилось почти въ *семь* разъ!

Противоположность между русскими и норвежскими лопарями въ пользу послѣднихъ была такъ велика, что, напримѣръ, Фрійсъ не могъ относиться къ первымъ столь же безпристрастно, какъ онъ относился ко вторымъ. Поэтому норвежскій профессоръ надѣлилъ нашихъ инородцевъ всевозможными пороками, называлъ ихъ ворами и мошенниками, чего въ дѣйствительности не было вовсе. Я въ сонгельскомъ погостѣ оставлялъ свои вещи, деньги, ромъ и уходилъ на нѣсколько дней въ окрестныя горы. По возвращеніи, я все заставалъ цѣлымъ, хотя лопари и не имѣли никакого основанія опасаться меня. То же повторялось и въ другихъ лопарскихъ погостахъ.

Въ Лапландіи учреждена обязанность лѣсныхъ сторожей. Такихъ считается двѣнадцать, и каждый изъ нихъ получаетъ по 80 руб. въ годъ, да два объѣздчика по 150 руб. Большая часть дачъ расположена внутри Лапландіи, гдѣ вовсе нѣтъ сплавныхъ рѣкъ, а способы перевозки заключаются въ оленяхъ, которые не поднимутъ и одного бревна. Никакой порубки лѣса здѣсь *быть не можетъ вовсе*. Охранять лѣсовъ не отъ кого. Лопари строятъ свои жилища изъ кольевъ мелкорастущаго лѣса. До крупнаго они не касаются и нужды въ немъ не имѣютъ никакой. Дрова у нихъ изъ сухоподстойнаго лѣса. Въ случаѣ лѣснаго пожара одинъ сторожъ ничего не сдѣлаетъ, лопарей созвать на помощь нельзя, потому что они живутъ разбросною, верстахъ въ двадцати одинъ отъ другаго, въ одиночку. Расходъ на наемъ лѣсныхъ сторожей производителенъ только въ пограничныхъ съ Норвегіей дачахъ, по Подрюхѣ и Печенгѣ съ Моткою Туломой, по которымъ сплавляютъ лѣсъ. Въ остальныхъ дачахъ онъ могъ бы быть упраздненъ, безъ всякаго вреда дѣлу.

— Что у васъ дѣлаютъ лѣсные сторожа? спрашивалъ я у лопарей.

— А пьянствуютъ, да на боку лежатъ. Потому работы имъ никакой нѣтъ.

Фильманы любятъ подарки и за нихъ отплачиваютъ равноцѣнными вещами. Поморы ходятъ къ нимъ въ гости и несутъ въ даръ фильманамъ кусокъ яркаго сукна не больше аршина, шелкъ или бумажный платокъ, чаще же всего печеный хлѣбъ и немного коровьяго масла. За это отъ щедраго хозяина они получаютъ оленя. Нерѣдко поморы крадутъ у фильмановъ оленей. Если вора не поймали, — дѣло сходитъ съ рукъ. Фильманъ не пойдетъ на нихъ жаловаться. Если же похититель застигнутъ съ поличнымъ, — ему нечего ждать пощады. Фильманы бьютъ его до смерти. Фильманы ѣдятъ оленей, рыбу, тюленье и китовое мясо—и все это сырьемъ. Соли они не знаютъ вовсе. Случается, что въ голодные годы они ѣдятъ мясо лисицъ, россомахъ; величайшимъ лакомствомъ у нихъ считается кофе. При всемъ этомъ они отличаются крайнею неопрятностью. Собакъ кормятъ изъ той же посуды, изъ которой ѣдятъ сами, и никогда ее не моютъ. Ихъ лица и руки незнакомы съ употребленіемъ мыла. Одѣваются они также отлично отъ лопарей: печокъ изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ, яры изъ оленьей шкуры, снятой съ ногъ. На головѣ шапки, похожія на кучерскія, съ четырехугольнымъ верхомъ изъ синяго сукна и съ мѣховымъ околышемъ. У каждаго за поясомъ большой ножъ, которымъ и дрова рубятъ, и кережки дѣлаютъ, и оленей колютъ, и пищу рѣжутъ. Лопари всѣ православные; фильманы исповѣдуютъ лютеранство, исполняя всѣ церковные обряды во время съѣзда на озеро Эйнаре, гдѣ живетъ ихъ пасторъ; въ каждомъ фильманскомъ семействѣ есть библія и евангеліе; всякій фильманъ читаетъ и пишетъ по-фински, точно также, какъ норвежскіе лопари читаютъ и пишутъ по-норвежски.

Встрѣчаемые нами на Нуотъ-озерѣ лопари пробирались къ фильманамъ, чтобы запродать имъ пороха и другихъ вещей, предварительно вымѣненныхъ ими въ Колѣ...

Въ сонгельскомъ погостѣ заживаться было нечего. Намъ приходилось вернуться поскорѣе въ Колу, чтобы приготовиться къ самой интересной части путешествія — къ экскурсіямъ на озера Мездръ, Имандру, Лавозеро и Ковдо. Такимъ путемъ мы должны были проникнуть въ самое сердце Лапландіи. Поэтому, осмотрѣвъ только пустынныя Кодовскія горы, мы отправились обратно и на озерѣ Ното выдержали крушеніе во время бури, чрезвычайно опасной въ этихъ мѣстахъ. Воды озера не представляли правильнаго волненія, а кипѣли какъ въ котлѣ, заливая лодку. Руль пересталъ слушаться. Пришлось съ крайней опасностью поставить парусъ и пуститься наавось. Зачерпывая воду носомъ, нашъ тройникъ нѣсколько разъ чуть не опрокинулся, и только спустя три часа неправильнаго бѣга подъ по-

стоянно мѣнявшимся вѣтромъ, мы наконецъ съ разбѣга ударились на мелководьѣ о береговыя скалы. Лодку разбило. Мы же отдѣлались только незначительными ушибами.

Возвращеніе въ Колу.—Кола.—Сравненіе съ Вардо. — Удивленіе англичанъ.— Школа. — Лопарскіе мальчики — Городъ безъ мяса, безъ масла, безъ водки, безъ портныхъ, безъ сапожниковъ — Восходъ на Соловараму. — Англичане въ Лапландіи —Люди, отводимые подъ англичанъ.

Путь до Колы былъ свѣтлою праздничною прогулкой. Два порога мы прошли во время прилива безъ всякихъ приключеній, черезъ третій кое-какъ переволокли лодку. Я только и помню во все это время ясное безоблачное небо, тихія струи Туломы, голубую прозрачность плесовъ. Точно приснился весенній сонъ!.. Но вотъ вдалекѣ мелькнулъ бѣлый кубъ кольскаго собора, который мои пріятели англичане сравнили весьма удачно съ могильными сооруженіями дальняго мусульманскаго востока. За нимъ вырѣзалась на ясномъ фонѣ лазурнаго неба маленькая кладбищенская церковь полярнаго городка, и скоро на горбинахъ неровнаго побережья замелькали гнилые срубы заброшенной деревушки, ставшей городомъ по той же самой причинѣ, почему и Ѳома сдѣлался дворяниномъ на безлюдьѣ... Пустынное мѣсто! Все мужское населеніе—на промыслахъ. Бабы, кто помоложе, тамъ же или на сѣнокосахъ внутри Лапландіи. Тишина полная, наводящая уныніе на душу. При первомъ взглядѣ на Колу, при первомъ знакомствѣ съ нею, такъ и бьетъ въ глаза ея скудость, застой. Посмотрите съ берега—передъ вами жалкія развалины. Прогнившія насквозь бревна; рамы въ родѣ впадинъ на голомъ черепѣ, заставленныя разною рухлядью; клѣтушки, кое-какъ сложенныя изъ иззубренныхъ и разщепившихся досокъ; заплаты на домахъ, дырья вездѣ — и на крышахъ, и на стѣнахъ, и на заборахъ, гдѣ они есть. Верхній и нижній «концы» (старое новгородское названіе) городка еще болѣе жалки. Издали вы увидите что-то въ родѣ холмовъ; подойдите, и вы подивитесь сложеннымъ изъ жердей и укутаннымъ дерномъ жильямъ. Это скорѣе логовище звѣря, чѣмъ жилье человѣка. Это усовершенствованная нора и только. Двери на деревянныхъ петляхъ кое-какъ сбиты изъ разной лѣсной гнили и щепья. Правда, внутри «города» дома Хохлова, Базарныхъ, Хипагиныхъ, Лоушкиныхъ болѣе благоустроены, но и они только яркія заплаты на этомъ врозь расползающемся рубищѣ. Мнѣ по неволѣ приходила въ голову сосѣдняя Норвегія. Тамъ, при однихъ и тѣхъ же экономическихъ условіяхъ и естественныхъ богатствахъ края, возникли людные и красиво отстроенные города, съ театрами, школами, музеями. Тамъ прекрасныя лавки, суета и движеніе торговыхъ центровъ, а у насъ пустыня и пустыня мертвая, тяготящая человѣка свѣжаго. Въ одномъ Вардо четыре школы, аптека, нѣсколько докторовъ; есть, не смотря

на глухое полярное положеніе города, своя интеллигенція, свои общественные и политическіе интересы; тутъ же—мерзость запустѣнія. Не могу забыть удивленія англичанъ, лордовъ Кемпбелля и Грагама. Имъ захотѣлось осмотрѣть школу. Подходимъ. Деревянный срубъ, жалкій, подслѣповатый, въ два этажа, по три окна съ передняго фасада. Внутри все заплевано, загажено...

— Весь городокъ съ горсть... Двѣ церкви, а одна школа! изумились тѣ. Да и школа-то... не договорилъ свою мысль англичанинъ. Кстати и напросилось сравненіе съ норвежскими школами рядомъ: тамъ чистота до педантисма, свѣтъ, просторъ; у насъ — какая-то собачья конура, и только!

Говорилъ я съ колянами объ этомъ. Винятъ начальство, точно дѣло начальства слѣдить за этимъ храмомъ науки! Нѣсколько сотъ лѣтъ жилъ городъ и ни до чего не додумался, тогда какъ рядомъ города, лѣтъ съ двадцать пять выросшіе на голыхъ скалахъ ледовитаго побережья, щеголяютъ своими зданіями и общественными учрежденіями. Что это? Лѣнь или племенная неспособность?

На нашихъ сѣверянъ не повліяли даже постоянныя сношенія съ «заграницей». Такъ, кемляне, живущіе торговлей съ Норвегіей, ходатайствовали объ упраздненіи преподаванія норвежскаго языка въ ихъ шкиперскомъ училищѣ, чтобы не нести расхода въ 50—60 рублей на этотъ предметъ. По раскладкѣ это пришлось бы чуть не по 2 коп. на каждаго горожанина. Кольскую школу считали въ Архангельской губерніи чуть ли не центромъ просвѣщенія лопарей. Полюбопытствовалъ я узнать, въ какомъ положеніи находится это дѣло, и оказалось, что всѣхъ инородцевъ тамъ воспитывается — 5! И эти-то несчастные, въ мое время, болѣе состояли въ качествѣ прислуги при волостномъ старшинѣ Жеребцовѣ, чѣмъ въ качествѣ питомцевъ наукъ и искусствъ при кольскомъ храмѣ просвѣщенія. Съ 25 марта по сентябрь, а иногда по ноябрь школа и вовсе закрыта. Промысла! Дѣти уходятъ туда вмѣстѣ съ семействами, до букварей ли тутъ? Тѣмъ не менѣе, лопарскіе мальчики, напримѣръ, оказываются замѣчательно способнымъ народцемъ. Взятые свящ. Терентьевымъ не умѣли говорить по-русски, а спустя нѣсколько лѣтъ, стали чуть не первыми счетчиками въ Колѣ, а на всемъ Кольскомъ полуостровѣ чуть ли не представителями интеллигенціи!...

Насколько хороши условія жизни въ Колѣ, видно изъ слѣдующихъ бѣглыхъ замѣтокъ. Все лѣто городъ живетъ безъ мяса; только зимой лопари доставляютъ замороженную оленину. Случается, мѣсяцъ, два Кола остается безъ масла — хоть на сальныхъ свѣчкахъ приготовляй кушанье. Разъ, не смотря на приверженность къ спиртнымъ напиткамъ, коляне три мѣсяца были трезвы — по неволѣ. Вышло все вино въ лавкахъ, и новаго привоза можно было ожидать только весною. До

губернскаго города отсюда весной и осенью почта ходитъ два мѣсяца въ одинъ конецъ; вообще же доставляется почта въ три недѣли разъ, и то не въ сроки. Библіотеки нѣтъ, газетъ не выписываютъ вовсе, а выписавшіе жалуются, что ихъ не доставляютъ имъ вовсе. Дороговизна ужасная на все. Квартиръ нѣтъ: или строй себѣ домъ, или просись ночевать Христа-ради. Не смотря на то, что мѣстное чиновничество считается какимъ нибудь десяткомъ человѣкъ, разобщенность между нимъ страшная. Въ Колѣ нигдѣ нельзя достать печенаго хлѣба. Единственное развлеченіе по праздникамъ — ходить изъ дома въ домъ и пить водку. Въ такихъ случаяхъ всю ночь на улицахъ слышны пѣсни. Цѣлыя шеренги гражданъ ходятъ обнявшись и коротаютъ свою скуку хоть безшабашнымъ ораньемъ до одури! Это какое-то гнѣздо. Здѣсь задохнется человѣкъ со свѣжими силами или сопьется съ кругу. Любое село лучше Колы. У лопарей въ тупахъ веселѣе. Тамъ хоть оригинальность быта займетъ. Пріѣзжій изъ Кеми сюда—точно въ провинціи пріѣзжій изъ Питера. Смотрятъ дико, какъ на чудище. Гулять негдѣ. Въ горахъ—пустыня. Нужно ѣхать на губы—и тамъ безлюдье. Дикій, печальный крикъ чаекъ издали можетъ довести до сумасшествія мало-мальски нервнаго человѣка. Слушаешь, слушаешь, и все ему конца нѣтъ, и все онѣ словно своими пронзительными, рыдающими тонами жилы изъ тебя вытягиваютъ. Безустанно, безотходно, назойливо такъ и лѣзетъ въ уши. Это точно мяуканье слѣпыхъ котятъ, только безконечно рѣзче и громче. Съ этими криками, въ періодъ многоводства, сливаются визгливыя пѣсни колянокъ. Эти напѣвы совершенно лишены южно-русской прелести. Они хороши на просторѣ океана, но тутъ въ понизьѣ, сжатомъ горными вершинами, отъ нихъ былъ бы радъ въ омутъ! Колянка, въ своей пѣснѣ, какъ будто хочетъ перекричать и грохотъ валовъ сѣвернаго моря, и крики полярныхъ птицъ.

— Теперь наша Кола тяготу несетъ. Сказываютъ, прежде веселѣй жили, да поди правда ли! Отъ вѣка такъ было. Старики все привруть, такой народъ!...

Въ Колѣ нѣтъ ни одного портнаго, ни одного сапожника. Попали было сюда двое ссыльныхъ евреевъ, и заработокъ хорошъ оказался—ремесленники были. Пожили годъ, не выдержали, въ Норвегію ушли. Общество здѣсь боится ссыльныхъ и не любитъ ихъ, хотя именно Архангельская губернія только ссыльнымъ и обязана немногимъ хорошимъ, чѣмъ она можетъ похвалиться.

Съ перваго слова колянинъ начинаетъ вамъ жаловаться на бездолье.

— Оскудѣли ноне. Совсѣмъ нужда пристигла.

— Что такъ?

— А Господь знаетъ. И прежде было плохо, а нонѣ обезкормились. Норвежецъ все отъ рукъ отбиваетъ.

— А сами чего же смотрите?

— Съ чѣмъ подымешься-то? Не съ дырявой избой паровыя суда заводить, голубчикъ. Дай мнѣ капиталъ, я бы на норвежцевъ не поглядѣлъ, такъ бы грабилъ! Куда ему!

И тутъ инстинкты грабежа и міроѣдства пробиваются сквозь нищету лютую, сквозь голодовки и бездолье.

Однимъ изъ неизбѣжныхъ и чуть ли не единственнымъ развлеченіемъ въ Колѣ служитъ подъемъ на гору Соловараку, откуда открывается прекрасный видъ на громадное пространство. Мы отправились туда утромъ и около двухъ часовъ поднялись почти по отвѣсному скату горы съ той стороны, гдѣ ее омываетъ гремучая въ своихъ порогахъ рѣка Кола. Мы истомились страшно. Откосы поросли мелкимъ кустарникомъ. Схватишься за него—и скатываешься внизъ съ оторваннымъ сучкомъ въ рукѣ. Хорошо еще, если по дорогѣ не пересчитаешь головою и спиной всѣхъ каменьевъ и уступовъ. Мнѣ разсказывали, что одинъ норвежскій туристъ разбился тутъ и только черезъ день былъ перенесенъ въ Колу случайно нашедшимъ его поморомъ. Еще комичнѣе было, когда нога попадала на песчаную полосу ската. Почва точно ускользала изъ-подъ ногъ, я падалъ на руки, стараясь ухватиться за что нибудь и въ такомъ, далеко не изящномъ положеніи, начетвереньках сползалъ внизъ, пока ноги не упирались въ выдавшіеся гребни гранитнаго утеса или въ горбину болѣе твердой земли. Часто на пути, думая отдохнуть, я садился на камень и подалъ внизъ вмѣстѣ съ этимъ ненадежнымъ выступомъ. Короче сказать, гора Соловарака скорѣе холмъ, чѣмъ гора, но «восхожденіе» на нее отсюда и трудно, и утомительно. Сухія вѣтви низкорослыхъ березокъ часто переплетались въ такую густую сѣтку, что пробираться сквозь нее не было возможности. Тутъ приходилось дѣлать обходы или спускаться внизъ и начинать подъемъ съ другаго пункта. Уже на трети высоты Кемпбель остался на небольшомъ уступѣ. Я, Грагамъ и норвежецъ Гольмбо полѣзли вверхъ. Понятно, что для такого горца, какимъ былъ Гольмбо, выросшій въ Дофреѳіельдѣ, наши усилія и наше утомленіе были смѣшны. Онъ громко хохоталъ. Перебирался съ мѣста на мѣсто зигзагами, взбѣгалъ по отвѣснымъ скатамъ, моментально перехватывалъ одну вѣтвь за другою, прежде чѣмъ первая успѣвала сломаться, умѣлъ какъ-то особенно воткнуть каблуки въ песокъ, такъ что почва подъ нимъ оставалась неподвижной. Такимъ образомъ, пока мы взобрались наверхъ, онъ сдѣлалъ по крайней мѣрѣ пять такихъ подъемовъ, притомъ казался свѣжимъ и совершенно сберегъ свои силы. Зато сверху намъ открылся такой чудный видъ на Кольскую губу, со всѣми ея извилинами, что мы, употребляя рутинную фразу записныхъ тури-

стовъ, «онѣмѣли отъ изумленія и восторга». Кольская губа виднѣлась впередъ вплоть до р. Лавни, пропадала въ горахъ и снова извилистой черточкой серебрилась точно на небѣ, вплоть до едва намѣченной серебристой же шири океана. Внизу Тулома и порожистая Кола образуютъ уголъ, такъ и сверкающій на солнцѣ рѣжущимъ глаза блескомъ. Понизье между ними засыпано словно гнилушками — избами города. А позади — пустынная глушь Лапландіи, вся заставленная горами, одна другой круче, одна другой фантастичнѣе... На губѣ, въ покойныхъ бухтахъ словно замерли небольшія щепки. Всмотритесь, и на каждой изъ этихъ щепокъ вы отличите по три мачты и цѣлую сѣтку такелажа. Черными точками ползаютъ по голубому зеркалу карбасы, а тамъ за ними, точно что-то живое, пыхтитъ, выбрасывая клубы дыму, приближающійся къ городу пароходъ «Качаловъ». Даже прозаическія очертанія парохода отсюда кажутся граціозными и красивыми. Формы сокращены до минимума и все-таки отчетливо обрисовываются предъ вами. Смотришь внизъ и отличаешь на этомъ черномъ жукѣ и трубу, и разныя отдѣленія палубы, и мачты... Но что меня особенно поразило—это теплый благорастворенный воздухъ. Изнутри Лапландіи дышало теплотою, какою-то пріозерною мягкостію, съ моря—вѣяло здоровымъ запахомъ соленой воды и водорослей. Чувствовалась близость и мирныхъ пустынь Кольскаго полуострова, и вѣчное, стихійное движеніе океана, полнаго жизни и мощи... Въ этомъ отношеніи нашъ берегъ былъ лучше и привѣтливѣй Финмаркена. Хотя напр. г. Сидоровъ и находитъ сходство климата Дарангеръ-фьорда съ климатомъ Италіи, но я тамъ, у нашихъ сосѣдей въ Вардо, Вадзэ и побережныхъ рыболовляхъ дрожалъ отъ холода, закутанный среди лѣта. Здѣсь же мнѣ было почти жарко...

— Экая прелесть! восхищался Грагамъ. У насъ бы лѣтомъ все это побережье застроилось котеджами. Сажень земли сотни фунтовъ бы стоила!..

Послѣ Грагамъ разсказывалъ мнѣ, что въ окрестностяхъ Паз-рѣки, впадающей въ Пазрѣцкую губу Сѣвернаго океана, верстахъ въ семидесяти отъ Коды, каждое лѣто проводятъ нѣсколько членовъ англійскаго парламента, тогда какъ Грагамъ и его товарищъ лордъ Кемпбель до сихъ поръ пріѣзжали на это время въ сѣверную Норвегію. «Парламентеры», какъ называютъ ихъ въ Колѣ, платятъ пазрѣцкимъ лопарямъ 250 р. за право въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ловить, ради удовольствія, семгу въ рѣкахъ, принадлежащихъ этимъ инородцамъ. Благодаря этому обстоятельству, послѣдніе исправно выплачиваютъ свои подати, а нѣсколько выше дома, въ которомъ живутъ англичане, поставили заборъ для собственнаго лова семги. Такимъ образомъ, изъ-за удовольствія выловить, штукъ тридцать крупной рыбы, британцы про

водятъ цѣлое лѣто въ этой глухой пустынѣ, посѣщая изрѣдка только финскаго священника, живущаго по сосѣдству.

Спускъ съ Соловараки былъ чрезвычайно оригиналенъ по своей неожиданности. Мы замѣтили полосу песку, тянувшуюся въ одномъ мѣстѣ, начиная съ вершины до подножія горы. Мы сѣли, и торжественно съѣхали въ нѣсколько минутъ, нѣсколько разъ кувыркнувшись и вывалявшись въ грязи. До Колы оставалось пройти еще берегомъ рѣки того же имени. Здѣсь онъ заваленъ грудами камня и послѣ долгаго, утомительнаго пути, на которомъ мы обнаружили высокія эквилибристическія познанія, передъ нами показался уже мирно спавшій городокъ.

Путешествіе сближаетъ людей — удивительно. Съ англичанами я познакомился въ Вардо и провелъ съ ними нѣсколько дней: это оказались милые люди, далеко непохожіе на каррикатуры Стопа, Гревена, Гаварни и Хама. Въ тотъ же вечеръ, какъ мы вернулись въ Соловараки, имъ пришлось отплывать изъ Колы, на пароходѣ «Качаловъ», въ Архангельскъ. Грустно было разставаться съ ними. Передо мной лежала пустынная глушь Лапландіи — главная цѣль моей скромной поѣздки. Тамъ я уже не могъ встрѣтить ничего, что бы вѣяло на меня Европой, комфортомъ, другими условіями жизни. Въ лицѣ этихъ англійскихъ туристовъ я прощался съ цивилизаціей, чтобы тотчасъ же опуститься на самое дно кочеваго быта, столкнуться лицомъ къ лицу съ оригинальнымъ міромъ полудикаго племени, заброшеннаго въ дичь и глушь самаго дикаго и самаго глухаго угла нашего сѣвера. Мы пожали руки другъ другу и разстались, обѣщая свидѣться въ Англіи!..

За отливомъ, лодки не могли подойти къ берегу. Пристаней нѣтъ въ цѣломъ городѣ. Предусмотрительные кольскіе хозяева уже отрядили двухъ промышленниковъ «подъ англичанъ».

— Вы что тутъ? спрашиваю я у бородатыхъ крупныхъ рыболововъ, подходившихъ къ туристамъ.

— Для переноса... Вотъ въ лодки ихъ сгрузимъ. Сдадимъ «кладь» матросамъ и назадъ.

Если не удобно, то остроумно!

Англичане, впрочемъ, ни на минуту не выразили изумленія.

Со всегдашней своею серьезностію они сѣли верхомъ на шею носильщиковъ и направились такимъ образомъ къ лодкамъ, размахивая шляпами и качаясь вправо и влѣво, какъ путники аравійскихъ пустынь на мѣрно шагающихъ верблюдахъ.

Вамъ бы пристань выстроить! обращаюсь я къ Базарному, — одному изъ кольскихъ капиталистовъ.

— На што?...

— Да вотъ, въ малую воду, къ лодкамъ попасть...

— И такъ ладно... Мы по простотѣ... По нашему рыбачеству воды не боимся... Что ее!.. помочитъ—солнце высушитъ, и слава Создателю!..

Рядомъ съ этимъ небезполезно привести, что городъ Вардо, напримѣръ, недоволенъ своей гаванью и подрядилъ пріѣзжихъ голландцевъ устроить еще новую, защищенную и дорого стоющую.

Кстати о кольской торговлѣ и мѣстныхъ купцахъ. Здѣсь лавокъ немного. Въ цѣломъ городѣ ни одной вывѣски. Надо вамъ что нибудь—вы идете въ домъ къ какому нибудь коммерсанту, застаете его за чаемъ.

— Иванъ Савельичъ!

— Здравствуйте. Чайку стаканчикъ.

— Нѣтъ, я къ вамъ за свѣчами.

— Сейчасъ. Ну-ко, выкушайте.

И вы садитесь за чай. Побесѣдовавъ, хозяинъ отправляется съ ключами въ амбаръ и тамъ отвѣшиваетъ или выдаетъ вамъ требуемое. До слѣдующаго покупателя лавка запирается. Такова вся мѣстная торговля.

Зато большинство кольскихъ купцовъ ведутъ торговыя сношенія съ Норвегіей и Архангельскомъ. Изъ нихъ покрупнѣе: Хипагины, торгующіе на 15,000 руб. въ годъ; сверхъ того, они снаряжаютъ промысловыя артели на Мурманъ, имѣютъ шхуны и недавно купили большой морской корабль. Они же обираютъ семгу у лопарей на Кольской губѣ, задавая послѣднимъ деньги зимою въ долгъ. Въ становищѣ Еретеки ихъ покрученники, или по-кольски уженьщики, промышляютъ на шестнадцати шнякахъ. Филипповъ доставляетъ въ Колу изъ Архангельска все, что нужно мѣстнымъ жителямъ. У него двѣ лодки и до пятнадцати промысловыхъ судовъ. Лоушкины, Молвистовы и Жеребцовы торгуютъ, но уже менѣе этихъ трехъ фамилій. Кола изъ собственныхъ произведеній сбываетъ въ Норвегію только дрова, приготовляемыя изъ бревенъ, заготовленныхъ на Туломѣ лопарями нотозерскаго и сонгельскаго погостовъ. Дрова везутъ въ видѣ балласта на судахъ, идущихъ въ Вардо и Вадзэ за товаромъ, съ уплатою 40 коп. таможенной пошлины за кубическую сажень двухполѣнныхъ, оплачиваемую норвежскими покупателями десятью руб. на наши деньги. Заготовка такой сажени кольскому купцу обойдется въ 80 коп., пошлина 40 коп., доставка въ видѣ балласта, слѣдовательно на затраченные 1 р. 20 коп. онъ получитъ болѣе 800 проц. чистаго барыша. Ясно отсюда, какъ эксплуатируется трудъ, и трудъ каторжный, лѣснаго заготовщика.

— Прежде мы съ Поя-рѣки и сѣно въ Норвегію возили да бросили.

— Что такъ?

— Прижимка отъ начальства! Отъ колоній все пошло, прахъ ихъ бери!

Оказалось, что, въ виду развитія колонизаціи на Мурманѣ и умноженія стадъ у колонистовъ, вывозъ сѣна и мха въ Норвегію воспрещенъ.

Какъ-то сижу у себя въ комнаткѣ; входитъ невзрачный колянинъ.

— Не купите-ли игрушекъ?

— Какихъ?

— Земчугъ. Разворачиваетъ грязную тряпку—четырнадцать жемчужинъ мѣстнаго лова, довольно правильной формы, слегка синеватыхъ.

— Что стоитъ?

— Четыре рубля! И онъ испуганно посмотрѣлъ на меня. «Не слишкомъ ли запросилъ?»

Я только руками развелъ, подивившись дешевизнѣ здѣшняго жемчуга.

— Гдѣ ты его добылъ?

— А тутъ, въ семи верстахъ ручей есть — Венцина. Тамъ его много. У Туломы это. Купите, ежели занятно.

— Что вы не посылаете его въ Архангельскъ?

— Съ чего? Кто купитъ? Норвежане бываетъ покупаютъ. И то дешево даютъ. У насъ поди по всей округѣ земчугъ есть въ рукахъ. Слыхивалъ я, что и за Святымъ носомъ по терскому берегу тоже водъ ему. А только цѣны нѣтъ, ну и неловимъ.

Отецъ Георгій Терентьевъ и разсказы его о лопарскомъ бытѣ. — Общественные нравы въ Колѣ. — Промыслы колянъ. — Мѣстныя помпадурши. — Сѣверныя амазонки. — Членъ географическаго общества.

Какъ будто сжалившись надо мною, судьба свела меня въ Колѣ съ почтеннымъ отцомъ Георгіемъ Терентьевымъ, два или три десятка лѣтъ подвизавшимся, въ глуши нотоозерскаго прихода, среди лопарей Эта симпатичная личность оставила во мнѣ сильное впечатлѣніе. Я еще въ Архангельскѣ слышалъ о немъ, какъ о человѣкѣ, сумѣвшемъ пріохотить лопарей къ школѣ, подбившемъ ихъ къ осѣдлости и даже собственнымъ примѣромъ повліявшемъ на нихъ такъ, что кочевые оленеводы завели было свой скотъ и огородничество. Но ему не нашлось достойнаго преемника. На мѣсто переведеннаго въ Колу г. Терентьева, посланъ былъ въ Нуотъ-озеро какой-то больной и параличемъ разбитый священникъ, жена котораго черезъ годъ оказалась прикосновенною къ растратѣ мѣстнымъ сельскимъ старшиной церковныхъ суммъ. Понятно, что не такіе люди могли продолжать дѣло о. Георгія. Разумѣется, что всѣ всходы цивилизаціи, такимъ образомъ, погибли въ самомъ началѣ. Огородничество брошено, скотъ проѣденъ, осѣдлость тоже пошла прахомъ!

Разсказы отца Георгія о лопарскомъ бытѣ невольно вызывали сочувствіе къ этому обдѣленному, заброшенному племени. Онъ все время

былъ пламеннымъ защитникомъ ихъ интересовъ. Статьи его о своемъ приходѣ печатались въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и разумѣется пропадали безслѣдно, потому что кто же у насъ читаетъ эти безобразныя и по внѣшности, и по содержанію афиши? Тѣмъ не менѣе непростительный укоръ нашему географическому обществу и мѣстному статистическому комитету, что ими не было обращено должнаго вниманія на работы скромнаго труженика!

Зашелъ разговоръ объ обиліи рыбы въ Лапландіи.

— Отчего не солятъ ее на зиму? Тогда бы и голодовки не было у лопарей.

— А чѣмъ солить-то? Къ Мурману вонъ допущенъ безпошлинный провозъ соли, и она обходится въ 30 коп. за пудъ. А внутри Лапландіи до 1 рубля доходитъ и больше. Полезно было бы не къ однимъ берегамъ, но и внутрь Кольскаго полуострова возить соль на тѣхъ же основаніяхъ. Въ Лапландіи ежегодно не менѣе 2,000,000 пудовъ рыбы пропадаетъ отъ недостатка соли. Считайте пудъ хотя въ 50 коп., окажется, что лопари милліонъ рублей выкидываютъ въ воду, оттого бѣднота и смертность. Были казенные соляные магазины, иначе дѣло шло: тридцать копѣекъ соль казенной заготовки обходилась. А теперь скверно. У насъ черезъ Лапландію дороги нѣтъ вовсе. Вы, какъ пройдете въ Кандалакшу, познакомитесь съ остатками прежняго пути. Не разъ жизнь проклянете. Положимъ, вся Лапландія горами заставлена, широкой дороги здѣсь быть не можетъ, но хоть бы примѣръ съ Норвегіи брали. Тамъ отъ села къ селу дорога пробита. А намъ бы отъ озера къ озеру, и чудесно. Въ Норвегіи и проѣзжія дороги вездѣ, а у насъ ни одной. Населеніе въ Остъ- и Вестъ-Финмаркенѣ вѣдь такъ же рѣдко, какъ и здѣсь. Куда ужь тутъ говорить о промышлености. Тутъ хоть золото подъ ногами валяйся, по бездорожью его никуда не провезешь. Вотъ у насъ цѣлыя горы имфара, въ самомъ чистомъ видѣ есть, и что вы съ нимъ подѣлаете? Не станешь разрабатывать, потому что и доставить некуда. Сказываютъ, нонѣ слюда на разныя подѣлки въ промышлености идетъ; у насъ ея цѣлыя скалы, часто кряжами горы взрѣзывай, да на солнцѣ что золото горитъ; куда-жъ ее денешь? Желѣзо, серебро, свинецъ есть, а сунься-ка разрабатывать, — тоже бездорожье задушитъ предпринимателя. Зимой еще тутъ на оленяхъ вездѣ путь. Куда ни задумалъ, по засыпанному снѣгомъ пространству катай! А лѣтомъ только пѣшкомъ отъ рѣки до рѣки, отъ порога къ порогу, отъ озера къ озеру.

— Кстати, справедливо ли, что внутри Лапландіи зимою ѣздятъ на собакахъ?

О. Георгій широко раскрылъ глаза.

— Это вы откуда же?

— Помилуйте, въ Архангельскѣ вѣрятъ этому. На этнографическую выставку посылали даже образецъ лопарской кережки, запряженной собаками.

Г. Терентьевъ расхохотался.

— Экъ ихъ прорываетъ! На собакахъ у насъ дѣйствительно воду возятъ отъ рѣки къ избѣ или тупѣ. Бѣлье тоже. А чтобы люди ѣздили — объ этомъ не слыхано еще. У насъ собака особая. Вы замѣтили, что кольскія собаки не лаютъ? Голоса у нихъ за рѣдкость услышать. Дрова тоже на собакахъ возимъ. Больше версты собака не пройдетъ. Силенки не хватитъ. Запрягаемъ мы ихъ по одной, не больше, въ ручныя санки.

Во многомъ пришлось такимъ образомъ разувѣриться. Оказалось, что и среди зимы въ Колѣ не бываетъ постоянной ночи. Самый короткій день здѣсь 3 часа. Читать и писать въ это время можно легко. Сумерки продолжительныя, ночи длинныя. Также невѣрно оказалось сообщеніе нашихъ прежнихъ путешественниковъ о силѣ сѣверныхъ сіяній, при блескѣ которыхъ будто-бы можно читать и писать. Тѣмъ не менѣе, если нѣтъ «погоды», т. е. бурнили мятели, сѣверныя сіянія замѣчаются постоянно. Сполахи горятъ съ вечера до утра не прерываясь. Свѣтъ ихъ можетъ отвѣчать за свѣтъ луны, и только.

— Правда ли, что лопари, даже владѣльцы безчисленныхъ стадъ, легко узнаютъ издали своего оленя безъ всякаго, повидимому, замѣтнаго признака?

— Чепуха. Кто это говоритъ?

— Путешественники.

— Вотъ врутъ-то... Каждый оленеводъ-лопарь кладетъ на свое животное клеймо или привязываетъ къ нему дощечку съ клеймомъ—кейкола. Другіе подвѣшиваютъ колокольцы. Звуки колокольчиковъ дѣйствительно отгадываютъ издали. Разъ я поѣхалъ съ однимъ «лопиномъ». Онъ оленей своихъ отыскивалъ. Издали показался одинъ такой. «Кажется мой,» говоритъ. Въ это время вѣтромъ донесло звонъ бубенца. Прислушался лопарь, вѣтеръ еще разъ подхватилъ эти звуки— «нѣтъ чужой!» рѣшилъ, и мы отправились дальше.

— Вы среди лопарей можете путешествовать одни безо всего. Это доброе, мирное племя никогда не обижаетъ странниковъ. Да и вообще между ними нѣтъ ни убійствъ, ни воровства. Какъ на чудовищный фактъ, указывается на семиостровскихъ лопарей, которые разъ было задумали завладѣть грузомъ русскаго судна и стрѣляли въ его хозяина. Разумѣется покушеніе это кончилось ничѣмъ. Тѣмъ не менѣе, съ виду простодушные, лопари очень хитры по-своему. Русскіе купцы и промышленники постоянными обманами пріучили ихъ къ этому. Когда вы начинаете съ ними какое нибудь торговое дѣло, то первое

время они думаютъ, что вы ихъ желаете обмануть и держатся настороже. Но, если съ перваго раза вы исполнили свои обязательства честно—изъ нихъ можно веревки вить. При этомъ у нихъ есть свои слабыя стороны. Если вы начнете торгъ подаркомъ женѣ лопаря, онъ уже считаетъ себя обязаннымъ по горло и самъ спѣшитъ уступить вамъ свой товаръ забезцѣнокъ. Наши русскіе тоже не даютъ маха; они, случается, съ богатыми лопарями крестомъ мѣняются, «братанами» дѣлаются и эксплуатируютъ потомъ «братана» самымъ подлымъ образомъ... Такая уже кулацкая привычка! Русскій промышленникъ часто напоитъ лопаря передъ совершеніемъ сдѣлки, а на другой день представитъ ему разсчетъ, по которому оказывается, что лопарь чуть-ли не бочку спирту одинъ выпилъ. Подивится лопарь, головой покачаетъ и расплачивается. Часто послѣднее въ уплату приноситъ — только возьми, не обидь!..

— Курятъ ли они табакъ?

— Мурманскіе лопари только нюхаютъ изъ особыхъ ложечекъ, нарочно для того сдѣланныхъ изъ кости и дерева. А терскіе курятъ, смѣшивая его съ тертымъ верескомъ. Вообще раскола и раскольничьихъ замашекъ у лопарей нѣтъ. Пьютъ чай, кофе, съ табакомъ возятся, и все это не смотря на близость раскольничьихъ гнѣздъ, существовавшихъ здѣсь еще пятнадцать, двадцать лѣтъ тому назадъ!

На другой день мнѣ случилось быть утромъ на имянинахъ одной знакомой колянки. Здѣсь я убѣдился, что колянамъ можетъ быть присвоено названіе патагонцевъ русскаго сѣвера. Такихъ рослыхъ женщинъ я нигдѣ не видѣлъ. При этомъ обиліе мяса было по истинѣ замѣчательное. И какой здоровый цвѣтъ лица у нихъ: видно, что всѣ онѣ дышатъ съ дѣтства воздухомъ океана и не знаютъ темничной жизни нашихъ городовъ. Держались онѣ у себя разухабисто и не обращали никакого вниманія на присутствіе посторонняго лица. Всѣ онѣ были въ сарафанахъ, но съ несоразмѣрными кринолинами. Сказываютъ, что во время оно, когда кринолины были за рѣдкость, колянки подвѣшивали подъ юпки массы оленьихъ шкуръ, чтобы казаться вполнѣ расфуфыренными по обычаямъ мѣстнаго бомонда. Мѣха, какъ оказывается, играли здѣсь такую же роль, какую деревянные обручи въ Кандалакшѣ, Улебѣ и Поноѣ. Если бы не этотъ уродливый костюмъ, стройныя фигуры кольскихъ женщинъ были бы очень привлекательны. Всѣ онѣ отличаются удивительнымъ развитіемъ бедръ и высотою красиво очерченныхъ грудей. Нравы здѣсь далеко не пуританскіе. Колянка не прочь отъ легкихъ интрижекъ, причемъ она очень нетребовательна. Мужъ тоже не походитъ на Отелло, да вообще ревность къ женѣ на всемъ нашемъ сѣверѣ — чувство, наименѣе популярное. «На всѣхъ хватитъ!» оправдываются помпадурши

этого угла, и дѣйствительно, глядя на широко развитыя формы крупнаго и красиваго тѣла, невольно согласишься, что едва-ли такія бобелины могутъ сохранять вѣрность классической Пенелопы своимъ Улиссамъ, истомившимся въ становищѣ Мурмана, въ соломбальской части Архангельской губерніи и въ заграничныхъ портахъ. При мнѣ разъ происходилъ курьезный разговоръ въ становищѣ корабельномъ.

— Что твоя жена, нонѣ сказываютъ, съ Мостовиковымъ.

— А Господь ее знаетъ. Она баба добрая!

— Путается ужь очень!

— Жиру много нагуляла. Пущай ее! Мое не пропадетъ. Оттого у насъ миръ и любовь, что я не вступаюсь.

— Точно-что. Бываютъ иныя прочія и травятъ, ежели мужъ вступается!

— Чего не бываетъ! И Мостовиковъ—парень ладный! Гладкій парень!.. хладнокровно разсуждалъ супругъ о достоинствахъ своего соперника.

Какъ видите, кольскіе Менелаи заткнули за поясъ оффенбаховскаго. Историческіе рогоносцы хоть протестовали, а эти просто признали существующій фактъ и нимало не безпокоятся. Иные изъ нихъ даже эксплоатируютъ въ свою пользу похожденія «жонки.» Сами разыгрываютъ роли донъ-Жуановъ, не рискуя услышать упрекъ отъ своихъ драгоцѣнныхъ половинъ. Вообще сближеніе между полами удивительное. На Кольскомъ полуостровѣ мужчины купаются съ женщинами, и ничего — сходитъ. При этомъ не только ничто не сокровенно, но и фиговые листки отрицаются безусловно, какъ вещь ни къ чему ненужная. Такая аркадская простота нравовъ и отношеній въ свою очередь подала поводъ восхищаться ею одному путешественнику, заключившему отсюда о высокой нравственности колянъ. Высокая нравственность эта выражается между прочимъ въ томъ, что дѣвица, неимѣющая любовника, называется здѣсь «разнесчастною сиротою», а парни поскромнѣе слывутъ «порченными».

— Ужъ и что вы хотите отъ нашей Колы! живописуютъ мѣстные пессимисты. Отъ Колы до ада—три версты. Мѣсто наше послѣднее, сторона самая далекая, холодная, и кромѣ рѣпы ничего не растетъ!..

— Прежде еще промысла были. А теперь иное колонисты оттягиваютъ, иное само уйдетъ изъ рукъ.

Коляне живутъ почти исключительно ловлею рыбы въ Ледовитомъ океанѣ. При этомъ они не только промышляютъ ее весною и лѣтомъ, какъ и всѣ поморы, о которыхъ мы уже говорили ранѣе, но и зимою. Зимній промыслъ производится въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ. Онъ труденъ и опасенъ, тма и бури дѣлаютъ въ это время пребываніе въ станѣ ужаснымъ. Во вьюгу и морозъ несчастнымъ прихо-

дится оставаться въ оледенѣлой одеждѣ, насквозь промокшими, задыхающимися отъ холода. Проводя немногіе часы полярнаго дня въ океанѣ, они еще рискуютъ на обратномъ пути столкнуться съ громадами плавающихъ льдовъ. Какъ эффектна въ эту пору картина Сѣвернаго моря, озаряемаго сполахами, картина окоймленныхъ ледяными массами береговъ! Но колянамъ не до того. Людямъ въ спорѣ съ этой грозной природой приходится только думать о томъ, какъ бы уцѣлѣть на морѣ.

Треска, добытая на зимнемъ промыслѣ, замораживается; ноябрская и декабрская отправляется чрезъ шунгскую ярмарку въ Петербургъ и Москву, а январская и февральская обращается на мѣстное потребленіе. Со времени развитія акульяго промысла, впрочемъ зимній тресковый ловъ сталъ падать, какъ менѣе выгодный. Коляне два вѣка тому назадъ славились своими акульими промыслами, но потомъ, вслѣдствіе крайне вредныхъ административныхъ мѣръ и правительственныхъ монополій, бросили его вовсе. Въ 1855 году норвежецъ Андерсъ Ульсенъ (Сумь) занялся имъ. Нѣсколько удачливыхъ лѣтъ побудили и колянъ вновь приняться за это дѣло. Ловъ акулъ производится съ января по апрѣль—исключительно въ предѣлахъ Кольской губы, хотя акулъ пропасть по всему Сѣверному океану. Въ болѣе крупныхъ размѣрахъ бьютъ акулъ Хипагинъ, Хохловъ и Лоушкинъ. Изъ акулы добываютъ до 5 пудовъ жира и сверхъ того воюксу. Каждый годъ того и другаго продается въ Норвегіи до 2,000 пудовъ. Воюкса по 1 руб. 60 коп., а жиръ по 3 руб. за пудъ.

Сверхъ того коляне еще строютъ шняки и елы на продажу поморамъ. Кольскіе мастера считаются лучшими въ этомъ производствѣ. Получивъ заранѣе заказъ, они въ январѣ и февралѣ рубятъ лѣсъ для этого и вывозятъ его на оленяхъ къ своимъ домамъ. Шняка строится въ 4½ сажени длины, 2 аршина ширины и глубины въ 5—6 четвертей. Она имѣетъ острый киль и носъ, легка на ходу, не боится волненія и управляется только однимъ парусомъ. Груза она поднимаетъ до 300 пудовъ. Безпалубное судно это строится удивительно быстро. Сегодня заложенъ киль, черезъ часъ прилажены штевни, одинъ за другимъ пришиваются кабои и спустя десять, двадцать дней, нужныхъ на осмолку, конопатку и осушку судна, оно уже спускается въ воду. При этомъ работаетъ не болѣе двухъ колянъ. Смѣшны совѣты замѣнить шняку норвежскою елой. Ела соотвѣтствуетъ размѣрами и количествомъ поднимаемаго груза русской шнякѣ, а строится три мѣсяца. Кола ежегодно продаетъ поморамъ до 50 шнякъ, причемъ каждая въ покупкѣ обходится безъ снастей и другихъ принадлежностей отъ 50 до 80 рублей. Небезполезно присовокупить, что на каждую шняку необходимо 34 строевыхъ бревна не длиннѣе пяти саженъ и не толще 7—8 вершковъ въ верхнемъ отрубѣ...

Главная разница шняки съ елой въ томъ, что ела въ серединѣ шире, а къ носу уже шняки; лѣсъ на елу идетъ толще, килевая часть ея дѣлается съ водорѣзами; у елы парусъ образуетъ трапецію, а у шнякъ параллелограмъ, причемъ на шнякѣ его иногда ставятъ углами вверхъ и внизъ. Шняки сшиваются стоянкой, а елы—на желѣзныхъ заклепкахъ и гвоздяхъ. Гвоздей на шняку идетъ не болѣе трехъ, четырехъ въ рядъ у концовъ обшивочныхъ планокъ. У шняки борты выше, такъ что въ дурную погоду ела опаснѣе. За то ела, острая въ носу, съ крутымъ килевымъ загибомъ, быстрѣе на ходу...

Какъ-то смотрю я разъ, за работою шняки возится не то мужчина, не то баба. Подхожу — оказывается женщина, но съ донельзя огрубѣлымъ лицомъ, громадными кулаками и въ совершенно мужскомъ костюмѣ. Полюбопытствовалъ узнать, что за амазонка.

— А размужичье наше!

Потомъ оказалось, что кольскія женщины, достигнувъ возраста, уже не внушающаго нѣжности мѣстнымъ кавалерамъ, усваиваютъ себѣ мужскія привычки и наклонности. Онѣ всѣ и группируются въ одинъ кружокъ, извѣстный въ Колѣ подъ именемъ размужичья.

— Съ нашимъ размужичьемъ не возжайся.

— А что?

— Тяжелы на руку. Какія онѣ бабы, только званіе одно. И работаютъ, и дерутся здорово. Одна такая баба, поди, трехъ мужиковъ ограбитъ и отъ четвертаго отбоярится. Вотъ въ другихъ мѣстахъ точно что женскій полъ. А эти того и норовятъ тебѣ — въ затылокъ... Бабы!..

— Насъ бабы обижаютъ! жалуются коляне.

— Въ другихъ мѣстахъ куда лучше, тамъ баба въ струнѣ... А тутъ — бѣда!..

На улицахъ Колы встрѣчаю я какъ-то одутловатаго господина, съ громадной норвежской трубкой въ зубахъ...

— Вы въ Лапландію собираетесь?

— Да.

— Слава Богу, хоть одинъ русскій поѣдетъ. Позвольте отрекомендоваться: членъ географическаго общества, здѣшній мѣщанинъ Слабунка. Въ наше захолустье шведы заглядывали, изъ Норвегіи профессора ѣздили, а русскихъ вовсе не видать... А вѣдь внутренность Кольскаго полуострова, поди, въ столицѣ меньше знаютъ, чѣмъ островъ Формозу! У насъ и чиновники ежели ѣздятъ, мѣстные, того и глядятъ, какъ бы перемахнуть скорѣй изъ Кандалакши въ Колу, а что творится между лопью—имъ невѣдомо. Одинъ посредникъ былъ, тотъ и не заглядывалъ въ свой участокъ. И безъ меня, говоритъ, тамъ скверно! Оттого и говорятъ въ Архангельскѣ такую чепуху, что ло-

пари-де ни пѣсенъ, ни преданій своихъ не имѣютъ!.. Тоже, впрочемъ, нужно и умѣючи собирать ихъ. Тутъ шведы ѣздили, такъ лопари имъ наши русскія заимствованныя преданія разсказывали, а тѣ и утѣшаются и въ книжки записываютъ. Къ намъ тутъ на Мурманъ экспедиція изъ Питера пріѣзжала, слыхали, полагаю?

— Какъ же, слышалъ.

— Тоже, должно быть, новостей вывезла полные короба.

— А что?

— Да, потѣха была съ ними. Чиновники стоятъ на палубѣ парохода и въ лорнетки на землю посматриваютъ. Поди, ни въ одномъ становищѣ съ парохода не вышли! Это у нихъ называется изслѣдованіемъ. Много, поди, увидѣли.

Послѣдніе дни въ Колѣ. — Лавозерскій священникъ — поклонникъ Александра Дюма. — Лопарскій парламентъ. — Сцена на р. Туломѣ. — Что выгоднѣе: быть священникомъ или волостнымъ писаремъ. — На кладбищѣ. — Остатки старинной крѣпости. — Нѣкоторыя старинныя названія. — Сребролюбцы и сребростяжатели. — Финны. — Осѣдлые лопари въ Колѣ. — Гробокопатели. — Почтари на кольскихъ дорогахъ. — Неудобство кольскихъ почтъ. — Прощаніе съ Колой. — Послѣднія впечатлѣнія. — «Я въ пустыню удаляюсь.»

Скучно становилось въ Колѣ. Къ поѣздкѣ на Лавозеро и Имандру я уже приготовился и болтался по городу зря, не зная, что дѣлать и чѣмъ оразнообразить томительное состояніе человѣка, слишкомъ долго заждавшагося на станціи. Нужно было ждать проводниковъ-лопарей. Такими были мурманщики, которые чрезъ нѣсколько дней должны были возвращаться домой, въ свои погосты, черезъ Колу. Погода стояла прелестная. Нѣсколько разъ выѣзжали мы удить рыбу въ губѣ. Подъ яркимъ солнцемъ лѣтняго полудня вода стояла какъ въ чашкѣ. Въ тихихъ плесахъ кольскаго залива безтревожно отражались и ближайшія горы, и небо съ его жемчужными облаками, и наша шняка. Часто чуть не до дна можно было видѣть все — и юркую щуку, и лѣнивую треску, и мелкаго нертуя. На днѣ все уже принимало неопредѣленныя, неясныя, чудовищныя очертанія. Сверху казалось, что тамъ двигаются какія-то извилистыя щупала, чьи-то словно мохнатыя лапы протягиваются во всѣ стороны... Всмотришься пристальнѣй и различаешь свившіеся канаты водорослей. Какія-то серебристыя юркія рыбки всплеснутъ, бывало, надъ водою и вдругъ словно искра потонутъ и погаснутъ въ ней... Что-то лѣнивое, сонное проникало въ душу и въ концѣ концовъ бывало вмѣсто лова рыбы, только проспишь до тѣхъ поръ, когда западъ весь мерцаетъ алымъ пламенемъ за вершинами крутыхъ варокъ, обрисовывавшихся рѣзкими черными силуэтами на этомъ волшебномъ фонѣ... А воды также тихи и неподвижны, и не хочется возвращаться домой, радъ бы на всю полярную

ночку остаться здѣсь, пока утреннимъ холодомъ не охватитъ легкою дрожью и бѣлый туманъ не окутаетъ и горъ, и залива...

Наканунѣ выѣзда меня посѣтилъ другой священникъ, бывшій въ Колѣ наѣздомъ изъ Лапландіи. Человѣкъ еще молодой, голова расчесана старательно, держится фертомъ; отъ волосъ несетъ цедрой лимонной. Рукавчики и воротнички довершаютъ франтоватость лапландскаго пастыря...

— Литераторы-съ?

— Садитесь, пожалуйста.

— Очень это пріятно, ежели, такъ сказать, образованный человѣкъ и въ нашей провинціи. Потому мы здѣсь безъ образованныхъ людей совсѣмъ ослѣпли и даже можно сказать довольно хорошо опалѣли. Только я полагаю, скучно вамъ съ нами, мы вѣдь тутъ одичали. Поди, чудно вамъ и глядѣть на насъ?

— Отчего же, край интересный.

— Чего же въ немъ интереснаго—грубость одна. Ожесточеніе въ нравахъ примѣчается особенное, а къ истинному просвѣщенію никакого притягновенія нѣтъ. Елико мощно стремятся къ обогащенію и наполненію житницъ, а о душѣ помышленія не имутъ!..

— Помилуйте! Вы, напримѣръ, живете внутри Лапландіи, дѣйствуете среди инородцевъ—эта такая благодатная почва...

— Да, но памятуя повсечастно санъ свой и просвѣщеніе, я ихнею дикостію гнушаюсь и разговаривать съ ними даже не могу безъ душевнаго омерзенія, потому невѣжество оное мнѣ претитъ, а насажденіемъ сѣмянъ истиннаго образованія заняться нѣтъ возможности. Лопари народъ, тепериче, грязный, съ ними, что со звѣрями дикими—самъ замараешься или душу свою отщетишь...

— Что же вы дѣлаете здѣсь?

— Въ Колѣ есть два, три семейства, гдѣ можно время препровождать и даже умомъ возлетать къ таинствамъ природы. Ну, а когда въ приходъ свой ѣзжу — книжки съ собой беру. Одно спасеніе въ нихъ. Нѣтъ ли вотъ и у васъ какихъ нибудь сочиненій романическихъ?

— А вы до романовъ охотникъ?

— Слабость питаю чрезвычайную, преимущественно же Александра Дюма романы всѣмъ прочимъ родамъ легкаго сочинительства предпочитаю. Духовному лицу хотя и не пристало Монтекристами и дамами Монсоро заниматься, но съ помощію Божіей и оное время препровожденіе съ пользою бываетъ, ибо отметая все тлетворное и ядоносное, какъ пчела здравыми соками умъ свой питаешь и часто даже изъ медоточивыхъ устъ романиста благіе максимы извлекать стараешься. Опять же благодаря Александра Дюма и съ дикостью окрестною не соприкасаешься и невѣжествомъ ихнимъ души своей не растлѣваешь...

Ибо, умственно бесѣдуя съ королями и принцами, не захочешь лопаря къ лику человѣческому сопричислить и такъ даже помышляешь, что въ ковчегъ Ноевъ лопарей бы допустили не семь паръ, а одну токмо... По несносной ихъ грязи и того довольно!..

Попробовалъ я было повести дальнѣйшую бесѣду съ поклонникомъ Александра Дюма, но оказалось, что во всей своей пастве, кромѣ ея невѣжества, онъ ничего не замѣтилъ. Кромѣ того, старательно боялся разсказать что-нибудь.

— Опишите вы насъ. Потому мы тутъ корой покрылись и мохомъ проросли, подлинно предивно будетъ такихъ чудищъ просвѣщеннымъ читателямъ показать...

Въ сущности же пастырь лапландскихъ душъ начальства трепеталъ.

— Начальство у насъ доброе, мудрое, милостивое, на всякое желаніе снисходящее и даже, можно сказать, евангельски пекущееся о насъ!.. И о. Петръ, закатывая глаза подъ лобъ, шепчетъ что-то въ умиленіи.

— А вотъ, говорятъ, волостной писарь лопарскій всѣ погосты разорилъ.

— И волостной писарь человѣкъ добрый, мудрый, милостивый, на всякое желаніе снисходящій и даже можно сказать...

— Евангельски пекущійся о васъ!

— Истинно такъ!

— Значитъ все обстоитъ тутъ благополучно.

— Мы за начальство наше Бога должны молить, ибо и того не стоимъ. Одно только—приравнять бы надлежало священниковъ къ *прочимъ* чинамъ волостнаго правленія, кои на потребу свою служебную земскія подводы взимаютъ безпрепятственно, мы же, пастыри, на оное и посягать не мыслимъ, хотя мнѣ, примѣрно, до своего прихода болѣе шести сотъ верстъ по разнымъ концамъ дѣлать приводится. А священническое жалованье сами вѣдаете! Впрочемъ, я и не ропщу, ибо всякій ропотъ грѣхъ предъ Господомъ, но токмо почтительно мечтать дерзаю о казенной подводѣ и благовременномъ увеличеніи содержанія!.. А начальству своему я завсегда благодаренъ.

Почтительныя мечтанія отца Петра оказались весьма основательными. Писаря, напримѣръ, сверхъ права безплатныхъ проѣздовъ по всей волости, получаютъ здѣсь дохода до 800 руб. ежегодно, изъ чистыхъ источниковъ, включая и жалованье, а священникъ на свои 140 рублей въ годъ долженъ еще разъѣзжать по приходу. Право безплатнаго проѣзда писарь иногда великодушно предоставляетъ и другимъ, пользуясь безграмотностію и робостію лопарей. Это даже составляетъ доходную статью. Такъ, полулопарка, полурусская, кандалакшанка Наталья, служившая у В. Базарнаго и бывшая моимъ гребцомъ въ пер-

вую экскурсію на Туломѣ, разсказывала, что писарь просилъ съ нея пять рублей за разрѣшеніе безплатно проѣхать по казенной надобности изъ Колы до Кандалакши къ своей матери. Остальнымъ доходамъ писаря, на которые мы уже указывали, и счету нѣтъ. Такъ, при заключеніи контракта на содержаніе станцій полагается брать 3, а взимается 15 рублей, за отъѣздъ должностныхъ лицъ волостнаго правленія на промысла—своя пошлина. Поборамъ такого рода счету нѣтъ. И если въ послѣднее время, благодаря стараніямъ губернской администраціи, уѣздныя власти—хороши и дѣло дѣлаютъ, за то вслѣдствіе неудачнаго выбора мироваго посредника для Кольскаго полуострова, волостные начальники напоминаютъ Рейнеке-лиса, попавшаго въ пасторскій курятникъ.

Кстати о лисицахъ. Въ окрестностяхъ Колы ихъ очень много и хорошаго достоинства. Мѣстные лисьи мѣха прекрасны и очень дорого цѣнятся. При этомъ мѣстное животное этого рода отнюдь не напоминаетъ своего рейнскаго родича. Оно простовато и неуклюже. Самый способъ лова его въ Колѣ обличаетъ глупость полярной лисицы. У самаго города строятъ будки, выкапывая въ землѣ яму и обложивъ ее бревнами какъ вѣжу. Съ верху бревенъ укладывается деревъ. На лицевой сторонѣ—достаточное отверстіе для дула и для глаза. Передъ этимъ оконцемъ раскладываютъ падаль. На нее идутъ вороны, а за воронами являются лисицы, которыхъ при сей вѣрной оказіи и бьютъ десятками. Всего интереснѣе то, что на такія охоты ходятъ не только парни, но и дѣвки.

— Куда ты? спрашиваютъ кольскую Лоллу Монтесъ, пробирающуюся за городъ съ ружьемъ.

— А въ заставку—лисицъ караулить.

— То-то смотри... не прокарауль себя.

Предостереженіе это весьма основательно, потому что въ заставкѣ тоже вѣрно въ качествѣ лисицъ являются парни и рядомъ съ одной охотой идетъ другая, менѣе выгодная, но болѣе пріятная и легкая. Прибавьте къ этому — тридцатиградусный морозъ, полярную ночь, озаренную сѣвернымъ сіяніемъ и вся декорація кольскаго водевиля съ переодѣваніемъ будетъ готова.

Утромъ охотникъ-дѣвка входитъ въ городъ съ одного конца, а парень крадется съ другаго.

Въ сущности бы и прятаться незачѣмъ—дѣло житейское, но все-таки и тутъ стремятся сохранить приличіе, чтобъ не попасть на зубки кумушкамъ, коротающимъ на сплетняхъ долгія полярныя ночи.

Наконецъ, въ Колу привалила партія лопарей съ Мурмана. Нѣкоторые изъ нихъ шли на Массельгу, а другіе на Нуотъ-озеро. Мнѣ нужны были лавозерскіе, и такихъ оказалось двое. Съ озера Имандры

на Лавозеро нѣтъ никакого пути. Нужно было подговорить проводниковъ, чтобы они ждали меня на одной изъ «почтовыхъ станцій» этого района. Заговорилъ я съ однимъ изъ нихъ смотрю, тотъ созвалъ всѣхъ.

— Зачѣмъ же тебѣ чужіе лопари?

— Нельзя. Надо суймой (сходомъ) рѣшить дѣло!

Собралось человѣкъ тридцать; попробовали открыть суйму на улицѣ—русскіе мѣшаютъ, пристаютъ. Подумали, погалдѣли и пошли въ баню къ Василію Базарному. Тутъ всѣ лопари заговорили въ одно и то же время, такъ что меня оглушило. Никто не слушалъ, усердно работая языкомъ, но всѣ тѣмъ не менѣе какъ-то понимали другъ друга. При этомъ и говоръ былъ какой-то странный. Прислушаешься, кажется, говорятъ по русски—а ничего не разберешь. Наконецъ сталъ я соображать отдѣльныя фразы и удивился. Оказалось, что лопари смѣшали свой языкъ съ русскимъ въ какую-то невообразимую яичницу. Рядомъ съ лопарскимъ, слышалось русское слово, и вовсе не такое какого бы не было въ ихъ языкѣ, а самое обыкновенное, въ родѣ: ѣхать, взять, рѣка, гора, дорога, я, ты, онъ. Удивленіе мое, впрочемъ, было не долговременно. Вскорѣ я убѣдился, что по всей этой части Кольскаго полуострова такъ. Лопари говорятъ и на Имандрѣ, и въ Зашейкѣ, и на Массельгѣ на особомъ языкѣ, составляющемъ смѣсь ихъ мѣстнаго нарѣчія съ русскимъ. Выходитъ и незвучно, и уродливо, и неудобно. Русскій языкъ для лопарей служитъ даже дипломатическимъ. Такъ, лопарь лавозерскій понимаетъ мотовскаго только тогда, когда они оба заговорятъ по-русски. Суйма говорила все громче и громче. Лица оживлялись, краснѣли, глаза то хмурились, то словно хотѣли выскочить изъ своихъ орбитъ; одни колотили себя въ грудь, другіе надсѣдались и чуть не опускались на корточки, выламывая разомъ энергическія фразы. Было особенно комично, когда два лопаря схватывали другъ друга за плечи, и уставясь одинъ на другаго, орали что-то въ одно и тоже время. Зрѣлище было и оригинальное, и непривычное. Одинъ ораторъ до того дошелъ, что, зажавъ себѣ уши, началъ что-то выпѣвать остальнымъ фистулою, но на него тотчасъ же налетѣлъ еще болѣе горячій оппонентъ и покрылъ своею густой октавой крикливую фистулу массельгскаго Демосѳена. Меня особенно поразило то, что суйма безапеляціонно рѣшала дѣло, касавшееся только моего личнаго соглашенія съ двумя проводниками. При этомъ члены суймы были изъ разныхъ концовъ Лапландіи и тѣмъ не менѣе принимали столь искреннее участіе въ этомъ дѣлѣ, словно это затрогивало дорогіе имъ интересы. Вдоволь насмотрѣвшись на галдѣвшую, куда крикливѣе нашихъ сходовъ, суйму, я уже хотѣлъ выйдти, тѣмъ болѣе, что въ банѣ становилось жарко, какъ вдругъ лопари разомъ смолкли.

Точно что-то ихъ оборвало сразу. Только-что горланили, что было мочи, а теперь только и слышно какъ ноги шаркаютъ по полу, да двери скрипятъ, да гдѣ-то оретъ пронзительно и рѣзко чайка.

— Что же, порѣшили?

— Суйма сказала свое слово! И лопари-проводники передали мнѣ свои условія.

Я только руками развелъ! когда и какъ всѣ они согласились, когда и кѣмъ было формулировано общее рѣшеніе, какъ они понимали другъ друга? Тѣмъ не менѣе плата, истребованная съ меня, была крайне добросовѣстна, такъ что я счелъ еще себя обязаннымъ накинуть нѣсколько, къ недоумѣнію простыхъ и честныхъ лопарей.

Послѣ этой сцены пошелъ я на берегъ Туломскаго рукава Кольской губы.

Даль замыкалась зелеными горами. Тулома казалась недвижимой. Какая-то лодченка посреди ея словно замерла на зеркалѣ губы. Точно замеръ и старикъ, рыбачившій на ней, подставивъ осеннему солнцу свою голую какъ колѣно и какъ-то угловатую голову. У самой воды играли ребятишки, спуская корабли. Двѣ шкуны были особенно хорошо сдѣланы изъ дранокъ, нитокъ и тонкихъ вѣтокъ.

— Кто вамъ дѣлалъ?

— Сами.

Пришлось дѣйствительно подивиться. Взрослые коляне строятъ кое-какъ шняки, а дѣти ихъ очень красиво и вѣрно составляютъ чуть не изъ щепокъ игрушечныя шкунки. Каждая мачта на мѣстѣ, канаты, такелажъ, все прилажено какъ слѣдуетъ. Изъ материныхъ шпилекъ якоря понадѣланы. Каютки; изъ слюды окошки; трюмъ.

— Что стоитъ такая шкуна?

— Вотъ погоди, дай спустить на воду.

Спустили. Пошла хорошо. Корабль въ поларшина не кренитъ. Ровно сидитъ въ водѣ, хоть бы и большому кораблю такое плаваніе.

— Давай пять копѣекъ! Пряниковъ купимъ, а завтра новый корабь построимъ. Такъ-то оно лучше будетъ.

Тутъ же на берегу чернѣло килемъ вверхъ до двадцати карбасовъ. Подъ ними кос-гдѣ народъ спалъ. Несмотря на августъ, хоть и за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, а было жарко. Гдѣ-то послышался разомъ крикливый говоръ, точно утки разомъ проснулись и заклохтали въ тихомъ заводкѣ. Оглядываюсь, шесть лопарокъ въ кумачныхъ платьяхъ, оригинальныхъ головныхъ уборахъ, отчаливаютъ на лодкѣ.

— Ишь онѣ на падунъ поѣхали. На работу тоже къ Савину.

Лопарки плыли болтая, пока лодка не поровнялась съ нами. Замѣтивъ постороннихъ, онѣ разомъ смолкли и, опустивъ головы внизъ, усердно гребли, совершенно по-мужски наваливаясь на весла.

Съ Туломы я пошелъ по песчанымъ отлогимъ берегамъ къ Соловоракѣ. Въ чащѣ, покрывшей болѣе отлогій здѣсь скатъ, слышались звонки. Порою сквозь березнякъ выставлялся баранъ или рогатая голова крупной коровы, точно съ изумленіемъ оглядывала съ высоты всю эту свѣжую ширь кольскаго поморья.

— Ишь они наши горцы. Черкесъ!.. шутили коляне. Нонѣ у насъ болѣ сто коровъ, а своно масла и въ заводѣ нѣтъ. Не дѣлаемъ. Соленое изъ Архангельскова городка возимъ...

На послѣдяхъ хотѣлось осмотрѣть все, еще незамѣченное или пропущенное въ этомъ оригинальномъ городкѣ, несмотря на свою нищету, играющемъ такую важную роль въ исторіи Сѣвера, какъ первое русское гнѣздо на Ледовитомъ поморьѣ, какъ первый осадокъ смѣлаго ушкуйничества у студенаго моря. Забрался на кладбище, перейдя обсохшую въ отливъ губу по каменьямъ. Церковь на этомъ островкѣ скудна и бѣдна. Она выстроена на мѣстѣ бывшаго Печенгскаго монастыря, перенесеннаго сюда съ р. Печенги, гдѣ святительствовалъ и проповѣдывалъ лопарямъ евангеліе преподобный Трифонъ. Между камнями съ тихимъ шумомъ струилась Кола, пожелтѣвшая трава на островѣ хрустѣла подъ ногою, точно приходилось идти по сухой, давно опавшей листвѣ. Городокъ отсюда весь прятался за береговыми амбарами и только два-три сруба нахально взбѣгали на горбину берега, точно хвастаясь своею нищетою и безлюдьемъ...

— Здѣсь подъ церковью должно быть старинныя подземелья есть! объяснялъ мой спутникъ.

— Едва ли. Островъ намывной: весь изъ мелкаго щебня.

— Нѣтъ, есть. Преданій много о томъ ходитъ.

— А именно?

— Разсказываютъ, что разъ здѣсь было живьемъ въ погреба пять шведовъ опущено, а въ другой — колянинъ свою жонку съ монахомъ блудившую туда же заперъ.

— Видно, коляне не были тогда похожи на нынѣшнихъ?

— Это насчетъ супружеской чести-то? Точно, разница есть махонькая...

Отсюда же видны еще врытыя въ берегъ балки, послѣдніе остатки старинной кольской крѣпости или острожка, какъ его называли тогда. Онѣ еще гніютъ на материомъ берегу, тогда какъ, напримѣръ, Норвегія старательно поддерживаетъ вардехузскую свою крѣпость, все-таки защищающую Варангеръ-фьордъ. Нашъ Мурманъ съ его зачинающеюся колонизаціею совершенно беззащитенъ. Во время Крымской войны англичане сожгли и разорили Колу, а теперь—непріятель можетъ безпрепятственно сжечь и разорить ту же Колу, да еще и двадцать колоній вдобавокъ.

— Подъ крѣпостью тоже должны быть подземелья.

— Что же вы не роете?

— Поройте-ка съ нашимъ народомъ. Попробуйте. Дубьемъ прибьютъ... Глупы еще очень. Тутъ шведы студенты ѣздили. Внутри Лапландіи курганы кое-какіе разрывали, хотѣли и въ Кандалакшѣ чудское кладбище чуточку тронуть, порыться, рѣдкостей поискать. Только пошли съ заступами — а на нихъ кандалакшане съ дубьемъ. Чуть смертнаго убійства не произошло. Такъ ихъ гробокопателями и прозвали. Приходили, сказываютъ, гробокопатели нашу смерть изъ-подъ земли вырывать!.. Вотъ тутъ поройтесь-ка!

Въ говорѣ лопарей, еще въ Колѣ меня поразили многія старинныя русскія слова, которыя давно забыты нами, но остались у полярныхъ инородцевъ, занесенныя сюда новгородскими ватагами. Такъ, напримѣръ, слышу я въ разговорѣ:

— А нашъ Федько Мошнаковъ съ *рюрика*-то въ воду свалился и потопъ совсѣмъ.

— Что такое *рюрикъ*?

— А лѣсенка, на которую мы всходили, чтобы высмотрѣть, попала ли рыба въ сѣть или нѣтъ. На рюрика же мы и неводъ вытягиваемъ.

— Откуда у васъ это названіе?

— Съ незапамятныхъ временъ. Это наше кореннос, лопское. Такъ давно переняли, что за свое настоящее считаютъ...

Тѣмъ не менѣе при всей любви къ русскому языку, который они считаютъ почти своимъ, роднымъ, лопари рѣдко имя православное называютъ какъ слѣдуетъ, преимущественно же ломаютъ его по своему. Такъ, я зналъ Василіевъ, называвшихся между своими «Вастирьонъ» и т. д. Интересно, почему, принявъ самыя обыкновенныя слова изъ русскаго языка, мѣшая въ свою рѣчь самыя будничныя наши выраженія и усвоивъ какой-то языкъ-окрошку, о которомъ я уже сообщалъ выше, лопари въ то же время съ такимъ упорствомъ стоятъ на своемъ, переиначивая православныя имена на иной ладъ ..

— По невѣжеству своему и по дикости! объяснялъ мнѣ отецъ Петръ лавозерскій. Потому—жестоковыйный и къ старинѣ своей приверженный народъ. Ты его Никитой ладишь звать, а онъ себя по необузданности своей въ какого нибудь тамъ Марката перекреститъ. Что съ нимъ подѣлаешь? Одно остается — плюнуть и уйдти — сотворить благо!..

— Они сверхъ того и сребролюбцы и сребростяжатели! возмущался отецъ Петръ. Вы какъ объ нихъ полагали? Въ Лавозерѣ есть лопари, у нихъ сребренники хранятся еще съ Петра Великаго! Вотъ они какіе Іуды!

— Что же тутъ дурнаго?

— А забыли: кая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?.. О церкви небрегутъ — а сребренники собираютъ. И какая въ нихъ къ серебрянымъ деньгамъ приверженность свирѣпствуетъ — описать невозможно. Однажды поморъ одинъ замѣтилъ, куда лопарь серебро свое зарылъ. Ну, извѣстно — Богъ счастья посылаетъ, пришелъ ночью, вырылъ, да и былъ таковъ. Лопарь черезъ недѣлю несетъ туда еще два двугривенныхъ — зарыть. Хватъ — анъ сокровищница опустѣла и талантовъ нѣтъ. Затосковалъ лопарь... Думалъ, думалъ, скучалъ, скучалъ—что бы вы думали — утопился весной. Вотъ они какіе ожесточенные. Истинно говорю: сребролюбцы и сребростяжатели!

При мнѣ въ Колу прибыло еще нѣсколько финскихъ семей. Всѣ они бѣгутъ на рыбный Мурманъ изъ оскудѣвшей Финляндіи. Спрашиваю у этихъ: что ихъ сюда загнало? Тяжело жить стало, оказывается.

— Начальство одолѣваетъ. Чиновники притѣсняютъ. Овцу тащи, собаку тащи. Силы нѣтъ.

А еще по отношенію къ честности, Финляндія считается какою-то Аркадіей. Вотъ вамъ и Аркадія! Даже собаками взятки берутъ, если вѣрить этимъ молчаливымъ, суровымъ и повидимому въ концѣ истомившимся переселенцамъ!

Честные финны больше всего изумлялись тому, что кольская полиція съ нихъ не брала денегъ.

— Плохо! болтали они между собой. Совсѣмъ плохо. Должно быть ни земли на Мурманѣ, ни пособія не дадутъ.

— Что же такъ?

— Да вишь начальство денегъ не беретъ. По пяти цѣлковыхъ съ человѣка давали—прогналъ и побранился еще!

Странно даже и изображать такую «невинность» полицейскихъ чиновниковъ въ столь отдаленныхъ уголкахъ, какъ Кола! Невинность этихъ административныхъ Евъ даже въ отчаяніе приводила несчастныхъ колонистовъ, повидимому у себя привыкшихъ къ совершенно инымъ порядкамъ. Такъ что они были бы гораздо довольнѣе, если бы какой-нибудь змій-искуситель довелъ ихъ до грѣхопаденія.

Въ Колѣ есть много осѣдлыхъ лопарскихъ родовъ. Таковы Жеребцовы, Измайловы и др. Они до сихъ поръ сохраняютъ наружный типъ лопаря, хотя въ то же время усвоили себѣ совершенно русскій образъ жизни и стали такими же кулаками-міроѣдами относительно своихъ соотчичей, какими являются остальные кольскіе хозяева, Базарные, Лоушкины, Хохловы и другіе. Особенно лопари всѣхъ погостовъ плакались на старшину своего Жеребцова, изображая его чѣмъ-то въ

родѣ Ирода, истребившаго неповинныхъ младенцевъ тысячами. Ему и писарю кольско-лопарской волости Иванову приписывались всевозможныя злоупотребленія власти, отвѣтственность за которыя падаетъ, разумѣется, на мѣстнаго мироваго посредника. Въ мое время многія изъ этихъ жалобъ были очень основательны. Теперь можетъ быть все измѣнилось или измѣняется.

Какъ-то встрѣчаю на улицѣ истомленнаго, чуть не умирающаго лопаря.

— Что съ тобой?

— Ничего, въ почтаряхъ ходилъ, поправиться не могу... Силъ мо ихъ нѣтъ.

— Утомился что ли, надорвался?

— Да вишь казенныя гири на себѣ таскалъ съ самой Кандалакши А въ нихъ вѣсу-несовмѣстимо что. Смерть моя съѣла.

Оказалось, что дѣйствительно, вмѣсто удобнаго перевоза моремъ, желѣзныя гири перевозились на плечахъ лопаря отъ Кандалакши до Колы на разстояніи около 250 верстъ тамъ, гдѣ не было рѣкъ, озеръ и лодокъ... Какъ дешево здѣсь цѣнятъ человѣческую жизнь! Вообще кольскія почты очень неудобны. Первый разъ, когда я поѣхалъ на Нуотъ-озеро, со мной хозяинъ отпустилъ пьянаго ямщика, давъ ему притомъ же водки въ дорогу. Въ началѣ пути мы должны были поэтому сидѣть часа четыре на припекѣ, ожидая, когда нашъ автомедонъ воскреснетъ изъ мертвыхъ и получитъ опять обладаніе всѣми своими пятью чувствами. Въ другой разъ я прождалъ въ Колѣ два дня попусту, ожидая тѣхъ же ямщиковъ, гулявшихъ неизвѣстно гдѣ! Я уже не говорю о дорогахъ, о нихъ впослѣдствіи!..

Наконецъ, желанный день насталъ. Только что вернувшись изъ Кильдинскаго погоста, я узналъ, что носильщики ждутъ моего багажа и проводникъ — меня. Еще разъ я обошелъ всѣхъ своихъ кольскихъ знакомыхъ, встрѣчая повсюду грубоватое открытое радушіе. Какъ истые антропофаги, коляне совали мнѣ на прощаніе крупнозернистую сиговую икру, тутъ же отдирая ее толстыми мозолистыми пальцами отъ крѣпкихъ волоконъ и заливали шампанскимъ. Къ шампанскому подавалась крѣпкая какъ камень колбаса и пряники. Все что было вообще — все ставилось на столъ.

— Кушайте, не обезсудьте! кланялись въ поясъ хозяева.

— А чего не съѣдите, съ собой! Дорожному человѣку все на пользу...

Въ послѣдній разъ я былъ преслѣдуемъ на кольской улицѣ упрямымъ козломъ, неукротимо желавшимъ узнать добротность матеріаловъ, изъ которыхъ я былъ скроенъ и сложенъ. Въ послѣдній разъ я бросилъ взглядъ на голубую гладь Кольскаго залива, на замыкаю-

щія его горы и спустя немного, 8 августа, уже карабкался вмѣстѣ съ носильщиками въ горы, чтобы за Колою углубиться въ свѣжія и дѣвственныя пустыни настоящей Лапландіи, съ ея громадными озерами и высокими горными хребтами...

На вершинѣ Соловараки до меня долетѣла не веселая пѣсня... Точно чья-то душа надрывалась вся надъ непосильнымъ горемъ...

— Пастухи поютъ... объяснили мнѣ лопари.

А тамъ за горой уже ложилась свѣжая лѣсная глушь... Оттуда-то доносился грохотъ водопада и печальное рыданіе гагары замирало въ тихомъ понизьѣ неширокаго раалива р. Колы...

НОВАЯ ЗЕМЛЯ И ВАЙГАЧЪ.

I. НОВАЯ ЗЕМЛЯ.

Только у насъ интеллигентная масса можетъ относиться такъ равнодушно къ малоизвѣстнымъ пустынямъ, испещряющимъ карту европейско-русскаго Сѣвера и Сибири. Только мы, разрѣшая глубокомысленные, не имѣющіе прямаго отношенія къ намъ, вопросы, можемъ допускать въ то же время то, что весьма важные притоки рѣки Печоры и береговыя рѣки, впадающія въ Сѣверный океанъ въ предѣлахъ, напримѣръ, Архангельской губерніи, обозначаются точками, да и опредѣленно нанесенныя на карту въ дѣйствительности представляютъ иное теченіе. Спросите у кого угодно: что такое Новая Земля, и за немногими исключеніями, вы поставите вопрошаемаго въ глупѣйшее положеніе. При этомъ, разумѣется, вспомнится что-то изъ учебниковъ географіи Ободовскаго, мелькнетъ въ памяти нѣчто изъ давно прочитанной и тотчасъ-же позабытой корреспонденціи,—но въ сущности ни одного основательнаго свѣдѣнія, ни одного вѣрнаго и осмысленнаго факта. О полномъ пониманіи и представленіи этого тысячеверстнаго континента, залегающаго въ неоглядную глушь полярнаго океана, — и толковать нечего. Еще упрекаютъ русскихъ въ чрезмѣрномъ патріотизмѣ! Помилуйте, да какой патріотизмъ ограничивается одною фразой, да глупымъ ломаніемъ будто бы народнаго, а въ сущности питейно-кабацкаго языка! На дѣлѣ же мы и о землѣ русской имѣемъ самое смутное, самое отдаленное понятіе. Знаемъ, что гдѣ-то есть что-то, знаемъ, что край нашъ великъ и обиленъ, а что именно заключается въ этомъ величіи и обиліи — неизвѣстно. Мнѣ самому въ 1864 году случилось видѣть, въ какомъ подлѣйшемъ положеніи былъ одинъ *русскій* академикъ, котораго въ маленькомъ прусскомъ городкѣ сталъ разспрашивать о Россіи одинъ любознательный нѣмецъ. Оказалось, что мудрый, имѣющій ученую степень россъ только знаетъ въ своемъ отечествѣ, что Петербургъ, а въ Петербургѣ—Невскій, Литейную да Гороховую. Зато нѣмецъ оказался

знатокомъ нашей исторіи и этнографіи. Другой разъ великосвѣтская барыня изумила меня разсказомъ о томъ, что наши сибирскіе казаки назвали одну изъ главнѣйшихъ рѣкъ Сибири въ честь именно греческаго бога—Купидономъ. Оказалось, впрочемъ, что она подразумѣвала рѣку Амуръ, и мнѣ пришлось разубѣдить ее въ миѳологическихъ познаніяхъ первыхъ колонизаторовъ въ Сибири. Не мѣшало бы какъ можно чаще знакомить съ русскими окраинами, особенно сѣверными.

Итакъ — forward!

Впередъ, въ ту малоизвѣстную глушь, въ ту необитаемую пустыню, каменистые берега которой мало-по-малу удабриваются трупами нашихъ промышленниковъ, смѣло пускающихся на опасный промыселъ за тысячи верстъ отъ дорогихъ людей, дорогой семьи, отъ теплаго роднаго угла, на утлой щепкѣ, одиноко теряющейся въ подавляющемъ просторѣ Сѣвернаго моря. Впередъ! Переиспытаемъ всѣ ощущенія, всѣ встрѣчи, всѣ испытанія, ожидающія на берегахъ Новой Земли отважнаго морехода. На нашей сторонѣ по крайней мѣрѣ то преимущество, что мы совершимъ это опасное плаваніе, сидя въ покойномъ креслѣ, у весело сверкающаго камина, а не на гребняхъ пѣнистыхъ валовъ, бѣгущихъ съ дикимъ ревомъ по безграничному океану, распустивъ по вѣтру свои бѣлыя гривы, словно безчисленные табуны нашихъ неоглядныхъ южно-русскихъ равнинъ.

Матеріалами для настоящаго очерка послужили сочиненія Литке, Пахтусова, Свенске, Розмыслова, Бэра, Цивалки и Моисеева.

Видъ Новой Земли.

Сѣвъ въ Архангельскѣ на небольшую поморскую шкуну и оставивъ за собою Поводвинскую крѣпость, вы при благопріятномъ вѣтрѣ быстро выйдете въ открытое море. Подвигаясь далѣе къ сѣверу вдоль Зимняго берега, вы минуете островъ Сосновецъ и Крюковъ-носъ съ другой стороны и спустя два дня проскользнете черезъ Бѣломорское горло, между Святымъ-Носомъ и мысомъ Канинымъ — въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Тутъ только середина эпопеи этого опаснаго плаванія. Черезъ нѣсколько дней вправо отъ васъ останется островъ Калгуевъ, куда иногда судно прибиваетъ теченіемъ, при чемъ, если его разобьетъ тамъ, то экипажъ гибнетъ, если разумѣется ему не удастся наткнуться на промышляющую тамъ партію самоѣдовъ. Но мы съ вами благополучно миновали всѣ опасности этой новой Одиссеи и спустя мѣсяцъ или полтора, считая со дня выхода изъ гавани, — пристаемъ къ безлюдному каменистому берегу громаднаго острова — Новая Земля.

Глушь.... пустыня.... безмолвіе....

На тысячи верстъ раскинулся этотъ континентъ, то уходя въ глухо шумящіе валы океана отвѣсными стѣнами мрачнаго камня, сквозь вертикальныя трещины котораго неудержимо несутся ревущіе потоки, то опускаясь къ тихимъ и безмятежнымъ заливамъ песчаными и мѣловыми отложинами. Изрѣдка въ ихъ глубинѣ чернѣетъ убогая губа, гдѣ иногда останавливаются зимующіе здѣсь промышленники. Чаще вамъ встрѣтятся нѣсколько крестовъ группами. Здѣсь подъ кое-какъ набросанными курганами, въ промерзлой землѣ покоются погибшіе отъ цынги и скорбута промышленники. Пріѣзжайте сюда осенью въ ясную, лунную ночь, и васъ поразитъ угрюмо-величавая картина этого длиннаго, безконечно-длиннаго берега. Крутыя сѣрыя скалы мощно поднимаются изъ морской бездны. Чѣмъ дальше, тѣмъ выше и выше возносятся ихъ дикія и мрачныя вершины. Ползучая зелень изъ расщелинъ стелется по холодной поверхности гранитныхъ массъ. Кое-гдѣ жалкія, сухія балинки треплются вдоль черныхъ трещинъ откоса, серебряныя пятна лишайника матовымъ блескомъ выдѣляются при яркомъ свѣтѣ мѣсяца на агатовомъ фонѣ голаго камня. А тамъ далеко, далеко внизу ворчитъ и злостно вздымается пѣнистое море, словно подъ каменною пятою гиганта, въ послѣдней агоніи своей, неровно дышетъ и мучительно хрипитъ грудь побѣжденнаго титана.

Тутъ колыбель полярнаго моря. Какъ отчетливо рисуется этотъ берегъ передъ глазами случайнаго морехода! Вотъ круглый, похожій на феодальную башню утесъ. Такія башни и теперь еще попадаются въ бретонскихъ долинахъ. Онъ смѣло выдвинулся впередъ въ морскую даль—на борьбу съ величавою стихіей. Вотъ извилистые гребни разрушенныхъ скалъ изъ выв'ѣтрившагося камня. Словно базальтовые столбы, жмутся они одни къ другимъ, крутыми лѣстницами, террасами и площадками сходя внизъ. Они тянутся далеко, далеко. Издали они похожи на разбитые бомбами стѣны и дома осажденнаго города. Какъ будто уцѣлѣвшая между ними колоколенка, взбѣжавъ кверху, сіяетъ въ лунномъ свѣтѣ острый каменный шпицъ. Высоко въ голубой лазури теряется его холодная вершина. Когда же октябрьское или ноябрьское сѣрое небо низко нависнетъ надъ этою безпріютною стороною, ни одна тучка не проползетъ мимо, не оставивъ своихъ сѣрыхъ влажныхъ клочьевъ на этомъ утесѣ. Когда бѣшеная буря реветъ и мечется, охватывая и дикій берегъ и дикое море цѣлымъ хаосомъ смятенныхъ, безформенныхъ тучъ, когда какъ отклики невидимыхъ легіоновъ съ юга на сѣверъ, съ востока на западъ несется мощный громъ, заставляя дрожать эти гранитныя нѣдра, вершина утеса и привлекаетъ и отбрасываетъ цѣлые снопы, сіяющихъ ослѣпительнымъ,

глубокимъ свѣтомъ молній. Безчисленные метеоры разрываются тамъ, наполняя всю окрестность своимъ грозовымъ трескомъ... Потухнутъ молніи передъ новымъ ударомъ и кажется, что надъ острою вершиною каменнаго шпица скользятъ во мракѣ какіе-то чудовищные фантомы, словно надъ нимъ вздымаются и носятся духи бури, избравъ своимъ престоломъ этотъ одинокій конусъ. Оттуда они какъ будто шлютъ свои боевые сигналы и небеснымъ амфибіямъ—тучамъ и морю, и невидимымъ дружинамъ, безпощадно сталкивающимся въ боевую толчею среди неоглядnаго, тьмою окутаннаго небеснаго простора. Но какъ тихъ и покоенъ этотъ сумрачный берегъ въ ясные дни и ясныя ночи. Какъ ясно сверкаютъ, какъ быстро тухнутъ и вновь вспыхиваютъ серебрянымъ свѣтомъ его каменныя площадки и откосы подъ перебѣгающимъ, неровнымъ свѣтомъ полярнаго сіянія, на бѣломъ сегментѣ котораго таинственно рисуются фантастическія очертанія далекихъ скалъ и гребней. Только ворчливый рокотъ Сѣвернаго океана нарушаетъ торжественную тишь этой безлюдной ночи. Тамъ, далеко внизу—тамъ борьба и жизнь, а здѣсь спокойствіе и миръ... здѣсь—смерть!..

Ознакомившись съ первыми впечатлѣніями, производимыми Новою Землею, перейдемъ къ ея географіи.

Положеніе острова и берега его.

Новая Земля лежитъ между 70 и 77° с. шир. На западѣ крайняя точка ея достигаетъ 51 ½°в. д. отъ Гринвича. Ея протяженіе на востокъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ оно опредѣляется далеко не одинаково; извѣстно только, что сѣверо-восточный край этого острова во всякомъ случаѣ не заходитъ далѣе 79°. Хорошо изслѣдованы мореплавателями западные берега Новой Земли, остальные же на картахъ означаются точками, начиная отъ мыса Нассау, далѣе котораго не пойдетъ ни одно судно.

Новая Земля раздѣляется на двѣ неравныя части: меньшую, южную — до Маточкина шара, и большую, сѣверную—отъ Маточкина шара. Свенске. въ своемъ описаніи Новой Земли, говоритъ, что названіе этого пролива произошло отъ слова—*маточка* (маленькій компасъ). Это неправда: Маточкинъ шаръ называется *маточкинымъ* въ отличіе отъ другихъ мелкихъ новоземельскихъ шаровъ, такъ какъ онъ пересѣкаетъ всю *Матку*, то есть материю землю этого архипелага. Новая Земля составляетъ какъ бы дальнѣйшее продолженіе отрасли Уральскихъ горъ—хребта Пай-хо. Между нею и сѣверными отраслями послѣдняго лежитъ только островъ Вайгачъ, гористый и по строенію своему дѣлающій эту гипотезу весьма вѣроятной. Два эти острова одинъ отъ другаго отдѣляются Карскими воротами—проливомъ въ 12 миль шириною.

Новая Земля.

Вдоль береговъ Новой Земли лежитъ не мало острововъ, составляю-
ихъ ея архипелагъ. Болѣе замѣчательны между ними острова Саха-
гискіе, островъ Междушарскій, острова Храмцова и Голецъ — всѣ
ъ южной части; затѣмъ на сѣверѣ за Маточкинымъ шаромъ островъ
итюшевъ, островъ Вильгельма, островъ Берха, острова Панкратьевы,
тровъ Крестовый, острова Баренцовы и на крайнемъ сѣверѣ его
рехъ-островье. Восточные острова, за исключеніемъ острова Пахту-
ва и Мехреньгина, еще и не нанесены на карту. Кромѣ названныхъ,
ды новоземельскаго архипелага усѣяны массами мелкихъ островковъ
голыхъ скалъ.

Сядемъ опять на промысловое судно близъ Кусова Носа—крайней
жной оконечности Новой Земли. Съ величайшею осторожностію ста-
емъ подвигаться вдоль береговъ острова По пути намъ не разъ
стрѣтятся акулы, киты, бѣлухи, но не станемъ обращать вниманіе
ъ этихъ гигантовъ водnаго міра. Первою гаванью, куда придется
йти намъ, будетъ Тархова—крайне небезопасная для стоянки. Ме-
ленно плывя впередъ, бросая лотъ каждые четверть часа, мы нако-
цъ доберемся до якорнаго мѣста. Отсюда невдалекѣ—озеро прѣсной
ды, сжатое холмистою мѣстностію, гдѣ зелень все-таки гуще, чѣмъ
ъ остальныхъ мѣстахъ острова. Но вотъ подулъ холодный сѣверо-
осточный вѣтеръ. Нужно пользоваться попутничкомъ. Слѣдующая
ша стоянка—становище Кусово, у котораго впервые бросятся намъ
ъ глаза нѣсколько ветхихъ деревянныхъ крестовъ. Подъ ними
рно спятъ въ этой негостепріимной землѣ суровые труженники сѣ-
рныхъ морей, сильные, отважные промышленники. Вблизи крестовъ
ухо шумитъ океанъ, словно плачутся волны о силахъ, безплодно
ороненныхъ на этомъ берегу. А тамъ, гдѣ нибудь далеко, далеко
ъ глуши нашего поморья, тщетно ждетъ убогая семья своего кор-
льца. И нищаетъ она и томится, пока не выростутъ новые труже-
ки въ ея средѣ, которымъ быть можетъ также суждено безвременно
чь въ холодныя могилы — тамъ, въ этомъ уныломъ, безлюдномъ краю.

Но дальше, дальше! Ждать некогда. Скоро позамерзаютъ рѣчки, и
береговъ скопятся громадныя ледяныя глыбы. Судно затретъ, а по-
алуй и расплющитъ, какъ щепку. Придется поневолѣ остаться на
мовку. Впередъ! Вотъ мимо насъ мелькнуло устье губы Каменки,
ѣ въ зиму съ 1832 на 33 годъ жилъ извѣстный мореходъ Пахту-
въ. Вотъ широкое горло Логиновой губы, которая на двадцать
рстъ врѣзывается въ матерую землю, доходя въ нѣкоторыхъ пун-
хъ до пяти верстъ въ ширину. Миновавъ заливъ Рейнеке, бросимъ
орь въ губѣ Саханиха, усѣянной островами и глубоко входящей въ
ристые берега. Сюда впадаетъ и рѣчка Саханиха, гдѣ водится
ость гольцовъ. Въ прѣсноводныя озера и рѣки острова заходитъ не болѣе

десяти видовъ рыбъ. Академикъ Бэръ объясняетъ отсутствіе постоянно водящихся тамъ рыбъ неимѣніемъ въ помянутыхъ рѣкахъ тѣхъ питательныхъ веществъ, которыми такъ богаты южные бассейны. Голецъ или по-архангельски голышъ—таже семга, но съ едва замѣтною чешуей, отчего и произошло ея названіе. Она мелкоросла и не бываетъ длиннѣе 13 вершковъ, при вѣсѣ въ 15 фунтовъ. Она поднимается сюда изъ моря, какъ и всѣ мѣстныя рыбы. Безъ нихъ эти рѣки и озера поражали бы промышленника полнѣйшимъ отсутствіемъ жизни. Гольцы водятся лишь по западному берегу Новой Земли. Ловятъ ихъ въ теченіе августа, когда прекращаются всѣ остальные промыслы въ здѣшнихъ становищахъ. Всѣ рыбы изъ породы семужьихъ стремятся изъ моря преимущественно въ быстро текущія рѣки, подымаясь густыми стадами противу теченія вверхъ, для икромета. Промышленники въ это время перебрасываютъ черезъ рѣку канатъ, съ длинными жердями, затянутыми сѣтью. Въ этой стѣнѣ устраивается отверстіе, ведущее въ заготовленную ранѣе полость. Рыба толпится у сѣтей, напираетъ на нихъ и желая, пройти далѣе, одна за другою попадаетъ черезъ дыру въ вершу, откуда ее и собираютъ рыболовы. Г. Данилевскій говоритъ, что въ началѣ 30-хъ годовъ уловъ гольцовъ былъ чрезвычайно изобиленъ. Теперь далеко не то. Изъ важнѣйшей статьи мѣстныхъ промысловъ онъ сталъ незначителенъ. Только двое рыболововъ въ рѣчкѣ Нехватовой въ 1852 г.—исключительномъ по урожаю на рыбу, добыли гольцовъ до 900 пудъ и бросили ловлю за недостаткомъ соли для посола. Впрочемъ и нынѣ средній уловъ ихъ доходитъ до 280 п. на судно. Въ тѣхъ же рѣкахъ ловятъ и окуней, а въ морѣ иногда попадается треска.

Изъ губы Саханихи, мы завернемъ въ становище губы Чер ной по срединѣ которой высится небольшой островокъ съ грудами плавнику. На немъ нѣсколько могилъ и купа крестовъ, неизмѣнно являющихся по всему пути вдоль ново-земельскаго берега. Отсюда, миновавъ губу Широчиху съ прѣсноводнымъ озеромъ близъ нея, наша шкуна круто свернетъ къ сѣверу въ узкій Костинъ шаръ, отдѣляющій островъ Междушарскій отъ Матки. Этотъ глубокій проливъ доходитъ до девяти миль въ ширину и нигдѣ не съуживается менѣе $1^3/_4$ миль. Онъ въ длину тянется на 45 верстъ. Направо поднимается смутная линія холмистаго ново-земельскаго берега, налѣво темнѣетъ едва замѣтная низменность острова Костина, часто заливаемаго водою и потому въ высшей степени опаснаго для малоопытныхъ мореходовъ: тутъ сѣло на мель и было разбито не мало судовъ. Хорошо, если экипажу удавалось выбраться куда нибудь на сухое мѣсто. Здѣсь нерѣдко суда пропадали безслѣдно. Ни шкуны, ни промышленниковъ, только бѣшено ревущее море несло куда-то вдаль жалкіе обломки, да жадныя акулы терзали

въ морской глубинѣ обезображенные трупы неосторожныхъ пловцовъ. Къ берегамъ этого острова нынѣ прибиваетъ не мало плавнику, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуетъ какъ бы естественныя плотины этой низменной окраины. Плавникъ—наносный лѣсъ; преимущественно лиственница, выносимая громадными рѣками русскаго сѣвера, особенно же Печорою въ открытый океанъ и прибиваемая къ Новой Землѣ, гдѣ она для зимующихъ тамъ промышленниковъ служитъ единственнымъ топливомъ.

Внутри Костина острова немало прѣсноводныхъ озеръ. Посмотрите какъ при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ они бѣшено бьются и плещутъ. Брызги бѣлой пѣны вздымаются высоко, сверкая топазовымъ дождемъ, подъ желтоватымъ блескомъ погрузившагося въ золотистую дымку солнца. Порою одинокая чайка съ рѣзкимъ крикомъ низко, низко пронесется надъ озеромъ, зорко вглядываясь въ ея желтоватую глубь, не мелькнетъ ли гдѣ мелкая рыбка ярко блистающей спинкой... Но вотъ Костинъ шаръ становится все ниже и ниже и наконецъ, на новоземельскомъ уже берегу, образуетъ Нехватову губу, куда быстро бѣжитъ сдавленная двумя гористыми берегами рѣчка Нехватова, образующая нѣсколько озеръ вдоль своего теченія. Здѣсь лучшій на Новой Землѣ ловъ гольцовъ... Высадимся тутъ на материую землю и поднимемся вверхъ по теченію этого воднаго пути. Неподалеку отъ своего устья рѣка, расширяясь, составляетъ хорошую стоянку для судовъ, посѣщающихъ Новую Землю. У самаго бассейна построено нѣсколько избъ, а далѣе начинаются гористые берега, общій видъ которыхъ можетъ увлечь и равнодушнаго къ природѣ человѣка. Далѣе по своему теченію Нехватова образуетъ нѣсколько соленыхъ и прѣсноводныхъ озеръ, усѣянныхъ островами и отдѣльно стоящими утесами. Въ окрестностяхъ водится множество ново-земельскихъ оленей, о которыхъ тутъ кстати будетъ сказать нѣсколько словъ. Они отличаются значительно отъ мезенскихъ и лапландскихъ оленей, составляя отдѣльную разновидность. Питаясь ягелемъ или бѣлымъ мохомъ, ново-земельскій олень довольствуется лѣтомъ скудною зеленью. Болѣе рослый чѣмъ олень Шпицбергена, онъ въ тоже время гораздо смирнѣе и выносливѣе того. Промышленники безъ особенныхъ ухищреній и орудій ловятъ здѣшнихъ оленей или въ сѣти, загоняя ихъ туда цѣлыми стадами, или же бьютъ изъ ружья. Опытовъ приученія ново-земельскаго оленя еще никѣмъ производимо не было, тѣмъ не менѣе по аналогіи можно судить, что для будущихъ промышленниковъ мѣстный олень будетъ составлять тоже, чѣмъ онъ сталъ для самоѣда и лопаря.

Полюбовавшись красивыми видами р. Нехватовой, отправимся далѣе, вдоль береговъ острова, къ сѣверу. Тутъ придется миновать нѣсколько губъ, между которыми замѣчательны болѣе другихъ: Рогачева, Бѣлужья

со становищемъ и неизмѣнными могилами. Вотъ впереди, въ однообразной сѣроватой массѣ океана, смутно очерчивается, какая-то низменная земля съ утесомъ на крайнемъ пунктѣ ея. Отсюда начинаются настоящія опасности плаванія по этимъ водамъ, усѣяннымъ въ этихъ мѣстахъ рифами и каменными банками. Пока еще удастся добраться до Кармакульскаго залива, глубокаго и безопаснаго, гдѣ покойнымъ Брантомъ было выстроено удобное, просторное и прочное помѣщеніе для промышленниковъ, намъ придется медленно и осторожно огибать всѣ подводныя очертанія, смутно рисующіяся неопредѣленными тѣнями на поверхности обманчиваго океана. Въ этихъ мѣстностяхъ немало погибло кораблей и промышленниковъ. Вслѣдъ за Кармакульскимъ заливомъ вновь начинаются опасные берега Гусиной Земли. Тутъ между прочимъ придется обогнуть рѣчку Пуховую, бурно текущую между гористыми и кое-гдѣ почти отвѣсными берегами. Суда, попадающія сюда, теченіе *отбрасываетъ* назадъ. Затѣмъ вплоть до Маточкина шара, перерѣзавшаго Новую Землю, не встрѣтится ничего достопримѣчательнаго.

Маточкинъ шаръ тянется на 100 верстъ въ длину. Ширина его не одинакова. Есть пункты, гдѣ гористые берега этого пролива сходятся на 250 саженномъ разстояніи, въ другихъ они отстоятъ на 10 верстъ одинъ отъ другаго. Хребты, обступившіе шаръ, главнымъ образомъ состоятъ изъ аспида и плитняка. Они усѣяны множествомъ прѣсноводныхъ озеръ, богатыхъ рыбою. По обоимъ берегамъ пролива постоянно бродятъ стада оленей, песцы, бѣлые медвѣди. Входъ въ него заставленъ сумрачными горами, правильныя очертанія которыхъ дѣлаютъ ихъ похожими на базальтовыя массы Сѣверной Шотландіи. Скудная растительность только кое-гдѣ разбросала по сѣрому, одноцвѣтному фону суроваго пейзажа зеленыя пятна мелкой поросли. Горы вдоль береговъ Маточкина шара достигаютъ кое-гдѣ значительной высоты. Въ проливъ съ той и съ другой стороны впадаетъ много рѣкъ бурливыхъ и быстрыхъ, бѣгущихъ по наклоннымъ плоскостямъ береговъ. Хорошихъ якорныхъ стоянокъ здѣсь весьма мало, хотя теченіе пролива извилисто и берега его изрѣзаны множествомъ бухтъ и заливовъ.

Объ окрестностяхъ Маточкина шара мнѣ случилось здѣсь слышать поэтическую легенду, переданную поморамъ, не разъ побывавшимъ на Новой Землѣ.

„Зимовали мы этта у рѣчки Маточки, избенка, признаться, плохенькая была; ну, понасбирали плавнику, поправили кое-какъ — ничего, жить можно. Бывало, какъ съ промысловъ вернешься изморенный, такъ и дѣла тебѣ нѣтъ, что крыша вся рѣшетомъ стала. Поближе къ печкѣ норовишь улечься—и тепло. Въ полѣ-то, да на шарѣ

вьюга реветъ. Сквозь щели косякъ открылъ, оретъ. То въ окна кинется, то сначала вылѣзетъ бѣжать, а ты себѣ спишь и дѣла тебѣ до пурги этой нѣтъ. Избушку-то снѣгомъ бо какъ занесетъ. Опосля едва себѣ проходъ проламываешь — одначе подъ снѣгомъ ничего — теплынь, благодать. Однова это къ намъ, къ самымъ дверямъ ошкуй забрался, ну мы его приняли какъ слѣдуетъ. Шкура-то у меня досель есть — пуховой ошкуй. Тепло одѣвался покойничекъ!.

„Только около этихъ мѣстовъ баско жутко бывало по субботамъ да воскресеньямъ. Какъ значитъ стемнѣетъ — сейчасъ невѣдомо откуда колокола звонить начинаютъ. Такъ звонъ и плыветъ по воздуху, и справа и слѣва. Сначала мелкіе колокола, а опосля больше гудятъ... Долго гудятъ — слушаешь, слушаешь и холодкомъ тебя такъ и прохватитъ — потому страшно. А иногда надъ самой избенкой по воздуху словно цѣлая рать пройдетъ — и голоса слышишь, и одежа шуршитъ — и опять все тихо. Подумаешь вѣтеръ — нѣтъ, выйдешь — кругомъ не шелохнется, тишь такая!..

— Что же это за колокола?

— А это, другъ, посередь Матки, старики говорятъ — города есть, не нашимъ земнымъ городамъ чета. Церкви въ этомъ городу ледяныя, дома тоже. А живутъ тамъ на просторѣ, въ такомъ захолустьѣ, куда живой душѣ и не добраться, всѣ охотнички да ловцы, что на Маткѣ перемерли. Однова съ нами былъ на промыслу малецъ одинъ, парень смирный. Зашелъ онъ это разъ за Митюшевъ камень, что у Серебрянки стоитъ, оттуда и воротился, помертвѣвъ весь. „Видѣлъ я, — говоритъ, — братцы, великое чудо. Быдто виситъ посередь Матки гора ледяная, а на этой горѣ все церкви да церкви, и сколько этихъ церквей, поди, не сосчитать, — одна другой выше, одна другой краше. Колоколенки словно стекляныя, тонкія да прозрачныя такія.. И только я стою, вдругъ со всѣхъ этихъ колоколенъ звонъ поднялся. Я, говоритъ, обмеръ да скорѣй назадъ.“ Какъ прослышали мы про то, сичасъ и сказали парню: „это тебя наши промышленнички, что подъ крестами лежатъ, въ свой-отъ городъ звали. Безпримѣнно, говоримъ, помрешь. „Что же! Сталъ парень задумываться, опалъ совсѣмъ, а черезъ мѣсяцъ послѣ того и душу Богу отдалъ. Ну, мы его тамъ за Митюшевымъ камнемъ и схоронили. Таково ли хорошее мѣстечко выбрали. Надъ крестомъ, слышь, дикій камень нависъ, а шаговъ въ десяти отъ могилы море-окіанъ зыблется!.. Вотъ онъ какой нашъ мертвый городокъ-то!“

Проработавъ цѣлую недѣлю на промыслѣ, въ субботу сидитъ промышленникъ въ своей одинокой новоземельской избушкѣ. Дѣлать нечего. Цѣлый сонмъ воспоминаній такъ и вьется надъ нимъ. Далекое поморское людное село, родная семья, улыбки жены, громкій смѣхъ

дѣтей и звонъ колокола, тягуче разносящійся съ колокольни сельской церкви... Ну, и чудится труженнику, что и тутъ рядомъ носятся торжественно гулкіе звуки колокола, отъ которыхъ жутко становится ему и больно!.. И создается такимъ путемъ поэтическая легенда о мертвомъ городѣ...

На второмъ островѣ Матки, начинающемся къ сѣверу отъ Маточкина шара, прежде всего останавливаетъ вниманіе губа Серебрянка. На сѣверной сторонѣ ея возвышается Митюшевъ камень — громадный конусъ, вершина котораго теряется въ облакахъ. Отсюда въ ясную погоду виднѣется дальняя окраина Маточкина шара, съ ярко блистающими черными озерами, словно золотыя пластины кинутыми по обоимъ берегамъ пролива. Очертанія Новой Земли кажутся отсюда вправленными въ бирюзовую кайму океана, а верхушки гранитныхъ утесовъ утромъ блистаютъ словно маяки возрождающагося дня. Здѣсь же одинъ грамотный поморъ наблюдалъ сѣверное сіяніе — въ такомъ блескѣ, котораго не увидитъ даже и привыкшій къ сполохамъ житель архангельскаго побережья.

На совершенно чистомъ зимнемъ небѣ, безлунною ночью, сначала едва-едва прорѣзался блѣдный сегментъ полярнаго сіянія. На дугѣ его колыхались и сглаживались тускло-свѣтившіе языки неровнаго пламени, которое чѣмъ дальше, тѣмъ становилось все ярче и ярче. Скоро вся сѣверная сторона неба была охвачена этимъ трепетавшимъ и точно вздрагивавшимъ огнемъ, правильная арка котораго рѣзко вырисовывалась на черныхъ зубчатыхъ очертаніяхъ отдаленнѣйшихъ береговыхъ скалъ. Наконецъ сегментъ сталъ изъ центра своего выбрасывать цѣлые снопы электрическаго блеска, ослѣплявшаго глаза наблюдателей. Они подымались все выше и выше, сталкивались и взаимно отталкивали одинъ другой, какъ вдругъ вся великолѣпная дуга сполоха разомъ въ одно мгновеніе разорвалась на двѣ половины. Въ каждой изъ нихъ тотчасъ же образовался еще болѣе ослѣпительный центръ, и скоро два громадные, все удлинявшіеся и удлинявшіеся столба, какъ двѣ лапы громаднаго, спокойнаго чудовища, охватили небо, порывисто приближаясь къ его зениту... Изъ блѣдно-голубаго — пламя ихъ стало желтоватымъ и наконецъ перешло въ такой кроваво-алый блескъ, что и масса Митюшева камня, и снѣговая пустыня Новой Земли, легли багровою полосою подъ свѣтомъ этихъ полярныхъ факеловъ. На красномъ просторѣ рубиновымъ отсвѣтомъ сверкали кое-гдѣ застывшія ледяныя глади озеръ, да черными силуэтами выдѣлялись ряды утесовъ, обращенныхъ неотражавшею свѣтъ стороною къ глазамъ наблюдателя.

Сходившіяся къ зениту полосы алаго свѣта встрѣтились, взаимно отбросили другъ друга и мгновенно погасли, оставивъ все небо почти чернымъ, только на самомъ зенитѣ его таинственно мерцала внезапно

Сѣверное сіяніе.

образовавшаяся и словно вѣнчавшая эту мертвую, ледяную глушь корона изъ сноповъ голубыхъ, почти звѣзднаго цвѣта. А тамъ погасла и она, и снова заходили по небу десятки, сотни громадныхъ столбовъ, почти кравшихся по немногимъ, робко блиставшимъ звѣздамъ. Вотъ они расположились вѣнцомъ вокругъ темнаго уже сегмента, вотъ они стали короче и короче, а сегментъ освѣщался все ярче и ярче, наконецъ столбы погасли и только первоначальная арка ослѣпительно сіяла и вздрагивала у полюса.

«Свѣтъ, говорилъ мнѣ поморъ, былъ до того силенъ, что я за версту разсмотрѣлъ у самаго береговаго утеса цѣлую семью ошкуевъ. Можно было видѣть берега Маточкина шара, отдаленныя скалы возносившіяся изъ океана и голубыя пятна талаго снѣга по откосамъ горы».

Изъ заливовъ болѣе замѣчательныхъ на большомъ островѣ Новой Земли нужно упомянуть губу Митюшиху, заливъ Мелкій, гдѣ зимовали Циволька и Мойсеевъ въ 1839 году, Крестовый заливъ съ нѣсколькими гористыми и чрезвычайно живописными островами. Сульменевъ заливъ словно кольцомъ охваченъ горнымъ кряжемъ съ отдѣльно стоящими вершинами, правильные конусы которыхъ тонко рисуются на безоблачномъ небѣ въ ясные дни короткаго ново-земельскаго лѣта. Тутъ весьма часто встрѣчаются ошкуи — бѣлые медвѣди. Невдалекѣ отсюда берега становятся еще болѣе пустынными и сплошь усѣяны костями земноводныхъ животныхъ, истребленныхъ въ разное время полярнымъ медвѣдемъ, питающимся ими. Ошкуй въ свою очередь становится добычею помора-промышленника, который безпощадно охотится на него въ тѣхъ случаяхъ, когда первые промыслы уже окончены, а новые еще не начаты. Ошкуевъ истребляютъ иногда и въ глухую зиму, но рѣдко, такъ какъ начиная уже съ ноября бѣлый медвѣдь показывается весьма рѣдко. Сила его характеризуется между прочимъ тѣмъ, что онъ отваживается часто вступать въ бой съ крупнѣйшими моржами на льдинахъ полярнаго океана. За бѣлыми медвѣдями охотятся иногда и самоѣды, забирающіеся сюда черезъ обледѣвшіе проливы съ твердой земли. Они употребляютъ для этого разныя орудія, но чаще всего винтовку и рогатину. Свенске разсказываетъ нѣсколько случаевъ, судя по которымъ можно полярнаго медвѣдя, по обнаруживаемой имъ трусости, счесть ближайшимъ родственникомъ нашего Михайла Ивановича. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ людей, бывшихъ въ командѣ Пахтусова, увидѣвъ, что къ пустой въ то время избушкѣ стремглавъ приближается ошкуй, отъ ужаса заоралъ благимъ матомъ,— медвѣдь, струсивъ, благородно ретировался, ежесекундно оглядываясь назадъ. Въ другой разъ двое промышленниковъ встрѣтили въ двѣнадцати шагахъ отъ себя медвѣдя. Безоружные, они стали кричать, призывая товарищей, и послѣдствія были тѣ же. Въ тотъ же день одинъ

изъ матросовъ вышелъ изъ избы въ сѣни и, отворивъ наружную дверь, увидѣлъ тамъ другаго медвѣдя, спокойно лакомившимся ворваннымъ саломъ изъ стоявшей подлѣ сѣней бочки. Матросъ закричалъ отъ испуга, а медвѣдь, также испугавшись, бросился бѣжать опрометью.

Какъ предметъ промысловаго торга, ошкуй имѣетъ свое значеніе. Хорошо просоленное мясо его идетъ въ продажу также какъ и жиръ. Лучшіе мѣха полярныхъ медвѣдей обходятся въ покупкѣ отъ 16 р. и выше.

Невдалекѣ отъ горы Серебрянки и вообще по всему этому берегу, судя по указаніямъ поморовъ, должно находиться серебро, а у Костина шара въ Бѣлужьей губѣ и золото. Разумѣется, всѣ эти слухи не имѣютъ за собою ничего прочнаго и не будутъ имѣть, пока на берегъ острова не попадетъ какой либо знающій техникъ. Отчасти, впрочемъ, эти указанія подтверждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что Новая Земля составляетъ лишь продолженіе Уральскаго хребта въ океанъ. Горы ея состоятъ преимущественно изъ глинистаго шифера, въ нихъ также встрѣчаются горный хрусталь, булыжникъ, скалы гранита и гнейса, сѣрный и мѣдный колчеданъ и каменный уголь—въ громадныхъ залежахъ. Обрывы горъ постоянно бываютъ завѣяны снѣгомъ, тогда какъ вершины ихъ голы.

Продолженіе Новой Земли къ сѣверу составляетъ столь же извилистую линію берега, изрѣзаннаго заливами. Самый крайній пунктъ ея мысъ Нассавскій, за которымъ уже начинается восточный берегъ, не посѣщаемый нашими промышленниками вовсе, такъ какъ доступъ къ нему затрудненъ громадными массами льду, прибиваемаго сюда теченіемъ Карскаго моря. Внутренность Новой Земли неизвѣстна вовсе. Ловцы рѣдко отдаляются болѣе одной версты вглубь острова отъ береговъ, гдѣ, вслѣдствіе чувствуемаго здѣсь вліянія отдаленнаго гольфстрема, и теплѣе, да и самая добыча промысла обильнѣе. Вотъ, между прочимъ, какъ г. Бэръ рисуетъ общій характеръ пейзажей этого громаднаго, затерянаго въ полярномъ океанѣ континента.

«Одно изъ дѣйствій, производимыхъ отсутствіемъ дерева и рослой травы — это чувство одиночества, чувство, овладѣвающее душою не только мыслящаго наблюдателя, но и самаго грубаго матроса. Это чувство не имѣетъ въ себѣ ничего стѣснительнаго, напротивъ, въ немъ что-то торжественное и оно можетъ быть сравнено только съ тѣмъ могучимъ впечатлѣніемъ, какое производитъ на насъ видъ Альповъ. Я не могъ подавить въ себѣ мысли, невольно мнѣ представлявшейся, будто теперь только-что настаетъ утро міросданія и вся жизнь еще впереди... Иногда, правда, видишь движущееся по землѣ животное, иногда вдали отъ берега видна большая чайка, носящаяся по воздуху, но этого мало для оживленія ландшафта. Недостаетъ при тихой погодѣ

звуковъ и движенія, особенно когда предпринимаешь экскурсію во внутрь страны, по удаленіи множества гусей, витающихъ во время линянія перьевъ по озерамъ. И безъ того уже скудныя на Новой Землѣ сухопутныя птицы не голосисты, беззвучны также сравнительно еще болѣе скудныя насѣкомыя. Даже песецъ слышенъ бываетъ только ночью. Это совершенное отсутствіе звуковъ, особенно господствующее въ ясные дни, напоминаетъ собою тишину могилы и вдругъ выходящія изъ-подъ земли, прямо снующія передъ нами и столь же внезапно опять исчезающія, пеструшки являются какъ будто какими-то призраками. Однакожь, вопреки этимъ слѣдамъ животной жизни, ея какъ будто бы нѣтъ, потому что слишкомъ мало замѣтно движенія. Въ другихъ странахъ мы привыкли видѣть, что листья высокихъ растеній и деревьевъ своимъ шелестомъ обнаруживаютъ присутствіе легкаго зефира. Низкія же растенія глубокаго сѣвера недоступны и легчайшему вѣтерку — ихъ можно почесть какъ бы нарисованными. Да и почти не видать насѣкомыхъ, которыя искали бы на нихъ удовлетворенія своихъ потребностей. Изъ многочисленнаго семейства жуковъ нашлось одно только недѣлимое. Иногда, правда, въ солнечный день и на согрѣтомъ мѣстѣ, напримѣръ около небольшихъ выдающихся скалъ, порхаетъ пчела, но она едва жужжитъ, какъ и у насъ въ ненастные дни. Немного чаще встрѣчаются комары и мухи, но и они такъ рѣдки, такъ смирны и вялы, что ихъ должно почти искать, чтобы замѣтить. Я не припомню, чтобы кто нибудь изъ насъ жаловался на укушеніе комаровъ, и почти невольно стоскуешься по этимъ назойливымъ воздушнымъ обитателямъ Лапландіи, чтобы только почувствовать хотя нѣсколько жизни въ природѣ».

Строеніе Новой Земли, ея температура, флора и фауна.

Новая Земля, какъ выше замѣчено,—является продолженіемъ Уральскаго хребта. Бэръ, Гофманъ и Свенске утверждаютъ противное, опираясь на мнѣнія экспедиціи 1848 г., которая признала, что Уралъ оканчивается Константиновымъ Камнемъ. Но дѣло въ томъ, что какъ эта экспедиція, такъ и Бэръ предположили Новую Землю—продолженіемъ не Урала, но хребта Пай-хой. Въ сущности же оказывается, что Пай-хой не самостоятельный горный кряжъ, а лишь самоѣдское названіе Уральскаго хребта.

Отъ послѣднихъ отроговъ Пай-хоя до острова Вайгача, а отъ него до Новой Земли идутъ подводные горные кряжи—служащіе барьеромъ, останавливающимъ ледяныя массы Карскаго моря. Затѣмъ отъ сѣверныхъ береговъ Новой Земли и до Шпицбергена идутъ такія же скры-

тыя на днѣ океана каменистыя гряды, почему и по-нынѣ еще держится смѣлая гипотеза—что Уральскій хребетъ, начинаясь близъ Каспійскаго моря, заканчивается крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ Шпицбергена.

Нѣкоторыя горы Новой Земли доходятъ до 4,500 фут. высоты. Громадные силуэты ихъ часто чернѣютъ совершенно отдѣльно на сѣромъ фонѣ туманнаго неба. Особенно значительно скопленіе горъ близъ Маточкина шара. Восточный же берегъ Новой Земли—за немногими исключеніями, представляетъ пологія, едва замѣтно склоняющіяся къ океану равнины. Изъ горныхъ породъ здѣсь чаще всего встрѣчается глинистый сланецъ. Затѣмъ кое-гдѣ попадается богатый содержаніемъ превосходнаго горнаго хрусталя—слюдистый талькъ. Проникнутый кварцевыми жилами, изобилующій желѣзнымъ колчеданомъ тальковъ сланецъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ острова образуетъ цѣлыя горы. Затѣмъ слѣдуютъ черный известнякъ, сѣрая известь и сѣрый кварцъ. Во многихъ горныхъ породахъ встрѣчаются массы окаменѣлостей, свидѣтельствующихъ о роскошной флорѣ и фаунѣ Новой Земли въ доисторическія времена.

Восточные берега Новой Земли гораздо холоднѣе западныхъ ея окраинъ. Промышленники въ 1872 году, зимовавшіе въ губѣ Серебрянкѣ, говорили, что на оконечностяхъ западныхъ мысовъ, далеко вдающихся въ море, климатъ одинаковъ съ климатомъ Поморья, тогда какъ уже въ глубинѣ бухтъ температура значительно падаетъ и холодъ становится ощутительнѣе. Относительно восточнаго побережья это замѣтно еще и потому, что когда сѣверо-западная оконечность Новой Земли уже освобождается отъ льда, юго-восточный конецъ ея загроможденъ ледяными массами. Таково вліяніе гольфстрема—какъ бы его ни отрицали господа, составляющіе понятіе о Новой Землѣ въ тишинѣ своихъ кабинетовъ Средняя температура Новой Земли —8°,91 Ц. Средняя температура для западнаго берега —8°,37 Ц., для восточнаго —9°45 Ц. Такимъ образомъ, въ общемъ—Новая Земля холоднѣе Шпицбергена, холоднѣе Якутска (хотя и незначительно). За то по вычисленію Свенске оказывается, что Нижній Колымскъ (—10°), Устьянскъ (—15°24) и вся страна между Яной, Индигиркой, Нижней Леной, Каталгой, Оленкой, Пясиной, низовьями Енисея, а равно и область сѣверныхъ притоковъ Нижней Тунгуски, гораздо холоднѣе Новой Земли. Однако, не смотря на это, тутъ живутъ дикари и русскіе, а на нѣкоторыхъ пунктахъ Сѣверной Америки, еще болѣе холодныхъ чѣмъ Новая Земля, и англичане (фортъ Энтерпрейзъ), тогда какъ на Новой Землѣ только изрѣдка зимуютъ—промысловыя партіи. Средняя зимняя температура Новой Земли—19°66 гораздо выше температуры внутренней части Лапландіи и Лабрадора. Но если зима здѣсь должна

быть признана не особенно суровой, за то лѣтомъ средняя температура здѣсь равняется +2°53 Ц. Высшая температура здѣсь бываетъ въ августѣ +4°96 Ц., низшая въ мартѣ —23°72—первая на западномъ, а вторая на восточномъ берегахъ. Впрочемъ Пахтусову удавалось наблюдать здѣсь теплые дни въ +11°9 Ц. или +9°5 Р. Самые холодные дни наблюдались въ губѣ Каменкѣ —40° Ц. или —32° Реомюра.

Новая Земля въ извѣстныя времена года бываетъ покрыта необычайно густыми туманами, но за то тутъ же поражаютъ почти сказочною ясностью дни, когда взглядъ наблюдателя видитъ предметы, удаленные отъ него на громадное разстояніе; воздухъ въ это время становится безцвѣтнымъ, кажется, что и вода теряетъ свою синеватую окраску. По крайней мѣрѣ морское дно на глубинѣ 80 саженъ обнаруживаетъ мореходу и промышленнику всѣ свои тайны. Литке видѣлъ свѣтлый кружокъ лота еще на 12 саж. подъ водою.

«Въ половинѣ или исходѣ апрѣля, говоритъ Свенске, снѣгъ начинаетъ осѣдать; къ исходу мая на открытыхъ низменностяхъ уже не остается болѣе слѣдовъ снѣга и начинаетъ появляться трава. Рѣки освобождаются отъ льда въ исходѣ іюня, а закрытые заливы въ іюлѣ. Но многіе изъ нихъ остаются подо льдомъ во все продолженіе лѣта.»

Каменистые пейзажи Новой Земли, поражающіе странника угрюмымъ величіемъ неподвижныхъ громадъ, почти вовсе лишены той роскоши разнообразныхъ красотъ, которыми растительность украшаетъ не менѣе дѣвственныя пустыни юга. Жалкая зелень возвышающихся на одинъ футъ деревьевъ да скудныя полости мха однѣ только и оживляютъ суровую картину этого мертваго царства. Утесы, покрытые лишайными растеніями, словно корою, не увѣнчиваются на своихъ вершинахъ вѣтвистыми стволами сосенъ и елей; кое-какіе желтоватые полузлаки блекнутъ на печальныхъ равнинахъ этого острова. Полярная ива подымается здѣсь не выше трехъ вершковъ отъ земли и едва замѣтна въ моховой массѣ, охватившей ее со всѣхъ сторонъ. Лютикъ, альпійскій макъ и щавель подымаются изъ трещинъ расщелинъ скалъ и щебня, гдѣ скопляется влага. Впрочемъ, Баръ говоритъ, что и Новая Земля не лишена своего Эльдорадо. Есть мѣста, сплошь покрытыя цвѣтами полярныхъ растеній. Замѣчательно, что послѣдніе болѣе изобилуютъ здѣсь цвѣтами, чѣмъ листьями. Вообще же всѣхъ растеній здѣсь не болѣе семидесяти видовъ, да и тѣ не распредѣляются на разновидности. Короткое лѣто и при умѣренной зимѣ не даетъ возможности развернуться мѣстной растительности. Корни растеній здѣсь обыкновенно стелются по землѣ, въ массѣ дерна, и только короткіе входятъ въ почву, да и то принимаютъ тамъ горизонтальное направленіе. Свенске говоритъ, что лѣса на Новой Землѣ болѣе существуютъ въ землѣ, чѣмъ на ея поверхности. Исполинская форма здѣшнихъ де-

ревъ—Sabix lanata, возвышается надъ землею до рѣдкой въ этомъ краю вышины одной пядени, но толстые его корни, или вѣрнѣе сказать, подземные стволы, Бэръ иногда видѣлъ обнаженными отъ 10 до 12 футовъ, не находя имъ конца, и поперечникъ ихъ бываетъ нерѣдко болѣе одного дюйма. Однажды онъ нашелъ его даже въ два дюйма на короткой части его длины.

Промышленники, зимующіе на Новой Землѣ, согрѣваются преимущественно плавникомъ, прибиваемымъ сюда океаномъ и выносимымъ громадными рѣками европейско-русскаго и азіатскаго Сѣвера. Это стволы лиственницы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ острова образующіе какъ бы естественныя плотины, а у Кусова носа даже затрудняющіе путь мореходамъ и рыбо-промышленникамъ. Еще болѣе ихъ находится на восточномъ берегу Новой Земли, но путь туда труденъ и они пропадаютъ безполезно для человѣка, затираемые ледяными массами, которыя тоже несутъ сюда неугомонныя волны Карскаго моря.

Фауна Новой Земли богаче ея растительности. Кромѣ оленя и бѣлаго медвѣдя, о которыхъ говорено выше, здѣсь встрѣчаются волки, лисицы, пещи (песцы), пеструшки, особенно многочисленныя на этомъ архипелагѣ. Изъ птицъ тутъ водятся снѣжная сова, снѣжная пумачка (видъ камнешарки), турухтанъ и родъ сарыча. Промышленники Новой Земли говорятъ, между прочимъ, что здѣсь же попадаются порою орлы, но рѣдко.

Берега острова усѣяны стадами гуссй, перья которыхъ составляютъ предметъ выгоднаго промысла для новоземельныхъ охотниковъ лебедей, утокъ, гагарокъ и гагъ, доставляющихъ драгоцѣнный пухъ. Гаги, нѣкогда многочисленныя, теперь мало-по-малу оставляютъ нашъ сѣверъ. Дѣло въ томъ, что поморы съ чисто-варварскою жадностью собираютъ яйца этой птицы, а когда-то находились даже и оффиціальныя лица, покровительствовавшія такимъ истребителямъ. Одинъ кемскій городничій, большой любитель яичницы изъ гагачьихъ яицъ и большой мошенникъ въ то же время, обложилъ всѣхъ городскихъ мѣщанокъ данью, состоявшею въ томъ или другомъ количествѣ этого лакомаго продукта. Дѣло кончилось тѣмъ, что нынче на берегахъ Поморья встрѣтить гагку такъ же трудно, какъ и колибри. Морскія птицы буквально покрываютъ берега Новой Земли, преимущественно же на ея юго-западѣ. Чайки всѣхъ родовъ, кайры, мычагатки и другія встрѣчаютъ громкими привѣтствіями всякій пристающій къ ихъ резиденціи корабль. Вмѣстѣ съ рыболовами онѣ принимаютъ участіе въ дѣлежѣ ихъ добычи, выбирая себѣ изъ выволакиваемой рыбы самые лакомые экземпляры. Назойливость чаекъ не имѣетъ ничего себѣ подобнаго. Не говоря уже объ ихъ равнодушіи къ близости человѣка, нѣкоторыя изъ нихъ, такъ называемые бургомистры, вырываютъ пищу изъ рукъ

промышленника. Воды Новой Земли богаты раками (гоммарами). Свенске говоритъ, что ихъ можно черпать рѣшетомъ по нѣскольку тысячъ заразъ; они даже проѣдаютъ на моржахъ кожу подъ передними ластами и въ морщинахъ на шеѣ. Изъ рыбъ здѣсь водятся гольцы, сайки, треска и проч. изъ рода gadus.

Царь новоземельскихъ водъ, исполинъ Ледовитаго океана—моржъ доставляетъ нашимъ промышленникамъ выгоднѣйшую добычу—шкуру, сало и драгоцѣнные клыки. Борьба съ нимъ не безопасна, особенно если промышляемый экземпляръ является въ видѣ матери съ дѣтенышемъ. Моржъ-самка доходитъ до остервенѣнія, защищая свое чадо. Она скорѣе пожертвуетъ собою, чѣмъ послѣднимъ, и во всякомъ случаѣ не дешево достается ловцу. Затѣмъ слѣдуютъ тюлени, смотря по возрастамъ, называемые то бѣляками, то хохлушками, то плѣханками, сѣрками, и, наконецъ, по достиженіи совершеннолѣтія, самцы—лысунами, а самки—утельгами. Бѣлухи (изъ китовыхъ) попадаются тутъ стадами, доходящими до 800—900, а по показанію промышленниковъ и до 1000 штукъ. Затѣмъ слѣдуютъ киты-гиббары и прочіе киты, которыхъ здѣсь у насъ изъ-подъ носу промышляютъ норвежцы, какъ встарь ихъ промышляли норманны. Впрочемъ объ этомъ позднѣе.

По словамъ Бэра, сѣверъ и особенно Новая Земля всего бѣднѣе рыбами и насѣкомыми. Первыхъ въ рѣкахъ и моряхъ этого острова не наберется и десяти видовъ, вторыхъ еще меньше.

Какая скудная жизнь! Какая жалкая природа! скажетъ читатель по окончаніи этой главы.

Да, бѣдная жизнь, но не скудная природа!

Иностранцамъ въ новоземельскихъ водахъ случается ежегодно добывать сотни тысячъ рублей. Наши промышленники, зимующіе на этомъ островѣ, могли бы въ его пустыняхъ получать громадную добычу, если бы скупость организующихъ промысловыя артели хозяевъ не лишала ихъ необходимыхъ къ тому орудій.

Наконецъ пейзажи Новой Земли могли бы поразить наблюдателя своимъ суровымъ величіемъ. Это—красота каменныхъ громадъ, это—гармонія угрюмыхъ вершинъ и утесистыхъ береговъ. Это—міръ въ первые дни творенія, когда хаосъ принялъ безжизненныя зачаточныя формы, изъ которыхъ потомъ въ другихъ мѣстахъ разсыпалась пышная и яркая природа. Это—сказочное царство одиночества, могущее вдохновить поэта и душу мыслителя настроить на глубокія и безграничныя созерцанія. Здѣсь, не слыша за собою шума неугомонной жизни, человѣкъ, какъ древле семитическій пастырь, могъ бы создать чудныя сказанія, если бы... если бы въ этомъ величавомъ краю онъ могъ жить постоянно!.. Тутъ вѣчная тишина и покой смерти. Только

у береговъ немолчный ропотъ волнъ напоминаетъ если не о жизни, то о механическомъ движеніи неугомонной стихіи.

И рвется душа отсюда вонъ, далеко-далеко въ родныя села и деревни, къ милымъ и дорогимъ людямъ!..

Что даетъ Новая Земля промышленнику.

Время открытія Новой Земли — неизвѣстно. Вѣроятно, какой нибудь скандинавскій авантюристъ, бороздя полярныя моря, наткнулся на эту суровую пустыню и тотчасъ же бросилъ ее, убѣдясь, что здѣсь грабить некого да и нечего. Промышлять на ней впервые стали русскіе, норвежцы и самоѣды. Селиться здѣсь осѣдло пробовали было гонимые за вѣру раскольники, но всякій разъ семейства ихъ вымирали огуломъ, и за Новой Землей установилась такимъ образомъ репутація — кладбища, царства ужаса и смерти. Только недавно здѣсь пробовали пожить поморскіе промышленники — и удачно.

Наши поморы въ Новой Землѣ промышляютъ преимущественно лѣтомъ. Зимними охотами здѣсь занимались встарину, въ первое время существованія бѣломорской компаніи и еще ранѣе ея—соловецкіе монахи, поневецкіе старообрядцы, архангельскіе и холмогорскіе купцы, даже жители Пинеги; но начиная съ 1843 года, ни одна ватага промышленниковъ не основывала здѣсь своихъ становищъ. Впрочемъ и въ настоящее время, хотя изрѣдка, артели изъ Поморья и Печоры зимуютъ тутъ, выходя изъ своихъ селъ въ море въ началѣ лѣта. Переправляются на Новую Землю по Бѣломорью и Ледовитому океану въ жалкихъ карбасахъ и лóдьяхъ. Лóдья—плоскодонное судно, подымающее грузу minimum 1,000 и maximum 12,000 пудовъ. Оно строится въ Золотицѣ, Сумѣ, Сорокахъ и Долгощельѣ. Его длина разнообразится между 30 и 50, а ширина между 9 и 19 футами. Промысловая артель по численности своей точно опредѣлена быть не можетъ. Прошлою зимою туда была отправлена партія въ 8, а прежде случалось и въ 30 человѣкъ. Это по преимуществу наемщики, *покруты*, на мѣстномъ жаргонѣ. Покруты отправляются въ Новую Землю на хозяйскій счетъ, причемъ имъ изъ добычи выдѣляется $^1/_3$, которая все-таки цѣликомъ попадаетъ въ загребистыя лапы кулака-міроѣда, такъ какъ во время отсутствія промышленниковъ ихъ семьи существуютъ, разумѣется, на счетъ монополиста. Свободныхъ артелей, артелей въ истинномъ значеніи этого слова—здѣсь не бывало,—если исключить новгородскихъ ушкуйниковъ, посѣщавшихъ въ незапамятныя времена эту вѣковѣчную мертвую глушь.

Отправляясь въ Новую Землю, промысловая партія иногда беретъ

съ собою для зимовки избу. Большая же часть довольствуется старыми, ветхими, продыравленными, лѣтъ за пятьдесятъ завезенными сюда и здѣсь оставленными избами. Всѣ эти помѣщенія безъ полу, съ черною недоходящею до потолка печью, вслѣдствіе чего воздухъ всегда переполненъ дымомъ и копотью. Это именно, вмѣстѣ съ недостаткомъ движенія, отсутствіемъ свѣта и теплоты, порождаетъ здѣсь между промысловыми артелями цингу, отъ которой онѣ и вымираютъ. Впрочемъ партіи, устроенныя лучше, спасаются отъ вредныхъ вліяній этого полярнаго климата и возвращаются домой съ богатою добычей. Подымался здѣсь нѣкогда вопросъ объ устройствѣ на казенный счетъ промысловыхъ избушекъ въ лучшихъ становищахъ острова, но дѣло заглохло, да кажется, что и самому ходатайству архангельскаго губернатора по этому предмету не дано было дальнѣйшаго хода. Во время плаванія по Ледовитому океану, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда партія отправляется позднею осенью, лодьи часто затираются и расплющиваются льдинами. Въ этихъ случаяхъ артель часто гибнетъ безслѣдно, или же перебирается на плывучія ледяныя глыбы, на которыхъ и странствуетъ по нѣскольку недѣль въ океанѣ. Иногда ихъ прибиваетъ вѣтромъ къ пустыннымъ берегамъ сѣверо-русской окраины, иногда уноситъ въ невѣдомыя при-полюсныя пространства, иногда льдины разбиваются однѣ о другія, и смѣлая партія покрутовъ погибаетъ, оставляя за собою осиротѣвшія семьи въ убогихъ деревенькахъ роднаго Поморья.

Замѣчательно, что по свидѣтельству академика Лепехина еще въ его время, въ концѣ XVIII столѣтія, въ Архангельскѣ были купцы, отправлявшіе свои собственныя суда на Новую Землю и на Шпицбергенъ. Теперь ихъ нѣтъ вовсе, и послѣдняя экспедиція, снаряженная отсюда, была послана не здѣшними, а петербургскими купцами.

Г. Данилевскій, въ своемъ «Изслѣдованіи о состояніи рыболовства въ Россіи,» указалъ на значительный упадокъ новоземельскихъ промысловъ и подробно объяснилъ его причины. Правда, теперь и въ нашей печати встрѣчаются указанія, что новоземельскіе промыслы подымутся тогда, когда русскій торговый и промысловой флотъ на сѣверѣ замѣнитъ парусныя суда — паровыми. Говорить подобныя вещи весьма легко. Надо только не упускать изъ виду, что если судохозяинъ могъ завести морскую посудинку — лодью, стоющую ему дешево, то о пароходѣ ему и мечтать не приходится. Бѣдность нашего Поморья, да и всей сѣверо-русской окраины дошла до такой степени, что всѣ совѣты завести пароходы и бороться на нихъ съ иностранцами мнѣ напоминаютъ рецептъ, данный однимъ гуманнымъ докторомъ—жалкому, оборванному и голодному пролетарію.

— Если хотите спастись отъ чахотки, поѣзжайте въ Италію — въ Неаполь. Тамъ самый воздухъ вылѣчиваетъ.

Нѣкоторые впрочемъ говорятъ, что паровыя суда быстро разогнали бы отъ новоземельскихъ береговъ главное богатство этого края— моржей и тюленей.

Новоземельскій промышленникъ-поморъ дѣятеленъ, честенъ. Къ несчастію, его, какъ и всякаго нашего рабочаго человѣка, губитъ водка. Возвратясь съ промысла, онъ пропьетъ послѣдніе гроши, не думая о вѣчной, охватывающей его желѣзными тисками кабалѣ монополиста, о нищетѣ своей семьи. Онъ не обокрадетъ посторонняго, но онъ не задумается отнять у дѣтей послѣдній, припасенный для нихъ, цѣлковый. Все это, разумѣется, на руку міроѣду. Голодный рабочій скорѣе продастъ себя ему и дешевле, чѣмъ сытый. Такъ и гибнутъ цѣлыя поколѣнія этихъ смѣлыхъ и трудолюбивыхъ работниковъ!..

Новая Земля главнымъ образомъ даетъ нашему сѣверному промышленнику самый выгодный предметъ мѣстнаго сбыта — моржей, тюленей и бѣлухъ. Моржей здѣсь бьютъ съ послѣднихъ чиселъ іюня по пятое августа и затѣмъ послѣ двухнедѣльнаго отдыха вновь начинается тотъ же промыселъ. Карбаса, на которыхъ производится бой моржей, устроены такимъ образомъ: Они чрезвычайно удобны для передвиженія между движущимися льдами и опасными ледяными насыпями (стамухами). Такая лодка должна быть и легка, и вмѣстительна, и прочна. Постройкою такихъ карбасовъ занимаются крестьяне приморскихъ селеній Долгая Щель и Койда; цѣна ихъ колеблется между 30 и 40 руб.; лѣсъ для нея употребляется еловый, дно дѣлается изъ осиноваго струга. Для легкости бока ея не бываютъ толще полувершка и состоятъ изъ двухъ досокъ, сшитыхъ пеньковою веревкою, которою онѣ прикрѣпляются также и къ осиновому стругу. Сверхъ того, онѣ прибиваются еще желѣзными гвоздями, а края бортовъ снаружи окоймляются еще брускомъ еловаго дерева. Внутри лодки расположены *упруги*, или поперечныя дугообразныя еловыя ребра, въ родѣ шпангоутовъ, опредѣляющія объемъ лодьи и служащія для окончательнаго и прочнаго скрѣпленія бортовъ и дна. Затѣмъ такая лодка проконопачивается пенькою и смолится какъ внутри, такъ и снаружи, а для перетаскиванія ея по сплошнымъ льдамъ, ко дну ея прикрѣпляются полозья, называющіеся кренями, что составляетъ главное приспособленіе въ мѣстномъ промысловомъ дѣлѣ. Такая лодка подымаетъ сто пудовъ и служитъ безъ порчи около 15 лѣтъ и болѣе. Принадлежности ея—семь багровъ, для боя тюленей на палку и для стаскиванія лодки на плотныя льдины. Тѣ же багры служатъ веслами, когда лодья пробирается между мелкими льдами. Остроконечіемъ багра, съ желѣзнымъ четырехвершковымъ копьевиднымъ крючкомъ, бьютъ тю-

леней по головѣ, разбивая имъ головныя кости. Крюкъ же стаски ваетъ добычу на сборныя — «артельныя» льдины. Тѣ же багры приспособлены и къ другой цѣли: когда лодкѣ необходимо пробираться мелкими и не составляющими значительнаго препятствія льдами, то промышленники, находясь въ ней, упираются съ обѣихъ сторонъ въ боковые откосы ихъ и заставляютъ такимъ образомъ лодку скользить впередъ быстро и свободно. Въ носу лодки укрѣплена 12-ти саженная веревка, которая служитъ для ручнаго протаскиванія лодки, когда плавать вдоль накопившихся ледяныхъ массъ невозможно. Шесть ременныхъ лямокъ по бокамъ служатъ для протаскиванія ея на большихъ разстояніяхъ шестью человѣками, причемъ седьмой толкаетъ ее въ кормовую часть. Лямки же служатъ для сталкиванія въ сборное мѣсто добычи, т. е. кожъ съ саломъ, снятыхъ съ тюленьихъ раушекъ т. е.— остововъ. Въ кормѣ укрѣпленъ стягъ, т. е. палка, къ которой привязывается проплавливаемая за лодкою по водѣ добыча — звѣрь, иногда 50 моржей или тюленей, которые называются здѣсь юрками, а масса ихъ — юро.

Такимъ образомъ, плавая между льдинами, путаясь по громаднымъ ледянымъ массамъ, новоземельскіе труженики, запасшись кромѣ того гарпунами, винтовками, порохомъ, спицами (вилы), выискиваютъ залежи моржей. Къ послѣднимъ они приближаются противъ вѣтра, стараясь, чтобы звѣрь не почуялъ человѣка. Затѣмъ моржамъ «заграждаютъ острогами путь къ краямъ льдины, для чего требуются необыкновенная ловкость и проворство. Заколовъ тѣхъ моржей, которые прежде другихъ хотѣли спастись въ морѣ, промышленники спѣшатъ остальныхъ отбить отъ продушины, обыкновенно дѣлаемой моржами въ центрѣ льдины. Не находя убѣжища, моржи сбираются въ кучу, лазятъ одинъ на другаго, съ тѣмъ, чтобы своей теплотой растопить льдину или своею тяжестью проломить ее. Тутъ-то промышленники и бьютъ ихъ дубинками одного за другимъ. Иногда изъ такой залежки добываютъ столько звѣря, что на судахъ своихъ могутъ увезти только ихъ головы и клыки, а шкуру и жиръ покидаютъ на мѣстѣ, или же часть побитыхъ звѣрей оставляютъ на мѣстѣ, а позже, возвратясь съ берега и отыскавъ торосъ, сбираютъ остальную добычу.» (Свенске, Лепехинъ, Пахтусовъ).

Это самый легкій ловъ. На водѣ моржъ бьется съ остервѣненіемъ. Его бьютъ гарпунами, привязанными наметками къ колу, который вбивается въ ледяную массу. Раненый моржъ влачитъ за собою такимъ образомъ и льдину и промышленника, пока не обезсилѣетъ или не издохнетъ. Иногда моржъ, пробитый острогой, кидается на бой съ охотниками, разбиваетъ ихъ карбасъ и топитъ ихъ самихъ. Часто онъ прыгаетъ въ лодку и плыветъ въ ней, въ то время какъ люди, цѣп-

ляясь за края ея, стараются сбить его *носками*. Въ сентябрѣ и концѣ августа промышленники бьютъ моржей въ Карскомъ морѣ, странствуя за ними въ отдаленнѣйшую глушь этого пустыннаго края. Моржъ даетъ охотнику драгоцѣнные клыки, сало (иногда—28 и 30 пудовъ въ одномъ) и шкуру. Ворвань моржовую охотно покупаютъ у насъ иностранцы и еще въ прошломъ году ея было не мало отпущено за границу. Г. Данилевскій говоритъ, что изъ шкуры одного моржа промышленникъ можетъ нарѣзать ремней на 40 рублей. Клыки этого звѣря цѣнятся нынче въ 1 руб. 50 коп. за фунтъ, пара же ихъ вѣситъ иногда 2, 3, а иногда 20 и 50 фунтовъ. Тюленей ловятъ въ прометы (ставныя сѣти), причемъ промышленники нисколько не рискуютъ собою. Ихъ иногда стрѣляютъ и бьютъ просто дубьемъ и то преимущественно у южнаго острова Новой Земли; изъ нихъ добываются шкура и сало. Первая идетъ на сапоги, башмаки, рукавицы и другія подѣлки. Ею обиваютъ погребцы, сундуки, дорожные возки и т. п. Шкуры взрослыхъ тюленей идутъ на подошвы и ремни. Въ Соловецкомъ монастырѣ шьютъ изъ нихъ легкія и мягкія, непромокаемыя рубахи. Бѣлухъ ловятъ здѣсь въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Способы лова иногда тѣ же, что и съ моржами. Чаще же ихъ добываютъ ставными сѣтями. Такъ, когда бѣлуха, гоняясь за мелкою рыбой цѣлыми стадами головъ въ 40, входитъ въ приглубыя становыя бухты, промышленники запираютъ выходъ изъ послѣднихъ сѣтью. Затѣмъ въ самую бухту спускаютъ карбаса и начинается бойня, подобную которой трудно найти гдѣ бы то ни было. Иногда одна бѣлуха доставляетъ жиру на 200 рублей. Также выгодно продается шкура этого звѣря. Впрочемъ нужно замѣтить, что орудія бѣлужьяго промысла весьма не дешевы, и промышленники рѣдко организуютъ послѣдній за недостаткомъ средствъ для заведенія ставныхъ сѣтей.

Промышленники—поморы и мезенцы ловятъ на Новой Землѣ еще гольцовъ и омулей. Способы лова той и другой рыбы уже описаны нами выше, точно также какъ и очерчена охота на четвероногаго властелина этихъ странъ—ошкуя. Кромѣ того, здѣсь въ кулемы, или ловушки, добываютъ песцовъ и лисицъ и стрѣляютъ оленей.

На стремнинахъ и въ ущельяхъ самыхъ мрачныхъ горъ Новой Земли, также какъ и по всѣмъ каменистымъ берегамъ ея, вьетъ свои гнѣзда—гагка, доставляющая нѣжнѣйшій въ мірѣ пухъ. Эта птица сама выщипываетъ его изъ груди для того, чтобы предохранить отъ холода яйца — въ количествѣ четырехъ или пяти слагаемыхъ ею въ гнѣзда. Легкій, согрѣвающій болѣе мѣха, этотъ пухъ цѣнится здѣсь отъ 6 до 10 рублей за фунтъ. Правда, вполнѣ достаточно на теплое пальто взрослаго человѣка двухъ фунтовъ гагачьяго пуха, замѣняющаго мѣхъ и вату. Собираютъ этотъ пухъ промышленники съ ве-

личайшими затрудненіями. Ползая по откосамъ скалъ, проваливаясь въ расщелины, вися вдоль отвѣсныхъ обрывовъ на веревкахъ надъ зіяющими внизу бездонными пропастями, они ежеминутно здѣсь рискуютъ жизнью. Разъ согнанная съ гнѣзда, гагка вьетъ его въ другомъ мѣстѣ. Спугнутая отсюда, она устраиваетъ и третье гнѣздо. Сама по себѣ она чрезвычайно вкусна, еще вкуснѣе ея яйца, и неразумные промышленники истребляютъ послѣднія во множествѣ. Кромѣ гагки на Новой Землѣ бьютъ гусей и гагаръ. Тѣ и другіе доставляютъ мясо для соленья и пухъ, выгодно сбываемый въ Архангельскѣ.

Изъ этого краткаго очерка читатель убѣдится, что пустынный и повидимому мертвый континентальный островъ Новая Земля представляетъ выгодное поприще для труда. Царство смерти оказывается такимъ для тѣхъ, кто лицомъ къ лицу съ полярною природой сохраняетъ свои прежнія привычки: ведетъ бездѣятельную жизнь, пьетъ водку. Послѣдняя партія зимовавшихъ тамъ промышленниковъ вернулась цѣлою, потому что она была снабжена всѣмъ необходимымъ доброкачественною пищею, теплою одеждою, противоцинготными средствами и кромѣ того состояла изъ трезвыхъ и здоровыхъ людей. Экспедиціи Литке и Пахтусова и многія другія доказали, что Новая Земля не для всѣхъ является негостепріимнымъ, дикимъ краемъ. Цынги легко избѣжать чистоплотнымъ, трудолюбивымъ и дѣятельнымъ людямъ, тѣмъ болѣе, что на самой Новой Землѣ на каждомъ шагу ростетъ лучшее средство противу этой ужасной болѣзни — ложечная трава (Cochlearia officinalis).

Вотъ что, между прочимъ, говоритъ знатокъ этой пустыни: «справедливость требуетъ замѣтить, что по благорастворенію воздуха на Новой Землѣ неизвѣстны разныя болѣзни, свойственныя другимъ краямъ,—напримѣръ, горячка. Одержимыя ею еще на дорогѣ—выздоравливаютъ по прибытіи на Новую Землю только отъ одной перемѣны воздуха.»

Не такъ, значитъ, страшенъ чортъ, какъ его рисуютъ. Впрочемъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы на Новой Землѣ, даже близъ Желѣзныхъ воротъ можно было бы устраивать постоянныя колоніи. Провести одну зиму или всю жизнь—не одно и тоже. Немудрено отсюда, что попытка селиться здѣсь всегда оканчивалась такъ печально!..

Царство ужаса и смерти! Пустыня, заброшенная въ негостепріимный просторъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, съ громадами своихъ каменистыхъ горъ, съ свѣтлыми щитами своихъ прозрачныхъ озеръ и серебряными битями быстрыхъ рѣкъ—Новая Земля не разъ посѣщалась русскими и иностранными мореплавателями и учеными. Славныя имена Виллоби, Баренца, Ноя, Гудсона, Горна, Фламминга, Вуда, Розмыслова, Поспѣлова, Лудлова, Лазарева, Литке, Пахтусова, Цивольки,

Бэра и Мойсеева—невольно приходятъ на память, когда приходится говорить объ этомъ отдаленномъ континентѣ. Всего важнѣе въ этомъ отношеніи были экспедиціи знаменитаго Литке, четыре раза посѣщавшаго островъ. Затѣмъ слѣдуютъ Баренцъ, Пахтусовъ, Бэръ и Циволька. Мы очертили бы ихъ путешествія на Новую Землю, но статья наша и безъ того приняла слишкомъ обширные размѣры. Скажемъ только, что этотъ пустынный и безлюдный край былъ поприщемъ, гдѣ благородная энергія ученаго и мореплавателя преодолѣвала не разъ суровое вліяніе мертвящей природы, гдѣ смѣлый изслѣдователь вызывалъ тайны, рискуя жизнью, изъ каменныхъ нѣдръ, изъ глубины промерзшей земли. Сколько смѣлыхъ погибло тутъ въ долгія зимы, погибло одиноко, вдали отъ дорогихъ и милыхъ сердцу людей! Затертые со всѣхъ сторонъ ледяными громадами, умиравшіе при свѣтѣ ворваннаго ночника въ черной избѣ новоземельскаго промышленника,—они улыбались смерти, обогащая науку... Во имя ея они безропотно ложились въ холодныя и ледяныя могилы — въ то самое время, какъ неблагодарная родина, забывая лучшихъ дѣтей своихъ, съ большимъ интересомъ слѣдила за открытіями и изслѣдованіями англичанъ въ Африкѣ и Америкѣ.

Только сѣверная полярная вьюга воетъ и плачетъ надъ этими одинокими черными крестами. Только сполохи разбрасываютъ надъ ними свои золотые вѣнцы... А кругомъ пустыня, — вѣчная безмолвная пустыня,—сторожитъ могилы своихъ благородныхъ мертвецовъ!..

Вы потрудились честно на пользу родины!

Пусть примѣръ вашей героической борьбы будетъ намъ свѣтомъ, ярко озаряющимъ трудные, но ведущіе къ счастью и славѣ пути!..

И сколько такихъ подвиговъ безслѣдно гибнетъ — никому невѣдомыхъ, никѣмъ не прославляемыхъ! Гдѣ лѣтописи этихъ святыхъ жертвъ, гдѣ скрижали, куда занесены эти великія въ своемъ титаническомъ смиреніи имена?.. Гдѣ?..

Увы! Когда наше отечество опомнится и захочетъ воздвигнуть памятники надъ останками благороднѣйшихъ дѣтей своихъ,—вьюга давно сломитъ кресты ихъ могилъ и сотретъ ихъ убогія насыпи!.. И только неугомонныя волны, съ тѣмъ же вѣчнымъ унылымъ плачемъ, будутъ биться у тѣхъ мѣстъ, которыя освящены жертвами и борьбою нашихъ паломниковъ!

Забытое становище.

II. ВАЙГАЧЪ-ОСТРОВЪ.

Въ глуши Сѣвернаго Ледовитаго океана, въ тѣхъ малоизвѣстныхъ водахъ, гдѣ только изрѣдка показывается убогая лодья мезенскаго промышленника, да шкуна предпріимчиваго норвежскаго китолова, между пустынею Новой Земли и пустынею материка, лежитъ большой, богатый, но почти никому, внѣ предѣловъ Архангельской губерніи, неизвѣстный Вайгачъ-островъ. Наши отдаленные предки твердо вѣровали, что здѣсь, въ привольѣ никому недоступныхъ захолустій, живетъ чудное племя, только въ лѣтнее время выходящее на свѣтъ Божій. Зиму, т. е. 8 мѣсяцевъ въ году, оно спитъ безпросыпно во тьмѣ черныхъ пещеръ, въ расщелинахъ, куда не зайдетъ ничто живое, гдѣ даже чайка — этотъ цыганъ сѣверныхъ морей не вьетъ гнѣзда, куда мятель не заноситъ пушистаго, бѣлаго снѣга. Теперь мы не вѣримъ въ спящихъ чудовищъ, но больше ли мы знаемъ объ этой суровой и безлюдной пустынѣ арктическаго пояса? Скандинавскіе поэты островъ Вайгачъ и всѣ прилегающія къ нему страны континента называли однимъ именемъ Іотунгейма, населяя его магами и чародѣями. Наши лѣтописцы, со словъ новгородскаго купца Гурята-Роговича, писали: «Югра же рѣкоша моему отроку: дивно мы находимъ чюдо, его же нѣсьмы слышали прежде сихъ лѣтъ, се же третье лѣто поча быти; суть горы зайдуче луку моря имъ же высота яко до небесе и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися, и въ горѣ той просѣчено оконце мало и тудѣ молвять и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза и аже кто даетъ имъ ножъ ли или сѣкиру, даютъ скоро противу». Смѣлые новгородскіе ушкуйники не останавливаются передъ ужасами невѣдомой имъ пустыни. Въ ихъ разсказахъ часто слышатся ссылки на сѣверное лукоморье (берега Карской земли), а это еще далѣе Вайгача. Затѣмъ извѣстно, что новгородцы не разъ отважива-

лись розыскивать серебряныя руды не только на Новой Землѣ, но и на Колгуевѣ и на Вайгачъ-островѣ. Для отважныхъ купцовъ-разбойниковъ не существовало препятствій, они кидались всюду, гдѣ чуяли прибытокъ, они изъ удальства стремились и туда, гдѣ ждали ихъ однѣ опасности. Этимъ пиратамъ дѣвственныхъ пустынь Заволоцкой чуди — Россія обязана первыми свѣдѣніями о Сѣверѣ. Они его колонизировали и во всякомъ случаѣ гораздо производительнѣе пользовались его богатствами, чѣмъ жалкое и дряблое поколѣніе нашего времени.

На Вайгачъ и теперь отправится не всякій промышленникъ.

— Молодецъ-парень, на Вайгачъ-островѣ побывалъ, говорятъ пустозерцы о смѣльчакахъ, осмѣливающихся пробраться въ эту пустыню.

— На Вайгачѣ побывать — смерть узнать.

— Вайгачъ — горю матка.

— Плачь — коль пошелъ на Вайгачъ, значитъ счастливъ — коль вернулся живъ.

Даже самоѣды, легко выносящіе цѣлые годы одинокаго странничества по пустырямъ, прилегающимъ къ рр. Коротанхѣ, Пай и Осовая, неохотно рѣшаются перебраться на зимній промыселъ черезъ Югорскій шаръ въ скалистыя пространства лежащаго по ту сторону острова. Правда, на сосѣднемъ берегу континента пустозерцы и ижемцы выстроили нѣсколько промысловыхъ избушекъ, но далѣе они не часто ходятъ, развѣ явится какая нибудь разудалая голова, которой все трынъ-трава, жизнь — копѣйка, а море по колѣно.

Одинъ изъ такихъ промышленниковъ, посѣщавшій западный берегъ Вайгача, восторженно описывалъ его эффектныя картины. Онѣ, были бы похожи на описанные уже нами пейзажи Новой Земли если бы здѣсь не поражали внезапные и неожиданные контрасты едва замѣтныхъ, сливающихся съ волнами океана отмелей и громадныхъ, словно цѣлыми грудами, въ безпорядкѣ, однѣ на другія наброшенныхъ скалъ. Иногда цѣлый рядъ такихъ утесовъ, словно зубцы чудовищнаго гребня, далеко вдается въ море, образуя узкую, но длинную линію, называемую на мѣстомъ арго — хвостовина. Море неугомонно бьется между этими зубцами, подмывая и безъ того тонкія ихъ основанія. Въ одномъ мѣстѣ такая хвостовина напоминаетъ правильный рядъ позвонковъ какого-то миѳическаго звѣря. Иногда берегъ тянется передъ мореходомъ мягкоочерченными, но безплодными холмами. Они становятся все выше и сумрачнѣе, и, наконецъ, вдругъ развертываютъ поразительно эффектную картину отвѣснаго и гладкаго каменнаго обрыва, на громадную высоту подымающагося изъ вѣчной толчеи пѣнящихся волнъ. Черныя расщелины и трещины, какъ невѣдомыя письмена гигантовъ, чернѣютъ на этой вертикальной скрижали, сіяющей во время заката, словно громадная золотая доска, рас-

Китоловный корабль, затертый льдами и покинутый экипажемъ.

калившаяся въ огнѣ и поставленная посреди розоваго, яркимъ сіяніемъ зари охваченнаго океана. Внизу волны выбили цѣлые ряды черныхъ пещеръ; входъ въ нихъ почти заросъ морскою травою, но когда вѣтеръ отнахнетъ эту живую завѣсу въ сторону, передъ вами явится такая адская щель, что вы съ ужасомъ уйдете отсюда къ болѣе гостепріимнымъ берегамъ. Одинъ изъ промышленниковъ видѣлъ, плывя мимо, разбитою бурею и брошенное въ такую черную дыру, судно. Экипажъ окликалъ его — отвѣта не было. Только волны глухо шумѣли, вбѣгая въ сіяющую пасть пещеры. Были-ли тамъ люди? — Едва ли. Море давно своими водорослями оцѣпило корпусъ этой шкуны. Если тамъ кто нибудь и оставался въ моментъ крушенія, то его или смыло водою, или онъ умеръ болѣе ужасною, голодною смертью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега видны полукружія стоящихъ рядомъ и ровныхъ, съ плоскими вершинами скалъ. Глядя на нихъ, невольно приходитъ въ голову сравненіе съ гигантскою челюстью. А тамъ, гдѣ берега сливаются съ океаномъ низменными мелями, туда приступить еще опаснѣе. Того и гляди что попадешь на мель. За то здѣсь же есть и бухты, гдѣ во время самыхъ ужасныхъ штормовъ царитъ невозмутимое спокойствіе и подъ защитою каменныхъ массъ — море остается недвижно какъ ясное зеркало. Шкуна, заштилѣвшая посреди такой бухты, можетъ считать себя совершенно безопасной.

— Съ оглядкой плывемъ, ежечасно поминая Господа, Христа мило сердаго. Не доглядишь и читай со святыми упокой. Такое мѣсто, въ емъ, въ этомъ мѣстѣ разуму нѣтъ. Воронкой на дно и пойдешь.

— Водовороты вѣрно?

— По нашему сувой. И море покойно, а попадешь на эту точку — разомъ завертитъ. Оно издали видно. Округомъ лежитъ, словно кто его край бороздой провелъ. Енъ шутить не любитъ. Енъ на одно шхуны присасывается...

— Кто онъ?

— Извѣстно... нечистъ .. Ей въ этихъ сувояхъ — нерушимое царство. Кто какъ ежели, да безъ молитвы — бяда. Опять ежели непочтителенъ кто къ ей — тоже не любитъ. Енъ — нечистый — нравный, сила ему дана губить христіанскія души, онъ это и чувствуетъ. Ты и понимай и остерегись ежели что. Присосется — на дно притянетъ, къ себѣ...

Таковы окраины этой пустыни, простирающейся въ длину до 150 и въ ширину до 40 верстъ. Вся ея площадь составляетъ около 8,000 кв. верстъ. Нѣкоторые географы умаляли почти на ¾ размѣры этого острова, но разсказы мезенскихъ промышленниковъ и норвежскихъ китолововъ даютъ возможность добыть болѣе точные факты. Географическое положеніе Вайгача опредѣляется 69°21′ и 70°5′ сѣверн. ши-

роты и 70°10′ и 78°9′ вост. долготы (отъ Ферро). Онъ составляетъ среднее звено громаднаго хребта, начинающагося въ южныхъ отрогахъ Урала и оканчивающагося на крайнемъ сѣверѣ конечнымъ мысомъ Новой Земли. Впрочемъ, нѣкоторые идутъ еще далѣе, утверждая, что отъ Новой Земли вплоть до Груманта *) тянется по дну океана тотъ же хребетъ. Вся эта горная цѣпь прерывается только въ трехъ мѣстахъ: Корсаемъ или Карскими (желѣзными) воротами, Югорскимъ шаромъ и Маточкинымъ шаромъ **). По дну этихъ проливовъ отъ Вайгача на сѣверъ къ Новой Землѣ и отъ него же на югъ къ континенту тянутся каменистыя подводныя гряды, соединяющія между собою эти звенья колоссальнаго Урала. Поразительную картину представляетъ Корсай ***) проливъ въ 68 верстъ длины и отъ 20 до 80 футовъ ширины ****) Въ этихъ узкихъ дефилеяхъ вода иногда мчится съ невыразимою быстротою. Теченіе такъ стремительно, что желѣзныя ворота никогда не замерзаютъ. Громадныя льдины, заносимыя сюда изъ океана западными и сѣверо-западными вѣтрами, крошило въ дребезги. Одинъ промышленникъ самоѣдъ, зимовавшій на крайней оконечности Вайгача, ближайшей къ Новой Землѣ, съ ужасомъ разсказывалъ о борьбѣ громадной ледяной массы съ теченіемъ Карскаго пролива. Ее несло какъ гигантскую гору и въ самомъ узкомъ мѣстѣ опрокинувъ, смололо почти моментально. Мезенскій звѣроловъ говорилъ мнѣ (насколько можно этому вѣрить?), что во время самаго сильнаго, видѣннаго имъ, теченія громадный стволъ лиственицы, вынесенный въ океанъ какою нибудь рѣкою континента, раздробило въ щепу только силою воды. Впрочемъ такое теченіе бываетъ не особенно часто. Его промышленникъ пережидаетъ въ одной изъ бухтъ Кусовой земли. Другой южный проливъ Югорскій шаръ — гораздо шире. Его считаютъ въ 45 верстъ длины и въ 15 верстъ ширины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и онъ впрочемъ съуживается до 3 верстъ. Плаваніе по Югорскому шару было бы безопасно, если бы на немъ не было двухъ совершенно противоположныхъ теченій, одновременно стремящихся: первое вдоль континента изъ океана въ Карское море и второе вдоль Вайгача изъ Карскаго моря въ океанъ. Фарватеръ при этомъ опредѣляется весьма неточно. Не говоря уже о рифахъ, усѣвающихъ его, корабль легко можетъ попасть въ теченіе обратное своему кругу, и тогда его не выручатъ и паруса; развѣ ужь очень силенъ попутный вѣтеръ, если какъ нибудь ему и удастся миновать эту Сциллу и Харибду сѣвера. Островъ Вайгачь внутри сплошь покрытъ скалами и горами. Кряжи,

*) Грумантъ — Шпицбергенъ.

**) Маточкинъ шаръ уже описанъ нами въ 2 статьяхъ о Новой Землѣ.

***) Корсай отдѣляетъ Новую Землю отъ Вайгача.

****) Разумѣется, это только въ болѣе узкихъ мѣстахъ.

Семья бѣлыхъ медвѣдей на пловучей льдинѣ.

пересѣкающіе его во всѣхъ направленіяхъ, состоятъ изъ каменныхъ стержней, едва-едва прикрытыхъ скудною почвой. На югѣ тянутся Пѣтушки — высокіе гребни, окаймляющіе Югорскій шаръ. На юго-западѣ — подымается Карповскій камень. Самыя высокія горы здѣсь — Осьминкинскія. Это цѣпь высокихъ конусовъ, проходящихъ внутри острова. На голыхъ «плѣшкахъ» ихъ вершинъ часто возносятся фантастическіе четыреугольные и круглые утесы, напоминающіе издали развалины замковъ и обломки колоннъ. Они рѣзко отдѣляются отъ голубаго фона неба, рисуясь передъ глазами наблюдателя во всей своей величавой наготѣ, незагромождаемые верхушками лѣсныхъ деревьевъ или грудами осыпавшагося щебня. Самоѣды смотрятъ на эти горы съ суевѣрнымъ ужасомъ, считая утесы ихъ вершинъ сѣдалищами невидимыхъ, но грозныхъ духовъ. Вообще для этихъ номадовъ нашего Сѣвера — островъ Вайгачъ былъ нѣкогда громаднымъ храмомъ, гдѣ совершались всѣ таинства ихъ языческаго и малопонятнаго культа. Впрочемъ объ этомъ ниже.

Намъ удалось слышать въ Архангельскѣ разсказъ о партіи промышленниковъ, заблудившихся посреди этихъ горъ зимою. Они на берегахъ Лямчинской губы выстроили себѣ становую избу и разошлись въ разныя стороны, позабывъ маточку, т. е. компасъ. Настала ночь, ни одинъ изъ нихъ не возвращался. Оставшійся въ становищѣ ихъ товарищъ стрѣлялъ на воздухъ, зажигалъ костры — ничто не помогало. Никто не приходилъ на огонь и выстрѣлы. Нѣсколько самоѣдовъ, пробиравшихся съ своими оленями вдоль морскаго берега, наткнулись на избенку. Войдя туда, они нашли полумертваго парня, второй уже день ничего неѣвшаго и не раскладывавшаго огня. Самоѣды выспросили все, что тотъ зналъ, и отправились на розыски. Трое изъ промышленниковъ нашлись замерзнувшими въ разныхъ положеніяхъ. Они заблудились у Лямчинскаго камня въ собственныхъ своихъ слѣдахъ. На другой день еще отъ одного отыскались кровавые слѣды и остатки изодранной одежды. Этотъ, вѣроятно, попалъ на встрѣчу ошкую (бѣлому медвѣдю) — совершенно безоружнымъ. Двое пропали безслѣдно и кости ихъ навѣрно до сихъ поръ бѣлѣютъ гдѣ-нибудь на голыхъ скалахъ этого острова. Теперь на Вайгачѣ постоянно живутъ самоѣды и островъ этотъ доставляетъ имъ обильныя средства къ жизни. При нѣкоторыхъ условіяхъ и русскіе могли бы поселиться тамъ, еслибы не общая вѣра въ неминуемую гибель, какая ждетъ всякаго промышленника, осмѣливающагося пробыть здѣсь хотя одну зиму. Правда, Вайгачъ крайне непривлекателенъ даже для неприхотливаго пустозерца или ижемца, но дѣло вѣдь не въ красотѣ страны, а въ ея естественныхъ богатствахъ.

Растительность острова ничтожна. Передъ вами просторъ—неожив-

ляемый яркими цвѣтами, свойственными даже и альпійской флорѣ. На склонахъ горъ — ковры однообразнаго ягеля устилаютъ скудную почву, перемежаясь съ приземистымъ ивнякомъ, подымающимся на солнечномъ припекѣ до 7 и 8 футовъ высоты. Въ понизьяхъ, пропитанныхъ влагою, болотная трава и зеленый мохъ только и оживляютъ угрюмое величіе этого пейзажа. Близъ юго-западныхъ береговъ — поросль лучше и разнообразнѣе. Тутъ — щавель, дикій лукъ, ложечная трава, ивановъ цвѣтъ, осока, морская капуста (лапуха), морской горохъ, первоцвѣты и даже незабудки. Отсутствіе яркихъ красокъ, подавляющая тишина производятъ тяжелое впечатлѣніе и на привычнаго къ мертвому сѣверу островитянина. Мысль перестаетъ работать, сонливое спокойствіе и равнодушіе ко всему охватываютъ душу. А зимою, когда вся окрестность устлана бѣлою пеленою снѣга и только черные утесы поднимаются изъ этой однообразной массы — еще тяжелѣе, еще невыносимѣе. Уйти некуда. Вплоть до лѣта оставайся, лицомъ къ лицу — съ этимъ царствомъ смерти, гдѣ одна только вьюга нарушаетъ дикимъ воемъ и грохотомъ мрачное могильное молчаніе непривѣтливой природы.

— На Вайгачѣ, — разсказывалъ мнѣ ижемецъ, встрѣченный на ярмаркѣ въ Архангельскѣ,—только разъ попалъ я на мѣсто сплошь поросшее цвѣтами. Бывали дни, когда только и встрѣтишь что щепоть травки, да и то треплется она изъ камня, сухая да желтая.. Богомъ проклятый край.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ на Новой Землѣ были открыты залежи каменнаго угля. Есть основаніе предполагать, что и Вайгачъ не бѣденъ ими — еще одно доказательство иной температуры этого острова въ доисторическія времена. По свидѣтельству самоѣдовъ, въ почвѣ здѣсь попадаются мамонтовы кости и клыки, достигающіе иногда одиннадцати футовъ длины. За то, если эта пустыня бѣдна растительностью, если царство ископаемое дало ей весьма мало, она поразитъ васъ обиліемъ промысловыхъ звѣрей и птицъ. Въ водахъ, омывающихъ острова, ловятся неводами омули и гольцы, бьютъ бѣлухъ, моржей, морскихъ зайцевъ, лысуновъ, нерпъ и тюленей. Изъ птицъ здѣсь водятся чайки, гагарки, гагки, нырки, сокола, совы, даже орлы. Весною прилетаютъ сюда куропатки и разнаго рода утки (савки, шилохвостики, турпаны), лебеди, гуси, гагары и кулички. Это птичье царство, разумѣется, только близъ береговъ. Внутри страны — мертвая глушь, недвижная, неисходная. Тутъ же охотники добываютъ бѣлыхъ и голубыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ, пеструшекъ и оленей. Здѣсь пропасть волковъ и царь арктическихъ пустынь — бѣлый медвѣдь властно странствуетъ по громаднымъ пустырямъ Вайгача. Особенно много здѣсь промышляется рыбы, звѣря и птицы лѣтомъ. Съ 8-го мая по 20-е

іюля солнце надъ островомъ не закатывается и тогда-то сюда собираются пустозеры, устьцилемы, ижемцы и самоѣды. Русскіе и зыряне при этомъ ограничиваются одною южною частью острова, не покушаясь проникать на дальній сѣверъ. Здѣсь ими выстроена часовня, гдѣ они и собирались прежде для молитвы въ праздничные дни.

Норвежскій кептейнъ, побывавшій здѣсь въ прошломъ столѣтіи и знавшій, что Вайгачъ незаселенъ, придумалъ сказку — о невидимыхъ жителяхъ этого острова. Когда онъ плылъ близъ южной оконечности ево, то ему послышалась долгая, заунывная пѣсня. Отсюда — преданіе о духахъ, переговаривающихся между собою въ туманахъ осени — пѣснями. Изъ этой легенды скандинавскій поэтъ сдѣлалъ прелестное стихотвореніе. Сказка разрѣшается весьма просто. Норвежцу пришлось слышать какую нибудь мезенскую пѣсню, пѣтую цѣлою артелью промышленниковъ, отдыхавшихъ послѣ утомительной работы на суднѣ, укрытомъ въ безопасной бухтѣ утесами и мысами берега. Не это ли же самое послужило основаніемъ для преданія о людяхъ, заключенныхъ въ горѣ и переговаривающихся оттуда? Югра на Вайгачѣ промышляла такъ же, какъ теперь тамъ промышляютъ русскіе. Ушкуйники, проѣзжавшіе мимо скалъ, слышали незнакомыя имъ пѣсни и создали миѳъ объ узникахъ каменныхъ горъ. На островѣ и до сихъ поръ отыскиваются слѣды пребыванія какого-то племени — желѣзныя и мѣдныя копья, посуда и др. Извѣстно, что вдоль по теченію р. Печоры, по рр. Колвѣ, Коротанхѣ и др. жило нѣкогда племя цецоры, — народъ троглодитовъ, обитавшихъ въ пещерахъ. Пещора была гораздо цивилизованнѣе настоящихъ обладателей тундръ, она знала употребленіе желѣза и мѣди, выдѣлывала изъ этихъ металловъ различные предметы. А въ доисторическія времена, въ свою очередь, истреблена самоядью. По всей вѣроятности, и Вайгачъ былъ нѣкогда занятъ какимъ нибудь отдѣльнымъ родомъ этой, нынѣ исчезнувшей, расы аборигеновъ крайняго сѣвера.

Вайгачъ для самоѣдовъ долго былъ священнымъ островомъ. Тутъ, на различныхъ пунктахъ, преимущественно же на выдающихся высотахъ береговыхъ скалъ, и до сихъ поръ встрѣчаются ихъ идолы. Такіе же деревянные обрубки ставятъ и нынѣшніе самоѣды-промышленники у лисьихъ и песцовыхъ норъ острова Вайгача. Мореходы, особенно же иностранцы, посѣщавшіе эти отдаленные берега, изумлялись, встрѣчая на безлюдьѣ группы каменныхъ, деревянныхъ идоловъ, безобразно изсѣченныхъ самоѣдами. Окровавленные жертвенною кровью истуканы, кровь на скалахъ окружающихъ ихъ, кровью пропитанная почва вокругъ — все внушало ужасъ несвѣдущимъ чужеземцамъ, воображавшимъ, что они попали въ страну каннибаловъ. Дѣло объясняется весьма просто. Самоѣды въ опредѣленныя времена года

сходились сюда прежде для своихъ общественныхъ богослуженій. Какъ особенно святое мѣсто, въ этомъ отношеніи славился мысъ Болванскій — полукруглая каменная масса, далеко выдающаяся въ море на юго-западной оконечности острова. Въ этомъ мысѣ чернѣетъ громадная и глубокая пещера съ двумя выходами, однимъ широкимъ — къ морю и другимъ узкимъ, открывающимся въ вершинѣ утеса. Вихри врываясь въ пещеру производятъ въ ней и теперь оглушительный гулъ, поражающій ужасомъ дикаря, слышащаго въ немъ голосъ своего божества. Тутъ-то самоѣды и поставили свой главный идолъ — *Весакъ*. Онъ былъ деревянный, трехгранный, высокій и тонкій, о седьми лицахъ, которыя были вырѣзаны на двухъ отлогихъ гранахъ, одно надъ другимъ; само собою разумѣется, что рѣзьба лица была грубымъ подражаніемъ природы — и то самоѣдской. Щеки у идола вырѣзаны впадинами, съ выдавшимися скулами. Нижняя часть идола оканчивалась трехграннымъ остроконечіемъ, которымъ онъ и былъ утвержденъ въ почвѣ. Въ полукружіи близъ этого главнаго идола поставлено было двадцать средней величины и около 400 маленькихъ деревянныхъ, а за ними, въ разстояніи пятидесяти сажень, 20 каменныхъ однообразныхъ идоловъ. Передъ главнымъ идоломъ плотно набросана была большая груда оленьихъ головъ съ цѣльными рогами и тридцать череповъ бѣлыхъ медвѣдей. Къ оленьимъ рогамъ привѣшаны были топоры, стрѣлы, мѣдныя кольца, пуговицы, гвозди, разноцвѣтные суконные лоскутки и другіе тому подобные дары богамъ. Противъ Болвановскихъ идоловъ на выступѣ материка тоже находилось 4 каменныхъ и 356 деревянныхъ идоловъ. По словамъ очевидцевъ, океанійскіе идолы Мораи совершенно похожи на идоловъ самоѣдскихъ.

Въ настоящее время Вайгачъ начинаетъ колонизироваться самоѣдами. Вытѣсняемые безпощадною эксплоатаціею зырянъ изъ своихъ заповѣдныхъ тундръ, они уходятъ въ эти арктическія пустыни, въ безплодныя приволья оленьихъ пастбищъ. Царство смерти мало-помалу обращается въ кочевья дикихъ инородцевъ, и тамъ, гдѣ прежде неудержимо ревѣли одни волки, — носится нынѣ самоѣдская нарта и слышатся хриплые крики этихъ суровыхъ номадовъ.

ПЛЕМЕНА ГЛУХАГО УГЛА.

ПЛЕМЕНА ГЛУХАГО УГЛА.

Самоѣды.

Въ непроглядную глушь и даль легли мезенскія тундры.

На сѣверѣ не отличишь, гдѣ кончаются ихъ топи и дали, и гдѣ начинается другой суровый просторъ, просторъ Ледовитаго океана. На дальнемъ востокѣ онѣ переходятъ въ гористыя возвышенности Пай-Хо и Уральскаго хребта; на югъ онѣ сплошь подступили къ дремучимъ, лиственнымъ лѣсамъ бывшаго царства Югорскаго. Вдоль по тундрамъ стелятся ложа широкихъ и безлюдныхъ рѣкъ, оживляемыхъ только изрѣдка одинокимъ челнокомъ случайнаго промышленника.

Посѣтите это мертвое царство зимою. Цѣлые дни передъ вами во всѣ стороны будетъ разстилаться неоглядная, бѣлая равнина завѣянной снѣгами тундры... Вездѣ однообразныя глади безъ перерыва, безъ деревца, безъ опаловой, извивающейся въ синюю даль, полосы рѣчнаго льда... Весь безконечный просторъ отливаетъ розовымъ блескомъ, когда солнце, словно сонное, немного приподнявшись надъ горизонтомъ, вновь погружается внизъ на долгую двадцатичасовую ночь... Алый отсвѣтъ блекнетъ и блекнетъ... Сѣрая мгла ползетъ отовсюду... Краски тускнѣютъ, и скоро вы погружаетесь въ безконечное море подавляющей тьмы.

Но вотъ на сѣверѣ, сначала блѣдный, ярче и ярче прорѣзывается сегментъ полярнаго сіянія. Онъ какъ будто вздрагиваетъ, мерцая надъ этою мертвою пустыней. Вотъ верхній край его расплывается и лучится, принимая тускло-багровый оттѣнокъ, словно зарево далекаго пожара, едва замѣтное сквозь дымъ и туманъ. Вотъ сегментъ выбросилъ вѣнецъ яркихъ столбовъ, то выростающихъ, то исчезающихъ на горизонтѣ. Столбы волнуются, смыкаются, сходятся въ снопы и разбрасываются вновь во всѣ стороны: голубые переходятъ въ огнистые,

огнистые въ кроваво-алые. Вотъ одинъ изъ нихъ тянется все выше и выше, другіе словно обгоняютъ его; вотъ онъ подвигается къ зениту; вотъ онъ коснулся его, и въ одинъ мигъ померкъ сегментъ, погасли его вѣнцы, и только одна широкая полоса таинственнаго свѣта протянулась въ недосягаемую вышину неба, озаряя пустыню трепетнымъ, голубоватымъ свѣтомъ... Вотъ ниже конецъ его сокращается. Вотъ исчезла и вся полоса, и только надъ пустыней, словно корона, виситъ въ самомъ центрѣ темнаго начнаго неба туманное облако неровнаго, перебѣгающаго свѣта. Будьте вы одни въ тундрѣ и вглядитесь въ эту подавляющую высь, и вамъ станетъ жутко: сіяющій тамъ блѣдный свѣтъ покажется чьимъ-то громаднымъ окомъ, медленно мигающимъ надъ вами... И вновь тьма, безпросвѣтная, стихійная тьма, тьма безъ границъ, тьма вверху и внизу...

Иногда сѣверное сіяніе бываетъ ужасно. Цѣлыя рати блѣдно-голубыхъ и кроваво-багровыхъ призраковъ сталкиваются на краю неба въ поразительную толчею. Точно сотни и тысячи яркихъ факеловъ поднимаются, опускаются и колеблются тамъ подъ блѣднымъ, ровнымъ сегментомъ, ниже котораго мракъ еще гуще, еще темнѣе. И самая тундра словно вздрагиваетъ и колеблется надъ этимъ перебѣгающимъ свѣтомъ. Только привычные олени мчатъ васъ впередъ, не обращая вниманія на вѣчную борьбу невѣдомыхъ силъ суровой природы крайняго сѣвера...

Въ ненастные зимніе дни мрачнымъ царствомъ ложится тундра вплоть до устьевъ Сибирской Лены, пугая воображеніе своимъ однообразно-суровымъ просторомъ. Низко ходятъ сѣрыя тучи надъ этою степью отдаленнаго сѣвера. Большую часть года могильнымъ саваномъ кроетъ ее пелена бѣлаго окрѣпшаго снѣга. Тишь, вѣчная, подавляющая тишь. Только иногда въ безграничномъ пространствѣ поднимется пурга — грозовая; неудержимо подъ низко-нависшимъ небомъ стелется сѣверо-восточный вѣтеръ, словно дикій звѣрь, разгулявшійся на безлѣсныхъ гладяхъ. Горы пушистаго, бѣлаго снѣга, наметываются и разметываются, покрывая высокими сугробами и случайнаго путника, и промысловую избушку, и убогіе берестяные чумы дикарей. Крутитъ и реветъ гроза, цѣлые дни тѣшится она своею несокрушимою мощью, пока не истощатся ее могучіе порывы... И снова тишь, и снова мертвая пустыня лежитъ неподвижно подъ цѣлымъ океаномъ сѣрыхъ, словно свинецъ, тяжело надвигающихся тучъ.

Зимою въ яркіе солнечные дни снѣжная бѣлизна тундры такъ и слѣпитъ одинокаго путника. Опухнутъ его вѣки, покроютъ ихъ нарывы и наконецъ самое зрѣніе его ослабѣетъ до такой степени, что послѣ заката онъ ничего не видитъ. Одно спасеніе — просидѣть нѣсколько дней въ темной комнатѣ, съ затворенными ставнями. Дикари —

и тѣ, не смотря на свои узкіе, словно изъ глубокихъ щелей выглядывающіе глаза, страдаютъ здѣсь зимою — офтальміей. Снѣгъ лучится, распадается на миріады блестокъ, горитъ передъ вами ослѣпительно-яркими, точно изъ кремня высѣченными искрами. Вы не знаете куда дѣваться. Закроете глаза — и возбужденный нервъ рисуетъ вамъ огненныя спирали, огненныя линіи; откроете — и снова цѣлое море растопленнаго серебра сверкаетъ передъ вами. Итакъ цѣлыя недѣли. Порою мелькнутъ мимо васъ олени, пригнувъ вѣтвистые рога къ спинѣ и оставляя за собою узкій слѣдъ; ваши сани мчатся впередъ и впередъ — и все одна и та же ослѣпительно-яркая гладь и впереди, и позади васъ. Но вотъ набѣгаетъ тучка, шире и шире расползается по небу; за ней, словно грозная рать, подвигается темно-сѣрая масса— и въ нѣсколько минутъ все небо заволакивается ею. Пустыня разомъ помертвѣла. Ни блеска, ни жизни, завернитесь въ вашъ совикъ и спите, пока олени не довезутъ васъ до промысловой избушки или одинокаго чума.

Весною пробуждается эта тундра неисходная, и роскошно развертываются ея арктическіе пейзажи. Громадными, безчисленными стаями, словно на званый пиръ, слетаются со всѣхъ сторонъ гуси, гагары, утки. Въ воздухѣ стоитъ отъ нихъ немолчный гамъ и стрекотъ. Кое-гдѣ на свѣтло-голубомъ фонѣ чистаго горизонта тонко рисуются мягкія, куполообразныя линіи далекихъ горъ, множество свѣтловодныхъ озеръ отражаютъ лазурь въ недосягаемую высь ухоодящихъ небесъ, посреди разноцвѣтныхъ, мшистыхъ, тундряныхъ пространствъ. Изобилующія рыбою рѣки и ручьи текутъ на сѣверъ. На ихъ моховыхъ пажитяхъ виднѣются домашніе олени. А тамъ дальше залегли травяныя болота съ круглыми, мягкими кочками. Узкіе луга съ листовыми порослями прорѣзали тундру, гдѣ она посуше. Повсюду цѣлыми тучами подымаются несносные комары, и если бы не холодныя ночи да не глубокія впадины, гдѣ во все лѣто не таетъ снѣгъ и куда укрываются стада, то олени погибали бы отъ этихъ страшныхъ враговъ всего живаго. Необозримый просторъ пестрѣетъ разнообразными цвѣтами, кустами, а иногда и мелкимъ приземистымъ лѣскомъ.

Лѣтомъ этотъ просторъ поражаетъ одинокаго странника неожиданною роскошью красокъ и богатствомъ на два, на три мѣсяца развернувшейся жизни. Тутъ тянутся моховыя пажити — голубыя, бѣлыя, сѣрыя, красныя, словно чудные, расписанные обаятельными красками, ковры. Широкія рѣки медленно струятся въ отлогихъ берегахъ безлюдной пустыни. Въ тихихъ заводьяхъ плещутся и гогочутъ миріады утокъ, лебедей и прочей дикой, прилетной птицы. Мелкія рѣчонки, сжатыя обрывистыми откосами, бурлятъ и съ гулкимъ рокотомъ

огибаютъ крутые выступы тундры, на крайнихъ точкахъ которыхъ подъ цѣлыми купами лиственицъ лѣниво движется стадо дикихъ оленей или чернѣетъ одинокій чумъ гражданина этихъ пустынь, полудикаго самоѣда. На югѣ лиственичные лѣса разстилаются могучимъ царствомъ, оспаривая у тундры ея безграничный просторъ и далеко въ вышинѣ раскидывая свои колоссальныя вершины. Не углубляйтесь въ это величавое, однообразное лѣсное царство безъ компаса. Здѣсь, что въ морѣ, погибнуть нетрудно: тамъ еще скорѣе наткнешься на какую-нибудь утлую поморскую шкуну, чѣмъ здѣсь на случайнаго охотника-зырянина. Еще по окраинамъ этого лѣса попадутся кое-гдѣ самоѣды, пасущіе стада своихъ оленей; но это будутъ послѣдніе видѣнные вами люди. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тундра на цѣлыя версты и десятки верстъ обращается въ одну зыбкую топь. Пройдите ее на лыжахъ, и земля подъ вами будетъ опускаться; слѣдомъ за вами проступитъ красноватая вода, а гдѣ вы остановитесь хотя на минуту, тамъ образуется лужа. Только легконогій олень безпрепятственно пробѣгаетъ этотъ просторъ. Самоѣды же въ это время стараются быть поближе къ берегамъ Ледовитаго океана и Карскаго моря, или направляются для рыбныхъ промысловъ къ рѣкамъ этимъ единственнымъ лѣтнимъ путемъ въ тундрѣ. Часто на этой колеблющейся поверхности болотной глади поднимаются мощныя деревья. Это небольшіе оазисы. Тутъ и сухо, и почва потверже; но за послѣдними отраслями корней опять начинается страшная, всепоглащающая топь. Такія купы лиственицъ можно сравнить съ передовыми форпостами лѣса. Онѣ и у насъ, какъ въ Тобольской губерніи, называются «урманомъ».

Лиственица, ель, сосна и береза по-сѣвернѣе мелкорослы, искривлены и часто стелются по землѣ, вмѣсто того, чтобы гордо подыматься къ синему небу. Топливо сѣвера — береговой ивнякъ выстилаетъ влажныя низменности. Рѣдко-рѣдко багульникъ и можжевельникъ разнообразятъ растительное царство этого края. Болотныя травы смѣшиваются въ лугахъ съ кислицей, золототысячникомъ, мать и мачихой, волчьимъ корнемъ, щавелемъ, чернобыльникомъ, тысячелистникомъ, керчей и ложной ромашкой. Тутъ же подымаются зеленыя головки дикаго лука, колосья дикой ржи и свѣтло-фіолетовые вѣнчики дикаго гороха, пріятно разнообразящіе песчаныя пролежи близъ морскаго берега. Изъ ягодъ здѣсь болѣе всего морошки, составляющей для самоѣда одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ продовольствія. Тутъ же брусника подъ темно зелеными листьями прячетъ свои пурпуровыя кисти, серебристо-синяя голубика сплошь выстилаетъ иногда безграничныя пространства. Тутъ же попадается и вороница.

Оленій мохъ (ягель) — бѣложелтый, черный, синій, бурый, фіолетовый и бѣлый превращаетъ тундру въ мягкій, пушистый разноцвѣтный

коверъ. Это пажити самоѣдовъ, это ихъ поля и угодья. Здѣсь цѣлый день гогочутъ и шумятъ гуси, утки, гагары, лебеди и перепелки, цѣлыми тучами подымающіяся при приближеніи оленьихъ стадъ.

Мертвая пустыня зимою — лѣтомъ тундра пропитываетъ стаи разнаго звѣря. Медвѣди пролагаютъ свои тропы отъ молчаливыхъ рѣчныхъ береговъ до ягодныхъ полей, дикіе олени смѣло пробираются къ моховымъ пажитямъ, отбиваясь отъ лакомыхъ до ихъ крови волковъ; лисицы, песцы, горностаи и зайцы снуютъ во всевозможныхъ направленіяхъ, снабжая самоѣдовъ и пустозеровъ своими теплыми шкурками, которыя отсюда отправляются или на югъ въ богатую Ижму, или въ Архангельскъ для окончательной выдѣлки.

Вечерней зарей особенно хорошъ этотъ оригинальный пейзажъ. Извѣстный Латкинъ, проѣзжавшій тундру и углублявшійся въ отдаленнѣйшій сѣверовостокъ, видѣлъ горы самыхъ разнообразныхъ формъ, на которыхъ заходящее солнце играло всѣми отливами радуги. Передъ нимъ издали тянулись волнистыя линіи снѣжныхъ сугробовъ. Мѣстами казалось, что цѣлыя скалы были покрыты свѣтлорозовою, темною и синею эмалью. Ярко сіяли въ огненныхъ вѣнцахъ вершины нѣкоторыхъ горъ, таинственно мерцая нѣсколько времени спустя, когда солнце уже заходило за безлѣсною линіей тундряной окраины. Колокольчики, купальница, бѣлорозовыя ночи, незабудки пестрѣли передъ нимъ заманчиво-влекущими къ себѣ коврами.

Архимандритъ Веніаминъ, миссіонеръ этого заброшеннаго края, видѣлъ болѣе суровыя картины. Передъ нимъ тянулись то длинныя, упирающіяся въ небо громады, то высокіе, полукруглые холмы, то возвышенности, доступныя человѣку. На вершинахъ первыхъ торчали ряды голыхъ, темносѣрыхъ, утесистыхъ скалъ, или острыхъ, или тупыхъ. Облака часто скрываютъ эти громады отъ любопытныхъ взоровъ; зато, когда солнце разсѣявало окружающую ихъ мглу и освѣщало ихъ грозныя вершины, онѣ представлялись изумленному путешественнику въ необыкновенномъ, потрясающимъ душу величіи.

Немного южнѣе, кромѣ ели и лиственицы, начинается березовая поросль, сначала мелкая, потомъ все крупнѣе и крупнѣе. На отдаленномъ востокѣ, поближе къ Уральскимъ горамъ, попадаются уже и кедры; но тутъ преобладаетъ могучая сибирская флора, и самые пейзажи изъ однообразныхъ, утомляющихъ взглядъ гладей переходятъ въ гористые, поразительные своею дикою красотой и величіемъ, ландшафты, къ сожалѣнію, часто покрытые туманомъ и потому недоступные для рѣдкаго путешественника. Виды этихъ горъ, особенно близъ горы сабли, ни съ чѣмъ несравнимы. Это необыкновенно прекрасное смѣшеніе полярныхъ пустынь съ Альпами; эти то поросшія осокою, то чистыя, прозрачныя озера съ цѣлыми островами изъ однѣхъ глыбъ

мѣдной зелени; эти дикіе склоны и гребни горъ, то иззубренные, какъ развалины старинныхъ стѣнъ и башенъ, то обрывистые, то пологіе; эти громадные утесы, поднимающіеся отвѣсно изъ покойнаго и недвижнаго пространства зеркальныхъ водъ; эти купы елей, обнаженныя на сѣверъ и далеко протягивающія на югъ свои вѣтви; эти могучіе кедры, вѣнчающіе вершины мягко-обрисованныхъ на голубомъ фонѣ безоблачнаго неба холмовъ, невольно остановятъ взглядъ странника, даже избалованнаго роскошными, свѣтомъ и зноемъ переполненными картинами дальняго юга. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить каменнаго великолѣпія этихъ горъ! Всѣ видѣвшіе ихъ хоть разъ не забудутъ никогда сѣверныхъ отроговъ Урала, падающихъ въ море вертикальными мысами, которые изрыты ущельями, трещинами и загромождены скалами и валунами.

Такова именно Мезенская тундра. Въ административномъ отношеніи, она дѣлится на три, рѣзко разграниченныя части. Одна сѣверная, называется Канинскою и занимаетъ весь громадный Канинъ Носъ; двѣ другія раздѣляются рѣкою Печорою; къ востоку отъ Печоры идетъ Большеземельская, а къ западу Тиманская тундры. Сверхъ того, самоѣды съ недавняго времени заняли также два большіе острова Ледовитаго океана, Вайгачъ и Колгуевъ, гдѣ, несмотря на климатъ, одинаковый съ Новою Землею, этихъ колонистовъ-номадовъ не истребляютъ бичи сѣвера — цынга и скорбутъ.

Обитатели этого полярнаго края главнымъ образомъ распадаются на три племени: потомки смѣлыхъ новгородскихъ ушкуйниковъ, гра бившихъ и воевавшихъ чудь бѣлоглазую, поселились на заманчивыхъ берегахъ Печоры и при ея устьяхъ, въ привольи промысловыхъ угодій, образовавъ Пустозерскую и Усть-Цилемскую волости. Выселившіеся изъ Вологодской губерніи — зыряне, торговый элементъ юго-востока Архангельской губерніи, основались по бассейну рѣки Ижмы. Никонецъ инородцы — самоѣды, исконные владѣльцы края, бродятъ въ сѣверной полосѣ Мезенскаго уѣзда отъ рѣки Мезени до рѣки Кары и Уральскаго хребта, вдоль безлюдныхъ и суровыхъ береговъ Ледовитаго Океана.

Канинская тундра самое пустынное и безотрадное мѣсто. Только въ одномъ ея пунктѣ, именно на рѣкѣ Неси, есть нѣчто похожее на поселокъ осѣдлыхъ людей — это церковь и погостъ. Кругомъ, словно гнилушки, разбросаны по тундрѣ хижины нѣсколькихъ промышленниковъ, заѣзжающихъ сюда лѣтомъ для ловли рыбы. Въ рѣкахъ Канинской тундры водятся нельма, налимъ, камбала, навага, сиги и др. бѣлая рыба, а въ устьяхъ ихъ сосредоточиваются выгоднѣйшіе морскіе промыслы. Внутренность Канинскаго полуострова весною заливается сплошь разливами рѣкъ; къ этому времени самоѣды стара-

ются занимать возвышенности канинскихъ каменныхъ горъ, Болвановскихъ и другихъ хребтовъ. Нѣкогда на Болванскихъ горахъ находилось капище самоѣдовъ. Тутъ, посреди громаднаго дикаго пустыря, въ самомъ центрѣ страшныхъ мятелей, возвышались ихъ многочисленные идолы. Иностранцы, заходившіе случайно въ уединенныя бухты этого угрюмаго края, находили тутъ лужи только-что пролитой жертвенной крови животныхъ, идоловъ, вымазанныхъ этою кровью, что подало имъ поводъ создать басню о людоѣдствѣ самоѣдовъ — людоѣдствѣ, которое еще недавно было такъ авторитетно подтверждено Диксономъ въ его «Свободной Россіи». Въ Канинской землѣ, въ настоящее время, считается около 1,000 человѣкъ самоѣдовъ обоего пола, занимающихся оленеводствомъ, рыболовствомъ, охотою и морскимъ промысломъ.

Тиманская тундра простирается на 600 верстъ въ длину и на 400 въ ширину. Здѣсь, на рѣкѣ Пешѣ, находится небольшой поселокъ съ самоѣдскою церковью, около которой разводятся картофель и другія огородныя растенія и сѣется ячмень. Въ рѣкахъ и озерахъ этого края водятся, кромѣ уже названной нами рыбы, щуки, окуни, омули, кумжа. Тиманскую тундру пересѣкаетъ только одинъ горный хребетъ — продолженіе Чайцына Камня, по южнымъ склонамъ котораго растутъ ель, сосна, лиственица, береза и ольха, а по сѣвернымъ — одинъ ясень. Отсюда добывается точильный камень. Живущіе здѣсь самоѣды, въ числѣ 800 человѣкъ, занимаются оленеводствомъ, бьютъ моржей, тюленей, морскихъ зайцевъ и нерпъ, ловятъ рыбу, а въ тундрѣ охотятся за птицей, волками, медвѣдями, песцами, лисицами, горностаями и зайцами.

Большеземельская тундра тянется на 1,500 верстъ въ длину и на 680 въ ширину; въ административномъ отношеніи она дѣлится на тундры пустозерскихъ, усть-цилемскихъ и ижемскихъ самоѣдовъ. Въ первой особенно замѣчательна рѣка Коротаиха, гдѣ и до сихъ поръ археологъ можетъ найти хорошо сохранившіяся пещеры троглодитовъ, аборигеновъ этого края, народа пещоры. Поразительное впечатлѣніе производятъ эти остатки земляныхъ сооруженій нынѣ исчезнувшаго племени. Въ одномъ мѣстѣ цѣлая гора Сирте-ся изрыта ими. Изъ здѣшнихъ хребтовъ замѣчательнѣе другихъ «Самоѣдскій». Вотъ что говоритъ о немъ очевидецъ: «Самоѣдскій хребетъ представляется взору путника, утомленному однообразіемъ пустынной равнины, въ грозномъ величіи, а въ соединеніи Югорскаго шара съ Карскимъ моремъ вздымается передъ изумленнымъ промышленникомъ огромнымъ утесомъ яркаго, свѣтложелтаго, ослѣпительно сверкающаго цвѣта.» Къ этой тундрѣ принадлежатъ и острова Вайгачъ, Долгій и Матвѣевъ. Пустозерскіе самоѣды считаются въ 1,700 человѣкъ и занимаются тѣми же

промыслами, что и тиманскіе. Ижемская тундра особенно замѣчательна тѣмъ, что здѣсь находится до 15-ти дворовъ осѣдлыхъ самоѣдовъ, поселившихся около церкви, выстроенной на берегу рѣки Колвы. По рѣкѣ Усѣ тутъ находятъ часто мамонтовы кости. Изъ горъ тянутся каменные уральскіе отроги. Поверхность холмовъ и возвышенностей безлѣсна и покрыта снѣгомъ. Адакскія горы — отрасль Урала — замѣчательны здѣсь своими теплыми, сѣрноселитряными ключами. Ижемскіе самоѣды бьютъ медвѣдей, россомахъ, куницъ, горностаевъ и бѣлку, а въ тундрѣ — дикихъ оленей, лисицъ, песцовъ и волковъ; всѣхъ номадовъ считается тутъ 1,000 человѣкъ. Усть-цилемская тундра — печальное, безлѣсное торфяное болото. Это самый безотрадный край, обитаемый 250 убогими дикарями. Всѣ самоѣды Тиманской, Канинской и Большеземельской тундръ принадлежатъ къ шести родамъ: Тысый, Ванойта, Логгей, Валей, Выучей и Хотанзей. Обдорскіе, березовскія и томскіе самоѣды принадлежатъ къ другимъ, родамъ, хотя и говорятъ однимъ языкомъ съ архангельскими. Они всѣ вообще называютъ себя нѣнця (люди) или хасово (мужи). Языкъ ихъ чрезвычайно богатъ и пѣвучъ.

Нѣкогда весь этотъ громадный край занимало многочисленное племя пещора, исчезнувшее въ доисторическое время. Пещора жила въ пещерахъ, вырытыхъ въ горахъ и въ берегахъ рѣкъ. Въ культурномъ отношеніи, племя это было гораздо выше нынѣшнихъ обитателей тундры. Въ его земляныхъ постройкахъ встрѣчаются остатки горновъ, обломки посуды, бронзовыхъ орудій и металлической утвари. Пещора былъ народъ чудскаго корня. Самоѣды, тѣснимые изъ Сибири народомъ монгольскаго происхожденія, спустились со склоновъ Уральскихъ горъ и до тла истребили это миролюбивое племя. Борьба была, по всей вѣроятности, ужасна. Пещора нетолько не оставила по себѣ слѣда въ типѣ завоевателей, но даже и въ языкъ ихъ не проскользнуло ни одного слова погибшаго народа. Эпонея борьбы въ эти доисторическія времена становится нѣсколько понятнѣе, когда обратимъ вниманіе на то, какъ вообще чудь-бѣлоглазая защищалась и въ двинскихъ привольяхъ противъ нашествія новгородскихъ ушкуйниковъ. Это племя никогда не сдавалось побѣдителю. Чудь закапывалась живьемъ въ землю, сжигалась добровольно въ деревянныхъ срубахъ; или свергали одинъ другаго со скалъ, предварительно перебивъ своихъ женщинъ и дѣтей.

Пещора жила въ береговыхъ и горныхъ пещерахъ или въ подземныхъ жилищахъ, которыя и до настоящаго времени сохранились по берегамъ рѣки Коротаихи, близъ внутреннихъ озеръ и въ каменистыхъ предгорьяхъ Уральскаго хребта. Въ этихъ древнихъ убѣжищахъ нынѣ исчезнувшаго племени и теперь, какъ сказано выше, встрѣчаются обломки мѣдной, желѣзной и глиняной посуды, грубо отдѣланной повидимому са-

Хабей-Хунгаръ.

ними троглодитами. Тутъ же находятъ и человѣческіе остовы. Лепехинъ полагаетъ, что печенѣги были обломками народа пещоры. Мнѣніе ученаго Лерберга, что народъ пещора и самоѣды — одно и то же племя, не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Во-первыхъ, строеніе череповъ тѣхъ и другихъ весьма различно, а во-вторыхъ, мѣдныя и желѣзныя издѣлія никогда не производились настоящими владѣльцами тундръ. Предполагать, что раса печорская выродилась въ кочующихъ номадовъ сѣвера — нѣтъ никакихъ основаній и слѣдуетъ предположить, что самоѣды, тѣснимые изъ своего отечества, вступили въ борьбу съ пещорой и въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени или истребили, или выжили изъ края эту расу. По всей вѣроятности, далекое прошлое здѣсь было богато кровопролитными битвами, варварствомъ и истребительными опустошеніями, всегда ознаменовывающими борьбу за существованіе между двумя племенами, сталкивающимися на одной аренѣ. Вооруженные луками и дубинами, самоѣды спустились съ Уральскихъ горъ въ страну мирную, гдѣ звѣриная и рыбная ловля кормила убогихъ жителей пещеръ. Свирѣпые и воинственные (таковы были самоѣды и прежде, таковы и теперь кочующіе въ Сибири самоѣды карачайскіе), они кинулись на оборигеновъ края, устрашенныхъ уже и внѣшнимъ видомъ уродливыхъ пришельцевъ. Обливъ кровью завоеванный край, самоѣды стали его единственными владѣтелями, до тѣхъ поръ, пока сюда не явились смѣлые новгородскіе ушкуйники.

Позднѣйшее названіе Печоры, которое придавалось самоѣдамъ и барономъ Герберштейномъ, и новгородцами, по всей вѣроятности, было лишь именемъ края, а не его обитателей. Принадлежность самоѣдовъ къ расѣ сибирскихъ инородцевъ доказывается какъ общностію языка, вѣры и обычаевъ, такъ и почтенными изслѣдованіями Фишера, въ его исторіи Сибири. По мнѣнію его, Красноярскіе остяки и Томскіе камаши — тѣ же самоѣды. Названіе самоѣдовъ одни производятъ отъ финскихъ словъ: *соома* (болото) и *ово* (единъ) — одно болото, т. е. тундра; но гораздо болѣе заслуживаетъ уваженія, объясненіе: что употребленное еще Несторомъ имя *Самоядь* и позднѣйшими лѣтописцами *Самоѣдь*, *Самоѣдцы*, *Самоѣды* произошло отъ распространеннаго нѣкогда предразсудка, что самоѣды, пожирая сырое мясо, будучи *сыроядцами*, не отказываются и отъ болѣе утонченной кухни, поѣдая своихъ враговъ и самихъ себя.

Сами себя самоѣды называютъ хозово, хасово, хассово, что значитъ — *хозъ* (самъ), а *ово* (одинъ) — самъ одинъ или самоединъ, какъ объясняетъ Бѣлявскій въ своей „Поѣздкѣ къ Ледовитому морю“. Извѣстный ученый Кастренъ въ языкѣ самоѣдовъ нашелъ болѣе сотни словъ схожихъ съ финскими нарѣчіями.

Первыя свѣдѣнія о самоѣдахъ, какъ объ отдѣльномъ народѣ, встрѣчаются въ лѣтописи Нестора: «Се же хощу сказати, я же прежде сихъ четырехъ лѣтъ сказалъ ми Гуря Тогоровичъ, новгородецъ: послахъ отрока своего въ Печору, людіе же суть дань дающіе Новѣ-Городу, и пришедъ отрокъ мой къ нимъ, оттуда иде въ Югрь; Югра же суть языкъ нѣмъ, и сосѣдетъ съ Самоядью на полунощныхъ странахъ.» Въ то отдаленное время самоѣды были воинственнымъ, свободнымъ и кровожаднымъ племенемъ. Они дѣлали набѣги на Югру, дрались съ сибирскими, карачайскими одноплеменниками своими, разоряли вогульскіе городки, пока не наткнулись на новгородцевъ, неуступавшихъ имъ ни въ звѣрствѣ, ни въ хищничествѣ. Новгородцы обложили этихъ номадовъ сѣвера данью, а послѣ паденія Великаго Новагорода самоѣды стали платить ясакъ Москвѣ, по два песца съ лука. Русскіе поселялись въ тундрѣ осѣдло для усмиренія возстаній самоѣдовъ. Такимъ образомъ былъ основанъ Пустозерскій острогъ, мѣсто ссылки многихъ бояръ. И теперь въ селеніи Пустозерскомъ, въ старинной церкви его, хранится евангеліе 1675 года съ подписью князя Симеона и княгини Пелагіи Щербатовыхъ 1727 года, и образъ, принадлежавшій князю Голицыну. Потомъ сюда же направились и расколоучители съ своими послѣдователями. Тутъ былъ сожженъ, въ деревянномъ срубѣ, Аввакумъ, и съ тѣхъ поръ могила его служитъ мѣстомъ поклоненія, святынею для старообрядцовъ. Самоѣды не разъ безпокоили первыя русскія волости, образовавшіяся тутъ. Они даже осаждали пустозерскій острогъ, и только съ помощью довольно значительной военной силы можно было отразить нашествіе этихъ отчаянныхъ въ то время и безусловно смирныхъ нынѣ дикарей. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія самоѣды были обращены въ христіанскую вѣру; но это обращеніе и до сихъ поръ остается номинальнымъ. Мы вообще плохіе колонизаторы и еще худшіе мисіонеры. И теперь въ средѣ ихъ живутъ незыблемо старыя языческія вѣрованія, и все вліяніе христіанства обнаружилось въ томъ, что къ числу старыхъ боговъ своихъ они прибавили лишь св. Николая чудотворца, которому въ отдаленіи Большеземельской тундры приносятся даже въ жертву бѣлыя собаки и бѣлые олени. Впрочемъ, о вѣрованіяхъ самоѣдовъ — потомъ.

Самоѣдъ крайне неприглядень.

Вглядитесь хотя въ тѣхъ, которые зимою бродятъ по улицамъ Архангельска.

Малорослый, коротконогій, переваливающійся справа налѣво дикарь весь завернутъ въ оленьи шкуры. На смугломъ, красноватомъ и скулистомъ лицѣ, словно сквозь узкія щели, глядятъ невыражающіе особенной смѣтливости глаза. Черные волосы падаютъ низко на лобъ. Женщину-самоѣдку не отличишь отъ ея повелителя. Только на рѣд-

кихъ лицахъ нѣсколько жесткихъ и короткихъ волосъ оттѣняютъ подбородки; дѣти — это фотографически вѣрные снимки съ своихъ родителей: тѣ же старообразныя черты лица, то же платье, тѣ же пріемы.

Самоѣды мезенскіе раздѣляются на шесть племенъ: лаггей (локей, лохей), тыссей, хатанзей, выучей, ваннойта (ванюта) и валлей. Самоѣды сибирскіе принадлежатъ къ отдѣльному роду карачеевъ, или карачаевъ. Первые шесть родовъ кротки и смирны, убійства между ними рѣдки, ссоры и драки начались вмѣстѣ съ воровствомъ, со временъ подвоза къ нимъ пустозерами и ижемскими зырянами водки. Женщины-самоѣдки стыдливы и трудолюбивы, рѣдко можно увидать ихъ праздными.

Племя это отличается весьма положительными достоинствами. Самоѣды, по свидѣтельству лицъ, близко знающихъ ихъ, помогаютъ другъ другу, охотно дѣлятся послѣднимъ кускомъ хлѣба. «Бываютъ, говоритъ архимандритъ Веніаминъ, — случаи, что самоѣды кормятъ цѣлыя семействаа бѣдныхъ своихъ земляковъ и даютъ имъ безо всякой платы своихъ оленей для ѣзды по тундрѣ, часто на весьма долгое время.»

Самоѣды иногда женятся на русскихъ, но русскіе на самоѣдкахъ — никогда. Браки между зырянами и самоѣдами весьма часты. Самоѣды употребляютъ въ лѣсахъ и пустыняхъ сѣвера компасъ, называемый ими, по примѣру зырянъ и пустозеровъ, *маткой*. Они далеко не лишены умственныхъ способностей. Нѣкоторые изъ нихъ свободно владѣютъ пятью языками: остяцкимъ, русскимъ, зырянскимъ и такъ называемымъ языкомъ манчей. Одинъ изъ этихъ дикарей, служившій на шкунѣ богатаго мезенца и не разъ побывавшій за границей, хорошо знакомъ былъ съ англійскимъ, нѣмецкимъ, норвежскимъ, русскимъ, французскимъ, зырянскимъ и остяцкимъ языками. Всѣ самоѣды, кромѣ того, превосходные моряки, почему пустозеры весьма охотно нанимаютъ ихъ на свои суда.

— Отчего вы не поете никакихъ пѣсенъ? спросилъ я разъ у встрѣтившагося мнѣ самоѣда.

— Некогда, лаконически отвѣтилъ тотъ.

— Есть же у васъ какія нибудь пѣсни?

— Нѣту у насъ пѣсенъ. Русскія поемъ, кто знаетъ.

— А сказки разсказываете?

— Нѣтъ.

— Такъ у васъ и сказокъ вовсе нѣтъ?

— Есть, да пустыя.

Дѣйствительно, ихъ легенды и преданія крайне однообразны и безжизненны, какъ самыя тундры, обитаемыя ими. Воображенія, широкаго смѣлаго полета мысли — нечего ждать отъ расы, вся жизнь и

исторія которой заключается въ тяжелой борьбѣ съ суровой природой, въ вѣчномъ труженичествѣ и кабалѣ у богатыхъ сосѣдей зырянъ, и русскихъ. Сѣрое, низко-нависшее небо сковало ихъ думы, мертвенное молчаніе непроглядныхъ гладей убило въ ихъ натурѣ всѣ потребности духовныхъ наслажденій. У самоѣдовъ и промышленныя способности только въ зародышѣ, потому что ихъ разрозненность и бѣдность естественныхъ произведеній страны не даютъ возможности развиться между ними ассоціаціи труда, которая, однако, давно уже извѣстна другимъ инородцамъ, хотя бы тѣмъ же зырянамъ и манчамъ. Дикари всѣхъ другихъ странъ соединяются въ правильныя общины; какъ только отъ охоты они начинаютъ переходить къ скотоводству, необходимость общей обороны и охраненія стадъ понуждаютъ ихъ къ этому. Самоѣдъ и теперь, какъ прежде, въ одиночку пасетъ своихъ оленей. Длинныя зимы погружаютъ въ спячку, бездѣятельность и вялость это племя; короткое лѣто не возстановляетъ ихъ умственныхъ силъ. Вслѣдствіе этого, самоѣдъ повидимому живетъ чисто-внѣшнею жизнью, непосредственными ощущеніями. Самоѣдъ во многомъ еще ребенокъ, ему нравятся исключительно яркіе цвѣта, онъ неспособенъ вглядываться въ природу, подмѣчать взаимныя соотношенія между ея явленіями. Немногія теоретическія представленія онъ выражаетъ словами, почерпнутыми изъ чисто внѣшней природы. Низшіе органы чувствъ у него въ значительной степени преобладаютъ надъ высшими. Самоѣдъ не понимаетъ ничего, что не имѣетъ формы и тѣла; отсюда смутныя, неясныя представленія его о будущей жизни, да и то большая часть расы не создаетъ о ней никакого представленія. У самоѣда нѣтъ мифовъ, въ точномъ значеніи этого слова, потому что нѣтъ обобщенныхъ представленій о природѣ.

«Однажды, разсказывалъ одинъ самоѣдъ русскому путешественнику Латкину, — ижемцы проходили ночью между горъ и вдругъ слышатъ шумъ, крики и пѣнье. Пошли на голоса — думаютъ тамъ наши чумы, а нашли нѣсколько срубовъ съ покойниками, и кругомъ все тихо. Ижемцы въ испугѣ ушли отъ такого страшнаго мѣста, но долго гналось за ними пѣнье мертвыхъ и слышна была снова ихъ пляска.»

Въ такомъ родѣ и всѣ ихъ легенды — краткія, доказывающія бѣдность вымысла, скудость воображенія и младенчество мысли. Нѣкоторыя изъ нихъ вѣрятъ, что покойники бродятъ по свѣту, другіе же и вовсе не могутъ представить, что дѣлаетъ человѣкъ послѣ смерти. Возьмите дикарей, поставленныхъ въ лучшіе этнографическія условія,— какія чудныя, поэтическія пѣсни поютъ они, какою дѣвственно-свѣжей природой дышатъ ихъ легенды! Отъ преданія о Гайяватѣ вѣетъ на васъ и мечтательнымъ шумомъ зеленаго лѣса, и прохладою вечера, утонувшаго въ пурпурномъ сіяньѣ заката, и радостною пѣснью, и

грохотомъ весеннихъ потоковъ, весело сивающихъ гранитныя скалы. Сравните съ этими перлами поэзіи преданія самоѣда.

— Разъ пришелъ къ намъ манча, разсказывалъ мнѣ одинъ изъ нихъ исторію любви, въ которой обыкновенно концентрируются поэтическія силы народа. — Пришелъ манча и увидѣлъ иньку (самоѣдку). Хорошая была инька. Знала водиться съ оленемъ, пила хорошія малицы. Выпилъ онъ съ нею водки, много пилъ водки, пока не напились оба. Приходитъ мужъ и застаетъ ихъ вмѣстѣ — что дѣлать? Убилъ манча мужа и взялъ иньку съ собою. Идутъ они по тундрѣ... Идутъ день и другой. На третій за ними показались олени. «Стой, манча, это мужъ ѣдетъ за мною!» говоритъ инька. «Не мужъ твой это, а сосѣди должно быть. Хорошо я убилъ твоего мужа, ножъ глубоко вонзилъ ему въ сердце.» «А повернулъ-ли ты ножъ?» спрашиваетъ инька: «повернулъ-ли ты ножъ въ сердцѣ моего мужа?» «Забылъ я повернуть въ сердцѣ твоего мужа мой острый ножъ,» отвѣчаетъ манча. «Значитъ, это онъ ѣдетъ за мною!»... Вернулся манча и увидѣлъ убитаго имъ человѣка. Опять всадилъ онъ ему ножъ въ сердцѣ, и упалъ мужъ украденной имъ иньки. Повернулъ манча въ сердце его свой острый ножъ. «Владѣй моей инькой, бери моихъ оленей, говоритъ ему убитый, — а для меня сдѣлай одно: поди на высокую гору, позови Тадибея и принеси Тявуй-Нуму въ жертву бѣлаго оленя, бѣлаго, лучшаго оленя, на высокой, на самой высокой горѣ.»

Вотъ вамъ и народная поэзія, болѣе этого не ждите отъ самоѣда.

Отношенія самоѣда къ дѣтямъ не особенно хороши. Случается, что отецъ или мать отдаютъ своего ребенка за горсть табаку, за оленя, или за бутылку водки. Впрочемъ, дѣти обращаются съ своими родителями почтительно и кормятъ ихъ до старости.

Самоѣды карача, живущіе въ Сибири, чрезвычайно хищны, злы и бѣдны. Они пробавляются грабежемъ — и часто, убивая мезенскихъ самоѣдовъ, уводятъ съ собою ихъ стада. Вооружены они луками съ длинными стрѣлами и весьма ловко владѣютъ этимъ оружіемъ. Нѣкоторые изъ нашихъ самоѣдовъ вѣрятъ въ сверхъестественную способность карачаевъ заговаривать ножи и пули. «Пули отскакиваютъ отъ нихъ, какъ отъ камня, ножи упираются въ нихъ, словно въ дерево.» Зная это, самоѣды добровольно отдаютъ имъ десятую часть стадъ своихъ. «За карачаями, говорятъ они, — живутъ еще чудные люди; ихъ можно видѣть только издали, а подойдешь — они скроются, куда — никто не знаетъ: видно въ землю уходятъ.»

Карачаи прежде ставили въ довольно затруднительное положеніе наше правительство. Обитая между рѣкою Обью и Енисеемъ по океанскому прибрежью, они въ 1730, 1732, 1746 годахъ дѣлали смѣлые набѣги на русскія села, на *самоядь пустозерскую* и даже осмѣлились

осадить острогъ Пустозерскій; а въ 1799 году это хищное племя добралось до пермскихъ селеній и разграбило ихъ, почему правительство нѣсколько разъ посылало войска для ихъ усмиренія. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что самоѣды карачаи совершенно походятъ на мезенскихъ самоѣдовъ, если исключить ихъ воинственность и свирѣпость.

Наши мезенскіе самоѣды, по занимаемымъ ими тундрамъ, дѣлятся на канинскихъ, тиманскихъ, или малоземельскихъ, и на большеземельскихъ.

Первые кочуютъ на Канинскомъ полуостровѣ, далеко врѣзывающемся въ Сѣверный океанъ и покрытомъ по окраинамъ своимъ каменистыми горами. Лѣса здѣсь рѣдки. Климатъ чрезвычайно суровъ, холодный сѣверный вѣтеръ часто среди лѣта навѣваетъ почти зимнюю стужу, ясные дни нечасты, вечеромъ и ночью густые туманы покрываютъ вершины горъ и плоскія возвышенности страны, осенью и зимою на необозримомъ пространствѣ стелются страшныя мятели, иногда по цѣлымъ недѣлямъ гуляя по тундрѣ.

Непривлекательный край. Здѣшніе самоѣды отличаются особенно угрюмымъ складомъ характера и несообщительнымъ нравомъ.

Тиманскіе или малоземельскіе самоѣды кочуютъ между рѣками Пешею и Печорой, вплоть до рѣки Цильмы къ югу. Большеземельскіе самоѣды занимаютъ громадную площадь отъ Печоры до Уральскихъ горъ и отъ береговъ Сѣвернаго ледовитаго океана на югъ до волостей зырянскихъ. Они въ свою очередь подраздѣляются на пустозерскихъ, ижемскихъ и усть-цилемскихъ. Въ тундрахъ, принадлежащихъ первымъ, прорѣзываются значительные каменные хребты — и въ одномъ изъ нихъ находится проломъ, чрезъ который ижемцы и пустозерцы отправляются въ Сибирь за пушными мѣхами. Это торговый нервъ нашего сѣвера. Это единственный путь между двумя одинаково малолюдными, одинаково эксплуатируемыми и одинаково богатыми краями.

Близъ рѣкъ Талаты и Великой тянутся величавыя самоѣдскія горы, возносящіяся при сліяніи Югорскаго шара съ Краснымъ въ недосягаемую высь грознымъ, свѣтложелтымъ утесомъ, къ которому дикари питаютъ религіозный ужасъ. Тундры остальныхъ самоѣдовъ не особенно замѣчательны.

Поѣзжайте въ тундру. Долго вамъ придется пересѣкать ея пустынныя глади. Вотъ вы оставили за собою послѣднее русское село, все заметенное и занесенное снѣжными сугробами, и вступили въ настоящую безлѣсную, болотную топь. Мятель стелется по ней, взрывая высоко снѣгъ и набрасывая цѣлыя горы его тамъ, гдѣ еще за минуту тянулась безотрадная поверхность равнины... Ѣдете вы день, ѣдете ночь... Усталые олени хватаютъ на бѣгу снѣгъ; холодъ пронимаетъ васъ до костей; тоска и уныніе закрадываются вамъ въ душу. Сквозь

туманное небо едва-едва льется тусклый свѣтъ луны... Но вотъ гдѣ-то тявкнула собака, другая, третья... Вы очнулись, вы ждете жилья, гдѣ вамъ можно будетъ отогрѣться и отдохнуть. Спустя нѣсколько времени, нарта оленей подкатила къ мякану, т. е. чуму самоѣда. Конусообразной очеркъ его чуть-чуть отличается на мглистомъ просторѣ. Едва отыскавъ завѣшанный шкурами входъ, вы проползаете въ это логовище, но васъ разомъ отшибаетъ нестерпимая вонь, стелющійся внутри чума дымъ и страшная, ни съ чѣмъ несравнимая грязь. Голые ребятишки, собаки, иньки (самоѣдки) — все это смѣшалось въ одну безобразную кучу. Инородцы не обратятъ никакого вниманія на вашъ приходъ. Любопытство здѣсь считается крайнимъ неприличіемъ Хозяинъ чума также невозмутимо будетъ сидѣть у огня, его инька продолжать чинить малицу или готовить купанье, и только голый мальчишка вытаращитъ на васъ глаза и разинетъ ротъ отъ изумленія. Все это семейство группируется вокругъ огня. Вы поневолѣ займете тутъ же мѣсто. За стѣнами чума — холодъ, мятель, пурга; дѣться некуда...

Чумъ-мяканъ для самоѣда самое удобное жилье, вполнѣ примѣненное къ его кочевой жизни. Построить чумъ можно въ два часа и во столько же времени разобрать его. Предварительно въ землю врываются жерди, составляющія правильный кругъ. Ихъ верхушки соединяются вмѣстѣ. Вдоль этихъ жердей кладутся, въ извѣстныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, поперечники. Такимъ образомъ, устраивается конусообразная деревянная клѣтка, которую тотчасъ же обвертываютъ двумя рядами оленьихъ шкуръ. Одинъ рядъ — шерстью внутрь палатки, другой шерстью вверхъ. Первый по-самоѣдски называется «ѣѣ», второй «мойюко». Вверху оставляется для прохода воздуха и для дыма отверстіе, впрочемъ, весьма небольшое. Такіе чумы снаружи обкладываются зимою снѣгомъ, а осенью землею и мхомъ. Внутри чумъ устилается рогожами или цыновками изъ березовыхъ прутьевъ и метляка. Рогожи покрываются оленьими шкурами, дверь завѣшивается ими же. По самой срединѣ чума кладется камень или желѣзный листъ, на которомъ постоянно поддерживается огонь. Топливомъ служитъ мелкій березнякъ, ивнякъ или верескъ. Понятно, что здѣсь больше дыма, чѣмъ огня. Надъ очагомъ, на крюкахъ, поддерживаемыхъ крестообразно врытыми въ землю кольями, подвѣшиваются два или три котла для варева. Мѣсто, противоположное входу въ чумъ, называется синекци. Это — святыня. Тутъ складывается все, что есть у самоѣда особенно драгоцѣннаго: водка, идолы, икона Николая чудотворца, табакъ и лучшіе съѣстные припасы. Инька, женщина, какъ существо нечистое, не смѣетъ переступить въ синекци. Вообще все, черезъ что бы ни переступила женщина, опоганивается. Впрочемъ,

суевѣріе тотчасъ же даетъ и дешевое средство для очищенія. Стоитъ только опоганенную вещь окурить верескомъ или метлякомъ. Самоѣды до того привыкли къ атмосферѣ своихъ чумовъ, что не выносятъ нашей температуры. Путешественники говорятъ, что имъ случалось видѣть, какъ изъ холодныхъ избъ, гдѣ они останавливались, провожатые самоѣды выходили на улицу и спали въ снѣгу, несмотря на вьюгу и холодъ. Въ тридцатыхъ годахъ, архангельское епархіальное начальство помѣстило нѣсколько самоѣдовъ-мальчиковъ въ мѣстную семинарію. Они успѣшно дошли до реторики и потомъ всѣ умерли, одинъ за другимъ, отъ чахотки. Впрочемъ, въ селѣ, расположенномъ на рѣкѣ Колвѣ, у мѣстнаго священника живетъ нѣсколько дѣтей инородцевъ, вполнѣ акклиматизировавшихся въ русской избѣ.

По срединѣ чума дымъ низко стелется, затрудняя дыханіе и разъѣдая глаза непривычнымъ посѣтителямъ. Здѣсь чрезвычайно тепло. Въ глухія зимы, когда вокругъ чума трещитъ морозъ или полярная вьюга злится, наметая цѣлыя горы снѣга, и дуетъ пронзительный, словно льдомъ оковывающій вѣтеръ — внутри чума неприхотливая семья привольно раскидывается, нѣжась и расползаясь отъ жара. Въ чумахъ иногда помѣщаются семейства отъ десяти до двѣнадцати человѣкъ съ собаками, лохматыми, цвѣтомъ шерсти и длинною мордой похожими на лисицъ. Снять и вновь поставить такой чумъ весьма незатруднительно. Поѣдятъ олени окрестный мохъ, кочевье переходитъ на другое мѣсто, пересѣкая такимъ образомъ громадныя пространства тундры.

Одежда самоѣда вся состоитъ изъ оленьихъ шкуръ. Прежде всего шьется мѣшокъ изъ оленьяго мѣха съ рукавами и двумя отверстіями, для головы и рукъ. Это—малица. Она надѣвается шерстью къ тѣлу. Лѣтомъ мездра ея покрывается рубашкою изъ тика, ситца или сермяги. Сверхъ малицы надѣвается второй мѣшокъ, но уже шерстью вверхъ — совикъ. Изъ шкуръ пыжиковъ, молодыхъ, мѣсячныхъ оленей, шьются круглыя шапки съ ушами (сова, по-самоѣдски). Преимущественно же самоѣды ходятъ съ открытою головой, несмотря на сильные зимніе морозы. Кромѣ совика и малицы, самоѣдъ надѣваетъ шаровары изъ замши (пьюе), длинные чулки шерстью внутрь изъ оленьяго мѣха (липты) и сшитые изъ того же матерьяла, но шерстью вверхъ и изукрашенные разными узорами — пимы (сапоги). Одежда женщинъ убирается лоскутками сукна преимущественно яркихъ цвѣтовъ, узорами изъ бѣлыхъ и темныхъ оленьихъ лапокъ, волчьяго, лисьяго и собачьяго мѣха, а жены самоѣдскихъ Ротшильдовъ употребляютъ даже для этого соболь и боберъ. Часто на шапки и на пимы нацѣпляются погремушки и бубенчики; это считается верхомъ щегольства и изящества. Вся одежда самоѣда сшита его женою оленьими жилами, вмѣсто нитокъ. Голову самоѣдки убираютъ порусски — въ двѣ косы, укра-

шенныя лентами, цѣпочками и кусками краснаго и желтаго сукна. Вообще мѣстная красавица далеко не отличается равнодушіемъ къ собственнымъ прелестямъ, и, какъ это ни странно, знаменитому изслѣдователю хребта Пай-Хой, Гофману, удавалось въ Большеземельской тундрѣ встрѣчать красивыхъ самоѣдокъ, портреты которыхъ и приложены къ его сочиненію.

Платье это некрасиво и неуклюже, но, по климатическимъ условіямъ страны, оно весьма удобно, потому что прочно сшито крѣпкими и не износимыми оленьими жилами. Русскіе и зыряне здѣсь усвоили себѣ эту одежду, да и чиновничество, проѣзжая зимою тайболы и тундры, одѣвается въ тѣ же малицы, совики и пимы. Хорошая малица стоитъ отъ 9 до 12 руб., совикъ отъ 6 до 8 и пимы отъ 2 до 3 руб. Въ этомъ костюмѣ нечувствительны ужаснѣйшіе полярные морозы.

Лѣтомъ самоѣды носятъ только малицы, сшитыя изъ самыхъ тонкихъ пыжичьихъ шкурокъ. Богатые номады сверхъ того накидываютъ ситцевыя рубахи, сшитыя въ видѣ чехла на малицу.

Безобразіе этого племени становится еще замѣтнѣе отъ неопрятности. Самоѣды и самоѣдки никогда не моются. О баняхъ, разумѣется, они не имѣютъ никакого понятія. Прибавьте къ этому никогда не снимающуюся малицу, грязь и копоть чума — и вы получите полное представленіе объ этомъ непривлекательномъ племени.

Ѣдятъ самоѣды хлѣбъ, оленье мясо, рыбу, мясо дикихъ птицъ и ягоды. Хлѣба вообще они потребляютъ самое незначительное количество. Взрослый самоѣдъ въ годъ не съѣстъ и пяти пудовъ хлѣба. Хлѣбъ приготовляется ими весьма оригинально: разводятъ тѣсто просто на водѣ, это прѣсное мѣсиво, намазавъ на дощечку, повертываютъ передъ огнемъ, пока оно не зарумянится; хлѣбъ для нихъ не потребность, а лакомство. Оленье мясо они ѣдятъ и жареным, и вареным, и сушеным, но всего выше считаютъ сырое. Заколоть оленя — праздникъ для цѣлаго чумовья. Къ этому дню приготовляются заранѣе. Въ назначенное время собаки сгоняютъ къ мѣсту все стадо. Хозяинъ выбираетъ намѣченную жертву и, ловко забрасывая ей арканъ на рога, притягиваетъ животное къ себѣ. Съ этого момента собственно и начинается эпопея празднества. Вокругъ съ гамомъ и шумомъ бѣгаютъ и толпятся ребятишки. Возлѣ самаго оленя стоятъ всѣ, участвующіе въ пиршествѣ: кто держитъ оленя за рога, кто стоитъ съ ножомъ. Наконецъ, хозяинъ ошеломляетъ оленя ударомъ обуха по лбу и въ тотъ же моментъ животному перерѣзывается горло, причемъ перехватываютъ и перевязываютъ жилы, чтобъ драгоцѣнная кровь не пропала напрасно. Съ груди и ногъ сдирается шкура и отвертывается, сердце прокалывается, но такъ, чтобъ кровь вся осталась внутри.

Хозяинъ и почетные гости берутъ себѣ сало со спиннаго хребта, почки и филей. Куски эти обмакиваются въ кровь и ловко обрѣзываются ножомъ надъ самымъ ртомъ полудикаго гастронома. Остальные приглашонные объѣдаютъ ребра, запивая ихъ тою же кровью. Ничто не можетъ быть поразительнѣе этой картины. На всѣхъ лицахъ — неномѣрная жадность, всѣ вымазаны и облиты кровью, всѣ трудятся надъ сырою кровавою массой, а кругомъ нетерпѣливо тявкаютъ собаки, возятся дѣти и неподвижно стоятъ, въ ожиданіи своей очереди, безответныя иньки. Иньки приступаютъ къ пиршеству только тогда, когда ихъ повелители насытятся, т. е. когда отъ животнаго останутся почти однѣ кости. Если приглашенныхъ было мало, почему осталось еще мяса, оно складывается и сохраняется на слѣдующій разъ. А женщины должны довольствоваться одними остатками отъ костей да объѣдками. Рыбу самоѣды ѣдятъ вяленую, вареную и жареную, Вяленая приготовляется въ ямахъ, въ которыхъ и получаетъ отвратительный прокислый запахъ. Дикую птицу, т. е. гусей, утокъ, лебедей, бѣлыхъ куропатокъ, гагаръ, тетеревовъ и рябчиковъ они солятъ и заготовляютъ на зиму весьма незначительное количество, хотя, по многочисленности своей, дичь могла бы вполнѣ обезпечить имъ продовольствіе. Безпечность самоѣда въ этомъ отношеніи такъ описывается однимъ путешественникомъ: самоѣдъ ѣстъ пока имѣетъ еще что ѣсть, не думая о будущемъ; когда же придетъ время голодать, то онъ садится къ огню и въ полусонномъ положеніи плюетъ на него, помышляя о томъ, какъ бы помочь горю. Когда, дня черезъ два, голодъ возьметъ свое, онъ ловитъ изъ стада оленя, зарѣзываетъ его и забываетъ обо всемъ. При новой невзгодѣ, онъ идетъ просить помощи у богатаго родственника или милостыни у крестьянъ. Кромѣ всего этого, самоѣды ѣдятъ въ значительномъ количествѣ ягоду: бруснику, голубель и особенно морошку, которая, вмѣстѣ съ оленьею кровью, предохраняетъ ихъ отъ цынги. Многіе изъ самоѣдовъ пьютъ чай. Молоко, топленое масло, которое они глотаютъ кусками, — лакомства; за ними они готовы прокатиться 60 — 70 верстъ.

Самоѣды табаку не курятъ, а жуютъ. Но особеннымъ счастьемъ для себя считаетъ убогій инородецъ, когда плутоватый зырянинъ привезетъ въ тундру водку, разбавленную водой и часто замерзшую. Въ послѣднемъ случаѣ ледяная глыба разбивается на кусочки, и самоѣды глотаютъ ихъ, быстро пьянѣя. Пиръ переходитъ въ оргію, которая будетъ описана ниже.

Долгіе зимніе дни, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, самоѣдъ живетъ почти въ совершенномъ уединеніи. Рѣдко онъ соберется въ гости къ другому. При ихъ встрѣчахъ, разумѣется, начинаются пиры, закалывается олень, глотаются куски замерзшей водки. Все, какъ и

у другихъ номадовъ. Если только одно важное различіе: самоѣдъ совершенно лишенъ поэтическаго чувства. Скудость ли окружающей его природы, бѣдность ли его домашней обстановки, только онъ не знаетъ вовсе сказокъ, преданій и легендъ. Всѣ его воспоминанія о прошломъ заключаются въ удачной рыбной ловлѣ, ужасной степной пургѣ или безобразномъ пиршествѣ у такого же дикаря. Правда, существуютъ повѣрья о томъ, что мертвые встаютъ изъ могилъ, гонятся за живыми, когда тѣ проѣзжаютъ мимо; но и эти сказанія ограничиваются блѣдною передачею одного факта. Они не имѣютъ пѣсенъ вовсе по разсказу путешественниковъ *). Часто самоѣдъ, пересѣкая на нартѣ своихъ оленей пустыню, поетъ или, лучше сказать, тянетъ нараспѣвъ имена знакомыхъ ему людей, названія встрѣчающихся ему предметовъ — и только. Дальше не идетъ его фантазія. Впрочемъ, по ихъ религіознымъ преданіямъ, нужно заключить, что воображеніе нашего сѣвернаго кочевника отупѣло уже впослѣдствіи, подъ вліяніемъ тяжелой обстановки его жизни, постоянной борьбы съ эксплуатаціей разоряющихъ его зырянъ. Но вліяніе природы и тутъ оказывается довольно замѣтно. Самоѣды, живущіе близъ горъ Уральскихъ, населяютъ ихъ вершины духами, разсказываютъ о нихъ цѣлыя легенды. Эти номады служатъ исключеніемъ, а если вѣрить разсказамъ, вся остальная масса инородцевъ живетъ только животною жизнью.

Оленеводство для самоѣда — главный его промыселъ, необходимое условіе его существованія. Оно же заставляетъ его вести и кочевую жизнь. Какъ скоро стадо объѣло весь ягель вокругъ чума, инородецъ подымается и переноситъ свое жилье версты за четыре, верстъ за пять. Подъемъ его съ мѣста заслуживаетъ быть описаннымъ. Прежде всего женщины-иньки начинаютъ разбирать чумъ и складывать на нарты. Потомъ самоѣды отвязываютъ отъ саней собакъ и даютъ имъ сигналъ собрать оленей. Маленькія, кудлатыя, острорылыя собаченки кидаются въ степь, въ тундру и полукругомъ гонятъ стадо прямо къ чумовью. По серединѣ образуемой стадомъ бѣгущихъ оленей дуги стоитъ хозяинъ, выбирая олсней, которыхъ нужно запрячь въ сани. Онъ накидываетъ имъ на рога тынзей (арканъ). Въ однѣ сани запрягаются отъ четырехъ до шести оленей, управляемыхъ только одною возжею, прикрѣпленною къ первому передовому оленю, обыкновенно крайнему съ правой стороны. У возницы въ рукахъ находится длинный и тонкій шестъ — харей, которымъ онъ и подгоняетъ животныхъ. Самыя сани самоѣда удивительно примѣнены къ потребностямъ его жизни и, главное, къ условіямъ окружающей его тундры: онѣ легки и удобны. Ихъ

*) Фактъ этотъ, по моему мнѣнію, сомнителенъ. Вѣдь и у русскихъ лопарей отрицались пѣсни и преданія.

полозья такъ далеко отстоятъ другъ отъ друга, что провалиться въ трясину на нихъ невозможно. Полозья не прямо прикрѣплены къ санямъ, а находятся на подставкахъ, къ которымъ уже придѣлывается и сидѣнье. Олень въ полсутки можетъ сдѣлать отъ 80 до 100 верстъ, останавливаясь на каждыхъ 7 — 10 верстахъ перехватить снѣга и перевести дыханіе. Часто въ тундрѣ затруднительно бываетъ отыискать дорогу. Одна и та же ровная снѣговая гладь повсюду разстилается передъ самоѣдомъ, утомляя взглядъ и наводя даже на него непреодолимую тоску. Небо въ тучахъ. Ни деревца, ни пня... Казалось бы, гдѣ тутъ найти настоящій путь? Но самоѣдъ не теряется. Остановивъ оленей, онъ разрываетъ снѣгъ, разсматриваетъ таящійся подъ нимъ мохъ, кидается ничкомъ на снѣгъ и наблюдаетъ направленіе оставленныхъ вѣтромъ струекъ, беретъ снѣговые комья и узнаетъ, съ какой стороны они обледенѣли, т. е. гдѣ сѣверъ. Ночью, если видны звѣзды, то онъ легко по нимъ направляетъ путь. Но вотъ онъ знаетъ, что далеко гдѣ-то находится чумъ. Напрасно онъ всматривается въ лѣсистый горизонтъ — на немъ ничего не видно. Еще нѣсколько времени онъ ѣдетъ впередъ и потомъ дѣлаетъ громадный кругъ, въ предѣлахъ котораго должно быть отыскиваемое имъ жилье. Олени, въ это время, на бѣгу нюхаютъ воздухъ, и какъ только почуютъ дымъ и запахъ чума, тотчасъ же направляются къ нему.

Въ Архангельской губерніи существуютъ собственно три разновидности оленей. Двѣ изъ нихъ — прирученныя — лапландская и самоѣдская, а третья находится еще въ дикомъ состояніи на громадномъ континентальномъ островѣ Новая Земля. Олень не требуетъ за собою никакого ухода, обезпечивая, въ то же время, жизнь, кровъ, одежду и способы передвиженія инородцамъ сѣвера.

Въ теченіе перваго года отъ рожденія олени у самоѣдовъ называются телятами, потомъ лоншаками и на третій годъ кладеные быками, а некладеные хорюями. Мѣха оленя раздѣляются на четыре разряда: пыжиковъ — мѣха мѣсячныхъ животныхъ, неблюевъ — двухмѣсячныхъ и потомъ маличную постель. Ижемцы-зыряне, когда задались цѣлью, во что бы то ни стало, подчинить себѣ и закрѣпостить самоѣдовъ, начали прежде всего вліять на уменьшеніе размѣровъ мѣстнаго оленеводства. Съ громадными стадами своими, вымѣненными у самоѣдовъ же на водку, они оттѣсняли небольшія стада несчастныхъ инородцевъ. Молодые телята (пыжики и неблюи), не выдерживая переходовъ, гибли и, такимъ образомъ, число оленей у исконныхъ обладателей тундры не увеличивалось Вотъ еще какъ описываетъ очевидецъ пріемы зырянъ. Для теленія лучшее мѣсто весною — окраина лѣсовъ, гдѣ снѣгъ стаеваетъ ран , чѣмъ внутри лѣса. Но такъ какъ многочисленныя стада ижемцевъ весною занимаютъ обыкновенно все пространство по границѣ лѣсовъ

отъ тундры, то самоѣдамъ остается только выходить на открытую тундру или болѣе углубляться во внутренность лѣсовъ; но въ лѣсахъ въ это время года снѣгъ бываетъ такъ глубокъ и покрытъ такою жесткою корой, что подъ нимъ не только молодому теленку, но и старому оленю почти невозможно добыть корма; въ чистой же тундрѣ не перестаютъ еще бушевать пурга и мятели, самыя гибельныя для молодыхъ оленей.

Таковы разбойничьи пріемы зырянъ. Оградить исконныхъ обладателей тундры отъ этихъ безпощадныхъ хищниковъ трудно. Зыряне дѣлаютъ еще болѣе возмутительныя вещи. Они, напримѣръ, отгоняютъ самоѣда отъ рыбнаго промысла на рѣкахъ, принадлежащихъ самоѣдамъ. Эксплуатируемые самоѣды рѣшаются приступать къ ловлѣ только тогда, когда зыряне, окончивъ свой промыселъ, оставятъ берега. Понятно, какъ это отражается на экономическомъ положеніи номадовъ отдаленнаго сѣвера.

— Нѣтъ у хасовы олешка нонче, разсказывалъ мнѣ одинъ большеземелецъ, — нищій сталъ самоѣдъ. Скоро неча ѣсть будетъ. Коли Ижма не возьметъ въ работу — хошь помирай совсѣмъ.

— Отчего же вы не отстояли своихъ стадъ?

— Хитра Ижма. Зырянинъ въ тундру съ водкой ѣздитъ. Напъ хасова дуракъ, сначала напьется, а послѣ дѣла ладитъ. Глядишь и нѣтъ олешка, и ѣсть не порато много приходится.

Богачи самоѣды въ настоящее время не что иное, какъ пастухи собственныхъ стадъ своихъ, служащіе по найму у зырянъ. Водка сгубила ихъ, отняла у нихъ единственное достояніе, и, если правительство не обуздаетъ мошенничества ловкихъ ижемцевъ, то окончательное истребленіе самоѣдовъ весьма недалеко. Уродливость этихъ дикарей препятствуетъ сліянію ихъ съ русскими путемъ брачныхъ союзовъ, а водка, ижемцы, оспа и тифъ низвели нѣкогда 70,000-ное племя до 6,000 наличныхъ его членовъ въ настоящее время.

Впрочемъ и администрація безсильна въ этихъ безконечныхъ пустыняхъ сѣвера, гдѣ произволъ и сила парализуютъ законъ, а полицейскій надзоръ невозможенъ. Здѣсь могли бы принести должную пользу лишь разумныя экономическія мѣры, какъ то устройство хлѣбныхъ магазиновъ для самоѣдовъ въ самой тундрѣ, обложеніе высокимъ налогомъ права на пользованіе ижемцемъ моховыми пажитями, признаніе за самоѣдами исключительнаго владѣнія исконно-принадлежащими имъ тундрами.

Система захватовъ, усвоенная зырянами, рѣзко характеризуется нижеслѣдующимъ. Сначала богатыми владѣльцами стадъ, а слѣдовательно и конкурентами ижемцевъ были какъ многіе самоѣды, такъ и наши русскіе пустозеры; желая быть единственными хозяевами

оленей и тундръ, зыряне ухитрились вытоптать и истребить моховыя пастбища, какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Вытоптанный или вообще истребленный мохъ подымается вновь не ранѣе 30 лѣтъ, почему стада пустозерскія погибли съ голоду, и пираты сѣверныхъ пустынь, ижемцы, тѣмъ самымъ уничтожили возможность какой-бы то ни было конкуренціи съ ними.

Вмѣстѣ съ ижемцами, на уменьшеніе стадъ, принадлежащихъ самоѣдамъ, вліяютъ болѣзни и волки. Трудно сказать, который изъ этихъ трехъ бичей вреднѣе. Оленья чума еще недавно истребляла десятки тысячъ оленей въ Большеземельской тундрѣ. Дождь, стекая по рогамъ, мочитъ голову, а при внезапномъ переходѣ и стужѣ, темя мерзнетъ и леденѣетъ, отчего образуются головныя болѣзни у животныхъ. Волки повсюду слѣдуютъ за оленями стадомъ и отбиваютъ отставшихъ животныхъ, а часто случается, что въ темныя ночи вырѣзываютъ цѣлые косяки ихъ. Только стада ижемцевъ охраняются отъ нападенія этихъ хищниковъ, именно, при каждомъ находятся до пяти караульщиковъ, которые и проводятъ безсонныя ночи, перекликаясь, производя шумъ трещотками и выстрѣлами.

Всякій ижемскій голышъ, желая немного поправить свои обстоятельства, запасается водкой, табакомъ и другими предметами и отправляется съ ними въ тундру. Тутъ онъ выбираетъ кочевье побогаче спаиваетъ хозяина-самоѣда, его инекъ, его дѣтей и потомъ уже начинаетъ торгъ съ нимъ на остальное количество привезенной съ собою водки. Самоѣдъ отдаетъ за нее добычу прошлаго промысла, добычу будущаго, оленей, мѣха. Еслибъ его иньки пользовались какимъ-нибудь значеніемъ на мѣстномъ рынкѣ, онъ отдалъ бы и ихъ. Такимъ образомъ, водка прібрѣтена, и, вслѣдъ затѣмъ, начинается оргія. Пьяные самоѣды визжатъ, дерутся. Иньки, забывая почтеніе къ своему повелителю, таскаютъ его за волосы; наконецъ, перепившись до безчувствія, падаютъ на снѣгъ, гдѣ и засыпаютъ до утра. Утромъ — голова трещитъ, нужно выпить еще; смѣтливый зырянинъ тутъ какъ тутъ. Въ обмѣнъ на водку, идутъ остальные олени. Дѣло иногда кончается тѣмъ, что самоѣдъ изъ богатаго хозяина дѣлается тутъ же работникомъ зырянина, захватывающаго его стада, его имущество и, наконецъ, его самого, какъ рабочую силу. Замѣчательна честность самоѣда. Не было случая, чтобъ номадъ обманулъ такого проходимца. Такой образъ дѣйствій привелъ къ тому, что нынѣче на каждаго оленевода-зырянина, неимѣвшаго прежде ни одного оленя, приходится ихъ по 600 головъ, а на каждаго оленевода-самоѣда, нѣкогда единственнаго владѣльца стадъ, не достанется и 10 головъ. Одновременно съ обѣдненіемъ самоѣдовъ, начало и вырождаться это племя. Зыряне внесли сюда пьянство, русскіе — сифилисъ. Эти бичи развивались безпрепят-

ственно. Администрація тридцатыхъ годовъ не только не озабочивалась спасеніемъ беззащитныхъ инородцевъ но даже требовала, просто-напросто, всѣхъ самоѣдовъ взять да выселить хоть въ Сибирь, основывая необходимость этой радикальной мѣры на внѣшнемъ безобразіи несчастныхъ инородцовъ, производившихъ на какое-нибудь превосходительство непріятное впечатлѣніе во время объѣзда губерніи. Мѣстныя власти брали съ самоѣдовъ взятки огуломъ. Не гнушались ничѣмъ: брали и мѣхами, и рыбой, и птицей, и оленями, и деньгами, и морошкой. Цѣлыя кочевья инородцевъ углублялись въ тундры, переходили въ безотчетномъ страхѣ за Уралъ — въ васюганскія тундры Сибири, когда узнавали, что ихъ собирается посѣтить покровительствующая имъ власть. Чиновники грабили ихъ, зыряне обкрадывали и эксплуатировали, русскіе - тоже. Понятно, что при такихъ условіяхъ болѣе энергическое и предоставленное самому себѣ племя, пожалуй, и вознегодовало бы; но самоѣды были слишкомъ миролюбивы для этого и безотвѣтно подчинились ворамъ. Начиная съ этого времени, племя вырождается съ поразительною быстротой. Въ сороковыхъ годахъ властные люди опомнились и стали сочинять проекты о поддержкѣ самоѣдовъ но было уже поздно. Зыряне стали въ тундрѣ полными хозяевами и распорядителями. Еще чиновникъ Ислaвинъ, одинъ изъ лучшихъ людей этого края, въ 1844 году нашелъ, что на 1470 человѣкъ зырянъ приходится работниковъ-пролетаріевъ изъ самоѣдовъ 333 человѣка мужчинъ, 343 женщины и 163 человѣка дѣтей. Съ тѣхъ поръ язва эта все развивалась. 1,400 человѣкъ самоѣдовъ (ихъ всѣхъ было до 5,000 человѣкъ) оказались неимѣвшими ни одного оленя. Рабочіе у зырянъ пищу получаютъ скверную и недостаточную: палыхъ оленей, гнилую или мелкую рыбу, выбрасываемую собакамъ; вмѣсто одежды — лоскутья, остающіеся отъ шитья малицъ. Плата деньгами не простирается выше 4 р. 20 коп. *въ годъ* на семейство; но и эти деньги остаются въ рукахъ у хозяина за вино и табакъ. «Нѣкоторые зыряне — говоритъ Ислaвинъ — заставляютъ самоѣдовъ служить у себя за долги отцовъ, за долги, о которыхъ сыновья и не слыхивали. Ижемцы берутъ ихъ съ собою въ тундру *насильно* и не отпускаютъ никуда, а такъ какъ инородцамъ жаловаться нѣкуда, то они поневолѣ остаются у хозяевъ за вымышленные долги отцовъ и впадаютъ въ вѣчную кабалу.» Все это вызвало страшное развитіе нищенства между самоѣдами. Пустозерскъ, Усть-Цильма, Пинега, Мезень, Архангельскъ видятъ на своихъ улицахъ цѣлыя семейства этихъ нѣкогда богатыхъ владѣльцевъ стадъ просящими милостыню. Нѣкоторые обѣднѣли до того, что не имѣютъ и собственныхъ чумовъ, а живутъ на замшевыхъ заводахъ у зырянъ, которые тотчасъ же выгоняютъ ихъ на всѣ четыре стороны, какъ только оканчивается

работа. «Между ними есть такіе, у которыхъ зыряне грабежемъ отняли оленей. Русскіе и зыряне до того презираютъ ихъ, что обидѣть и обобрать бѣднаго самоѣда набожный и суевѣрный печорскій житель никакъ не считаетъ грѣхомъ. Словомъ, это истинные паріи русскаго сѣвера.»

Люди, хорошо знающіе самоѣдовъ, говорятъ, что они отличаются смѣлостью и смѣтливостью на промыслѣ и трудолюбіемъ. Ихъ держатъ у себя пустозерцы для самыхъ отдаленныхъ промысловыхъ экспедицій на Вайгачъ и Новую Землю. Безъ нихъ русскіе этого края не осмѣлились бы отважиться на такія опасныя предпріятія. Ижемцы у лучшихъ озеръ и рѣкъ поставили свои становыя избы. Устроивъ это, они считаютъ себя единственными обладателями этихъ озеръ и рѣкъ. Въ пустынѣ самоѣду не найти управы на ижемца; слѣдовательно, поневолѣ приходится признавать право силы. Въ этихъ же центрахъ распространенія кабалы ижемцы снабжаютъ самоѣда, отправляющагося на промыслы, орудіями, пищею и одеждой. За вещь, стоющую 1 рубль, ижемцы берутъ 3, 4 и 5 руб.; такъ, напримѣръ, за пудъ соли—пять оленьихъ шкуръ или шесть бѣлыхъ песцовъ, за пудъ муки—десять песцовъ, за пудъ масла—до 30-ти песцовъ. Возвращаясь съ промысла, самоѣдъ не минуетъ становой избы: она нарочно и ставится въ такихъ мѣстахъ; если, по отдачѣ долга, у охотника остается еще на рукахъ часть добычи, на сцену является водка и табакъ, и въ концѣ-концовъ самоѣдъ отправляется домой съ пустыми руками.

Занявъ лучшія озера и рѣки, зыряне и русскіе не только пользуются здѣсь выгоднѣйшею порою лова, но, и окончивъ свой промыселъ, не даютъ самоѣду пользоваться угодьемъ. Инородецъ, являясь сюда, находитъ мохъ вокругъ промысловаго мѣста вытоптаннымъ и не имѣетъ уже возможности заняться ловлей рыбы, такъ какъ ему нечѣмъ кормить своихъ оленей. Вслѣдствіе такого порядка, на каждаго самоѣда-рыболова добытой имъ рыбы не придется и на 3 руб. въ годъ, тогда какъ ее же ижемцы продаютъ на сотни тысячъ рублей. Замѣчательно, что всѣ эти безобразія творятся въ тундрѣ, которая юридически со всѣми своими мховыми пастбищами, озерами и рѣками принадлежитъ самоѣдамъ. Это — хищничество, разбой и грабежъ, которыхъ прекратить нельзя. Какая полиція, какая администрація сдѣлаетъ что-нибудь въ отдаленныхъ пустыняхъ сѣвера, да еще и при безотвѣтности самоѣдовъ, неосмѣливающихся и подумать о жалобѣ властному лицу на это систематическое, захватившее ихъ со всѣхъ сторонъ, мошенничество?

Самоѣды, когда имъ удастся добиться промысла на рѣкѣ, семгу ловятъ заколами, какъ и пустозерцы; они запасаются ею на зиму и легко обходятся безъ хлѣба, если подъ руками имѣются иные запасы.

Видъ Уральскихъ горъ съ р. Хай-яги.

Рыбу они сушатъ, развѣшивая на жердяхъ; въ этомъ видѣ она можетъ быть сохраняема весьма долгое время. Оленью кровь они пьютъ и отдѣльно, считая ее особеннымъ лакомствомъ. Благодаря этому обычаю, цынга между ними весьма рѣдка. Языки, сало и окорока оленей они запродаютъ купцамъ для доставки въ Архангельскъ, населеніе котораго такимъ образомъ довольно дешево пріобрѣтаетъ эту вкусную, питательную и здоровую пищу. Оленьи кожи скупаются зырянами, которые вырабатываютъ изъ нихъ въ Ижмѣ, Мохчѣ и др. своихъ селеніяхъ превосходную замшу, тонкую и нѣжную, неуступающую шведской.

Самоѣды сосутъ водку въ видѣ ледяныхъ кусковъ, считая это величайшимъ лакомствомъ. За водку они готовы отдать все: добычу пушнаго и рыбнаго промысла, будущій уловъ, свои стада, своихъ инекъ. Водка и табакъ — послѣдній предѣлъ ихъ блаженства. Жители Архангельска зимою видятъ самоѣдовъ валяющимися подъ заборомъ у кабаковъ. Пропивъ деньги, заработанныя перевозкою архангелогородцевъ по ставшей рѣкѣ на оленяхъ, самоѣдъ ложится гдѣ попало и съ выраженіемъ неизъяснимаго удовольствія на лицѣ, засыпаетъ до радостнаго утра.

Чадолюбивыя матери самоѣдки водятъ своихъ дѣтей въ питейные дома, точно такъ же какъ добрыя наши маменьки водятъ своихъ чадъ въ театры. Самоѣды пріучаются пить чуть-ли не съ младенчества. Въ тундрѣ нерѣдко можно видѣть драки пьяныхъ дикарей. Они рвутъ другъ друга за волосы, наклоняя головы до земли, царапаются, визжатъ какъ кошки, и падаютъ къ ногамъ торжествующаго врага. Въ этомъ состояніи женщины-иньки, благоговѣющія въ обыкновенное время передъ своими мужьями, дуютъ ихъ чѣмъ ни попало и ревутъ до изступленія.

Морскіе промыслы тоже отняты у самоѣда. Тутъ уже хищниками являются одни русскіе, занявшіе всѣ лучшія бухты и губы мезенскаго берега и понастроившіе здѣсь своихъ становищъ. Самоѣдамъ остались только такія мѣста, куда морской звѣрь не заходитъ вовсе или заходитъ рѣдко. Сверхъ того, у инородца мало или вовсе нѣтъ орудій для этого промысла. Такимъ образомъ, не производя самостоятельныхъ охотъ за нерпой, моржомъ и морскимъ зайцомъ, самоѣдъ на самыхъ безвыгодныхъ условіяхъ нанимается къ русскому въ покруты. Охота за лисицей и песцами тоже отнята у самоѣда. Русскіе и ижемцы не бьютъ лисицъ и песцовъ, а просто вынимаютъ ихъ дѣтенышей изъ норъ и выкармливаютъ ихъ у себя; при этомъ они повреждаютъ норы шестами или окуриваютъ ихъ дымомъ. Въ такого рода окуренныя норы песцы никогда не возвращаются. Всѣми остальными промыслами въ тундрѣ завладѣли также ижемцы.

Еще тридцать лѣтъ назадъ, Ислaвинъ говорилъ: «Если не означить ижемцамъ предѣловъ, въ которыхъ дозволено имъ двигаться, и не далѣе, и не наблюдать строго за ними, *то десятка черезъ два* лѣтъ они также наводнятъ стадами своими Тиманскую тундру и землю сибирскихъ самоѣдовъ, какъ занимаютъ теперь все пространство Большеземельской тундры.». Это предсказаніе исполнилось въ точности. Не смотря на то, что Ислaвинъ былъ командированъ въ тундру для того, чтобъ найти средства гарантировать самоѣдамъ ихъ права, спасти ихъ отъ эксплуатаціи, на выводы его министерство не обратило тогда никакого вниманія. Нечего и посылать своихъ чиновниковъ, когда ихъ заключеніямъ не даютъ никакого хода. Съ 1844 по 1859 годъ не прошло и 15-ти лѣтъ, а уже всѣ предсказанія Ислaвина оказались дѣйствительностью. По всей вѣроятности, и теперь для этого несчастнаго племени не будетъ сдѣлано ничего; пусть же, по крайней мѣрѣ, хоть общество знаетъ, что̀ творится въ глуши нашихъ окраинъ.

Предоставленные сами себѣ, самоѣды были бы весьма счастливы, еслибы не вопіющее мошенничество ихъ сосѣдей — зырянъ. Зимою самоѣды кочуютъ въ лѣсахъ или близъ горныхъ отроговъ, лѣтомъ перебираются на сѣверъ. Рѣдко болѣе четырехъ или пяти дней они живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Выѣдятъ олени бѣлый мохъ или листву керча — и кочевье перебирается дальше. Лѣтомъ самоѣды посѣщаютъ другъ друга, родныхъ и знакомыхъ, переѣзжая отъ чума до чума, богатые на кладеныхъ, а бѣдные на простыхъ оленяхъ. Семейства ихъ въ это время заготовляютъ новые чумы, одежду, готовятъ пищу. Въ промысловое время самоѣды запасаются рыбой, птицей и саломъ (ворванью). Оленьи стада отъѣдаются на просторѣ. Толстѣютъ и собаки, охраняющія ихъ и дорого цѣнимыя въ тундрѣ. Вообще нужно замѣтить, что безъ оленя и собаки самоѣду нельзя сдѣлать и шага. Посмотрите на кочевье вечеромъ: какъ хороши эти животныя! «Собаки съ лаемъ сгоняютъ оленей въ густую толпу, а между тѣмъ матки съ отягощенными сосцами весело прыгаютъ; спугнутые собаками, самцы величаво подымаютъ свои красивые рога. Согнанные въ кучу, они бодаются между собою.» Осенью шкура оленя густѣетъ, онъ пріобрѣтаетъ болѣе силы и легкости. Въ теченіе десяти часовъ ему удается сдѣлать до ста миль. Извѣстно, что во дворцѣ шведскаго короля находится чучело сѣвернаго оленя, сдѣлавшаго въ двое сутокъ 800 англійскихъ миль. Охота на сѣвернаго оленя весьма оживляетъ однообразіе полярной жизни. Въ первыхъ числахъ іюня дикія стада ихъ посѣщаютъ тундры и отъѣдаются чрезвычайно быстро. Въ это время ихъ бьютъ и ловятъ самоѣды, остяки и другія племена нашихъ отдаленныхъ окраинъ.

Лѣто, какъ мы выше замѣтили, — краткій праздникъ самоѣда.

Даже и животныя радуются наступленію теплыхъ дней, медвѣди любезничаютъ съ своими самками, лисицы и песцы нѣжатся на солнцѣ, въ озерахъ и рѣкахъ стоитъ неумолкаемый гулъ и стрекотъ отъ разной птицы, собирающейся сюда для вывода дѣтенышей.

Хороши эти свѣтловодныя озера въ изумрудныхъ и коралловыхъ берегахъ моховыхъ пажитей. «Мы, разсказывалъ одинъ самоѣдъ г. Латкину, опускали въ одномъ озерѣ-камень на веревкѣ во 100 саженъ въ длину и не достали дна, а вода такъ свѣтла, что на двѣ сажени отчетливо видѣнъ песокъ береговъ ската. Въ одномъ мѣстѣ на большомъ озерѣ есть островъ, онъ весь изъ мѣдной руды разныхъ цвѣтовъ — зеленой, черной и мѣдянистой.»

Обильны эти тихія, кристальныя воды вкусною рыбой, которую ловятъ самоѣды неводами. Песцовъ и другихъ мелкихъ животныхъ они добываютъ кулемами. «Хороша наша веселая тундра. Привольно житье наше лѣтомъ, говорятъ дикари, избѣгая той же тундры зимою, когда крутятся въ ней бѣшеныя мятели, заметая и разметая снѣговыя горы.

Впрочемъ и тундра не вездѣ хороша лѣтомъ. Тамъ, хотя и рѣдко, встрѣчаются ручьи теплой, мутной и вонючей воды. Олени, пьющіе ее, околѣваютъ почти всегда. Губитъ ихъ и *чума* (сибирская язва) истребляющая стада въ тысячу головъ и болѣе, разоряя богатыхъ самоѣдовъ. Но за то встрѣчаются превосходныя пастбища, гдѣ оленямъ — водъ; таковы окрестности рѣки Хурмора и другихъ, вытекающихъ изъ отраслей Большеземельскаго хребта.

Громадно пространство тундръ, гдѣ кочуютъ самоѣды! На нѣсколько тысячъ верстъ въ длину и на пятьсотъ верстъ въ ширину раскидываются ихъ необозримыя глади. Низшій размѣръ ихъ площади доходитъ до пятисотъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Зимою, рѣдко выходя изъ мрака, это царство полярной ночи замираетъ въ долгой летаргіи, но съ половины мая до половины іюля солнце не заходитъ за горизонтъ. Теплые южные вѣтры располагаютъ самоѣда къ нѣгѣ, а прохладныя ночи возстановляютъ его силы, которыя безъ того бы упали подъ вліяніемъ дневнаго жара.

— Что вы дѣлаете зимою? спрашиваете у самоѣда.

— Спимъ.

— Неужели все спите?

— Спать здорово самоѣдъ. Очень спать, медвѣдь спитъ и самоѣдъ спитъ — время такая.

Этимъ почти исчерпываются всѣ занятія въ теченіе большей половины года. Зимняя спячка — явленіе свойственное полярному поясу. Норвежскіе лопари или лапландцы тоже отличаются удивительною сонливостію зимою.

Самоѣды весьма несообщительны, не смотря на удивленіе, возбуждаемое въ нихъ европейскою жизнью и предметами, которые не встрѣчаются въ его скудномъ обиходѣ.

Войдите къ нему въ чумъ. Тупо оглядитъ онъ васъ съ головы до ногъ и отодвинется отъ огня, давая вамъ мѣсто присѣсть. Голыя дѣти, выскочивъ изъ подъ оленьихъ шкуръ, гдѣ они копошились до вашего прихода, уставятся на васъ, разинувъ ротъ и почесывая животы, безобразно отвисшіе надъ ихъ короткими ногами. Развѣ инька, любопытная, какъ и всѣ красивыя и уродливыя дщери общей праматери нашей Евы, начнетъ васъ выспрашивать обо всемъ и то кратко, сонно. Несловоохотливость самоѣдовъ нельзя приписать бѣдности ихъ языка; напротивъ, онъ весьма богатъ для этого дикаго племени. Онъ даже отличается правильностію и выработанностію, какъ и всѣ нарѣчія сибирскихъ инородцевъ.

Къ чиновникамъ и вообще людямъ офиціознаго міра самоѣды относятся съ крайнимъ подобострастіемъ и униженіемъ. Къ этому пріучили ихъ запугиванія властныхъ людей славнаго стараго времени, когда несчастные самоѣды цѣлыми кочевьями удирали въ неизвѣданную глубь своихъ безконечныхъ тундръ при первой вѣсти о приближеніи великаго или малаго чиновника. Даже священники и тѣ больше занимались разведеніемъ оленьихъ стадъ насчетъ своихъ простодушныхъ прихожанъ, чѣмъ утвержденіемъ между ними христіанства. Однимъ изъ рѣдкихъ исключеній былъ въ этомъ отношеніи о. Иннокентій, нынѣ живущій въ Архангельскѣ, котораго добросовѣстную дѣятельность среди мезенскихъ инородцевъ оцѣнилъ путешественникъ сороковыхъ годовъ Латкинъ. О. Иннокентій въ совершенствѣ изучилъ языкъ, нравы, обычаи и характеръ самоѣдовъ и былъ между ними дѣйствительнымъ представителемъ цивилизованнаго начала. Священникъ для самоѣдовъ имѣетъ весьма важное значеніе. Это не только пастырь духовный, но и мировой судья между ними и посредникъ ихъ съ начальствомъ, и заступникъ въ ссорахъ и распряхъ съ ижемцами и русскими.

Какъ безцеремонно относились къ самоѣдамъ люди, призванные къ защитѣ ихъ интересовъ и къ охраненію общественной безопасности, — видно изъ нижеслѣдующихъ строкъ А. Михайлова, посѣщавшаго Малоземельскую тундру нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

«Вспомня о старинѣ, самоѣдъ, говоритъ онъ, горько жаловался на притѣсненія отъ властей и со стороны русскаго населенія края. Чиновники били ихъ, а мезенцы стрѣляли у нихъ оленей; теперь оленей у нихъ не бьютъ и чиновники ихъ не обижаютъ, но за то чума опустошаетъ [illegible] стада.»

Интересно знать, что было страшнѣе для самоѣда: мелкотравчатое

чиновничество, подвизавшееся нѣкогда на широкомъ поприщѣ благопріобрѣтеній, или сибирская язва со всѣми ея ужасами?

Обращеніе самоѣдовъ въ христіанство началось давно. Еще въ 1780 году въ Архангельскую семинарію было принято нѣсколько мальчиковъ изъ этого племени, оказавшихъ затѣмъ весьма быстрые успѣхи въ наукахъ и достигшихъ до класса реторики и философіи, но, къ несчастію, сыны полярныхъ пустынь не вынесли вліянія душнаго города. Неудобная пища и комнатный воздухъ убили ихъ жизнь. Въ 1822 году священникъ Федоръ Истоминъ, отправленный въ тундру, обратилъ нѣсколькихъ самоѣдовъ въ христіанство; но самый важный шагъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ сійскимъ архимандритомъ Веніаминомъ, личность котораго можетъ послужить примѣромъ апостольской дѣятельности для всякаго миссіонера. Съ 1825 по 1830 года, онъ съ назначенной въ помощь ему коммиссіей крестилъ 3,303 самоѣда. Для лучшаго вразумленія незнавшихъ русскаго языка дикарей, Веніаминъ составилъ грамматику и лексиконъ самоѣдскаго языка, перевелъ на него Евангеліе и нѣкоторыя другія книги. «Глубокія истины слова Божія, говоритъ онъ, восхищали самоѣдовъ, когда они слышали ихъ въ звукахъ понятныхъ, на своемъ собственномъ языкѣ.»

Хорошіе миссіонеры будутъ имѣть громадное значеніе въ средѣ этого податливаго племени. Съ 1830 года крещенія между самоѣдами повторялись уже не столь часто, и никогда больше не случалось обращеній въ христіанство цѣлыми массами, но это необходимо приписать отсутствію хорошихъ проповѣдниковъ слова Божія. Большая часть самоѣдовъ осталась идолопоклонниками. Даже и крестившіеся сохранили суевѣріе. Прадѣдовскій культъ цѣпко держится среди дикарей, предоставленныхъ самимъ себѣ, лицомъ къ лицу съ грозной и безпощадной природой сѣвера. Не смотря на это, самоѣды, крещеные и некрещеные одинаково питаютъ вѣру въ святит. и чудотв. Николая, какъ тѣ, такъ и другіе передъ охотою и промыслами даютъ ему обѣты, и въ случаѣ удачи приносятъ ему въ даръ часть добычи. Идолопоклонники называютъ его Святымъ Николой и чтутъ наравнѣ съ своими богами, считая его также богомъ. Обѣщанія, данныя ему, исполняются свято; въ противномъ случаѣ, по убѣжденію самоѣдовъ, ихъ ожидаетъ страшная кара. Одинъ самоѣдъ объяснилъ мнѣ:

— Святой Никола — большой богъ. Онъ все можетъ сдѣлать, что захочетъ. Онъ за наши грѣхи отдалъ стада и тундру нѣмцамъ. Святой Никола все видитъ. Хорошаго человѣка наградитъ онъ обильною ловлею, дурному не дастъ ничего. Я всегда, какъ идти на охоту или на промыселъ, колю святому Николѣ оленя. Разъ я передъ ловомъ рыбы — не далъ ему ничего, и онъ мнѣ тоже не послалъ ни одной рыбы, такъ я съ пустыми руками и ушелъ. Кого на морѣ буря

застанетъ — молись святому Николѣ. Кто съ медвѣдемъ въ тайболѣ встрѣтится, призови св. Николу. Коли мятелица-пурга занесетъ тебя въ тундрѣ зимою — проси св. Николу, онъ тебя отъ всего спасетъ.

Въ тундрахъ самоѣдовъ находятся два храма. Одинъ при рѣкѣ Нѣсь въ Канинской тундрѣ, другой близъ рѣки Колвы — въ Большеземельской среди дремучихъ лѣсовъ и неисходныхъ пустынь. Послѣдній покрытъ тесомъ и выкрашенъ; два священника, дьяконъ и два причетника изъ самоѣдовъ составляютъ ея клиръ. Колвинскій погостъ мало посѣщается лѣтомъ, за то зимою къ нему, какъ къ общему центру, стекаются крещеные и некрещеные самоѣды. Наплывъ прихожанъ особенно усиливается къ празднику крещенія (6 января). Вокругъ церкви образуется громадное и веселое кочевье. Дикари въ легкихъ саняхъ снуютъ во всевозможныхъ направленіяхъ, вездѣ колютъ оленей, раздаются звуки торжества и крики опьянѣвшихъ инекъ. Дымъ высоко подымается въ ярко синее небо изъ многочисленныхъ чумовъ, набросанныхъ по тундрѣ, то поставленныхъ красивыми уступами, то растягивающихся волнистыми линіями. Пустыня оживляется и кишитъ словно муравейникъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ праздника, мертвая глушь вновь охватываетъ обезлюдѣвшій погостъ. Тихо, тихо кругомъ него. Осыпанныя снѣгомъ, словно молодымъ легкимъ пухомъ, недвижно стоятъ мелкорослыя ели. Ослѣпительно сверкая подъ солнцемъ, ложится дальше необъятная, бѣлая пустыня. Порой мелькнетъ по ней дичь, олень — и снова безконечныя глади мертвѣютъ до вечера, когда надъ ними низко, низко падаютъ и стелются синіе туманы...

Некрещеные самоѣды исповѣдуютъ шаманство. Вотъ общій очеркъ ихъ вѣрованій:

Высоко въ синемъ небѣ, за яркими звѣздами, за *матушкой* луною, за сѣрыми тучами живетъ верховное существо, творецъ всего сущаго — богъ *Нумъ*. Онъ вѣченъ и всемогущъ. Онъ — *Тявуй-Нумъ* — вышній богъ. Онъ — *Илевбирте Нумъ* жизнедавецъ богъ. Отъ него — все, что живетъ и дышитъ: и олени, и люди, и духи, и ошкуй, въ льдахъ далекаго моря, и семга въ рѣкѣ, и птица въ воздухѣ. Отъ него все, что растетъ и кроется подъ землею. Отъ него все, что было и будетъ... Онъ добръ — и потому не можетъ жить на землѣ, гдѣ творится всякое зло. Онъ никогда не вредитъ людямъ. Имя его не произноси всуе. Отъ Нума произошелъ А — діаволъ, духъ зла, котораго необходимо умилостивлять частыми жертвами. Отъ Нума произошли и *тадебцыи* — духи нечистые, бѣсы, хотя и подчиненные Нуму, но помимо его воли творящіе всевозможное зло. Бѣлые тадебцыи — бѣсы воздуха, зеленые и черные тадебцыи — злые геніи земли. Ихъ всѣхъ

ы темъ, имъ нѣсть числа, ихъ столько на землѣ сколько снѣжи-
къ въ тундрѣ, ихъ столько въ воздухѣ, сколько звѣздъ на небѣ.

Нумъ не имѣетъ идоловъ. Онъ неизобразимъ. Человѣкъ не можетъ
едставить его себѣ ни въ какомъ видимомъ образѣ. Это безплотное
яніе добра и жизни, безформенное, великое.

Тадебцыи изображаются въ видѣ *хеговъ* (идоловъ) — деревянныхъ
и каменныхъ. *Хегъ*, или *Хеге* — конусообразный пень, кверху за-
стренный, снизу съ аляповато-выдолбленными глазами и ртомъ.
менные хеги лишены и послѣдняго украшенія. Хеги или ставятся
мѣстахъ общественнаго служенія и въ такомъ случаѣ они при-
длежатъ всему племени, или же находятся въ урочищахъ, посѣщае-
ихъ какимъ-нибудь однимъ семействомъ, и принадлежатъ ему исклю-
тельно. Небольшіе домашніе хеги хранятся въ опредѣленныхъ для
ого санкахъ, противъ чумовъ, но непремѣнно внѣ ихъ. Ихъ одѣ-
ютъ въ малицы и суконные кафтаны, мажутъ имъ губы жиромъ и
овью оленей. Хегъ пользуется этими почестями въ томъ случаѣ,
ли его поклонникъ пользуется удачею въ своихъ предпріятіяхъ, въ
отивномъ случаѣ несчастнаго бога немилосердно сѣкутъ оленьими
нями и съ презрѣніемъ выбрасываютъ вонъ. На опредѣленныхъ для
го мѣстахъ, при рожденіи или смерти самоѣда, выставляются особые
олы.

Кромѣ всѣхъ этихъ идоловъ, дикари ставятъ хеговъ на вершинахъ
ръ или при песцовыхъ и лисьихъ норахъ. Участь этихъ боговъ
ьма плачевна. Если звѣрку удастся избѣжать ловушки — хегу до-
ается жестоко отъ взбѣшеннаго самоѣда. Онъ его бьетъ, издѣвается
дъ нимъ и, въ заключеніе, какъ самозванца и ложнаго бога свер-
етъ внизъ съ горы или просто бросаетъ.

На высокихъ горахъ, кромѣ хеговъ, ставятся сядеи — идолы, покро-
тельствующіе промысламъ. При неудачѣ улова ихъ бьютъ, свергаютъ
горъ; въ противномъ случаѣ — чествуютъ, приносятъ имъ жертвы.
уму приносится жертва на вершинахъ горъ. Это — бѣлый олень,
гораго давятъ жрецы. Мясо его съѣдается, а голова на шестѣ ста-
тся на самомъ возвышенномъ пунктѣ мѣстности. Самоѣды вѣрятъ,
о Нумъ въ это время лично присутствуетъ между ними, и потому
ихъ нестройной толпѣ царитъ тишина, и всѣ съ ужасомъ и благо-
вѣніемъ кланяются на востокъ. Діаволу *А* самоѣды приносятъ въ
ртву оленя или собаку. Животное также давятъ, съ тѣмъ разли-
емъ, что его ставятъ головою не на востокъ, какъ для Наума, а на
адъ. Какъ Нуму, такъ и А, жертвы можетъ приносить только то-
дій—жрецъ. Тадецыямъ приносятся тоже олени и собаки, а ихъ
оламъ, хегамъ, иногда коты и жеребцы, покупаемые нарочно для
го у русскихъ. Судя по нѣкоторымъ молитвамъ язычниковъ-самоѣ-

довъ, видно, что они солнце, луну и звѣзды тоже считаютъ божествами. Такъ, во время кудесничества надъ больнымъ тадибей поетъ: «Хаяръ нѣвьовія, прій приковъ, нумгы нявей, дадъ тиръ меда ситс нягеди дадъ сягада эдянди (солнце — мать, дѣдушка — луна, братцы — звѣзды и облака, возьмите его къ себѣ и сжальтесь надъ его недугомъ)». Землю же онъ умоляетъ: «Я хадаковъ одирадъ, едѣта нядандъ (Бабушка—земля, отпусти отъ себя больнаго...»).

Нѣкогда у самоѣдовъ были мѣста для общенародныхъ молитвъ нѣчто въ родѣ чудскихъ капищъ.

На безлюдныхъ островахъ Ледовитаго Океана, въ глуши дикихъ бухтъ, обставленныхъ крутыми, возносящимися къ небу утесами, бухтъ, на пустынныхъ берегахъ теряющихся въ тундрѣ рѣкъ, самоѣды ставили громадныхъ каменныхъ идоловъ. Сюда сходились для поклоненія кочевые пилигримы, раскидывая вблизи свои чумы и на нѣсколько дней наполняя отъ вѣка безмолвныя окрестности шумомъ, суетой и движеніемъ. Но Меккой и Мединой, Римомъ и Іерусалимомъ самоѣдовъ были два пункта: на островѣ Вайгачѣ и на Каниномъ Носу. На Вайгачъ пріѣзжали даже самоѣды изъ Тобольской губерніи. Тутъ, на сѣверномъ концѣ острова, стоялъ мужской, а на южномъ женскій идолъ. Первый назывался Весако (старикъ). Онъ имѣлъ семь лицъ. Нижняя часть идола состояла изъ трехъ граней. Этотъ идолъ былъ воздвигнутъ сатанѣ. Кругомъ шли въ нѣсколько рядовъ 450 идоловъ съ конусообразными головами, а невдалекѣ отъ идола находилась цѣлая груда оленьихъ головъ и череповъ бѣлыхъ медвѣдей (ошкуевъ), принесенныхъ въ жертву идоламъ. Еще далѣе — до сихъ поръ пугаетъ сѣверныхъ самоѣдовъ громадная пещера, вся усѣянная колосальными скалами. Во время даже слабаго вѣтра, въ пещерѣ слышны вой и гулъ — голоса А, по понятію инородца. Теперь эти идолы сожжены, и мисіонеры наши, въ излишней ревности своей, не сохранили даже остатковъ старинной утвари, находившейся здѣсь которая для археолога, изучающаго чудскія древности, не имѣла бы цѣны! На другомъ концѣ Вайгача находился идолъ бабушки-земли. Въ Каниной Землѣ есть небольшая роща, гдѣ прежде стояли сто деревянныхъ идоловъ. Всѣ эти идолы тоже сожжены. Хоть бы догадались нѣкоторые изъ нихъ прислать въ архангельскій и другіе музеи. Нѣтъ! И на это не хватило разума у нашихъ миссіонеровъ.

Иностранные мореходы, посѣщавшіе отдаленнѣйшія побережья Канинской и Большеземельской тундръ, изумлялись встрѣчая на безлюдныхъ повидимому мѣстахъ уединенныхъ бухтъ или на каменистыхъ плоскостяхъ береговыхъ окраинъ группы каменныхъ и деревянныхъ безобразно-изсѣченныхъ хеговъ весьма значительныхъ размѣровъ. Съ окровавленными отъ жертвенной оленьей крови устами, эти идолы

производили потрясающее впечатлѣніе на экипажи судовъ, мало знакомыхъ съ краемъ. Поэтому два или три путешественника считали культъ самоѣдовъ въ числѣ тѣхъ мрачныхъ религій, которыя требуютъ человѣческихъ жертвъ. Мы уже знаемъ, какъ ошибочны въ этомъ случаѣ были выводы наивныхъ мореплавателей. Мѣста, на которыя попадали путешественники, служили ареною общественныхъ богослуженій вблизи значительнѣйшихъ промысловыхъ урочищъ. Передъ началомъ охоты или рыбной ловли цѣлыя племена суевѣрныхъ дикарей собирались сюда, для умилостивленія грозныхъ идоловъ зла.

Архимандритъ Веніаминъ приводитъ у себя заповѣди самоѣдовъ. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ: Вѣруй въ вышняго Бога и почитай его. Почитй великаго Николу. Выполняй обѣтъ, какой далъ Богу и слугѣ божьему Николѣ. Вѣруй въ діавола и умилостивляй его, чтобъ не приключилось отъ него какой бѣды, или тебѣ самому, или семейству твоему, или оленямъ твоимъ; чтобъ онъ избавилъ тебя отъ болѣзни, помогъ въ промыслѣ. Вѣруй въ тадепцыевъ и призывай ихъ, чтобъ не причинили тебѣ зла. Не реви и не шуми поздно вечеромъ, дабы не заболѣть. Почитай отца и мать. Почитай и уважай старшихъ себя. Ни на кого понапрасну не наговаривай и ни надъ кѣмъ не смѣйся. Не убивай. Не дерись. Не воруй. Люби свою жену и не желай чужой. Всемѣрно старайся о сохраненіи оленей. Не гордись. Не пустословь. Не щеголяй. Не пьянствуй. Не будь сладкоѣдъ, а употребляй въ пищу, что̀ случится. Просящему у тебя давай, чтобъ не ушелъ отъ тебя безъ пособія, за это Нумъ дастъ тебѣ больше. Что̀ видишь — молчи, чтобъ не вышло отъ тебя какое-нибудь дѣло.

Шаманы или жрецы самоѣдовъ называются *тадибеями*. Званіе это наслѣдственно и преемственно, не только въ мужескомъ, но и въ женскомъ полѣ. Тадибей избирается *тадебцыемъ* — духомъ зла. Человѣкъ, предназначенный быть тадибеемъ — прежде всего духовидецъ. Еще въ младенчествѣ ему являются бѣлые, зеленые и черные духи. Будущихъ жрецовъ еще съ дѣтства пріучаютъ обращаться съ священнымъ *пензеромъ* (барабаномъ или бубномъ), имѣющимъ сверхъ-естественную силу. Кудесничанье тадибеевъ во время болѣзни какого-либо самоѣда, или при общихъ моленіяхъ называется *Самбадава*. Тадибеи совершаютъ жертвоприношеніе, изгоняютъ злыхъ духовъ, призываютъ помощь того или другаго тадебцыя при началѣ промысла.

Обрядъ самоѣдовъ имѣетъ таинственное значеніе. Онъ начинается съ вечера.

Тадибей при захожденіи солнца громко бьетъ въ священный пензеръ идоломъ, сдѣланнымъ въ видѣ колотушки и обтянутымъ тонкой оленьей шкуркой. По этимъ звукамъ во всѣхъ сосѣднихъ, иногда на цѣлую милю разбросанныхъ чумахъ, самоѣды знаютъ, что на другой

день готовится самбадава. Къ утру они всѣ въ сборѣ у чума больнаго или приносящаго жертву сосѣда. Является шаманъ. За нимъ всѣ входятъ въ чумъ. Жители садятся благоговѣйнымъ кружкомъ: мужчины направо, женщины налѣво. Тадибей одѣтъ въ характеристическій балахонъ, сшитый изъ замши и украшенный множествомъ бляхъ, бубенчиковъ, пуговокъ и костей. Голова его покрыта священной шляпой, одна изъ лопастей которой покрываетъ лицо тадибея. Послѣ краткаго воззванія тадебцыю, во время котораго тадибей лежитъ ничкомъ къ землѣ, онъ начинаетъ собственно самбадаву. Удары въ пензеръ постепенно усиливаются. Онъ выкрикиваетъ тадебцыя, зоветъ его — и на каждое слово своего жреца самоѣды, сочувственно воздыхая, восклицаютъ: гой! гой! гой!.. Наконецъ, видимый одному шаману, тадебцый является въ чумъ. Тадибей *приказываетъ* ему исцѣлить больнаго, или избавить стада отъ чумы, волковъ и голода, проситъ объ удачѣ предполагаемой охоты, рыбнаго промысла и проч.

Мало-по-малу тадибей оживляется. Движенія его становятся быстры и неровны; онъ приходитъ въ изступленіе, колетъ себя ножами, пронзаетъ ими тѣло, проситъ присутствующихъ наносить ему раны, продергиваетъ сквозь мускулы ремни, кривляется и бѣснуется, какъ одержимый пляскою Святаго Витта. Если тадебцый долго не отвѣчаетъ ему — онъ начинаетъ убѣждать и грозить, называя его товарищемъ, сулитъ ему обильныя жертвоприношенія и наконецъ падаетъ отъ изнеможенія.

Если при уколахъ ножа колдунъ не чувствовалъ никакой боли и на тѣлѣ вовсе не показалось крови — успѣхъ кудесничества несомнѣненъ; если же боль была, то это предвѣщаетъ несчастіе. Въ послѣднемъ случаѣ, для предотвращенія его, тадебцыи повелѣваютъ приносить жертвы Нуму, А, или имъ самимъ. Число жертвъ опредѣляется жадностью тадибея. Вообще нужно сказать, что тадибеи весьма ловкіе фокусники. Даже русскіе промышленики считаютъ ихъ великими колдунами и относятся къ нимъ съ уваженіемъ, нелишеннымъ значительной доли страха.

Позднимъ вечеромъ, въ окутанной тьмою тундрѣ, громко, наводя невольное уныніе, звучитъ пензеръ. Удары его слышны далеко. Вся окрестность наполняется ими, и въ чумахъ, расположенныхъ около знаютъ уже, что на утро назначена самбадава, на которую каждый самоѣдъ считаетъ непремѣнною своею обязанностью явиться съ инькой и ребятишками. Звуки, мало-по-малу, замираютъ... тише и тише.., вотъ послѣдній глухой ударъ пронесся въ воздухѣ и снова повсюду мертвая тишина, только гдѣ-то тявкаетъ собака, да издали, пугая стадо, доносится вой волковъ.

Варварскій обрядъ этотъ производитъ на посторонняго зрителя по-

трясающее впечатлѣніе. Извѣстный путешественникъ г. Максимовъ, чрезвычайно живо очертилъ поразительную сцену самбадавы. Понятно громадное вліяніе, которое при помощи всѣхъ этихъ кудесничествъ имѣютъ надъ дикарями ихъ тадибеи. Даже принимая христіанство, самоѣды относятся къ своимъ шаманамъ съ самымъ безграничнымъ уваженіемъ. Больной самоѣдъ христіанинъ, да и не больной тоже, повторяя христіанскія молитвы, совершаетъ затѣмъ самадаву—и успокоивается только при благополучномъ исходѣ послѣдней. Не смотря на крестъ, блестящій у него на шеѣ, онъ за пазухой таскаетъ непремѣнно нѣсколько уродливыхъ хеговъ.

Нуму самоѣды поклоняются на вершинахъ величавыхъ горъ. Тамъ они въ жертву ему *давятъ* непремѣнно бѣлаго оленя. От. Веніаминъ подробно говоритъ объ этой сценѣ. «Оленя давятъ веревкою за шею, ставя его головою на востокъ. Тадибей держитъ его за заднюю лѣвую ногу — громогласно взывая:

— Нумей (звательный падежъ отъ *Нумъ*) ти тюакръ темя пяндъ това хападъ!

Что значитъ:

— Богъ, мы приносимъ тебѣ оленя. Вотъ это твой — уведи!

Затѣмъ мясо его съѣдается сырьемъ, а голову вмѣстѣ съ костями кладутъ на возвышенномъ срубѣ. Дьяволу, тадебціямъ и хегамъ приносятся въ жертву олени и собаки Нѣкоторымъ хегамъ женскаго пола — коты.

Кромѣ того самоѣды поклоняются звѣздамъ, солнцу, мѣсяцу, землѣ, горамъ и морю.

Когда инька рожаетъ дитя, для нея ставится особенный чумъ сямай-мядико (поганый чумъ). Повитуха въ это время ходитъ отъ мужа къ женѣ и обратно, дознавая сколько разъ тотъ и другая измѣнили супружеской вѣрности. Эти признанія облегчаютъ муки родовъ. Если послѣдніе были трудны, значитъ кто-нибудь изъ супруговъ скрылъ свои погрѣшности. Призывается тадибей—онъ раскрываетъ не только всю подноготную, все прóшлое мужа и жены, но и предсказываетъ будущность новорожденнаго. Родильница считается нечистою въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Новорожденному дарится самка оленя и все ея потомство принадлежитъ ему. Имена ему назначаются, помимо христіанскихъ, и свои. Они больше случайны. Такъ, напримѣръ, Тарко (мохнатый), Бармя (черный), Ваталя (лишній), Яргадъ (плакса), Тигана (хворый), Тенеко (лисичка, по случаю хорошаго улова лисицъ), Нѣмя (нѣмецъ, потому что во время рожденія его, въ тундрѣ былъ путешественникъ нѣмецъ). Женскія имена также просты: Солоне (глупая), Майда (хромая), Янгей (кривая). Самоѣды-язычники имѣютъ по нѣскольку женъ. Отцы засылаютъ сватовъ. Сватъ, пріѣзжая къ

родителямъ невѣсты, кладетъ имъ на колѣни лисицу и тотчасъ же, не ожидая отвѣта, уѣзжаетъ. Если предложеніе принято, то подарокъ остается, нѣтъ — возвращается обратно. Въ первомъ случаѣ сватъ ѣдетъ вторично въ чумъ невѣсты и подаетъ ея отцу бирку, на которой тотъ и отмѣчаетъ, сколько ему нужно оленей за свою дочь. Условившись, каждый на обоихъ концахъ палки кладетъ свое клеймо, самая палка раскалывается пополамъ и каждый беретъ себѣ половину. Во время всей этой церемоніи не произносится ни слова. Потомъ наступаетъ нѣчто въ родѣ обрученія. Это просто пирушка, по окончаніи которой, часа на три, жениха и невѣсту оставляютъ въ чумѣ наединѣ; вскорѣ послѣ того назначается и свадьба.

Единственныя былины свои самоѣдъ поетъ на свадьбѣ. Это былины о богатыряхъ, у которыхъ платье желѣзное, а лыжи такія острыя, что пойдетъ ли онъ лѣсомъ — лѣсъ валится, встрѣтится ли хребетъ — хребетъ прорѣжетъ. Плеча у него, что Вайгачъ-островъ, а ходитъ онъ такъ скоро, что буря едва поспѣваетъ по слѣдамъ его.

Если самоѣдъ умираетъ, то чумъ разрываютъ въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ больной скончался. Сквозь это отверстіе вывозятъ его въ мѣсто погребенія черезъ двое сутокъ. Кладбищами служатъ лѣса или острова. Тѣло обвертываютъ въ оленьи шкуры. Если кладбище въ лѣсу, то надъ поверхностью земли строютъ срубъ, куда и кладутъ тѣло. Въ противномъ случаѣ, роютъ могилы въ землѣ. Къ мужчинамъ кладутъ въ могилы топоръ, ножъ, долото, сверло, ружье, но все это предварительно ломаютъ. Къ женщинамъ—иголки, котелъ, наперстокъ, чашку. На могилу опрокидываютъ сани и закалываютъ надъ нею оленя. Покойниковъ кладутъ лицомъ на западъ, знаменуя тѣмъ, что жизнь человѣка исчезаетъ, «какъ солнце за небосклономъ». Дѣтей не хоронятъ вовсе, а въ берестяныхъ коробкахъ привѣшиваютъ къ деревьямъ.

Въ религіи и вѣрованіяхъ этого племени нельзя не видѣть преобладанія злаго и разрушительнаго начала. Тьмы темъ тадебцыевъ — нечистыхъ духовъ — и въ противувѣсъ имъ нѣтъ ни одного добраго генія. Въ этой чертѣ сказывается суровое вліяніе сѣверной природы, оковывающей душу дикаря непреодолимымъ ужасомъ. Впрочемъ тотъ же культъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько нравственныхъ основаній, которыя могли бы цѣликомъ войти и въ болѣе выработанныя религіи.

Ограбленное, разоренное племя этихъ инородцевъ напрасно ищетъ выхода изъ кабалы, въ какую оно попало. Способностей къ самостоятельной борьбѣ съ чуждыми и болѣе мощными элементами у самоѣдовъ нѣтъ, власть въ пустынѣ является безсильною и потому мы до сихъ поръ остаемся равнодушными зрителями истребленія этого племени— истребленія, подтверждающаго великій законъ борьбы за существованіе.

Нашлись даже люди, проповѣдывающіе необходимость предоставить самоѣдовъ въ жертву зырянамъ, какъ племени, болѣе смѣтливому и умному. Что это — жестокость, или крайняя глупость?

Богъ добра у нихъ властвуетъ надъ міромъ, но множество злыхъ духовъ парализуетъ его силу. Здѣсь — зло, царящее повсюду: и въ ледяной тундрѣ, и въ страшныхъ вьюгахъ, и въ непонятныхъ болѣзняхъ.

Да, неприглядна ты, суровая природа Мезенскаго сѣвера.

Не привлекутъ избалованнаго иными картинами взгляда его безпредѣльныя глади, низко нависшее сѣрое небо, цѣлые океаны густаго синяго тумана.

Но и тутъ есть своя прелесть, своя дикая — потрясающая красота!

Станьте на одномъ изъ дикихъ выступовъ береговыхъ скалъ, вглядитесь въ это безграничное море, валы котораго порою колеблются передъ вами, сквозь разорвавшуюся пелену тумана ..

Взберитесь на вершины этихъ горъ, окиньте оттуда разстилающіяся внизу, въ безконечную даль уходящія глади...

Проѣзжайте эти тундры въ легкихъ саняхъ самоѣда, когда ночь окутаетъ землю своимъ лазуревымъ покровомъ, когда грозный сполохъ лучезарными столбами заходитъ на краю невѣдомаго міра, когда то ярко-пурпурное, то бѣло-матовое пламя повиснетъ надъ вами таинственно мерцающей короной...

Пройдите эти дѣвственные лѣса, на сотни и тысячи верстъ уходящія въ извѣстную глушь, — лѣса, гдѣ стоитъ величавый гулъ торжественно колышащихся великановъ или царитъ подавляющая, мертвая тишь.

И вы благословите и познаете Бога, безконечность котораго понятнѣе здѣсь — въ этомъ суровомъ мірѣ безжизненныхъ пустынь, залегающихъ въ никому-невѣдомыя дали.

Корелы.

Достаточно бросить взглядъ на карту Кемскаго уѣзда, Архангельской губерніи, раскинувшаго на тысячи верстъ свои необозримыя тундры, лѣса, пустыни и горы, изрѣзаннаго глубокими бухтами Бѣломорья и Ледовитаго океана, чтобъ заключить о разительномъ богатствѣ типовъ и расъ этого, въ высшей степени интереснаго края. Лопари, пасущіе стада своихъ оленей въ пустыряхъ Кольскаго полуострова, колонисты всевозможныхъ племенъ, скучившіеся въ немногихъ мѣстахъ Мурманскаго берега, поморы — сильные и могучіе потомки новгородскихъ ушкуйниковъ, и, наконецъ, корелы, осѣвшіе въ самомъ

глухомъ закоулкѣ Кемскаго уѣзда—вотъ тѣ главные племенные центры, отъ которыхъ въ разные концы нашего отдаленнаго сѣвера легли побочныя отрасли, скрещиваясь между собою до безконечности.

Изъ этихъ народностей, очень интересно племя — корелы, со многими другими принадлежащее финскому корню. Неисходная лѣсная дичь, со всѣхъ сторонъ охватившая эту расу, уединила ее до такой степени, что въ средѣ корелъ и донынѣ живутъ неизмѣнными преданія и былины далекаго прошлаго. Страна, гдѣ они разбились на одиннадцать волостей, то поражаетъ одинокаго путника суровымъ безплоднымъ просторомъ малолюдныхъ гладей, то замыкаетъ его въ торжественно молчаливые, внушающіе невольное благоговѣніе лѣса, то озаряетъ его свѣтлою улыбкой при видѣ идилическихъ островковъ, мирно и привѣтливо отражающихся въ тихой влагѣ свѣтловодныхъ озеръ. Сегодня, напримѣръ, вы пересѣкаете голую пустыню, сквозь сухую и песчаную почву которой прорѣзываются кое-гдѣ острыми гребнями изломы и углы гранитныхъ породъ. Утомленный взглядъ и на далекомъ горизонтѣ встрѣчаетъ съ тупымъ равнодушіемъ однообразное продолженіе той же, подавляющей мысль и душу степи. Сѣрое небо низко стелется надъ нею, словно желая слиться съ этою голиною своими чудовищными тучами. Иногда только подымется изувѣченная линія гранита, вывороченнаго стихійною силой изъ сокровеннѣйшихъ нѣдръ земли, и стоитъ она передъ вами мрачною стѣной, изъ рѣдкихъ расщелинъ которой треплятся по вѣтру сухія былинки. Одинокая ель кое-гдѣ вѣнчаетъ вершину небольшаго холма, безпомощно опустивъ свои вѣтви и хирѣя, словно окружающая ее почва истощила всѣ свои силы на поддержку этого жалкаго дерева. И снова гладь, безконечная, неоглядная, гнетущая...

Еще день такого печальнаго странствія, и къ вечеру вы замѣчаете на горизонтѣ синеватую, волнисто-изгибающуюся на сѣромъ фонѣ неба полосу. Пристальнѣе и пристальнѣе вглядывается въ нее путникъ. Вотъ передъ нимъ кое-гдѣ поднимаются сначала рѣдкими пятнами убогія поросли сосняка, клочьями ложатся вправо и влѣво моховыя прогалины, издали тянетъ смолистымъ тонкимъ ароматомъ, и, наконецъ, онъ разомъ погружается въ великое царство сѣвернаго лѣса въ эту неисходную дичь, въ эту область толстыхъ и стройныхъ стволовъ, высящихся одинъ за другимъ грандіозною колонадой. Далеко, далеко бѣлѣютъ все тѣ же мощные стволы, развѣтвляющіеся капители которыхъ какъ будто поддерживаютъ тяжелые своды, арки и купола неба Нога уходитъ въ мягкія подушки серебристаго моха, выстилающаго почву; кое-гдѣ алѣетъ прихотливымъ узоромъ брусника; пучки яркихъ грибовъ скучиваются у подножій лѣсныхъ великановъ. Вотъ на версты протянулась обгорѣлая лысина — слѣдъ лѣснаго по-

жара; обугленные остовы гигантовъ, спаленныхъ молніей и залитыхъ дождями, угрюмо поднимаются на черномъ просторѣ такого понизья, а мелкая поросль уже пробилась своими зелеными верхушками, робко выглядывая изъ-подъ угля и пепла. Но вотъ и здали вновь потянулась лѣсная полоса, словно очерчивая предѣлы того простора, на которомъ когда-то бушевала стихійная сила огня. Опять лѣсныя вершины, мѣрнымъ, высоко разстилающимся гуломъ навѣваютъ на душу цѣлебное спокойствіе. Взгляните вверхъ, какъ переплелись эти вѣтви, какъ рѣдки просвѣты сѣраго неба, а тутъ, внизу, какая сочная холодная тѣнь стоитъ въ безконечныхъ коридорахъ, образуемыхъ сводами лѣсныхъ вершинъ!..

Вотъ передъ вами почти отвѣсный, поросшій тѣми же соснами спускъ: вы сходите съ головокружительною быстротой. Внизу, тамъ далеко внизу зеленѣетъ ровное пространство лѣса; еще одинъ шагъ и вамъ кажется, что вы ступите ногой на его острыя верхушки. Со дна этого провала поднимаются клочья сѣраго тумана, цѣпляясь все выше и выше по корявымъ стволамъ вѣтвистыхъ гигантовъ. Вотъ въ однообразномъ морѣ мглы только кое-гдѣ еще плаваютъ зеленыя пятна; вотъ все заволокло имъ, и вы въ трехъ шагахъ отъ себя едва-едва различаете какія-то неопредѣленныя очертанія. Берегитесь спускаться дальше: тамъ растянулась болотная низь, сплошь покрытая обманчивыми мховыми кочками. Прислушайтесь: кто-то словно стонетъ и кличетъ въ этомъ омутѣ. Робость и тоска мало-по-малу проникаютъ въ самое мужественное сердце, и вы не знаете, куда уйти отсюда... Итакъ, цѣлые дни скучнаго, однообразнаго паломничества. Порой лѣса оглашаются громкими криками арктическихъ птицъ, суетливо снующихъ надъ самою головой странника. Изрѣдка онъ услышитъ мелодическій, переливчатый рокотъ ключа, серебристая нить котораго, изгибаясь, прорѣзываетъ мховую чащу. А тамъ дальше цѣлый снопъ лѣсныхъ ручьевъ, съ гулкимъ журчаньемъ выбѣгающихъ изъ окрестнаго болота. Красноватая вода ихъ мелкими каскадами огибаетъ сѣрые валуны, разсѣянные то по руслу ихъ, то уныло выглядывающіе у подножій деревьевъ. Рѣдко-рѣдко прозвучитъ и замретъ здѣсь выстрѣлъ одинокаго охотника-корела — и опять вѣчное, неизмѣнное молчаніе...

Но вотъ лѣсъ становится рѣже и рѣже. Прогалины шире и шире ложатся вправо и влѣво. На васъ потянуло чѣмъ-то свѣжимъ и влажнымъ. Небо высится привѣтливѣе и ярче. Еще два-три часа пути, и вы остановитесь, какъ очарованный. Уходя въ невѣдомую даль, синѣетъ и блеститъ передъ вами одинокое лѣсное озеро. Чисты и прозрачны его безмятежныя воды. Съ середины, на самой значительной глубинѣ, можно видѣть разноцвѣтныя полосы песку и сѣрые камни, лежащіе на его ровномъ, пологомъ днѣ. Небольшіе заливчики глубоко

вдаются въ сосновую глушь, охватывая серебряною каймой толстые стволы царственныхъ великановъ, цѣликомъ отражающихся въ мирныхъ водахъ ласковаго озера. И небо здѣсь краше и яснѣе. Безоблачная лазурь опрокинулась надъ этимъ уголкомъ величавымъ куполомъ: залетная чайка сверкнетъ надъ нимъ яркимъ, рѣжущимъ глаза бѣлымъ крыломъ, высью да низью мелькнетъ она передъ вами изломанною линіей и исчезнетъ въ той дали, которая такъ привѣтливо яснѣетъ, словно маня къ себѣ утомленнаго путника... Хорошо у васъ на сердцѣ. Возьмите челнокъ и смѣло довѣрьтесь этому прелестному озеру. Бури и грозы не волнуютъ его заманчивой глади. Вотъ прямо передъ вами поднялся поросшій мелкимъ лѣскомъ островокъ; небольшая бухта врѣзалась въ его отлогій берегъ, и черезъ нѣсколько минутъ вы уже бродите въ смолистой чащѣ, охватывающей васъ со всѣхъ сторонъ невѣдомымъ, волшебнымъ царствомъ сѣвера. Кое-гдѣ вы замѣчаете остатки какихъ-то прочныхъ построекъ, безлюдныхъ и мертвыхъ: это — жалкія развалины тѣхъ скитовъ, гдѣ когда-то кипѣла и ширилась необузданная, полная воли и дикаго разгула жизнь нашихъ отщепенцевъ. Еще нѣсколько лѣтъ, и зеленая сплошная чаща охватитъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и незамѣтно для посторонняго взгляда догніютъ эти печальныя избы въ вѣчной и ничѣмъ невозмутимой глуши.

Таковы пейзажи кемской Кореліи. Иногда земля прорѣзывается бурливыми, съ камня на камень переливающимися рѣчонками, гдѣ убогій инородецъ ловитъ въ заколы и сѣти рыбу. Часто у самаго берега такихъ рѣчекъ ложится неисходная топь. Версты здѣсь семисотныя, немѣренные. Рѣдко-рѣдко заброситъ судьба въ этотъ край пришлаго человѣка, и съ удивленіемъ вглядывается онъ въ оригинально сложившійся бытъ корела.

Тамъ, гдѣ берега рѣкъ и озеръ образуютъ хорошо защищенныя отъ сѣвернаго вѣтра покатости къ югу и югозападу, высятся небольшіе поселки изъ двухъ или трехъ домовъ, отрѣзанныхъ цѣлыми верстами отъ другихъ такихъ же усадебъ и хуторовъ. Самыя избы корелъ строются на манеръ французской буквы L, лицевая узкая часть ихъ выступаетъ впередъ, а задняя, составляющая основаніе буквы, находится во дворѣ. Устройство этихъ домовъ, въ главныхъ своихъ чертахъ, слѣдующее: лѣстница изъ сѣней ведетъ обыкновенно вверхъ, гдѣ налѣво помѣщается входъ въ чистую комнату или свѣтелку, а направо коридорчикъ отдѣляетъ жилую избу отъ повѣти. Противъ избъ устраиваются клѣти; нижній этажъ занятъ помѣщеніемъ для скота, хлѣвомъ для овецъ и кладовою безъ оконъ. Свѣтелка и жилая изба далеко неприглядны. Тутъ возвышается большая русская печь, вылѣпленная изъ глины, потому что добываніе и выдѣлка кирпича

неизвѣстны кореламъ. Въ противоположномъ углу образа, иногда весьма цѣнные по своей древности. Посуды и утвари — мало. Глиняные горшки рѣдко-рѣдко довозятся сюда изъ Архангельска. За неимѣніемъ крынокъ, даже молоко ставится въ печь въ берестяныхъ коробахъ. Амбары, овины и бани съ печами изъ дикаго камня строются созершенно отдѣльно отъ избъ. Бѣдность этого несчастнаго, въ неисходную дичь заброшеннаго племени, обнаруживается, между прочимъ, въ обиліи курныхъ избъ.

Составляя побочную отрасль финскаго корня, корелы говорятъ собственнымъ нарѣчіемъ, мягкимъ и звучнымъ, хотя и малообработаннымъ. Ихъ поэтическія пѣсни, былины давно уже обратили на себя вниманіе финляндскихъ филологовъ, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не переведены на русскій языкъ, что подало поводъ знатоку корельскаго быта, г. Чубинскому, сказать, что корелы вовсе не имѣютъ собственныхъ пѣсенъ. Люди, знающіе хорошо языкъ этихъ инородцевъ, говорятъ, что въ ихъ пѣсняхъ граціозно схвачены и необыкновенно просто переданы тѣ элементарныя движенія человѣческой природы, для которыхъ лучшими рамками служатъ величавые лѣса, мечтательный говоръ лѣсныхъ вершинъ, свѣтловодныя глади одинокихъ озеръ и тишина закинутыхъ въ невѣдомую дичь острововъ Рѣкой, лѣсомъ и пустыней вѣетъ отъ ихъ сказаній, передаваемыхъ другъ другу въ длинные, зимніе вечера на посидкахъ. Музыкальный ритмъ ихъ пѣсенъ крайне однообразенъ. Сосѣдніе съ русскими волостями корелы хорошо говорятъ порусски, но на 18,000 душъ этого племени наберется не болѣе 300 человѣкъ грамотныхъ. Столь незначительный процентъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что раскольничье населеніе кореловъ относится весьма недовѣрчиво къ русскимъ священникамъ, на которыхъ возложено здѣсь народное образованіе. Да и сами священники спустя рукава ведутъ дѣло школы и мало принимаютъ участія въ успѣхахъ своихъ учениковъ. Администрація настоящаго времени положительно убѣдилась, что духовенство на сѣверѣ окончательно неспособно къ педагогической дѣятельности. Сверхъ того, недостатокъ досуга и подавляющее вліяніе тяжелаго и неустаннаго труда парализуютъ развитіе грамотности между корелами Нѣкоторые изъ кореловъ посѣщаютъ кемскіе шкиперскіе курсы.

Почти половина этихъ инородцевъ принадлежитъ расколу, и только 52% исповѣдуетъ гласно православіе, втайнѣ сочувствуя различнымъ раскольничьимъ толкамъ. Сектанты здѣсь, главнымъ образомъ, дѣлятся на филиповцевъ и даниловцевъ. Тѣ и другіе принадлежатъ къ безпоповщинѣ. Филиповскій толкъ былъ здѣсь основанъ тотчасъ послѣ объявленія Петромъ Великимъ перваго рекрутскаго набора. Особенно сильно развилось здѣсь дисидентство послѣ бѣгства изъ Соловецкаго

монастыря раскольниковъ, разсѣявшихся по глухимъ мѣстамъ Олонецкой и Архангельской губерній. Центрами распространенія раскола былъ Выгорѣцкій скитъ, основанный Данилой Викулинымъ въ XVII вѣкѣ, и Топозерскій, до 1770 года неизвѣстный никому изъ офиціальныхъ лицъ. Въ первомъ спасалось 2,000 мужчинъ и 1,000 женщинъ, во второмъ 300 тѣхъ и другихъ. Творившіяся здѣсь безобразія имѣютъ нѣчто себѣ подобное въ заволжскихъ пустыняхъ, гдѣ кучились отщепенцы средней и южной полосы Россіи. Развратъ и преступленія кишмя-кишили на глазахъ всего раскольничьяго міра. Въ глубокія воды Топозера кидали сотни рождаемыхъ въ скитѣ младенцевъ, и блаженной памяти капитанъ-исправники, съ свойственною имъ находчивостью, умѣли обратить это обстоятельство въ постоянную доходную статью. Гулящія купецкія дочки свозились сюда изъ Москвы, Ярославля и другихъ центровъ нашего отечества, благодаря чему, казна топозерская не оскудѣвала. Бѣглые всѣхъ сортовъ и наименованій находили здѣсь вѣрный и постоянный пріютъ, а скитскіе большаки весьма выгодно пользовались ихъ силами. Ежегодно отъ Топозера во всѣ стороны расходились миссіонеры раскольники, весьма успѣшно совершая свою дѣятельность въ затерянныхъ на необозримомъ просторѣ поселкахъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ проповѣдникахъ и до сихъ поръ хранятся самыя чудовищныя преданія. Такъ, напримѣръ, одного изъ выселка въ выселокъ возили на себѣ корельскія дѣвушки, въ украшенной серебромъ упряжкѣ; другой, будто бы, вошелъ въ Ухту по воздуху, предшествуемый громовою тучей; третій предсказалъ свою смерть и чтобъ не прослыть ложнымъ пророкомъ, въ назначенный день и часъ, сжегъ себя съ своею любовницей, бѣглою солдаткой, въ банѣ; четвертый совершилъ чудо оригинальнѣйшаго свойства: въ одинъ и тотъ же день утромъ онъ лишилъ дѣвственности пятьдесятъ дѣвушекъ и вечеромъ воротилъ имъ утраченную невинность мановеніемъ изливавшаго сіяніе жезла, и т. д. до безконечности.

Въ настоящее время расколъ здѣсь падаетъ весьма замѣтно. Образовались три новые православные прихода, что вмѣстѣ съ существовавшими прежде, составило пять. Церкви или погосты ихъ помѣщаются въ селеніяхъ Юшкозеро, Паннозеро, Шуезеро, Ухта, Воккаволокъ, Тунгудъ, Маслозеро. Нынѣшніе сектанты только не ѣдятъ и не молятся вмѣстѣ съ православными; о своемъ же толкѣ имѣютъ весьма смутное понятіе. Чуждые былому изувѣрству, они представляютъ благотворную почву для нашихъ мисіонеровъ, и по всѣмъ вѣроятіямъ еще черезъ двадцать или тридцать лѣтъ заглохнутъ здѣсь послѣдніе слѣды даниловщины и филиповщины.

Нравственность и цѣломудріе кореловъ не имѣютъ ничего себѣ подобнаго. Преступленія противъ чужой собственности составляютъ

здѣсь совершенно исключительныя явленія. Объ убійствахъ разсказываютъ только преданія. Но самая выдающаяся черта ихъ—отсутствіе пьянства, этой разлагающей язвы славянской расы. Во всей Кореліи существуетъ только одинъ кабакъ, въ Паннозерѣ. Сверхъ того, корелы трудолюбивы и мягки. У нихъ неизвѣстно семейное самодурство; деспотизмъ мужа и отца, благодаря исторически слагавшимся условіямъ ихъ быта, представляется неслыханнымъ явленіемъ. Племенной типъ не особенно выдается. Свѣлорусые волосы, голубые, нѣсколько робкіе глаза, широкій носъ, выдавшіяся скулы и узкій лобъ — вотъ черты въ которыя сложилась физіономія корела. Обрѣзанные выше лба волосы не раздѣлены проборомъ. Нѣкоторые пожилые раскольники подстригаютъ макушку. Рубаха изъ толстаго самодѣльнаго холста, свитка сѣраго деревенскаго сукна, сапоги жолтой кожи для мужчинъ, сарафанъ изъ пестряди и башмаки для женщинъ—вотъ и вся ихъ одежда. Богатые корелы носятъ плисовые или суконные бострюки (въ родѣ кафтана). Посѣщающая Финляндію молодежь слѣдуетъ иной модѣ. Она щеголяетъ сюртуками и пальто, но остается неизмѣнно вѣрною толстымъ холщовымъ брюкамъ, усѣяннымъ миріадами заплатъ. Дѣвушки носятъ на головѣ повязки, а женщины повойники (сорока). Полушубки изъ домашнихъ овчинъ совершенно достаточны для этого пріобыкшаго къ холоду народца. Нищета корела ярче всего обнаруживается въ его пищѣ. Только мѣстные богачи ѣдятъ чистый ячменный хлѣбъ безъ всякой примѣси. Остальные смѣшиваютъ его съ корой и соломой. Г. Чубинскій свидѣтельствуетъ, что есть бѣдняки, исключительно питающіеся соломой да корой. Но это свѣдѣніе должно принимать весьма осторожно Трудно вѣрить, чтобъ человѣкъ могъ поддерживать свое существованіе такими непитательными матерьялами. Мнѣ, впрочемъ, извѣстны корелы, употребляющіе хлѣбъ такого рода, гдѣ ячменя содержится не болѣе 15 и 10%. Рыба, въ видѣ ухи и пироговъ, соленые грибы, брусника и морошка, пареная рѣпа и картофель дополняютъ столъ небогатаго инородца. Говядину онъ видитъ у себя только въ Рождество и Пасху. Зажиточные корелы, вмѣсто водки, пьютъ кофе, доставляемый сюда изъ Финляндіи, и въ исключительныхъ случаяхъ варятъ нѣчто въ родѣ пива — туосамо. Вообще, они крайне неприхотливы въ пищѣ, почему богатые поморы особенно цѣнятъ ихъ, какъ работниковъ.

— Много ли деревень у васъ? спрашивалъ я одного изъ этихъ инородцевъ, хорошо знакомаго съ краемъ.

— А съ выселками — ста два будетъ.

— Какъ же строятся они?

— А по рѣчкамъ, да по озерамъ тихія мѣста выбираемъ. У воды все. Корелъ воду любитъ, потому въ ней синь небесная, да и рыбой

побогаче. Свѣтлынь благодатная! Особенно любимъ мы такія продолины, гдѣ лужки зеленѣютъ между лѣсомъ и водой. Тихо тамъ. Развѣ что дожди часты, да водяные обижаютъ.

— Гдѣ же у васъ самое большое село?

— Больше Ухты нѣтъ. Ухта всѣмъ деревнямъ — большакъ. Одпѣхъ мельницъ въ немъ 15, кузницы 3, да церковь съ часовней.

— А сами вы откуда будете?

— Изъ Шуезера. У насъ народъ больше желѣзо добываетъ. Ножи, ружейные стволы дѣлаемъ да продаемъ.

— А скотъ держите?

— Есть лошади, коровы, да овцы. Въ другихъ волостяхъ и олени. Лошадей больше изъ Финляндіи беремъ, сами не ростимъ.

Цѣнность лошадей здѣсь не превышаетъ 60 рублей; иногда за 25 р. можно пріобрѣсти хорошаго и крѣпкаго коня. Безрогія и малорослыя коровы даютъ весьма мало удоя, отъ недостатка хорошихъ пастбищъ. Вездѣ на сѣверѣ, гдѣ пастбища находятся въ изобиліи, скотъ приближается къ ост-фрисланской породѣ, отъ которой происходитъ и холмогорская отрасль, пользующаяся заслуженною извѣстностью на рынкахъ Петербурга и Москвы. Лѣтомъ лошади пасутся въ лѣсахъ безъ присмотра. Проѣзжая дебри Кореліи, немудрено издали услышать короткій и рѣзкій звукъ колокольчика, привязываемаго хозяевами на шею своимъ лошадямъ. Среди торжественнаго молчанія, эти колокольцы производятъ на одинокого путника странное, невыразимое впечатлѣніе. Вспоминаются другія картины, окрашенныя яркимъ и теплымъ солнцемъ юга, роскошныя задонскія пажити, луга и степи, по которымъ лѣниво колышется ковыль, гдѣ съ зари до зари тысячами голосовъ, красокъ и благоуханій сказывается дивная, богатая природа. А тутъ все тихо и мертво, пустынно и уныло...

Въ лѣсахъ этого края водятся медвѣди, лисицы, россомахи, зайцы, куницы, горностаи, выдры, бѣлки и дикіе олени. Лисицъ, зайцевъ и россомахъ корелы ловятъ въ капканы, которые ставятся по звѣринымъ тропкамъ въ самой глухой дичи лѣсныхъ трущобъ. Лисицъ часто добываютъ дѣтенышами и выкармливаютъ дома. Остальныхъ животныхъ стрѣляютъ. Намъ часто случалось встрѣчаться съ охотниками такого рода и удивляться ихъ смѣлости. Съ дряннымъ обломкомъ какого-то ветхозавѣтнаго ружья, котораго стволъ кое-какъ привязанъ къ ложу дрянной веревкой, отправляется мѣстный Немврод на медвѣдя, въ полномъ убѣжденіи, что его вооруженіе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Молчаливо, безъ пѣсенъ и оклика, проходитъ онъ съ своею собакой невозмутимыя дебри, отъискивая въ отдаленнѣйшихъ закоулкахъ лакомаго на ягоду медвѣдя или легконогаго, стрѣлой мелькающаго между соснами, оленя. Случается иногда, что

такой охотникъ и вовсе не возвращается домой, въ свой убогій выселокъ, гдѣ ожидающая его семья коротаетъ ночи безплодными вздохами да слезами... Еще бѣднѣе складывается послѣ этого и безъ того убогая жизнь жены и безпріютныхъ дѣтей, увеличивающихъ собою постоянную армію нищенствующихъ по богатымъ поморскимъ селамъ корельскихъ артелей. Инородцы ловятъ, сверхъ того, глухарей, тетеревовъ и куропатокъ. Рябчиковъ бьютъ они особенными, приспособленными собственно для этого промысла, винтовками.

Въ бурливыхъ рѣчонкахъ, мирныхъ озерахъ Кореліи водится семга, сельди, сиги, нергасы, щуки, ряпуксы и другія рыбы, которыхъ добываютъ мѣстные жители сѣтями, мережами и неводами, доставляемыми съ шунгской ярмарки, Повѣнецкаго уѣзда. Мережи устраиваются въ заборахъ надъ порогами. Такимъ образомъ ловится: семга въ Пудожемьѣ, въ рѣкѣ Кеми, лохи въ рѣкахъ Кеми, Понгамѣ и Ковдѣ, прочая рыба въ озерахъ. Всего этотъ промыселъ доставляетъ кореламъ не болѣе 15,000 руб. — сумму, далеко недостаточную даже для продовольствія 1,500 человѣкъ, занимающихся рыболовствомъ.

Корелы, кромѣ того, отправляются покрутами (работниками) на судахъ богатыхъ поморовъ на Мурманскій берегъ, занимаются извозничествомъ, кузнечнымъ ремесломъ, смолокуреніемъ, судостроеніемъ, торговлей и хлѣбопашествомъ. Но всѣ эти промыслы крайне незначительны. Они едва достаточны на уплату податей; остальныя средства корелъ добываетъ гораздо болѣе выгоднымъ занятіемъ — нищенствомъ, которое организовалось здѣсь на весьма раціональныхъ основаніяхъ.

Проѣзжайте зимой по глухимъ дорогамъ этого края: узкія и извилистыя, тянутся онѣ къ немногимъ мѣстнымъ центрамъ, уходя подъ сѣрымъ небомъ въ ту невѣдомую даль, гдѣ, кажется, нищета должна быть еще ужаснѣе и тяжеле. Часто вы увидите проходящія мимо васъ артели жалкаго, слабаго и измореннаго люда, несчастныхъ голодныхъ дѣтей, едва передвигающихъ ноги за больными, чахлыми матерями. Безнадежность и отчаяніе сказываются въ каждой чертѣ этихъ блѣдныхъ лицъ съ заострившимся чертами, съ болѣзненно неопредѣленнымъ взглядомъ. На минуту они мелькнули мимо васъ, но сердце ваше охвачено тоской, и надолго эти печальные образы будутъ преслѣдовать свѣжаго человѣка, пока иныя, болѣе свѣтлыя впечатлѣнія не заставятъ его позабыть случайно встрѣченныхъ имъ бѣдняковъ. Всѣ эти артели голодныхъ бѣдняковъ направляются въ богатые поморскіе села и посады, гдѣ народная благотворительность давно уже стала весьма обыкновеннымъ явленіемъ. Сверхъ того, эти асоціаціи поддерживаются приношеніями московскихъ купцовъ-раскольниковъ, безъ чего населеніе многихъ корельскихъ поселковъ безслѣдно вымерло

бы, а самая раса выродилась бы въ слабое, ни къ какому самостоятельному труду неспособное племя. Лѣтомъ всѣ эти несчастные ловятъ рыбу, занимаются промыслами и уходятъ на Мурманъ.

Въ прежнее время, когда корелы могли безпрепятственно торговать съ Финляндіей, положеніе ихъ было гораздо лучше. Теперь у нихъ отнимаютъ товаръ и предаютъ суду, какъ только они показываются въ великое княжество. А между тѣмъ, торговыя способности этого инородческаго племени весьма замѣчательны. Разносчикъ-корелъ заткнетъ за поясъ нашего офеню и дай просторъ этимъ коммерческимъ предпріятіямъ — нищенство здѣсь мало-по-малу уничтожилось бы, и несчастные въ настоящее время труженики съумѣли бы въ самое короткое время на прочныхъ основаніяхъ установить свое экономическое благосостояніе...

Корелы вѣрятъ въ домовыхъ, дворовыхъ, гуменныхъ, банныхъ, лѣшихъ и водяныхъ. Первые трое—добры, остальные злы. Гуменный разметываетъ вымолоченное зерно, банный давитъ поздно парящихся водяной, того и гляди, затопитъ купающихся на закатѣ солнца или балующихся въ водѣ. Въ лѣсу иногда поднимается гикъ, крикъ и смѣхъ. Трещатъ деревья, шумятъ ихъ вершины, кто-то гогочетъ зычнымъ голосомъ по вѣтру — это великанъ лѣшій, обходящій свои владѣнія. Горе тому, кто на него наткнется случайно! Водяной весь обросъ черными волосами; дико смотрятъ его черные глаза изъ-подъ густыхъ, низко нависшихъ бровей; кто его увидитъ — того ждетъ конецъ неминучій въ свѣтловодной пучинѣ. Народное суевѣріе здѣсь весьма оригинально объясняетъ происхожденіе людей и чертей. Вотъ повѣрье, приведенное г. Чубинскимъ въ его статистическомъ очеркѣ Кореліи:

«У одной жонки было три-девять сыновей; ей стыдно показалось всѣхъ нести ко кресту, потому что у другихъ не было столько сыновей; поэтому, она девятерыхъ бросила въ лѣсъ, девятерыхъ въ воду, а девятерыхъ принесла ко кресту. Когда попъ спросилъ жонку: всѣ ли у тебя тутъ дѣти? Жонка отвѣтила: всѣ; попъ на это сказалъ ей: ну, когда ты меня обманула, то пусть будутъ тѣ лѣшими, которыхъ ты бросила въ лѣсъ, а тѣ водяными, которыхъ ты бросила въ воду. А эти пусть будутъ крещоны. Отъ этого-то и произошли люди крещоные и черти лѣсные и водяные.»

Нѣкоторыя преданія кореловъ разсказываютъ о какихъ-то желѣзныхъ людяхъ, которые облили кровью ихъ землю и крестили ихъ силой въ христіанскую вѣру. Больше ничего неизвѣстно о водвореніи здѣсь новой религіи. Видно только, что она нелегко досталась мирнымъ и робкимъ инородцамъ. Другія былины разсказываютъ о свирѣпыхъ ушкуйникахъ, разорявшихъ корельскія села. Видно, и здѣсь новгородская слава прошла не безъ слѣда, оставивъ кровавый слѣдъ

въ памяти небольшаго и никому невредившаго племени. Въ Кореліи женихи иногда увозятъ невѣстъ, и старики прощаютъ эти похищенія. Церковный бракъ совершается чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы. Дѣвушка часто живетъ съ однимъ, а выходитъ замужъ за другаго. Во всякомъ случаѣ, дѣти, происходящія отъ такихъ сожительствъ, считаются законными. Женщина здѣсь вполнѣ самостоятельна. Ея положеніе неизмѣримо выше любой славянки, которая въ своей семьѣ является печальною и покорною рабой. Хозяиномъ въ семьѣ считается не самый старшій, а тотъ, кто больше всѣхъ пріобрѣтаетъ. Дома, по смерти отца, не дѣлятся, а достаются одному изъ сыновей или дочерей по жребію. Если по смерти жены и остаются сыновья, ея приданое все-таки возвращается ея сестрамъ или матери. Хозяинъ не смѣетъ бить работника: если хозяинъ обидитъ его, батракъ уходитъ отъ него, не возвращая забранныхъ впередъ денегъ.

Умирающихъ и трудно больныхъ корелы окуриваютъ ладаномъ; мертвыхъ кладутъ на сѣно и моютъ, затѣмъ, его перекладываютъ на новое сѣно. Цалованій нѣтъ; посѣщающіе только кланяются тѣлу. При отпѣваніи покойника начинается страшный ревъ съ причитаньями, которыя корелы заимствовали у русскихъ. Гробокопателей просятъ неплотно зарывать могилу, чтобъ порой можно было разговаривать съ мертвымъ и слышать его совѣты. На могилу приносятъ блины. Часть ихъ съѣдается тутъ же, другая раздается бѣднымъ, третья относится домой.

Сватаетъ невѣсту отецъ или братъ жениха съ родственниками. У дома невѣсты они стрѣляютъ изъ ружья и, входя въ избу, не садятся. Если ихъ угощаютъ родители невѣсты — значитъ, они получили отказъ. Если же сватьевъ не потчуютъ, значитъ предложеніе ихъ принято. Иконой и хлѣбомъ не благословляютъ. На смотринахъ невѣста сидитъ за занавѣсомъ, полы котораго держитъ бабка, принимавшая ее при родахъ. Видѣть невѣсту можно не иначе какъ подаривъ что-нибудь бабкѣ. Послѣ многихъ обрядовъ, имѣющихъ отдаленное сходство съ бывшими новгородскими свадьбами, тысяцкій ведетъ жениха и невѣсту спать въ чуланъ или горенку. Невѣста должна раздѣть жениха. Она снимаетъ съ него сапоги и находитъ въ нихъ его подарокъ — деньги.

Таковы общія черты быта этого бѣднаго племени. Поэтическая обстановка его могла бы привлечь пришлыхъ людей къ изученію его жизни, еслибъ не такъ разбросенъ и дикъ былъ этотъ глухой уголъ. Бездорожье, безлюдье — вотъ что пугаетъ нашихъ изслѣдователей...

Зыряне.

Громадныя пустыни европейско-русскаго сѣверо-востока, съ ихъ малоизвѣданною глушью, невольно тянутъ въ свои захолустья нашего охотника и натуралиста, разсчитывающихъ здѣсь на богатую добычу. Это край, гдѣ ближайшія разстоянія мѣряются сотнями верстъ, гдѣ между населенными пунктами лежатъ дремучіе лѣса, безмолвныя тундры, громадные отроги Уральскихъ горъ, вьются десятки рѣкъ и еще болѣе ручьевъ и притоковъ. Картины этого края необычайно разнообразны. Онѣ захватываютъ въ свои предѣлы все бывшее царство Югорское, т. е. всю южную половину Запечорья и сѣверо-востока Вологодской губерніи. На этомъ пространствѣ путешественникъ встрѣтитъ все. Въ Койнасской и другихъ волостяхъ Архангельской губерніи передъ нимъ раскинутся громадные зеленые луга, на которыхъ пасутся превосходныя зырянскія лошади — мезенки; дальше, на сотни верстъ къ востоку и неизвѣстно куда на сѣверъ и югъ тянутся лѣса, гдѣ стройная лиственница и сибирскій кедръ считаются совершенно обыкновенными деревьями. Въ глуши этого тѣнистаго царства, какъ на морѣ, невозможно обойдтись безъ компаса. Иначе никакой знатокъ не выберется изъ этой дремучей трущобы. За темными лѣсами лежатъ громадныя рѣки Печора, Ижма и др., судоходныя, но пустынныя; дальше еще вздымаются колосальныя горы, шиферные склоны которыхъ сѣроматовыми глыбами стоятъ надъ поросшими мхами тундрами. Центръ, столица зырянскаго населенія—несомнѣнно село Ижма, раскинутое на правомъ берегу рѣки того же имени, въ 60 верстахъ отъ сліянія ея съ Печорою и въ 700 верстахъ отъ своего уѣзднаго города. Ижма славится на всемъ сѣверѣ богатствомъ своихъ жителей, красотою своихъ церквей, бойкостью торговцевъ—исключительно зырянъ, которые здѣсь вполнѣ обнаружили, что въ дѣлѣ промысла и торговыхъ оборотовъ нѣтъ имъ равныхъ. Ижма раздѣляется на двѣ половины: Катыдъ и Кыйтыдъ (верховье и низовье). Въ центрѣ той и другой слободокъ высятся многочисленныя церкви съ вызолоченными куполами и шпицами. Направо и налѣво отъ нихъ тянется широкая улица, съ которою смыкаются перекрестившіеся во всѣхъ направленіяхъ переулки. Ижма находится въ средоточіи громаднаго пространства содержимыхъ зырянами нивъ. Эти инородцы, не ограничиваясь торговлею и лѣсными промыслами, занимаются кромѣ того, хлѣбопашествомъ и оленеводствомъ. За нивами, уже едва замѣтныя въ сѣрой дымкѣ ровныхъ, гладкихъ далей, чуть синѣютъ запечорскія дебри, до сихъ поръ еще уцѣлѣвшія отъ топора лѣснаго промышленника и отъ пожара, истребившаго въ другихъ мѣстахъ на сѣверѣ лѣса, тянувшіеся прежде

на сотни верстъ. Впрочемъ и здѣсь въ сухихъ «обрѣдинахъ» попадаются небольшія выжженныя поляны, на самой серединѣ которыхъ торчатъ черные, обгорѣлые силуэты лѣсныхъ великановъ. Съ этими пунктами связаны даже нѣкоторыя преданія зырянъ. Истоминъ, посѣщавшій Ижму и долго жившій здѣсь, говоритъ, что на противоположномъ берегу р. Ижмы разстилаются теряющіеся вдали луга, за ними синѣютъ уступы холмовъ, между которыми красиво разбросаны уютные крестьянскіе домики другаго зырянскаго села Мохченги съ каменною приходскою церковью. Съ вершины этого ската можно видѣть въ ясную погоду одну изъ красивѣйшихъ вершинъ Уральскаго хребта, Саблю (Мечъ-Камень). Говорятъ, что въ селеніяхъ Красноборскомъ, Сизябскомъ, Гамскомъ, Могченскомъ, Ижемскомъ, Койнасскомъ, Пылемскомъ, отличающихся многолюдностію, крестьяне, всегда славились домовитостію, довольствомъ они ничего не жалѣли на улучшеніе наружной обстановки ихъ быта. У нихъ есть прекрасно содержимыя школы, а въ Ижмѣ къ тому же и ремесленное, открытое зырянами, техническое училище. И все это развилось и устроилось сравнительно еще очень недавно. Зыряне здѣсь — и сами пришельцы. Въ окрестностяхъ ихъ селеній еще и до сихъ поръ находятъ слѣды аборигеновъ этого края: желѣзные заступы, топоры, копачи, копья и другія орудія чрезвычайно странной формы, давно уже неизвѣстной въ Запечорьѣ. А по притокамъ р. Печоры и Ижмы, уже не говоря о болѣе сѣверныхъ рѣкахъ, есть въ берегахъ искусственно вырытыя пещеры, гдѣ нѣкогда жили троглодиты Югры, уже впрочемъ знакомые съ употребленіемъ и производствомъ металловъ, такъ какъ у нихъ находятся различныя орудія изъ желѣза и бронзы. Судя по преданію, въ моментъ переселенія сюда пермскихъ и вологодскихъ зырянъ, слившихся воедино, на этихъ мѣстахъ жила *Чудь*, которая гостепріимно приняла пришельцевъ. Всѣ эти элементы соединились между собою, образовавъ нынѣшнее населеніе зырянскихъ волостей, и стали торговать съ менѣе культурнымъ племенемъ *самоядью*, *самоѣдами*, разумѣется, безпощадно эксплоатируя этихъ оленеводовъ, имѣвшихъ несчастіе въ сношеніяхъ съ зырянами сохранять свою патріархальную честность и наивность. Остатки чудскихъ словъ еще встрѣчаются въ языкѣ зырянъ. Сюда же къ зырянамъ стали переселяться и нѣкоторые самоѣдскіе роды, преимущественно же изъ карачайскихъ или, какъ говорятъ ижемцы: аркучей. Разнообразіе элементовъ, смѣшавшихся здѣсь, еще увеличилось, когда, во время покоренія Новгорода Іоанномъ III-мъ, сюда бѣжали новгородскіе опальные бояре съ своими «людишками». Христіанство было внесено сюда иноками Троицкой Устьсысольской пустыни, при преемникѣ св. Стефана пермскаго, епископѣ Исаакѣ, около 1397 г. Ижемскіе зыряне называютъ себя Изьва-

тасъ (люди при каменной рѣкѣ). Дома свои они строятъ такъ же какъ русскіе, лишь побогаче послѣднихъ; черныхъ избъ съ дымоволоками—въ зырянскихъ селеніяхъ не встрѣтишь. Одѣваются они, какъ и русскіе въ Запечорьѣ: въ малицы, совикъ и пимы. Малица родъ мѣшка изъ хорошо выдѣланныхъ шкуръ молодаго оленя, шерстью внутрь, съ отверстіемъ для головы и рукавами. Поверхъ ея надѣваютъ ситцевую рубаху, сшитую такъ же и такой же длины какъ малица. Воротникъ малицы, рукава и подолъ оторочены оленьимъ, пыжичьимъ, а иногда и лисьимъ мѣхомъ. Зимою сверхъ малицы надѣваютъ совикъ (парка) — тоже что и малица, но шерстью наружу, съ капишономъ изъ оленьяго мѣха же. Пимы—сапоги изъ оленьяго мѣха, шерстью вверхъ, которые затѣйливо украшаются кусочками краснаго сукна и различными мѣхами. Женщины одѣваются точно такъ же, за исключеніемъ рубашекъ, которыя шьются роскошнѣе, иногда даже изъ шелковыхъ матерій. Въ послѣднее время ижемцы и другіе зыряне лѣтомъ усвоили себѣ совершенно русскій крестьянскій костюмъ, а кто побогаче, тотъ уже носитъ и «нѣмецкое платье». Но верхомъ франтовства считается носить, не смотря на сухой и знойный день—дождевой зонтикъ, калоши и яркій гаруспый шарфъ на шеѣ. Нѣкоторыя зырянки уже носятъ городскія платья, но безъ неизбѣжныхъ «карнолиновъ», которые здѣсь называютъ чортовой клѣткой.. Кромѣ того существуетъ еще особенный лѣтній костюмъ охотника, который мы опишемъ позже, когда будемъ говорить о промыслахъ и торговыхъ сношеніяхъ зырянъ. Умственныя способности этого племени особенно замѣчательны. Въ школахъ зырянскіе мальчики дѣлаютъ необыкновенно быстрые успѣхи, а одинъ изъ нихъ, бывшій въ школѣ Соловецкаго монастыря, въ самое непродолжительное время усвоилъ себѣ нѣсколько языковъ. Кромѣ того, отличительнымъ нравственнымъ свойствомъ зырянина надо признать необычайную энергію. Они достигаютъ неизмѣнно того, чего добиваются. Разъ задавшись цѣлію, они непремѣнно дойдутъ до нея, какія бы препятствія ни стояли у нихъ на дорогѣ. Въ сношеніяхъ съ посторонними, внѣ предѣловъ своего села, зыряне недовѣрчивы, не прочь поднадуть милаго человѣка, обобрать самоѣда или оттягать неправедно олепье стадо у номада; за то у себя дома зыряне—гостепріимны и доступны. Сотни нищихъ каждую зиму прокармливаются въ зырянскихъ селахъ именемъ Христовымъ, причемъ положеніе ихъ похоже не на то, которое ждетъ каждаго попрошайку, а на то, котораго въ правѣ желать почетный гость... Но всего болѣе пользуются уваженіемъ въ зырянскомъ населеніи священники. Недаромъ приходы въ этой средѣ считаются болѣе выгодными, чѣмъ городскіе. Каждый зырянинъ не ждетъ того, чтобы священникъ пришелъ къ нему на домъ, а самъ несетъ—что можетъ, а не то, что ему

не жалко. Украшенія зырянскихъ храмовъ отличаются такимъ богатствомъ, что рядомъ съ нимъ никакъ нельзя поставить церкви сѣверорусскихъ городовъ, даже и такихъ, каковы напримѣръ Архангельскъ и Вологда. Величайшее удовольствіе для зырянина заключается въ поѣздкѣ на саняхъ. Вечеромъ, по окончаніи работъ, по улицамъ ихъ селъ то и дѣло мчатся сани, запряженныя лошадьми или оленями. Ѣздоки перекликаются одни съ другими, поютъ русскія пѣсни, пересмѣиваются. По зимнимъ праздникамъ идутъ въ дѣло—ледяныя горы, съ которыхъ зыряне скатываются внизъ, причемъ въ этомъ удовольствіи принимаютъ участіе даже пожилые люди и старики. По словамъ очевидцевъ, здѣсь бываютъ и вечернія посидѣлки, но онѣ вовсе не похожи на вечеринки русскихъ крестьянъ. Нѣсколько дѣвицъ собираются въ какой либо домъ съ шитьемъ, вязаньемъ, пряжей и проводятъ вечеръ за работой. Ни одинъ мужчина—холостъ ли онъ или женатъ — не въ правѣ войти къ нимъ. Мужчины собираются особо и занимаются разсказами, сказками, рѣдко пѣснями, чаще толками о своемъ бытѣ. Зыряне почти никогда не пляшутъ, по крайней мѣрѣ ижемскіе, хотя встарину это было для нихъ величайшимъ удовольствіемъ. Въ праздникъ св. Иліи имѣли они обыкновеніе ѣздить на противолежащій островъ, служившій пастбищемъ для скота, и проводили тамъ день въ разныхъ играхъ. «Однажды молодежь съѣхалась туда, какъ и всегда, на праздникъ. Погода была прекрасная, солнце въ полномъ блескѣ горѣло въ недоступной высотѣ небесъ, отражаясь въ прозрачныхъ водахъ Ижмы. Начались игры... Однако около полудня показалась съ запада громадная туча. Всѣ собрались, не зная что дѣлать. Ѣхать черезъ рѣку было опасно. Ижма, дотолѣ тихая и спокойная, закипѣла волнами, а гроза поднималась съ ужасающей быстротой. Вихрь порывисто крутился въ воздухѣ, но наконецъ загремѣла буря, во время которой ударомъ грома убило весь скотъ, пасшійся на островѣ. Изъ людей не погибъ никто. Напуганные этимъ случаемъ, зыряне порѣшили навсегда отказаться отъ пляски»... Честность зырянъ, нѣкогда служившая всѣмъ примѣромъ, теперь далеко уже не внушаетъ къ нимъ особеннаго довѣрія. Прежде зырянскія керки (избы) и кладовыя никогда не замыкались; «если, говоритъ г. Ф. Арсеньевъ, хозяева выходили изъ дома, такъ клали на скобку дверей палку—признакомъ, что ихъ нѣтъ дома. Сосѣди и посторонніе люди этотъ условный знакъ считали крѣпче всякаго замка и уже не входили въ керку ни подъ какимъ предлогомъ. Бывало, звѣрь, подстрѣленный промышленниками одной партіи, добитый или пойманный другою, по первому слову возвращался первымъ, безъ всякихъ сожалѣній или споровъ. На промыслахъ вся добыча поступала въ складчину, все дѣлилось поравну или же гуртомъ продавалось въ однѣ руки, и деньги также поравну дѣлились между

охотниками. При дѣлежѣ не было и помину о томъ, что одинъ настрѣлялъ болѣе, другой менѣе. Отправляясь на промыселъ, зырянинъ оставлялъ свой запасъ на лѣсныхъ тропинкахъ, кладя довольно замѣтные значки, и на возвратномъ пути нерѣдко находилъ въ своихъ складахъ бѣлокъ и рябчиковъ; это значило, что какой нибудь землякъ, истощивъ свои запасы, бралъ частицу у него, за которую платилъ по совѣсти настрѣленною дичью. Ни одинъ охотникъ не пользовался дорогимъ звѣремъ, попавшимъ въ охотничьи снаряды товарища. Воровства у нихъ не было извѣстно, какъ не было даже въ языкѣ слова «воръ». Къ выполненію своихъ обязанностей въ то патріархальное время зыряне относились какъ къ святому дѣлу. Какой нибудь волости, напримѣръ, нужно было внести значительную сумму податей въ казначейство. За сотни верстъ, глухими волоками отправляется, бывало, ходокъ съ деньгами пѣшкомъ въ городъ; «казна нуа, казна нуа!» (казну несу) говоритъ онъ встрѣчнымъ — и ему почтительно снимаютъ шапки и низко кланяются. Приходитъ на станцію, кладетъ суму въ передній уголъ, посохъ на лавку. Хозяинъ ужъ догадался, высылаетъ лишній людъ изъ дома, не знаетъ какъ угостить его. Ходокъ преспокойно засыпаетъ на сѣновалѣ, нисколько не безпокоясь о сумѣ, увѣренный, что ее никто не унесетъ. Между тѣмъ вѣсть что «казна мунэ» (казна идетъ) мигомъ проносится по деревнѣ — и всѣ прячутся по домамъ, никого не видно на улицахъ. Въ настоящее время далеко не то, замки потребовались — да еще какіе, а въ мѣстныхъ судахъ дѣла о воровствѣ стали обыкновеннымъ явленіемъ.

Нынче особенно заслуживаютъ вниманія промыслы зырянскаго населенія Архангельской и Вологодской губерній. Что касается до первой изъ нихъ, то занятія этихъ инородцевъ въ ея предѣлахъ достаточно мнѣ знакомы. Положеніе же зырянъ въ Вологодской губерніи прекрасно разработано Ф. Арсеньевымъ, изслѣдованія котораго по этому предмету представляютъ богатый матеріалъ для этнографа. Прежде всего нужно будетъ сказать о рыбныхъ ловляхъ зырянъ, одинаково развитыхъ и на Печорѣ, и по Ижмѣ, и по Колвѣ, и по Щугуру. Точно также зыряне ловятъ рыбу и въ неподвижныхъ, тинистыхъ, широколиственными лопухам изатянутыхъ озерахъ. Главный ловъ — ловъ семги производится преимущественно по Печорѣ и ея притокамъ. Здѣсь ловится лучшій сортъ этой рыбы, за исключеніемъ «порога» (онежскія семги). Желающіе ловить вмѣстѣ на одной тонѣ составляютъ артель. Однѣ артели осенью ловятъ неводами, другія поплавнями. Въ послѣдніе преимущественно идетъ семга, а въ невода, достигающіе иногда отъ 100 до 400 саженъ длины, попадается бѣлая рыба. Ижемскіе зыряне семгу солятъ очень плохо, потому что соль здѣсь чрезвычайно дорога. Семга мѣстнаго улова скупается у зырянъ

чердынскими торговцами и отвозится въ Казань, въ Пермь, въ Ирбитъ и Тобольскъ. Весною, только-что вскроются рѣки, зыряне ловятъ рыбу наметами въ оврагахъ, по которымъ между крутыми откосами ихъ береговъ шумно бѣгутъ незамѣтные лѣтомъ потоки. Такимъ образомъ добываются «сиги, харіусы, головни, сороки-косоглазки, ерши, окуни, подъязки и хищная щука, добычливо охотящаяся тутъ же за мелкою рыбой. Ловля производится ночью. Картина этихъ ловель особенно эффектна въ ясныя, лунныя ночи, но она не лишена своеобразной прелести и ночью, когда на темной полосѣ рѣки въ разныхъ пунктахъ свѣтятся и привѣтливо мигаютъ десятки огоньковъ, горящихъ у самаго носа промысловыхъ челноковъ. Въ водополье промыселъ становится еще интереснѣе. Вотъ что говоритъ объ этой порѣ Ф. Арсеньевъ: «Въ зырянскомъ краѣ весенніе разливы бываютъ замѣчательно велики. Вычегда и Сысола въ виду Усть-Сысольска представляютъ въ весеннюю пору огромное сплошное водное пространство, синѣющее во всѣ стороны, куда ни посмотришь. Мелкіе кустарники по луговымъ мѣстностямъ, большіе еловые лѣса, растущіе по подоламъ и низамъ — все затопляется разливомъ. Быстрина въ рѣкахъ, скрывающихъ подъ водою свои берега, бываетъ въ это время чрезвычайно сильна; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ береговая окраина возвышается надъ поверхностью воды, происходятъ безпрестанные обвалы. Быстрымъ теченіемъ подмоетъ берегъ, страшная масса въ нѣсколько тысячъ пудовъ рушится съ ужаснымъ шумомъ въ глубину, вода закипитъ — и огромный валъ мчится отъ берега до самой середины рѣки. Глухіе удары, точно подводные пушечные выстрѣлы, то и дѣло раздаются здѣсь въ весенніе разливы по всѣмъ направленіямъ — это береговые обвалы». Рыба расходится по всему пространству въ разлившіяся воды, гдѣ ее и ловятъ въ заплеты (нѣчто въ родѣ заколовъ или заборовъ). Въ теплую погоду сиги, кумжи, окуни, нельмы, щуки, язи, чиры и лещи забираются въ «курьи» — тихіе заливы. Тутъ ихъ ловятъ мережками, и когда вода идетъ на убыль, то рыба направляется въ большія заливы для икрометанія. Здѣсь зыряне ловятъ ее, запирая выходъ изъ залива различными способами, но такъ, что ни одной крупной рыбѣ не удастся выбраться вонъ отсюда. Рыба сама облегчаетъ ловъ. Почувствовавъ, что выходъ изъ курьи ей преграженъ, она массами напаливается на препятствіе, откуда ее и вылавливаютъ уже неводами, кужами, и вялятъ въ громадномъ количествѣ. Часто зыряне и рѣки перегораживаютъ заборами. Работаютъ зыряне во всѣхъ этихъ случаяхъ безустанно. Устали для нихъ какъ бы не существуетъ вовсе. Женщины также стойко переносятъ эти труды, перебраниваясь съ молодыми парнями, окачивая другъ друга водою, перекидываясь различными шуточками. Молодыя

бабы и дѣвки смѣло идутъ съ неводомъ въ забродъ. Когда зыряне на рыбной ловлѣ проголодаются, то закусываютъ сырою рыбою, выдавивъ изъ нея кишки и соскобливъ ногтемъ чешую. Непріятно видѣть, какъ живая рыбенка бьется и корчится въ зубахъ зырянина, уписывающаго ее съ величайшимъ наслажденіемъ. До августа мѣсяца ловля рыбы производится подольниками, рыболовной снастью изъ длинной тонкой бичевки, на которую навязаны длинныя лески съ крючьями. Этотъ родъ лова вошелъ здѣсь въ повсемѣстное обыкновеніе послѣ 1845 г., когда во всѣ сѣверныя рѣки, вслѣдствіе открытія шлюзовъ упраздненнаго Екатерининскаго канала, проникла стерлядь изъ Камы, черезъ Вычегду. Мы не остановимся на другихъ способахъ рыбной ловли, употребляемыхъ зырянами, потому что изобрѣтательность этого умнаго племени вполнѣ отразилась въ безконечномъ разнообразіи ихъ. Скажемъ только, что рыбная ловля не только доставляетъ громадныя средства для народнаго продовольствія Запечорскаго края, но и доставляетъ зырянамъ довольно значительныя суммы денегъ, выручаемыхъ отъ продажи продуктовъ этого промысла чердынцамъ на р. Печорѣ и русскимъ купцамъ на Пинежской ярмаркѣ, въ Архангельской губерніи.

Другой, еще болѣе значительный промыселъ зырянъ — охота, для которой эти инородцы употребляютъ винтовки, съ бугрями на стволѣ, съ замкомъ устроеннымъ смѣшно и безобразно. Калибръ дула таковъ, что въ него едва можно вогнать пулю съ горошину; такія пули нужны, чтобы не портить шкурки звѣря. Ложе зырянскаго ружья — просто полѣно, кое-какъ обтесанное и неловкое на прикладѣ. Пули дѣлаетъ зырянинъ, откусывая куски отъ свинцоваго прута и зубами уже придастъ куску круглую форму. Такая винтовка хватаетъ шаговъ на пятьдесятъ, моржовка — на сто двадцать. Зыряне никогда не стрѣляютъ съ руки, а всегда съ сошекъ (съ прикладу). Въ охотѣ зырянина неизбѣжно сопровождаетъ его собака. Начинается лѣсованье (охота) въ послѣднихъ числахъ сентября и продолжается до первыхъ чиселъ апрѣля. Охотники дробятся на партіи, въ 2 — 5 человѣкъ. Латкинъ говоритъ, что каждый изъ охотниковъ беретъ на свою долю на промыселъ слѣдующіе запасы: 4 пуда сухарей, 1 пудъ сушеныхъ пироговъ съ крупою, 1 пудъ ячной муки, 1 пудъ ржаной муки, 10 фунтовъ крупы ячной, муки 1 пудъ (для собакъ), 12 ф. масла, 3 ф. пороху, 4 ф. свинцу; такимъ образомъ на каждаго промышленника приходится по 10 п. 6 ф. На лѣсованье уходятъ верстъ за 200 отъ своего села, а изъ печорскихъ селъ за 400 и даже за 500 верстъ. Пока рѣки не покрылись льдомъ, провизію, запасы и добычу возятъ на лодкахъ; когда же ихъ застигнетъ зима — содержимое лодокъ выгружается въ нарты, которыя промышленники уже везутъ на себѣ. Прибывъ на

операціонный пунктъ охоты, зырянская партія строитъ при рѣкѣ пывзянъ — лѣсную избушку съ каменкой. Одинокій странникъ по лѣсамъ сѣвера, путешественникъ, охотничья партія, бродячій самоѣдъ—находятъ такіе пывзяны въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ этихъ дремучихъ дебрей, но преимущественно же въ мѣстахъ живописныхъ. Зырянинъ далеко не равнодушенъ къ красотѣ природы. Г. Ф. Арсеньевъ разсказываетъ, что ему не разъ случалось видѣть, какъ отдыхающій зырянинъ предавался глубокой мечтательности, слѣдя за убѣгающими облаками, закатомъ солнца, журчаніемъ воды, бѣгущей по камешкамъ. Каждый вечеръ партія сходится въ пывзянъ, куда сносятъ добычу промысла. Здѣсь сначала варятъ пищу, потомъ сдираютъ шкуры съ убитыхъ животныхъ, и мясомъ ихъ кормятъ собакъ. Когда кругомъ пывзяна добыча уменьшилась, охотники идутъ дальше, въ одну изъ прежнихъ или строятъ новую избу. Въ ноябрѣ они уже возвращаются назадъ, а въ декабрѣ добычу своего промысла отдаютъ скупщикамъ. Главная часть этой добычи: бѣлка, горностай и рябчики. Ихъ бьютъ не только изъ ружей, но и добываютъ въ силки, ловушки, которыя иногда ставятся верстъ за двадцать отъ пывзяна. Часто одинъ охотникъ разставляетъ около 500 штукъ ловушекъ. Иногда при дѣлежѣ на одного охотника достается отъ 400 до 500 бѣлокъ. Еще болѣе чѣмъ бѣлокъ, зыряне добываютъ рябчиковъ, которыхъ бьютъ изъ ружей и также ловятъ въ силки (слопы и петли), изъ которыхъ дичь часто вмѣсто охотника достается медвѣдю. За этимъ царемъ сѣверныхъ лѣсовъ промышленники охотиться не любятъ одинъ на одинъ, а бьютъ его партіями. Лисицы попадаются зырянину въ капканы или на приманки, къ которымъ примѣшивается сулема. Нѣкоторые промышленники здѣсь еще выкармливаютъ лисятъ, вынимая ихъ изъ лисьихъ норокъ...

Смышленость зырянъ и практическій тактъ ихъ нигдѣ такъ хорошо не выразились, какъ въ ихъ отношеніяхъ къ самоѣдамъ. Было время, и очень недавно, когда самоѣды были владѣтелями громадныхъ стадъ, пасшихся въ Больше-Земельской, Мало-Земельской, Тиманской и Канинской тундрахъ. Между ними считался бѣднякомъ — человѣкъ, у котораго было тысячи двѣ или три оленей. Нѣкоторые номады владѣли сотнями тысячъ этихъ животныхъ; но стоило только самоѣдамъ завести правильныя сношенія съ зырянами, какъ послѣдніе все прибрали къ своимъ рукамъ—и стада, и богатства самоѣдовъ, такъ что теперь бывшіе Ротшильды этого племени — служатъ пастухами у зырянъ, ставшихъ владѣльцами ихъ табуновъ. При помощи водки, торговли мукою, обманывая на каждомъ шагу самоѣда, зырянинъ сдѣлался хозяиномъ тундры, въ которой его воля стала рѣшительницей судьбы бѣднаго племени, нѣкогда царившаго въ этихъ тундрахъ. Повторю

здѣсь сказанное мною въ другомъ мѣстѣ: зыряне Могченгской, Красноборской, Усть-Кожинской и другихъ волостей Мезенскаго уѣзда душатъ благосостояніе самоѣдовъ въ глуши, гдѣ надзоръ за ихъ торговою дѣятельностію невозможенъ, гдѣ робкое, пассивное племя исконныхъ обладателей Мезенской тундры представляетъ каждому мало-мальски ловкому, юркому и плутоватому торгашу безграничный просторъ для приложенія къ дѣлу своихъ хищническихъ наклонностей. Нечего и говорить, что отношенія между первыми и вторыми являются исключительно въ видѣ грабежа, насилія, спаиванія. Едва ли найдется въ настоящее время средство остановить дальнѣйшее развитіе кабалы, со всѣхъ сторонъ охватившей несчастное полудикое племя, вырождающееся съ поразительною быстротою. Мезенскіе зыряне — нынѣ помѣщики самоѣдовъ. Эта часть зырянскаго племени вышла изъ Яренскаго уѣзда Вологодской губерніи по приглашенію новгородскаго ушкуйника Ластки, получившаго отъ Іоанна IV грамату на заселеніе рѣки Печоры и ея притоковъ. Зыряне осѣли по обоимъ берегамъ рѣки Ижмы, первоначально въ томъ районѣ, который теперь включенъ въ предѣлы Могченгской волости. Сюда же переселены нѣсколько новгородцевъ и семеро самоѣдовъ съ семействами, бросившіе кочевую жизнь. Первая грамата на отдѣльное владѣніе землею была дана новой колоніи царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ — и вначалѣ зыряне ограничивались только расчисткою лѣсовъ подъ пашни, сѣнокосами и рыбными ловлями по Печорѣ и по Ижмѣ. Только впослѣдствіи — вступивъ въ ближайшія сношенія съ самоѣдами — зыряне поняли всѣ выгоды оленеводства, стали обзаводиться оленями, поручая ихъ самоѣдамъ, такъ какъ отваживаться на поѣздки въ неисходную глушь мезенскихъ (или какъ называли тогда югорскихъ) тундръ они еще не рѣшались. Одновременно съ этимъ въ тундры стала черезъ зырянъ проникать и водка. Немного погодя, мы уже видимъ зырянъ положительными распорядителями этихъ пустынь и владѣльцами стадъ, принадлежавшихъ прежде самоѣдамъ. Тогда же они принялись и за иной способъ дѣйствій. Самоѣды къ лѣту обыкновенно удаляются на морскіе берега, какъ для спасенія своихъ оленей отъ комаровъ, такъ и для промысловъ. Зыряне, слѣдуя за ними по пятамъ, вытаптывали тѣ моховыя пажити, которыя обезпечивали зимнее продовольствіе для оленей. Количество послѣднихъ стало уменьшаться, да и хозяева ихъ, самоѣды, начали послѣ того переходить къ зырянамъ батраками, работниками; опаиваемые, преслѣдуемые, обворованные и ограбленные зырянами, самоѣды дошли до такого печальнаго положенія, что возрожденіе этого племени стало притчею во языцѣхъ. Они владѣютъ только $^{1}/_{15}$ стадъ, принадлежавшихъ имъ прежде, $^{14}/_{15}$ находятся у зырянъ и у русскихъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, не имѣя никакихъ правъ на владѣніе тундрой—

на дѣлѣ ея безконтрольные хозяева. Нынче зыряне оттѣсняютъ и чердынскихъ купцовъ, торгующихъ по р. Печорѣ. Они развили у себя замшевое производство, захватили всю торговлю края въ свои руки, понастроили по теченію р. Ижмы богатыя и людныя села, а въ послѣднее время предпріимчивѣйшіе изъ нихъ стали уже показываться въ Чердыни, въ Москвѣ и даже на Макарьевской ярмаркѣ. Зырянинъ на первый взглядъ покажется вамъ и глуповатымъ, и дубоватымъ, но вы не вѣрьте этой располагающей къ довѣрію внѣшности. Въ концѣ концовъ онъ оказывается такимъ пройдохой, который навѣрное разъ двадцать обернетъ васъ кругомъ пальца, пока успѣете вы замѣтить это.

Уральскіе казаки.

Пустынныя и безграничныя степи русскаго юго-востока на отдаленнѣйшихъ окраинахъ своихъ ложатся мертвою глушью всюду, гдѣ только ни установилось наше казачество, колонизировавшее самые малоизвѣстные закоулки приволжскаго и приуральскаго захолустья, еще въ то время, когда и срединныя части Великаго Княжества Московскаго не отличались особенною густотою населенія. Бросьте взглядъ на эти, поразительныя своимъ величавымъ однообразіемъ, глади. Вотъ онѣ стелятся передъ вами золотистымъ песчанымъ просторомъ или изумрудными безграничными ширями зеленѣющихъ пастбищъ. На горизонтѣ — ни горныхъ цѣпей, ни куполообразныхъ холмовъ. Только туманныя, мягко рисующіяся въ отдаленіи, полосы камыша означаютъ теченія медленно струящихся рѣкъ. Тутъ негдѣ остановиться взгляду. Если нѣтъ по близости казачьей станицы или киргизскаго кочевья, одинокій путникъ только и услышитъ, что хриплый крикъ степнаго орла, рѣющаго въ недосягаемой вышинѣ ослѣпительно сіяющаго неба, да рѣзкій вой степнаго волка. Тишь невозмутимая, вѣющая на душу подавляющимъ чувствомъ одиночества. Вы видите передъ собою — пустыню, не знающую плуга, — просторъ, гдѣ голосъ человѣка раздается рѣже, чѣмъ крикъ барса... На всей этой безграничной глади разсѣяно множество соляныхъ озеръ, словно разбросанные щиты сверкающихъ на зелени равнинъ, подъ лучами лѣтняго солнца. Ночью подъ серебристымъ сіяніемъ луны, эти матово-бѣлыя глади тихихъ водъ, обрамленныя высокими метелками камыша, могутъ настроить душу на самыя очаровательныя созерцанія. Длинныя, граціозно извивающіяся бити Урала (Яикъ-рѣки), большаго и малаго Узеней и другихъ рѣкъ — привольно ложатся посреди этого, почти еще дѣвственнаго, царства пустыни, образуя тысячи заливныхъ острововъ, покрытыхъ высокою

травою, еще болѣе мелей — то кроющихся подъ голубыми струями, то выступающихъ песчаными дугообразными излучинами, сверкающими подъ зарею, словно пролитыя массы расплавленнаго золота. Кое-гдѣ, и то весьма рѣдко, попадаются кочевья киргизовъ съ шумными пасущимися вокругъ табунами и стадами и суетливою обстановкою степной жизни. На лучшихъ мѣстахъ этого края, у впаденія Урала въ Каспійское море, у быстрыхъ притоковъ, на хорошихъ промысловыхъ мѣстахъ, тянутся широко и привольно выстроенные поселки-станицы, гдѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ осѣли авантюристы и колонизаторы пустырей земли русской — казаки.

Въ 1574 году донской казакъ Нечай съ своею шайкою, грабившей суда, попадавшіяся имъ на Каспійскомъ морѣ, сильною бурею былъ отброшенъ въ устье р. Урала. Этому флибустьеру понравились дѣвственные берега впервые увидѣнной имъ рѣки съ ихъ привольною ширью, гдѣ было довольно мѣста для разгула бѣшеной натурѣ любаго атамана. Дружина его нашла случайно открытыя мѣста, лучше роднаго донскаго простора, — и верстахъ въ сорока отъ нынѣшняго Уральска ею было основано здѣсь первое казацкое поселеніе, первый русскій форпостъ, далеко вдвинувшійся въ малоизвѣстный край. Тотчасъ же съ учрежденіемъ станицы началась эпопея грабежей, битвъ, набѣговъ. Казаки, не смотря на свою малочисленность, являлись почти всюду смѣлыми побѣдителями. Такъ, черезъ десять лѣтъ, т. е. въ 1584 г., Нечай, захвативъ татарскій городъ Сарайчикъ и разграбивъ его, кинулся преслѣдовать татаръ до предѣловъ Хивы, гдѣ массы узбековъ подавили казаковъ своею численностью и почти вся рать русскихъ была захвачена въ плѣнъ. Говорятъ, что домой въ родныя станицы изъ этого набѣга вернулось только трое казаковъ, остальные погибли. Ногаи, жившіе вблизи, не разъ обращались въ Москву съ жалобами на казаковъ; но, безсильная относительно своихъ окраинъ въ то время, Москва отказалась отъ вмѣшательства въ дѣло яицкихъ шаекъ, оправдываясь тѣмъ, что послѣднія не считаются будто бы ея подданными. Это время было цвѣтущимъ періодомъ русскаго казачества вообще. Казачество внушало ужасъ азіятскому сѣверу и востоку; на югѣ казаки не разъ уже добирались до Азова и громили крымскую орду.

Сами казаки начали считать себя русскими подданными лишь при первомъ Романовѣ, Михаилѣ. Такъ, въ 1614 г. они не обинуясь выдали Заруцкаго съ Маріею Мнишекъ и другими ихъ сторонниками, искавшими убѣжища на Яикѣ, — князю Одоевскому. Въ это время ими основанъ былъ городокъ Гурьевъ, на устьяхъ Урала. Первымъ же городомъ въ этомъ краю былъ Яицкій-городокъ. Не оставляя борьбы съ окружавшими ихъ со всѣхъ сторонъ кочевниками, они за-

ь ловлями осетровъ и др. рыбы въ рѣкахъ этой дѣвственной
ни. Уже Алексѣй Михайловичъ нашелъ необходимымъ положить
ь удалымъ, полуразбойническимъ набѣгамъ яицкихъ казаковъ.
вслѣдствіе неоднократныхъ жалобъ на нихъ персидскаго шаха,
оселилъ между ними стрѣльцовъ; но это обстоятельство мало
ю дѣлу — и стрѣльцы скоро совершенно слились съ казаче-
ь, принявъ, разумѣется, и всѣ обычаи и замашки послѣдняго.
нно много стрѣльцовъ было переселено на берега Урала —
ъмъ Великимъ, со времени котораго подвиги уральцевъ, если и
геряли своего мужественнаго характера, то направлялись уже
грабежъ отдаленныхъ ханствъ и Персіи, но лишь на само-
у. Въ болѣе близкое къ намъ время, уральцы выступаютъ какъ
ижники Пугачева, который здѣсь нашелъ готовую почву для
всякаго рода. Это впрочемъ такъ общеизвѣстно, что мы не ста-
останавливаться на движеніяхъ яицкаго казачьяго войска, пере-
ваннаго послѣ того въ уральское.

ъ этого болѣе чѣмъ краткаго очерка — понятны тѣ условія,
вліяніемъ которыхъ мало-по-малу слагался видовой характеръ
скаго казачества. Въ поэтическихъ былинахъ его — прежде
слышится жизнь полная опасностей, въ нихъ какъ пульсъ бьется
ь подвиговъ и презрѣніе къ смерти. Въ пѣсняхъ ихъ — рельефно
тпаетъ любовь къ завоеванному ими краю, любовь къ этимъ луго-
гладямъ, къ этимъ безпредѣльнымъ равнинамъ. Прочтите, приво-
о хоть Желѣзновымъ, пѣсню про Яикъ-рѣку — и васъ поразитъ
ческое чувство этой горсти смѣлыхъ авантюристовъ, пониманіе
хъ и уловимыхъ лишь для чуткаго взгляда прелестей мѣстной
ды. Всѣ эти пѣсни льются, какъ степныя рѣки, медленно, по-
; но въ этой медленности, въ этомъ внутреннемъ покоѣ чувствуется
бладаніе, сила некрушимая, никогда не измѣняющая. Понятно,
тепной разбойникъ, какъ окрестили уральца его враги, не могъ
тать въ себѣ чувства безграничнаго уваженія къ женщинѣ. По-
послѣдняя здѣсь занимаетъ весьма низкое мѣсто. Рѣдкій казакъ
етъ свою жену — и бьетъ по принципу, какъ будто иначе бу-
поколеблена въ самыхъ основаніяхъ его власть, какъ главы семьи.
вдовою — женщина какъ мать не занимаетъ въ семьѣ высокаго
. Старшій сынъ считаетъ себя гораздо выше ея, хотя и оказы-
ей формальное и чисто-условное уваженіе.

рьба, вѣчная и непримиримая борьба, не дала уральцамъ возмож-
вглядѣться въ явленія окружающей ихъ природы. Отсюда самое
кое суевѣріе, самая безграничная вѣра въ духовъ, которые
являются многочисленнѣйшими, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Кромѣ
хъ всему славянству вѣрованій, тутъ есть своя особенная нечисть.

Она попадается и въ водѣ, и въ лѣсу, и въ лугахъ — и повсюду вообще, куда только ни забрасываетъ казака его удаль. Все переполнено сверхъестественными силами. На каждомъ шагу уралецъ окруженъ ими. Помянетъ ли онъ чорта — чортъ тутъ какъ тутъ. Возвращается ли онъ пьяный съ пирушки, нечисть чутко сторожитъ его — и бѣда несчастному, если онъ одинъ! Въ каждой рѣчкѣ, въ каждомъ омутѣ есть шишиги — умершіе безъ покаянія люди. Живутъ они такъ до суднаго дня — и живутъ, строго говоря, недурно. Ѣдятъ въ волю, пьютъ тоже. Если шишига мужчина, онъ часто появляется въ мірѣ въ видѣ красиваго, ловкаго, богатаго, хорошо одѣтаго парня. Его любятъ на гибель свою дѣвки, потому что каждая отдавшаяся ему — тоже становится шишигой. Точно такъ же и жонки-шишиги получаютъ отъ чорта отпускъ, чтобы, являясь въ міръ, смущать своею красою легковѣрныхъ и слишкомъ уже горячихъ парней. Правда, есть возможность жонку-шишигу опять воротить землѣ. Стоитъ только прочесть надъ ней молитвы, да кинуть на нее крестъ. Только если крестъ этотъ снять съ нея хоть на одну минуту въ теченіе года — она тотчасъ же исчезнетъ — и пиши пропало. Жонки шишиги являются къ своимъ любезнымъ тайкомъ; при этомъ онѣ требуютъ, чтобы на мѣстахъ свиданій не было ни образовъ, ни крестовъ. Любовь ея для царя та же пагуба, потому что мѣсяца въ три онъ изсохнетъ и умретъ отъ ея ласкъ.

Шишиги впрочемъ занимаются не одними любовными похожденіями.

Рыболовы уральцы не разъ вмѣсто осетровъ ловили эту нечисть; наловятъ, продадутъ скупщикамъ — осетры какъ осетры. Повезутъ добычу купцы, смотришь — она по дорогѣ и расползется во всѣ стороны, домой только пустые возы придутъ. Коли рыболовъ одинъ, шишига пожалуй и покажется ему изъ воды и потолкуетъ съ нимъ по душѣ. По землѣ шишиги шляются только до колокольнаго звона, котораго онѣ вообще не любятъ. Между ними бываютъ добрыя, но попадаются и злыя.

Главное занятіе уральскихъ казаковъ — рыболовство. Они преимущественно ловятъ въ Уралѣ осетровъ, составляя для этого правильныя, хорошо организованныя вольныя никѣмъ не эксплуатируемыя партіи. На мѣста лова одновременно съ промышленниками направляются и ловкіе цѣловальники съ боченками неизбѣжной водки. Каждый вечеръ, когда вдоль пустынныхъ и тихихъ береговъ пустынной рѣки, или на какомъ либо изъ небольшихъ, безлюдныхъ острововъ ея, затеплятся и засверкаютъ костры и въ котлахъ закипитъ вкусная уха, — въ кружкахъ усталыхъ промышленниковъ слышится русская пѣсня, рѣющая словно вольная птица надъ всѣмъ этимъ воднымъ и степнымъ просторомъ. Небольшія байдарки колышутся въ струяхъ рѣки; едва-едва

колеблются метелки камыша, ясный мѣсяцъ мечтательно глядитъ съ безоблачнаго, темно-синяго неба, и миріады крупныхъ южныхъ звѣздъ искрятся и лучатся надъ этою заповѣдною глушью... Внезапно издали послышится порою ревъ барса, гдѣ-то словно вспугнутая крикнетъ птица, и тотчасъ же зашуршатъ въ воздухѣ тяжелые взмахи крупныхъ крыльевъ... Хорошо грезится и хорошо спится послѣ трудоваго дня подъ монотонные, словно ласкающіе и убаюкивающіе звуки этихъ — мѣрно набѣгающихъ на длинныя отмели берега — струй... Тутъ-то слагаются чудныя былины, отъ которыхъ вѣетъ свѣжею ночною синью и прохладой, широкой, родной рѣкою, однообразнымъ шелестомъ камыша и луговой травы; но порой и въ этихъ былинахъ какъ рѣзкіе крики барса проносятся дикіе грозовые звуки, предупреждая васъ, что въ мирномъ и покойномъ промышленникѣ живетъ еще и понынѣ несокрушимая и буревая мощь стараго колонизатора окраинъ великой земли русской — казацкаго удальца, яицкаго неутомимаго и безпощаднаго богатыря.

Впрочемъ рыбный промыселъ не всегда представляетъ такія идиллическія картины. Иногда (особенно часто это случается весною) водопольемъ несчастную и жалкую байдарку казака отнесетъ внизъ по рѣкѣ — и Господь знаетъ придется ли ей остановиться, или эту ничтожную щепку черезъ одинъ изъ своихъ рукавовъ Уралъ выброситъ въ Каспійское море. Въ прежнее время также часто случалось, что рыбаковъ захватывали киргизы, обращая ихъ затѣмъ въ рабство, или продавая въ Хиву. Рабъ — у нищаго, кочеваго степняка! Ужасъ этого положенія — не можетъ быть сравненъ ни съ чѣмъ. Ему нѣтъ возврата, нѣтъ надежды ни на что лучшее. Тѣ, которые читали очерки даровитаго нашего писателя Каразина, поймутъ безвыходныя условія плѣна, выпадавшаго часто на долю уральцевъ. Часто киргизы ловили казака для исполненія надъ нимъ обряда и обѣта родовой мести. Его зарѣзывали какъ барана, съ соблюденіемъ извѣстныхъ церемоній надъ могилою убитаго имъ въ бою киргиза. Впрочемъ, это еще лучшій исходъ. Годы невольничества, въ грязи, нищетѣ, подъ градомъ неустанныхъ палочныхъ побоевъ, подъ надзоромъ сотни глазъ — это едва ли не хуже смерти.

Кромѣ рыболовства уральцы занимаются также и охотою. Самая любимая охота ихъ — это преслѣдованіе сайгаковъ. Оно требуетъ необыкновенной осторожности, присутствія духа, вѣрности глаза и быстроты. Да наконецъ, слѣдя за стадомъ сайгаковъ, казакъ цѣлые дни долженъ проводить въ своихъ милыхъ степяхъ, лицомъ къ лицу съ подстерегающей его на каждомъ шагу опасностью. Тутъ онъ перерождается, напоминая собою типы, очерченные Куперомъ въ его романахъ изъ жизни американскихъ дикарей. Подкрадываться къ сайгаку нужно

съ соблюденіемъ самыхъ тонкихъ предосторожностей. Сайгакъ чутокъ, и довольно одного шороха, чтобы стадо ихъ стремглавъ летѣло куда нибудь вдаль, гдѣ ужь его не нагнать ни на какихъ лошадяхъ. Часто казаки на этой охотѣ обвертываютъ себя травою, вѣтвями или накрываются шкурою сайгака. По вѣтру послѣдній тоже хорошо чуетъ близость человѣка — и съ этой стороны подобраться къ нему невозможно.

Понятно, что такая жизнь не можетъ дать особеннаго простора грамотности въ населеніи удалыхъ промышленниковъ и охотниковъ. Дѣйствительно, между уральскими казаками еще весьма мало знающихъ даже читать. Молодежь уральская или отправляется на рыбныя ловли, или же, оставаясь дома, занимается воинственными играми. Большая часть послѣднихъ, разумѣется, воспроизводитъ набѣги. Половина мальчиковъ представляетъ шайку барантачей киргизовъ, другая — русскихъ. Тутъ уже дѣти пріучаются къ тѣмъ боевымъ хитростямъ, которыя имъ потомъ приходится примѣнять къ дѣлу съ такимъ успѣхомъ и отвагой...

При этомъ нельзя не пожалѣть, что многіе высказываются противъ существованія казачества въ наше время. Это учрежденіе еще не отжило своего вѣка. Послѣднія войны наши съ средне-азіатскими ханствами, какъ нельзя лучше, доказали справедливость такого замѣчанія — и уральцамъ предстоитъ еще не мало дѣла на нашихъ окраинахъ — и въ поступательномъ движеніи Россіи на востокъ уральцы играютъ не маловажную роль.

Таковы нѣкоторыя, бытовыя черты этого уголка нашего отечества, заброшеннаго въ неисходную глушь, — горсть рѣчныхъ пиратовъ долго была надежнымъ оплотомъ противу вторженія въ наши предѣлы полудикихъ кочевниковъ. Тутъ же находили просторъ для своей дѣятельности тѣ широкія, непримирившіяся съ регламентаціей московскихъ собирателей Руси и первыхъ Романовыхъ, силы, которыя, оставаясь въ центрахъ, могли бы помѣшать объединенію велико-россійскаго племени — объединенію, хотя и созданному въ чаду пожаровъ, пытокъ и насилій, но представляющему неизбѣжное и высоко осмысленное историческое явленіе, такъ какъ оно создало мощную опору для славянства, безъ того стертаго бы съ лица земли.

Бродячіе и осѣдлые остяки.

Сѣверъ Тобольской губерніи представляетъ безотрадную картину неоглядной шири, сплошь занятой топями, болотами и необозримыми лѣсами, все понижающимися по направленію къ Ледовитому океану и вовсе исчезающими у береговъ его. Сѣрое небо низко виситъ здѣсь

надъ промерзлою снѣговою гладью громадныхъ пустынь. Шумъ и движеніе жизни чужды этому унылому простору. Громадныя рѣки тянутся здѣсь посреди низменныхъ береговъ своихъ, на которыхъ изрѣдка темнѣютъ убогія кочевья властителя и обитателя тундры — остяка, да жалкіе чумы бродячаго самоѣда или вогула, заходящихъ сюда изрѣдка изъ сосѣднихъ губерній Европейской Россіи. Между этими рѣками — значительнѣе всѣхъ Обь — главный нервъ этого края, единственно удобный путь для сообщенія съ крайнимъ сѣверомъ Березовскаго округа. Ея притоки даютъ возможность на легкихъ челнокахъ пробираться въ отдаленнѣйшую глушь этой пустыни, которая зимою замираетъ словно въ летаргическомъ снѣ, окованная ледяными цѣпями полярныхъ морозовъ. Тогда только легкій сѣверный олень прокладываетъ человѣку путь по однообразнымъ снѣгамъ и замерзшимъ болотамъ — и въ теченіе семи мѣсяцевъ другаго сообщенія между различными пунктами нѣтъ, да и быть не можетъ.

Чѣмъ далѣе къ западу, чѣмъ ближе къ сѣвернымъ отрогамъ уральскаго хребта, тѣмъ виды березовскихъ пустынь дѣлаются разнообразнѣе и живописнѣе. Тутъ у Константинова камня, вдоль р. Кары, у горы Пай-яръ и Сабли, путникъ невольно остановится, пораженный чуднымъ величіемъ ярко-сверкающихъ вершинъ, словно плавающихъ въ лазури недосягаемо-высокаго неба, — граціозными линіями увѣнчаныхъ купами ели и сосны скатовъ, вдоль которыхъ порою тянутся причудливые гребни скалъ, — мирными зеленѣющими цѣпями холмовъ, оттѣняющихъ однообразныя линіи горизонта... Картины этой природы достаточно уже описаны нами въ статьѣ «Самоѣды», поэтому мы и не станемъ здѣсь говорить о пейзажахъ этой окраины горнаго хребта, такъ какъ его восточные склоны въ Тобольской губерніи почти тожественны съ западными въ Архангельской.

На всемъ этомъ просторѣ кочуютъ племена остяковъ, общая численность которыхъ — до 12,000 чел., вмѣстѣ съ племенами сибирскихъ самоѣдовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе принадлежатъ къ общему корню — и въ самомъ типѣ ихъ сказываются такія сходныя черты, что, напримѣръ, Кастренъ проводилъ едва намѣченную разграничительную черту между ними. Остяки — не особенно рослый народъ. Между ними мало найдется индивидуумовъ выше средняго роста. Смуглое, безкровное, скуластое лицо, острые черные глаза, словно высматривающіе изъ щелей, широкій и короткій носъ — вотъ что кинется въ глаза случайному наблюдателю. Затѣмъ онъ замѣтитъ, что большая часть этихъ лицъ почти совершенно лишены бороды (остяки выщипываютъ и брѣютъ бороду); что даже сравнительно молодые номады этого племени кажутся стариками, по обилію морщинъ и вялому ихъ харак-

теру; что движенія ихъ неповоротливы, тяжелы, неуклюжи... Весьма часто остяки обезображены оспой или сифилисомъ, двумя бичами полярныхъ пустынь, вырождающими ихъ племена, борьба противъ коихъ почти невозможна при настоящихъ условіяхъ кочевой жизни.

Языкъ, которымъ говорятъ остяки, мало имѣетъ сходства съ нарѣчіемъ самоѣдовъ. Впрочемъ, пограничные съ Архангельской губ. остяки приняли не мало самоѣдскихъ и зырянскихъ словъ, остальныя же выраженія и часто конструкціи — русскаго языка. Собственно остяцкій языкъ распадается на нѣсколько вѣтвей; самымъ чистымъ изъ этихъ нарѣчій считается сургутское. Они почти вовсе не поютъ пѣсенъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ послѣднія существуютъ у насъ. Остякъ просто напѣваетъ названіе встрѣчающихся ему предметовъ, или вещей, которыя онъ когда-то видѣлъ и сохранилъ въ своей памяти. Часто эти предметы соединяются съ именами милыхъ людей — и только. Такъ же бѣдны и немногосложны ихъ преданія. Собственно историческаго быта или чего либо въ родѣ этого у нихъ и искать нечего. Даже и суевѣріе ихъ весьма бѣдно и блѣдно. Да, то и понятно. Мертвая пустыня сѣвера, скудная красками и линіями, не разовьетъ фантазіи убогаго дикаря, вся жизнь котораго — неустанная борьба изъ-за куска хлѣба, изъ-за возможности не умереть сегодня, а что будетъ завтра — Господь вѣдаетъ.

Олень даетъ главныя средства къ жизни остяку номаду. Кожи его — составляютъ одежду послѣдняго. Та же малица, что и у самоѣдовъ — длинный изъ оленьяго мѣха мѣшокъ съ рукавами, къ которымъ пришиты рукавицы. Она шьется шерстью внутрь и на подолѣ украшается выпушкою изъ собачьяго мѣха. Изъ того же матеріала шьются и шаровары, также шерстью къ тѣлу; къ шароварамъ придѣланы мѣховые чулки съ такими же башмаками. Лѣтняя одежда еще дополняется широкимъ кожанымъ поясомъ съ громадной металлической бляхой, къ которому привѣшиваются ножъ, трубка, кремень и огниво. Остяки, живущіе въ сосѣдствѣ русскихъ, вмѣсто малицъ носятъ холщевыя рубахи съ воротниками и нарукавниками краснаго или желтаго сукна. Случается, что къ рубашкамъ прикрѣпляютъ металлическіе откладные воротники преимущественно изъ олова, къ которымъ придѣланы различныя украшенія изъ бусъ, кусочки цвѣтнаго стекла и другихъ предметовъ. Эти же остяки въ ненастье надѣваютъ широкіе сермяжные мѣшки съ капишономъ для головы, называемые гусемъ. Зимою къ вышеописанному мѣховому костюму прибавляютъ *пимы* (обувь изъ оленьяго мѣха, шерстью вверхъ), *парху*, шубу изъ длиннаго оленьяго мѣха шерстью также вверхъ. Парха, когда она сшита особенно прочно, изъ толстыхъ кожъ, называется зимнимъ гусемъ. Кромѣ этого носятъ еще дома ягу — мѣховой халатъ, сшитый шерстью вверхъ

съ отложнымъ воротникомъ. Зимой и лѣтомъ, какъ мужчины, такъ и женщины, ходятъ съ открытой головой, только изрѣдка, въ особенно сильные морозы, накрывая ее мѣховою шапкой.

Остяки занимаются главнымъ образомъ звѣриными и рыбными промыслами или оленеводствомъ. Первые живутъ почти осѣдло. Они устроили въ посѣщаемыхъ ими урочищахъ по берегамъ рыболовныхъ рѣкъ или въ лѣсахъ избушки, называемыя ими *юрта*. Это — бревенчатые срубы, гдѣ крыша замѣняется бревнами, заваленными землею. Въ ней дѣлается отверстіе для выхода дыма. Въ стѣнѣ прорубается окно, стекло въ которомъ замѣнено или ледяною полосой, или же склеенными рыбьими шкурами. Сквозь маленькую и низенькую дверь входя внутрь этой промысловой избушки, вы прежде всего почувствуете дурноту отъ переполненной міазмами ея атмосферы, потомъ вы замѣтите повсюду грязь, нечистоту, копоть, покрывающую и очагъ, и нары, и цыновки, и оленьи шкуры, и самихъ обитателей этого непривлекательнаго угла. Кромѣ этихъ избушекъ, остяки устраиваютъ еще и амбары или клѣтушки, куда складываютъ свои съѣстные припасы и пожитки. У дверей обыкновенно настораживаютъ стрѣлы съ желѣзными наконечниками, такъ что всякій отворяющій дверь будетъ чуть не на смерть пораженъ ими. Лѣтомъ эти остяки живутъ въ деревянныхъ чумахъ.

Остяки, занимающіеся оленеводствомъ, постоянно живутъ въ чумахъ, общее устройство которыхъ мало чѣмъ отличается отъ самоѣдскаго, подробно описаннаго нами. Поразительная картина такого чумовья. Посреди снѣжной глади, раскинутые на значительное пространство одни отъ другихъ, поднимаются конусы, покрытые лѣтомъ берестою, зимою — оленьими шкурами. Дымъ подымается высоко изъ отверстій, продѣланныхъ на верху чумовъ, отъ очага располагаемаго обыкновенно по самой серединѣ этого незатѣйливаго жилища. Нѣсколько нартъ чернѣютъ вокругъ кочевья, стада оленей и мелкорослыя остяцкія собаки оживляютъ унылую картину кочевья. Внутри чумовъ почти всегда можно встрѣтить въ одной кучѣ: собакъ, голыхъ дѣтей, грязныхъ женщинъ, съ всклоченными волосами, и невозмутимо-важныхъ ихъ властелиновъ — мужей, отдыхающихъ близъ огня, въ ожиданіи, когда въ котелкѣ, подвѣшенномъ надъ очагомъ, закипитъ незатѣйливое варево.

Трудно сказать, что дѣлалъ бы остякъ, еслибы природа не снабдила его такимъ неизмѣннымъ помощникомъ, каковъ полярный олень. Стада послѣднихъ, принадлежащія остякамъ, считаются сотнями, тысячами головъ, — и еслибы не сибирская язва и оленья чума, то ихъ было бы вдвое. Олени даже не требуютъ особеннаго присмотра за собою. Довольно если при стадѣ находится нѣсколько штукъ собакъ, неустанно берегущихъ его противъ волковъ, собирающихъ стадо во

время непогоды, сгоняющихъ его къ кочевью. Олень остяцкій, какъ и самоѣдскій, съ грузомъ въ 10 пудовъ можетъ сдѣлать въ день до 40 верстъ; безъ груза же, на-легкѣ, до 100. Когда стадомъ въ окрестностяхъ выѣденъ весь мохъ, остякъ переноситъ свое чумовье на другое мѣсто, стараясь лѣтомъ подобраться поближе къ берегамъ Ледовитаго океана и впадающихъ въ него рѣкъ. Олень же служитъ и главнымъ способомъ къ продовольствію остяковъ. Оленина вяленая, сырая, вареная — составляетъ для нихъ идеалъ гастрономическихъ наслажденій, особенно же сырая. Остяки-рыболовы питаются преимущественно рыбой сушеной, вареной и сырой, и ягодами. Корреспондентъ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей сообщаетъ между прочимъ странный фактъ, что остяки не только не употребляютъ въ пищу грибовъ, но даже удивляются, что русскіе могутъ ѣсть ихъ. Сосѣди остяковъ, самоѣды, тѣ уже не только ѣдятъ, но и сушатъ грибы на зиму. Хлѣба остяки ѣдятъ мало, муку же примѣшиваютъ на похлебки изъ оленины или сырой рыбы. Признакомъ богатства инородца Березовскаго округа главнымъ образомъ служитъ чай, который онъ и пьетъ чуть ли не по шести разъ въ день. Какъ и самоѣды, они готовы продать все за скверную разбавленную водку, завозимую къ нимъ русскими промышленниками и березовскими купцами. Нѣкоторые изъ послѣднихъ пробовали было пустить въ тундрѣ въ продажу курительный табакъ; но остяки отнеслись къ нему совершенно равнодушно, — хотя всѣ они, не исключая прекраснаго пола, жуютъ листья табаку и нюхаютъ его почти постоянно.

Остяки, какъ и всѣ номады сѣвера, лѣнивы до крайней степени. Они начинаютъ работать только тогда, когда ихъ пришибетъ нужда; безъ того остякъ рѣдко возьмется за дѣло. Этимъ, разумѣется, пользуются не только русскіе сибиряки, но и зыряне Архангельской губерніи, эксплуатирующіе инородцевъ, входящихъ съ ними въ какія бы то ни было сношенія. Всего хуже у остяковъ положеніе женщины. Она здѣсь безотвѣтная раба, животное, которое по понятіямъ ея мужа только и имѣетъ одно неоспоримое право — рожать дѣтей. Она работаетъ на своего повелителя съ утра до ночи, не слыша отъ него ни одного ласковаго слова. Къ тому же и обычай поставилъ остячку въ самое тяжелое положеніе въ семьѣ. Она и за тяжелымъ трудомъ не смѣетъ разговаривать, если около сидитъ мужчина. Женщина у нихъ не должна старшимъ показывать своего лица. Впрочемъ этотъ обычай строго соблюдается только у остяковъ, мало сталкивавшихся съ русскими и не пріобрѣвшихъ еще кое-какой осѣдлости.

Между собою остяки удивительно кротки и миролюбивы. О ссорахъ и распряхъ между ними слышать почти не приходится въ тундрѣ. Они честны, гостепріимны и относятся дружелюбно даже къ березов-

скимъ эксплуататорамъ, обирающимъ это слабое и податливое племя. Ни одинъ остякъ не скажетъ вамъ, сколько ему лѣтъ. Времена года онъ дѣлитъ по промысламъ, свойственнымъ каждому изъ нихъ, и постоянно сбивается въ опредѣленіи періода, въ теченіе котораго случилось то или другое событіе. Языческія вѣрованія остяковъ похожи въ общихъ чертахъ на вѣрованія самоѣдовъ, и они до сихъ поръ, номинально придерживаясь христіанства, упорно держатся старыхъ суевѣрій. Первые зачатки христіанства здѣсь явились еще въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, но особенно широкое распространеніе его относится къ 1714 году, когда за это дѣло ревностно взялся митрополитъ Тобольска и Сибири Филоѳей.

Вотъ какъ между прочимъ одинъ знатокъ быта этихъ инородцевъ описываетъ ихъ обычаи при погребеніи своихъ мертвецовъ: инородцы ужасно боятся покойниковъ; если кто умретъ — чумъ сейчасъ разбираютъ, послѣ похоронъ окуриваютъ верестомъ или оленьимъ саломъ и переходятъ на другое мѣсто. Умершаго хоронятъ въ тотъ же день или не далѣе какъ на другой же день; одѣвъ его въ ту одежду, которую онъ носилъ, завертываютъ въ оленью кожу. Въ могилу, не глубоко вырытую, кладутъ и запасную одежду, которую покойникъ надѣвалъ когда либо при жизни. Кромѣ того къ мужчинамъ кладутъ еще ихъ ружья, топоръ, ножъ, сверло, ложку, котелокъ и прочія вещи, употребляемыя въ ихъ быту и на промыслахъ; къ женщинамъ — иголки, нитки, наперстокъ, ножъ и другія хозяйственныя принадлежности. Одного изъ любимыхъ оленей покойника, въ особенности на которомъ онъ всегда ѣздилъ, убиваютъ на могилѣ и тутъ же съѣдаютъ, оставляя только голову съ рогами и нарту, опрокинутую вверхъ полозьями. Они даже боятся говорить о покойникахъ, не только тронуть положенныхъ имъ вещей.

Остяки, какъ и самоѣды, носятъ нѣсколько именъ: одно христіанское, преимущественно уменьшительное—Ванька, Петька, Сенька; другое—свое, данное при рожденіи въ ознаменованіе какого нибудь событія — дождь, пурга и т. д.; третье—укрѣпившееся за нимъ прозваніе, означающее обыкновенно какую либо-рѣзкую, выдающуюся черту его характера. Часто сборщики ясака (податей) сбиваются съ толку этими разными именами, хотя остякъ, по свойственной ему честности, никогда не станетъ избѣгать такой уплаты.

Русскіе промышленники, являясь въ тундру, прежде заключенія какихъ либо торговыхъ сдѣлокъ, спаиваютъ инородца — крѣпкою и доброкачественной, быстро дѣйствующей водкой. Остяки въ этомъ состояніи ссорятся и дерутся другъ съ другомъ, шумятъ, веселятся по своему, и на другой день изъ чувства благодарности за доставленное удовольствіе отдаютъ явному мошеннику мѣха пушныхъ звѣрей, рыбу

и всю свою промысловую добычу, за ту цѣну, какую ему угодно будетъ назначить. Почти всѣ остяки занимаются звѣриными промыслами, при чемъ употребляютъ въ дѣло капканы, западни, самострѣлы, отраву, ружья, луки, а противъ волковъ, медвѣдей и дикихъ оленей — рогатины. Главный предметъ промысла — лисица, медвѣдь, песецъ, горностай, заяцъ, бѣлка, волкъ, бурундукъ и соболь. Птицеловство у нихъ развито также сильно. Они ловятъ гусей, утокъ и гагаръ, преимущественно сѣтями, въ которыя иногда попадаются разомъ до 100 и болѣе штукъ этой птицы. Вотъ какъ тотъ же очевидецъ описываетъ этотъ способъ ловли: выбираютъ на рѣкѣ выдающіеся лѣсные мысы или протоки и заливы, закрытые съ береговъ тальникомъ, и дѣлаютъ для пролета птицъ просѣки, шириною не болѣе сажени. Въ этой просѣкѣ ставятъ высокіе шесты съ прикрѣпленными вверху блоками и пропущенными въ нихъ тонкими веревками, привязанными къ сѣти, которая лежитъ на землѣ до пролета птицъ. Спугнутая съ рѣки стая птицъ ѣдущимъ въ лодкѣ человѣкомъ, или же произвольно перелетающая, поднявшись нѣсколько отъ поверхности воды, стремится въ первую прогалину лѣса, гдѣ видна вода или значительное открытое мѣсто. Въ это время ловкій промышленникъ вдругъ поднимаетъ сѣть — и рѣдкая птица изъ цѣлой стаи не сдѣлается его добычей. Ловля производится преимущественно на утренней или на вечерней зарѣ.

Рыбу ловятъ сѣтями, неводами, связанными изъ гибкихъ прутьевъ; крупную — бьютъ острогами. Такимъ образомъ добываютъ громадныхъ осетровъ, нельмъ, налимовъ, сельдей, щукъ, язей и окуней. Осетры вывозятся отсюда зырянами въ Архангельскъ, откуда эта рыба идетъ на столичные рынки. Впрочемъ обскій осетръ не отличается тѣмъ значительнымъ содержаніемъ жиру, который придаетъ особый вкусъ уральскому и др. Центромъ мѣстнаго пушнаго и рыбнаго торга является обдорская ярмарка. Но обыкновенно обдорскіе и березовскіе кулаки не допускаютъ остяковъ до прямыхъ сношеній со скупщиками мѣховъ и рыбы. Это достигается тѣмъ легче, что остяки зимою закабаляются ловкимъ плутамъ, предлагающимъ имъ въ долгъ водку и хлѣбъ. Насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ тобольская администрація не могла изыскать никакихъ способовъ, чтобы положить конецъ этой наглой эксплуатаціи довѣрчивыхъ инородцевъ сѣвера.

Остяки осѣдлые преимущественно живутъ въ урманѣ. Урманъ — это лѣсъ, состоящій изъ смѣшенія многихъ древесныхъ породъ, а именно кедра, пихты, осины, ели и березы. Около избъ этихъ инородцевъ уже и нынѣ попадаются разводимыя ими конопля и крапива, изъ которой они приготовляютъ холстъ. Деревни ихъ разбросаны преимущественно по Васюганской тундрѣ — громадному пространству топей, до того проникнутыхъ влажностію, что по нимъ не можетъ

проходить лось, не проваливаясь въ трясины. По всему этому необозримому болоту кое-гдѣ осѣли остяки, по сухимъ оазамъ и по верхушкамъ рѣдкихъ здѣсь холмовъ; деревушки инородцевъ состоятъ изъ пяти или шести избъ, близъ которыхъ устраиваются амбары съ навѣсами для нартъ — оленьихъ саней. Врытыя въ землю печи доканчиваютъ общую картину этого поселка, оставляющаго по себѣ самое унылое впечатлѣніе нищеты, грязи и безпріютности.

Таково это бѣдное племя, заброшенное въ холодныя топи и мертвыя пустыни далекаго сибирскаго сѣвера. Эксплуатируемое русскими, оно задыхается въ экономическомъ рабствѣ, работая всю жизнь на чужое богатство и счастіе. Подъ вліяніемъ убожества, заразительныхъ болѣзней, притѣсненій, оно выродилось и вырождается съ удивительною быстротою, — и уже недалеко то время, когда отъ него останутся только жалкіе обломки, безпомощно затерянные посреди снѣговаго простора полярныхъ степей, озаряемыхъ таинственнымъ блескомъ сполоха, въ глуши вѣковыхъ лѣсовъ, обступившихъ пустынные берега Оби, и въ топяхъ громадныхъ тундръ, на тысячи верстъ раскинувшихъ свои неоглядныя шири.

У насъ даже мало кто и изслѣдовалъ это племя.

Только одинъ изъ благороднѣйшихъ друзей человѣчества — Кастренъ жилъ между этими номадами, вглядываясь въ немудрую обстановку ихъ быта и изыскивая въ ихъ простыхъ преданіяхъ исторію колонизаціи этой мертвой пустыни. Кастренъ за свою любовь къ наукѣ поплатился жизнью — и послѣ него уже не являлось болѣе такихъ самоотверженныхъ и великихъ изслѣдователей полудикихъ расъ Сибири.

Юраки.

Скучное и безотрадное мѣсто — Туруханскій край!

Кажется, даже и въ Сибири трудно найти страну, которая наводила бы такое уныніе на случайнаго путника, какъ эти безлѣсныя, болотныя глади, разстилающіяся въ неоглядную даль подъ сѣрымъ, низко нависшимъ небомъ.

Черныя трясины на каждомъ шагу, рѣдкіе кусты жалкаго березника, да кочки усѣявшія топь — вотъ детали этой тундры, берега которой залегли далеко въ негостепріимныя и никѣмъ непосѣщаемыя воды Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Молчаніе пустынныхъ гладей прерывается здѣсь только дикимъ воемъ пурги, безпрепятственно разстилающейся по неоглядныхъ ширямъ Туруханскаго края. Даже въ короткое лѣто онъ не расцвѣтаетъ

тою мимолетною роскошью красокъ, какими богаты тундры Архангельской губерніи. Только кое-гдѣ пестрые ковры ягеля разнообразятъ суровое величіе этого арктическаго пейзажа. Даже у береговъ Енисея картина страны поражаетъ тѣмъ же скуднымъ просторомъ, тѣмъ же бездорожьемъ и безлюдьемъ.

Словно острова на югѣ громадной тундры подымаются купы лиственницъ, да изрѣдка величавый кедръ раскидываетъ въ недосягаемой высотѣ свою могучую вершину. Но и внутри этихъ лѣсовъ — та же тишина, то же безмолвное спокойствіе смерти, что и въ тундрѣ. Пересѣките эту пустыню — подойдите къ ея окраинамъ, къ этому подавляющему своею безконечностію океану — и вы встрѣтите все ту же голину...

Съ гулкимъ ропотомъ набѣгаютъ пѣнистые валы на низменные берега, усѣянные кое-гдѣ валунами, — и только гулъ, вѣчный, непрерывный гулъ океана напоминаетъ вамъ о механической, стихійной жизни, о механическихъ, стихійныхъ силахъ природы. Низко стелется туманъ по всему этому простору, а когда юго-восточный вѣтеръ разорветъ его сѣрую тяжелую завѣсу, передъ вами вдаль будутъ ложиться лишь одни то вздымающіеся, то опускающіеся гребни валовъ. Такими же низменными плоскостями подымаются острова Тазовской и Енисейской губъ — и только крики неугомонныхъ чаекъ, да назойливая болтовня залетной птицы отличаетъ ихъ отъ такихъ же ровныхъ гладей печальнаго континентальнаго берега.

Въ этомъ пустынномъ уголкѣ, между Тазовской губой и р. Тазомъ, Ледовитымъ океаномъ и р. Енисеемъ, живетъ мало извѣстное, бродячее племя самоѣдскаго корня — юраки, раздѣляющіеся на два рода: юраковъ тазовскихъ и береговыхъ. Тѣхъ и другихъ не насчитывается и 500 душъ обоего пола, при чемъ нельзя не обратить вниманія на то, что юраки едва-ли не единственный народецъ, въ которомъ число женщинъ вдвое менѣе числа мужчинъ. Прежде юраки были гораздо многочисленнѣе. Вырожденіе ихъ нужно приписать во первыхъ — деморализаціи, внесенной русскими въ Туруханскій край и выразившейся въ пьянствѣ и всякой неумѣренности, во вторыхъ эксплуатаціи ихъ русскими промышленниками и мошенничающими торговцами, а въ третьихъ истребительной войнѣ съ завоевателями страны, казацкими шайками, безпощадно убивавшими цѣлыя сотни беззащитныхъ инородцевъ, выжигавшихъ кочевья для грабежа, — короче, тому самому неизбѣжному историческому явленію, которое неизмѣнно повторяется въ эпопеѣ борьбы всѣхъ исконныхъ обитателей Сибири съ пришлымъ элементомъ. Существуютъ преданія, что въ Тазовской губѣ казакъ Семерядинъ топилъ юраковъ сотнями только изъ одного удальства.

Понятно, что и завоеватели, попадаясь въ руки озлобленныхъ юраковъ, не могли ждать, да и не ждали пощады.

Типъ юраковъ, не смотря на то, что они составляютъ только часть самоѣдовъ, не такъ уродливъ, какъ у остяковъ и другихъ инородцевъ Сибири. Довольно рослые, стройные и ловкіе дикари поражаютъ посторонняго наблюдателя пріятнымъ окладомъ лица, круглаго, обрамленнаго черными волосами. Черные, узкіе глаза смотрятъ открыто и бойко. Движенія не связаны, не неуклюжи. Женщинъ-юрачекъ трудно отличить отъ ближайшихъ русскихъ крестьянокъ Енисейской губерніи. Вообще нужно замѣтить, что въ настоящемъ типѣ этихъ инородцевъ замѣтно сильное вліяніе русскихъ, что весьма понятно, когда вспомнишь обычай первыхъ казаковъ брать себѣ наложницъ изъ среды этого племени, обычай не прекращавшійся до двадцатыхъ годовъ нашего вѣка. Ихъ одежда отличается отъ самоѣдской большею простотою и удобствомъ. Лѣтомъ они носятъ глухіе плащи изъ оленьей кожи (безъ мѣха), которые заботливо украшаютъ тесьмою, бусами, латунными пуговицами и лентами или, за недостаткомъ послѣднихъ, кусочками разноцвѣтныхъ сукопъ. Изъ той же кожи и съ тѣми же украшеніями дѣлаются бахилы, родъ обуви до колѣнъ. Зимою вмѣсто такого плаща они носятъ мѣховой, поверхъ котораго надѣваютъ *даху* (саванъ) изъ того же оленьяго мѣха — шерстью наружу, отдѣланный на подолѣ полосою волчьяго или собачьяго мѣха. Зимнія бахилы дѣлаются изъ мѣха оленьихъ ногъ, безъ всякихъ украшеній. Совикъ или даха перехватывается поясомъ изъ нерпичьей кожи, усѣянной блестками, мѣдными застежками и пуговками. Къ поясу привѣшиваются неизмѣнно громадный ножъ, кисетъ съ трубкою, табакомъ и огнивомъ, мѣховыя рукавицы изъ того же оленьяго мѣха дополняютъ костюмъ бродячаго юрака. Ихъ женщины носятъ свѣтлоголубые или красные суконные колпаки, мужскіе сапоги и парку (нѣчто въ родѣ мѣшка съ рукавами и отверстіемъ для головы) изъ оленьей кожи. Послѣдняя обшита всевозможными лоскутками яркихъ цвѣтовъ, а у болѣе богатыхъ юрачекъ и дорогимъ мѣхомъ; все это обведено тесьмою, украшено кольцами, пуговками, а волосы ихъ перевиты лентами, цѣпочками и даже серебряными деньгами. Гротеліусъ встрѣтилъ юрачку, волосы которой были перевиты цѣпочкою, къ каждому звену которой былъ подвѣшенъ червонецъ. Такихъ червонцевъ онъ насчиталъ до ста. Начиная съ шеи и до колѣнъ падаетъ нѣчто въ родѣ передника съ тѣми же украшеніями.

Пояса съ кисетомъ, ножемъ и трубкою можно встрѣтить на женщинѣ, такъ же какъ и на мужчинѣ. Вообще, по свидѣтельству Лоскутова, Головачева и другихъ, юрачки далеко не равнодушны къ собственной красотѣ и разоряютъ своихъ мужей на разныя побрякушки

точно такъ же, какъ наши барыни — на золото и брильянты. Какъ послѣ этого не согласиться, что наша цивилизація, измѣняя одну форму народныхъ обычаевъ, не вноситъ въ нихъ ничего новаго! По крайней мѣрѣ это неутѣшительное заключеніе вполнѣ приложимо къ области моды.

Мы выше говорили уже, что юраки не избѣгли общей судьбы бродячихъ инородческихъ племенъ — быть эксплуатируемыми. Енисейскіе купцы и промышленники возятъ въ тундру водку, табакъ, соль, хлѣбъ и украшенія для платья юрачекъ. За все это юракъ отдаетъ добычу своего промысла и мѣха своихъ оленей. Разумѣется, что взаимныя сдѣлки продавцовъ съ покупателями представляютъ систему не сложнаго, но тѣмъ не менѣе правильно организованнаго мошенничества; многіе инородцы, благодаря этому, находятся въ неоплатныхъ долгахъ, а слѣдовательно и въ полнѣйшей кабалѣ у русскихъ. Впрочемъ, за то юраки являются безусловными распорядителями своего промысла и своихъ стадъ, чего нельзя сказать объ остякахъ и самоѣдахъ. Это обстоятельство нужно отнести къ тому, что юраки все-таки смѣтливѣе своихъ соплеменниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже читаютъ и пишутъ по-русски, и въ то время, какъ прирѣчные тазовскіе юраки держатся своихъ старыхъ обычаевъ — приморскіе сливаются мало-по-малу съ русскимъ населеніемъ, принимая его нравы, одежду и къ несчастію — пороки. Первые еще вѣрны варварскимъ суевѣріямъ старины; женщина у нихъ въ загонѣ и считается нечистой; они продолжаютъ поклоняться Нуму и духамъ; за то вторые стали христіанами настолько же, насколько христіанинъ — русскій поселенецъ. Первые еще татуируютъ и разрисовываютъ лицо рыбьими костями, углемъ, растительными красками; вторые дошли до пѣнія русскихъ обрядовыхъ пѣсенъ. Первые до сихъ поръ стрѣляютъ изъ луковъ, вторые привыкли къ огнестрѣльному оружію. Тѣ и другіе впрочемъ живутъ еще въ чумахъ, устройство которыхъ совершенно одинаково съ устройствомъ чумовъ самоѣдовъ мезенскихъ. При всемъ желаніи жить осѣдло, приморскіе юраки едва ли когда нибудь придутъ къ этому. Оленеводство, главнѣйшій ихъ промыселъ, обусловливаетъ именно бродячій образъ жизни. Принужденные перекочевывать съ однѣхъ моховыхъ пажитей на другія, юраки едва ли когда нибудь построятъ себѣ постоянныя избы. Юраки тазовскіе между прочимъ считаютъ полубогами медвѣдей и волковъ, почему, не смотря на всю свою жадность, не ѣдятъ мяса первыхъ; приморскіе же не только ѣдятъ своихъ полубоговъ, но и охотятся за ними съ особенной настойчивостію. Юраки тазовскіе рѣдко моются и отличаются вообще крайнею неопрятностію; приморскіе напротивъ ознакомились даже съ употребленіемъ мыла, а представительницы ихъ прекраснаго пола даже

покупаютъ у енисейскихъ торговцевъ бѣлила и румяна. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ и въ средѣ этого немногочисленнаго инородческаго населенія тайны косметическаго искусства пріобрѣтутъ право гражданства вмѣстѣ съ развратомъ, пока еще здѣсь неизвѣстнымъ.

Новорожденныхъ своихъ юраки погружаютъ въ воду или снѣгъ съ разными варварскими церемоніями при этомъ, для укрѣпленія его организма. Мать кормитъ грудью свое дитя отъ 5 до 6 лѣтъ. Это поразительное по долговременности своей явленіе повторяется у многихъ номадовъ сѣвера, т. н. у чукчей, у коряковъ и у камчадаловъ. Дѣти преимущественно умираютъ въ первые годы, потому что при недостаткѣ заботливости о нихъ и при суровости климата рѣдкому придется выдержать всѣ его пагубныя вліянія. Впрочемъ, за то остающіеся живыми отличаются желѣзнымъ здоровьемъ и силой. Въ семь или восемь лѣтъ тазовскіе юраки учатъ своихъ дѣтей стрѣльбѣ изъ лука, благодаря чему юраки — превосходные стрѣлки. Путешественники разсказываютъ, что многіе изъ нихъ расщепляютъ одну предварительно пущенную стрѣлу другою. Дѣти убиваютъ изъ пращи небольшихъ птицъ, дѣвочки же съ самаго ранняго возраста занимаются домашнимъ хозяйствомъ и вообще не сидятъ безъ дѣла.

Юракъ, желающій жениться, долженъ прежде всего получить согласіе отца своей невѣсты. Онъ посылаетъ къ нему сватовъ, которые, являясь въ чумъ, оставляютъ тамъ какой нибудь подарокъ. Если онъ не возвращенъ — слѣдовательно предложеніе принято и остается только уговориться въ выкупной суммѣ за дѣвушку. Переговоры по этому предмету совершаются въ безусловномъ молчаніи. Сватъ и отецъ невѣсты отмѣчаютъ у себя на биркахъ количество оленей, требуемыхъ за нее. Наконецъ они сходятся, обыкновенно на 10—12 оленяхъ. Затѣмъ начинаются взаимныя посѣщенія, оргіи, пока женихъ не увезетъ дѣвушку въ свой чумъ. Даже христіане юраки неизмѣнно повторяютъ всѣ эти обряды старины. О своихъ больныхъ юраки заботятся до послѣдняго часа, не отходя отъ нихъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ родичъ заболѣетъ горячкой или оспой, недугами неисцѣлимыми по ихъ убѣжденію. Отъ реверберації снѣга они часто теряютъ зрѣніе и лечатся, пуская кровь изъ вѣкъ. Изъ своихъ ранъ они высасываютъ кровь и затѣмъ покрываютъ ихъ мохомъ. Если, не смотря на всѣ мѣры, юракъ умираетъ — остальные бросаютъ не только чумъ, но и районъ, гдѣ расположенъ былъ послѣдній. Погребеніемъ занимаются исключительно мужчины. Они вбиваютъ въ землю четыре сваи, соединяемыя наверху перекладинами, покрытыми циновками, сплетенными изъ вѣтвей. На эту платформу кладется тѣло, завернутое въ оленьи шкуры. По ихъ вѣрованію, только такимъ путемъ умершій

можетъ взобраться на небо, гдѣ для него начинается та же жизнь съ оленями и собаками, но болѣе изобильная и пріятная. Вмѣстѣ съ мертвецомъ кладется вся его утварь, но поломанною. Послѣдній обычай — новаго происхожденія, онъ принятъ съ тѣхъ поръ какъ казаки начали похищать ее съ этихъ могильныхъ сооруженій. За тѣло приносится въ жертву самый старый въ стадѣ олень, непремѣнно самецъ, голова котораго оставляется на платформѣ. Пробывъ вблизи мертваго три или четыре дня, юраки на пятый бросаютъ нѣсколько стрѣлъ вверхъ и перекочевываютъ по тому направленію, куда упали стрѣлы. Если бы они остались на мѣстѣ погребенія, то по ихъ вѣрованію мертвый утащилъ бы ихъ съ собой на небо. Поразительное впечатлѣніе производятъ на непривычнаго человѣка эти оригинальныя могильныя постройки юраковъ. Въ безлюдной тундрѣ, гдѣ все дышетъ смертью и подавляющимъ отсутствіемъ звуковъ и красокъ жизни — передъ вами вдругъ высится оставленный пустой чумъ, съ потухшимъ давно очагомъ внутри, да высокая платформа, на которой недвижно лежитъ завернутый въ оленьи шкуры юракъ. Внизу, у самыхъ свай — пропасть волчьихъ слѣдовъ. Самыя сваи носятъ на себѣ знаки ихъ зубовъ. Будь онѣ пониже — отъ тѣла не осталось бы и костей... Зимою тамъ тѣла замерзаютъ, а лѣтомъ высыхаютъ. Замѣчательно, что отсутствіе жизни здѣсь до такой степени сильно, что въ трупѣ, выставленномъ на вышинѣ, не заводятся даже и черви и самое разложеніе совершается крайне медленно, если и совершается впрочемъ.

Въ юрацкихъ семействахъ не было примѣра невѣрности супружеской. Мужъ—властитель своей жены и своихъ дѣтей. До завоеванія убійство мужемъ, жены, отцомъ — дѣтей не считалось вовсе преступленіемъ, и за это только приносилась очистительная жертва Нуму на уединенныхъ берегахъ Ледовитаго океана, въ тѣхъ собственно урочищахъ, гдѣ подымались сохраняющіеся и понынѣ идолы этого божества. На религіи юраковъ мы не останавливаемся — она одинакова съ подробно изложенной нами религіей самоѣдовъ мезенскихъ, съ тѣмъ различіемъ, что роли тадибеевъ здѣсь играютъ шаманы. Даже пріемы и одежда шамановъ юрацкихъ — одинаковы съ пріемами и театральнымъ костюмомъ тадибеевъ.

Главное занятіе юраковъ — оленеводство. Олень даетъ имъ матеріалъ для жилья и мѣха, и кожи для одежды и способы передвиженія. Юраки цѣнятъ его до такой степени, что иногда не рѣшаются заколоть домашняго оленя, — тогда какъ, убивъ дикаго, они съ жадностію накидываются на его мясо, и съѣдаютъ его по 14 ф. на каждаго. Они готовы скорѣе вытерпѣть голодъ, чѣмъ пожертвовать изъ своего стада однимъ изъ этихъ кроткихъ и полезныхъ животныхъ. Рыбная ловля и охота на птицъ доставляютъ имъ обильную пищу, почему

лѣтомъ они перекочевываютъ къ рѣчнымъ и озернымъ прибрежьямъ. Стада ихъ доходятъ до 1000 головъ, и во всякомъ случаѣ они богаче самоѣдовъ и остяковъ, промысла которыхъ, уже описанные нами, совершенно походятъ на промысла юраковъ.

Среди суроваго и негостепріимнаго края, раскинутые въ своихъ чумовьяхъ на сотни верстъ одни отъ другихъ, лицомъ къ лицу съ подавляющею, скудною природою, — юраки поражаютъ насъ тонкимъ пониманіемъ, хотя и бѣдныхъ, прелестей послѣдней. По крайней мѣрѣ это единственное племя самоѣдскаго корня, поющее пѣсни о природѣ и любви. Ихъ былины и сказанія, передающіяся въ дымной атмосферѣ жалкой юрты, при багровомъ блескѣ тусклаго очага, не лишены оригинальности и свидѣтельствуютъ, что нѣкогда это племя жило въ другомъ, болѣе благодатномъ краѣ .. А способности юраковъ даютъ возможность и имъ слиться съ остальнымъ населеніемъ Сибири для дружной работы надъ развитіемъ ея естественныхъ богатствъ. Это сліяніе — недалеко. Въ виду его было бы небезполезно сохранить нѣсколько бытовыхъ очерковъ немногочисленнаго, но мужественнаго племени, въ средѣ котораго развратъ и преступленія неизвѣстны и до настоящаго времени, несмотря на то, что русскіе внесли въ этотъ край водку, нищенство и кабалу...

Чукчи.

Трудно найдти страну непривѣтливѣе, климатъ суровѣе и жизнь скуднѣе, чѣмъ на той оконечности Сибири, которая омывается съ одной стороны Ледовитымъ, а съ другой Тихимъ океанами. Особенно мрачнымъ колоритомъ отличается край, лежащій за 65° къ сѣверу отъ линіи, проведенной черезъ Гижигинскъ и Нижнеколымскъ. Характеръ этой территоріи не лишенъ оригинальности и дикаго величія, но красота ея подавляетъ мысль, пугаетъ душу случайнаго путника. Громадный просторъ не оживляется зеленью привѣтливо раскинувшагося лѣса, мертвые луга только на два мѣсяца запестрѣютъ желтыми и бѣлыми цвѣтами, напоминающими вамъ о роскошной растительности иныхъ широтъ. Безплодныя долины этого края — безчисленны. Также неисчетны черныя вершины обнаженныхъ горъ, каменные скаты которыхъ только изрѣдка покрыты густою порослью ягеля—оленьяго моха. Эта пустыня—беззвучна. Словно царство смерти, сковываетъ она громкое слово и смѣлую пѣсню. Гребни горъ причудливо изрѣзаны выступами скалъ, то острыхъ и длинныхъ какъ готическія колокольни, то полукруглыхъ какъ купола, то неровныхъ, изъ-зубренныхъ, покрытыхъ щебнемъ и вѣчными снѣгами. По долинамъ

образуемымъ часто отвѣсными скатами горъ, бѣгутъ весною грозные потоки. У рѣкъ, вливающихся въ Арктическое море и Тихій океанъ, лѣтомъ сосредоточивается все живое, тутъ бьется пульсъ этого сумрачнаго края. Но отойдите отъ рѣки на версту или двѣ — и та же мертвая глушь охватитъ васъ со всѣхъ сторонъ, неотступно преслѣдуя вашу мысль подавляющимъ однообразіемъ дикихъ пейзажей. А зимою страна еще неприглядиѣе, еще сумрачнѣе. Снѣга сглаживаютъ всѣ трещины, разщелины и выступы горъ, снѣга заваливаютъ долины, покрываютъ ложа окованныхъ льдомъ рѣкъ — и только полярное сіяніе отсвѣтомъ своего мрачно-сверкающаго сегмента придаетъ фантастическую жизнь и призрачное движеніе этому бѣлому простору...

Судьба и сюда, въ этотъ дикій и печальный уголъ заносила изгнанниковъ. Жизнь ихъ была одною безпрестанною агоніей. Дѣти роскошнаго юга, они замирали и гасли здѣсь среди мертваго молчанія и почти вѣчныхъ снѣговъ. Не дай Богъ никому вынести то, что выносили они! Лучшимъ исходомъ для нихъ была смерть. Другіе сходили съ ума, третьи рѣшались на самоубійство. Правда, ниже 65° край этотъ становится привѣтливѣе, густые лѣса покрываютъ его глади, и самыя болота зеленѣютъ подъ сочною порослью сѣверной флоры, но и здѣсь дикая жизнь номадовъ заключена въ такіе тѣсные предѣлы, что отъ нея съ ужасомъ отступитъ мало-мальски развитой человѣкъ. Весь этотъ районъ, отъ Олуторовска до береговъ Ледовитаго океана и отъ Чаунской губы и Гижичи до Берингова моря, занятъ бродячимъ населеніемъ чукчей и коряковъ. Первые нераздѣльно владѣютъ территоріей, простирающейся къ сѣверу отъ рѣки Анадыри, и не пускаютъ селиться и кочевать здѣсь не только чуждыхъ имъ русскихъ, но и коряковъ, съ которыми они имѣютъ много общаго. Къ югу отъ Анадыри до самой Камчатки земля номинально принадлежитъ корякамъ и ламутамъ, но не смотря на это чукчи и кочуютъ и живутъ между ними; впрочемъ, южнѣе Олуторовска ихъ уже не видно. Чукчи, коряки и ламуты по всей вѣроятности составляли одно племя. Въ ихъ языкахъ, обычаяхъ и преданіяхъ мало различій. Случайныя обстоятельства, междоусобица, характеръ обитаемыхъ ими странъ раздѣлили ихъ до такой степени, что теперь многіе этнографы рѣшились даже считать чукчей отдѣльною расой. Они не похожи ни на одно изъ сибирскихъ племенъ. Въ ихъ преданіяхъ до сихъ поръ хранятся воспоминанія о томъ, что когда-то ихъ было гораздо больше чѣмъ теперь, они составляли сильный народъ, но что различія въ промыслѣ и борьба за преобладаніе между различными родами раздѣлили ихъ. Въ этомъ сказаніи — несомнѣнные слѣды ихъ племенной общности съ коряками. Вмѣстѣ съ послѣдними чукчи принадлежатъ къ тому же корню, какъ и алеуты, т. е. къ эскимосамъ. У всѣхъ у нихъ че-

репъ вдавленъ въ вискахъ и плоскъ у затылка Монгольская раса отличается отъ этихъ инородцевъ Сибири болѣе узкими глазами, плоскимъ лицомъ и низкимъ лбомъ. Черноволосые, они, какъ говоритъ Паули, иногда выраженіемъ лица производятъ весьма пріятное впечатлѣніе на туриста. Въ самыхъ обычаяхъ племенъ крайняго сѣверовостока Сибири есть рѣзкія черты, отличающія ихъ отъ остальныхъ народовъ этой громадной страны. Такъ, чукчи и отчасти коряки только одни сохранили привычку татуироваться. Они въ одномъ и томъ же чумѣ или юртѣ помѣщаются по нѣскольку семействъ разомъ, чего не допускаютъ нравы остальныхъ народовъ нашихъ азіятскихъ областей. Въ самыхъ легендахъ чукчей нѣтъ никакихъ указаній на связь этого племени съ тунгузами, бурятами, остяками, юкагирами и т. д. Ихъ преданія, если можно такъ выразиться—обращены лицомъ къ востоку — на ту великую родину, гдѣ до сихъ поръ невозбранно растетъ и развѣтвляется корень эскимосской расы. Въ позднѣйшихъ сказаніяхъ, правда, встрѣчаются смутные намеки на болѣе западныя племена Сибири, но это намеки на битвы съ ними, на ожесточенную, варварскую борьбу. Это указаніе на то, что чукчи вытѣснили аборигеновъ занимаемаго нынѣ края и вытѣсняли ихъ на западъ. Въ одной изъ пѣсенъ, поющихся на ихъ свадьбахъ, какъ разсказываетъ туземецъ Аныровъ, чукча говоритъ, что семья его всегда будетъ безопасна отъ трусовъ, обитающихъ за Чаунскою губою, и что его дѣти будутъ грабить у послѣднихъ, какъ у ихъ исконныхъ враговъ, мѣха пушнаго звѣря и добычу рыбнаго промысла.

Чукчи имѣютъ прирожденную страсть къ мѣновой торговлѣ. Это смѣлые охотники и промышленники, которыхъ до сихъ поръ не удавалось еще поставить въ кабальную зависимость русскимъ эксплуататорамъ и кулакамъ, захватившимъ въ ежовыя рукавицы остальныхъ инородцевъ Сибири. Чукча и до сихъ поръ совершенно свободенъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, которыми наши купцы окружили остяковъ, самоѣдовъ, тунгусовъ и камчадаловъ. Чукча смѣтливъ и въ петлю не полѣзетъ. Его не проведешь призрачными выгодами, на которыя ловятся остальныя племена. Этотъ полудикій инородецъ—чрезвычайно воинственъ. Онъ и до сихъ поръ еще не совсѣмъ покорился русскимъ, не смотря на двухсотлѣтнюю отчаянную борьбу. Онъ свирѣпо отстаивалъ и отстаиваетъ свою независимость отъ казаковъ — и въ его территоріи не удавалось еще безнаказанно поселиться ни одному русскому и коряку. На самую мѣновую торговлю чукчи являются вооруженными и готовыми разомъ отразить оружіемъ всякое посягательство на ихъ интересы. Самая борьба ихъ съ русскими носитъ на себѣ такой варварскій оттѣнокъ, что и привычный и знакомый съ ужасами сибирскихъ войнъ человѣкъ невольно отступитъ отъ страшныхъ

картинъ убійства массами, грабежей и дикихъ нашествій, переполняющихъ эту эпопею. Вотъ какъ г. Паули разсказываетъ о заселеніи этого края въ своей статьѣ «Peuples de la Sibérie orientale»: Въ началѣ семнадцатаго вѣка казаки захватили край, гдѣ нынѣ находится Нижне-Колымскъ, населенный тогда племенами инородцевъ, изъ коихъ нѣкоторыя, принадлежавшія быть можетъ къ юкагирамъ — исчезли нынѣ совсѣмъ. Казаки вторглись въ эту страну черезъ устье Колымы и посредствомъ мирнаго и ласковаго обращенія и подарковъ пріобрѣли себѣ расположеніе ея обитателей. Чтобы приготовить себѣ вѣрное на всякій случай убѣжище, казаки въ 1644 году построили себѣ деревянный острогъ, на мѣстѣ нынѣшняго Нижне-Колымска, и затѣмъ съумѣли такъ ловко вмѣшиваться въ распри туземцевъ, что мало-помалу заставили ихъ вполнѣ дружелюбно платить себѣ подать. Нѣкоторыхъ они даже крестили, — и съ возрастаніемъ вліянія русскихъ, число новокрещенныхъ такъ увеличилось, что въ началѣ восемнадцатаго вѣка, даже прежде учрежденія Иркутской епархіи, въ этой странѣ была уже церковь и священники. Однако крещеніе всѣхъ инородцевъ колымскихъ было совершено только въ промежутокъ между 1800 и 1810 годами. Настоящая же страна чукчей къ сѣверу отъ 65° до настоящаго времени чужда христіанству. Только нѣсколько чукчей, бывшихъ въ Аніуитскомъ острожкѣ съ торговыми цѣлями, обращены въ христіанство. Зимою 1811 года, священникъ Слѣпцовъ, движимый неустанною ревностію къ вѣрѣ и полный самоотверженія, прошелъ на пятьсотъ верстъ къ востоку отъ Нижне-Колымска въ страну чукчей, тогда еще болѣе дикихъ и враждебныхъ русскимъ, чѣмъ нынѣ. Такимъ образомъ Слѣпцовъ добрался до Чаванской губы, на старыхъ картахъ называемой Чауномъ, а по-чукотски — Чава, Чауа, Чауанъ. Тамъ прежде жилъ народъ, который въ чукотскихъ преданіяхъ извѣстенъ подъ именемъ чаваша, чавашей, имя напоминающее современныхъ намъ чувашей. Казаки въ первый разъ встрѣтились съ чукчами двѣсти лѣтъ тому назадъ въ устьѣ Колымы, откуда эти свирѣпые и враждебные инородцы удалились по берегамъ Чавана, бѣжа передъ «бородатыми поджигателями» русскими, которыхъ они и теперь еще называютъ мильгитанами, отъ слова: мильгиръ—огонь. Такимъ образомъ, жившіе прежде въ этой странѣ и постоянно притѣсняемые чукчами—омоки были оставлены въ покоѣ. Смѣлый атаманъ Дежневъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ — и сопровождаемый нѣсколькими омоками, служившими ему переводчиками и проводниками, рѣшился въ 1648 году пуститься въ море на семи судахъ изъ устья Колымы. Льды разбили и расплющили почти всѣ его суда. Безпомощный на этихъ негостепріимныхъ берегахъ, онъ только съ двумя судами достигъ до мыса Эррена, гдѣ онъ встрѣтилъ чукчей и при посредствѣ подарковъ за-

велъ съ ними дружественныя сношенія. Потомъ онъ предпринялъ знаменитую экспедицію свою чрезъ Беринговъ проливъ, названный все-таки по имени мореплавателя, посѣщавшаго его значительно позже.»

Обращаясь къ другимъ источникамъ, видно, что дальнѣйшія отношенія этихъ инородцевъ къ русскимъ завоевателямъ были уже совершенно иными. Казаки начали нападать на чукчей и разорять ихъ. Послѣдніе отвѣчали тѣмъ же. Не разъ случалось, что, являясь подъ видомъ купцовъ и гостей въ становье чукчей, русскіе убивали ихъ всѣхъ, имущество ихъ уносили съ собою, а юрты сжигали. Точно такъ же поступали и чукчи. Они заходили въ русскіе острожки съ пушнымъ товаромъ—и пользуясь первою оплошностію русскихъ, истребляли и грабили ихъ. Впрочемъ нужно отдать справедливость—зачинщиками ссоръ и распрей, начинателями всевозможныхъ варварствъ—были наши соотечественники. Разсказы о томъ, какъ съ живыхъ номадовъ сдирали кожу, какъ чукчей жгли на маломъ огнѣ, а ихъ беременнымъ женщинамъ взрѣзывали животы — и теперь передаются въ юртахъ инородцевъ этой сибирской окраины. Нельзя при этомъ не разсказать одного случая. Лодку съ десятью голодными, слабыми и больными казаками выбросило бурею невдалекѣ отъ чукотскаго становья. Инородцы приняли умирающихъ враговъ, накормили ихъ и одѣли. Чѣмъ же отплатили русскіе? Они воспользовались отлучкою мужчинъ-чукчей на промыселъ, перебили ихъ женъ, захватили лучшіе мѣха, перерѣзали оленей и сожгли юрты, затѣмъ на той же лодкѣ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, отплыли отъ берега. Небо, впрочемъ, не оставило безнаказанными этихъ гнусныхъ разбойниковъ. Спустя нѣсколько времени, тѣла ихъ были найдены южнѣе, посреди голой каменной луды, гдѣ всѣ они умерли повидимому отъ голода, не успѣвъ воспользоваться плодами своего преступленія. Другой случай также отвратителенъ. Казакъ взялъ себѣ въ жены молодую чукотскую дѣвушку. Свадьба въ чукотской юртѣ была отпразднована по обрядамъ инородцевъ. Противъ всякаго обычая, казаку надавали всевозможныхъ мѣховъ и подарковъ, молодые на чужихъ оленяхъ и выѣхали изъ становья. На другой день чукчи нашли несчастную новобрачную зарѣзанною невдалекѣ отъ того угодья, гдѣ они жили. Понятно, что подобные поступки воспитывали въ номадахъ чувство мести и ненависти къ завоевателямъ — и не дикари виноваты, если послѣдующія страницы исторіи захватовъ въ этомъ краѣ облиты русскою кровью. Къ счастію, рядомъ съ этими тяжелыми для патріота сценами, встрѣчались и примѣры великодушія и честности, обнаруженныя тѣми же флибустьерами сибирскихъ тундръ — казаками. Въ оправданіе жестокостей, совершавшихся послѣдними, нужно принять въ соображеніе и

то, что въ ихъ крови было не мало инородческой, такъ какъ эти казаки женились не въ Россіи, а въ восточныхъ областяхъ Сибири.

По образу жизни чукчи раздѣляются на осѣдлыхъ или береговыхъ и на кочующихъ. Послѣдніе изъ нихъ гораздо богаче первыхъ. Они постоянно переходятъ съ мѣста на мѣсто, съ горъ въ равнины и обратно, блуждаютъ по болотамъ, отыскивая пастбища для своихъ стадъ. По роду занятій эти инородцы подраздѣляются на оленеводовъ, на морскихъ чукчей, промышляющихъ рыболовствомъ и охотою за морскимъ звѣремъ, и на чукчей-торговцевъ, ведущихъ мѣновую торговлю съ русскими. Вообще замѣчено, что чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ эти номады становятся зажиточнѣе, а стада ихъ многочисленнѣй. Оленеводы чукчи всѣ предметы первой необходимости покупаютъ у осѣдлыхъ, живущихъ преимущественно у устьевъ рѣкъ и въ глубинѣ многочисленныхъ бухтъ къ югу отъ Берингова пролива. Дѣятельнѣе всего мѣновая торговля ихъ производится въ двухъ мѣстностяхъ — въ Аніутскомъ-острогѣ на маленькой рѣчонкѣ Аніуѣ, въ 250 или 300 верстахъ отъ Нижне-Колымска; на Круговой-майнѣ, одномъ изъ рукавовъ Колымы, расположенъ другой торжокъ ихъ. Въ первый ежегодно сходятся чукчи, живущіе по всему побережью отъ Ледовитаго океана до Берингова пролива. Аніутскій-острожекъ собственно и устроенъ съ этою цѣлію, въ остальное время года онъ почти необитаемъ. Сюда попадаютъ изъ Нижне-Колымска на нартахъ, въ которыя запрягаютъ около дюжины и болѣе собакъ. Нѣтъ ничего выносливѣе этихъ собакъ. Кормятъ ихъ только разъ въ день—и то на каждую идетъ не болѣе десяти мороженныхъ сельдей. Цѣнность хорошихъ собакъ доходитъ до 10 и даже до 15 р., впрочемъ ѣзда на нихъ требуетъ особеннаго искусства и навыка. Американецъ Кенанъ, путешествовавшій по Камчаткѣ и по землѣ Ламутовъ и Коряковъ, не разъ описываетъ неудобство этихъ поѣздокъ. Собаки на ходу не останавливаются до тѣхъ поръ, пока не упадутъ отъ усталости. Поэтому, если нарта обернется—вамъ придется кое-какъ волочиться на боку большія разстоянія, пока этимъ импровизированнымъ буцефаламъ Сибири не благоугодно будетъ дать себѣ отдыхъ. Точно также они не подождутъ, если путникъ выскочитъ изъ нарты, наткнувшейся на пень. Неосторожный будетъ оставленъ посреди снѣговаго безлюдья на жертву волковъ или голодной смерти. Собаки эти не знаютъ дороги. Онѣ мчатся цѣлиной, не обращая вниманія ни на колоды, ни на холмы, ни на сугробы снѣгу. На такое тяжелое странничество способны только русскіе. Нужна громадная энергія, неутомимость, способность выносить самыя существенныя лишенія, чтобы по общепринятому способу путешествовать въ этихъ отдаленныхъ и мертвыхъ пустыняхъ. Мѣновая торговля ведется не въ самомъ Аніутскѣ, а въ извѣстномъ разстояніи отъ него

на открытомъ воздухѣ на снѣгу или на ледяной поверхности рѣки Аніуй. Видъ кочевьевъ въ это время бываетъ необычайно оригиналенъ и даже живописенъ. Чукчи полукругомъ разставляютъ свои нарты, строя кучками (по родамъ) юрты изъ легко переносимаго войлока. У кочующихъ чукчей располагаются впереди—юрты болѣе богатыхъ, а у осѣдлыхъ—болѣе мудрыхъ и опытныхъ инородцевъ. Кочующіе чукчи раскидываютъ свой станъ первые, за ними уже могутъ выбирать мѣста—осѣдлые. Прежде, когда чукчи являлись на этотъ торжокъ вооруженными, сношенія съ ними были чрезвычайно опасны для русскихъ. Русскіе везутъ сюда товары издалека, даже изъ Якутска, переправляя ихъ сначала на Нижне-Колымскъ. Наши грузы состоятъ преимущественно изъ черкасскаго табаку, желѣзныхъ издѣлій, мелкихъ стекляныхъ вещицъ, зеркальцевъ и т. п., холстовъ, тесьмы, выдровыхъ, волчьихъ и россомашьихъ мѣховъ. Въ обмѣнъ на это русскіе торговцы получаютъ оленьи, бобровые, рысьи, куньи и другіе мѣха. Сюда даже изъ Америки привозятъ моржевые зубы. Чукчи купцы являются на Аніутскую ярмарку, побывавъ въ отдаленнѣйшихъ захолустьяхъ американскаго сѣверо-запада. Тамъ они вымѣниваютъ у эскимосскихъ инородцевъ мѣха и другую промысловую добычу, съ выгодою сбываемую русскимъ.

Такимъ образомъ, благодаря этому торжку, русскіе товары получаютъ сбытъ въ полярныхъ окраинахъ Америки, а произведенія этихъ негостепріимныхъ пустынь проникаютъ въ Европейскую Россію. Кромѣ того, береговые чукчи, входя въ сношенія съ инородцами, занимающимися боемъ китовъ у Берингова пролива, везутъ на эту же ярмарку моржовые клыки, китовый усъ, сало и др. предметы. Клыки направляются отсюда въ Китай. Тутъ же чукчи уплачиваютъ свой ясакъ и иногда поручаютъ чиновникамъ въ знакъ своего вѣрноподданства препроводить въ Петербургъ, для поднесенія Государю Императору, чернобурыхъ лисицъ. За это они получаютъ почетные кафтаны, сабли и деньги. Разсказываютъ, что въ прежнее время на этой ярмаркѣ совершалось самое возмутительное мошенничество. Русскіе купцы обманывали инородцевъ и обижали ихъ. Но такой порядокъ продолжался не долго. Не обращаясь съ жалобами къ чиновникамъ, чукчи распоряжались сами. Послѣ нѣсколькихъ убійствъ и варварскихъ грабежей, совершенныхъ обманутыми дикарями, русскіе сообразили, что съ ними нельзя вести дѣла такъ же какъ съ другими, болѣе миролюбивыми инородцами Сибири, — и стали по неволѣ честны. Съ тѣхъ поръ и случаи насилія прекратились.

По свидѣтельству Алатырова, на Аніутскую ярмарку собирается до 1,500 торговцевъ-чукчей. Г. Паули, очевидно, взялъ весьма низкія

цифры, считая всѣхъ торгующихъ чукчей на этомъ торжкѣ отъ 300 до 900 чел.

Чукчи-оленеводы занимаютъ южныя и внутреннія части этой страны. Языкъ ихъ и обычаи чрезвычайно похожи на коряцкіе. Они и зимою и лѣтомъ живутъ въ чумахъ или юртахъ изъ оленьихъ шкуръ, гдѣ помѣщается обыкновенно по нѣскольку семействъ вмѣстѣ. Мужчины, женщины и дѣти спятъ всѣ вмѣстѣ. Воздухъ здѣсь бываетъ ужасенъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Одинъ русскій купецъ, говоритъ Крашенинниковъ, чуть не умеръ въ такомъ чумѣ, гдѣ помѣщалось до двадцатя чукчей. Прибавьте къ испареніямъ ихъ тѣлъ и ихъ дыханію запахъ просушиваемаго платья и обуви — и вы поймете, чѣмъ должны дышать эти инородцы. Случается нерѣдко, что и чукчи выползаютъ совершенно голые изъ своихъ чумовъ и едва-едва оправляются на холодномъ воздухѣ, посреди собакъ и нартъ, на бѣлой снѣговой пеленѣ, окружающей ихъ пустыни. Чукчи-оленеводы питаются мясомъ оленей и другихъ звѣрей, промышляемыхъ ими. Вкусы ихъ въ этомъ отношеніи весьма неприхотливы. Сусловъ видѣлъ, какъ нѣсколько дикарей съ жадностію пожирали мясо мертвой нерпы, выброшенной волнами океана на сѣверные берега. Морскіе звѣри—вмѣстѣ съ рыбою — доставляютъ пищу и чукчамъ осѣдлымъ. Послѣдніе преимущественно питаются сельдью и другой рыбой. Тѣ и другіе, впрочемъ, весьма прожорливы, чему не разъ удивлялись русскіе. Одинъ путешественникъ, напримѣръ, разсказываетъ, что просыпавшіеся ночью чукчи принимались за ѣду — и доѣвъ остатки приготовленной вечеромъ пищи, заваливались спать. Одѣваются они лѣтомъ по-русски, а зимою—по своему въ оленьи шкуры. Кукоянка или парка ихъ обшивается по краямъ собачьимъ, выдровымъ или бобровымъ мѣхами, воротъ украшенъ собачьими хвостами, но верхомъ роскоши считаются обшивка изъ россомашьяго мѣха. Волчьи шкуры — въ большомъ почетѣ; онѣ употребляются для шапокъ. Капюшоны, съ головою животнаго, употребляются или во время войны, или вообще въ опасныхъ предпріятіяхъ. Мужчины стригутъ и даже брѣютъ (Сусловъ) себѣ волосы, оставляя ихъ только въ видѣ кружка на темени, чтобы вплетать туда кораллы и другія украшенія. Мужчины и женщины носятъ серьги, а послѣднія, кромѣ того, и татуируютъ лицо. Чукчи не носятъ бороды вовсе, вырывая ее вонъ. Женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя падаютъ по обѣ стороны головы. Иногда они стригутъ темя, а на рукахъ носятъ браслеты изъ желѣза и мѣди. Осѣдлые чукчи живутъ по берегамъ Сѣвернаго Ледовитаго океана въ числѣ 10,000 чел. Имъ принадлежитъ до 1,500 юртъ. Они раздѣляются на пятьдесятъ родовъ. Это — бывшіе оленеводы, обнищавшіе отъ потери своихъ стадъ и заброшенные крайнею бѣдностью на суро-

вые берега сумрачнаго моря. Съ ними впрочемъ не слѣдуетъ смѣшивать намолло-чукчей, живущихъ по берегамъ Комошенской бухты и устья Анадыри въ числѣ 1,000 чел. Эти непосредственно происходятъ отъ эскимосовъ и живутъ небольшими деревушками, лѣтомъ въ юртахъ, а зимою въ землянкахъ, вырытыхъ близъ устьевъ рѣки. Ихъ языкъ составляетъ нарѣчіе Кадьякаго. Намолло-чукчи миролюбивы, гостепріимны, веселы, но преданы грубѣйшимъ суевѣріямъ шаманства и крайне неопрятны. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не одинъ г. Паули; Сусловъ идетъ еще далѣе, утверждая, что намолло-чукчи никогда не моются. Чукчи вообще страстно любятъ табакъ, водку и охоту. Послѣдняя составляетъ ихъ постоянное занятіе, не смотря на то, что море даетъ имъ обильную добычу рыбы. Онѣ знаютъ употребленіе ружей и луки мало-по-малу выводятся у нихъ вовсе. Только самые сѣверные чукчи стрѣляютъ еще звѣря изъ луковъ. Впрочемъ всѣ чукчи употребляютъ исключительно кремневое ружье. О мѣткости ихъ стрѣльбы разсказываютъ очень многое. Такъ, судя по словамъ г. Алатырова, они бьютъ лисицу въ глазъ, волка тоже— и никогда не даютъ промаха.

Чукчи признаютъ многоженство, но не платятъ калыма за женщину. Уже этотъ обычай отличаетъ ихъ отъ остальныхъ народовъ Сибири, монгольскаго происхожденія. Женихъ служитъ пастухомъ у отца невѣсты — и только пріобрѣтя его расположеніе, можетъ добиваться любви дѣвушки, безъ согласія которой свадьбы не устроится. Вдова передается по наслѣдству въ жены же брату ея умершаго мужа. Никто не помогаетъ женщинѣ во время родовъ. Она сама обмываетъ ребенка. Говорятъ, что въ этомъ случаѣ употребляется не вода, а урина. По крайней мѣрѣ г. Паули повторяетъ это, прибавляя, что такая жидкость у чукчей считается тѣмъ же, чѣмъ у европейца одеколонъ и прочіе духи. Мертвыхъ чукчи бросаютъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ и только изрѣдка сжигаютъ ихъ трупы. Единственный музыкальный инструментъ чукчей — нѣчто въ родѣ бубна, которымъ они акомпанируютъ себѣ во время пѣнія, выражая его звуками и радость, и печаль. Такой бубенъ находится въ каждой юртѣ—и часто издали еще путникъ слышитъ его звуки, не видя самаго жилья. Пѣсни чукчей крайне немногосложны. Они поютъ о томъ, что видятъ. Таковы свадебныя ихъ пѣсни. Единственнымъ исключеніемъ служатъ только историческія ихъ пѣсни, въ которыхъ воспѣваются ихъ богатыри, стародавнія были и болѣе близкія къ нашей эпохѣ битвы съ казаками. Между прочимъ въ одной пѣснѣ разсказывается, какъ одинъ чукча отправился прямо на сѣверъ отъ Берингова пролива и черезъ три года плаванія достигъ счастливой земли — гдѣ не переводился звѣрь для охоты и мухоморы расли на

каждомъ шагу. Нужно замѣтить, что настой изъ этихъ грибовъ для камчадаловъ, коряковъ и чукчей служитъ опьяняющимъ ихъ лакомствомъ. О дѣйствіи такого напитка мы скажемъ въ статьѣ о камчадалахъ.

Главные праздники чукчей бываютъ въ апрѣлѣ, іюлѣ и августѣ. Въ первомъ—когда олени щенятся, во вторыхъ, когда тѣхъ же оленей убиваютъ на одежду. Наконецъ есть еще осенній праздникъ по окончаніи времени течки. Во время этихъ праздниковъ номады ѣдятъ до отвалу, играютъ на своихъ бубнахъ, поютъ и разсказываютъ стародавнія были, пьютъ водку и иногда настой изъ мухомора. Все это сопровождается играми и шутками, на наши глаза крайне циничными и неудобопередаваемыми въ печати. Дѣти природы впрочемъ не знаютъ нашего стыда. По словамъ г. Паули, во время войны чукчи надѣваютъ родъ кирассы, защищающей ихъ отъ пуль; въ мирное же время они ходятъ все-таки вооруженными однимъ или двумя ножами. Они не имѣютъ жрецовъ, каждый отецъ семейства служитъ шаманомъ для послѣдняго. Передъ началомъ рыбнаго промысла въ Чаунской губѣ, избирается одно особенно почетное лицо, для совершенія молитвъ и жертвоприношеній. Приносятся въ жертву олени и собаки. По положенію убитаго животнаго, узнаютъ волю боговъ. Носятся слухи, что въ особенно важныхъ случаяхъ чукчи приносятъ человѣческія жертвы, но это далеко еще не доказано. Впрочемъ изъ свѣдѣній, собранныхъ прежними путешественниками, видно, что злодѣйство такого рода въ прошломъ столѣтіи еще встрѣчалось въ средѣ этихъ инородцевъ.

Вотъ какъ г. Паули разсказываетъ объ одномъ торжественномъ жертвоприношеніи чукчей, совершенномъ въ 1755 году, близъ Аніутскаго острога, передъ началомъ ярмарки: Чукчи расположили полукругомъ на берегу рѣки Аніуя свои нарты, переполненныя товаромъ. Несчетныя стада оленей окружали ихъ лагерь. Женщины и дѣвушки одѣлись въ лучшія свои платья, украшенныя самыми странными рисунками. Онѣ первыя начали торжество, очищая землю отъ снѣга. Потомъ онѣ поставили на нарты, расположенныя полукругомъ, высокія жерди, обвернули ихъ кожами и получили такимъ образомъ родъ юрты, по срединѣ которой былъ устроенъ очагъ съ трубою, выводящею дымъ. Внутри были развѣшаны два полога изъ двадцати оленьихъ шкуръ. Помѣщенія внутри юрты, раздѣленной пологами, были освѣщены каганцами, въ которыхъ горѣло китовое сало. Земля также была покрыта мѣхами оленей. Тамъ было мѣсто для восьми человѣкъ. Передъ гостями — русскими — поставили маленькій и низенькій столъ съ тремя оловянными тарелками; угощеніе состояло изъ сухаго оленьяго мяса и копченыхъ оленьихъ языковъ. Потомъ подали чай. Въ это время женщины приготовляли яства изъ корней, смѣшанныхъ съ кровью,

изъ сала и мозга оленей, и варили все это на открытомъ воздухѣ. Хозяйка дома почерпнула ножомъ этой смѣси и плеснула ею на всѣ четыре стороны, приглашая гостей явиться на пиршество съ своими «серебряными ложками». Послѣ пира начались приготовленія къ жертвоприношенію. Изъ стада былъ выбранъ олень, котораго привели въ юрту. Одна изъ женщинъ, взявъ дротикъ, приблизилась къ животному и убила его однимъ ударомъ. Олень упалъ, склонивъ голову въ ту сторону, откуда пришли гости, что вызвало веселое восклицаніе хозяйки и такой же отвѣтъ отъ присутствовавшихъ. По знаку хозяина, его жена погрузила руку во внутренность убитаго животнаго и брызнула вокругъ его кровью. — Такимъ образомъ были принесены въ жертву пять оленей и пять собакъ.

Чукчи имѣютъ идоловъ, представляющихъ ихъ духовъ и невидимыхъ существъ, называемыхъ кьеленами и крекамъ-чатканами.—Идоловъ этихъ они повсюду носятъ съ собою, привязывая ихъ или къ платью или нося на шеѣ. Чукчи думаютъ, что горы, рѣки и др. урочища имѣютъ своихъ добрыхъ и злыхъ духовъ, называемыхъ авинраліанъ. Они приносятъ въ даръ послѣднимъ стрѣлы, табакъ, сало иногда жертвы въ видѣ оленей или собакъ...

Вотъ общія черты этого племени, заброшеннаго въ страшную глушь сибирскаго сѣверо-востока. Трудная жизнь, исполненная лишеній, суровая природа — сдѣлали ихъ выносливыми и смѣлыми. Тутъ каждый день достается человѣку трудною борьбою, тяжелымъ самоотреченіемъ. Несмотря на это, въ средѣ ихъ живутъ поэтическія преданія— и въ дикихъ трущобахъ, прерываемая крикомъ чаекъ, носится веселая пѣсня инородца, пересѣкающаго мертвую пустыню на легкой нартѣ, или гоняющагося на лыжахъ за хищникомъ оленьихъ стадъ—волкомъ. Вглядитесь въ этого съ виду свирѣпаго, воинственнаго варвара—и вы подъ жесткою оболочкою его отыщете прекрасную, честную душу мужественное сердце, также бьющееся любовью, также сочувствующее чужому горю и чужимъ страданіямъ. Вы невольно убѣдитесь, что вездѣ, подъ всѣми широтами, на роскошномъ югѣ и на сумрачномъ сѣверѣ—одинаково живетъ въ природѣ человѣка та божественная искра, которую не могутъ погасить ни вѣчныя вьюги полярныхъ пустынь, ни суровыя битвы съ нищетою и одиночествомъ.

Камчадалы.

Въ Тихомъ океанѣ, омываемый Камчатскимъ и Охотскимъ морями, лежитъ громадный полуостровъ — теперь послѣдняя грань русскихъ владѣній на востокѣ. Въ исторіи колонизаціи Сибири этотъ край играетъ немаловажную роль, представляя собою арену, на которой

съ полною безнаказанностію и звѣрствомъ еще столѣтіе тому назадъ разыгрывались страшныя сцены порабощенія и поземельныхъ захватовъ. Камчатка вынесла на себѣ всѣ ужасы этой борьбы, усложненной еще мужествомъ ея исконныхъ обитателей и непримиримою ненавистью ихъ къ смѣлымъ предводителямъ первыхъ казачьихъ шаекъ, обрушившихся на это когда-то многочисленное и смѣлое племя.

Первый русскій, ступившій на Камчатскую землю, былъ Ѳедоръ Алексѣевъ — торговый человѣкъ, занесенный сюда бурею. Камчадалы, принявшіе его сподвижниковъ за духовъ, располагавшихъ громомъ и молніей, быстро увѣрились въ ихъ земномъ происхожденіи. Одинъ изъ прикащиковъ, бывшихъ въ этой партіи, зарѣзалъ на глазахъ у дикарей своего товарища. Это событіе навело ихъ на мысль истребить всѣхъ русскихъ, что они тотчасъ же и привели въ исполненіе. Собственно первымъ покорителемъ Камчатки является казакъ Атласовъ — цѣльный типъ грабителя-колонизатора, вносившаго огонь и убійство въ захватываемую имъ страну. Нужно сказать правду, враги стоили другъ друга. Вдали отъ административныхъ центровъ казаки и государевы прикащики дѣлали съ камчадалами все, что имъ было угодно. Ихъ затравливали на охотахъ, сжигали живьемъ, топили въ рѣкахъ. Не ограничивась этимъ, казаки и между собою жили далеко не мирно. Не признавая даже номинально отдаленной власти, каждая партія колонизаторовъ считала Камчатку своей страною. Казачьи пятидесятники воевали другъ съ другомъ, брали другъ у друга острожки, вѣшали другъ друга, считая себя воюющей стороною. Присылаемые правительствомъ ревизоры начинали прямо съ грабежа и своихъ, и чужихъ. Покоряемые, преслѣдуемые камчадалы отличались такою неукротимой свирѣпостью, такою энергіей отчаянія, какую едва-ли встрѣтишь и у прославленныхъ дикарей Сѣверной Америки. Двѣ расы здѣсь боролись на жизнь и на смерть, до тѣхъ поръ пока въ концѣ прошлаго столѣтія центральная власть не положила предѣла этой кровавой эпопеѣ захватовъ, битвъ и грабежа. Тогда же смирились и камчадалы, согласившись уплачивать ясачную дань Россіи соболями, бобрами, выдрами, лисицами и др. мѣхами.

Камчатка, особенно же камчатскій югъ — прелестный край. Проѣзжайте его лѣтомъ — и васъ поразитъ могучая красота сибирской природы, причудливые очерки горныхъ вершинъ, словно потонувшихъ въ безоблачной лазури ослѣпительно сіяющаго неба, сжатыя отвѣсными и утесистыми берегами бурливыя рѣченки, мирныя идиллическія озера, окруженныя зеленѣющими пажитями или цѣпями мягко очерченныхъ, не представляющихъ ни одной рѣзкой линіи, холмовъ. А эти чудные лѣса!.. какіе лѣса — цѣлыя царства лѣсовъ, гдѣ вѣчно царятъ суровыя, настраивающія душу на самоуглубленіе и созерцаніе тишина и тѣнь..

А эти конусообразныя сопки, еще до сихъ поръ выбрасывающія черные клубы дыма надъ мирными долинами и тихими берегами, откуда въ недосягаемую даль тянется подавляющій просторъ великаго, въ самомъ покоѣ своемъ таинственно-грознаго океана...

Камчатка — край, который при широкой производительности могъ бы не нуждаться въ промышленной опекѣ своей метрополіи. Царство животныхъ этого полуострова безгранично. Камчатская лисица — лучше остальныхъ сибирскихъ лисицъ. Чернобурыя здѣсь встрѣчаются чаще, чѣмъ даже въ привольныхъ пустыняхъ при-амурскаго простора. Камчадалы промышляютъ ихъ отравою, клепцами и стрѣльбою изъ луковъ. Челибуха, примѣшанная къ мясу или рыбѣ — почти мгновенно умерщвляетъ лисицу. До покоренія Камчатки казаками и слѣдовательно до начала правильныхъ промысловъ за лисицами, послѣднія отнюдь не пугались присутствія человѣка. Камчадалы въ случаѣ нужды били ихъ палками, что впрочемъ случалось рѣдко, потому что дикари собачій мѣхъ предпочитали лисьему. Камчатскій соболь крупнѣе и пышнѣе всѣхъ остальныхъ сибирскихъ соболей. Какъ мало цѣнили ихъ первоначальные властители полуострова — видно изъ того, что, отдавая за топоръ до 20 хорошихъ шкурокъ, камчадалы смѣялись надъ казаками, какъ надъ круглыми невѣждами. Они считали годнымъ къ употребленію только мясо соболя, а мѣхъ его или выбрасывали, или если и цѣнили — то гораздо ниже собачьяго. Соболей въ настоящее время они ловятъ обметами (сѣтями) и стрѣляютъ ихъ изъ луковъ. Мѣха песцовъ и зайцевъ цѣнятся весьма дешево, и потому ихъ бьютъ только при случаѣ, никогда не снаряжая для этого особеннаго промысла. Пищухи, горностаи, ласки, тарбагаганы добываются здѣсь во множествѣ. Мѣха россомахъ пріобрѣтаются ими для собственнаго употребленія. Калашниковъ и Крашенинниковъ, изслѣдовавшіе нѣкогда Камчатку, сообщаютъ о медвѣдяхъ ея весьма оригинальный фактъ: «сіе достойно примѣчанія, говоритъ послѣдній, что тамошніе медвѣди не дѣлаютъ вреда женскому полу, такъ что въ лѣтнее время берутъ съ ними вмѣстѣ ягоды и ходятъ около ихъ какъ дворовый скотъ, одна имъ отъ медвѣдей и то не всегдашняя обида, что отнимаютъ они у бабъ набранныя ими ягоды.» По всей вѣроятности, теперь медвѣди потеряли эту рыцарскую вѣжливость къ прекрасному полу, потому что въ позднѣйшихъ источникахъ мы уже не встрѣчали указаній на такое великодушіе лѣсныхъ жантильомовъ Камчатки. Медвѣдей камчадалы бьютъ изъ луковъ, изъ ружей, преимущественно подымая ихъ въ берлогахъ или убивая у морскихъ береговъ, куда промышляемый звѣрь направляется лѣтомъ для рыбной ловли. Дикари полуострова особенно дорожатъ волчьими мѣхами, которые у нихъ въ большой чести. Оленей и дико-каменныхъ барановъ бьютъ изъ ружей и стрѣ-

лами. Замѣчательно, что для камчадала полевая мышь является однимъ изъ полезнѣйшихъ животныхъ. Въ ея норахъ они отыскиваютъ значительные запасы сараны, кедровыхъ орѣховъ и питательныхъ корней, высоко цѣнимыхъ ими. Но самое дорогое животное для дикаря — это его собака. Она здѣсь играетъ ту же роль, какую олень для самоѣда. Она доставляетъ камчадалу одежду, она же служитъ для него и средствомъ передвиженія. Объ этомъ вѣрномъ другѣ камчатскаго номада будетъ еще сказано ниже.

Кромѣ этого камчадалы занимаются главнымъ образомъ рыболовствомъ и боемъ морскихъ звѣрей, которые Беринговымъ проливомъ заходятъ сюда изъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Короче, камчадалъ ведетъ трудовую и дѣятельную жизнь, изрѣдка только озаряемую свѣтлыми для него моментами разгула и общенародныхъ празднествъ.

Царство растительное — здѣсь также богато. Лѣтомъ вся Камчатка изъ конца въ конецъ представляетъ одну зеленѣющую поверхность. Глазъ удивляется то могучимъ формамъ лѣсныхъ великановъ, то яркости и аромату луговыхъ цвѣтовъ, то неизвѣстнымъ и причудливымъ растеніямъ, заткавшимъ всѣ просвѣты между деревьями, вершины которыхъ тамъ и сямъ раскидываютъ надъ одинокими тропинками свои величавые и тѣнистые шатры. Вдоль уединенныхъ бухтъ Охотскаго моря, глубоко врѣзавшихся въ матерую землю, неподвижно рисуются на голубомъ фонѣ вѣчно яснаго лѣтняго неба громадные тополи и лиственницы, напоминая сердцу случайнаго странника счастливый край безсмѣнной весны, далекую, теплую родину, оставленную имъ для скитальчества въ глуши чужихъ морей и холодныхъ пустынь сѣвера. Разумѣется, зимою этотъ заманчивый край является во всемъ своемъ суровомъ величіи. Ледяныя оковы погружаютъ его въ летаргію — и только одна пурга, словно полновластный хозяинъ, реветъ и воетъ по всему этому простору, празднуя торжество полярнаго мороза надъ жизнью, свѣтомъ и блескомъ природы.

Камчадалы — далеко не привлекательны. Представьте себѣ неуклюжаго, малорослаго, смуглаго и скуластаго дикаря съ подозрительно бѣгающими глазами, цѣпкими и тонкими руками, словно крадущеюся походкой, во всякомъ движеніи котораго такъ и сквозитъ раболѣпство и лукавство. Къ этому же необходимо прибавить, что они почти никогда не моются и обладаютъ какимъ-то особеннымъ, только имъ однимъ свойственнымъ, запахомъ перегнившей рыбы. Женщины ихъ особенно противны. Тутъ нечистоплотность достигаетъ своего апогея. Это просто ходячіе звѣринцы — и понятенъ ужасъ одного американца, которому пришлось провести нѣсколько дней между этими изящными представительницами прекраснаго пола.

Камчадалы живутъ острожками. Въ каждомъ острожкѣ поселяется

по нѣскольку семействъ; прежде, въ первыя времена завоеванія полуострова, эти поселки укрѣплялись валомъ или палисадникомъ, какъ это и до сихъ поръ еще дѣлаютъ осѣдлые коряки. Острожки состоятъ изъ земляныхъ зимнихъ юртъ и изъ лѣтнихъ балагановъ. Для первыхъ выкапываютъ землю аршина на два въ глубину. По серединѣ ямы ставятъ четыре толстые столба и вершины ихъ соединяютъ съ краями ямы накатникомъ. Въ этой куполообразной крышѣ оставляютъ отверстіе, служащее и окномъ, и дверью, и трубою. Кровля покрывается землею и дерномъ, такъ что снаружи такое жилье похоже на холмъ — и только подымающійся отъ вершины его дымокъ указываетъ на мѣстопребываніе убогой семьи полудикаго камчадала. Внутри юрта представляетъ правильный четыреугольникъ. У одной изъ стѣнъ его устраивается очагъ, къ которому въ видѣ норы идетъ выводъ снаружи. Цѣль этого отверстія — доставить внѣшнему воздуху возможность выгнать дымъ изъ землянки въ окно, устроенное въ центрѣ ея кровли. На нарахъ внутри жилья спитъ семейство на рогожахъ или на шкурахъ добытыхъ имъ звѣрей. Изъ землянки выходятъ по лѣстницамъ въ то же окно, откуда идетъ и дымъ. Во время топленія очага непривычному весьма трудно бываетъ проникнуть въ юрту или выйдти изъ нея. Часто одна юрта устраивается на нѣсколько семействъ, но каждое изъ послѣднихъ имѣетъ непремѣнно свой отдѣльный балаганъ. Эти балаганы служатъ одновременно и амбарами для съѣстныхъ припасовъ, и жильемъ. Они устраиваются высоко отъ земли на крѣпкихъ столбахъ, на которыхъ дѣлаютъ помостъ, устилаемый травою, а надъ помостомъ треугольникомъ воздвигаютъ кровлю, служащую одновременно и стѣнами неприхотливаго воздушнаго шалаша.

На непривычнаго путешественника производятъ странное впечатлѣніе эти юрты и особенно балаганы. Послѣдніе часто попадаются и въ безлюдныхъ урочищахъ, тамъ, гдѣ только разъ въ годъ камчадалъ ловитъ рыбу или устанавливаетъ охотничью станцію для звѣриныхъ промысловъ. Въ этихъ помѣщеніяхъ до зимы оставляется предварительно высушенная добыча промысловъ.

Такіе поселки устраиваются камчадалами преимущественно по островамъ въ густыхъ тальникахъ, при этомъ выборъ окрестностей обнаруживаетъ въ дикарѣ тонкое пониманіе красоты окружающей его природы. Всякій острожекъ ту рѣку, на которой онъ стоитъ, считаетъ своимъ неотъемлемымъ владѣніемъ. Если нѣсколько семей захотятъ выдѣлиться изъ общаго поселка, то онѣ устраиваютъ свои юрты и лѣтовья непремѣнно по этой же рѣкѣ. Отсюда можно заключить, что рѣкою и окрестнымъ райономъ владѣетъ одинъ родъ, отнюдь не смѣшиваясь съ другими. Камчадалы по этому поводу разсказываютъ, что

ихъ прародитель Кутха на каждый рѣкѣ жилъ по два года, оставивъ повсюду дѣтей и отдавъ имъ занимаемыя ими мѣста въ нераздѣльное пользованіе. Домашняя утварь камчадала весьма проста. Нѣсколько чашъ, корыто, берестяные чуманы — вотъ и все. Себѣ и собакамъ ѣсть они варятъ въ однѣхъ и тѣхъ же посудинахъ, да и ѣдятъ вмѣстѣ съ животными, не стѣсняясь.

Нѣсколько лодокъ и сани дополняютъ хозяйство камчадала. Лодки бываютъ двухъ образцовъ: у однѣхъ носъ выше кормы и бока пологи, у другихъ носъ и корма одинаковой высоты. Первыя употребляются для плаванія по рѣкамъ, вторыя исключительно предназначаются для моря.

Занятія камчадаловъ опредѣляются временами года. Лѣтомъ они ловятъ и сушатъ рыбу, собираютъ разные коренья, ягоды и мухоморы; осенью они продолжаютъ рыболовство, бьютъ птицъ, гусей, лебедей, утокъ, заготовляютъ лѣсъ; зимою охотятся за соболемъ и лисицею, плетутъ сѣти для рыбы, дѣлаютъ санки, перевозятъ запасы изъ лѣтнихъ промысловыхъ шалашей въ свои юртовья. Весною — начинаются морскіе звѣриные промыслы, ловля бобровъ. Всѣ эти работы строго распредѣлены между мужчинами и женщинами: первые бьютъ и ловятъ звѣря, вторыя занимаются его приготовленіемъ. Первые строятъ юрты и балаганы — вторыя шьютъ платья.

Коряки могутъ считаться законодателями моды для всего сѣвера и востока Сибири. До знакомства съ ними, камчадалы просто носили на тѣлѣ собачьи и лисьи шкуры, но подъ вліяніемъ первыхъ они стали одѣваться въ куклянки — мѣховые мѣшки шерстью внизъ и въ парки — такіе же мѣшки мѣхомъ вверхъ. Подолы куклянки обшиваются арабесками изъ разныхъ лоскутьевъ сукна. Иногда сукно замѣняется подборами, т. е. кускомъ замши, расшитымъ разными шелками. Женщины отличаются только своею обувью, которая у нихъ длиннѣе. Это тѣ же пимы, которыя употребляются и самоѣдами Архангельской и остяками Тобольской губерній.

Камчадальскія дамы носили прежде шиньоны, которые вѣроятно позаимствованы отъ нихъ нашими европейскими. Къ несчастію, онѣ давно бросили эти тяжелые и некрасивые колтуны, предоставивъ ихъ въ исключительное пользованіе нашимъ красавицамъ. Какъ и послѣднія, онѣ употребляютъ бѣлила и румяна, замѣняя первыя порошкомъ гнилаго дерева, а вторыя какою-то морскою травою. Какъ видите, идеалы красоты одинаковы и для дикарки камчадальскаго юртовья, и для красавицы нашего европейскаго міра. Разница только въ средствахъ и матеріалахъ.

Пища камчадаловъ состоитъ главнымъ образомъ изъ *юколы*, приготовляемой изъ всѣхъ рыбъ рода лососей. Каждую рыбу они дѣлятъ

на шесть частей. Бока съ хвостомъ сушатъ на воздухѣ, спинки и тешки приготовляютъ особенно. Головы квасятъ въ ямахъ, пока весь хрящъ покраснѣетъ — и несмотря на страшную вонь, ѣдятъ ихъ какъ лакомство. Остающееся на костяхъ мясо снимаютъ, сушатъ и толкутъ для примѣси къ вареву, а кости заготовляютъ для собакъ. Затѣмъ слѣдуетъ рыбья икра, которая сушится вмѣстѣ съ корою ивы и березы и употребляются въ пищу во время промысловъ и охотъ. Мясо и жиръ тюленя, моржа и др. морскаго звѣря они также ѣдятъ, приготовляя его съ разными кореньями и травами. Ягоды и сарана (корни лилейныхъ) дополняютъ ихъ неприхотливое меню. Пьютъ они настойку мухомора, о которомъ будетъ сказано ниже.

Способы передвиженія камчадаламъ даютъ собаки. Къ ѣздѣ изъ послѣднихъ назначаются только кладеныя, причемъ въ каждыя санки запрягается ихъ по четыре цугомъ — двѣ впереди и двѣ позади. Такая четверка собакъ называется нартою. Ѣзда эта не особенно удобна. Нужно держаться въ саняхъ какъ можно крѣпче и сохранять равновѣсіе. Собаки не останавливаются. Ѣздокъ, упавшій изъ саней, не остановитъ ихъ крикомъ. Придется идти пѣшкомъ до того пункта, гдѣ онѣ лягутъ отъ утомленія. Особенно опасны путешествія по Камчаткѣ зимою во время сильныхъ бурь. Собаки въ это время теряютъ чутье и силы; — и если вблизи нѣтъ лѣса, подъ защитою котораго могъ бы укрыться путникъ — ему грозитъ неминуемая гибель. Сколько разъ въ глуши этого полуострова отыскивались трупы людей, заваленныхъ снѣговыми сугробами посреди безлюднаго и мертваго простора!...

Миѳологія камчадаловъ весьма немногосложна. Первый человѣкъ — Кутха сотворилъ землю изъ своего сына — Сымскалинъ, котораго родила жена Илькхумъ, гуляя съ нимъ по морю. До сотворенія земли Кутха жилъ на небѣ. Поселившись въ Камчаткѣ, онъ имѣлъ двухъ дѣтей: сына Тыжилъ-Кутху и дочь Сидуку. Кутха былъ ужасно глупъ. Онъ не умѣлъ ловить рыбы, почему вмѣстѣ съ дѣтьми питался древесною корою. Когда изъ Камчатки онъ отправился странствовать, то подъ тяжестію его тѣла гнулась земля, отчего и образовались горы и долины. Тыжилъ-Кутху пошелъ дальше своего отца. Онъ научился дѣлать сѣти изъ крапивы и ловить рыбу. Онъ же сотворилъ звѣрей и птицъ и поручилъ ихъ Пилучаю или Пилячучѣ. Пилячучъ — едва замѣтенъ, такъ онъ малъ ростомъ. Онъ живетъ въ облакахъ — и часто, напившись настоя изъ мухомора (амброзія — грековъ?), ниспосылаетъ на землю сдуру громъ и молнію. Онъ ѣздитъ въ саняхъ на куропаткахъ и отличается своимъ роскошнымъ платьемъ. Какъ уже выше замѣчено, камчадалы своего бога и прародителя, своего Адама-Кутху — считаютъ дуракомъ большой руки. Они ему не молятся, смѣются надъ нимъ, ругаютъ его, разсказывая о немъ анекдоты самаго

неприличнаго свойства. Выше всѣхъ боговъ и духовъ — невѣдомый Богъ—Дустехтичъ. Знаменуя его, они ставятъ ему среди тундръ и гладей столбы, близъ которыхъ приносятъ въ жертву Дустехтичу хвосты отъ рыбъ и разные негодные остатки отъ своихъ съѣстныхъ припасовъ. Въ окрестности этихъ столбовъ они не рвутъ ягодъ, не бьютъ ни птицы, ни звѣря. Въ огнедышащихъ горахъ живутъ злые боги — бѣсы (Камули); въ дремучихъ лѣсахъ царятъ духи — Ушахчу, жены ихъ носятъ дѣтей приростими къ спинѣ; въ морѣ живетъ богъ Митчъ — большая рыба, царица всѣхъ рыбъ и океана. Подъ землею есть другой свѣтъ, другое небо, другая земля. Наша земля только изнанка того неба. Тамъ царитъ Гаечь и туда-то послѣ смерти переселяются люди, животныя, птицы, насѣкомыя и рыбы. Никто не умираетъ. Даже и муха воскреснетъ на томъ свѣтѣ. Работать и тамъ придется такъ же, какъ и здѣсь: ловить рыбу, бить звѣря, собирать ягоды, напиваться настоемъ мухомора. Когда у насъ зима — на томъ свѣтѣ лѣто, и обратно. Бѣдные здѣсь будутъ богатыми тамъ, а богатые станутъ нищими. Гаечь, принимая умершихъ, наблюдаетъ слѣдующій порядокъ: кто къ нему является въ богатой куклянкѣ, хорошихъ саняхъ и на крѣпкихъ собакахъ — тому онъ даетъ лохмотье, скверныя, разбитыя сани и дрянныхъ, заморенныхъ собакъ. Разумѣется, бѣднякамъ все это отпускается въ лучшемъ видѣ. На томъ свѣтѣ нѣтъ бурь, пурги и снѣгу. Суевѣрія ихъ нелѣпы до безобразія. Убійство, самоубійство, прелюбодѣяніе и тому подобное — они вовсе не считаютъ грѣхами. Напротивъ, смертный грѣхъ вытащить утопающаго изъ воды, потому что въ такомъ случаѣ спасителю грозитъ одинаковая участь. Грѣшно также пить горячую воду или мыться въ ней, всходить на огнедышащія горы, драться надъ кислой рыбой; таковы были ихъ суевѣрія. Не смотря на номинальное обращеніе въ христіанство, старыя вѣрованія и до сихъ поръ незыблемы въ умахъ камчадаловъ. Они и теперь приносятъ въ жертву огню собольи и лисьи норки, заговариваютъ китовъ и медвѣдей, ставятъ столбы невѣдомому богу и держатъ въ своихъ землянкахъ идоловъ, грубо сдѣланныхъ изъ камня и дерева. Нынче въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Камчатки эти дикари уже отрекаются отъ старыхъ заблужденій, хотя школы, устроенныя для ихъ дѣтей (еще въ прошломъ столѣтіи), приносятъ весьма незначительную пользу этому убогому племени.

У камчадаловъ всякая баба непремѣнно — колдунья. Они упражняются и въ шаманствѣ. Но въ «Нивѣ» за 1871 годъ были помѣщены такія обстоятельныя статьи о шаманствѣ сибирскихъ народовъ, что повторять здѣсь уже достаточно подробно изложенныя данныя — по меньшей мѣрѣ безполезно.

Во время праздниковъ и пировъ камчадалы пьютъ настой изъ мухо-

мора, или высушивъ этотъ грибъ, глотаютъ его цѣликомъ. Вслѣдъ затѣмъ почти тотчасъ же наступаетъ опьяненіе: это тотъ же гашишъ мусульманскихъ народовъ. Русскіе казаки, употреблявшіе это снадобье, разсказываютъ о немъ самыя удивительныя вещи. Такъ, имъ *мухоморъ приказывалъ* удавиться, зарѣзаться, и это приказаніе непремѣнно было бы исполнено ими, еслибы не товарищи, во-время останавливавшіе расходившихся пьяницъ. Другому казаку почудился адъ и геена огненная, причемъ тотъ же *мухоморъ приказалъ* ему исповѣдаться, что онъ и началъ вслухъ на потѣху хохотавшихъ собесѣдниковъ, выложивъ имъ все сокровенное. Коряки и чукчи ѣдятъ мухоморъ, когда собираются кого нибудь убить или рѣшиться на опасное предпріятіе.

На своихъ пирахъ камчадалы также и поютъ. Пѣсни ихъ однообразны, хотя ихъ ритмъ и мотивы не лишены своей пріятности. Пѣсни, преимущественно любовнаго содержанія, сочиняются ихъ дѣвушками и женщинами. Вотъ, напримѣръ, образчикъ одной:

«Я потерялъ жену свою и душу, съ печали пойду въ лѣсъ, буду сдирать кору съ дерева и ѣсть, послѣ того встану по утру, погоню утку Аангичъ съ земли на море и стану поглядывать во всѣ стороны: не найду ли гдѣ любезной моего сердца!..» Камчадалы отличаются необыкновенною подражательностію. Достаточно ему разъ увидѣть васъ, чтобы онъ воспроизвелъ въ совершенствѣ вашъ голосъ, движенія, манеры, походку и смѣхъ.

Въ обычаяхъ камчадаловъ весьма много страннаго. Вотъ какъ, напримѣръ, у нихъ еще недавно сводилось знакомство. Если одинъ камчадалъ хотѣлъ короче сойтись съ другимъ, то онъ, предварительно заготовивъ всякаго рода припасовъ на десятерыхъ, звалъ будущаго друга къ себѣ въ гости. Юрта на этотъ случай топилась до невозможности. Хозяинъ и гость сидѣли въ ней раздѣвшись. Затѣмъ послѣднему предлагались яства — и въ то время какъ онъ ѣлъ, хозяинъ на раскаленные каменья очага наливалъ воду. Гость, по засвидѣтельствованію очевидца, старается все, что у хозяина приготовлено, съѣсть и жаръ его вытерпѣть, а хозяинъ старается, чтобъ гость взмолился и просилъ свободы отъ пищи и жару. Выйти изъ юрты гость права не имѣетъ, хозяину же предоставляется оставлять ее, когда ему угодно. Гость откупается собаками или платьемъ. Обряды сватанья и свадьбы — такъ же нелѣпы: женихъ сначала служитъ какъ рабъ своему тестю и затѣмъ уже получаетъ позволеніе «хватать» невѣсту. Какъ только позволеніе дано — невѣста охраняется всѣмъ женскимъ поломъ своего острожка.

Въ это время она одѣта въ нѣсколько платьевъ и вся перепутана сѣтями и неводами. Женихъ долженъ поймать свою невѣсту тогда, когда около нея нѣтъ никого. Прежде, когда камчадалы были не христіане —

этого было совершенно достаточно, и обрядъ вѣнчанія считали совершеннымъ. Во время «хватанья», юнаго героя старухи острожка часто искалѣчивали въ конецъ. Затѣмъ невѣста увозилась въ юрту къ жениху съ многосложными обрядами, описывать которые не позволяетъ къ сожалѣнію объемъ настоящей статьи. Если женятся на вдовахъ, то этихъ обрядовъ не исполняютъ вовсе. Однако жениться на вдовѣ нельзя, пока кто нибудь не сниметъ съ нея «вдовьяго грѣха», что для камчадала считается позорнымъ. Впрочемъ, говоритъ Крашенинниковъ, «съ тѣхъ поръ, какъ наѣхали въ Камчатку казаки, трудность найти грѣхоснимателей миновала.» Прежде камчадалы допускали супружества между пасынками и мачихами, вотчимами и падчерицами, двоюродными братьями и сестрами. Разводы и до сихъ поръ совершаются весьма легко. Въ прежнее время у этихъ дикарей — было по нѣсколько женъ. Ревности они и до сихъ поръ не знаютъ, и дѣвственность невѣсты ставится въ порокъ тещамъ.

Ихъ женщины отличаются особенно легкими родами. Черезъ часъ послѣ нихъ женщина идетъ въ юрту какъ ни въ чемъ не бывало. Странны ихъ повѣрья. Кто хочетъ имѣть дѣтей — тотъ ѣстъ пауковъ. Дѣтоубійство — дѣло самое обыкновенное. Крашенинниковъ говоритъ, что прежде случались и такіе случаи: живыхъ, только-что рожденныхъ дѣтей камчадальскія медеи выбрасывали собакамъ или давили ихъ безъ всякаго сожалѣнія; часто причиною этому были ихъ суевѣрія, такъ какъ когда рождались двойни — одному изъ нихъ слѣдовало умереть. Грудью младенцевъ кормятъ по три и по четыре года. Отцы и матери вообще любятъ своихъ дѣтей, но за то дѣти не отвѣчаютъ тѣмъ же. Они презираютъ своихъ родителей за ихъ старость и слабость, бранятъ ихъ и даже бьютъ. Если молодой камчадалъ захочетъ жениться — онъ никогда не спрашиваетъ позволенія у отца или у матери, чаще онъ даже и не предупреждаетъ ихъ объ этомъ.

Здоровьемъ камчадалы далеко не могутъ похвалиться. Главныя болѣзни у нихъ: цынга, чирьи, ракъ. Смертность впрочемъ между ними не особенно велика. Первоначально камчадалы не погребали умершихъ, а просто кидали ихъ на съѣденіе собакамъ, твердо вѣруя, что съѣденный собаками — на томъ свѣтѣ станетъ ѣздить на самыхъ лучшихъ псахъ. Всѣ платья умершаго выбрасывались вонъ, потому что всякій надѣвшій ихъ долженъ былъ неминуемо умереть въ самое непродолжительное время. Мертвыхъ младенцевъ кладутъ въ дупла деревъ безъ всякихъ обрядовъ. По умершимъ не особенно сокрушаются.

Вотъ общія черты характера этого полудикаго племени, заброшеннаго на очаровательный лѣтомъ и суровый зимою полуостровъ Камчатку. Нужно замѣтить, что камчадалы способны къ прочной осѣдлости — и при маломъ процентѣ русскихъ, живущихъ въ ихъ краю,

всей вѣроятности, не выродятся такъ, какъ выродились тѣ которымъ привелось вести съ могучею славянскою расой борьбу ествованіе. Такъ, мы видимъ, что число камчадаловъ не умень- какъ уменьшается численность самоѣдовъ, остяковъ и другихъ ъ русскаго сѣвера. Въ камчатскихъ школахъ камчадальское поколѣніе отличается способностями, быстротой и живостію пія. Теперь уже почти всѣ дикари этого полуострова говорятъ ки, многіе русскіе обычаи усвоиваются ими — и недалеко то когда послѣдніе слѣды варварства исчезнутъ здѣсь, уступая сто цивилизующему вліянію завоевательнаго элемента, первое іе котораго — облито кровью исконныхъ обитателей.

онъ исторіи не знаетъ пощады. Внося повидимому разрушеніе ть — онъ создаетъ иную мощную жизнь — и человѣчество все- лигрываетъ съ каждымъ шагомъ его впередъ. Недалека уже будущность Камчатки. Естественныя богатства ея дадутъ основаніе для хозяйства ея тружениковъ, а съ богатствомъ — ся и образованіе.

да быть можетъ этотъ гористый и далекій край не будетъ своимъ суровымъ величіемъ. Воздѣлываемая природа развер- дѣсь со всею роскошью яркихъ красокъ, жизнь скажется по- и, — на могилахъ первыхъ колонизаторовъ Камчатки воз- ь богатыя и самостоятельныя села, гдѣ имя Россіи будетъ не вителемъ чуждаго нашествія — а именемъ родины, славы и !

Алеуты.

западу отъ острова Аляски, почти на линіи 53° сѣверной ши- между 100° и 214° восточной долготы, лежитъ гряда огне- ихъ конусовъ и пирамидъ, какъ бы длиннымъ барьеромъ и Берингово или Бобровое море отъ Великаго или Тихаго Эти вулканы обрушиваются въ море скалистыми обрывами, ываясь въ его пѣнистые валы мрачными гранитными утесами, линами берега образуя бухты и заливы. Величавое зрѣлище вляетъ цѣпь этихъ острыхъ пиковъ въ осеннюю и зимнюю гда пламенные столбы, вырываясь изъ ихъ кратеровъ, озаряютъ движущуюся пустыню океана и ярко отражаются отъ вы- ъ и стѣнъ ледяныхъ громадъ, плавающихъ по его необозримому ру. Сѣверное сіяніе на небѣ и огни вулкановъ на землѣ одно- ю соперничаютъ въ блескѣ и грозной красотѣ своего зарева, ово охватывающаго кроваво-краснымъ племенемъ тучи на небѣ

и ледяныя глыбы въ морѣ. Издали не различить: гдѣ начинается одно и кончается другое зарево. Сполохъ соединяется съ пламенемъ огне дышащихъ горъ — и огненная полоса, какъ таинственная завѣса, виситъ на краю Боброваго моря.

Эта цѣпь вулкановъ и скалъ называется — Алеутскими островами.

Бобровое (Берингово) море, лежащее отсюда на сѣверъ, лишено живительныхъ вліяній, которыя производятъ на наши сѣверныя моря голфстримъ и теплые югозападные вѣтры; оттого, въ то время, какъ напримѣръ въ Норвегіи подъ 60° сѣв. шир. еще растетъ маисъ, а подъ 69° сѣется ячмень, въ Архангельскѣ подъ 65° у крестьянина Кардакова вызрѣвала пшеница и гречиха, — на Алеутскихъ островахъ и подъ 53° сѣв. шир. не растетъ ни одно деревцо, а сырая и холодная температура способствуетъ только росту травъ, но никакъ не посѣвамъ хлѣба. Пройдя чрезъ этотъ естественный барьеръ къ сѣверу — въ Берингово море, мы сразу вступаемъ въ самую суровую область крайняго сѣвера. Лѣтомъ надъ нимъ лежатъ непроницаемые туманы, потому что притекающій со всѣхъ сторонъ теплый воздухъ осаждается на него въ видѣ паровъ; зимою — оно загромождено громадами плавающихъ льдовъ. Въ лѣсахъ и низменныхъ долинахъ Алеутскихъ острововъ растутъ великолѣпныя травы, а на сѣверныхъ склонахъ ихъ только мхи да лишаи устилаютъ негостепріимные берега дикаго отсюда архипелага. Отдѣльныя вершины этихъ острововъ достигаютъ иногда до 6,000 фут. Съ апрѣля до половины іюля здѣсь царствуютъ туманы, затѣмъ до конца сентября — небо улыбается пикамъ и утесамъ своею безоблачною лазурью, прекрасная лѣтняя погода дѣлаетъ ихъ очень привлекательными для путешественника, который бы присталъ сюда въ это собственно время. Въ сентябрѣ мало-по-малу окрестности заволакиваются вновь туманами, и только острыя вершины пиковъ плаваютъ въ однообразномъ морѣ сѣрой мглы. Въ первыхъ числахъ октября начинаются снѣжныя вьюги — и зима наступаетъ до начала мая.

На этихъ Алеутскихъ островахъ и на еще болѣе суровыхъ островахъ Прибылова, гдѣ только трава да желтые лишаи испещряютъ поверхности скалъ, живутъ алеуты, да водяныя птицы, тюлени и моржи (сивучи), покрывающіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ берега черными коймами своихъ громадныхъ и жирныхъ массъ. Это главное богатство края. Оно вмѣстѣ съ обиліемъ морскихъ выдръ заманило сюда впервые отряды казацкихъ ватагъ изъ Камчатки. Многіе разсказываютъ о первыхъ войнахъ между русскими піонерами и алеутами. Все населеніе острововъ вмѣстѣ съ кадьяками, кенайцами, чугачами, колошами и аляскайцами было отдано въ полную власть, основанной Павломъ I, Россійско-Американской компаніи въ 1799 г.,

которая устроила промысловыя становища на всѣхъ островахъ Берингова моря и станціи отъ Охотска до Петербурга; по этимъ становищамъ провозились мѣха, жиръ и другая добыча морскаго вола. Центромъ компаніи былъ Ново-Архангельскъ на островѣ Ситхѣ. Сюда доставлялась первоначально вся добыча, и отсюда же снабжались необходимыми припасами всѣ подначальныя земли. Средняя ежегодная добыча, посылавшаяся отсюда въ Петербургъ и на другіе рынки для сбыта: 1,150 шкурокъ морской выдры, 16,000 шкурокъ морскаго котика, 900 штукъ чернобурой лисицы, 8,030 штукъ бобра, 1,070 хвостовъ морской выдры, 1,280 чернобурыхъ лисицъ, 2,250 рыжихъ лисицъ, 700 штукъ бѣлаго песца, 2,430 штукъ бураго песца, 240 штукъ медвѣдя, 200 штукъ рыси, 100 россомахъ, 800 рѣчной выдры, 810 американскаго соболя, 240 ондатры, 325 пудовъ моржовыхъ бивней, 100 фунтовъ китоваго уса и 300 фунтовъ бобровой струи. При этомъ расходы компаніи, съ 1826 до 1838 гг. напримѣръ, доходили до 9,600,000 руб. или почти 800,000 руб. ежегодно.

Алеуты впрочемъ заслуживали иной участи. Это—терпѣливое, мужественное и честное племя. Собственность между ними неприкосновенна. Они не только не запираютъ ничего у себя, но имущество и постороннихъ людей — вполнѣ обезпечено. Нѣтъ между ними и убійствъ. Епископъ Іоаннъ Веніаминовъ разсказываетъ, что самыя ужасныя страданія не вырвутъ у алеута стона или вопля. Попавъ въ капканъ, алеутъ будетъ неподвижно ждать, пока изъ его ноги не вынутъ глубоко вошедшіе въ тѣло зубцы. Путешественники свидѣтельствуютъ, какъ, напримѣръ, алеутъ, раздавленный громаднымъ камнемъ, мучась въ предсмертной агоніи болѣе четырехъ часовъ, ни разу не застоналъ и ни однимъ словомъ не выразилъ, какъ тяжело было ему переносить эти страданія. Алеутъ совершенно безстрашенъ. Онъ считаетъ за крайнее неприличіе удивляться чему бы то ни было. Его ничѣмъ не обрадуешь, ничѣмъ не испугаешь, ничѣмъ не вызовешь въ немъ сильнаго впечатлѣнія. Оно и понятно: на этихъ волканическихъ пикахъ за работой среди бурнаго океана, всю жизнь борясь съ непосильнымъ удѣломъ, доставшимся ему на долю, и, наконецъ, пройдя тяжелую школу испытанія въ средѣ завоевателей, алеутъ долженъ былъ притерпѣться ко всему, не удивляться, умѣть умирать молча, безъ жалобъ и стоновъ. Впрочемъ все это не убило въ немъ сердца. Алеутъ любитъ своихъ дѣтей, своихъ родныхъ; онъ сохранилъ благородную гордость до такой степени, что считаетъ оскорбленіемъ не только обидное слово, но и пренебрежительный взглядъ. Онъ свято держитъ данныя имъ обѣщанія, и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ—выполняетъ разъ принятыя обязательства.

Онъ никогда не лжетъ. Поспѣловъ приводилъ случаи, въ которыхъ

ложь могла спасти алеута отъ тяжелаго наказанія, разъ даже отъ смерти, но онъ оставался непреклоннымъ, въ угрюмомъ молчаніи снося все и не рѣшаясь обмануть другаго. Гартвигъ говоритъ между прочимъ: «Любовь алеута къ роднымъ въ высшей степени трогательна. Алеутъ Овсяниковъ, зарабатывавшій хорошія деньги, катая жителей столицы на своей байдарѣ по Невѣ, тѣмъ не менѣе воротился въ Уналашку (одинъ изъ острововъ Алеутскихъ), чтобы ходить здѣсь заслѣпою матерью.»

Больше всего алеуты любятъ водку и табакъ. Особенно же послѣдній. Они смѣшиваютъ его со стружками сновой коры и вполнѣ отдаются этому наслажденію, зажмуривая глаза. Трубка обходитъ кругъ собесѣдниковъ. Ожидающіе ее наслаждаются созерцаніемъ пріятныхъ ощущеній того, у кого въ рукахъ она находится въ данный моментъ. Алеуты далеко не такъ уродливы, какъ напримѣръ сосѣди ихъ чукчи. Плоскій сзади и сжатый по бокамъ черепъ ихъ имѣетъ нѣсколько пирамидальную форму. Широкое, плоское лицо съ выкатившимися скулами и вкось прорѣзанными глазами скорѣе заставляетъ предполагать родство этого племени съ монгольскою, чѣмъ съ американской расой. Цвѣтъ тѣла и лица у алеутовъ — бѣлый, переходящій у самыхъ сѣверныхъ ихъ родичей въ смуглый. Алеуты принадлежатъ къ самымъ рослымъ племенамъ эскимосскаго корня, вообще не отличающагося особенно крупнымъ складомъ и даже прозваннаго карликами. Всѣ они широкоплечи, сильны и какъ лапландцы, не смотря на грубую работу и лишенія, обладаютъ маленькими и изящными руками и ступнею. Ноги у мужчинъ искривлены вслѣдствіе постоянной привычки сидѣть на байдарѣ.

Жилье свое алеуты, какъ и всѣ эскимосы, дѣлаютъ зимою, вырывая въ землѣ и обкладывая снаружи снѣгомъ, а лѣтомъ живутъ они какъ и чукчи. Не особенно развитый въ умственномъ отношеніи, алеутъ отличается необыкновенною переимчивостью. Онъ съ удивительною легкостью способенъ усвоить себѣ ремесло, видѣнное имъ вскользь. Такимъ образомъ, между ними, въ послѣднее время явились столяры, плотники, кузнецы, слесаря и сапожники. Были даже примѣры, что изъ алеута выходилъ недурной мѣстный живописецъ. Большая часть мужчинъ-алеутовъ говоритъ хорошо по-русски, впрочемъ теперь, съ уступкою этихъ земель американцамъ,— между ними по всей вѣроятности развивается изученіе англійскаго языка. Способности алеутовъ преимущественно направлены на практическую дѣятельность. У нихъ нерѣдки превосходные моряки, одинъ даже занимался весьма успѣшно глазомѣрною съемкой.

Второе жилье алеута — это его лодка — байдара; въ ней можетъ сидѣть только одинъ человѣкъ. Она замѣчательно легка и состоитъ

изъ узкаго деревяннаго остова, обтянутаго со всѣхъ сторонъ и сверху тюленьими шкурами. Алеутъ садится въ отверстіе, оставленное по срединѣ ея такъ, что наружу видна только верхняя часть туловища этого смѣлаго морехода. Въ отверстіе именно и вдѣланъ тотъ мѣшокъ, въ которомъ помѣщается алеутъ. Благодаря такому въ сущности простому, но въ высшей степени практическому устройству, внутрь байдары не попадетъ воды и какова бы ни была буря — она никогда не потопитъ эту легонькую лодку. «Съ легкимъ весломъ, описываетъ Гартвигъ, съ оружіемъ передъ собою, поддерживая равновѣсіе, какъ эквилибристъ, пляшущій на лошади, стрѣлою летитъ онъ по подвижной стихіи, а опрокинетъ байдару волна, морякъ съумѣетъ справиться веслом и снова принять должное положеніе. Кромѣ такихъ легкихъ байдаръ существуютъ такъ называемыя *семейныя* — большія лодки, устроенныя точно такъ же и изъ одного и того же матеріала съ первымъ. На нихъ плаваютъ исключительно женщины. Взрослые мужчины считаютъ позоромъ сѣсть въ такую лодку.

До появленія русскихъ алеуты управлялись тоэнами — родоначальниками, старшими въ родѣ. Они раздѣлялись на три класса. Первый состоялъ изъ тоэновъ и знатныхъ алеутовъ, которые вообще далеко не равнодушны къ своей генеалогіи; второй — изъ свободныхъ людей и третій изъ рабовъ. Во время управленія островами Россійско-американской компаніей — рабство было уничтожено, а тоэны приняли на себя роль ея прикащиковъ. Въ средѣ этого народа много держится историческихъ преданій, какъ напримѣръ новая американская газета «Alaska Gerald» уже сообщила много интересныхъ алеутскихъ мелодій и пѣсенъ, которыя отличаются несомнѣнными поэтическими достоинствами. Большая часть пѣсенъ этого племени вращается около морскихъ промысловъ и кромѣ того существуетъ цѣлый циклъ пѣсенъ о любви, хотя и отзывающихся слегка цинизмомъ и чувственностію, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствующихъ, что и на отдаленныхъ окраинахъ нашей планеты человѣкъ не только одинаково съ нами чувствуетъ и ощущаетъ, но и выражается такъ же, какъ и наши поэты. Разница только въ формѣ и фазѣ развитія.

Главный пульсъ алеутской жизни и дѣятельности — морской промыселъ. Тутъ только это племя развиваетъ вполнѣ свои силы, свои способности и обнаруживаетъ смѣлость и мужество высокаго качества. Въ апрѣлѣ отсюда выходитъ въ море болѣе 300 байдаръ. Всѣ онѣ раздѣляются на партіи, по пятнадцати, двадцати и тридцати лодокъ въ каждой. Не смотря на бури и волненія, онѣ уходятъ далеко въ море. Тутъ каждая партія раскидывается прямой линіею, оставляя отъ одной лодки до другой значительное разстояніе. На эти интервалы и обращено вниманіе промышленниковъ. Какъ только гдѣ нибудь между

лодками покажется голова морской выдры — въ нее уже летитъ готовая стрѣла. Лодка, съ которой замѣтили ее, слѣдуетъ за нею—а всѣ остальныя байдары образуютъ боевой кругъ, центромъ котораго служитъ первая. Какъ только выдра показалась, въ этотъ разъ въ нее уже летитъ нѣсколько стрѣлъ, и скоро убитаго звѣря вытаскиваютъ изъ моря. Если же появилось нѣсколько выдръ — то партія распалась бы на нѣсколько круговъ и въ каждомъ производился бы отдѣльный ловъ звѣря. Зимній ловъ выдры доказываетъ смѣлость и находчивость этого племени. Въ бури, когда по океану ходятъ громадныя волны, сбиваясь въ одну толчею, морскія выдры забираются на необитаемые острова и скалы, гдѣ и засыпаютъ, свертываясь въ какой нибудь выбоинѣ дикаго камня или просто въ трещинѣ утеса. Въ эту, страшную всякому, кромѣ алеута, погоду — онъ отправляется на своей байдарѣ на промыслы. Въ каждой лодкѣ помѣщаются по два ловца. Байдара подходитъ къ скалѣ или острову съ подвѣтренной стороны, и одинъ изъ ловцовъ, выжидая прибоя, вмѣстѣ съ нимъ ловко выскакиваетъ на берегъ, держа ружье въ рукѣ. Нужна необычайная на нашъ взглядъ ловкость для того, чтобы только скользнуть по волнѣ и не уйти въ ея пучину — не разбиться о выступы дикаго камня на крутыхъ берегахъ. Исполнивъ этотъ маневръ, алеутъ подбирается къ спящей выдрѣ и убиваетъ ее — такъ что та и не очнется. Алеутъ съ добычею возвращается назадъ, но тутъ его ждетъ новый столь же непостижимый подвигъ: нужно, не упуская убитаго звѣря, скользнуть съ нимъ и съ ружьемъ — съ волною отбоя къ байдарѣ. Не было случая, чтобы это не удавалось инородцу. Случается, что морскихъ выдръ ловятъ и сѣтями; но алеуты, находящіе наслажденіе въ преодолѣніи опасностей, презираютъ этотъ родъ облавы и идутъ на нее уже въ крайней необходимости, и то только въ одномъ Ачинскомъ округѣ. Не менѣе интересенъ ловъ морскихъ котиковъ. Какъ только въ апрѣлѣ показались у береговъ сѣверныхъ острововъ Боброваго моря морскіе котики — партіи охотниковъ уже готовы. Всѣ идутъ длинною линіей — впереди самые ловкіе и смѣлые, а позади — начальникъ промысловой экспедиціи, управляющій ея движеніемъ. Какъ только послышалось блеяніе, похожее на овечье и характеризующее этотъ родъ морскихъ звѣрей, алеуты тотчасъ же кидаются впередъ, стремясь отрѣзать отъ берега котиковъ, преимущественно малолѣтныхъ. Самокъ и взрослыхъ самцовъ свободно отпускаютъ въ море и бьютъ только подростковъ. Послѣ этой бойни — въ теченіе нѣсколькихъ дней осиротѣвшія самки плаваютъ у береговъ, оглашая окрестности полярнаго острова самыми отчаянными криками. Ежегодно здѣсь били до 3,500,000 штукъ молодаго звѣря. На китовъ алеутъ охотится одинъ. Тутъ ему нужна вся сила характера, все самообладаніе. На своей байдарѣ онъ долго пере-

плываетъ море въ разныхъ направленіяхъ — и замѣтивъ кита, старается поровняться съ головою морскаго исполина. Какъ только это исполнено, алеутъ вонзаетъ въ него свое копье, тотчасъ же изо всѣхъ силъ гребетъ назадъ, стремясь скорѣе отойти отъ животнаго, которое бьется на волнахъ, и въ эти минуты ударами своего хвоста можетъ потопить не одну байдару, а цѣлую флотилію этихъ маленькихъ челноковъ. На стрѣлѣ бываетъ мѣтка — имени владѣльца — и куда бы ни выбросило мертваго кита, онъ повсюду принадлежитъ ранившему его охотнику. Во время такихъ отчаянныхъ охотъ случается, что не совсѣмъ ловкаго алеута китъ сажени на четыре подброситъ кверху, или далеко въ сторону швырнетъ его байдару. Часто еще въ то время, когда промышленникъ идетъ рядомъ съ чудовищнымъ животнымъ, чтобы скорѣе добраться до головы послѣдняго, оно, случается, поворотомъ своего громаднаго тѣла или ударомъ хвоста потопитъ и лодку и алеута, разумѣется, разбивъ первую.

Не менѣе самообладанія и силы нужно для охоты на моржей. Отправляясь на послѣднюю, алеутъ прощается съ родными и знакомыми, готовясь умереть. Изъ этого уже видно, какъ опасна такая охота. Моржей стараются поймать, когда тѣ выходятъ на берега. Тогда всѣ охотники кидаются на звѣря съ громкими криками, не допуская его къ морю. У убитыхъ моржей тутъ же разбиваютъ челюсти и вынимаютъ клыки, снимаютъ съ нихъ шкуру, а самыя туши оставляютъ гнить на берегахъ. Сало изъ нихъ не вытапливается вовсе. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда охота производилась у самаго берега, — приливъ уноситъ убитыхъ звѣрей прямо въ пасти акулъ, которыя здѣсь въ свою очередь уже сторожатъ свою добычу...

Такимъ образомъ, жизнь этого племени — вѣчный и неустанный трудъ. Тѣмъ не менѣе, экономическое положеніе его далеко не удовлетворительно. Во время существованія Россійско-американской компаніи они были въ вѣчной кабалѣ у ея прикащиковъ, теперь ихъ также (если еще не хуже) эксплуатируютъ американцы.

Но, отвращая глаза наши отъ этого страшнаго зрѣлища, остановитесь на прелестныхъ вулканическихъ островахъ, затерянныхъ въ глуши Великаго океана. Исторія человѣчества была бы ужасною и непрерывною агоніей смерти, если бы ея дѣйствіе не происходило среди такихъ прелестныхъ декорацій.

Лопари.

Отдаленнѣйшая окраина Архангельской губерніи, Кольскій полуостровъ издавна населенъ былъ лопарями — кочевымъ племенемъ финскаго корня. Названіе свое, лапландцевъ, они получили со временъ

историка Заксо, жившаго между ними въ 1190 г.; прежде они назывались сиритъ-финами. Если исторія другихъ инородческихъ расъ нашего сѣвера, въ первыя времена заселенія занимаемыхъ ими земель, представляетъ какой-либо интересъ, то этого нельзя сказать о лопаряхъ. Прошлое ихъ — неизвѣстно. По всей вѣроятности, они были первыми обитателями холодныхъ пустынь европейскаго сѣвера. Преданія ихъ далеко не безцвѣтны. Они не воплощаютъ миѳа о борьбѣ съ стихійными силами, присущими каждому народу, одаренному творчествомъ поэтическаго ясновидѣнія, но зато поэтическими чертами передаютъ эпизоды борьбы своей съ сказочною чудью. Блѣдныя и жалкія сказанія о злыхъ духахъ, имѣющихъ весьма отдаленное сходство съ геніями зла другихъ финскихъ племенъ — составляютъ все содержаніе небогатаго эпоса норвежскихъ лопарей. Печальная родина лопарей издавна пугала населеніе болѣе умѣренныхъ странъ. Здѣсь, въ царствѣ вѣчной зимы и вѣчныхъ бурь, въ самой ужасной глуши Гиперборейской Скиѳіи, по мнѣнію грековъ, жили сказочныя чудовища; даже народы скандинавскаго корня, населяющіе угрюмыя и холодныя горы Норвегіи, считали нашъ Кольскій полуостровъ недоступною смертнымъ областію великановъ и злыхъ духовъ, которые, какъ неопредѣленные фантомы утренняго тумана, встаютъ и рѣютъ надъ этою областію сумрака и безлюдья. Первыми болѣе или менѣе цивилизованными колонизаторами лопской земли — были ушкуйники, эти смѣлые авантюристы Господина Великаго Новгорода. Они проникли сюда въ отдаленнѣйшую старину. Такъ еще въ 1264 году они формальнымъ договоромъ утвердили за собою владѣніе Лопью. Нужно замѣтить, что послѣдняя въ то время еще не ограничивалась предѣлами Кольскаго полуострова. Лопари кочевали и въ нынѣшнемъ Поморьѣ, откуда ихъ выгнали новгородцы, не особенно стѣснявшіеся въ способахъ пріобрѣтенія новыхъ промысловыхъ урочищъ. Уже впослѣдствіи оказалось, что земля лопская далеко не такъ сурова и негостепріимна, какою она являлась въ первоначальныхъ сказаніяхъ.

Дики и печальны картины лапландскаго сѣвера. Тутъ не на чемъ остановиться взгляду случайнаго путника. Мрачныя массы сѣраго гранита взгромоздились однѣ на другія, какъ будто все это каменное море мгновенно застыло въ разгарѣ хаотической бури. Каменные скалистые берега отвѣсно падаютъ внизъ, словно преграждая волнамъ полярнаго океана доступъ въ эти сумрачныя, холодныя пустыни. Одинокія озера, закованныя въ неразрывныя цѣпи могучихъ утесовъ, отражаютъ въ своихъ покойныхъ гладяхъ зеленѣющіе островки. Изрѣдка нарушаетъ ихъ покой — громкій голосъ отважнаго промышленника, закидывающаго здѣсь свои сѣти... Глушь и безлюдье охватываютъ душу неопредѣленною, необъяснимою тоскою... Кое-гдѣ изъ

этого, словно исполинскою бороною изрытаго, гранитнаго простора, подымаются сѣрыя горы, покрытыя желтыми полосами сыпучаго песку. Онѣ возвышаются вдоль всего сѣвернаго побережья, словно окаймляя его мертвыя неподвижныя пространства. Кое-гдѣ изъ черныхъ расщелинъ треплется по вѣтру жалкая былинка; приземистая береза ютится въ понизьѣ подъ защитою отвѣснаго утеса, да на плѣшивыхъ верхушкахъ случайныхъ холмовъ подымаются хилыя сосны, безпомощно протянувъ свои вѣтви на дальній югъ; сѣверная сторона ствола лишена вѣтвей... Тутъ, въ этомъ подавляющемъ царствѣ сѣвера, въ уединенныхъ и глухихъ становищахъ, на берегу Ледовитаго океана, осѣли бѣдныя колоніи русскихъ и финляндскихъ переселенцевъ. Изобиліе удобныхъ бухтъ, никогда не замерзающее море и рыбное богатство водъ его — обусловливаютъ въ будущемъ значительный ростъ этого берега.

Въ среднихъ и южныхъ частяхъ земли лопской, климатъ нѣсколько умѣреннѣе. Тутъ тянутся на громадное пространство глухія дебри, сплошь поросшія сосною, березою и елью. Низменности пестрѣютъ яркими ягодными коврами. Морошка и другія растенія этого рода— усѣяли влажную почву кольскихъ пустырей, составляя главный питательный матеріалъ для мѣстнаго населенія. Всѣ остальныя мѣста Лапландіи поросли бѣлымъ ягелемъ (исландскій мохъ). Медвѣди, волки, песцы, лисицы, горностаи и олени кишмя кишатъ въ этихъ частяхъ полуострова, словно вознаграждая его за поразительное отсутствіе жизни на сѣверномъ побережьѣ. До восьмисотъ озеръ раскинули свои зеркальныя глади въ этой части нашего отдаленнаго края. Между ними есть весьма значительныя. Такъ напримѣръ, Имандра занимаетъ пространство 90 верстъ въ длину и 40 въ ширину. Ковдо, Пяво, Конбо, Нуотъ — самыя большія озера этой страны. Въ противоположность озерамъ крайняго сѣвера, здѣсь, словно тихія обители вѣчнаго мира и покоя, подымаются тысячи островковъ, изъ которыхъ каждый, если бы его перенести поближе къ Петербургу, сталъ бы любимѣйшимъ мѣстомъ общественныхъ прогулокъ. То утесистые, то лѣсистые, то низменные, эти клочки твердой земли посреди воднаго простора пріятно разнообразятъ нѣсколько утомительное величіе полярныхъ пейзажей. Въ самыхъ озерахъ водится вкусная рыба, ловлею которой неутомимо занимаются лопари, единственные властители этого бездорожнаго малолюдья. Берега озеръ раскидываются тысячами самыхъ прихотливыхъ, самыхъ неожиданныхъ изгибовъ. Цѣлыя системы рѣкъ и рѣчекъ соединили озера въ одинъ водный бассейнъ. — Это словно ассоціація нервовъ съ ихъ узлами. Такъ переплелись между собою водные пути этого края. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ, выходя изъ срединныхъ озеръ, вливаются въ Бѣломорье и въ Ледовитый океанъ. Всѣ онѣ

усѣяны великолѣпными порогами, въ которыхъ быстрое теченіе то образуетъ сверкающіе алмазнымъ блескомъ водопады, то хаотическія безформенныя толчеи, преграждающія судамъ доступъ внутрь лопской земли. Устья этихъ рѣкъ расположены по ровнымъ береговымъ отлогостямъ, вдоль каменистыхъ ущелій, грандіозное величіе которыхъ напоминаетъ романтическую обстановку байроновскаго Манфреда. Здѣсь производится обширный семужій ловъ заколами, доставляющій лопарямъ немалые барыши.

Громадныя стада дикихъ и домашнихъ оленей пасутся на этомъ необозримомъ просторѣ. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ еще и понынѣ водятся но уже въ одиночку, когда-то усердно истреблявшіеся для уплаты даней—выдры и бобры. Но болѣе всего оживляютъ этотъ край безчисленныя стаи разной дичи, отъ гула и стрекота которой словно стонъ стоитъ надъ неисходными гладями лопскаго юго-востока. Съ озера на озеро перелетаютъ крикливые гуси и утки, залетныя чайки крупныхъ размѣровъ вьются надъ свѣтлыми водами озеръ и пѣнистыми быстринами рѣкъ и потоковъ. Гагары сплошь усѣяли сѣверные берега и принадлежащіе Кольскому полуострову острова. Не смотря на дикое, ничѣмъ необъяснимое уничтоженіе гагачьихъ яицъ поморскими бабами, гагки и до сихъ поръ составляютъ одно изъ коренныхъ богатствъ этого края. Миріады куропатокъ покрываютъ бѣлою пеленою откосы каменистыхъ горъ и поверхность земли. Онѣ на каждомъ шагу плодятся и множатся въ лѣсахъ и понизьяхъ полуострова. Въ недосягаемой синевѣ яснаго неба словно черныя точки висятъ надъ пустыннымъ краемъ ястреба, челиги, кречеты и сокола. Еще въ московскую старину, послѣдніе изъ Рюриковичей и первые цари Великой и Малой Россіи Романовы посылали сюда ватаги помытчиковъ за соколами для царской охоты. Одинокій путникъ, пересѣкающій потоки и озера нашей Лапландіи, невольно изумится обилію всякой птицы на излюбленныхъ ею мѣстахъ этой глухой стороны. Молодые выводки гусей и утокъ, недвижно устилающіе землю, словно дѣвственный снѣгъ, бѣлыя куропатки—попадаются ему подъ ноги вездѣ, куда онъ ни сунется. А тамъ вдалекѣ, какъ стрѣла промелькнетъ порою сѣверный олень въ недосягаемую чащу сосноваго лѣса или на понизье, поросшее ягелемъ. Но за то мелкая трава луговыхъ пустынь не оживляется здѣсь веселымъ пѣніемъ кузнечиковъ, шуршаніемъ безчисленныхъ насѣкомыхъ, къ которымъ привыкъ степнякъ средней и южной полосы Россіи. Изрѣдка только, лишенная роскоши яркихъ цвѣтовъ, вяло порхаетъ бабочка, едва шевеля крыльями, надъ зелеными кочками поемнаго луга.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края, подъ вліяніемъ мѣстныхъ священниковъ, лопари дѣлали опыты разведенія картофеля, и неожиданный

Лопарская вежа.

успѣхъ превзошелъ всѣ ихъ ожиданія. У нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 1870 г. картофель родился самъ-10.

Долгая и морозная зима, влажное, сырое лѣто, осѣнь холодная и дождливая — дѣлаютъ Кольскій полуостровъ мѣстомъ не совсѣмъ привлекательнымъ для обитателя болѣе умѣреннаго края. Съ 12 мая по 9-е іюня солнце здѣсь не сходитъ съ горизонта, одинъ непрерывный день продолжается 57 сутокъ. За то 52 дня тянется такая же непрерывная полярная ночь, озаряемая лишь сполохами. Не смотря на это, лѣтомъ здѣсь бываютъ очень знойные дни. Солнце не заходитъ и грѣетъ очень сильно. Въ влажное время оно похоже на мѣдно-красный щитъ, потонувшій въ туманѣ безъ зноя и свѣта. Зимнія ночи, озаряемыя сѣвернымъ сіяніемъ — великолѣпны. Блуждающее сіяющее пламя, словно отъ тысячи мѣрно колыхающихся факеловъ, опоясываетъ небо. Снопы его раскидываются по темному простору безвѣстныхъ высей, кидая блѣдный свѣтъ на острыя вершины утесовъ, на серебристыя глади бѣлыхъ пустынь съ обледенѣвшими озерами и снѣгомъ засыпанными островами и на свободный отъ льда просторъ полярнаго моря. Невольно растетъ въ душѣ чувство благоговѣйнаго ужаса передъ этою стихійною силой, которая здѣсь какъ будто лежитъ еще въ состояніи покоя, предшествовавшаго великому моменту созданія. Вся эта величавая, мертвая глушь словно ждетъ торжественнаго слова: «да будетъ свѣтъ!», чтобы воспрянуть къ жизни и закипѣть міріадами красокъ и звуковъ.

Но пока до призывнаго слова — суровый морозъ кладетъ здѣсь несокрушимыя цѣпи для всякаго проявленія жизни, и только таинственное мерцаніе сполоха озаряетъ эти пустыни отблесками иного, пугающаго воображеніе міра, въ самомъ центрѣ невѣдомаго полюса создающаго свои свѣтоносныя бури.

Лопари, какъ выше замѣчено, принадлежатъ къ народамъ финскаго корня. Они малы ростомъ, и норвежане на первый разъ кажутся уродливыми. Длинныя руки, короткія шеи, узкіе глаза, выдавшіяся скулы далеки отъ того идеала красоты, который создало себѣ кавказское племя. На всемъ выраженіи лица ихъ лежитъ какая-то странная, общая имъ всѣмъ тупость, которая еще усиливается манерою стричь волосы, такъ чтобы при прическѣ на лобъ они оканчивались надъ самыми бровями. Русскіе лопари подробно описаны мною въ отдѣлахъ «По бездорожью», «По горамъ и озерамъ» и въ отдѣльныхъ изданіяхъ «Лапландія и лапландцы», «У океана». Лопари всѣ христіане. Они были обращены еще въ концѣ XVI столѣтія св. Ѳедоритомъ и св. Трифономъ. Послѣдній на Кольскомъ полуостровѣ у рѣки Печенги, построилъ Печенгскую церковь, которая потомъ была обращена въ монастырь, сожженный норвежцами, благоразумно воздавшими съ по-

морскими селами и убогими обителями и не рѣшившимися на три пушечные выстрѣла подойти къ плохо укрѣпленной Ново-Двинской крѣпости, защищавшей входъ въ устье С. Двины.

Лопари не находятся въ исключительномъ владѣніи Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ кочуютъ въ предѣлахъ Швеціи и Норвегіи. Одновременно съ заселеніемъ этого края новгородскими ушкуйниками, норвежцы заняли всю страну отъ города Вероса на сѣверъ до Варангеръ Фіорда, занимаемую убогими дикарями. Послѣднихъ свободныхъ лопарей завоевали шведы въ XIII столѣтіи, покоривъ себѣ Остроботнію. Границъ между тремя владѣніями никогда не существовало de facto. Лопари свободно переселялись изъ одного мѣста въ другое, не признавая никакого международнаго права, промышляя на чужой землѣ и только изрѣдка платя за это небольшія дани. Такимъ образомъ, одному и тому же семейству приходилось при перекочевкахъ платить подать и шведамъ, и норвежцамъ, и русскимъ. Отсюда произошли лопари двоеданные и лопари троеданные. Въ прежнее время дань эта вносилась мѣхами, рыбою и соколами. Неимѣніе точныхъ и разъ навсегда опредѣленныхъ границъ, подавало поводъ къ постояннымъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ.

Часто лопари, во избѣжаніе податныхъ платежей и остервенѣлыхъ прижимокъ со стороны земской полиціи, перекочевывали въ такія дикія и недоступныя трущобы, добраться въ которыя было возможно только для людей родившихся и выросшихъ въ этомъ пустынномъ краю. Границы между тремя государствами здѣсь были только опредѣлены лишь въ настоящемъ столѣтіи, когда Россія отдала норвежцамъ громадную полосу земли, гдѣ теперь красуются торгово-промышленные норвежскіе города и производится обильная рыбная ловля на нѣсколько милліоновъ талеровъ.

Всѣхъ лопарей въ настоящее время считается до 10,000 человѣкъ. Они заселяютъ тѣ же пустыри Кольскаго полуострова и Норвегіи, что и прежде, съ тѣмъ различіемъ, что въ средѣ нѣкоторыхъ родовъ ихъ являются первые задатки осѣдлости. Они исподоволь переселяются къ мѣстнымъ погостамъ и осаживаются вокругъ нихъ въ видѣ болѣе или менѣе правильныхъ поселковъ. Изъ нихъ образованы отдѣльныя волости, а у кольскихъ священниковъ какъ-то даже воспитывались ихъ дѣти. Русскіе лопари главнымъ образомъ раздѣляются на двѣ отрасли, терскую и мурманскую лопь. Первые населяютъ страну отъ острова Сосновца до Св. Носа. Вторые занимаютъ сѣверозападную часть Лапландіи. Погосты лопарскіе находятся вблизи рѣчныхъ и озерныхъ урочищъ, гдѣ они зимою ловятъ рыбу. Лѣтомъ, оставляя свои постоянные поселки, лопари направляются къ мурманскому берегу для ловли трески, палтусовъ, сайды, зубатки и прочихъ рыбъ изъ рода Gadus, составляющихъ

главное богатство сѣверныхъ морей. Въ рѣкахъ лопари устраиваютъ заколы для добыванія семги, которая при наступленіи икромета, направляется противъ теченія рѣкъ къ ихъ верховьямъ. Заколы принадлежатъ (за рѣдкими исключеніями) цѣлымъ общинамъ, артелямъ лопарей, и въ добычѣ промысла каждый членъ такой общины имѣетъ свою долю. Впрочемъ, въ настоящее время выгоднѣйшими изъ такихъ урочищъ самовольно завладѣли колонисты-норвежцы и финляндцы.

Лопари живутъ въ вѣжахъ. Вѣжа — коническій шалашъ изъ тонкаго лѣса, покрытый хворостомъ и сверху дерномъ. Видъ такихъ зеленыхъ, поросшихъ травою жилищъ на берегахъ живописныхъ рѣкъ и озеръ Кольскаго полуострова производитъ пріятное впечатлѣніе на путника. Часто лопари, изъ обломковъ (потерпѣвшихъ крушеніе кораблей) прибиваемыхъ къ берегу, строятъ микроскопическія и крайне неудобныя избы. Красивая извнѣ — вѣжа внутри отвратительна. Грязь, неопрятность и тьма царятъ въ ней невозбранно. На грудѣ камней — посединѣ ея—разложенъ огонь, дымъ отъ котораго, наполняя вѣжу, выходитъ въ отверстіе, образуемое верхушкою этого жилья. Вмѣсто постели, лопари, какъ и дикіе самоѣды, употребляютъ оленьи мѣха. Вѣжа въ вышину достигаетъ до $3^1/_2$ арш., а діаметръ ея основанія — 6 арш., — и на этомъ пространствѣ ютится иногда семейство, состоящее изъ мужа, жены и нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей. Какимъ воздухомъ должны дышать эти несчастные кочевники?

Пищею лопарямъ служитъ рыба, оленье мясо, морошка и куропатки, которыхъ терская лопь считаетъ летучими рыбами, съ покойною совѣстію употребляя ихъ и въ посты, въ другихъ отношеніяхъ свято соблюдаемые ими. Не будь куропатки да рыбы — лопарь погибъ бы съ голоду въ негостепріимномъ краю своемъ. Только лѣтъ тридцать назадъ лопари стали привыкать къ хлѣбу, который они приготовляютъ, смѣшивая муку съ толченою сосновою корою. Лопари въ противоположность другимъ инородцамъ сѣвера — зырянамъ и самоѣдамъ — почти не ѣдятъ сыраго мяса. Зато вмѣстѣ съ послѣдними они пристрастились къ водкѣ. Особенно же любятъ они норвежскій ромъ, за который готовы отдать и свою рыбу, и своихъ оленей.

Зимою лопарь носитъ нѣчто въ родѣ описаннаго мною въ статьѣ о самоѣдахъ совика — нечокъ (петшокъ). Это — мѣховая рубашка шерстью вверхъ. Она приготовляется изъ оленьихъ шкуръ, съ рукавами и рукавицами изъ того же матеріала. *Яры* или сапоги шьются изъ оленьихъ ногъ и доходятъ до пояса. Шапка съ ушами изъ лисьихъ хвостовъ дополняетъ теплый нарядъ этого номада. Лѣтомъ норвежскій и терскій лопарь надѣваетъ *юпу* — та же малица, только изъ сѣраго

сукна, съ нашитыми на ней яркими суконными лоскутками, — шерстяной колпакъ и кеньги. О мурманскихъ лопаряхъ, между которыми странствовалъ и я, читатели уже знаютъ. Зимній нарядъ женщинъ не отличается отъ мужскаго; лѣтомъ же лопарскія belles-femmes щеголяютъ въ русскихъ сарафанахъ и остроносыхъ, загнутыхъ кверху башмакахъ. Кокетство у нихъ доведено до nec plus ultra. Онѣ обольщаютъ мужей разнообразными головными уборами, изъ которыхъ красивѣе всѣхъ считается *сорока*, сдѣланная изъ кумача или другой матеріи и украшенная бисеромъ. Серьги тѣмъ щеголеватѣе, чѣмъ онѣ громаднѣе и тяжеловѣснѣе. Въ томъ же родѣ кольца и перстни довершаютъ соблазнительный нарядъ лопской красавицы. Дѣвушки носятъ повязки и бисерныя ожерелья.

Главное богатство лопаря, какъ и кочующаго самоѣда — олени. Безъ этого кроткаго и выносливаго животнаго, человѣкъ едва ли бы могъ существовать посреди дикихъ пустырей нашего отдаленнаго сѣвера. Тундры Лапландіи переполнены оленями. Они больше ростомъ и сильнѣе мезенскихъ, но гораздо трусливѣе послѣднихъ. Достаточно одного необычайнаго звука, приближенія незнакомаго имъ предмета, чтобы все стадо шарахнулось въ сторону. Какъ стрѣла несутся испуганные олени въ неоглядную даль. Озера, рѣки, болота — ничто не останавливаетъ этого отчаяннаго бѣга. Десятки и сотни ихъ тонутъ и вязнутъ въ болотахъ, другіе падаютъ отъ усталости, и наконецъ совершенно изнеможенное стадо ложится на отдыхъ среди какой нибудь безжизненной пустыни. Видъ этихъ бѣшено несущихся животныхъ представляетъ чрезвычайно грандіозную картину. Еще издали вы слышите гулъ и грохотъ, тундра колышится словно во время землетрясенія — и вдругъ передъ вами показывается цѣлый лѣсъ вѣтвистыхъ роговъ, устремляющихся куда-то въ пространство. Горячее дыханіе, топотъ, свистъ разсѣкаемаго воздуха — все это на минуту охватываетъ васъ могучимъ потокомъ жизни и движенія, но спустя минуту мертвая глушь снова вступаетъ въ свои права... Опять безшумный просторъ ея подавляетъ вашу душу... Мысль, словно подстрѣленная птица, падаетъ — ни слова ни звука!

Стада домашнихъ оленей у лопарей не такъ многочисленны, какъ у самоѣдовъ, зырянъ и пустозеровъ. Нашъ лопарь рѣдко имѣетъ болѣе 900 штукъ головъ скота, тогда какъ сосѣдній норвежскій лапландецъ считаетъ свои стада тысячами головъ. Это обстоятельство объясняется недостаткомъ ухода за оленями, характеризующимъ хозяйственныя способности нашихъ лопарей. Въ то время, когда самоѣдъ самъ пасетъ стада свои — лопарь пускаетъ ихъ на произволъ судьбы и лѣтомъ и зимою въ отдаленнѣйшія тундры. Вслѣдствіе этой небрежности олени часто разбѣгаются, а еще чаще падаютъ жертвами волковъ. Самые

предусмотрительные изъ лопарей загораживаютъ отдѣленныя самою природою урочища легкой изгородью — пускаютъ туда свое стадо и успокоиваются на лаврахъ. Оленей нужныхъ для ѣзды ловятъ лопари при помощи собакъ чивастевами (чивастева — нѣчто въ родѣ аркана).

Лопари въ высшей степени религіозны, хотя и до сихъ поръ они, исключая мурманскихъ, не вполнѣ освоились съ христіанствомъ. Съ истинами послѣдняго они мѣшаютъ свои суевѣрія — послѣдніе обломки уже исчезнувшаго культа. Почти каждое, выходящее изъ ряду событіе, они сопровождаютъ странными обрядами, имѣющими по ихъ понятію глубокое значеніе и смыслъ. Они чрезвычайно смирны и миролюбивы. Между ними весьма рѣдки драки и преступленія. О семейныхъ несогласіяхъ эти дикари едва ли и слышали. Гостепріимные по своему, они никогда не откажутъ случайному путнику ни въ пріютѣ, ни въ кускѣ варенаго оленьяго мяса, ни въ рыбѣ. О вознагражденіи разумѣется не можетъ быть и рѣчи. Полудикіе номады еще не такъ *просвѣщены*, чтобы и изъ гостепріимства дѣлать выгодную статью дохода.

Зато къ числу недостатковъ этого племени необходимо отнести лѣность и нѣкоторое лукавство. Они между собою употребляютъ одно изъ самыхъ бѣдныхъ нарѣчій финскаго корня, которое впрочемъ похоже на финляндскій языкъ столько же, сколько датскій похожъ на нѣмецкій, — но также хорошо владѣютъ и русскимъ языкомъ, на которомъ поютъ пѣсни, даже обрядовыя и свадебныя; свои же, часто монотонныя и бѣдныя, употребляются нынѣ рѣже и рѣже даже въ отдаленнѣйшихъ трущобахъ лопской земли.

Лопари чрезвычайно высоко цѣнятъ хорошихъ стрѣлковъ. Ни одна семья не выдастъ дѣвушку замужъ за человѣка, который ни разу не подстрѣлилъ дикаго оленя. Свадьбы устраиваются родителями, молодые въ этомъ случаѣ совершенно безгласны. Женихъ вознаграждаетъ за невѣсту или оленями, или выкупаетъ ее обязательнымъ трудомъ ея отцу, съ которымъ онъ живетъ цѣлый годъ; по окончаніи этого срока имѣетъ уже право взять жену въ свою вѣжу и жить съ нею отдѣльно и самостоятельно. Умершихъ лопари погребаютъ почти голыми, зарывая ихъ прямо въ землю. Но отказывая имъ въ одеждѣ и гробницѣ, они щедро снабжаютъ ихъ любимой пищей и промысловыми орудіями. Насыпавъ надъ могилою курганъ, они опрокидываютъ въ него сани, принадлежавшія покойнику. Олени покойнаго въ дѣло не употребляются. Лопарь убѣжденъ, что въ противномъ случаѣ его постигнетъ смерть.

Весьма рѣдко случается лапландцу жениться на русской или норвеженкѣ. Передъ свадьбой лопарь дѣлаетъ невѣстѣ подарки, съ которыми онъ и приходитъ къ дверямъ ея вѣжи. Сопровождающіе его родственники входятъ туда; онъ же остается снаружи, до тѣхъ поръ пока родители невѣсты не позовутъ его. Тутъ имъ подносится водка. Если

отецъ дѣвушки выпьетъ водки — значитъ предложеніе принято; въ противномъ случаѣ лопарь возвращается домой съ пустыми руками. Послѣ сговора женихъ часто бываетъ у своей невѣсты и поетъ ей всякій разъ нѣчто въ родѣ гимновъ ея красотѣ, трудолюбію и добродѣтели. Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ нѣтъ никакихъ, хороваго пѣнія также не существуетъ, почему — когда послѣ торжественныхъ обрядовъ всякій заводитъ свою пѣсню — общее впечатлѣніе весьма непріятно. У норвежскихъ лопарей — это скорѣе ревъ и крики животныхъ, чѣмъ пѣніе людей. Нѣсколько-грубый языкъ еще усиливаетъ угловатость самыхъ пѣсенъ. Родственники приносятъ въ подарокъ невѣстѣ оленей или деньги.

Лапландцы — весьма здоровы. Исключая головныхъ болей, остальные недуги съ ними весьма рѣдко случаются. Разстройство желудка они лечатъ значительными пріемами внутрь оленьей крови; отъ зубной боли пьютъ тоже оленью кровь. Здѣсь извѣстна особеннаго рода порча зубовъ. Внутри послѣднихъ заводится маленькій желтый червячокъ, съ черною головкой. По всей вѣроятности, лопари обязаны этимъ страшной неопрятности, въ которой живутъ они и ихъ семейства.

Новорожденнымъ — лопари дарятъ самку оленя. Всѣ рождающіяся отъ нея животныя принадлежатъ ему; такимъ образомъ лопарь, подрастая, уже владѣетъ своимъ собственнымъ стадомъ. Съ величайшимъ уваженіемъ эти номады относятся къ кладенымъ оленямъ, такъ что назвать кого либо изъ нихъ гаэрже истцъ (кладеный олень) — равнозначаще особенно почтительному комплименту. Разсказываютъ объ одномъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, о которомъ за его гордость и хвастовство лопари говорили: онъ чванится какъ кладеный олень. Лопари обращаютъ весьма мало вниманія на недужныхъ, да и послѣдніе смотрятъ на свою болѣзнь какъ на пустяки. Одинъ норвежскій проповѣдникъ упоминаетъ о женщинѣ лопаркѣ, которая прошла къ нему чрезъ горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ, спустя три дня послѣ родовъ. Зимою они носятъ нѣчто въ родѣ лыжи, благодаря чему бѣгаютъ съ удивительной ловкостью и быстротою, часто даже перегоняя оленей. Они умѣютъ приготовлять изъ дерева посуду и вырѣзываютъ изъ оленьихъ роговъ различные предметы — иногда весьма искусно. Выдолбленный кусокъ пня служитъ для ихъ дѣтей люлькою. Дѣти завертываются въ кожи такимъ образомъ, что подъ головою ребенка можно положить лукъ, шестъ и кольцо, которымъ онъ играетъ, когда не спитъ.

Первобытная религія лопарей имѣетъ много общаго съ культомъ другихъ племенъ финскаго корня. Лапландцы въ прежнее время были убѣждены, что въ горахъ и морѣ находятся могучія и грозныя божества. Другіе самое море и горы считали богами и въ трудныхъ слу-

чаяхъ жизни восклицали: «святой камень (такой-то) помоги мнѣ!» Но самыя главнѣйшія божества по мнѣнію ихъ находятся: на горизонтѣ, въ воздухѣ, на землѣ, подъ землею и въ самой срединѣ земли.

На горизонтѣ живетъ невѣдомый *Радіенъ*—царь неба. Но тамъ же существуетъ и другой богъ Зіоравъ-Радіенъ—сынъ Радіена. Дочь Радіена принимаетъ души умершихъ и отправляетъ ихъ въ пропасть *Рати* - вѣчный мракъ, гдѣ онѣ должны пребывать безконечно. Тамъ же на небѣ существуетъ богъ—*Равонанекда;* онъ печется о произрастаніи ягеля для оленя, о горахъ и о сохраненіи всего живаго. Эти четыре божества составляютъ первую группу лопарскаго Олимпа. Имъ приносились безкровныя жертвы.

Въ воздухѣ пребываютъ: богъ *Баве*—или солнце—ему лопари молились за то, что онъ даетъ тепло и пищу, ему при жертвоприношеніяхъ назначались лучшіе куски мяса, къ нему же обращались въ случаѣ болѣзни кого либо изъ близкихъ; богъ *Горенасъ*—громъ, самое злое и свирѣпое существо, убивающее людей и животныхъ—для умилостивленія его также приносились жертвы; богъ *Гизенъ-Алмай*—богъ неизвѣстный; богъ *Бадо-май*—властвующій надъ непогодой и требующій постоянныхъ жертвъ; *Анлекесъ-Олканъ*—богъ хорошей погоды: на молитвы ему посвящалась пятница.

На землѣ обитаютъ боги: *Лейбъ-Олмай*—богъ охоты. Ему необходимо приносить жертвы, чтобы возвращаться обремененнымъ добычей съ охоты. Ему молились каждое утро и каждый вечеръ, при чемъ пѣлись похвальные гимны въ честь его могущества. *Кіозе-Олмай*—богъ рыбаковъ; поклоненіе ему обязательно только для послѣднихъ. *Мадеракко*—богиня женщинъ. У нея дочери, изъ которыхъ первая помогаетъ матерямъ въ родахъ и унимаетъ муки родильницъ—въ честь ея лопари пили водку, въ жертву же ей приносили сметану; другая изъ дочерей этой богини, *Юксъ-Акка*, можетъ уже и въ чревѣ матери младенца сына обратить въ дочь—это лицо чрезвычайно властильное въ средѣ, гдѣ сыновья дорого цѣнятся для охоты и рыбной ловли; третья дочь *Сиръ-Акка* сохраняетъ дитя отъ недуговъ и дурнаго глаза. На землѣ обитаетъ *Сакво-алмакъ*. Престолъ его на вершинахъ горъ. Это покровитель чародѣевъ и вѣщуновъ. Если послѣднимъ понадобится его помощь, они выпиваютъ пригоршню воды изъ источника, текущаго у его горы—и тогда на нихъ находитъ волшебная сила самаго бога. Олень колдуна дѣлается послѣ этого чрезвычайно силенъ и побѣждаетъ въ дракѣ оленей другихъ чародѣевъ, богъ которыхъ слабѣе Сакво-Алмака. По просьбѣ колдуна послѣдній можетъ напустить болѣзнь и умертвить кого угодно, кромѣ двухъ только лицъ: въ Норвегіи—лендсмана и его помощника, а въ Россіи—исправника и становаго. Эти особы изъяты изъ предѣловъ вѣдѣнія лопарскихъ боговъ. Больной непремѣнно

умираетъ, если колдунъ не вложитъ въ него душу обратно. Отсюда власть и значеніе колдуновъ.

Въ глубинѣ земли пребываетъ богъ *Ямба-акко*, въ переводѣ — мать смерти. Ей слѣдуетъ дѣлать частыя приношенія, во избѣжаніе частыхъ недуговъ.

Подъ землей — въ ужасной, довременной пропасти Ротта-аимбо — живутъ послѣднія неизвѣдомыя божества, въ непосредственное вѣдѣніе коихъ поступаютъ всѣ дурно-живущіе на землѣ. Этимъ богамъ приносились кости, хвосты, уши и внутренности, убивавшихся на праздненствахъ, ол ней.

На канунѣ праздниковъ лопари приносили жертвы злому духу Оуло-Гадзе. У колдуновъ имѣется свой штатъ изъ мудрыхъ, но второстепенныхъ духовъ — *Нэациде-Гадзе*.

Удбосръ — таинственный духъ, пребывающій надъ могилами младенцевъ, коимъ не дано на землѣ никакого имени. Часто въ долгія зимнія ночи слышится вой его надъ ними, и лопари спѣшатъ дать мертвому имя, иначе этой неизбѣжной музыкѣ и конца не будетъ. Есть еще чудный звѣрь-полубогъ, живущій въ трущобахъ и пещерахъ; онъ похожъ на ребенка и обладаетъ сверхъестественной силой въ такой значительной степени, что его лопари будто бы убиваютъ изъ ружья, ради вкуснаго мяса. Изъ глубины пещеръ его можно выманить не иначе, какъ поставить у входа крынку съ молокомъ. Какъ видно, лопари не особенно стѣснялись съ своими богами!

Убивъ медвѣдицу, лопарь долженъ былъ вынуть печень ея и повѣсить ее вдали отъ мѣста охоты. При зачатіи ребенка приносился въ жертву олень, а при рожденіи его закапывалась въ землю живая собака. Если разрѣшеніе отъ бремени было совершенно счастливо и безболѣзненно — отецъ зарывалъ въ землю нѣсколькихъ животныхъ

На мѣстѣ, гдѣ убитъ дикій олень—лопари оставляли рога и ноги его въ качествѣ жертвы богу охоты.

Были особенныя мѣста, гдѣ лопари приносили жертвы своимъ богамъ, предпочтительнѣе предъ другими урочищами. Таковы вершины горъ, одиноко посреди тундръ возвышающіеся утесы, камни, разсѣянные по лѣсамъ лопской земли. Въ Норвежской Лапландіи, на озерѣ Порзангерѣ лопари богу рыбной ловли воздвигли встарь храмъ, слава котораго дошла и до нашихъ лопарей. Близъ священныхъ мѣстъ своихъ боговъ лопарь никогда не осмѣливался оставаться долѣе одного дня, проводимаго въ молитвахъ. Онъ полагалъ, что плачъ его дѣтей долженъ безпокоить божество. Проѣзжая мимо такихъ мѣстъ, женщины должны были закрывать глаза руками, чтобы не осквернить своимъ взглядомъ святости загѣтной горы или камня.

Мы уже говорили о томъ, что въ настоящее время всѣ лопари—

христіане. Но вѣрованіе въ старыхъ боговъ крѣпко держится въ народѣ невѣжественныхъ номадовъ, которые время отъ времени умилостивляютъ посильными жертвами темныхъ геніевъ зла, обитающихъ и въ небѣ, и въ землѣ, и въ водѣ, и въ горахъ. Лапландцы норвежскіе также всѣ обращены въ христіанство королемъ Фридрихомъ V.

Теперь лопари мало-по-малу начинаютъ свыкаться съ осѣдлою жизнію. Предоставленные самимъ себѣ на одной изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ Россіи, они вполнѣ удовлетворяются убогою обстановкою ихъ безцвѣтной жизни. Дикія вьюги полюса, долгая зимняя ночь, скудная почва—не особенно тяжелы для людей, никогда не видавшихъ ничего лучшаго. Но одинокій туристъ, пересѣкающій эти безлюдныя пустыни, невольно станетъ тосковать о другомъ далекомъ краѣ, гдѣ яснѣе свѣтитъ ясное солнце, роскошно ложатся подъ его лучами тучныя нивы, и звонко разносится въ ароматномъ воздухѣ медленная родная пѣсня, захватывая своими задушевными переливами и мысль, и сердце человѣка.

А тутъ—вѣчное молчаніе снѣговыхъ гладей или назойливый скучный стрекотъ и гамъ птицы, переполняющей не надолго ожившіе пустыри.

Но отрѣшитесь отъ воспоминаній своего прошлаго, съумѣйте слиться съ этою сумрачною природою—и вы поймете дикую красоту этихъ гранитныхъ горъ, этихъ отвѣсныхъ каменныхъ береговъ, за которыми величаво стелется полярное море съ его могучими бурями и льдами...

ПО ГОРАМЪ И ОЗЕРАМЪ

СѢВЕРНАГО ПОМОРЬЯ.

ПО ГОРАМЪ И ОЗЕРАМЪ СѢВЕРНАГО ПОМОРЬЯ.

Пѣшкомъ и въ лодкѣ.

Бодрость и отвага ключомъ били во мнѣ, когда, оставивъ позади скучную Колу, я съ своими проводниками вышелъ на Соловараку, чтобы за нею погрузиться въ дѣвственныя пустыни и лѣса Кольскаго полуострова, пройти по нимъ до Кандалакши тѣмъ самымъ путемъ, какимъ во время оно шли смѣлые ушкуйники, эти отчаянныя ватаги, выдѣлявшіяся Господиномъ Великимъ Новгородомъ и колонизировавшія всю чудскую глушь, все наше сѣверное поморье. Мнѣ предстоялъ переходъ въ триста верстъ по прямой линіи отъ устья р. Колы до вершины Кандалакшскаго залива. Большую часть дороги нужно было сдѣлать пѣшкомъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ экскурсіяхъ на Лаво-озеро, Хибинскія горы, Чуну-тундру и Медвѣжьи горы. По этому пути ранѣе меня проходили Миддендорфъ, Максимовъ и нѣкоторые другіе путешественники; они дали первыя свѣдѣнія объ этой таинственной и пустынной окраинѣ. Первый изъ нихъ исключительно занимался изслѣдованіями научнаго свойства, второй подробно описалъ Бѣломорье и Мурманъ.

— Три версты теперича путь горой пойдетъ!—объяснялъ мнѣ бодрый поморъ, легко тащившій на себѣ чемоданъ. Устанешь!

— На Тулому ходилъ—не уставалъ.

— Что Тулома! Пустое самое дѣло... Тутъ все тебѣ холмы да буераки, то внизъ сбѣжишь, то вверхъ подымешься; потомъ верстъ двѣнадцать на лодкѣ поплывешь по р. Колѣ, отдохнешь и опять пѣшкомъ восемнадцать верстъ. А всей этой станціи мѣра тридцать три версты. Оно должно быть больше. Здѣсь чортовы версты, окромя его никто ихъ, поди, и не мѣрилъ. Завтра до Кицкой станціи и дойдемъ...

— Это у васъ и называется почтовымъ трактомъ?

— Онъ самый!

Проводники едва плелись нога за ногу. Съ вершины Соловараки, бросивъ прощальный взглядъ на жалкую кучку гнилушекъ внизу, составлявшую Колу, на величавый просторъ океана и узкую щель губы, мы невольно поддались вліянію этого величаваго унынія полярнаго пейзажа. Направо и налѣво, вдоль узкой и едва замѣтной тропинки, валялись громадные камни, поросшіе сѣрыми лишаями. Иногда такой обломокъ перегораживаетъ дорогу, и приходится всползать на него и, отдохнувъ на тычкѣ, спускаться внизъ, рискуя сломать голову Слова моего проводника оправдались вполнѣ. Дѣйствительно, приходилось то опускаться въ поросшія мелкимъ березникомъ лощины, то взбираться по крутымъ скатамъ, гдѣ пахло сосною и елью... Иногда съ вершины тускло сверкало гдѣ-нибудь далеко небольшое озеро, или словно серпъ, выдѣлялась вдругъ излучина небольшой рѣчонки...

— Что это за рѣка?

— Безъимянная, никто не окрестилъ. Зови какъ хочешь! Просто у насъ на это, податей съ нихъ не требуютъ, ну—и живи такъ!...

— А эта?

— И эта безъ попа на свѣтъ родилась. Зовемъ рѫчьемъ. А какой рѫчей, самъ видишь—весной вздуется да вспухнетъ, что баба беременная, и привередничать, какъ она, станетъ. Тамъ гору подроетъ, тамъ камень обвалитъ, намедни, лѣсъ подмыла и къ чорту унесла!... Вѣдь, на нее становаго нѣтъ. Ее не запрешь въ кутузку-то!!..

Такихъ беременныхъ рѣчекъ я насчиталъ больше десяти.

Наконецъ, первыя трудныя три версты окончились—и мы вышли прямо на р. Колу, которая здѣсь, сѣвернѣе Коровьяго-ручья, дѣлаетъ послѣдній порогъ. Между устьемъ ея, гдѣ расположенъ городъ, до этого пункта Кола вся перегорожена порогами и недоступна для самаго мелкаго челночка.

Мѣстность тутъ очень живописна: Коровій-ручей, сжатый со всѣхъ сторонъ холмами, кажется узкою, извилистою щелью, и вскипая въ нѣсколькихъ мѣстахъ по теченію, вливается въ Колу цѣлою массою взмыленной пѣны. На Колѣ здѣсь плесъ, въ полверсты ширины. Повсюду его обступили лѣсистые берега. Издали доносится гулкій шумъ пороговъ. Въ прибережной чащѣ, подъ еловымъ наметомъ, хранятся челночки.

— Вотъ и лодочка богоданная! Милости просимъ!—приглашалъ меня проводникъ.

Мы тихо поплыли противъ теченія. Усталые люди лѣниво передвигали весла. Мимо самой лодки, не сворачивая въ стороны, спокойно передвигались молодые выводки порхалицъ. Они даже не поворачивали къ намъ своихъ красивыхъ головокъ.

— Ишь, она у насъ—сирота непуганная!

— Не стрѣляютъ?

— Кому стрѣлить. Мясо-то ейное рыбой пахнетъ. Развѣ ужь съ большой голодовки пожуешь. Да и то, спаси Господи! Отъ нея и крику нѣтъ. Тутъ ея не впроворотъ, страсть сколько—по заводьямъ да по плесамъ гнѣздится, а голосъ подаетъ только по утрамъ. Днемъ да ночью словно и нѣтъ ея. Скромная птаха!

Плесы все расширяются. Берега едва всхолмлены... издали виднѣются незначительныя возвышенности, а за ними, словно синяя туча, мерещится большая гора — совершенно правильной конусообразной формы... Вдоль рѣки встрѣчаются и пожни, но гораздо скуднѣе и меньше, чѣмъ туломскія. Гораздо лучше сѣнокосы по Варлаамовскому ручью, впадающему въ Колу верстахъ въ трехъ южнѣе Коровьяго.

— Рыбная ваша рѣка?

— Кола-то? Обидѣлъ Богъ насъ. Семга есть, да, вишь, мало ея. Шабалинъ прежде ставилъ заборъ, а теперь даже лопари—и тѣ не ловятъ. Въ озерахъ, говорятъ, вольготнѣе. Есть тутъ корела Данилко, ну, такъ онъ одну гарву выметываетъ... Опять же, теперь и забора поставить некому. Внизу Кола-то широчайна—дорого обойдется. У насъ, поди, и на сѣти трудно подняться бѣдному промышленнику. Обездолѣли!... Эхъ, не стало правды на свѣтѣ, все нонѣ грабежемъ да побирухой живетъ.

— Да вѣдь самое устье Колы узкое, тамъ бы и установить заборъ.

— Установи. Рѣка—рветъ. Быстра наша Кола! Что молодой мальчишечка, такъ и пучится по узинамъ... Да, опять же, и не наша она.

— Чья же?

— Лопская. И то двумъ опчествамъ принадлежитъ—Массельгскому и Кильдинскому, если-бы одному—можетъ быть, какъ бы нибудь и сладились, поставили заборъ. А то дѣлить добычу приводится.

Берега Колы песчаны, тогда какъ у Туломы каменисты Здѣсь тоже много жемчуга и попадается иногда очень хорошій...

— Гляди-ко... Лопарь размахался.

На берегу бѣжалъ, по одному направленію съ лодкой, малорослый и коротконогій инородецъ и кричалъ намъ что-то, размахивая руками.

— Чего тебѣ?—приворотили мы лодку къ берегу.

Лопарь, не говоря ни слова, повалился въ ноги къ моему гребцу.

— Экій несуразный! Говори, надо что?

— Пусти въ лодку. Спѣшу. Дѣло есть въ Массельгѣ. Боюсь опоздать.

— Ну, ступай, а то, словно въ церкви, кланяется... Смирны ужь очень, пояснилъ онъ мнѣ, всякаго почитаютъ, какъ набольшаго.

— Чего жь ты торопишься?.. Ишь запотѣлъ весь и духъ отъ тебя словно бы отъ куропти *) жареной идетъ.

---

*) *Куропоть*—куропатка, массами налетающая въ русскую Лапландію

— Да вишь дѣло тако спѣшное. Надо отдавать долгъ хозяину нашему Бархатову—два цѣлковыхъ. Ну и несу.

— Успѣлъ бы завтра отдать. Эко младенецъ народъ!—удивлялся русскій.

— А строкъ? Обманывать тоже не годится!.. А что, братцы, испить воды можно?..

Ему протянули ковшъ. Отказался и сталъ пить по своему—такъ, что я только глаза раскрылъ отъ изумленія. Наклонившись за бортъ лопарь горсточкой *подбрасывалъ* себѣ въ ротъ воду. Не зналъ, я чему удивляться: нелѣпости способа этого или ловкости лопаря, производившаго эту операцію съ поразительною быстротой.

— Порхалица по водѣ такъ скоро хвостомъ не сигаетъ, какъ они воду пьютъ. Совсѣмъ дите—несмысленное...

— Нѣтъ ли нерпичьихъ шкурокъ у васъ, продажныхъ? обратился къ намъ лопарь.

— Нѣтъ. А что?

— Не обойтись намъ безъ нихъ, а Кола жметъ. Тѣснитъ лопаря Кола. Теперь приди за нерпичьей кожей русакъ вашъ, съ него два рубля, съ норвежанина тоже два рубля, а намъ менѣй какъ за три съ полтиной Лоушкинъ не отдаетъ. Хоть удавись у него! А шкурки нужны. На игны, на пояса, на каньги требуются—не обойтись!

— Да, васъ точно не жалуютъ наши купцы.

— Чего жаловать, задавили совсѣмъ. Теперь порохъ покупалъ я: два рубля за фунтъ съ меня стребовали—а съ своего гривенокъ восемь, поди. Ужь мы малькали, малькали съ нимъ *), да что!

Въ 8 верстахъ отъ Колы по рѣкѣ уже показались береговыя скалы, въ хаотическомъ безпорядкѣ навороченныя по берегу. Нѣкоторыя грядами шли въ рѣку, такъ что нашей лодкѣ приходилось огибать ихъ. Ниже рѣка пѣнилась, и теченіе подбрасывало челнокъ. Грести становилось трудно. Лопарь не счелъ возможнымъ сидѣть, ничего не дѣлая. Онъ взялся за весла и работалъ, несмотря на усталь, усерднѣе всѣхъ.

— Да брось ты, Божья душа, оставь!

— Зачѣмъ бросать... Даромъ ѣхать тоже не хочу, вы помогли мнѣ, и я помогу... тоже крещеный...

— Ну, изможджайся, коли усердіе есть! Тоись, какое это у нихъ протягновеніе ко всему, вычурно объяснилъ мнѣ проводникъ. Даромъ куска хлѣба не проглотитъ, норовитъ сработать что, или птицы битой принесетъ тебѣ. У меня въ избѣ лопинъ одинъ три дня прожилъ. Годъ я его не видѣлъ. Опять ему случилось въ нашу сторону зайти—лисью шкурку принесъ—не забылъ. Только не къ добру это.

---

*) *Малькать*—совѣтоваться, переговариваться.

— Почему же?

— Да, безъ лукавства нонѣ какъ прожить? Не можно! Нонѣ за добродѣтель вонъ безъ рубахи нашляешься. Теперь и лопари всѣ за свое смиренство да честность—голые ходятъ. Ограблены...

— Это точно—ограблены мы.

— Да какъ васъ и не грабить, коли вы сами подъ ножъ идете! Кто себѣ врагъ... Нельзя не грабить...

— Нельзя не грабить!—согласился съ нимъ и лопарь, поникнувъ головою.

— Ужели жь упущать! Да этакого случаю можетъ когда дождешься. Потому другаго грабить надо силкомъ: либо онъ тебѣ горло перерветъ, либо ты ему, а тутъ все тихо, смирно, благородно. Ты же еще наклоняешься! Тутъ и грабежъ за милость сходитъ. Да поддайся ты мнѣ, ужели жь я тебя опущу, не ограблю! Да, послѣ того, я своимъ дѣтямъ злодѣй выхожу. Въ лучшемъ видѣ очищу!..

— Это точно. Теперь за соль съ насъ Кола по шести гривенъ беретъ.

— И дашь. Потому—взять тебѣ неоткуда. Дураки—зачѣмъ по рублю не цапаютъ! Узды на насъ нѣтъ и беремъ.

— Нонѣ выловилъ я рыбы несосвѣтимо. Страсть, какой уловъ былъ—все повыкидалъ. Соли нѣтъ, нечѣмъ на зиму и запасти рыбку... Ужь и плакались мы съ жонкой *). Онъ говоритъ: достань соли— а какъ достанешь, коли цѣна ей рушь... Дѣти голодными и насидятся. Есть такіе, у которыхъ и колѣютъ съ голоду-то...

— Съ голоду поколѣешь... Обидѣли васъ!

— Ужь какъ и обидѣли-то!.. Ничего-то у насъ за душой, олени были—не стало! И сытости въ насъ настоящей нѣтъ...

Тихо подступала синяя ночь. Это было въ августѣ, когда полярныя бѣлыя ночи безъ тьмы, что день безъ солнца, уступаютъ свое мѣсто мраку и звѣздамъ... На извилистой Колѣ уже дымился туманъ и свертывался кое-гдѣ клочками. Точно тучки на водѣ... Цлывешь, плывешь и весь уйдешь въ эту сырую мглу, а тамъ опять на лунный блескъ выгребешься и любуешься, какъ онъ опускаетъ и на эти лѣсистыя горы, и на эту стальную гладь рѣки, серебряную сѣтку едва уловимаго свѣта... Порою что-то блеснетъ въ сторонѣ и разомъ васъ обдастъ глухимъ рокотомъ волнъ. Всматриваешься и едва различаешь узкую бить незначительнаго притока...

— Привернуть бы... Неладно по ночамъ на рѣкѣ быть...

— А что?

---

*) Лопарь про жену никогда не говоритъ *она*, а всегда *онъ*.

— Чудь шалитъ. На дно, случается, таскаетъ, коли кто съ шумомъ да съ пѣснями плыветъ, страсть этого не любитъ. Она, эта чудь—исконная владычица всему краю. Она и лопь прежде воевала и бездолила, а какъ хрещеная русь пришла—чудь и схоронилась въ землю, въ рѣки, въ озера, въ черное щелье ушла... Ну, и показываетъ себя... Ночью-то ей просторно... Не любитъ, ежели въ темень кто куритъ по рѣкѣ, сейчасъ огонекъ водой зальетъ, да за одно и потопитъ. У самой у Колы, знаешь, озерко Чортова Ламбина? Ну, такъ не гли, что оно махонькое. Ему всему пять саженъ мѣра—а никто въ немъ не купается, потому дна нѣтъ—чудь тамъ схоронилась!... Сказываютъ, сколько въ немъ народу потопло, пока старики до чуди додумались—стрась. Съ ней не сшутишь, потому—она лукавая. Только ты ножки-ручки по водѣ раскинулъ, она тебя снизу и потянетъ; ты бы крикнуть—она тебѣ горло зажметъ, ну, и шабашъ. Не пристало бы объ эту пору и говорить такое, да ужь такъ размалкалось! Авось живы будемъ.

Лопарь долго глядѣлъ за бортъ, въ воду...

— Все это правда сущая!—вдумчиво проговорилъ онъ. Теперь приглядишься въ рѣку и видишь, какъ у нихъ тамъ подъ мѣсяцемъ на днѣ все проступаетъ. Вонъ и головки вѣжъ свѣтятся и олешки мелеdятся... а тамъ и искорка блеснетъ, точно у стрѣлы желѣзо тонкое... Да, умная эта чудь... Вся отъ руси ушла, схоронилась. Лопь вотъ насвое бездолье осталась. Куда ей уйтить. Нѣтъ ей дороги! Сказываютъ прежде, какъ свои боги у насъ были, лучше жилось. Они хотя и нечистые, а лопь отстаивали. А теперь ни защиты, ни покрова!..

— Куда-жь привернуть, братцы?

— А вотъ, до Кинчи-рѣки доѣдемъ, тамъ и становье будетъ.

— Это корела Данилки?

— Оно самое.

Въ девяти верстахъ отъ Колы по прямой линіи, а считая извилины капризной рѣки—верстахъ въ двадцати, гремитъ въ порогахъ ручей Кинчъ. Тутъ въ Колу-рѣку вдвигается холмъ, на вершинѣ котораго стоятъ двѣ вѣжи, обнесенныя заборомъ. Въ синевѣ ночи онѣ казались чрезвычайно живописными. Вокругъ на шестахъ и палтухахъ развѣшаны сѣти и сушатся до утра, когда ихъ придется вновь закинуть въ воду... Еще издали, почуявъ насъ, громко и неистово залаяла собака.

Причалили. Въ вѣжахъ наверху ни огонька, ни движенія. По крутой тропинкѣ едва взобрались кверху.

— Данилко!.. Чо-ортъ!..

Молчаніе.

— Дья-во-олъ! Купца везу! Нерпа толстомясая!..

То же молчаніе... Только песъ бѣсится, привязанный къ колышку, да Кинчъ-ручей гремитъ въ порогѣ...

— Ахъ ты еретикъ поганый! Проводникъ перелѣзъ черезъ заборъ и безъ церемоніи вломился въ вѣжу.

— Ты что жь это спишь, пагуба! Ѣшь тебя втора *) немилостивая.

Данилко выползъ и, лѣниво потягиваясь, оглядѣлъ насъ.

— Вишь, купца я тебѣ привезъ. Да цыкни на пса своего, ишь онъ точно волка почуялъ, мордастая дрянь!

— Божій гость!.. Чѣмъ угощать только. Коли спать хочешь, въ вѣжу ступай.

Ночь была такъ хороша, что мнѣ ее захотѣлось скоротать у костра. Данилко оказался очень привѣтливымъ и радушнымъ хозяиномъ. Нѣсколько крупныхъ сиговъ, толстыхъ и жирныхъ, какъ откупщики добраго стараго времени, зубастая щука, отливавшійся на огнѣ янтаремъ харіусъ, пятнастая кумжа—и все это за пятиалтынный. Я думалъ не смѣются ли надо мной. Оказалось, что это даже дорого!

— Ишь ты, еретикъ, обрадовался, что купца привезъ. Рыбѣ пятакъ цѣна, а ты вонъ—экую громаду денегъ просишь. Да есть ли крестъ на тебѣ, уймись!

— Крестъ у насъ есть. А рыбу, коли хотите, хоть даромъ берите. Съ гостя грѣхъ деньги получать.

— Ну то-то! похвалилъ его смягчившійся поморъ. А то пятиалтынный!..

Наворотили цѣлую груду жердей, подрубили нѣсколько тонкихъ елокъ, бросили ихъ поверхъ, не очищая вѣтокъ. Спустя нѣсколько минутъ огромный костеръ пылалъ на вершинѣ холма...

Деревья шипѣли и словно корчились, тонкія вѣтви свѣжихъ елокъ горѣли смолистымъ огнемъ, обвиваясь дымомъ. Слышался трескъ корней, попавшихъ въ общую массу костра, свистъ узкихъ струекъ пламени пробиравшагося вверхъ сквозь щетинистую чащу сучьевъ; цѣлые снопы искръ пропадали въ высотѣ. Красными пятнами горѣли угли. И какъ хорошо было кругомъ! Лѣсистыя горы выдѣлялись изъ мрака одними силуэтами. Серебристая дымка мѣсяца словно курилась съ зубчатыхъ вершинъ этихъ черныхъ лѣсовъ. Черными языками вдавались береговые мысы въ стальное марево рѣки... Гдѣ-то далеко, далеко, раздавалось сонное клохтанье утокъ въ тихомъ заводьѣ; чу... зарыдала гагара и смолкла... Около послышался странный шорохъ, всматриваюсь: нѣсколько бараньихъ головъ удивленно уставились на костеръ.

— Откуда это?

— Мои! Вонъ у нихъ и хлѣвъ свой!—показалъ Данилка на вѣжу.

---

*) *Втора*—бѣда, бѣдствіе.

Бараны какъ-то потоптались на мѣстѣ и тутъ же улеглись у огня. Дымъ клубился по вѣтру. Изъ мрака, когда пламя костра вспыхивало ярче, выступала то вѣтвь березы, то бѣлый стволъ ея, то вдругъ улыбнется изъ тьмы песчаный красивый мысокъ съ чернымъ силуэтомъ челнока и снова схоронится и не видать его больше... Глазъ не могъ оторваться отъ далекихъ, смутныхъ, едва намѣченныхъ горъ лопскаго чернолѣсья. Звало туда и манило!.. А искры такъ и сыпались кругомъ, и съ громкимъ трескомъ вылетало изъ костра мелкое уголье.

— Что, ты здѣсь только лѣтомъ и живешь?

— Только!—И Данилко съ наслажденіемъ потянулся къ огню.—Овецъ у меня тутъ пасется семеро. Пять оленей есть. Въ Кинчъ-ручьѣ я малый заборъ поставилъ, семгу Богъ посылаетъ, кормыхаемся съ жонкой. Въ рѣкѣ у меня и теперь гарвы опущены, завтра выметывать буду. Я вѣдь сюда, братъ, изъ нашей Корелы пришелъ, набѣдовался тамъ. Слышалъ ты про Корелу Кемскую? Ну, такъ я изъ Шуезерской волости. Бѣда! Хлѣбъ мы ѣдимъ тамъ, что кирпичъ, потолчемъ сосновую кору, мякину подмѣшаемъ, да горсточку настоящей аржаной муки или жита подбросимъ. Сваляемъ все и запечемъ. Вотъ тебѣ и хлѣбъ! Прежде какъ мы съ Финляндіей торговали—сытно жили. А теперь насъ тамъ лендсманы за хвостъ ловятъ да въ тюрьму за торговое дѣло сажаютъ. И оголѣли! Бился я, бился, да прослышалъ, что въ землѣ лопской рыбы много, и пошелъ сюда. Выбралъ мѣстечко поурожайнѣе и поселился. Вонъ она моя нивка! махнулъ онъ на тусклую полосу рѣки. Нынѣ Господь уродилъ рыбки! По пуду валимъ на одну выть!.. Ну, а на зиму къ лопарямъ въ ихъ становье.

— Что жъ тебѣ отвелъ кто нибудь эту землю?

— Кому отвалить. Здѣсь, слава Богу, земля не мѣряна и не подѣлена. У кого руки есть—тотъ и кормись на ней. Здѣсь, братъ, земля Божья. Другія рѣки поудачливѣе у лопарей, правда, по родамъ у нихъ подѣлены, а эта Кинчъ осталась такъ, никто на нее не покорыстовался. Чиновникъ тутъ одинъ кольскій проѣзжалъ. Не въ правилѣ, говоритъ, живешь. А мнѣ что, пущай малкаю, не въ правилѣ. По закону, говоритъ, долженъ я тебя взять.—Возьми попробуй, а самъ смѣюсь. Сегодня я здѣсь, а завтра снялся, на Имандру ушелъ, а то въ Хибины—ищи меня!..

— Отчего ты вѣжу разбилъ не внизу у рѣки, а вверху? Тамъ лучше и къ лову ближе и мѣсто сочнѣй.

— По верхамъ люди лучше живутъ, внизу весь въ понизь уйдешь и душа у тебя низкая станетъ, а отсюда въ ясный день, какъ оглянешь всю эту ширь, такъ и самъ чуешь, какъ все въ тебѣ ширится и простору проситъ!.. Ты бы зашелъ въ вѣжу, поди и рыбу моя старуха сварила.

Сунулся было я въ это логовище. Отшибло разомъ. На небольшомъ пространствѣ скопилась здѣсь такая масса народу, что дышать было трудно. Я предложилъ поужинать на чистомъ воздухѣ, и мы выбрались къ костру.

— Что волка не слыхать? спрашивалъ лопарь у Данилки.

— До страсти одолѣли. Ѣдятъ оленя сильно. Массельгскіе лопари жалятся, обидѣлъ онъ ихъ... Много отъ него горя.

— А помногу ли оленей осталось тамъ, поинтересовался я.

— У самыхъ богатыхъ, у кого прежде оленя тысячами считали, теперь сотни двѣ, одна набирается. Все волкъ подавилъ, да Кола замурманила. А такъ у простыхъ лопиновъ, у ровнихъ, у кого три, у кого два. А то и по одному.

— Охотиться бы на волка.

— Онъ тоже уменъ, по темнымъ мѣстамъ ходитъ, оленій слѣдъ слышитъ издали... Его не обманешь!..

Я улегся у костра. Поплотнѣе завернулся въ оленину, положивъ кучку мху подъ голову, и проспалъ до тѣхъ поръ, пока утренняя сырость не проняла меня насквозь. Встаю—все словно кровью облито. И заря алая, и рѣка алая, и дальнія горы алыя... Деревья на аломъ фонѣ выдѣляются отчетливо и рѣзко... Алина эта сквозитъ между стволами, сквозь сучья, сквозь листву пробивается. Не наглядѣлся бы!

— Ну, и спалъ ты, купецъ *)! Мы только дивимся тебѣ.

— А что?

— Да ночью дождь шелъ; хоть и не великъ былъ, а все въ вѣжѣ лучше, думали—придешь. Бараны, и тѣ отъ костра ушли—а ты вылежалъ!

Сварили въ котелкѣ, въ томъ самомъ, гдѣ вчера рыбу приготовляли, чай, напились всѣ, сдѣлали нѣсколько верстъ по зигзагамъ Колы, то обращаясь лицомъ къ румяной зорькѣ, то обертываясь къ блѣдной синевѣ запада, гдѣ еще клубилась ночная марь... Изворотъ за изворотомъ... Наконецъ вдали послышался шумъ пороговъ.

— Теперь опять пѣшкомъ.—Лодку вытащили и оставили ее на берегу, не мудрствуя лукаво.

— Не стащатъ?

— Тутъ вѣдь одна лопь живетъ. А у нея хоть мѣшокъ съ деньгами оставь—цѣлъ будетъ.

Предстоялъ переходъ пѣшкомъ въ 18 верстъ, безъ передышки. На этомъ пути—ни одной вѣжи. Стало быть, до вечера нельзя было разсчитывать на обѣдъ. А тутъ еще алое небо приняло сначала какой-то

---

*) Всѣхъ, кто не чиновникъ, лопари зовутъ купцами.

бурый оттѣнокъ, а потомъ и вовсе посѣрѣло...Тучи нашли отовсюду—нежданно-негаданно.

— Ну, сегодня окреститъ тебя сторонка наша! подсмѣивались поморы.

— Чудесно окреститъ. И въ лѣсу не спрячешься.

Дѣйствительно, дождь шелъ все время. По пути пропасть бурелому, иногда дорогу приходится обходить далеко стороной: видно, гроза прошла здѣсь и свалила о земь столѣтніе великаны лапландскаго чернолѣсья. Къ тому же и „почтовый" трактъ этотъ, какъ называютъ его мѣстныя власти, а въ сущности простая пѣшеходная тропинка, только потому вѣроятно и не попалъ въ одно изъ отдѣленій Дантовскаго ада, что поэту не случилось бывать въ Лапландіи. Дѣло въ томъ, что нѣкогда попечительное начальство устроило здѣсь, по всѣмъ пѣшеходнымъ тропамъ, отъ рѣки къ рѣкѣ гати изъ бревенъ, положенныхъ одинъ къ одному поперекъ дороги. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ—и путь не ремонтировался вовсе. Бревна частію обратились въ труху, прогнили вовсе, частью исчезли невѣдомо куда. Въ одномъ мѣстѣ ступишь ногою—и провалишься въ выгнившую сердцевину, въ другомъ, разсчитывая встрѣтить бревно, попадаешь въ холодную лужу стоячей грязи!.. А то еще случались и такіе пассажи: ступишь на одинъ конецъ бревна—другой летитъ прямо въ лобъ. Бревна гнулись подъ нами, точно идешь по клавишамъ фортепіано. Иногда черезъ оврагъ осталось только одно полѣно, балансируешь, балансируешь и—бацъ внизъ! Только брызги вспыхнутъ вверхъ, да по шею въ грязи вываляешься. Лучше бы разобрали эту знаменитую дорогу. Умудренный опытомъ, я пошелъ цѣлиною. Лужа—такъ черезъ лужу, оврагъ—черезъ оврагъ. И отлично. Гораздо лучше этихъ нелѣпыхъ и мучительныхъ клавишъ. Въ сѣрый и дождливый день этотъ не хотѣлось даже замѣчать хорошенькихъ горныхъ озеръ, окруженныхъ рѣденькими и жидкими, но веселыми березками. За то въ солнечный день какое тутъ приволье. Всюду гремятъ горные ручьи, иной изъ-подъ ногъ вырвется и урчитъ себѣ во все свое мальчишечье горло, то въ бѣлую массу ягеля разбѣжится, то подъ камень уйдетъ, чтобы, вырвавшись изъ-подъ него, заорать еще громче и тотчасъ же упасть въ щель нѣсколькими каскадами съ уступа на уступъ... По сторонамъ иногда красный мохъ стелется, точно чья-то кровь разлита по откосамъ. Особенно сходство это становилось разительно отъ дождя, смочившаго мохъ.

— Лопари такъ и малкаютъ, будто, гдѣ красный мохъ, тамъ ихъ чудь прежде рѣзала. Оттого кровь и осталась; а по нашему на другое выходитъ. Тутъ наша русь злую чудь побивала, наши ихъ кро-

шили. Отчего отъ лопской крови землѣ краснѣть! А чудь была сильная, въ ней и крови больше было!..

Сквозь деревья порою виднѣлись горы за горами. Словно снѣгъ лежалъ на нихъ бѣлый ягель, только на просвѣтахъ онъ отливался едва-едва замѣтнымъ палевымъ оттѣнкомъ. Озера, посреди этого бѣлаго ягеля, были особенно красивы, особенно одно, на которомъ, словно какой волшебный замокъ, подымался камень, поразительно похожій на башню. Даже трещины и щели расположились какъ бойницы.

— Ихняя крѣпость! тихо толкнулъ меня промышленникъ.

— Чья ихняя?

— Все той же чуди... Теперь не слыхать, потому мы гуртомъ идемъ, ватагой. А когда одинъ идешь, да присядешь тутъ, такъ и чудится, какъ тамъ внутри камня разговоры идутъ. То словно плачъ, то смѣются; а то вдругъ всѣ разговорятся, и по всему озерку гулъ пойдетъ. Ты какъ полагаешь, вонъ въ выбоинахъ этихъ по камню воронье сидитъ, кто это? Это она самая чудь обернулась и глядитъ на насъ. Бѣда ежели ее стрѣлять теперь, такъ обойдетъ, что ты тутъ и сгніешь, заплутавшись по лѣсу.

Смиренное воронье, окаймившее карнизъ скалы и засѣвшее въ ея щели, и не знало, съ какимъ ужасомъ относятся къ нему поморы и лопари. Бывшій съ нами лопарь даже перекрестился.

— Чего ты? остановилъ его проводникъ, — она, чудь эта, креста не боится!

Гдѣ-то загоготала порхалица... По всему лѣсу прокатилось и замерло въ темныхъ оврагахъ и провалахъ сырыхъ понизей.

— Слышишь?

— Порхалица?

— Толкуй—порхалица. Она тебѣ и чайкой крикнетъ, и волкомъ завоетъ, и ребенкомъ заплачетъ, и закряхтитъ, что старуха подъ осень! Порхалица! Недовѣрокъ ты—вотъ что!... Есть ли крестъ на тебѣ еще. Сказываю, чудь некрещенная. Ея тутъ полнымъ-полно до верху!...

А дождь все шелъ, мелкій, несносный, раздражающій нервы. На половинѣ пути мы сдѣлали небольшой привалъ у одного громаднаго камня посреди лѣса. Выпили рому, закусили и опять въ путь-дорогу.

Опять грохотъ воды вдалекѣ.

— Что такое? спрашиваю.

— Сейчасъ станція. Тутъ рѣка Кица въ Колу впадаетъ.

Мы прибавили шагу. Рѣка Кица удивительно извилиста; она — какъ преслѣдуемая змѣя, вьется во всѣ стороны, образуетъ гремучій водопадъ, шумитъ въ двухъ неизбѣжныхъ порогахъ, и наконецъ, нагулявшись вдоволь, встрѣчается съ такою же шаловливой, измѣнчи-

вой и вѣтренной Колой. Кица при впаденіи съуживается до пяти саженъ въ ширину, хотя нѣсколько выше образуетъ разливы въ полверсты ширины. По берегамъ ея лѣса и пожни. Длина ея теченія тридцать верстъ.

— Семга ее страсть любитъ. Другой рыбы здѣсь мало, развѣ-развѣ сижокъ или щучка разбойная попадетъ. Оттого и семга здѣсь повелась, что по рѣкѣ Кицѣ никакого жилья нѣтъ. Ни тупъ, ни вѣжъ. Самая пустынь богоданная. Старикамъ, да старушкамъ спасаться здѣсь.

— А ты доходилъ по ней до самого верху?

— У этой рѣчки вершины не найдешь. Она изъ горныхъ болотъ вытекаетъ... Вонъ и станція самая.

Стоятъ двѣ пустыя тупы. Тупа—четырехугольный срубъ, крытый на одинъ скатъ. Окно въ самомъ низу, дверь на деревянныхъ петляхъ. Внутри кирпичная кладка, въ родѣ камина. Ни трубы, ни заслонки. Вмѣсто первой—просто дыра въ кровлѣ. Сгорятъ дрова, заткнутъ эту дыру тряпками или мохомъ и камнемъ привалятъ. Жара и пойдетъ по тупѣ. Внутри тупа — совершенно голая комната, квадратная, шаговъ пять по каждой сторонѣ. Окно продольное, поларшина въ вышину и аршинъ въ длину. На одной сторонѣ нары. Тутъ мои проводники должны были оставить меня и вернуться въ Колу. Лопарь, шедшій на Массельгу, тоже отправился. Гребцовъ и проводниковъ на станціи не было, нужно было ихъ ждать, и я остался одинъ въ пустынѣ, на десятки верстъ кругомъ среди полнаго безлюдья! Около станціи помѣщается вѣжа для «ямщиковъ», какъ здѣсь называютъ гребцовъ.

— Долго ли же мнѣ приведется ждать здѣсь? спрашиваю на прощанье у колянъ.

— А Господь вѣдаетъ — можетъ день, а можетъ и всю недѣлю. Очень теперь время глухое, не ждутъ проѣзжихъ, весь народъ на промыслахъ, по озерамъ рыбку ловитъ.

Хорошо еще, что со мною было запасовъ на полторы недѣли, а то бы, пожалуй, съ голоду умеръ.

Два дня я шлялся по окрестностямъ станціи—и все одинъ. Жутко было, особенно ночью. Дверь не припирается плотно. Синяя ночь, точно нахмурившись, смотритъ прямо въ тупу... Даже грохотъ рѣки становится грознѣе и громче... А тамъ по чернолѣсью будто застонетъ кто и загогочетъ... Разъ волкъ завылъ гдѣ-то вблизи — другой отозвался на противоположномъ берегу... Въ окно точно заглядываетъ чья-то голова... И, главное, это мертвое молчаніе въ тупѣ; заговоришь самъ—и странно слышать свой голосъ! Да, не завидовалъ я Робинзону и никакъ уже не хотѣлъ слѣдовать его примѣру. Хоть бы пре-

словутая чудь явилась ко мнѣ, я бы ей обрадовался какъ другу. Какъ я проклиналъ себя за то, что не взялъ свѣчей изъ Колы, а то въ этой тьмѣ чувствуешь себя еще вдвое несчастнѣе, и одиночество становится еще невыносимѣе!

Въ виду первыхъ горъ.

По всему Кольскому полуострову, куда ни сунешься, вездѣ слышишь шумъ рѣчныхъ пороговъ и грохотъ водопадовъ. Немудрено, что, оставаясь невольнымъ пустынникомъ на Кицкой станціи, я съ утра до ночи долженъ былъ внимать рокоту воды, разбивавшейся о громадные валуны, которые, нѣсколько выше впаденія р. Кицы въ Колу, заваливаютъ все теченіе этихъ рѣкъ.

Одинъ, одинъ и все одинъ. Не хватало терпѣнія, скука давила немилосердная. Ни книги, ни газеты старой подъ руками.

Лѣсная глушь кругомъ. Тихое, тоскливое чувство одиночества закрадывается въ душу. Порою и сладко, и больно. Память рисуетъ свѣтлыя картины прошлаго; мечта далеко уносится изъ этого пустыннаго края, отъ этихъ скалистыхъ береговъ,—въ иную страну, подъ иное, теплое и безоблачное небо, на берега теплаго южнаго моря. И чудятся кипарисы, величаво вздымающіеся надъ лаврами, густое благоуханіе олеандровъ словно доносится по вѣтру, грандіозныя скалы Ай-Петри, кажется, еще мелькаютъ въ глазахъ, надъ вѣчно мятежной пучиной... Опомнишься — и некуда отъ тоски уйти. Буревалъ загромоздилъ лѣсную тропинку, бѣлый мохъ застлалъ промежутки между деревьями... А сѣрые, безобразные комья тучъ ползутъ и ползутъ по небу безъ конца, безъ края. Нигдѣ нѣтъ отзыва мысли о прошломъ. Эти лѣса не хранятъ ни одного памятника старины, ни одного урочища, при видѣ котораго забилось бы сердце и вспыхнули горделивыя воспоминанія. Живешь всецѣло личною жизнью, отдаешься обаянію этого пустыннаго уединенія—и опять, подъ шумъ пороговъ, закрываешь глаза и уносишься далеко, далеко! Иногда, очнувшись, самъ не знаешь, гдѣ витала мысль твоя, съ какими милыми и дорогими людьми ты былъ минуту тому назадъ, какія знакомыя, любимыя лица улыбались тебѣ грустно и кротко!.. И опять лѣсная глушь, и вновь шумъ рѣки въ порогахъ!.. До боли!..

Уйдешь въ сторону—все одно и то же: возвышенности, поросшія желтоватою, сухою травой, заваленныя камнями, съ серебристыми лишайными пятнами на каждомъ; между валунами треплются жидкія березки; вдали мерещатся горы, на нихъ изъ ягелевой поросли непосильно вырываются чахлыя стрѣлки елей!..

На третій день утромъ моему одиночеству пришолъ конецъ. Меня посѣтили... бараны!

Вышли изъ чащи, медленно приблизились и удивленно уставились на менл. Уставились и ни съ мѣста. Я сижу на камнѣ—а они кругомъ. Одинъ совершенно напоминалъ моего знакомаго нѣмецкаго профессора. То же глубокомысліе въ лицѣ, въ бараньихъ глазахъ та же безконечная тупость... Пошелъ я къ нимъ—отходятъ. Вернулся назадъ, опять подходятъ и смотрятъ... Впрочемъ, и имъ я радъ былъ. Между нами установились, такимъ образомъ, совершенно дружественныя отношенія. Они улеглись кругомъ и всѣ головами ко мнѣ. Жаль, не было художника—прекрасный матеріалъ для картины: «Орфей, усыпляющій дикихъ звѣрей». Дивился я только безпечности лопарей, оставляющихъ барановъ безъ надзора. Недаромъ и волки рѣжутъ ихъ стада! Ужь въ полдень пошелъ я въ лѣсъ. Такъ цѣлиною пустился. И не раскаявался. Такихъ громадныхъ скалъ, какія я здѣсь встрѣтилъ, нигдѣ не увидишь. Онѣ точно отполированы какимъ-нибудь гигантомъ. Ни одной трещины—формы правильны, хоть сейчасъ ставь на нихъ бронзовыя фигуры. Пьедесталы хоть куда, только слишкомъ крупны. Въ верстѣ отъ станціи—я слышалъ какой-то шорохъ. Точно шаги—ужь не медвѣдь ли думаю, и благоразумно отступаю въ темную чащу елей, которыя, какъ нарочно, сбились на этотъ случай. Шорохъ слышнѣе — именно шаги! И вдругъ, вмѣсто ожидаемаго генерала Таптыгина, изъза деревъ показался лопарь. Онъ что-то мурлыкалъ про себя и безпечно шелъ прямо по направленію къ станціи. Когда онъ поровнялся со мной, я разомъ вышелъ изъ засады. Ручаюсь, что если бы ему попался навстрѣчу медвѣдь или волкъ, онъ былъ бы менѣе пораженъ. Несчастный даже присѣлъ отъ испуга. Присѣлъ и оглядываетъ меня, совершенно ополоумѣвши. По глазамъ видно, что и мысль въ немъ застыла, и боится онъ.. Оно и понятно, представьте себѣ встрѣчу Полудикарь, можетъ быть, никогда не видавшій европейца, исключая поморовъ и русскихъ купцовъ, которые, пріѣзжая къ нему зимою, щеголяютъ въ такихъ же, какъ и онъ, оленьихъ мѣхахъ, сталкивается въ глуши лапландскаго чернолѣсья, съ невѣдомымъ существомъ, въ поярковой шляпѣ, какомъ-то невиданномъ пальто и, сверхъ того, въ пенснэ, нерѣдко ставившемъ втупикъ и болѣе бойкихъ лопарей.

Я пошелъ къ нему—онъ, сидя на корточкахъ, пятится отъ меня и руки впередъ протягиваетъ. Я расхохотался—вижу, немного въ себя приходитъ, на ноги всталъ...

— Ты... крещеный?..

Я перекрестился. Лопарь облегченно вздохнулъ, но держался все-таки въ сторонѣ.

— А чего же ты здѣсь?..

— Да вотъ, на станціи засѣлъ. Гребцовъ нѣтъ.

Лопарь окончательно пришелъ въ себя и протянулъ руку. Это привѣтствіе распространено по всей тундрѣ.

— Ну, слава Богу. А я думалъ, не чудь ли какая, либо *шведъ!*

Я разспросилъ: оказалось, что шведъ и чудь въ его глазахъ почти равнозначащи. Чудь въ землю отъ русскихъ ушла, а шведъ, пугая лопарей, изъ земли выходитъ. «Кто ихъ разберетъ, эту нечисть!..»

— А ты куда?

— Да своихъ барановъ ищу. Отбились. Недалечко тутъ промышляю на рѣкѣ «Бабій Хвостъ».

Я расхохотался невольно. Номенклатура здѣсь вообще очень игрива; напримѣръ, одно небольшое озеро называется такъ, что, пожалуй, и въ Академическомъ Словарѣ не найдешь такого словечка; другое извѣстно подъ именемъ «Чортова брюха». Есть «Рука шестипалая» есть «Моховая поганка» и т. п.

— Соскучалъ, поди, да надоть скоро быть гребцамъ. Они повезли тоже одного купца. Не вернулись еще, вѣрно.

Мы съ нимъ вышли на берегъ. Кола-рѣка здѣсь необыкновенно красива. Она вся въ извилинахъ и плесахъ, между пушистыми зелеными берегами, мысками и косами мягко врѣзывающимися въ ея покойное зеркало. И берега-то—пологіе, ласкающіе взглядъ склоны холмовъ. Подножіе ихъ—подушки зеленыхъ пожней, нога уходитъ глубоко въ эту растительную массу. Что это за здоровое и сочное мѣсто для скота...

— Не слыхать ли чего о хлѣбѣ, не дешевле ли сталъ? Нонѣ съ насъ Кола по четыре копѣйки за фунтъ беретъ, а за пудъ, ежели гуртомъ берешь—полтора рубля! Голодуемъ.

— Прежде же лопари безъ хлѣба жили.

— Ино время было. Тогда мы не лопарями, а лопью звались, стада у насъ оленныя были безъ числа. У кого тысячи головъ — бѣднякъ. Были такіе, что сотни-тысячъ головъ насчитывали!.. Въ тѣ поры и хлѣба не нужно было. Зарѣзалъ оленя—на недѣлю и есть чѣмъ жить, а приплоду въ недѣлю можетъ десятка два!.. Вотъ и считай. Тогда ты пріѣхалъ ко мнѣ въ гости, сейчасъ одного оленя зарѣзалъ тебѣ, а другимъ тебѣ кланяюсь, прими, не обидь, живьемъ! Вотъ оно время какое было! Ну, а нонче все пограблено, пропито, да выбито! Ино волкъ, ино русакъ съѣлъ и стали мы голые да нужные *). Послушай, какъ старики разсказываютъ. Всего было вдоволь. Лисицы кишмя кишѣли; бобры по рѣкамъ хозяйство свое ставили. А нонѣ бобра и не увидишь—весь ушолъ! Бывало норвежанинъ или квенъ пріѣдетъ къ намъ—въ ноги кла-

*) *Нужные*—бѣдные.

няется: продай мѣха. А нонѣ мы сами носимъ ровдуги въ Колу къ купцамъ и Христа ради накланяешься еще—возьми, только не погуби. Погляди. Нонѣ со всѣхъ сторонъ насъ русь оцѣпила. Съ низу Кандалакша давитъ, съ верху Кола сѣла, а по бокамъ колонистъ норвежанинъ душу у тебя рветъ! Не стало намъ простора, одно теперь — молиться, авось, на томъ свѣтѣ полегчаетъ!..

Съ рѣки послышались голоса... Смотримъ—черною точкою на противоположномъ концѣ плеса лодка надвигается.

Лопарь прищурился. Глаза точно въ щели ушли.

— Трое... Гребцы и есть. Вонъ Ванька Мошнинъ да Большеголовый съ нимъ, сообщилъ онъ мнѣ.

А я и лодку-то едва различалъ!

— Ну, теперь, садись да поѣзжай!.. А я своихъ барановъ прихвачу со станціи.

Слѣдующая станція—Масселъга. До нея приходилось сдѣлать: двѣ версты р. Колой, 5 верстъ пѣшкомъ (тайболой), потомъ опять 5 верстъ р. Колой, 5 верстъ Мурдъ-озеромъ, 4½ версты вновь Колой; отсюда тайболой 3 версты до Пулъ-озера; 10 верстъ Пулъ-озеромъ, 4 версты тайболой и наконецъ, Коло-озеромъ 10 верстъ! И того 16½ верстъ пѣшкомъ и 36 верстъ на лодкахъ. Коло-озеро самое большое изъ этихъ. Здѣсь беретъ свое начало р. Кола.

Гребцы отдыхали недолго. Они ночевали верстахъ въ пяти отъ станціи и потому не чувствовали себя утомленными.

Мы отчалили отсюда, проплыли два плеса, обогнули островъ Пудасъ, зеленѣющіе берега котораго надолго остались въ моей памяти, и, миновавъ много другихъ, покрытыхъ пожнями, островковъ, заслышали впереди ревъ порога.

— Слышишь—куштъ! Яро бѣжитъ вода въ этомъ куштѣ!.. Грудью валитъ.

Куштъ полопски—порогъ.

На берегу по-палась, на всемъ этомъ пространствѣ, только одна вѣжа.

— Тутъ и привернуть къ берегу надо—путь пойдетъ тайболой...

Лодка, глухо шурша по прибрежному песку, тихо врѣзалась въ мягкую отмель. Мы вышли и бодро поднялись на первый холмъ.

— Тутъ по всей рѣкѣ рыбы самая малость ловится. Семга да сиги. Нонѣ наша лопь зачала ночью съ огнемъ ловить. Русскій одинъ научилъ, да что—все добычи нѣтъ. Только кормыхаются, а наживы никакой!..

Весь пѣшеходный путь нашъ шелъ по холмамъ и низинамъ, заросшимъ бѣлымъ ягелемъ. Ягель впереди и позади. Ягель направо и налѣво; деревья въ ягелѣ, озера окаймлены имъ же. И чудно хороши кажутся эти голубыя воды въ бѣлой рамкѣ моховыхъ далей! Ягель

здѣсь завоевалъ все. Онъ заглушилъ понизи, похоронилъ подъ собою тонкія проталины, затянулъ омуты. Онъ же взобрался по откосамъ на вершины холмовъ, обогнулъ каждый камень, гдѣ на утесѣ оказалась хоть горсточка торфа или земли, забрался на нее. Медленно отступаетъ передъ нимъ и гніетъ въ немъ темное лѣсное царство, а онъ безпощадно забивается въ самую глубь его, огибаетъ каждую елку, высасываетъ изъ-подъ нея всѣ творческіе соки этой скудной почвы, пока рѣка или озеро не полагаютъ предѣловъ его сокрушительному владычеству. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ пейзажъ, сплошь покрытый бланжевымъ ковромъ. Другаго и цвѣта не было!.. Разъ только вдали смутно мелькнули два оленя, пасшіеся здѣсь...

— Дикіе? спрашиваю у гребцовъ.

— Они самые. Хорошо бы выслѣдить, да, вишь, ружья нѣтъ съ нами... А безъ него куда пойдешь...

Наконецъ, мы вышли на крутой уступъ, подъ которымъ опять серебряной чешуей своей сверкнула р. Кола. Вышли — и я невольно остановился, чтобъ полюбоваться на поразительно красивыя дали...

Далеко, далеко, стройно и величаво вздымался хребетъ высокихъ горъ, видныхъ отсюда во всей своей цѣльности. Профили крутыхъ вершинъ симметрично все высились и высились, пока не дошли до громаднаго конуса, пропадавшаго въ небѣ, и потомъ также симметрично стали опускаться на западъ. Ихъ очертанія на сѣромъ фонѣ неба еще туманны; сѣро-голубыя, точно тучи, они едва-едва оттѣняютъ выступы и извивы своихъ грузныхъ массъ... На вершинахъ, словно бѣлая грива, клубится мгла...

— Что это за горы?

— Оленья тундра... Высокія. Доверху мы и не доходимъ! Сплошь ягелемъ поросли!

Здѣсь тундрой называютъ не болото, не топь, какъ въ Сибири и въ восточной половинѣ Архангельской губерніи, а просто мѣсто, поросшее ягелемъ. Такимъ образомъ, цѣлые громадные хребты перекрещены въ Чуну-тундру, Оленью-тундру, Мончъ-тундру.

Къ несчастію, все это время стояла мрачная, сѣрая погода. Въ ясное время видъ этихъ мѣстъ долженъ быть еще красивѣе. Берега Колы тутъ сплошь заросли травой. Трава заполонила и воду. Изъ чащи слышится стрекотъ молодыхъ утиныхъ выводковъ. Въ недосягаемой высотѣ, широко раскинувъ крылья, словно повисъ орелъ-рыболовъ и неподвижно всматривается онъ въ сочную понизь, раскинувъ крылья, далеко подъ нимъ на необозримыя дали!.. Охотнику тутъ— раздолье!.. Отъ души могу посовѣтовать праздношатающимся и истребителямъ мирныхъ куропатокъ и бекасовъ въ окрестностяхъ Петер-

бурга сунуться сюда. То-то раздолье будетъ имъ! Дичь непуганная, природа невиданная, воздухъ цѣлительный!..

— Ты не слыхалъ ли о податяхъ чего?

— А что? удивился я.

— Такъ думали, знаешь. Больно много на насъ наложили нонѣ. По 3 р. 90 к. съ души сходитъ, да еще обманываютъ часто, по два раза платить приходится, бываетъ и по три. Возьмутъ подать, дадутъ, вмѣсто квитанціи, пустую бумажку и опять подавай деньги! Прежде мы по 1 р. 90 платили!.. Мы теперь въ гребцы пошли изъ-за одной подати. Содержатель почты взялъ съ казны чуть не тысячи, а намъ платитъ 380 р. въ годъ на десять человѣкъ. У меня за семь душъ подать входитъ. 26 р. 20 к. плачу въ годъ, всего отъ хозяина и останется 10 р. А кормись, одѣвайся на свой счетъ. До этого хозяину дѣла нѣтъ.

— Да еще и хлѣба нонѣ не добудешь дешевле полуторыхъ рублей за пудъ!

— Да, вѣдь, есть же у васъ казенный магазинъ?

— Есть, какъ не быть. Только старшина нашъ Жеребцовъ выдаетъ изъ него хлѣбъ богатымъ лопарямъ. Намъ же ему поклониться нечѣмъ, ну—и голодуемъ. Лѣтомъ еще рыбкой питаемся, а зима придетъ,—диво только, чѣмъ держимся! Господь невидимо питаетъ. Чего ужь не перѣдимъ тогда. Рыбьимъ костямъ и то рады. Посолили бы рыбы съ лѣта — соль нонѣ 58 к. пудъ! А гдѣ денегъ взять? Случается, зимой солимъ, да запахъ тогда отъ рыбы .. И узнать нельзя, прогніетъ насквозь... Словно каша станетъ. Куропатокъ ловимъ. Онѣ у насъ и въ постъ за летучую рыбу сходятъ.

— По всей землѣ лопской такъ-то. Былъ я на Туломѣ—тоже жалуются.

— Какъ не жаловаться! Окрутили со всѣхъ сторонъ. Точно лису изъ норы выкуриваютъ. Сунется въ одну сторону — огнемъ палитъ, въ другую пойдетъ—охотникъ съ ружьемъ! Можетъ, дѣткамъ лучше будетъ.,. У насъ нонѣ завелись, что и грамотѣ малкуютъ! Слава-те Господи! Хоть бумагу нужную прочтутъ... въ Масселькѣ два такихъ младенца ужь есть!

И здѣсь та же самая готовность съ радостію встрѣтить школу, и тутъ жажда грамотности и наивная вѣра въ нее.

— Хорошо, коли бы намъ училишу начальство отвело! Мы бы не поскупились на учителя. Денегъ дать не мочно, нѣтъ ихъ, ну, а рыбы, оленевъ, ровдугъ — сколько хошь. У себя бы урвали, а ему дали бы!

— Чего жъ вы не просите?

— Посреднику малкали. Да что! Совсѣмъ дѣло неспособное.

— Не принялъ?

— Дураки вы, говоритъ, на что намъ грамота!..

Мы недолго плыли по плесамъ рѣки Колы, скоро вдали блеснули покойныя воды Мурдъ-озера. Обставленное слѣва горами, справа оно окаймлено веселымъ березовымъ лѣскомъ. Впереди стоитъ величавая Оленья тундра. Иззубренныя вершины ея точно висятъ надъ озеромъ; кажется, что между ними и его поверхностью струится еще полоса воздуха. Вода стоитъ, какъ въ чашкѣ. Выводки кривцовъ и порхалицъ плаваютъ по всѣмъ направленіямъ. Ихъ тутъ милліоны! Тѣмъ не менѣе, пейзажъ мраченъ и дикъ. Красивѣе всего видъ на Мурдъ-озеро съ середины. Тутъ дали расширяются во всѣ стороны. Чувствуешь свѣжій просторъ, груди дышется вольнѣе и лучше, даже сѣрые тоны неба кажутся къ лицу этому озеру!.. А отъ Оленьей тундры трудно глазъ отвести—такъ она хороша здѣсь и величава... И притомъ дичь, безлюдье... Вы чувствуете, что одиночество не давитъ васъ на этой ширн, оно только на болѣе торжественный ладъ настраиваетъ вашу мысль и заставляетъ глубже вчитываться въ открытую передъ вами книгу природы. И какія чудныя страницы находите вы въ ней, какія поэтическія и музыкальныя строфы въ этой поэмѣ, каждая строка которой бьется какъ пульсъ, являя могущество вдохновившей ее творческой силы!..

Сквозь тучи, заря едва зарумянила вершины Оленьей тундры... А тамъ озеро закурилось, точно отъ него паръ пошелъ по всему простору. Паръ поднимался все выше и выше, сначала окуталъ берега, а потомъ повисъ сѣрой завѣсой, сквозь которую и горъ не стало видно... Все пропало... Въ сѣрой мглѣ только и показывались утки, проплывавшія мимо, да слышалось, какъ весла бороздили воду. Лодка круто привернула къ берегу, гдѣ курилась бѣдная вѣжа и сохли развѣшенныя на палтухахъ снасти.

— Лопка одна тутъ живетъ.

— А хозяина нѣтъ?

— Она вдова. Теперь одна промышляетъ здѣсь. У нея двѣ дочери—тѣ въ другихъ мѣстахъ. На три вѣжи хозяйство разбили.

— Такъ и живутъ поодиночкѣ, и нескучно?

— Чего же скучать — работать надо. Каждая въ своемъ мѣстѣ кормится. Богатая. Сколько жениховались къ ней, да нѣтъ, вишь, ея согласія.

— Не стара, вѣрно?

— Нѣтъ, не стара. Лѣтъ шестидесяти будетъ, не больше.

Я расхохотался. Оказалось, впрочемъ, что лопари очень нетребовательны. Часто юноша, лѣтъ шестнадцати, здѣсь женится на перестаркѣ лѣтъ пятидесяти, а шестидесятилѣтній хозяинъ беретъ себѣ

молоденькую дѣвочку въ жены. И ничего! живутъ себѣ. Прекрасныхъ Еленъ нѣтъ между ними, и Менелаи не имѣютъ случая раскаяваться въ наложеніи на главу ихъ брачнаго вѣнца. Оффенбахъ тутъ умеръ бы съ досады. Для его оперетокъ Лапландія не дала бы никакой канвы. Измѣны, волокитства, разныя томленія амурнаго свойства— здѣсь неизвѣстны. Какъ-то я спрашивалъ:

— Неужели парни не ухаживаютъ за дѣвками?

— Нѣтъ. Развѣ какая-нибудь кабацкая теребень, ну такъ мы разомъ ограничимъ...

Къ тому же и матери строго глядятъ за дочерьми. Соблазнителя заставляютъ жениться на дѣвушкѣ, обезчещенной имъ, не только ея, но и его родные. Часто случается, что отецъ и мать выгоняютъ его изъ дому, если въ такомъ случаѣ онъ откажется отъ сладостныхъ узъ Гименея!

Итакъ, на ночлегъ приходилось пристать къ этой вѣжѣ. Мы были на серединѣ Мурдъ-озера. Кругомъ во тьму уходили окрестныя горы, и только Оленья тундра выдѣлялась даже во мракѣ, словно черная туча, нависшая надъ темною сталью тускло блиставшей воды... Не успѣли мы подплыть къ берегу, какъ все небо обложило тучами, даже туча Оленьей тундры слилась съ остальными. Вода почернѣла, и лодка плыла точно въ чернилахъ...

— Гляди въ оба теперь! крикнулъ весельщикъ лопарю, сидѣвшему у руля.

— Чего тутъ увидишь. На Божье произволеніе!.. Ишь обложникъ какой! Страсть!..

— А ты все-таки зоркай *)! Тутъ у берега корги есть.

— Поправѣй возьму, къ «Дѣвкиной пахтѣ» ближе, тамъ мѣсто чистое...

А тутъ еще какая-то влажная пыль заморосила въ воздухѣ.. Лодка повернула круто направо, нѣсколько времени шла параллельно съ берегомъ и только у «Дѣвкиной пахты» — большаго утеса, едва выдѣлявшагося изъ тьмы—приняла направленіе къ едва меледившейся въ отдаленіи вѣжѣ... Скоро киль нашего карбаса зашуршалъ по мягкому песчаному дну; сажени двѣ еще мы подвигались впередъ, упираясь веслами въ него и, наконецъ, носъ челнока словно защемило въ береговой насыпи...

— Ну, съ Богомъ!

Весельщикъ заоралъ. Въ отвѣтъ тявкнули собаки. Гдѣ-то словно заскрипѣла дверь.

— Здравствуй, мать!

---

*) *Зоркай*—гляди.

Лапландскій лѣсъ и лѣтнія юрты.

— А, богоданные!

Еще «не старая», шестидесятилѣтняя лапландская вдовица подошла къ намъ, какъ-то ковыляя въ сторону, точно что-то зачерпывая лѣвой ногой.

— Поди, рыбки потребуется?

— Да и костеръ надо бы.

— Полѣньевъ у меня сколько хошь сухихъ.

И гребцы заболтали съ нею по своему.

Не стану описывать этого ночлега. Во всемъ только и была одна особенность: способъ приготовленія сиговъ по-лапландски. Выпотрошивъ рыбу какъ-то снизу, не взрѣзая ей всего живота, почтенная матрона вдѣла въ нее тонкую березовую палочку, нижній конецъ которой она воткнула въ землю у костра. Рыба обжаривалась съ боковъ, причемъ лопка постоянно вертѣла палочку во всѣ стороны и какъ-то ухитрялась не упустить внизъ ни одной капли жира и сока. Въ результатѣ получилась превосходно сжаренная рыба, въ собственномъ соку. Ее подали мнѣ на чистомъ кускѣ бересты, играющей здѣсь родъ блюдъ и тарелокъ. Кожа рыбы отдѣлялась сама собою и трудно было найти что-либо лучше этого жирнаго и сочнаго мяса! Къ сожалѣнію, ни у меня, ни у лопки не было соли. Въ этотъ разъ еще ничего, но впослѣдствіи, около недѣли я провелъ безъ этой необходимой приправы и дошелъ до того, что при одномъ видѣ рыбы меня почти тошнило. Нужно прибавить, что хлѣба также не было и у лопарей. Въ Колѣ я не запасся имъ. Приходилось существовать только одною прѣсною рыбой!..

Эту ночь я провелъ, какъ и всѣ послѣдующія, подъ дождемъ. Ничего, спалось отлично и, во всякомъ случаѣ, меня не манило въ теплую и сухую вѣжу, гдѣ въ одну кучу свалялись и люди, и собаки, гдѣ цѣлыми клубами ходилъ удушливый паръ отъ дыханья и пахло березовыми вѣниками, которыми обыкновенно устилаютъ лопари свое неприхотливое жилье...

Среди ночи я проснулся и невольно вздрогнулъ.

Гдѣ-то вблизи плакалъ ребенокъ, всхлипывая и разражаясь, словно больнымъ, надорваннымъ рыданьемъ. Иногда плачъ прерывался стонами. «Не заблудилась ли какая-нибудь лопарка въ чернолѣсьѣ!» Я всталъ и разбудилъ спавшихъ. Прислушивались долго, наконецъ переглянулись, посмотрѣли на меня, почесались, зѣвнули вверхъ и пошли себѣ спать въ вѣжу.

— Что же вы, братцы, вѣдь человѣкъ, можетъ, пропадаетъ въ лѣсу! Нужно помочь.

— Ложись, спи... Сова это, наша, бунтуетъ... Теперь, поди, на промыселъ вышла. За малыми порхалицами, да кривцами охотничаетъ.

Оказалось, что стонала и плакала полярная сова. Она меня съ часъ мучила. На нервы дѣйствовало это рыданье. Точно кто нибудь рядомъ надрывается во всю мочь своего наболѣвшаго и истерзавшагося сердца. Прежде я только читалъ объ этомъ, но теперь ясно понялъ отвратительное вліяніе этой ночной хищницы на одинокихъ странниковъ, заночевавшихъ въ сѣверномъ лѣсу. Мнѣ еще въ Архангельскѣ разсказывали поморы, что охотники слышатъ въ такой чащѣ по ночамъ, какъ бѣдныя матери, потерявшія дѣтей, бѣгаютъ, ищутъ ихъ посреди сосноваго бора. Въ Кемскомъ уѣздѣ существуетъ даже опредѣленная легенда на это. У одной сорочанки родилось сразу трое ребятъ, и всѣ вышли здоровые, но черезъ двѣ недѣли почему-то разомъ умерли, въ одинъ часъ, вмѣстѣ, какъ и родились. Окрестить ихъ мать не успѣла и, слѣдовательно, на томъ свѣтѣ ей нельзя будетъ встрѣтиться съ ними. Такъ и случилось. Мать горевала, горевала, да и бросилась съ одной пахты въ глубь Бѣлаго моря. Вотъ она-то по ночамъ и бѣгаетъ, розыскивая между «лѣсными младенцами» трехъ некрещеныхъ сыновей, она-то и плачетъ, и стонетъ, и въ грудь себя бьетъ, оставляя клочки волосъ на всѣхъ кустахъ, подвертывающихся ей по дорогѣ. Сучья хлещутъ ей въ лицо, рвутъ ея тѣло, она все оступается, падаетъ, и такъ до зари. Какъ засвѣтитъ Божій день, мать опять уходитъ въ море, до слѣдующей ночи...

— А случалось ли видѣть кому-нибудь ее?

— Бывало это дѣло. Только ей на то предѣлъ положенъ. Какъ ежели кто ее увидитъ, такъ она до утра въ березу уходитъ. Потому пугать хрещеную душу ей заказано. Одинъ нашъ промышленникъ заночевалъ въ лѣсу. Только середь ночи просыпается, слышитъ, кто плачетъ да убивается около. Малый былъ неробкій, пошелъ на голосъ и видитъ, какъ разъ въ чащѣ, куда мѣсяцъ свѣтитъ, стоитъ баба, вся бѣлая и ревмя реветъ... Ну онъ издали перекрестилъ ее и молитву про себя сотворилъ, да и пошелъ прямо на оборотня. Что же бы вы думали, братцы-свѣты? Вѣдь молитва помогла; подходитъ парень, а, замѣсто бабы морской—передъ нимъ береза бѣлая...

Наконецъ, лежать не въ мочь стало. Дождь уже не моросилъ, а пошелъ какъ слѣдуетъ, во всю мочь. Я разбудилъ лопаря, и вмѣстѣ съ нимъ мы вытащили на берегъ и опрокинули килемъ вверхъ лодку. Примостившись подъ нею кое-какъ, я проспалъ до тѣхъ поръ, пока, въ свою очередь, самъ не былъ разбуженъ поморами.

— Вставай, надо еще много до утра пройти... Дорога дальняя, тяжелая.

Сѣли въ лодку, проплыли во тьмѣ еще нѣсколько времени и уже въ виду «нижняго порога» рѣки Колы, куда мы попали изъ Мурдъ-озера, вышли на берегъ...

— Тутъ одинъ чиновникъ шолъ—смѣхъ! вспомнилъ лопарь-проводникъ.

— А что?

— Дѣло такое... Толстъ онъ ужь очень. Какъ на эту тайболу вышли, прошелъ онъ версты двѣ и легъ животомъ внизъ. Убейте меня, говоритъ, голубчики, потому я дальше идти не могу! Ужь мы его и такъ и сякъ, и смѣшками шпыняли, и такъ его, словно дитя малое, ублажали — нѣтъ. «Не могу — нѣтъ моей моченьки!» Ну, мы пожалѣли его—на рукахъ понесли.

Дорога намъ, дѣйствительно, предстояла ужасная. Тайбола—камень на камнѣ. Три версты этихъ — больше тридцати верстъ показались. Мы дѣлали ихъ ровно шесть часовъ. Всюду неизбѣжный ягель. Тропинка, гдѣ она есть, огибаетъ каждый камешекъ, гдѣ ея нѣтъ—тамъ надо взбираться на скалы, сползать съ нихъ, иногда висѣть надъ проваломъ, въ другой разъ — карабкаться на почти отвѣсный скатъ. На каждомъ шагу горные ручьи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они пересѣкли дорогу и очень кстати. Затомишься такъ, что глотокъ этой чистой, студеной воды— блаженство. Лопари припадали поминутно. Я, весь мокрый отъ пота, тоже принялся пить.

— Теперь бѣгомъ бѣги! посовѣтовали мнѣ они.

— А что?

— Такую горловицу схватишь! Вода — ледъ. Одинъ промышленникъ не свычный шолъ; тотъ черезъ два дня и померъ отъ рȕчьевъ этихъ. Намъ только ничего. Потому мы привыкши.

А путь все труднѣе и труднѣе. Спускаешься, напримѣръ, съ вышины по узкой тропинкѣ, передъ тобою безграничная панорама лѣсныхъ вершинъ и озеръ внизу. Засмотришься, а тутъ подъ ногу подвернется предательски протянувшійся узловатый корень дерева, и летишь стремглавъ, встрѣчая грудью, спиной, головой и плечами острые выступы камня, гребни гранитной породы, массы затвердѣлаго бурелома. Наконецъ подымешься, разбитый, чтобы вновь ползти вверхъ, на головокружительную высоту. Послѣ этихъ трехъ, а въ сущности десяти верстъ, мучительной тайболы, развертывается, наконецъ, Пулъозеро, названное такъ еще ушкуйниками, потому что форма его напоминаетъ старинную монету пулу. Это—правильный, словно геометрически очерченный овалъ. Впереди, во все время плаванія по немъ, видна «Оленья тундра», только уже не та, которая окаймляетъ южную часть Мурдъ-озера, а вторая, носящая то же названіе, по обилію на ней, во время-оно, дикихъ оленей. Она также величава и высока, только еще мрачнѣй, отъ сплошь поросшаго на ней ягеля. Оленья тундра—первая еще хоть мѣстами, пятнами зеленѣетъ, тамъ хоть въ логахъ и ущельяхъ растетъ береза, ольха и сосна; тутъ же только

ягель. Словно хребетъ этотъ весь засыпанъ нетающимъ снѣгомъ. За то самое Пулъ-озеро со всѣхъ сторонъ обступилъ дремучій лѣсъ, гдѣ мѣшаются въ густой чащѣ ель, сосна и береза.

— Тутъ прежде вѣжа стояла, махнулъ внизъ лопарь. — Одинъ жонка жилъ. Теперь замужъ вышелъ.

— Какъ, лѣтомъ? Вѣдь теперь нѣтъ у васъ поди и попа?

— Нѣтъ. Попъ повѣнчаетъ потомъ. Да и то, сказываютъ, по закону нельзя. Мужу 65, а жонкѣ 63 года.

— И часто у васъ такія женятся?

— Отчего не жениться. Хозяйка нужна. Самъ пойдетъ на охоту — кто за тупой присмотритъ? Большакъ отлучится оленя ловить, рыбу ловить — кто ему все обладитъ и выть приготовитъ?.. Нельзя безъ жены.

— Да развѣ у васъ случается, что 65 ти-лѣтніе большаки на охоту ходятъ?

— Отчего—нѣтъ.

Я кстати припомнилъ, не помню уже чье, указаніе на то, что лопари рѣдко переживаютъ пятидесяти-лѣтній возрастъ. Потомъ мнѣ случалось встрѣчать людей, еще свѣжихъ и бодрыхъ, восьмидесяти лѣтъ. Вѣрь очевидцамъ!

— На этой Оленьей горѣ чудовище живетъ.

— Какое? заинтересовался я.

— Ксенгландь...

— Огромнѣющая птица, пояснилъ другой. — Оленя ѣстъ; можетъ медвѣдя одной лапой захватить и унести вверхъ...

— Зато нонѣ дикаго оленя на этихъ мѣстахъ не стало. Всѣ оленьи тундры оскудѣли имъ. Тамъ теперь домашній, кормленый олень пасется. Дикаго тутъ въ диковину не найти. А прежде было безсчетно. Каждый охотникъ по 100, по 150 въ годъ билъ.

Проплыли мы по Пулъ-озеру; за нимъ узкій протокъ — и опять новое Пулъ-озеро, точно такой же красивой формы.

— Тутъ ихъ нѣсколько пулъ! Точно на заказъ такія дѣланы. Развѣ что одно меньше, другое больше, за то всѣ круглыя, да тихія такія Рай—мѣста!

Опять скверная тайбола на четыре версты и затѣмъ Коло-озеро. Лѣсистые, пологіе берега, за ними смутно намѣченныя, едва всколышенныя пространства, а въ самой дали марево нѣсколькихъ оленьихъ тундръ, словно какой паръ сталъ и застылъ тамъ въ неизмѣняющуюся форму и синѣетъ подъ солнцемъ теплаго дня. Тучи, проходя мимо, задѣваютъ ихъ...

Вѣтеръ поднялся противный и разомъ, безъ всякаго перехода. по

неподвижному дотолѣ зеркалу водъ, прокатились громадныя, почти морскія волны, только круче и шибче, чѣмъ въ морѣ.

— Эко втора *)!

— А что? Волненіе только.

— Погоди, что еще будетъ!..

Дѣйствительно, волны становились выше, круче и шибче. Правильныя сначала гряды ихъ—стали извиваться, разбиваться, перепутываться. Наконецъ, волненіе стало такимъ, какъ вода въ котлѣ, крутокипящая на сильномъ огнѣ. На каждомъ шагу вспухало озеро, чтобы сейчасъ же, на мѣстѣ этого вспѣненнаго холма, образовалась бездна. Эти холмы встрѣчались, сталкивались, вершины ихъ разбивались и цѣлая масса брызгъ взлетала кверху! Бѣлые барашки зазмѣились на гребняхъ этого неправильнаго волненія. Лодку не качало, а какъ-то подбрасывало, шатало. Она, словно живая, вздрагивала, киль трещалъ. Наконецъ, насъ начало захлестывать. Нѣсколько разъ мы черпнули воду бортами... Два или три гребня прокатилось черезъ...

— Нужно править къ берегу, по вѣтру, что Богъ дастъ.

Я согласился. Рулевой перемѣнилъ курсъ судна, какъ онъ называлъ нашъ карбасъ. Но и отъ этого не было легче. Сзади набѣжала волна, лизнула корму и перекатилась въ лодку гребнемъ своимъ. Потомъ другая сбоку—тоже. Едва удавалось, сначала, выливать воду берестянымъ туисомъ (родъ бурака), но, къ несчастію, внизу послышался трескъ, и лопари бросили весла. По оторопѣвшимъ лицамъ — я догадался, что намъ грозитъ серьезная опасность.

Оставался одинъ исходъ и весьма рискованный—поставить парусъ.

Нечего было толковать съ весельщиками, совершенно растерявшимися. Я обратился къ рулевому.

— Что Богъ дастъ, а попытаться надо! рѣшилъ онъ, и кое-какъ парусъ былъ установленъ.

Лодка черпнула, было, воды сначала, но мы всѣ насѣли на одну сторону, а рулевой взялъ шкотъ такъ, что вѣтеръ дулъ уже въ бокъ лодки. Карбасъ пошелъ, чисто избочась. Киль приходился уже не внизу, а почти сбоку. Такимъ образомъ, волны не захлестывали спереди, противъ курса, а заднія, порою вливавшіяся къ намъ, также быстро выливались обратно. Спустя минутъ десять такого страннаго плаванія, мы уже были на берегу.

Берега Коло-озера состоятъ исключительно изъ одного легкаго камня. Ни земли, ни песку нѣтъ. Взглядъ, долго стѣсненный узкимъ горизонтомъ лѣсныхъ тропинокъ, съ удовольствіемъ останавливается на этомъ просторѣ.

---

*) Втора—бѣда.

Скоро вѣтеръ упалъ. Послѣднія тучи сбѣжали, дали раздвинулись— и я только тогда замѣтилъ на югѣ какія-то темныя массы. Точно тамъ скоплялись новыя грозовыя массы. Противъ этого говорила ихъ неподвижность и неизмѣняемость.

— Что это?

— Хибины.

Я невольно вздрогнулъ. Передъ нами было средоточіе Лапландіи— горныя массы, составляющія центръ и стержень этого громаднаго полуострова. Отсюда были видны два величавыя плоскогорья, словно пьедесталы, изорванные провалами и откосами. Справа и слѣва еще нѣсколько валовъ... Но все это однообразно сине. Ни оттѣнковъ, ни свѣтовыхъ полосъ. Они еще очень далеко, но ихъ грандіозныя формы уже дышатъ величіемъ и полярною мрачностью...

Вообще, отсюда всѣ дали заставлены горами. Позади и съ боковъ полукружіе разныхъ Оленьихъ тундръ, впереди темя Лапландіи—Хибины. Какъ-то настраиваешься на торжественный ладъ, ждешь чего-то особеннаго среди этого простора, далей котораго не портятъ даже мрачные хребты. Будь они глаже, будь формы ихъ отчетливѣй, не такъ туманны—и безграничность пейзажа исчезла бы. А тутъ горы кажутся сами только нѣсколько болѣе сгущенною синью той же манящей дали... И радостно бьется сердце, и невольно выростаешь— лицомъ къ лицу съ этимъ полярнымъ захолустьемъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Бѣлое море.

Стр.

Отплытіе изъ Архангельска. — Бѣлое море. — Плаваніе въ туманѣ. — Крушеніе судовъ. — Какъ вымираютъ люди на сѣверныхъ островахъ 3

Моржовецъ. — Становище Девятое. — Поной. — Св. Носъ. — Гдѣ начинается океанъ? — Легенда о заклятіи червя 21

Мурманъ и сѣверная Норвегія.

I. Общее положеніе мурманскаго промысла 37

II. Отъ Святаго Носа до становища Тириберка 59

III. Отъ Тириберки до Еретиковъ 84

IV. Отъ Губы-Уры до Вайдо-Губы 104

V. Отъ Вайдо-Губы до норвежской границы 131

VI. Колонизація и колоніи Мурманскаго берега 147

VII. Варде-Хузъ 169

VIII. Отъ Вардо до Колы 182

Лапландія.

Сказки и пѣсни лопарей 195

Поѣздка въ Кандалакшу.

I. На пароходѣ „Качаловъ“ 217

II. Кандалакша 223

III. На высотѣ 230

IV. Семужій заборъ 238

V. Отъѣздъ 244

VI. Какъ упалъ сельдяной промыселъ 246

По бездорожью.

Поѣздка въ русскую Лапландію и сѣверную Норвегію 253

Новая Земля и Вайгачъ.

I. Новая Земля 351

Видъ Новой Земли 352

Стр.

Положеніе острова и берега его 354
Строеніе Новой Земли, ея температура, флора и фауна 363
Что даетъ Новая Земля промышленнику 368
II. Вайгачъ-островъ 375

Племена глухаго угла.

Самоѣды. 385
Корелы 421
Зыряне 432
Уральскіе казаки. 441
Бродячіе и осѣдлые остяки 446
Юраки. 453
Чукчи 459
Камчадалы 469
Алеуты. 479
Лопари. 485

По горамъ и озерамъ сѣвернаго поморья.

Пѣшкомъ и въ лодкѣ. 501
Въ виду первыхъ горъ. 513

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

					НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ:
243	страница,	2-я	строка	снизу	Солонецъ,	Соловки.
253	»	11-я	»	»	ябеля	ягеля.
255	»	17-я	»	»	тресковую массу	тресковую максу.
259	»	21-я	»	»	выставляя	выстилающаго.
261	»	9-я	»	»	съ гребной высоты	съ гребня высокихъ скалъ.
311	»	17-я	»	сверху	солью насыщена	сильно насыщена.
337	»	9-я	»	снизу	Слабунка	Шабунинъ
377	»	9-я	»	сверху	сіяющую	зіяющую.

Иваново
Средняя Школа № 32
БИБЛИОТЕКА

3 131ST2 53 005 BA
6137

DK501
N4

DK 501 .N4 C.1
Strana kholoda.
Stanford University Libraries
3 6105 038 835 174

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305